

ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ҰГРЕДІГ ПАЗА НАУКА МИНИСТЕРСТВОЗЫ
ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ХАЗНА БЮДЖЕТ НАУКА-ІСТЕЗІГ УЧРЕЖДЕНИЕЗИ
«ХАКАСИЯНЫҢ ТІЛ, ЛИТЕРАТУРА ПАЗА ТАРХЫН НАУКА-ІСТЕЗІГ ИНСТИТУДЫ»

СОЙАН-АЛТАЙДАҒЫ ПАЗА ХОСТИ ЧИРЛЕРДЕГІ ЧОННАР ПАЗА КУЛЬТУРАЛАР

Хакас тілі науказының пастағчыларының Д. Ф. Патачакованың 100 чазына,
М. И. Боргояковтың 90 чазына паза Хакас тілі чылына чарыдылчатхан
VII-чі Чоннар аразындағы наука конференциязының материаллары
(2020 ч. ұртүн айының 23–24 күннері)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ «ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ»

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы VII Международной научной конференции,
посвященной Году хакасского языка и юбилейным датам
со дня рождения основоположников хакасского языкознания:
100-летию Д. Ф. Патачаковой и 90-летию М. И. Боргоякова
(23–24 сентября 2020 г.)

PEOPLES AND CULTURES OF THE SAYAN-ALTAI AND BORDERING TERRITORIES

Proceedings of the 7th International Scientific Conference
dedicated to the year of the Khakass language
and anniversaries from the birth of the founders of Khakass linguistics,
the 100th anniversary of D. F. Patachakova and the 90th anniversary of M. I. Borgoyakov
(September, 23–24, 2020)

АБАКАН
ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ В. М. ТОРОСОВА
2020

УДК 80/81+94(47)+39
ББК 80/84+63.5+ 63.3(2)
Н28

Рецензенты:

М.Д. Чертыкова, д-р филол. наук
Н.О. Тадышева, канд. ист. наук

Ответственный редактор:
Н.С. Майнагашева, канд. филол. наук

Редакционная коллегия:

И.В. Чанкова, канд. филос. наук; *И.М. Чебочакова*, канд. филол. наук;
Л.В. Челтыгмашева, канд. филол. наук; *Ю.Н. Есин*, канд. ист. наук;
Т.А. Кискидосова, канд. ист. наук; *Ю.И. Чаптыкова*, канд. филол. наук;
Е.С. Торокова, канд. филол. наук; *В.К. Чертыков*, канд. ист. наук;
О.Л. Лушникова, канд. соц. наук

Ответственный секретарь:
И.В. Чанкова, канд. филос. наук

Редактор-переводчик:
Д.И. Мечтанова

Н28 **Народы и культуры Саяно-Алтая** и сопредельных территорий: материалы VII Международной научной конференции, посвященной Году хакасского языка и юбилейным датам со дня рождения основоположников хакасского языкознания : 100-летию Д. Ф. Патачаковой и 90-летию М. И. Боргоякова (23–24 сентября 2020 г.). – Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2020. – 284 с.

ISBN ISBN 978-5-7090-0915-5

В настоящий сборник вошли статьи ученых и молодых исследователей научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья, посвященные актуальным вопросам филологии, истории, философии и социологии.

Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов опубликованных статей.

УДК 80/81+94(47)+39
ББК 80/84+63.5+ 63.3(2)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тюркские языки Сибири: прошлое, настоящее, будущее

Вклад выдающихся лингвистов Д. Ф. Патачаковой и М. И. Боргоякова в становление и развитие хакасского языкознания

<i>Абдина Р. П.</i> Словообразование и способы номинации молочных блюд в диалектах хакасского языка	9
<i>Белоглазов П. Е.</i> Работа М. И. Боргоякова «Источники и история изучения хакасского языка»	14
<i>Бутанаев В. Я.</i> Проблемы хакасского языкознания, затронутые в переписке с Д. Ф. Патачаковой	19
<i>Доможакова О. В., Танбаева А. А.</i> Ежегодная региональная олимпиада по хакасскому языку и литературе им. М. И. Боргоякова как возможность профессиональной ориентации школьников, их самореализации и развития талантов.	23
<i>Енчинов Э. В.</i> Языковые предпочтения в сфере общения в Майминском и Чемальском районах Республики Алтай (по результатам мониторинга языковой ситуации в Республике Алтай в 2019 г.)	26
<i>Каксин А. Д.</i> Койбалский говор хакасского языка: основные типологические признаки	30
<i>Каскаракова З. Е.</i> Вклад Д. Ф. Патачаковой в развитие лексикографии хакасского языка	33
<i>Кузнецова М. А.</i> Формирование социокультурной компетенции на занятиях по русскому языку посредством коротких аутентичных видеоматериалов	35
<i>Кызласов А. С.</i> Вклад М. И. Боргоякова в становление хакасского языкознания	38
<i>Претес Дж.</i> Полисемия послелогов в хакасском языке	42
<i>Серээдар Н. Ч.</i> Реляционные модели в тувинском языке	52
<i>Субракова В. В.</i> Вклад Михаила Ивановича Боргоякова в исследование фонетики хакасского языка	59
<i>Товуу С. С.</i> Реализация государственной языковой политики в области преподавания родного (тувинского) языка в Республике Тыва	63
<i>Токтосунова А. М.</i> Виды диалога в художественных текстах произведений кыргызских писателей с точки зрения семантики	67
<i>Чебочакова И. М.</i> О роли трудов известного ученого-хакасоведа Д. Ф. Патачаковой в развитии хакасского языкознания	70
<i>Чертыкова М. Д.</i> Женская красота в хакасском концептуальном пространстве	72
<i>Чумакаев А. Э.</i> Топонимика села Актел и его окрестностей	76
<i>Уртегешев Н. С.</i> Разные типы зашумления гласных (на материале шорского и калмакского языков)	83

Народы Сибири в прошлом и настоящем

<i>Алексеева С. А.</i> Интеллектуальное наследие Виктора Николаевича Васильева: о Карагасо-Сойотской экспедиции МАЭ 1908 года	86
<i>Анжиганова Л. В.</i> Этнический капитал как ресурс ревитализации субъектности этноса	90
<i>Бадалов Э. С.</i> География расселения тюркских народов	94
<i>Беневаденская Е. Н.</i> Краеведческие общества Сибири и формирование памяти о революционных событиях (1920–1930-е гг.)	99
<i>Бродников А. А.</i> Укрепление южных границ Енисейского уезда в 1667 г.	102
<i>Вртанесян Г. С.</i> Календарные мотивы в наскальном искусстве Южной Сибири	107
<i>Есин Ю. Н.</i> Дворец правителя хунну в землях кыргызов	111
<i>Кимеев В. М.</i> Культурные символы современных шорцев	116
<i>Кыржинаков А. А.</i> Домашнее производство хакасов в XIX–XX вв.	119
<i>Логачева А. С.</i> К вопросу о самосознании хакасского этноса	124
<i>Лушникова О. Л.</i> Ценностные ориентации сельского населения Хакасии	127
<i>Нилогов А. С.</i> Документальная реконструкция родословной И. Н. Картиной-Карачаковой	133

<i>Орешикова Ю. А.</i> Становление хакасской письменности в 1920–1930-е гг. как важный этап истории развития языка (по документам Национального архива Республики Хакасия)	137
<i>Осава Т., Есин Ю. Н.</i> Недавно обнаруженные рунические надписи на Боярском хребте (Хакасия)	140
<i>Прищепина Е. В.</i> Малоизвестные типы жилищ у хакасов и проблемы их изучения	143
<i>Самрина Е. В.</i> «Инородческая» администрация хакасов в первой половине XIX в.	148
<i>Смолина И. Г.</i> Некоторые аспекты истории выборов: демократическое избрание власти	152
<i>Соегов М.</i> О графических портретах и словесных характеристиках Махтумкули-хана, сына Нурберди-хана (в связи со 140-летием героической обороны крепости Денгиль / Дингли-тепе)	156
<i>Тиникова Е. Е.</i> Социальный компонент социокультурного развития городских поселений Южной Сибири (современный период)	161
<i>Титова Т. А., Гущина Е. Г.</i> Репрезентация образа алтайского шамана: коллекция Н.Ф. Катанова в собрании этнографического музея Казанского университета	166
<i>Трошкина И. Н.</i> Демографо-экономические аспекты состояния хакасского этноса	169
<i>Турсун Ж.</i> О «железе дождя» в стране кыргызов в раннем средневековье	177
<i>Чанкова И. В.</i> Распространение буддизма на территории Республики Хакасия	180
<i>Чернышёва В. Г.</i> Этнокультурное наследие коренных народов Сибири и Дальнего Востока в коллекциях Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова	183
<i>Чертыхов В. К.</i> О дате основания села Усть-Абаканское	190
<i>Шапошников Г. М.</i> Состояние безработицы сельского населения в республиках Южной Сибири и пути ее сокращения	192
<i>Шулбаев В. К.</i> Хакасия в рейтинге инновационных регионов Российской Федерации	196
<i>Щанкина Л. Н.</i> Промыслы мордовских переселенцев Иркутской области и Республики Хакасия в конце XIX – начале XX вв.	200
<i>Эшматова Г. Б.</i> Переход на оседлость кочевых и полукочевых хозяйств Ойротской автономной области в условиях форсированной модернизации (1930–1940-е гг.)	205

Историко-культурное наследие народов Южной Сибири и сопредельных территорий

<i>Арбачакова Л. Н.</i> Современная эпическая традиция в Горной Шории	211
<i>Бакчиев Т. А.</i> Энергоинформационное поле эпоса	213
<i>Борисов А. А.</i> Исторический хакасский и якутский улус по данным героического эпоса	217
<i>Дедина М. С.</i> Принципы социалистического реализма как мировоззренческие установки в творчестве Чалчика Чунижекова	220
<i>Идиятуллина Г. Р.</i> Поэзия Лилии Гибадуллиной и ее обучение в школе	225
<i>Майнагашева Н. С.</i> К вопросу об изучении литератур народов России на современном этапе	226
<i>Ниссен Л.</i> Краткая история возрождения хая в 1990–20020-е гг. и его межкультурных связей	230
<i>Ооржак Л. Х.</i> «Алды аргалыг, беш мегелиг» или детализированный подход в преподавании с использованием тувинских пословиц	235
<i>Султангареева Р. А.</i> Сказитель (сэсэн) и сказительство тюрков: защита, модели пользования и принципы творческих традиций	241
<i>Тадышева Н. О.</i> Водная стихия в традиционной картине мира алтайцев	248
<i>Торокова Е. С.</i> Сравнения в хакасском эпосе (на материале эпических текстов, записанных В. В. Радловым)	253
<i>Уиницкий В. В.</i> Эпос «Манас»: историческая летопись этнической истории кыргызского народа	258
<i>Хусаинова Г. Р.</i> Типические места в эпосе тюркских народов (на материале башкирского и хакасского фольклора)	264
<i>Чаптыкова Ю. И.</i> Мифологическая основа мотива превращения в хакасском героическом эпосе	268
<i>Челтыгмашева Л. В.</i> Первый хакасский роман «В далёком аале» и его перевод на русский язык	272
<i>Чочиева А. С.</i> Символические образы в хакасской поэзии	275
<i>Яданова К. В.</i> Этимология слова <i>чайык</i> в алтайском языке	280

CONTENTS
Turkic languages of Siberia: past, present, future
**Contribution of distinguished linguists D. F. Patachakova and M. I. Borgoyakov
to formation and development of Khakass linguistics**

<i>Abdina R. P.</i> Word formation and methods of nominating dairy dishes in dialects of the Khakass language	9
<i>Beloglazov P. Ye.</i> M. I. Borgoyakov's work «Sources and history of study of the Khakass language»	14
<i>Butanaev V. Ya.</i> Issues of Khakass linguistics touched on in correspondence with D. F. Patachakova	19
<i>Domozhakova O. V., Tanbaeva A. A.</i> Annual Regional Olympiad in the Khakass language and literature named after M. I. Borgoyakov as an opportunity for professional orientation of schoolchildren, their self-realization and talent development	23
<i>Enchinov E. V.</i> Language preferences in the field of communication in the Maymin and Chermal Districts of the Republic of Altai (on the results of monitoring the language situation in the Republic of Altai in 2019)	26
<i>Kaksin A. D.</i> The Koibal parlance of the Khakass language: main typological features	30
<i>Kaskarakova Z. Ye.</i> D. F. Patachakova's contribution to the development of lexicography of the Khakass language	33
<i>Kuznetsova M. A.</i> Formation of socio-cultural competence on the basis of the Russian language classes through short authentic video materials	35
<i>Kyzlasov A. S.</i> M. I. Borgoyakov's contribution to the formation of Khakass linguistics	38
<i>Pretes J.</i> Postposition polysemy in Khakass	42
<i>Sereedar N. Ch.</i> Relational models in the Tuvinian language	52
<i>Subrakova V. V.</i> Mikhail Ivanovich Borgoyakov's contribution to the study of the phonetics of the Khakass language	59
<i>Tovuu S. S.</i> Implementation of the state language policy in the field of teaching the native (Tuvan) language in the Republic of Tuva	63
<i>Toktosunova A. M.</i> Types of dialogue in literary texts of Kyrgyz writers' works in terms of semantics	67
<i>Chebochakova I. M.</i> About the role of works of famous scientist, specialist of Khakass studies D. F. Patachakova in the development of Khakass linguistics	70
<i>Chertykova M. D.</i> Women's beauty in the khakass conceptual space	72
<i>Chumakaev A. E.</i> Toponymy of Aktyol village and its surrounding area	76
<i>Urtegeshev N. S.</i> Different types of vowel noise (based on the material of the Shor and Kalmak languages)	83

Peoples of Siberia in the past and present

<i>Alekseeva S. A.</i> Intellectual heritage of Viktor Nikolaevich Vasiliev: about the Karagas-Soyot expedition of the MAE in 1908	86
<i>Anzhiganova L. V.</i> Ethnic capital as resource for the ethnos's subjectivity revitalization	90
<i>Badalov E. S.</i> Geography of Turkic peoples' settlement	94
<i>Benevalenskaya E. N.</i> Local history societies of Siberia and the formation of memory of revolutionary events (1920–1930)	99
<i>Brodnikov A. A.</i> Strengthening of the southern borders of the Yeniseisk Uyezd in 1667	102
<i>Vrtanesyan G. S.</i> Calendar motifs in rock art of South Siberia	107
<i>Esin Yu. N.</i> The Xiongnu ruler's palace in the lands of the Kirghiz	111
<i>Kimeev V. M.</i> Religious symbols of the modern Shors	116
<i>Kyrzhinakov A. A.</i> Home production of the Khakass people in the 19th – 20th centuries	119
<i>Logachyova A. S.</i> To the issue of the Khakass ethnos's self-consciousness	124
<i>Lushnikova O. L.</i> Value orientations of the rural population of Khakassia	127
<i>Nilogov A. S.</i> Documentary reconstruction of I. N. Kartina-Karachakova's genealogy	133

<i>Oreshkova Yu. A.</i> Formation of Khakass writing in the 1920–1930s as an important stage of history of the language (on documents of the National archive of the Republic of Khakassia)	137
<i>Osawa T., Esin Yu. N.</i> Newly discovered runic inscriptions in the Boyary Ridge (Khakassia)	140
<i>Prishchepa Ye. V.</i> The Khakass' little-known types of dwellings and problems of their study	143
<i>Samrina E. V.</i> Khakass administration in the first half of the 19th century	148
<i>Smolina I. G.</i> Some aspects of the election history: democratic election of the government	152
<i>Soegov M.</i> About graphic portraits and verbal characteristics of Magtynguly Khan, son of Nurberdi Khan (to the 140th anniversary of the heroic defense of Dengil Fortress / Dingli-Tepe)	156
<i>Tinikova E. E.</i> Social component of socio-cultural development of urban settlements in South Siberia (modern period)	161
<i>Titova T. A., Gushchina E. G.</i> Representation of an Altai shaman's image: collection of N. F. Katanov at the ethnographic museum of Kazan university	166
<i>Troshkina I. N.</i> Demographic and economic state aspects of the Khakass ethnos	169
<i>Tursun J.</i> On "raining iron" in the Qırqız land in the early Middle Ages	177
<i>Chankova I. V.</i> Spread of Buddhism in the Republic of Khakassia	180
<i>Chernyshyova V. G.</i> Ethno-cultural heritage of the indigenous peoples of Siberia and the Far East in the collections of N. M. Martyanov Minusinsk Museum	183
<i>Chertykov V. K.</i> About the foundation date of Ust-Abakan village	190
<i>Shaposhnikov G. M.</i> The rate of unemployment of the rural population in the republics of the South Siberia and the ways to reduce it	192
<i>Shulbaev V. K.</i> Khakassia in the rating of innovative regions of the Russian Federation	196
<i>Shchankina L. N.</i> Crafts of Mordovian immigrants of the Irkutsk Region and the Republic of Khakassia in the late 19th – early 21st centuries	200
<i>Eshmatova G. B.</i> Transition to settlement of nomadic and semi-nomadic farms of the Oyrot Autonomous Region in the conditions of forced modernization (1930–1940)	205

Historical and cultural heritage of peoples in South Siberia and bordering territories

<i>Arbachakova L. N.</i> Contemporary epic tradition in Mountain Shoria	211
<i>Bakchiev T. A.</i> Energy-informational field of the epos	213
<i>Borisov A. A.</i> Historical Khakass and Yakutsk ulus on materials of the heroic epos	217
<i>Dedina M. S.</i> The principles of socialist realism as worldview attitudes in Chalchik Chunizhekov's works	220
<i>Idiyatullina G. R.</i> Liliya Gibadullina's poetry and studying her works at school	225
<i>Mainagasheva N. S.</i> On the issue of studying literatures of the peoples of Russia at the present stage	226
<i>Nyssen L.</i> A short history of xai revitalization (1990–2002) and its intercultural ties	230
<i>Oorzhak L. Kh.</i> "Aldy argalyg, besh megelig" or a detailed approach to teaching using Tuvinian proverbs	235
<i>Sultangareeva R. A.</i> The Turks' storyteller (sasan) and storytelling: protection, usage models and principles of creative traditions	241
<i>Tadysheva N. O.</i> Water element in the Altaians' traditional worldview	248
<i>Torokova E. S.</i> Comparisons in Khakass epos (based on epic texts written by V. V. Radlov)	253
<i>Ushnitsky V. V.</i> Epos "Manas": historical chronicles of the ethnic history of the Kyrgyz people	258
<i>Khusainova G. R.</i> Typical places in the Turkic peoples' epos (based on Bashkir and Khakass folklore)	264
<i>Chaptykova Yu. I.</i> Mythological basis of transformation motifs in Khakass heroic epos	268
<i>Cheltygmasheva L. V.</i> The first Khakass novel «In the distant aal» and its Russian translation	272
<i>Chochieva A. S.</i> Symbolic images in Khakass poetry	275
<i>Yadanova K. V.</i> Etymology of lexeme "chayik" in the Altaian language	280

**ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ СИБИРИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

**ВКЛАД ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИНГВИСТОВ Д.Ф. ПАТАЧАКОВОЙ
И М.И. БОРГОЯКОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ХАКАССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Р. П. Абдина

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ МОЛОЧНЫХ БЛЮД
В ДИАЛЕКТАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА**

Статья посвящена описанию формальных и содержательных способов образования наименований молочных блюд в диалектах хакасского языка с привлечением материалов из других родственных языков. Основу наименования молочных блюд и продуктов составляют однословные лексемы. В основе мотивации наименований молочных блюд лежат различные когнитивные модели категоризации. Большинство терминов образовано морфологическим способом при помощи аффиксов, образующих существительные со значением результата действия.

Ключевые слова: лексика, хакасский язык, словообразование, способы номинации, молочные блюда, тюркские языки.

R. P. Abdina

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

**WORD FORMATION AND METHODS OF NOMINATING DAIRY DISHES
IN DIALECTS OF THE KHAKASS LANGUAGE**

The article is devoted to the description of formal and meaningful ways of forming names of dairy dishes in the dialects of the Khakass language with the involvement of materials from other related languages. The basis of the names of dairy dishes and products are one-word lexemes. The basis of motivation kinds of dairy dishes based on different cognitive models of categorization. Most terms are formed morphologically using affixes that form nouns with the meaning of the result of an action.

Keywords: vocabulary, Khakass language, word formation, methods of nomination, dairy dishes, Turkic languages.

Словообразование как элемент системы языка – это, прежде всего, область моделирования особых единиц номинации – производных слов. Образование производных слов – один из самых продуктивных, экономных и емких способов реализации репрезентативно-номинативной деятельности языка. Подавляющее большинство новообразований создаётся посредством тех словообразовательных способов и средств, которыми располагает тот или иной язык. В данной статье мы представим словообразовательные модели и способы номинации молочных блюд и продуктов в хакасском языке. По мнению многих исследователей, традици-

онная пища любого этноса является одним из самых важных и древних компонентов его существования: «Пища – это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты» [Арутюнов, 2001. С. 10]. Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, пласт лексики, обозначающий продукты питания, является одним из малоосвещенных проблем в рамках хакасского и сравнительного тюркского языкознания; во-вторых, лексика питания, как и сами традиционные блюда, архивизируется или полностью выходит из употребления. Выявление и изучение таких слов дает

ценный материал для реконструкции семантического развития лексики тюркских языков и других смежных дисциплин. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в хакасском языкознании представлен словообразовательный анализ наименований молочных блюд в диалектах хакасского языка. Некоторые наименования традиционных блюд и продуктов представлены в работах А.А. Кузнецовой и П.Е. Кулакова [1898], К.М. Патачакова [1982], В.Я. Бутанаева [1996] и др. Труды этих ученых в большей степени носят этнографический характер, тогда как специальных лингвистических исследований этой тематической группы лексики в хакасском языке не проводилось. Целью статьи является словообразовательный анализ лексики, обозначающей названия молочных продуктов и блюд в диалектах хакасского языка, с привлечением материалов из других тюркских и монгольских языков.

Из молочных блюд хакасы употребляют в пищу преимущественно коровье молоко и продукты, приготовленные из него. Ранее, кроме коровы, хакасы доили коз и кобыл. Однако в немногих поздних работах этнографов отмечается то, что хакасы козьего и овечьего молока не употребляют, но кумыс из кобыльего молока продолжают делать в некоторых улусах Абаканской управы [Кузнецова, 1892. С. 218; Патачаков, 1982. С. 87]. Представим названия молочных блюд и продуктов в хакасском языке: *сүт* ‘молоко / молочный’. Слово *сүт* ‘молоко’ является общим для всех диалектов хакасского языка. Оно происходит от пратюркск. *sūt* ‘молоко’, от которого произошло др.-тюрк. *sūt* ‘молоко’. В настоящее время это наименование в различных фонетических вариантах представлено во многих тюркских и монгольских языках: ср. др.-тюрк., каз., туркм., кирг., к.-калп., карач.-балк. *сют*, азерб. *сюд*, чув. *сет*, тат. *сет*, монг. *сют*, якут. *юут*. Для обозначения разновидностей молока в хакасском языке существует группа составных терминов, базовым компонентом которых является слово *сүт*. Названия молока можно квалифицировать по: характеристикам молока, полученного от различных животных: *инек сүдү* ‘коровье молоко’; *өске сүдү* ‘козье молоко’; *чылгы сүдү* ‘кобылье молоко’; степени жирности молока: *хойыг сүт* (букв. густое молоко) ‘жирное молоко’; *суух сүт* (букв. жидкое молоко) ‘нежирное молоко’; *ах сүт* (букв. белое молоко)

‘цельное молоко’; *көк сүт* (букв. голубое молоко) ‘жидкое молоко, обрат’.

В качестве слов – определений первой группы используются слова, называющее млекопитающее, которому принадлежит молоко. В терминах, обозначающих качество молока, приводятся антонимы (*хойыг – суух*).

У хакасов молоко в свежем и кипяченом виде по преимуществу является детской пищей. Взрослые редко его употребляют в чистом виде, обычно с чаем и вместе с другими продуктами. Из молока получали разные продукты, блюда и напитки. Представим их названия: *оос* ‘молозиво, даваемое коровой в первые пять дней после отела’. *Оос* варили, после чего получалось блюдо, похожее на яичницу. Хакасы редко употребляли *оос*, обычно его отдавали телятам. Слово *оос* в различных фонетических вариантах встречается во многих тюркских языках: башк. *ууыз*, казах., *уыз сүт*, кирг. *ууз*, карач.-балк. *ууз*, кум. *увуз*, азерб. *агъыз*, узб. *огъиз сүти*, уйг. *огуз*, ‘молозиво’, ‘сливки’.

Чиген ‘кислое молоко, напиток из кислого молока’. По всей видимости, слово *чиген* образовалось при помощи малоупотребительного словообразующего аффикса *-ен*, образующего интенсивную форму существительного от существительного *чиг* ‘недоспевший’.

Узаан сүт, *узаанах*, саг. *прастас*, кыз. *пүүреен*, кач. *чоорт* ‘простокваша’. В хакасском языке изначальная этимология *узаан сүт*, *узаанах* могла бы быть представлена как ‘уснувшее молоко’, однако корневая основа *узаан/узаанах* имеет другие, более глубокие корни. По мнению исследователей, данное слово произошло от тюркской основы *уйа-* ‘заквашивать молоко, свертываться’ [Этимологический словарь тюркских языков, 1974. С. 574]. Эта корневая основа в подобных значениях имеется практически во всех тюркских языках: башк. *ууыз*, казах., *уыз сүт*, кирг. *ууз*, карач.-балк. *ууз / ырпыс*, кум. *увуз*, азерб. *агъыз*, узб. *огъиз сүти*, уйг. *отуз*. Характерной особенностью хакасского языка является то, что в определенной группе слов во всех диалектах употребляется *с/з* в середине слов вместо *й* в других тюркских языках. Например: хак. *асхыр*, алт. *айгыр* ‘жеребец’, хак. *хазың*, алт. *кайын* ‘береза’. Это объясняет появление *з* в слове *узаан* вместо *й* в других тюркских языках. Сагайский вариант обозначения простокваши словом *прастас* является лексическим диалек-

тизмом и, по всей видимости, заимствован из русского языка (*простокваша*). Кызыльский вариант *пүүреен* образован морфологическим способом от глагольной основы *пүүре-* ‘киснуть, кваситься’ при помощи малоупотребительного аффикса *-ен*. Качинский вариант *чоорт* относится к группе диалектизмов, отражающих связи диалекта с соседними тюркскими и нетюркскими языками, ср.: турк. *йогурт*, аз., тур. *йогурт*, кум., ног. *йувурт*, уз. *жургат*, кир. *журат*.

Сметен (разг.), саг. *öriңме/өреме*, чөкей, кыз. *хаймах* ‘сметана’.

Кызыльский вариант обозначения сметаны *хаймах* является общетюркским словом и имеет параллели во многих тюркских языках, с небольшими семантическими расхождениями. Например, др.-тюрк. *къайакъ* ‘сливки’, азерб. *гаймаг*, алт. *каймак* ‘сливки, снятые с кипяченого молока’, карач.-балк. *къаймакъ* ‘жировая пленка на поверхности кипяченого молока’, монг. *хайлмаг* ‘кушанье из пенки молока’, уйг. *каймак* ‘пенки, снятые с кипяченого молока’. Все эти семантические отличия обусловлены, на наш взгляд, различиями в способах изготовления самого продукта. Кызыльский вариант *хаймах* относится к группе диалектизмов, отражающих связи диалекта с соседними тюркскими и нетюркскими языками. Этим же словом *хаймах* в хакасском языке обозначается блюдо, приготовленное из свежих сливок следующим образом: сливки нужно вскипятить и охладить, по вкусу приправить ягодой, сахаром. Сагайский вариант слова *öriңме/өреме* многозначен и, помимо значения ‘сметана’, имеет следующие значения: «1) пенка (на кипяченом молоке), *пызыг өреме* блюдо из пенки (кипяченого молока); 2) молочное блюдо, мороженая сметана, снятая с кипяченого молока (блюдо типа мороженого)» [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 328]. Данное слово образовано от *öре* ‘верх, наверху’ + аффикс *-ме*. В основе мотивации этого слова лежит признак расположения продукта. Сагайский вариант слова *чөкей*, по всей видимости, заимствован из монгольского языка (*цөцгий* ‘сметана’).

Слово *сүт* в сочетании со словом *үстү* образует новое понятие: *сүт үстү* (букв.: верх молока) ‘сливки’. В некоторых тюркских языках сливки называли по этому же принципу, например, носители ногайского, карачаево-балкарского языков сливки называют *сют башы* (досл. ‘верх молока’).

Из сметаны изготавливают *хайах* ‘масло’. Подобный термин в значении ‘масло’ встречается во многих тюркских языках: азерб. *йагъ*, тур. *йаг*, туркм. *яг*, кумык., яв, узб. *егъ*, карач.-балк. *жау*, тув. *жаг.*, башк. диал. *йаг*. По мнению исследователей, *йа:г* – производное имя со значением результата действия от глагола *йа-* ‘сбивать масло’ [Этимологический словарь тюркских языков, 1989. С. 59]. По мнению исследователей хакасского языка, слово *хайах* является существительным со значением орудия, результата от глагольной основы *хайыл-* ‘растопливаться, таять’ и словообразовательного аффикса *-ах*, что, на наш взгляд, ошибочно. Мы же считаем, что хакасское слово *хайах* имеет также древнетюркскую основу – это *йа:г*. От данной основы, по мнению исследователей, происходит слово *йогурт*, которое во многих тюркских языках обозначает кислое, особым способом заквашенное молоко, свертки кислого молока, густое молоко и т.п. Ср.: турк. *йогурт*, аз., тур. *йогурт*, кум., ног. *йувурт*, уз. *жургат*, кир. *журат*, кач. *чоорт*. М. Рэсэнен полагает, что *о* в первом слоге *йогурт* появилось в результате контаминации с *йаг* ‘масло, жир’. По его мнению, уже на ранних этапах тюркских языков существовали формы *йогурт* и *йогрут*. А. Вамбери указывал на этимологическую связь этого слова с древнетюркскими основами *йогурт* и *йогун* ‘густой’. В дальнейшем многие исследователи считали *йогурт* производным от *йогур-* ‘месить, заквашивать, замешивать’ [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 1997. С. 516].

Сливочное масло в свежем виде хранится недолго, поэтому его перетапливают для получения топленого масла, которое хранится подолгу, независимо от разных температурных режимов. Для различия сливочного и топленого масла используются термины: *ах хайах* (букв. белое масло) ‘сливочное масло’; *хайылдырган хайах* (букв. растопленное масло) ‘топленое масло’. Кроме того, слово *хайах* с уточняющими определениями употребляется для передачи обозначения растительного масла: *сарыг хайах* (букв. желтое масло); *чагбан хайах* (букв. постное масло). Представим следующие названия молочных продуктов и блюд:

Пилемик ‘пахта’, *пилемик* употребляется в пищу в натуральном виде или перерабатывается в другие блюда.

Эңгей, саг. *іріткі* ‘творог’. Ср.: башк. *эжекэй* ‘творог’, кирг. *эжигей* ‘особый сорт творож-

ного сыра из кипяченого овечьего или козьего молока, алт. *эдъгей*, тув. *эжегэй* 'творог', монг. *эжегей* 'вареный творог'. Слово *эжекэй* и его варианты были заимствованы из монгольских языков. Сагайский вариант обозначения творога *іріткі* произошел от глагольной основы *ірі-* 'прокисать, свёртываться (о молоке)' при помощи образующего существительные аффикса *-кі*, данный аффикс с вариантами *-ха*, *(-ке)* встречается в единичных случаях.

Айран – 'кисломолочный напиток особой закваски, приготовленный из кислого коровьего молока'. Подобный напиток существует у многих тюркских народов. Ср.: др.-тюрк. *айран* 'напиток из кислого снятого коровьего молока', кирг., ног., туркм., к.-калп., тат. *айран* 'кислое молоко, разбавленное водой', азерб., караим., кумык. *айран* 'кислое молоко, пахтанье', каз., чув. *айран* 'кислое молоко'. По мнению Э.В. Севортяна, название *айран* восходит к общетюркской глагольной основе *айыр-* 'отделять'. Скорее всего, наименование *айран* обозначает 'пахтанье', так как оно появляется в результате «отделения» его от масла [Этимологический словарь тюркских языков, 1974. С. 216]. В современном хакасском языке слово *айран* рассматривается как нерасчленимая основа. Для получения дальнейших продуктов айран перегоняли на молочное вино (*айран арагазы*). После перегонки айрана в казане оставалась творожистая гуща, она обозначалась словами *поча*, *пардаа*, ср.: кирг. *borqoq* 'творожистая масса, остающаяся после перегонки водки из молока'. В качинском диалекте слово *поча* выступает синонимом к слову *аарчы*. Другое название этой массы – *эрмек* 'творожистая масса, остающаяся на стенках котла после перегонки айрана', ср.: башк. *эрмесек* 'творожная масса, полученная путем кипячения прокисшего молока до его свертывания', к.-калп. *иримшик* 'сыр', казах. *иримшик* 'пресный сыр', кирг. *иримчик* 'сыр домашнего приготовления'.

Представим продукты и блюда, приготовленные из этих продуктов: *аарчы* 'приправа, соус из кисловатого, творожистого осадка (поча), который оставался после перегонки вина из айрана'; *пічірө*, саг. *мүчирее*, *пүчүрее* 'кислые сушеные сырки'. Эти сырки изготавливают следующим образом: аарчы помещают в мешочек из холстины и дают стечь сыворотке. Оставшуюся густую массу сжимают, пропускают между пальцами либо через

мясорубку. Ленточки складывают на листы или противень и сушат на солнце. При приготовлении можно смешать с черемухой. Такие сырки могут использоваться как приправа или как самостоятельное блюдо, подаваемое с черемухой и/или топленным маслом.

Тохчах 'блюдо в форме колобка из размолотого *пічірө* с маслом'. Хочется отметить, что словом *тохчах* может обозначаться любое блюдо в форме колобка. Например, *тохчах* 'колобок из семян конопли (семена жарили, толкли и, скатав в комок с маслом и талканом, подавали к чаю)', *тохчах* 'колобок, слепленный из семян конопли и брюшного жира лошади', 'колобок, слепленный из талгана и брюшного жира лошади'. Названия этих блюд происходят по принципу переноса основного значения. Термин *тохчах* в обозначении блюда используется в переносном значении, прямое значение этого термина 'комок'.

Хурут/курут – 'сушёные сырки в форме лепешки'. Данное слово в различных фонетических вариантах и семантических функциях встречается и в других тюркских языках: башк. *тсорот* 'сыр особого приготовления', к.-калп. *курут* 'вид творога, сыр', казах. *курт* 'сушеный творог', кирг. *курут* 'сухой сыр, шарики или лепешки из отжатого или засушенного творога', узб., уйг. *курт* 'высушенная в виде небольших шариков сузьма', азерб. *гурут* 'высушенные шарики из процеженного кислого молока', туркм. *кьурт*, *гьурт* 'сушеный творог', чув. *карт* 'кушанье, приготовленное из молока, варенца, сахара и яиц', алт. *курут* 'сыр', др.-тюрк. *гурут*, *курут* 'высушенный творог, изготовленный особым способом в виде шариков'. Слово *хурут* произошло от глагольной основы *хуру-* 'сохнуть, высушиться' при помощи аффикса *-ты*, образующего существительные со значением результата действия.

Разновидности этого вида сыра хакасской кухни представлены следующими терминами: *хара хурут* (букв.: черный хурут) 'хурут, смешанный с молотой черемухой', либо 'хурут, копченный над очагом, при копчении он чернел от дыма и становился очень твердым'; *ах хурут* (букв.: белый хурут) 'мягкий хурут, сушенный на солнце'.

Пызылах – 'сыр, приготовленный из свежего молока'. Готовят его следующим образом: одну часть свежего молока довести при подогревании до появления пузырьков, но не кипятить, налить 0,5 части свежей простокваши и оставить на огне до появления сыворотки. Густую

массу, появившуюся сверху, снимают, выкладывают на специальную решетку и прижимают, чтобы вытекла сыворотка. Из процесса приготовления этого вида сыра можно предположить, что в основе мотивировки его названия лежит глагольная основа *пыс-* ‘вариться, доходить до готовности’.

Хыбыран – ‘сыворотка, напиток из нее, приправленный мёдом или сахаром’. Такой напиток используется как желчегонное средство.

Седем – ‘прохладительный напиток, приготовленный из аарчы с холодной водой’.

Хымыс – ‘кисломолочный напиток, изготавливаемый обычно из кобыльего молока’, ср.: др.-тюрк. *qıtız*, кирг. *кымыз*, каз. *қымыз*, башк. *кымыз*, тат. *кымыз*, тув. *хымыс* и др. У хакасов в 19 в. кумыс начинает вытесняться айраном.

Потхы – ‘каша из сметаны и муки’. Потхы готовится во многих хакасских семьях и в современное время. Рецепты его изготовления у хозяек разнятся. Самый распространенный рецепт: слегка сквашившуюся сметану нужно вскипятить, добавить муку, яйцо и айран, посолить и варить до появления масла.

Таким образом, ассортимент молочных блюд традиционной кухни хакасов насчитывает около двадцати различных блюд, их обозначения представлены 28 терминами, включая диалектные варианты. Основу наименований молочных блюд и продуктов составляют однословные лексемы. В основе мотивации наименований молочных блюд лежат различные когнитивные модели категоризации. Большинство терминов образовано аффиксальным способом, при помощи аффиксов, образующих существительные со значением результата действия. Сравнительный анализ представленных терминов в разрезе диалектных различий показы-

вает, что они могут быть дифференцированы по следующим критериям: 1) слова, отличающиеся от литературных по звуковому строению при общей их семантике (*nıçırö*, саг. *мүчирее*, *пүчүрее*); 2) лексические диалектизмы, т. е. слова, характерные лишь для определенного диалекта (*узаан сүт*, *узаанах*, саг. *прастас*, кыз. *пүүреен*, кач. *чоорт* ‘простокваша’; *сметен* (разг.), саг. *өріңме/өреме*, *чөкей*; кыз. *хаймах* ‘сметана’; *эңгей*, саг. *іріткі* ‘творог’); 3) слова, отражающие связи диалекта с соседними тюркскими и нетюркскими языками: кач. *чоорт* ‘простокваша’, ср.: турк. *йогурт*, аз., тур. *йогурт*, кум., ног. *йувурт*, уз. *жургат*, кир. *жураг*; саг. *чөкей* ‘сметана’, ср. монг. *цөцгий* ‘сметана’; кач. *хаймах* ‘сметана’, ср. др.-тюрк. *къайакъ* ‘сливки’, азерб. *гаймаг*; алт. *каймак* ‘сливки, снятые с кипяченого молока’, карач.-балк. *къаймакъ* ‘жировая пленка на поверхности кипяченого молока’, монг. *хайлмаг* ‘кушанье из пенки молока’, уйг. *каймак* ‘пенки, снятые с кипяченого молока’.

Хакасские лексемы, обозначающие наименования молочных блюд и продуктов, относятся к общетюркскому лексическому фонду. Заимствования составляют 7% из русского языка (саг. *прастас* от *простокваша*, *сметен* – *сметана*); из монгольского – саг. *чөкей* ‘сметана’, *эңкэй* ‘творог’.

В настоящее время многие традиционные блюда, приготовленные из молочных продуктов, выходят из употребления. Редко встречаются семьи, даже в сельской местности, где в качестве основного напитка используют айран. Все же хочется отметить, что на сегодняшний день идет тенденция восстановления традиционной хакасской кухни: во время национальных праздников проходят конкурсы, например, на лучшее изготовление айрана, ежегодно проходит день талгана и т. д.

Условные сокращения

азерб. – азербайджанский язык
алт. – алтайский язык
башк. – башкирский язык
бур. – бурятский язык
диал. – диалект
др.-тюрк. – древнетюркский язык
каз. – казахский язык
караим. – караимский язык
карач.-балк. – карачаево-балкарский язык
кач. – качинский диалект хакасского языка
кирг. – киргизский язык
к.-калп. – каракалпакский язык
кыз. – кызыльский диалект хакасского языка
кум. – кумыкский язык
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский язык

монг. – монгольский язык
ног. – ногайский язык
саг. – сагайский диалект хакасского языка
тат. – татарский язык
тоф. – тофаларский язык
тув. – тувинский язык
тур. – турецкий язык
турк. – туркменский язык
узб. – узбекский язык
уйг. – уйгурский язык
чаг. – чагатайский язык
чув. – чувашский язык
шор. – шорский язык
як. – якутский язык

Литература

Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 10–17.

Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. – Красноярск: Тип. Енисейского губ. упр., 1898. – 218 с.

Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1982. – 87 с.

Спасский Г. Сибирский вестник. Ч. II. – СПб., 1818. – С. 53–55.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.

Хакасско-русский словарь. Под общей ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Й». – М.: Наука, 1989. – 293 с.

П. Е. Белоглазов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

РАБОТА М. И. БОРГОЯКОВА «ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА»

В статье рассматривается работа М. И. Боргоякова «Источники и история изучения хакасского языка». Первыми прямыми письменными источниками для изучения фонетических и отчасти морфологических особенностей хакасских диалектов являются словарные материалы, собранные участниками экспедиций в XVII–XIX вв. Эти рукописные материалы выявлены хакасскими тюркологами в государственных архивах и рукописных отделах научных библиотек России. В анализируемой книге М. И. Боргоякова эти материалы по возможности собраны воедино, дается их общая характеристика, а также рассматриваются некоторые фонетические особенности бывших периферийных диалектов и говоров (кангатского, камасинского, кайдынского).

Источниками для исторического изучения хакасского языка также служат диалектные материалы, зафиксированные в трудах М. А. Кастрена, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова и др., данные современных хакасских диалектов. В работе даются краткие исторические сведения о прошлом хакасов (XVII–XIX вв.) и границах распространения их диалектных групп.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский язык, источники, история изучения хакасского языка и его диалектов, исчезнувшие диалекты и говоры.

P. Ye. Beloglazov

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

M. I. BORGoyAKOV'S WORK «SOURCES AND HISTORY OF STUDY OF THE KHAKASS LANGUAGE»

The article considers M. I. Borgoyakov's work «Sources and history of study of the Khakass language». The first direct written sources for studying the phonetic and partly morphological features of Khakass dialects are dictionary materials collected by participants of expeditions in the 17th-19th centuries. These handwritten materials were revealed by Khakass turkologists in the State Archives and manuscript departments of scientific libraries in Russia. In the analyzed M. I. Borgoyakov's book, these materials are collected together as far as possible, their general characteristics are given, and also some phonetic features of former peripheral dialects and parlances (kangat, kamasin, kaidyn) are considered.

Sources for historical study of the Khakass language are also dialect materials recorded in writing in the works of M. A. Kastren, V. V. Radlov, N. F. Katanov and others, data of modern Khakass dialects. The work provides brief historical information about the Khakass's past (17th – 19th centuries) and boundaries of distribution of their dialect groups.

Keywords: Turkic languages, Khakass language, sources, history of study of the Khakass language and its dialects, lost dialects and parlances.

М.И. Боргояков был крупнейшим ученым-тюркологом Хакасии, прекрасным организатором исследований по лингвистике, первым доктором филологических наук по хакасскому языкознанию, одним из авторов школьных учебников по синтаксису хакасского языка. Его научная деятельность многогранна, он занимался разработкой различных проблем языкознания: языка, его истории, исторической грамматики. Он заложил основы для исследования истории хакасского языка и его отношения к языку сарыг-югуров, языку древнеенисейских рунических памятников, соседним тюркским языкам и языку древнетюркских надписей, отдельным особенностям произношения в языке рунических надписей.

В 1979 г. Михаил Иванович защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы формирования и развития хакасского языка», которая явилась научно-теоретическим обобщением всей его творческой деятельности. Это была диссертация на материале современного хакасского языка, явившаяся значительным вкладом в изучение хакасского языка и его диалектов, здесь подробно анализируются прямые и косвенные источники и сохранившиеся до настоящего времени языковые материалы, по которым можно проследить историю формирования хакасского языка.

М.И. Боргояковым открыт ряд исчезнувших в прошлом веке диалектов и говоров хакасского языка, освещены процессы ассимиляции языков и народов в Южной Сибири, в Хакасии. Он увидел и показал интересную, сложную и драматическую картину языковых процессов, происходивших среди неизвестных нам носителей целых диалектов или говоров. Так, им открыты вымершие диалекты хакасского языка: камасинский, кангатский, кайдынский. Их носители частью вымерли, остальные ассимилировались другими народами.

В первой главе «Исторические сведения о прошлом хакасов и их языке» автор отмечает следующее: «Историю хакасского народа следует начинать с весьма отдаленного времени. В Хакасско-Минусинской котловине жили разные по происхождению и языку племена, которые смешались с прибывшими из Центральной Азии кыргызами, а также с некоторыми древнетюркскими родами. Ядро этого смешанного населения составили тюркоязычные кыргызы и тюркские роды, а также отюреченные впоследствии другие племена. Кыргызы и местные

тюрки, хотя и говорили на родственном тюркском языке, имели свои языковые особенности и обычаи.

Хакасы как народность сложились из различных родоплеменных групп тюркского и ассимилированного нетюркского происхождения. В формировании современных хакасов участвовали в основном тюркоязычные, а также кетоязычные, самодийские и угорские родоплеменные группы, населявшие в древности Саяно-Алтайское нагорье и степные районы юга Сибири» [Боргояков, 1981. С. 7–8].

Известно, что Хакасско-Минусинская котловина в XVII в. называлась в русских источниках «Киргизской землей», население делилось на четыре улуса (или княжества): Алтырский, Алтысарский, Езерский и Тубинский. Первые два улуса названы, очевидно, по принципу территориального расположения, последние два – по этнотопонимическому. Во всех улусах имелся господствующий род «кыргызы». Возможно, что они были потомками древних кыргызов. Основными, наиболее многочисленными родами, входившими в состав улусов были: в Алтысарском улусе – кизилы, в Езерском – качинцы, в Алтырском – сагайцы.

Этнический состав и территориальное расположение улусов

Алтырский улус

В него входили территория современных Уйбата, Абакана, Аскиза. К нему относились сагаи, бельгиры, саяны, желтые саяны (род сарыглар) и другие [Потапов, 1957. С. 32]. Господствующей группой здесь был, видимо, род кыргызы. В этот улус входило население верховьев Абакана, Мрассу и Томи. В XVII в. сагайцы и бельгиры жили в верховьях рек Абакана, Томи и Июса. К ним примыкали и другие родовые группы: каргинцы, кобийцы и другие.

Население Алтырского княжества говорило в большей части на «с/з» диалекте. Эта группа характеризуется следующими признаками: а) отсутствием в коренных словах звуков «ш/ж» и замещением их «с/з»; б) в конце слова переход «ч/ш» в «с» (*ас-* вместо *ач-*, *аш-* «открывать» и т. д.).

Но в тот же улус входили еще шорцы, а также некоторые алтайские роды (туба-кижи и др.). Граница расположения Алтырского улуса совпадает с ареалом распространения современного сагайского (вместе с бельтырским

говором), шорского диалектов хакасского языка и частично шорского языка. Эти наречия или говоры, естественно, взаимодействовали друг с другом. Поэтому неудивительно, что сагайцы и шорцы имеют значительные сходства в языке и культуре, что современный мрасский диалект шорского языка очень близок к хакасскому языку. Условно можно считать его диалектом хакасского языка.

Алтысарский улус

Алтысары в XVII в. занимали всю северную часть Минусинского и южную часть Ачинского уездов. Центром их улуса могли считаться Божье озеро и Июсы. В состав господствующей народности входили роды: кыргыз, соха, кашха, аргын (кызыльцы); роды ара, камлар, басагар, бугтин, ястых, ач представляли звероловецкие племена, входившие в состав княжества в качестве кыштымов [Козьмин, 1916. С. 52]. В составе Алтысарского улуса расселялись предки современных кызыльцев, чулымцев, частично качинцев.

Язык населения был «й» диалектом («й» в начальной позиции слова, *йахсы* вместо *чахсы* в литературном языке), его центр находился на Июсах. На востоке этот диалект распространялся, видимо, до реки Ерба (теперь Чорба), являющейся левым притоком Енисея. Алтысарцы тесно соприкасались с алтырцами, часто объединялись в военных действиях.

Езерский улус

Распространялся он примерно от нижнего течения Абакана по левой стороне Енисея вплоть до Красноярска. Сюда входили роды: кыргыз, ызыр, исары и другие, составившие ядро этого улуса. Л.П. Потапов полагал, что этнический состав качинцев XVII в. представлял собой в основе смесь самодийских родоплеменных групп, к этому прибавилась в конце XVI в. некоторая часть западно-сибирских татар (то есть кыпчакских тюркоязычных групп). В среде качинцев в XVII в. происходила ассимиляция кетоязычных аринцев. Язык у качинцев был тюркский, в основе, видимо, киргизский [Потапов, 1957. С. 88].

Расположение улуса совпадает с границей современного расселения качинцев и распространения качинского диалекта. В основу современного качинского диалекта легли говоры населения этого улуса. Езерцы (или ызырцы) в XVII в. говорили, видимо, на «ч» диалекте в середине и конце слов (*ичерге* вместо *изерге*

«пить», *агачым* вместо *агазым* «мое дерево» и т. д. в современном литературном).

Тубинский улус

Он располагался на правой стороне Енисея с центром на р. Упсе (Тубе), впадающей в Енисей ниже Абакана. Вопрос о языковой и этнической принадлежности этой группы населения остается до конца невыясненным. Естественную границу кочевий тубинцев на юге составляли Саянские горы. В.Г. Карцов определял места кочевий тубинцев на левой стороне Енисея с центром на р. Уйбат [Карцов, 1970. С. 44].

Названия улусов Тубинской земли XVII в. сохранились вплоть до XIX в. Во второй половине XVIII в. туба ни жизненным укладом, ни языком от качинцев не отличались. Койбальский диалект, образовавшийся из говоров части населения бывшего Тубинского улуса, в течение XIX в. растворился в гуще качинского и сагайского диалектов, оказавшись между ними. Этому способствовало и то, что Койбальская степная дума в 1858 г. была упразднена. Административные роды были разделены Сагайской и Качинской степными думами.

Перечисленные выше четыре улуса: Алтырский, Алтысарский, Езерский и Тубинский – просуществовали до начала XVIII в.

Диалектная система современного хакасского языка сложилась из племенных языков, носители которых составляли эти упомянутые улусы в XVI–XVII в. Н.А. Баскаков отмечает, что генетически хакасский язык был связан с древнекиргизским (языком енисейских кыргызов), а в более раннее время – с древнеуйгурскими племенными языками [Баскаков, 1969. С. 329]. Как известно, древние хакасы (кыргызы) и уйгуры в VII–IX вв. тесно взаимодействовали друг с другом. Э.Р. Тенишев полагал, что язык енисейских кыргызов-хакасов XVII в. был «з» языком [Тенишев, 1966. С. 92]. В этой связи тюркологами отмечается близость языка желтых уйгуров, потомков древних уйгуров, к современному хакасскому языку. А язык хакасских племен XVIII в., как известно, также был «з» языком.

Некоторые фонетические и морфологические материалы свидетельствуют о том, что важные отличительные признаки хакасского языка, его диалектов в основном были уже сформированы в XVIII в., в последующее столетие происходило их дальнейшее развитие и распространение. Однако основы единства диалектов были заложены еще раньше.

СОДЕРЖАНИЕ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ

Предки современных хакасов, расселявшиеся в бассейне Среднего Енисея в VII–XII вв. пользовались письмом, основанном на орхон-енисейском руническом алфавите. Образцы этого письма дошли до нас в виде отдельных надписей на камнях и других предметах. Это был литературный язык, «д» язык («д» в середине слова: = *адак* «нога» вместо *айак*, *азах*), которым пользовались тюркоязычные народности Центральной Азии и Южной Сибири в то время. Известно, что в XI–XII вв. по различным причинам это древнее письмо совершенно исчезает в этих местах, оно было забыто и утеряно. С XIII в. наступает монгольский период в истории населения Хакасско-Минусинской котловины, который продолжался до конца XVII в. О языке хакасских племен в указанное время никаких письменных лингвистических данных науке не известно. Есть сведения, что в XVI–XVII вв. отдельные представители или верхушка общества изучали монгольское письмо и пользовались им.

В 1733 г. в Сибирь была направлена академическая экспедиция под названием Камчатской, в которой принял участие Г.Ф. Миллер, который собирал словарный материал по языку хакасских племен: от качинцев по р. Кача (около Красноярска), на Июсе – от кызыльцев, по Абакану – видимо, от сагайцев и частично качинцев и койбалов. Им был составлен словарь «Лексикон или лучше сказать собрание слов татарского языка по всем онаго диалектам по Сибири». Словник состоял из 11 рубрик. В рубрику «Кузнецкий» вошли слова предков современных шорцев. Есть рубрика «Красноярский и Кузнецкий»: это лексикон сагайцев, бельтыр, качинцев, койбал и других. Миллер объединяет их в одну группу, полагая, видимо, что они составляют нечто единое целое. Отдельной рубрикой дается в словнике язык кангатов, которые, по некоторым источникам, проживали среди карагасов, у истоков р. Уды и Бирюсы, в темных лесах и горах.

В «Лексиконе» Миллера помещено около 250 латинских слов с переводом их на тюркские языки Сибири, в том числе на «красноярский» и «кангатский». Далее представлены отдельные признаки, присущие языку красноярских и кангатских татар и современных хакасов.

Одной из особенностей вокализма хакасского языка является гласный *и*, употребляе-

мый в начале и первом слоге слов, например: *мин* «я», *син* «ты», *ил* «народ», *им* «лекарство» и т. д. Гласный *и*, употребляемый в первом слоге хакасских слов, подобно *и* татарского и башкирского языков, соответствует э (*e*) большинства других тюркских языков [Дмитриев, 1954. С. 84]. Это соответствие проходит последовательно во всех словах, за исключением немногих.

Другим сугубо специфическим явлением хакасского языка, связанным с его самобытностью, является хакасский *и* непервых слогов или так называемый «нейтральный» *и*. Он не имеет своей сингармонической пары, как другие гласные хакасского языка, и появляется, как правило, на стыке основы с аффиксом: *ойна* «играй» – *ойнир* «будет играть» (вместо *ойна* + *ар*), *узу* «спи» – *узир* «будет спать» (вместо *узу* + *ар*) и т. д. По мнению Н.К. Дмитриева и Ф.Г. Исакова, этот *и* является гласным особого происхождения, созданным, по-видимому, внутри самого хакасского языка в длительный период его многовекового развития [Дмитриев, Исаков, 1954. С. 86]. «Нейтральный» *и* наблюдается уже в указанном словнике: *барир* «идет», *узир* «будет спать», *курбинчур* «не видит» и т. д. Следовательно, «нейтральный» *и* в первой половине XVIII в. уже имелся в языке некоторых хакасских племен.

Одним из характерных признаков языка красноярцев и кангатов в словнике является отсутствие *й* в начале и середине слова. Этот же признак наблюдается в сагайском и качинском диалектах, легших в основу литературного хакасского языка: красн., канг. *нангмыр* – хакаск. литер. *наңмыр* «дождь», в то время как во всех других приведенных Миллером языках в начале стоит *й*: *йангур* «дождь»; красн. *наг* – хакаск. *наах* «щека», в других языках – *йак*, *йанак*; красн. *асак* – хакаск. *азах* «нога», в других – *айак*, *айах*; красн. *аскыр* – хакаск. *асхыр* (саг. *ахсыр*) «жеребец», в других языках – *айгир* или *айгыр*.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что звуку *й* многих тюркских языков в начале слова в современном хакасском и красноярском (по словнику Миллера) соответствуют *н*, *ч* (*ч*), а в середине слова – *з*, *с*.

Есть и некоторые другие особенности языка красноярцев, сближающих его с современным хакасским языком и его диалектами. Наличие конечного *г* – признак, характерный для современного хакасского языка: *улуг* «большой»

имеется и в языке красноярцев: *улуз*, в других тюркских языках – *улу*.

Звук *х* в языке красноярцев и кангатов употреблялся не на постоянной основе: *худай* «бог», *хар* «снег», *харышка* «темно», однако в большинстве случаев вместо современного *х* употребляется *к*: *хозен* и *козен* «заяц», *ак* «белый», *кола* «бронза», *карак* «глаз», *карандаш* «брат», *кулак* «ухо» вместо современных *хозан*, *ах*, *хола*, *харах*, *харындас*, *хулах* и т. д. Следовательно, звук *х* в языке населения широкое распространение получил в более поздние периоды развития хакасского общенародного языка.

Употребление звонкого *б* в начале слова в словнике Миллера является закономерным явлением: *баиш* вместо *нас* «голова» в хакасском языке, *балте* вм. *палты* «топор», *бур* вм. *пур* «листок» и т. д. Употребление звонкого начального *б*, как известно, свойственно усть-абаканскому говору современного качинского диалекта. Этот же признак характерен и для языка фуюйских кыргызов. В хакасском литературном языке ему соответствует глухой начальный *п*.

В 80-х гг. XVIII в. под руководством и при участии П.С. Палласа были составлены известные (так называемые «екатерининские») «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею высочайшей особы». В них содержатся весьма архаичные примеры: *каган* «кровь», в языке «енисейских татар» – *каган* «кровь», в других тюркских языках «кровь» передается словом *кан*; *кагар* «снег», тогда как в других тюркских языках *кар* «снег».

О НЕКОТОРЫХ ИСЧЕЗНУВШИХ ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В МОНОГРАФИИ М.И. БОРГОЯКОВА

О кангатах и их языке

В Восточных Саянах в XIX в. в числе пяти карагасских улусов значился улус Кангасский или Кангатский (*кангат* есть, видимо, вторичная форма от *кангас* или *канхас*, *каңас*; последнее, возможно, представляет нестяженную форму от *хаас* или *хааиш*). Карагасским назывался другой улус. Причем «карагасы» (это русское название) сами себя называли *сарых-хаиш*, т. е. «желтый хаш», а *кангаты* – просто *хаиш* или *хаиштар* во мн. ч. Кангатский

язык можно рассматривать как говор качинского диалекта. По-видимому, кангаты есть отколовшаяся небольшая группа «красноярских качинцев» с «з» языком. Карагасские слова являются нетюркскими, они целиком совпадают с маторскими (самодийскими) словами, собранными Г.И. Спасским в начале XIX в. в Восточных Саянах.

Язык кангатов почти не отличается от качинского диалекта хакасского языка. Однако заметно уже влияние со стороны, видимо, тувинского языка в области лексики: *даг* «гора», *даиш* «камень», *кем* «река» и т. д.

О кайдынцах и их языке

Кайдынов или Хайтонов улус находился на правой стороне Енисея, в пределах Восточных Саян. Кайдынцы частично вымерли от оспы, частично ассимилировались в среде качинцев, койбалов и русских в XVIII–XIX вв. В языке кайдынцев встретились четыре слова, связанные с редким случаем – «ротацизмом» в тюркских языках: *урун* «длина» вместо *узун*, *урун* «долина» вместо *узен* (*өзен*), берюк «высота» вместо *безюк*, *ижсеры* «его мать» вместо *иджези*. Есть в кызыльском диалекте хакасского языка слово *омары* «его лицо» вместо *омазы*, *омар* «стыд, смущение». Может быть, это какое-то реликтовое явление, сохранившееся в застывшей форме в отдельных словах и связанное с так называемым «ротацизмом» в тюркских языках.

По *ж*-признаку в начале слова кайдынский сближается с языками кыпчакской группы: казахским, киргизским.

О камасинцах и их языке

Камасинцы (по-хакасски «хаңмазы») жили на правой стороне Енисея и делились на «степных» и «лесных». Это коренные жители Восточных Саян. По языку камасинцев зафиксированы лишь отрывочные данные. Ныне камасинцы ассимилированы русскими, как народность не существуют. Камасинского языка (тюркского) как самостоятельного языка не существует и не было. Это, скорее всего, был лишь говор качинского диалекта хакасского языка.

Литература

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.

Боргояков М.И. Источники и история изучения хакасского языка. – Абакан, 1981.

Дмитриев Н.К., Исаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. – Абакан, 1954.

Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма. – Абакан, 1970.

Козьмин Н.Н. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. – Иркутск: Известия Восточно-Сибирского Русского географического общества. – Т. XIV. – 1916.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957.

Тенишев Э.Р. О языке кыргызов уезда Фуюй // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 88–95.

В. Я. Бутанаев

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия)*

ПРОБЛЕМЫ ХАКАССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЗАТРОНУТЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ С Д.Ф. ПАТАЧАКОВОЙ

Статья посвящена личной переписке автора с Дарьей Федоровной Патачаковой, связанной с вопросами изучения лексики хакасского языка. Приводятся теплые воспоминания об этом известном ученом-языковеде, ставшим учителем хакасского языка В. Я. Бутанаева. В статье говорится, что уроки, полученные от Дарьи Федоровны, не забылись. В течение полувека автор собирал материалы по исторической ономастике, фольклору и традиционной культуре. В результате были изданы такие словари, как «Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края», «Словарь личных имен хакасов», «Хакасско-русский историко-этнографический словарь», «Русско-хакасский словарь».

Ключевые слова: Д. Ф. Патачакова, хакасский язык, тюркские языки, лексика, словарь, топонимика, словообразовательные аффиксы.

V. Ya. Butanaev

N. F. Katanov Khakass State University (Russia)

ISSUES OF KHAKASS LINGUISTICS TOUCHED ON IN CORRESPONDENCE WITH D.F. PATACHAKOVA

The article is devoted to the author's personal correspondence with Darya Fyodorovna Patachakova related to the issues of studying the vocabulary of the Khakass language. Warm memories about this famous scientist-linguist, who became V. Ya. Butanaev's teacher of the Khakass language, are provided.

The article says that the lessons learned from Darya Fyodorovna have not been forgotten. For half a century, the author has collected materials on historical onomastics, folklore and traditional culture. As the result the following dictionaries were published: «Toponymic Dictionary of the Khakass-Minusinsk Region», «Dictionary of the Khakass' Personal Names», «Khakass-Russian Historical and Ethnographical Dictionary» «Russian-Khakass Dictionary».

Keywords: D.F. Patachakova. Khakassia, Khakas, Hongoray, Hongors, Khakass language, shamanism, vocabulary, onomastika, word-building.

Судьба свела меня с Дарьей Федоровной летом 1965 г. во время моего приезда для участия в работе Красноярской археологической экспедиции. Археологические памятники, как я считал, могут пролить свет на происхождение хакасского народа, но без знания языка наших коренных жителей выяснение их этногенеза невозможно. С целью восполнить такой пробел обратился в сектор языка ХакНИИЯЛИ. Меня очень приветливо встретила одна сотрудница, как оказалось – кандидат филологи-

ческих наук Дарья Федоровна Патачакова. Она разъяснила многие вопросы, связанные с хакасским языком, и во многом помогла. С тех пор мы стали регулярно переписываться. Когда Дарья Федоровна уходила на пенсию, то передала мне все письма (14 штук). Ныне они хранятся в моем личном архиве. К сожалению, письма, написанные Д.Ф. Патачаковой, у меня не сохранились, ибо в те времена я был еще студентом, жившим в общежитиях. Представляю сохранившуюся одностороннюю пере-

писку на рассмотрение исследователей, изучающих научное наследие Д. Ф. Патачаковой. Представленные страницы писем даются выборочно, согласно заявленной теме.

Осенью 1965 г. в моем первом письме сообщалось: *«Уважаемая Дарья Федоровна! Как я рад, что мое письмо, мои мысли нашли отклик. Вы еще не знаете, как я люблю свой народ. Пускай он маленький, не очень развитый. Он имеет свою историю, которой можно хвастаться, и язык, к которому близки все языки Средней и Центральной Азии. Зная хакасский язык, можно понимать узбекский, казахский, киргизский и татарский языки. Я немного говорю по-узбекски. Но главное не это, главное то, что наш язык по богатству своему не очень уступает русскому, ведь в русском столько много иностранщины. В этом письме я хочу привести некоторые мои мысли, возможно, они даже немного дикие, о хакасском языке. Главное, что меня интересует в хакасском, это его лексика. Помимо того, что я немного увлекаюсь тюркологией, даже думаю после археологического [кафедра археологии истфака ТашГУ – Б.В.] поступить на восточный. Я хочу выяснить в хакасском истинно тюркские слова и слова древнего происхождения. Найти связи с другими (кетским, селькупским и т. д.). Это может пролить свет на происхождение нашего народа.*

А как будет составляться новый хакасско-русский словарь? Только не так, как старый! С удовольствием принимаю Ваше приглашение и хочу побывать в диалектологической экспедиции. Когда она начинается?

У меня есть к Вам большая просьба. Помогите мне выписать газету «Ленин чолы». Мой адрес: Ташкент, ул. Джаркуча, проезд Хунарманд № 5.

Заметки я обязательно пошлю, но сначала выучу как следует хакасский. Из книг я хотел бы достать «Синтаксис хакасского языка», который вышел совсем недавно.

Теперь я хотел бы перейти к лексике. Возможно, вы уже уделяли внимание близости языков хакасского, тувинского и алтайского. Почему бы оттуда нам не черпать родственные слова. Потом я хотел бы поговорить насчет окончаний прилагательных на «-скай», взятых из русского языка. Например, хакасской чон, советской чон и т. д. Эта форма должна быть достоянием разговорного, но

не литературного языка. Слово хачы – «секретарь» надо писать хатчы, от основы хат – письмо. Слово окис – «сирота» надо писать окис, т. е. без матери и т. д. [далее идут сравнения со среднеазиатскими тюркскими языками – Б.В.] На этом заканчиваю. Виктор».

(Осень. 1966 г.) *«Уважаемая Дарья Федоровна! Прошло довольно много времени, прежде чем я сел писать письмо. Сейчас я снова в экспедиции, в Туркмении. И писать письма отсюда довольно трудно. В Туркмении для хакасского языка также можно подчеркнуть много полезного [далее приводится перечень туркменских слов, близких хакасским – Б.В.]».*

Составляю картотеку редких хакасских слов, географических обозначений, названий хакасских родов и т. д. Есть уже несколько тысяч карточек. Если Вы желаете, то могу принять участие (посильное) в составлении хакасско-русского словаря.

Разбирая материал, собранный этим летом, меня заинтересовало одно выражение. Животное, убитое на кладбище, называется тёёгуе соххан (ср. пулагга соххан – «животное, убитое в жертву»). Слово тёёгу мне ни разу не встречалось в хакасских словарях. Возможно, оно родственно монгольскому туюх и тувинскому тёёгу – «история». Тогда можно перевести выражение тёёгуе соххан как «убитый во имя истории», т. е. в «память об усопшем». Может быть, слово тёёгу можно ввести в хакасский литературный язык со значением «история».

Второе, о слове хал – «простой человек, не посвященный в учение шамана». Среди хакасских родов есть «хамнар» и «халлар». Не являются ли их происхождение связанным с делением хакасов на жрецов (хамнар) и простых людей (халлар). Всего хорошего, с уважением к Вам, Виктор».

(Осень. 1966 г.) *«Я не вытерпел и снова пишу Вам письмо. У меня снова роятся в голове всевозможные мысли. Сейчас я думаю, почему бы не создать «Хакасско-тувинско-алтайско-киргизский словарь». Я даже приобрел большой персидский словарь. Оказывается, у тюрков процентов 30–50% иранских слов. Это очень интересно и доказывает, что раньше здесь жили иранцы. Очень Вас прошу, вышлите мне все, которые Вам известны, названия хакасских «костей». Сейчас я заинтересовался их происхождением. Летом я сам нашел новый среди хакасов сеок «хуу чарын».*

Опять обращаюсь к будущему словарю. Кроме всего, он должен обладать ценностью и с исторической точки зрения. Т.е. в нем должны быть устаревшие слова времен кыргызов XVII в. Кстати, в одном документе я нашел упоминание, что в Красноярском архиве находится документ XVII в. написанный на хакасском (кыргызском) языке. Поэтому стоит, вероятно, покопаться в архивах и составить словарь хакасского языка XVII в., а также и древнехакасский, т.е. языка рунических надписей. Все это пойдет на пользу. Привожу некоторые слова, которые, по моему мнению, должны войти в словарь [далее приводится 23 термина – Б.В.].

Все эти слова в основном встречаются в фольклоре, но эти слова неотделимы от истории. Поэтому их надо для нее и сохранить. Также встречается ряд устаревших слов, которые потеряли свое значение. Было бы замечательно, хотя бы в словаре, приводить их подлинное значение [далее перечисляются 9 слов – Б.В.].

Для того, чтобы язык был богатым, необходимо иметь всевозможные формы словообразования. Я собрал некоторые застывшие формы словообразования [далее приводится четырнадцать различных словообразовательных аффиксов на 3 страницах письма – Б.В.].

На этом пока заканчиваю. С уважением В. Бутанаев.

(Весна. 1967 г.) «Уважаемая Дарья Федоровна! Сегодня получил бандероль. За что огромное спасибо. Недавно вернулся из Ленинграда. С сентября месяца, вероятно, перевожусь туда. Вот где я поработаю. У меня сердце замирает от того, что я погружусь в книжные дебри.

Теперь к делу. Мне очень понравилась Ваша статья в XI номере «Ученых записок» [Современное состояние хакасского литературного языка и его дальнейшее развитие]. Хакасы должны сохранять свой язык и не засорять его русским.

Я собрал кое-что по персидско-хакасским языковым параллелям [далее приводятся 23 термина – Б.В.]. В хакасском фольклоре встречается много замечательных слов, имеющих персидское происхождение. Например, слово «саар» – город: ах саар полган аал турчадыр, аймах пасха чон чуртапчадыр – «стоит селение, словно белый город, различный народ

там проживает» (сказания Албынжы, Хызыл Тульгу и др.). Такие слова нужны науке. Это слово саар занесено с далекого Ирана. Ни у тувинцев, ни у алтайцев нет этого слова. Но такое же название города шаар есть у киргизов, что указывает еще раз на историческую связь киргизов с хакасами.

Дарья Федоровна, сделайте богатым наш литературный язык, сделайте красивым его. Это обращение ко всем нашим ученым, занимающимся хакасским языком.

Начинается ли составление нового хакасско-русского большого словаря? Если нужна моя помощь, то всегда к вашим услугам. У хакасов, помимо своего календаря, существовали еще свои цифры для обозначения счета. Например, крест – десять, крест с поперечной чертой – сто. В словаре тоже вероятно можно привести хакасские цифры.

С большим уважением к Вам Виктор Бутанаев.

(Весна. 1967 г.) «Дарья Федоровна! Сегодня я сдал последний зачет, поэтому есть немного свободного времени. Я решил написать. Очень жаль, что нельзя выписать газету «Ленин чолы». Раньше мне как-то это удавалось. Вполне с Вами согласен, что в отрыве от родного языка, не нужно увлекаться слововымыслом. Но у меня, наверное, какая-то дурная натура. Вот недавно просматривал киргизский словарь. Нашел там слово мамлекет – «государство». А от него образование мамлекетте – (глагол), что значит «национализировать». Вот у меня возникла мысль. А что, если от хакасского слова хазына – «государство» – образовать новый глагол «хазыналырга» – «национализировать». И так без конца. Возможно, это просто какое-то детство.

Недавно просматривал словарь Вербицкого. Выписал все хакасские слова. Выписал слова из словаря Радлова. Если Вам потребуются эти слова, то летом я могу дать эту свою тетрадь с записями.

О несколько-язычном словаре, где за основу будет взят хакасский, я давно мечтаю. Если будет возможность, то я сам включусь в составление такого словаря. Хакасский язык является древним тюркским языком, поэтому необходим выход в свет очень полного хакасско-русского словаря. Ох, как это нужно нам, археологам. Хорошо бы было, если бы все старые термины быта, общественного уклада, обычаев

довольно полно бы отразились в будущем словаре. Я с головой попробую уйти в эту работу и буду рад, если чем-нибудь помогу Вам.

Просматривая русско-китайский словарь, даже здесь находил одинаковые корни [приводятся примеры на слова: штык, старшая сестра, бумага, фанза и др. – Б.В.]. С уважением, Виктор Бутанаев».

(Осень. 1967.) «Дарья Федоровна, изеннер! В Абакане очень хотел Вас встретить, но Вы были в отъезде. Я очень интересуюсь изучением родного языка и хотел бы, чтобы вы мне в этом помогли. Я восторженно встретил известие о составлении нового «Хакасско-Русского словаря», который будет намного лучше, чем предыдущий. Я думаю, что составители извлекут все слова из книг Вербицкого. Радлова и, особенно, из книг Катанова. Думаю, что будут экспедиции с целью изучения лексики. Чем я могу помочь Вам? Если я могу быть полезен, буду очень рад. Я могу заняться сравнением хакасского и среднеазиатских языков и на этой почве производить словообразования. Вероятно, надо ввести в словарь слова из газет 20–30-х годов, хотя бы с пометками (уст.) или (искусст.) [далее перечисляются 15 терминов – Б.В.]

Надо, вероятно, еще поработать в отношении географических названий. Тем более, что само слово Хакасия – русское. Вспомним названия областей и народов, которые могут звучать по-хакасски [далее идут перечисление 60 географических названий – Б.В.]

Еще надо больше расширить функции словообразовательных аффиксов на «чы» и «лых» [далее приводятся более десяти новых словообразований – Б.В.]

Вот уже кончилась бумага, а у меня еще тысяча мыслей. На этом заканчиваю. Виктор Бутанаев».

(Осень. 1967 г.) «Уважаемая Дарья Федоровна! Очень рад, что моя писанина не ерунда. Я вывел это из того, что все-таки ее следует, по Вашему указанию, послать в редакцию «Ленин чолы».

Очень благодарю Вас за то внимание, за ту помощь, которую вы мне оказываете. Я очень много хочу сделать для хакасов, для своего народа. Но пока не знаю, что получится.

Так как в настоящее время Вы подготавливаете статью о словообразовании в хакасском языке, то могу указать на одну интересную статью в книге «Вопросы тюркологии.

Ташкент, 1965». Но возможно вы уже ее читали. Это статья Кудайбергенова «Грамматические параллели монголо-тюркских языков». Здесь говорится о заимствовании монгольских словообразующих аффиксов тюркскими языками (киргизским). Если Вам нужна эта книга, то я Вам вышлю.

Я начал учить хакасскую грамматику (ведь я ее совсем не знаю) по учебнику М.И. Боргоякова «Хакас тилининг грамматикасы». Но почти все лингвистические термины там даются русские. А нельзя ли подобрать им соответствующие кальки. Хотя бы сравнив и выбрав их из соседних тюркских языков [далее приводится 16 калькированных примеров – Б.В.]

На этом заканчиваю. С большим уважением Виктор».

В результате обсуждения проблем, поднятых в переписке, Дарья Федоровна ввела в учебники новый термин «көнүктүрүг» – упражнение [Хакасский язык, 1968.] Кроме того, вышло пять моих статей в газете «Ленин чолы»: «Об одном аффиксе хакасского языка», «Об одном древнем слове», «О самоназвании хакасов», «Хакасские цифры», «Географические названия в хакасском языке» [Бутанаев, 2011. С. 20.]

Летом 1968 г., закончив четвертый курс истфака ТашГУ, я приехал на каникулы из Ташкента в Хакасию. Меня очень интересовал вопрос происхождения койбалов, а также роль рода кыргызы в истории хакасов. Во время учебы я постоянно переписывался с ученым секретарем ХакНИИЯЛИ Д.Ф. Патачаковой, которая поддерживала мои интересы. Она помогла мне оформить мою первую командировку в Бейский, Алтайский и Усть-Абаканский районы Хакасии для сбора полевого материала по этнографии и диалектам хакасского языка. Отчет о своей первой поездке по заданию ХакНИИЯЛИ я сдал заведующему сектором языка М.И. Боргоякову. Он меня поблагодарил за интересный, оригинальный полевой материал, особенно за диалектную лексику койбалов и качинцев [Бутанаев, 2011. С. 90–92.]

Пройдет много времени, но уроки, полученные от моего учителя Дарьи Федоровны не забылись. В течение полувека, с 1965 г. по 2015 г., я продолжал начатое задушевное дело по изучению хакасского языка, исторической ономастики, фольклора и традиционной культуры. В результате были изданы такие словари, как «Топонимический словарь Хакасско-

Минусинского края», «Словарь личных имен хакасов», «Хакасско-русский историко-этнографический словарь», «Русско-хакасский словарь» [Бутанаев, 2011. С. 29, 31, 35].

К настоящему времени мною подготовлен «Большой словарь хакасского языка», включающий 22 тыс. терминов, общим объемом в 2,5 тыс. машинописных страниц. В него включены материалы по всем хакасским диалектам и говорам. Необходимо отметить, что до сих

пор не был создан диалектологический словарь хакасского языка, и поэтому наш труд в определенной мере восполняет подобный пробел. Считаю, что мне удалось выполнить те цели и задачи, поставленные в переписки с Дарьей Федоровной. В предлагаемом словаре почти все лексические материалы по диалектам и говорам Хонгорая принадлежат автору данного труда, которые он собирал в течение последних пятидесяти лет.

О. В. Доможакова, А. А. Танбаева
*Министерство образования и науки
Республики Хакасия (Россия)*

**ЕЖЕГОДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА ПО ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ
И ЛИТЕРАТУРЕ им. М.И. БОРГОЯКОВА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ,
ИХ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ТАЛАНТОВ**

В статье рассматривается организация региональной олимпиады по хакасскому языку и литературе имени М.И. Боргоякова, её нацеленность на профессиональную ориентацию школьников, на развитие их способностей и интереса к научной (научно-исследовательской) деятельности. Подчеркивается значимость школьного этапа олимпиады. Обращается внимание на высокие результаты олимпиады обучающихся общеобразовательных организаций Республики Хакасия, реализующих программы по хакасскому языку для школ с родным языком обучения, в том числе углубленного уровня.

Ключевые слова: система образования Республики Хакасия, доктор филологических наук М.И. Боргояков, региональная олимпиада, хакасский язык, предметная область «Родной язык и родная литература», профессиональная ориентация, интерес к научным знаниям.

O. V. Domozhakova, A. A. Tanbaeva
*The Ministry of Education and Science of the Republic
of Khakassia (Russia)*

**ANNUAL REGIONAL OLYMPIAD IN THE KHAKASS LANGUAGE
AND LITERATURE NAMED AFTER M.I. BORGOPYAKOV AS AN OPPORTUNITY
FOR PROFESSIONAL ORIENTATION OF SCHOOLCHILDREN,
THEIR SELF-REALIZATION AND TALENT DEVELOPMENT**

The article deals with the organization of the Regional Olympiad in the Khakass language and literature named after M. I. Borgoyakov, its focus on the professional orientation of schoolchildren, on the development of their abilities and interest in scientific (research) activities. The importance of the school stage of the Olympiad is emphasized. Attention is drawn to the high results of the Olympiad of students of general education organizations of the Republic of Khakassia, which implement programs in the Khakass language for schools with a native language of instruction, including advanced level.

Keywords: education system of the Republic of Khakassia, PhD in Philology M. I. Borgoyakov, Regional Olympiad, Khakass language, subject area «Native language and native literature», professional orientation, interest in scientific knowledge.

Министерством образования и науки Республики Хакасия принимаются меры по развитию способностей обучающихся, созданию возможностей для их самореализации

в области хакасского языка и литературы, включая научные исследования.

ФГОС среднего общего образования ориентирован на становление таких личностных

характеристик выпускника («портрет выпускника школы»), как «любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции, подготовленный к осознанному выбору профессии» [Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413].

Ежегодная региональная олимпиада по хакасскому языку и литературе имени М.И. Боргоякова (далее – олимпиада) нацелена на выявление и развитие у обучающихся творческих способностей и интереса к научной (научно-исследовательской) деятельности, пропаганду научных знаний, содействие профессиональной ориентации школьников в области хакасского языка и литературы [Приказ Минобрнауки РФ от 30.09.2019 № 100-834].

Олимпиада содействует воспитанию будущих писателей, ученых, авторов учебников и других специалистов.

На получение компетентностей для будущей профессиональной деятельности как в рамках данной предметной области, так и в смежных с ней областях, ориентированы результаты углубленного уровня изучения хакасского языка и хакасской литературы [Примерная основная образовательная программа ..., 2016].

Учебники «Хакас тілі», «Хакас литературасы» (углубленный уровень) для 10–11-х классов включены в федеральный перечень учебников [Приказ Минпросвещения России от 28.12.2018 № 345].

Олимпиады по хакасскому языку и литературе проводились с 90-х годов прошлого века.

В 2017 году по решению Ученого Совета Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории от 10.10.2017 и письменному согласию супруги учёного В.Е. Майногашевой, кандидата филологических наук, олимпиаде было присвоено имя Михаила Ивановича Боргоякова, первого в Хакасии доктора филологических наук, внесшего значительный вклад в развитие хакасского языкознания как науки.

В последующие годы осуществлялось становление и развитие олимпиады в новом статусе: она стала региональной и ежегодной. Олимпиада имеет свою символику: логотип, образцы дипломов всех этапов олимпиады (Рис. 1). Ежегодно проводится торжественное мероприятие, посвященное церемонии награждения победителей и призеров олимпиады и чество-

ванию участников олимпиадного движения (Иллюстр. 1).

Рис. 1. Логотип олимпиады

Организаторами олимпиады являются Минобрнауки РФ и Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (далее – ХГУ им. Н.Ф. Катанова).

Поступающие на обучение в ХГУ им. Н.Ф. Катанова вправе представить дипломы победителей и призеров олимпиады как свои индивидуальные достижения, результаты которых учитываются при приеме на обучение по специальностям и (или) направлениям подготовки, соответствующим профилю олимпиады. Учет результатов индивидуальных достижений осуществляется посредством начисления баллов за индивидуальные достижения.

За последние три года восемь победителей и призеров олимпиады стали студентами ХГУ им. Н.Ф. Катанова по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, профиль «Хакасский язык и литература».

Олимпиада включает школьный, муниципальный и региональный (заключительный) этапы.

Ведущая роль в развитии олимпиадного движения принадлежит школьному этапу олимпиады, важными принципами которого являются массовость, стимулирование интереса, выявление и поддержка обучающихся, проявляющих способности к хакасскому языку.

В школьный этап олимпиады вовлекаются обучающиеся 4-х классов. В соответствии с ФГОС начального общего образования результаты освоения предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке» включают «воспитание ценностного отношения к родному языку как хранителю культуры, формирование первоначальных представлений о языке как основе национального

самосознания» [Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373].

В 2020 году в школьном этапе олимпиады по учебному предмету «Хакасский язык» приняли участие 50 общеобразовательных школ республики с охватом более 1900 чел. (35 процентов от численности школьников, изучавших хакасский язык в предметных областях «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература»), из них обучающиеся 4-х классов – более 250 чел.

По учебным предметам «Литературное чтение на родном языке», «Хакасская литература» приняли участие 44 общеобразовательных школ с охватом более 1200 чел., из них обучающиеся 4-х классов – более 200 чел.

Наибольшее количество первых и призовых мест занимают обучающиеся ГБОУ РХ «ХНГИ им. Н.Ф. Катанова», МБОУ «Аскизский лицей-интернат им. М.И. Чебодаева», где реализуются программы по хакасскому языку и литературе углубленного уровня.

Анализ выполнения олимпиадных заданий показывает, что обучающиеся, которые освоили программы по хакасскому языку для общеобразовательных организаций с родным языком обучения, показали наиболее высокие результаты (МБОУ «Верх-Аскизская средняя общеобразовательная школа (далее – СОШ)», МБОУ «Усть-Чульская СОШ имени М.Е. Киль-

чичакова», МБОУ «Бутрахтинская СОШ», МБОУ «Красноключинская основная общеобразовательная школа» и др.). Школьники умеют применять теоретические знания на практике, владеют навыками работы с текстом, орфограммами и знаками препинания.

Олимпиада даёт возможность проявить свои способности школьникам, которые при приеме в 1-е классы не владели родным языком.

Так, за последние три года высоких показателей на олимпиаде по хакасскому языку достигли обучающиеся МБОУ «Лесоперевалочная СОШ №1», МБОУ «Лесоперевалочная СОШ №2», МБОУ «Болгановская СОШ», МБОУ «Малоарбатская СОШ», МБОУ города Абакана «СОШ №22», МБОУ города Абакана «СОШ №24», МБОУ «Топановская СОШ им. Н.Н. Кокова» и др.

Максимальный балл выполнения олимпиадных заданий по хакасскому языку среди обучающихся 9-х классов составил 85 баллов из 100 баллов, 10-х классов – 86 из 100 баллов, 11-х классов – 103 из 110 баллов.

Показателем популярности олимпиадного движения по хакасскому языку и литературе является увеличение численности школьников, принимающих участие на всех этапах олимпиады (2020 г. – около 2000 чел., 2017 г. – 620 чел.), в том числе на заключительном этапе олимпиады (2020 г. – 80 чел., 2017 г. – 47 чел.).

Иллюстрация 1. Торжественное награждение министром образования и науки Республики Хакасия Л. Н. Гимазутиной победителей и призеров ежегодной региональной олимпиады по хакасскому языку и литературе имени М. И. Боргоякова в 2019 г.

Заинтересованная работа коллективов общеобразовательных организаций Республики Хакасия, высокий профессионализм учителей, реализующих программы по хакасскому языку, содействуют развитию олимпиадного движения в республике, созданию возможностей для

профессиональной ориентации школьников, их «самореализации и развития талантов» [Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474] в области хакасского языка и литературы.

Список источников

Закон Республики Хакасия от 05.07.2013 № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия».

Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования»;

Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования».

Приказ Минобрнауки РХ от 30.09.2019 № 100-834 «Об утверждении Положения о ежегодной региональной олимпиаде по хакасскому языку и литературе имени М. И. Боргоякова».

Приказ Минпросвещения России от 28.12.2018 № 345 «О федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования».

Примерная основная образовательная программа среднего общего образования (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 28.06.2016 № 2/16).

Примерные программы по учебным предметам «Хакасский язык (1–9)», «Литературное чтение» (1–4), «Хакасская литература» (5–9) для общеобразовательных организаций Республики Хакасия с русским языком обучения, утвержденные приказом Минобрнауки РХ от 14.11.2018 № 100-922.

Примерные программы по хакасскому языку (1–11 кл.) для общеобразовательных организаций с родным языком обучения, утвержденные приказом Минобрнауки РХ от 15.09.2014 № 100-976.

Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Э. В. Енчинов

*Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова (Россия)*

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЩЕНИЯ В МАЙМИНСКОМ И ЧЕМАЛЬСКОМ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (по результатам мониторинга языковой ситуации в Республике Алтай в 2019 г.)

В статье рассматриваются результаты мониторинга языковой ситуации в Чемальском и Майминском районах Республики Алтай. Одним из вопросов анкет был вопрос о ведущем языке общения в семейной и общественной сфере. В зависимости от субъектов общения, ситуации и окружающей обстановки респонденты широко пользуются языковым билингвизмом.

Ключевые слова: Алтай, культура, язык, общество, сфера общения, языковая ситуация, коренные жители.

E. V. Enchinov

*S. S. Surazakov Scientific-Research Institute
of Altaistics (Russia)*

LANGUAGE PREFERENCES IN THE FIELD OF COMMUNICATION IN THE MAYMIN AND CHEMAL DISTRICTS OF THE REPUBLIC OF ALTAI (on the results of monitoring the language situation in the Republic of Altai in 2019)

The article discusses the results of monitoring the language situation in the Chermal and Maiminsky regions of the Altai Republic. One of the questionnaire questions was the question of the leading language of communication in the family and public spheres. Depending on the subjects of communication, the situation and the environment, respondents widely use linguistic bilingualism.

Keywords: Altai, culture, language, society, sphere of communication, language situation, indigenous people.

В рамках выполнения Поручения Президента РФ по итогам заседания Совета при президенте Российской Федерации по международным отношениям и Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку от 4 июля 2015 г. № Пр-1310 сотрудники НИИА им. С.С. Суразакова по проекту «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай (на примере Майминского и Чемальского районов РА)» 26.06-28.06.2019 и 01.07-04.07.2019 провели сбор анкетного материала по языковой ситуации в населенных пунктах МО «Майминский район» и МО «Чемальский район» Республики Алтай (далее – РА).

Целью мониторинга являлось изучение языковой ситуации в МО «Майминский район» и МО «Чемальский район» РА.

Для достижения поставленной цели ставился целый спектр задач. Одной из задач стало определение коммуникативного потенциала языков, в т. ч. в каких ситуациях (где и с кем) употребляется алтайский язык.

Объектом исследования стали носители алтайского языка, проживающие в населенных пунктах МО «Майминский район» и МО «Чемальский район» РА.

Предметом исследования была определена языковая ситуация в Майминском и Чемальском районах РА.

Маршрут полевых работ в МО «Майминский район» состоял из семи населенных пунктов: Майма, Кызыл-Озёк, Средний-Сайдыс, Верхний-Сайдыс, Урлу-Аспак, Бирюля, Александровка, в МО «Чемальский район» –

из девяти населенных пунктов: Чемал, Бешпельтир, Чепош, Аскат, Анос, Аюла, Куяс, Эдиган, Ороктой. Всего мониторингом было охвачено 16 сел, в их числе соответствующие районные центры – это с. Майма и с. Чемал.

Для проведения мониторинга была разработана социолингвистическая анкета, состоявшая из 21 вопроса на русском и алтайском языках.

В исследовании была использована квотная выборка, которая предполагает предварительное наличие статистических сведений по ряду существенных либо коррелирующих с ними характеристик генеральной совокупности, которая была определена у 350 респондентов: 150 из Майминского района, 200 – из Чемальского. Такое соотношение респондентов было обусловлено более низкой компактностью расселения алтайцев в Майминском районе по сравнению с Чемальским районом. Так, в Майминском районе, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., из 28309 чел., проживающих в районе, национальную принадлежность как алтайцы указали 2337 чел., что составляет 28,3%; в Чемальском районе из 9296 чел. алтайцев – 2620 чел., что составляет 28,2% [Население].

Подчеркнем, что здесь мы остановимся только на вопросах, связанных с использованием алтайского и русского языков в тех или иных сферах, как например, в семье с родителями или на производстве.

Полученные в Майминском районе ответы были сведены в таблицу 1 [ПМА–1].

Таблица 1

На каком языке (языках) Вы общаетесь в нижеперечисленных сферах?

Сфера общения	Варианты ответа									
	Только на алтайском языке		Чаще всего на алтайском, но иногда использую русский язык		Общаясь равнозначно на алтайском и русском языках		Чаще всего на русском языке, но иногда использую алтайский язык		Только на русском языке	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
с супругом(-ой) (вопрос для состоящих в браке)	8	5,3	6	4	13	8,6	11	7,3	59	39,3
со своими детьми (если есть)	28	18,6	6	4	14	9,3	17	11,3	63	42
с родителями, с бабушкой, дедушкой (если есть)	58	38,6	4	2,6	11	7,3	18	12	42	28
на работе	15	10	4	2,6	20	13,3	16	10,6	74	49,3

с друзьями	27	18	8	5,3	33	22	20	13,3	59	39,3
в учебном заведении (колледже, училище, техникуме, вузе) (вопрос для учащихся)	-	-	1	0,6	2	1,3	6	4	13	8,6

Так, в населенных пунктах Майминского района РА только на алтайском языке общаются с супругом (-ой) 38 чел., что составляет 25,3%, со своими детьми – 28 чел. (18,6%), с родителями, бабушками и дедушками – 58 чел. (38,6%), на работе на алтайском языке общаются 15 чел. (10%), с друзьями – 27 чел. (18%), в учебных заведениях на алтайском языке не общаются вовсе.

Общение информантов на алтайском языке, как видно из таблицы, прямо взаимосвязано с субъектами общения, так, с супругом(-ой), со своими детьми, родителями носители языка стараются общаться на алтайском языке, во внешнем мире, т.е. на работе, с друзьями, в учебных заведениях общаются на русском языке.

Стабильные позиции демонстрирует билингвизм коренного населения, так респонденты отметили, что в зависимости от круга общения, конкретного человека, с кем они ведут диалог, они могут говорить как на алтайском, так и на русском языке.

Относительно общения на русском языке респонденты ответили, что на нем общаются с супругом(-ой) 59 чел. (39,3%), со своими детьми – 63 чел. (42%), с родителями – 42 чел. (28%), на работе – 74 чел. (49,3%), с друзьями – 59 чел. (39,3%) и в учебных заведениях – 13 чел. (8,6).

К общению на русском языке тяготеют респонденты, выбравшие графу «чаще общаемся на русском языке», в общем счете его использование в семейной сфере (пункты с супругом(-ой), со своими детьми, с родителями) подтвердило 46 чел. (30,6%), в общественной (пункты на работе, с друзьями, в учебном заведении) – 42 чел. (27,9%).

Суммарно, вместе с учетом графы «чаще на русском языке», общаются в семейной сфере 139,9%, в общественной – 125,1%, на алтайском языке, вместе с графой «чаще на алтайском языке», в первом случае – 93,1%, во втором – 36,5% соответственно.

Результаты, полученные в ходе опросов в Чемальском районе, были сведены в таблицу 2 [ПМА–2].

Таблица 2

Язык (языки) общения в нижеперечисленных сферах?

Сфера общения	Варианты ответа									
	Только на алтайском языке		Чаще всего на алтайском, но иногда использую русс. яз.		Общаясь равнозначно на алтайском и русс. яз.		Чаще всего на русском языке, но иногда использую алт. яз.		Только на русском языке	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
с супругом(-ой) (вопрос для состоящих в браке)	47	23,5	20	10	28	14	20	10	51	25,5
со своими детьми (если есть)	29	14,5	14	7	48	24	17	8,5	56	28
с родителями, с бабушкой, дедушкой (если есть)	77	38,5	9	4,5	24	12	24	12	50	25
на работе	22	11	16	8	50	25	12	6	71	35,5
с друзьями	30	15	2	1	81	40,5	12	6	73	36,5
В учебном заведении (колледже, училище, техникуме, вузе) (вопрос для учащихся)	1	0,5	2	1	7	3,5	5	2,5	15	7,5

Респонденты, состоящие в браке, ответили, что с супругом(-ой) чаще разговаривают на русском языке 25,5% (51 чел.), а на алтайском языке этот показатель чуть-чуть ниже, это 23,5% (47 чел.). Билингвизм, как в случае, когда эпизодически используется русский язык или алтайский язык, показал одинаковые результаты по 10% (20 чел.) соответственно. Пункт «равнозначное общение на русском и алтайском языках» выбрало 14% (28 чел.), что свидетельствует о свободном владении двумя языками некоторым процентом населения.

При этом в общении со своими детьми предпочитают русский язык 28% (56 чел.) и равнозначное общение на алтайском языке 24% (48 чел.), в наименьшей степени говорят на алтайском языке с использованием русского языка 7% (14 чел.), и наоборот – 8,5% (17 чел.). Также надо отметить, что 14,5% (29 чел.) указали, что общаются со своими детьми только на алтайском языке.

В общении со старшим поколением респонденты предпочитают алтайский язык 38,5% (77 чел.), но также активно используют и русский язык 25% (50 чел.), равнозначно используют русский и алтайский языки 12% (24 чел.) в обоих случаях.

В производственной деятельности в большей степени используют русский язык 35,5% (71 чел.), выявлено равнозначное общение на двух указанных языках для 25% (50 чел.). Алтайский язык используют 11% (22 чел.) опрошенных, и меньше всего говорят на русском языке с эпизодическим привлечением алтайского языка 6% (12 чел.).

Языками общения с друзьями являются равнозначно используемые русский и алтайский языки 40,5% (81 чел.), также сильны позиции пункта общения только на русском языке – 36,5% (73 чел.), только на алтайском общаются 15% (30 чел.). Общение на русском языке с привлечением алтайского языка составило 6% (12 чел.), и наоборот – 1% (2 чел.).

Подавляющее большинство учащихся, 7,5% (15 чел.), говорит в учебных заведениях только

на русском языке, равнозначно на двух языках общаются 3,5% (7 чел.), и только 1 чел. (0,5%) указал, что предпочитает общаться на алтайском языке.

Таким образом, в исследуемых районах блок вопросов, выявляющий язык общения респондента в разных сферах жизни общества, показал следующее: в Майминском районе только на алтайском языке общаются с супругом(-ой) 38 чел. (25,3%), со своими детьми – 28 чел. (18,6%), с родителями, бабушками и дедушками – 58 чел. (38,6%), на работе – 15 чел. (10%), с друзьями – 27 чел. (18%), в учебных заведениях на алтайском языке респонденты не общаются вовсе; в Чемальском районе только на алтайском языке общаются с супругом(-ой) 47 чел. (23,5%), со своими детьми – 29 чел. (14,5%), с родителями, бабушками и дедушками – 77 чел. (38,5%), на работе – 22 чел. (11%), с друзьями – 30 чел. (15%), в учебных заведениях – 1 чел. (0,5%); только на русском языке в первом случае общаются с супругом(-ой) 59 чел. (39,3%), со своими детьми – 63 чел. (42%), с родителями – 42 чел. (28%), на работе – 74 чел. (49,3%), с друзьями – 59 чел. (39,3%) и в учебных заведениях – 13 чел. (8,6); во втором районе только на русском языке общаются с супругом (-ой) 51 чел. (25,5%), со своими детьми – 56 чел. (28%), с родителями – 50 чел. (25%), на работе – 71 чел. (35,5%), с друзьями – 73 чел. (36,5%) и в учебных заведениях – 15 чел. (7,5%). Стабильные позиции демонстрирует билингвизм коренного населения: респонденты отметили, что в семье и в обществе в зависимости от круга общения, конкретного человека, с кем они ведут диалог, могут говорить как на алтайском, так и на русском языке.

Общение информантов на алтайском языке, как видно из таблицы, прямо взаимосвязано с субъектами общения: с супругом (-ой), со своими детьми, родителями носители языка стараются общаться на алтайском языке, во внешнем мире, т.е. на работе, с друзьями, в учебных заведениях, общаются на русском языке.

Литература

Население Республики Алтай [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%90%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9#cite_note-72 (дата обращения 26.05.2020).

ПМА – 1. Полевые материалы автора, собранные в населенных пунктах Майминского района Республики Алтай в 2019 г.

ПМА – 2. Полевые материалы автора, собранные в населенных пунктах Чемальского района Республики Алтай в 2019 г.

А. Д. Каксин

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(Россия)*

КОЙБАЛЬСКИЙ ГОВОР ХАКАССКОГО ЯЗЫКА: ОСНОВНЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ*

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00258 «Миноритарные этносы Южной Сибири: семиотико-когнитивное, лингвистическое и социолингвистическое измерение»

В статье анализируется общий строй (или структура) койбальского говора хакасского языка, в современных генетических классификациях определяемого как часть тюркского континуума. В то же время указываются и явления, предопределенные тем обстоятельством, что на территории, ныне занимаемой хакасским языком, бытовал койбальский язык – представитель южной ветви самодийской языковой группы. В связи с этим производится реконструкция схемы взаимодействия языков, в результате реализации которой появился койбальский говор хакасского языка. Общий строй исследуемой языковой идиомы характеризуется исходя из совокупности фонетических и грамматических черт (признаков) на современном этапе.

Ключевые слова: языковое развитие, взаимодействие языков, строй языка, койбальский говор хакасского языка.

A. D. Kaksin

N.F. Katanov Khakass State University (Russia)

THE KOIBAL PARLANCE OF THE KHAKASS LANGUAGE: MAIN TYPOLOGICAL FEATURES*

* The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research project № 20-012-00258 «Minority ethnic groups of South Siberia: semiotic-cognitive, linguistic and sociolinguistic dimension»

The article analyzes the general structure of the Koibal parlance of the Khakass language, in modern genetic classifications defined as part of the Turkic continuum. At the same time, it is known that in the territory now occupied by the Khakass language, there was a Koibal language – a representative of the southern branch of the Samoyed language group. In this regard, the language interaction scheme is being reconstructed, as a result of which the Koibal parlance of the Khakass language has emerged. The general structure of the language idiom under study is characterized by the combination of phonetic and grammatical traits (features) at the present stage.

Keywords: language development, language interaction, language system, the Koibal parlance of the Khakass language.

Особое отношение к койбальскому говору хакасского языка выработалось достаточно давно: замечания о его отличительных особенностях и месте на языковой карте региона встречаются в трудах многих исследователей [см., напр.: Боргояков, 1959; Боргояков, 1981. С. 25–33; Анжиганова, 1992а; Патачакова, 1992. С. 20–22].

Интересна история складывания койбальского говора. Если кратко: он явился результатом ассимиляции одного из самодийских диалектов тюркским. Теперь уже является общепризнанным фактом, что в древности самодийские языки были широко представлены на территории Присаянья. Но тюркские языки, распространившиеся позднее, часть этих языков отеснили к северу, а другую часть – ассимилировали [Кызласов, 1959; Хелимский, 1982. С. 35–37; Кюннап, 1993; Хелимский, 1996. С. 108–110].

Суть названного процесса очень точно описана М.И. Черемисиной: ассимиляция «заканчивается смертью более слабого языка, который не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на судьбу поглотившего его языка – гораздо более сильного. Носители ассимилируемого языка переходят на новый язык и вливаются в состав этноса, представленного этим языком, принимая его культуру, образ жизни и верования» [Черемисина, 2002. С. 236].

Ассимиляционные процессы затрагивают, прежде всего, лексику и фонетику языка. На первых этапах новый язык усваивается в своей базовой лексике, затем этот круг расширяется и постепенно народ переходит на новую лексическую и фонетическую систему. При этом от старого лексикона может и остаться некоторое количество слов, однако и они меняются в своём произношении. Так, в койбаль-

ском говоре до сих пор фиксируется около 50 слов, не совпадающих с вариантами хакасского литературного языка. В частности, к числу исконно койбальских относятся слова *ассизеть* 'бездетный', *амнызеть* 'безрогий', *инзиде* 'больной', *аи* 'дверь', *тирра* 'деревня', *улу* 'голова' [Анжиганова, 1992а. С. 52].

Еще один перечень выявляется в результате анализа академического Хакасско-русского словаря. В него входят, в частности, следующие лексические единицы (обратим внимание на то, что в большинстве случаев в словарной статье указывается и основное, тюркское, слово): *АЙ* II *койб.* полевой лук; *см. көбірген* [ХРС, 2006. С. 38], *АЛДА* *койб.* соболь; *см. албыга* [ХРС, 2006. С. 53], *КА* *койб. уст.* лось; *см. пулан* [ХРС, 2006. С. 149], *КІЧЕК* *койб.* кукла (*из тряпок*); *см. ончаа; кічек ойнирга* играть в куклы [ХРС, 2006. С. 180], *ПОЛЧАМ* *койб.* холмик; *см. тәң; тәңейек* [ХРС, 2006. С. 378].

В словаре фиксируются также случаи, когда слово является употребительным и в койбальском говоре, и в каком-либо другом территориальном ответвлении хакасского языка (к примеру, в сагайском диалекте). Это явление мы трактуем в том смысле, что процесс ассимиляции протекал сложно, неоднозначно, в том числе и в отношении результата: на этой определенной территории привилась именно сагайская лексема, а в литературный язык была вовлечена другая (но также, безусловно, тюркская). Приведем примеры: *АРСЫҢ* *саг., койб.* пережат; *см. артым; суг арсыгы* пережат на реке; *арсыгча кизерге* переходить [реку] по пережатию [ХРС, 2006. С. 77], *ОЙНАСТИРҢА / ойнаста-/ саг., койб.* 1) развратничать, прелюбодействовать; 2) быть в любовной связи с кем-л. [ХРС, 2006. С. 298], *ӨЗЕК (-гi)* *саг., койб.* кол; колышек; *см. өрген I; ос өзек* осинового кола; *өзек хазирга* забить кол [ХРС, 2006. С. 321].

Этот список, безусловно, можно пополнить: к примеру, в уже упоминавшейся работе М.И. Боргоякова есть ссылки на небольшие словники койбальского говора, содержащиеся в источниках XVIII–XIX вв. [Боргояков, 1981. С. 125–141]. Однако некоторые выводы можно сделать, исходя из вышеприведенного списка. Большинство этих слов демонстрируют набор и сочетаемость звуков уральского типа (как известно, противопоставленного алтайскому звукоряду). Далее, ряд слов укладывается и в схемы компаративистики, т.е. для них реконструируется древний корень уральского или

самодийского праязыков. Самыми показательными в этом смысле являются, на наш взгляд, слова *улу* 'голова' и *аи* 'дверь': первое из них можно возвести к тому же корню уральского праязыка, от которого произошли слова современных языков со значениями 'верхний', 'крыша' (или ср. хант. *улы-мулы* 'безголовый'), а второе – к прафинно-угорскому слову со значениями 'открывать', 'отворять', 'развязывать' (или ср. хант. *ов*, финск. *ovi* 'дверь').

Таким образом, наличие указанной группы слов, хотя и свидетельствует о самодийском субстрате, позволяет сделать вывод о почти полном замещении самодийской лексики тюркской (сохранившийся состав вытеснен на периферию лексической системы).

С точки зрения грамматической типологии современный койбальский говор, безусловно, является тюркским. Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно прочитать (или прослушать), например, следующий текст: *Топленай масланы хайылдырган хайах, үсте:н де: хайах тіфча:ла:р, хайзы хайылдыр салган, хайзы үстеп салган тіфча. Сметен потхы и:дiвал, анаң үстүне талган урувс, умурталган то:ладыс. Чичинала: умуртох тіфча, Чылтыгашефте:р, Миндибекофта:р олар умуртох тіфча:ла:р. Хыйманы пик арах тудуф, пик арах сугуф о:дырага кирек, көмес сугуф, палгавзага. Па:рды се:чке: начыфча:м* [Анжиганова, 1992б. С. 175–176]. Перевод отрывка на русский язык: «Топлёное масло называют и хайылдырган (букв. растаявшее), и топлёное масло, некоторые говорят (я) растаял масло, некоторые – растопил. Сделай сметанную потхы, наверх посыпать талган, талган из умурта (черемуховый). Чичининцы (жители Чичины) тоже умурт говорят, Мылтыгашевы, Миндибековы, они тоже умурт называют. Хыйма (толстые кишки лошади) держать крепко, натолкать посильнее (мясо), связать. Печень крошу в сечке» [Анжиганова, 1992б. С. 177].

Этот текст далее можно проанализировать в плане выражения в нем аспектуальной семантики (глагольными формами). Известно, что в тюркских языках выражение аспекта действия существенно отличается от того способа, который «принят» в других языках. Ярким примером здесь является оппозиция русских глаголов совершенного и несовершенного вида. В тюркских языках, напротив, получил распространение способ суффиксального оформления

(и тем самым – дифференциации) основных характеристик действия: скоротечности (при этом может быть указана мгновенность начальной или конечной фазы) ~ длительности ~ регулярной повторяемости ~ завершенности (результативности). В приведённом отрывке данное положение подтверждается использованием глагольных слов: *хайылдырган* ‘топлёный’, *тифчалар* ‘говорят’, *хайылдыр салган* ‘растопил’, *устеп салган* ‘растопил’, *идивал* ‘сделай’, *тудуф* ‘держа’, *сузуф одыр* ‘засовывая’, *палгавзага* ‘завязать’, *начыфчам* ‘крошу’. (Графемой *ф* в данном случае отражается специфическое койбальское произношение тюркского звука [п]).

Обращает на себя внимание и типично тюркское оформление грамматической категории числа. В частности, системно-разговорное противопоставление единичности и множественности проявляется в употреблении глагольных форм *тифча* ‘говорит’ (обобщенно: каждый житель этого поселения так говорит) и *тифчалар* ‘говорят’. Аналогичные закономерности в образовании и функционировании числовых аффиксов наблюдаются и в других диалектах хакасского языка, в частности, в качинском [Патачакова, 1964. С. 7–11].

Подобные записи, а также материалы словарей и других печатных изданий подтверждают наличие у койбальского говора базовых признаков языка тюркского типа: исторически сложившийся фонемный состав, закономерно обусловленные сочетания согласных, сингармонизм, шестиместная именная падежная парадигма, определенный набор форм глагольного наклонения-времени. Добавим к тому черты, определяющие специфику языков алтайской типологической общности в целом: преимущественная однозначность аффиксов;

действие категории принадлежности и в сфере имени, и в сфере глагола; единообразная система залоговых форм; богатство системы инфинитных форм и, на основе последней, – развернутая система зависимой предикации [Убрятова, 1959. С. 145–146; Никонов, 1988. С. 49–54; Гаджиева, 1990. С. 528–529; Черемисина, 1992. С. 81–83; Чертыкова, 1992; Широбокова, 2005. С. 178–186].

В этот список следует добавить признаки и свойства, также единые для тюркских языков, но отличающие их от языков уральского типа. В дополнительный перечень входят: наличие изафетной конструкции; приблизительно равный объем дериватом каузатива и декаузатива, дифференциальное маркирование объекта, морфологическое противопоставление императива, юссива и гортатива, имплицативная реализация граммем категорий числа-падежа и детерминации, морфологическое выражение обусловленной модальности, специфический набор средств выражения эвиденциальности [Плунгян, 2000. С. 287–303. Каксин, 2013. С. 51–82].

Другими словами, общий строй исследуемой языковой идиомы характеризуется в целом как алтайский (и это одна сторона того типологического подхода к языку, который мы исповедуем). Имеются отдельные явления (преимущественно лексические), не вписывающиеся в эту парадигму, но их присутствие легко объясняется: они «остались» от того далекого, по времени, состояния, когда люди, населявшие эти места, говорили на самодийском койбальском языке. Говоря о другом аспекте типологии (если продолжать данную линию), можно заключить следующее: койбальский говор относится к типу языковых образований, появившихся в результате ассимиляции одного языка другим.

Литература

- Анжиганова О.П.** Койбальский говор хакасского языка (О некоторых особенностях гласных по материалам ДАТЯС) // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 51–64.
- Анжиганова О.П.** Образцы речи койбалов // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 174–182.
- Боргояков М.И.** Источники и история изучения хакасского языка. – Абакан, 1981. – 144 с.
- Боргояков М.И.** О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Ученые записки ХакНИИ-ЯЛИ. Вып. VII. – Абакан, 1959. – С. 135–139.
- Гаджиева Н.З.** Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 527–529.
- Каксин А.Д.** Хакасский язык в аспекте лингвистической типологии. – Абакан, 2013. – 108 с.
- Кызласов Л.Р.** К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки ХакНИИ-ЯЛИ. Вып. VII. – Абакан, 1959. – С. 70–92.
- Кюннап А.** Койбальский язык // Языки мира: Уральские языки. – М., 1993. – С. 389.
- Никонов В.А.** Об этногенетических связях хакасов по данным сочетания согласных в их языке //

Историко-культурные связи народов Южной Сибири. – Абакан, 1988. – С. 48–56.

Патачакова Д. Ф. Диалектные различия в хакасском языке, возникшие вследствие эволюции согласных F и Г // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 19–31.

Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. X. – Абакан, 1964. – С. 3–12.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М., 2000. – 384 с.

Убрятова Е. И. Из выступления на научной конференции, посвященной 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VII. – Абакан, 1959. – С. 140–146.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). – М., 1982. – 164 с.

Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир: (Справочник по истории, культуре и языку). – Будапешт-Москва, 1996. – С. 101–115.

Хакасско-русский словарь. Под общей ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск, 2006. – 1114 с.

Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. – Новосибирск, 2002. – 254 с.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1992. – 92 с.

Чертыкова М. Д. Аффиксы сказуемости в говоре населения улуса Верх-Киндирла // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 65–71.

Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск, 2005. – 269 с.

З. Е. Каскаракова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ВКЛАД Д. Ф. ПАТАЧАКОВОЙ В РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В статье говорится о роли словарной работы в создании и формировании хакасского литературного языка. Научная деятельность Д. Ф. Патачаковой всегда была связана с подготовкой и составлением различного вида словарей. В названной работе показан ее вклад в хакасскую лексикографию.

Ключевые слова: Д. Ф. Патачакова, хакасский язык, лексика, лексикография, словари переводные: хакасско-русский, русско-хакасский.

Z. Ye. Kaskarakova

*Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

D. F. PATACHAKOVA'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF LEXICOGRAPHY OF THE KHAKASS LANGUAGE

The article talks about the role of dictionary work in the creation and formation of the Khakass literary language. D. F. Patachakova's scientific activity has always been associated with the preparation and compilation of various types of dictionaries. This work shows her contribution to the Khakass lexicography.

Keywords: D. F. Patachakova, Khakass language, vocabulary, lexicography, translation dictionaries: Khakass-Russian, Russian-Khakass.

Словари являются одним из основных источников для изучения словарного фонда любого языка. В настоящее время в хакасской лексикографии имеется более 30 словарей: двуязычных, отраслевых, терминологических. Основное место среди них занимают переводные словари.

Потребность в словарях хакасского языка (хакасско-русском, русско-хакасском и др.)

возникла в первые годы создания хакасской письменности (1926).

Хакасский литературный язык формируется после Октябрьской революции. В то время большая работа проводилась по систематизации лексики, развивалась учебная лексикография, составлялись различного типа словари и словники (начиная от двуязычных школьных до словарей большого объема). Современный

хакасский литературный язык – это язык с оформившейся грамматикой, орфографией и богатой лексикой. Каждая из этих сторон имеет свою историю. Исследования лексической системы хакасского языка в какой-то степени затрагивают и хакасскую лексикографию.

Научная деятельность Дарьи Федоровны Патачаковой, кандидата филологических наук, была исключительно многообразной. Имя известного хакасского ученого неразрывно связано с изучением актуальных проблем хакасского языкознания в области фонетики, морфологии, лексикологии, диалектологии, орфографии.

Одновременно с научной работой Дарья Федоровна вела большую педагогическую работу как член учебно-методического совета Хакасского облоно, долгие годы принимала участие в совершенствовании преподавания хакасского языка в школах области, в подготовке учебников и учебных пособий. Ею подготовлено и издано более 110 статей и учебников.

Но мы хотели бы рассмотреть лишь те работы Д.Ф. Патачаковой, которые посвящены вопросам лексикографии хакасского языка. Нельзя не отметить неоценимый вклад, сделанный Д.Ф. Патачаковой в эту сферу. Ею был составлен и опубликован переводной «Хакасско-русский словарь» для начальных школ (2400 слов) [Кокова, 1942]. В словник включены слова из книг для чтения в 1–4 классах, общеупотребительная лексика, а также слова, связанные с жизнедеятельностью детей. Словарь был издан в 1942 г. во время Великой Отечественной войны, поэтому в него включены термины, связанные с войной и военной техникой. Некоторым малопонятным терминам даны пояснения, например, *автобус* (кізілер тартчаң автомобиль). Этот словарь как учебное пособие имел большое значение для учащихся школ и учителей, а также для лиц, слабо владеющих русским языком.

Дарья Федоровна Патачакова в соавторстве с Ц.Д. Номинхановым в 1948 г. подготовила и выпустила «Хакасско-русский словарь» (4264 слов) для начальных школ [Кокова, Номинханов, 1948]. Это был один из первых школьных словарей, призванный помочь детям в овладении русским языком. В данном словаре некоторым диалектизмам даны их параллели, впервые получает отражение такое явление, как многозначность слова.

Ценным вкладом в развитие хакасской терминологии явился «Краткий словарь об-

щественно-политических терминов» [Патачакова, 1955]. В словаре впервые термины были подвергнуты систематизации, а некоторые – также и толкованию. Именно данный лексикографический труд явился основой для создания последующих двуязычных терминологических, тематических словарей (около 10 различных словарей), в том числе «Русско-хакасский словарь лингвистических терминов» (составители: О.П. Анжиганова, М.И. Боргояков, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова [1976, 2001, 2012]), а также и другие словари.

Д.Ф. Патачакова также работала над составлением «Русско-хакасского словаря», который вышел в свет в Москве в 1961 г. Данный словарь до настоящего времени является актуальным, им пользуются школьники, студенты, лингвисты и другие заинтересованные лица.

В 1994 г. ею подготовлен и выпущен «Хакасско-русский словарь» для начальных школ (5000 слов) [Патачакова, Сагалакова, Торбастаева, 1994]. Перечисленные словари были и остаются до сих пор неплохими справочными пособиями для хакасских национальных школ и вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся хакасским языком.

Сотрудники сектора языка в конце 1970-х гг. помимо своих плановых научных работ под руководством М.И. Боргоякова стали вести работу по подготовке нового словаря: собирали материал и составляли словарные статьи. В составлении этого словаря активное участие принимала и Дарья Федоровна. Выход в свет в 2006 г. «Хакасско-русского словаря» необходимо признать большим и важным событием. Словарь содержит 22 тыс. слов современного литературного хакасского языка, включая устаревшие и диалектные. Ценность его состоит в том, что он дает довольно полное представление об основном словарном фонде и наиболее активном слое словарного состава хакасского языка.

Дарья Федоровна Патачакова была и остается крупным языковедом-исследователем не только в области лексикологии лексикографии, кроме того, ей принадлежат многочисленные опубликованные ценные научные труды по различным проблемам хакасского языка, а также 7 словарей, тем самым она внесла весомый вклад в развитие хакасского языкознания.

Литература

Боровков А. К. Из опыта составления русско-национальных словарей. Лексикографический сборник. Вып. 1. – М., 1957.

Кокова Д. Ф. Хакасско-русский словарь для хакасских начальных школ. – Абакан, 1942.

Кокова Д. Ф., Номинханов Ц. Д. Хакасско-русский словарь для начальных школ. – Абакан, 1948.

Патачакова Д. Ф. Краткий словарь общественно-политических терминов. – Абакан, 1955.

Патачакова Д. Ф., Сагалакова Е. М., Торбастаева А. И. Хакасско-русский словарь для начальных школ. – Абакан, 1994.

Русско-хакасский словарь. Под ред. Д. И. Чанкова. – М., 1961.

Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. – Новосибирск, 2006.

М. А. Кузнецова

Монашевская средняя образовательная школа (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПОСРЕДСТВОМ КОРОТКИХ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ

В статье рассматривается формирование социокультурной компетенции иностранных студентов на занятиях по русскому языку посредством коротких аутентичных видеоматериалов. Воссоздается на практике составление студентами аутентичного видеоматериала на примере проведения заочной экскурсии в музей-квартиру художника В. Н. Пчелина в Москве.

Ключевые слова: аутентичные видеоматериалы, социокультурная компетенция, русский язык.

M. A. Kuznetsova

Monashevskaya Secondary School (Russia)

FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE ON THE BASIS OF THE RUSSIAN LANGUAGE CLASSES THROUGH SHORT AUTHENTIC VIDEO MATERIALS

The article deals with the formation of the sociocultural competence of foreign students in the Russian language classes through short authentic video materials. The practice of compiling authentic video material by students using the example of an extramural excursion to the museum-apartment of the artist V.N. Pchelin in Moscow.

Keywords: authentic video materials, sociocultural competence, Russian language.

Языковое образование в учреждениях высшего образования должно вести к повышению познавательной активности у студентов, что не только позволит обеспечить владение иностранным языком как инструментом коммуникации, но и станет одним из условий познания культур. Для иностранных студентов русский язык должен стать средством ориентации в многоязыковом мире, а также источником нравственных ориентиров при вербальном и невербальном общении и поведении.

Для того, чтобы познакомить студентов со спецификой социокультурного, политического и социально-экономического этапов развития страны изучаемого языка, знание иностранного языка должно быть наполнено знанием особенностей культуры, практических умений и навыков в поведении [Соловьева, 2006. С. 49].

Такой уровень владения иностранным языком ожидается от студентов, начиная с первых курсов обучения русскому языку.

Одним из средств формирования социокультурной компетенции на занятиях по русскому языку является использование технических средств обучения, а именно коротких аутентичных видеоматериалов.

Обращение к техническим средствам в процессе преподавания русского языка иностранным студентам обусловлено, во-первых, тем, что они несут яркую информацию, недоступную или малодоступную для обучающихся при обычных способах преподавания, во-вторых, повышают эмоциональное восприятие языка, в-третьих, способствуют активизации познавательной деятельности, а также снижают утомление, характерное для занятий в

вузах. С их помощью достигается комплексное воздействие на студентов различных видов искусств, смежных с русским языком.

Вопрос об использовании преподавателем коротких аутентичных видеоматериалов активно решается в теории и практике преподавания русского языка. Наиболее широко разработана методика их включения в урок.

Успех работы во многом зависит от умения преподавателя подготовить студентов к восприятию экранного пособия. Преподаватель посоветует, на что надо обратить внимание во время просмотра видеоматериала, на какие вопросы ответить после его демонстрации, какую работу выполнить в заключение темы и т. д.

Одной из эффективных форм активизации социокультурной компетенции студентов накануне лекционного занятия с использованием видеоматериала является сообщение им установочных вопросов или плана лекции. К моменту начала занятия студенты должны обладать определенным запасом знаний, необходимым для его восприятия. Поэтому следует повторить то, что связывает предшествующий материал с темой видеоматериала. Во время лекции с использованием коротких аутентичных видеоматериалов работу студентов можно организовать по-разному. Если лекция насыщена большим иллюстративным материалом, то рекомендуется давать студентам задание вести записи, так как студенты, особенно иноязычные, могут многое пропустить из того, что будет показываться на экране. В этом случае бывает достаточно установочных вопросов или плана лекции. По ним студенты следят за логикой изложения материала.

В отдельных случаях, когда уровень владения языком более высокий, можно вести записи. Записывать видеоматериал обычно труднее, чем лекцию преподавателя. Поэтому преподавателю нужно быть готовым к тому, что некоторые моменты видеоматериала студенты могут не понять или вовсе упустить. В процессе демонстрации видеоматериала преподавателю надо быть в меру активным: направлять внимание группы, вовремя указывать на ошибки в записях и т. д. Более серьезные вопросы во время просмотра видеоматериала решать не рекомендуется; к ним надо вернуться после просмотра. Для закрепления можно предложить студентам прочитать соответствующую статью в учебнике русского языка (или дополнительную литературу) и отобрать из нее

материал на тему занятия, составив сводный конспект.

Специфика использования коротких аутентичных видеоматериалов с целью формирования социокультурной компетенции на занятиях по русскому языку накладывает особый отпечаток на деятельность преподавателя и на характер практических работ студентов. Видеоматериал требует от преподавателя гораздо большей подготовки восприятия учащихся. Урок не будет эффективным, если использование коротких аутентичных видеоматериалов не войдет в систему работы преподавателя, не окажется «впаянным» в нее. Очень важно, чтобы видеоматериал вливался в урок, не был «закупорен» изнутри.

Но самой, пожалуй, интересной, хотя и наиболее сложной и трудоемкой работой является самостоятельное составление студентами видеоматериала.

Рассмотрим такой вариант организации занятия, когда видеоматериал представляется студентам не в готовом виде, а является результатом их совместной работы.

Продумывая организационную часть урока, преподаватель должен найти методы и приемы, которые обеспечили бы всем студентам конкретный фронт работ. Покажем это на примере проведения заочной экскурсии в музей-квартиру художника В. Н. Пчелина в Москве. Подобная работа будет эффективной перед написанием сочинения-описания по картинам художника на занятии по развитию речи.

В состав группы для проведения заочной экскурсии входят 4–5 учащихся: ведущий, оператор, его ассистент, звукорежиссер и художник-оформитель. «Гид» ведет экскурсию, «оператор» и его ассистент иллюстрируют рассказ экскурсовода кадрами видеоматериала. «Звукорежиссер» подбирает по мере необходимости музыкальный фон, заранее монтируя для этого видеозапись. «Художник-оформитель» готовит выставочный материал – книги о жизни и творчестве В. Н. Пчелина, его картины: исторические полотна, натюрморты и пейзажи. Кроме этого «художник-оформитель» готовит вопросы группе для проверки знаний.

Все задания глубоко индивидуальны и в то же время органично связаны друг с другом: ни одно из них нельзя подготовить в одиночку. Это основной принцип формирования социокультурной компетенции, нацеленной на развитие и совершенствование таких важных качеств

личности, как открытость, толерантность, непредвзятость по отношению к представителям других культур. Практические работы студентов, связанные с просмотром коротких аутентичных видеоматериалов, имеют свою специфику. Они дают целостное представление о теме, потому и работы носят относительно завершённый характер.

Создание «сценария» видеоматериала полезно для студентов тем, что оно усиливает сопереживание с изучаемой темой и заставляет подойти к ней с позиции применения знаний. Группа студентов проектирует не только то, что он будет излагать, а главное, как она это сделает, какие пути изберет для того, чтобы увлечь слушателей и зрителей.

Студенты должны пройти определённую методическую подготовку. Преподаватель объяснит, что такое сценарий видеоматериала, чем он отличается от киносценария, как его составить, каковы обязанности членов группы.

Составляя план урока с использованием видеоматериалов, преподаватель должен предварительно просмотреть материал сам, отобрать нужное, составить комментарий к ним, определить время демонстрации, наметить место просмотра в ходе урока и продумать вопросы и задания для студентов. Перед просмотром видеоматериала преподавателю следует подготовить обучающихся к его восприятию. Можно рассказать о лексике, которая будет звучать, рассмотреть определённые разделы фонетики, синтаксиса, орфографии и т.д. Иногда целесообразно поставить перед студентами конкретные задачи, например, проследить за этимологией определённого слова. Если видеоматериал предполагает знакомство студентов с дополнительными источниками знаний, их надо предварительно сообщить студентам. После просмотра надо обязательно дать время осмыслить увиденное и услышанное, определить свое отношение к содержанию и только потом начинать беседу или продолжать занятие.

В практике бытует такой вариант обучения выразительному чтению на иностранном языке с помощью видео. Сначала студентам дается видеоматериал, к примеру, как носитель языка проводит передачу. Затем студент на основе образца сам записывает такую же передачу. Тема передачи может быть разнообразной: как по грамматике русского языка, так и просто познавательного характера, когда посредством

изложения материала тренируются лексические навыки обучаемого.

Группа смотрит и анализирует видеоматериал. Однако стоит поработать над тем, чтобы анализ носил положительный характер. Кроме этого, нельзя выносить на обсуждение неподготовленную речь студента.

Не все студенты соглашаются на такое занятие. Те, кто не готов к публичному выступлению, отмалчиваются. Чтобы каждый смог участвовать в таком занятии, надо создать обстановку, которая, освободив скрытые интеллектуальные резервы студентов, помогла бы за короткий срок овладеть определёнными умениями и навыками. Большую роль в создании такой обстановки играет видеозаписывающее устройство. Студенту нужно дать возможность поработать с ним один на один, будь то профессиональная видеокамера или камера в мобильном телефоне. Видеозапись станет, во-первых, той аудиторией, которой студент не стесняется, во-вторых, она позволит ему увидеть и услышать свои ошибки, исправить их при повторной записи, а главное, она увлекает студента, он не отходит от камеры обычно до тех пор, пока не останется доволен результатом своего труда. Раскованность в психологическом плане приходит незаметно, по мере тренировки. Обучающийся языку студент начинает испытывать желание поделиться с кем-либо своей находкой, новым материалом. Видеозапись выполняет здесь почти всю черновую работу по технологии развития речи и выработке у студента состояния готовности к воспроизведению своих знаний.

Также видеозапись с согласия самого студента можно использовать как форму работы при дистанционном обучении. Студент может записать свой ответ, создать проектную работу, продемонстрировать мастерство владения словом посредством видеозаписи. При этом важно соблюсти одно условие. Для репродуктивных ответов преподавателю необходимо определить хронометраж. Чтобы уложиться в срок, студент должен отобрать из найденного или предлагаемого материала самое главное и пересказать его в соответствующем темпе.

При использовании различных технических средств в преподавании русского языка преподаватель должен соблюдать чувство меры. Совсем не обязательно проводить все занятия с применением аутентичных видеоматериалов, но систематическое их использование способ-

ствуется формированию социокультурной компетенции иноязычных студентов.

Вопросы внедрения инновационных технологий в образовании, совершенствование содер-

жания и методов обучения помогают решить ряд педагогических задач, направленных на активизацию учебной деятельности и развитие культуры обучающихся.

Литература

Зайцева А.В. К вопросу о социокультурном подходе в обучении иностранным языкам // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 7. – С. 208–210.

Искрин С.А. Ситуации общения в процессе обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 9. – С. 40–44.

Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис... д-ра пед. наук. – М., 1992.

Соловьева Н.Н. Состояние современного языкового образования: от школы к ССУЗ. – М., 2006.

А. С. Кызласов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ВКЛАД М.И. БОРГОЯКОВА В СТАНОВЛЕНИЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются биография и работы М.И. Боргоякова, созданные им за годы работы в ХаКНИ-ИЯЛИ. Приводятся воспоминания автора статьи во время учебы в Абаканском педагогическом институте. Также более подробно изучены его некоторые работы, касающиеся древнетюркской письменности. Показан вклад М.И. Боргоякова в хакасоведение, приведены итоги его работы в качестве тюрколога-исследователя.

Ключевые слова: тюрколог, исследователь языка, хакасские диалекты, древнетюркская письменность, лексика, монография.

A. S. Kyzlasov

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

M.I. BORGoyAKOV'S CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF KHAKASS LINGUISTICS

The article discusses the biography and works of M.I. Borgoyakov, created by him over the years of work in KhakNIYaLI. Memoirs of the author of the article while studying at the Abakan Pedagogical Institute are given. He also studied in more detail some of his works relating to ancient Turkic writing. Concrete reviews show the contribution of M.I. Borgoyakov to Khakassology, summarizing the results of his work as a Turkologist-researcher.

Keywords: turkologist, language researcher, Khakass dialects, ancient Turkic writing, vocabulary, monograph.

Имя Михаила Ивановича знакомо каждому лингвисту, изучающему языки тюркских народов. Он был ведущим специалистом в хакасском языкознании и получил признание тюркологов всей России. М.И. Боргояков был первым доктором филологических наук в области хакасского языкознания, организатором исследований в этой области.

Он родился 5 мая 1930 г. в Нижней Тее Аскизского района Хакасской автономной области. Окончив в 1952 г. Абаканский государственный педагогический институт, начал

свой трудовой путь в Хакасском книжном издательстве, а через год был зачислен в аспирантуру факультета тюркской филологии Ленинградского государственного университета. После аспирантуры Михаил Иванович всю свою дальнейшую жизнь связал с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, где в секторе языка работал старшим научным сотрудником, а потом руководил этим сектором. В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Прямое дополнение в хакасском языке».

Научная деятельность М.И. Боргоякова многогранна, он занимался разработкой различных проблем языкознания, синхронии и диахронии хакасского языка.

В 1979 г. Михаил Иванович защитил докторскую диссертацию по теме «Проблемы формирования и развития хакасского языка». Она явилась научно-теоретическим обобщением всей его творческой деятельности. Это была докторская диссертация на материале современного хакасского языка, явившаяся значительным вкладом в изучение хакасского языка и его диалектов.

В 1981 г. Михаил Иванович издает монографию «Источники и история изучения хакасского языка». В ней он подробно анализирует прямые и косвенные источники, сохранившиеся до настоящего времени языковые материалы, по которым можно проследить историю формирования хакасского языка.

М.И. Боргояков опубликовал большое количество статей по отдельным вопросам лексики и грамматики хакасского языка, ряд статей по этногенезу, истории хакасов. Научные интересы Михаила Ивановича касались и области изучения памятников письменности и фольклора. Им открыт ряд исчезнувших диалектов и говоров хакасского языка, изучены процессы ассимиляции языков и народов в Южной Сибири и Хакасии.

Он был одним из редакторов выпусков «Ученые записки ХакНИИЯЛИ», филологических сборников, принимал активное участие в написании грамматики хакасского языка, программ, учебников и учебных пособий по хакасскому языку для школ, отделений педучилища и госпединститута. М.И. Боргояковым опубликовано более 80 научных работ. Как ведущий тюрколог Сибири он был избран членом Комитета тюркологов СССР.

В последние годы Михаил Иванович сочетал научную работу с педагогической: читал теоретические курсы по истории хакасского языка и хакасской диалектологии в Абаканском государственном педагогическом институте, занимался активной общественной работой.

Широко эрудированный, необыкновенно мягкий, отзывчивый и очень скромный, обладающий природной культурой общения с

людьми, руководитель исследовательского коллектива и педагог отличался требовательностью и проницательностью. Таким остался он для нас.

В моей памяти он остался как лектор-педагог. До сих пор в моей памяти звучит его неторопливый голос, рассказывающий о древних письменах, запечатленных на каменных изваяниях в бескрайних степных просторах солнечной Хакасии. Лекции М.И. Боргоякова отличались тем, что каждому студенту было понятно, что он хочет донести слушателю. Он на доске подробно объяснял написание каждой буквы древнетюркского письма. Нам, студентам, был неизвестен тот факт, что в древности у наших предков существовала письменность, и на ней писали, общались. Со временем мы стали понемногу разбираться в ней и даже сами старались писать на этом языке. Постепенно у каждого студента рождалось чувство гордости за наших предков, которые сумели создать письменность и тем самым показали, что ещё в то время они уже достигли высокого уровня культурного развития.

Более подробно остановимся на некоторых работах М.И. Боргоякова, касающихся древнетюркской письменности.

При сравнительном анализе языкового материала из диалектов хакасского языка и древнетюркских памятников М.И. Боргояков приходит к выводу, что шипящая группа диалектов (кыз., шорск. и кач.) по фонетическим особенностям соответствует языку древних надписей (кыз. *еч* // др.-ен. *еч*, кач. *чачын* // др.-ен. *сачын*). Но встречаются примеры употребления *с/з*-диалектов: в памятнике № 32 с. Уйбат написано *ас* «поминальная пища», *калмыс* «оставшийся» [Боргояков, 1968. С. 99–111]. В последующие века признаки *с*-диалекта получили более широкое развитие, и, в конце концов, они стали литературной нормой хакасского языка.

Тюркоязычное ядро хакасов составили кыргызы и древнетюркские племена, язык этих двух групп отразился в енисейских надписях в виде следов говоров. Язык древних кыргызов в большей степени отразился в качинском диалекте, а язык древних тюрков – в сагайском.

О состоянии языка хакасов XVI–XVII вв. М.И. Боргояков судит по языку кыргызов уезда Фуюй на севере от г. Харбин в провинции

Хейлунцзянь (северо-восточная часть КНР) – потомков енисейских кыргызов, как полагает тюрколог Э.Р. Тенишев. Исходя из данных языка фууйских кыргызов, он приходит к выводу, что язык енисейских кыргызов-хакасов был з-языком [Боргояков, 1968. С. 99–111].

Сравнительные наблюдения показали, что в языке этих надписей действительно отражены местные языковые особенности, в основном, в области лексики и, частично, в фонетике. Таким образом, язык этих надписей в некотором смысле также является источником для изучения истории хакасского языка и его диалектов [Боргояков, 1981. С. 92–112].

Очень ценными наблюдениями по этническим и географическим названиям в енисейских памятниках древнетюркской письменности поделился в своей обстоятельной статье М.И. Боргояков [Кызласов, 2009. С. 32]. В них он исследует значения слов *ач, ара, агу, туран, пуга, ұзұт, тулус, кешдим//кыштым, кан//хан, тепсей, умай* и др. Разбирая надписи древнетюркских памятников, автор пришел к выводу, что эти слова являются этнонимами. Также встречаются личные собственные имена, термины с социальным значением, которые впоследствии превратились в этноним или фамилии или дошли до современности в виде географических названий. Изучение обозначенных терминов в сопоставительном плане имеет большое значение для истории и языка хакасов и сопредельных с ними тюркских народов Саяно-Алтайского региона. Эти материалы свидетельствуют о существовании генетических и культурно-исторических связей носителей древних и современных родственных языков. В эпоху древнетюркского государства на этих землях происходило общение и сосуществование тюркских и самодийских народностей. И процесс тюркизации нетюркских племен начался в те далекие времена и продолжался вплоть до XIII в. Найденные памятники показывают, что потомки древних хакасов, находясь под властью войск Чингиз-хана, сумели выжить и сохранить свой самобытный язык [Боргояков, 1970. С. 77–94].

М.И. Боргояков сравнивал язык енисейских надписей с хакасскими диалектами, пытаясь при этом устанавливать между ними генетические связи. Сравнительные наблюдения показали, что в этих надписях действительно

отражены местные языковые особенности, в основном в области лексики и частично в фонетике. Таким образом, язык этих надписей в некотором смысле также является источником для изучения истории хакасского языка и его диалектов [Боргояков, 1970. С. 77–94].

Говоря о М.И. Боргоякове как о замечательном специалисте, мне хочется вспомнить те времена, когда я учился на третьем курсе филологического факультета АГПИ. Тогда я писал курсовую работу о диалектах хакасского языка, и Михаил Иванович был назначен моим научным руководителем. Он помогал мне своими советами по сбору языкового материала, учил составлять карточки, правильно оформлять ссылки при написании разделов работы, направлял с выбором научных работ. В дальнейшем эти мудрые советы оказывали содействие в моей научной деятельности. Сейчас мне понятно, что Михаил Иванович в то время писал докторскую диссертацию по исчезнувшим диалектам хакасского языка. Более подробно со словарными материалами по хакасским диалектам можно ознакомиться в работах М.И. Боргоякова [Кызласов, 2016. С. 65]. В них он подробно исследует исторические документы экспедиционных материалов Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, где зафиксирована лексика хакасских диалектов XVIII в. [Боргояков, 1973. С. 109–135].

О Михаиле Ивановиче проникновенно написала самый близкий ему человек – его супруга, кандидат филологических наук В.Е. Майногашева: «Он был замечательным специалистом не только в области синтаксиса, но и в истории языка. Его масштабное тюркологическое мышление привело его к проблемам взаимодействия языков и фольклора народов Евразии. Среди лингвистов такие исследователи встречаются редко. Его труды живут активной жизнью, к ним обращаются специалисты разных наук.

Он оставил для своих начинающих коллег целый список сформулированных тем для написания кандидатских и докторских диссертаций, очень заботился о будущем хакасского языкознания как составной части российской и мировой тюркологии. Он был истинным российским тюркологом. Хакасско-русский словарь начал составляться по его инициативе и под его руководством.

Михаил Иванович мечтал написать десять научных книг, успев издать две монографии и много статей (я не называю его учебников для хакасских школ). Но научный материал, им собранный для книг, огромный. Подготовить его к печати, к сожалению, не успел» [Майногашева, 2005. С. 10–11].

Приведем отзывы хакасских ученых о научной деятельности М. И. Боргоякова:

«Не скоро вырастет ученый такого же зрелого ума, таких же фундаментальных знаний, такого же горячего сердца и такой же беззаветной научной убежденности, как незабвенный Михаил Иванович Боргояков» (д.и.н., проф. Л. Р. Кызласов).

«Михаил Ивановичтиң прай чуртазы амғы чиит төлге көзидім полча. Михаил Ивановичтиң ады ла нимес, че амғы төлге наукада чадын пілбин иткен тоғызының салтары халған» (д.ф.н., проф. В. Г. Карпов).

«Без трудов М.И. Боргоякова сегодня не обходятся ни тюркологи России, ни тюркологи мира. ХакНИИЯЛИ, Хакасия, давшие такого талантливого ученого, могут им гордиться» (д.ф.н., проф. Т. Г. Боргоякова).

«Он все еще недооценен, а между тем заслуживает написания о нем отдельной книги как об ученом, совершившем научный подвиг» (к.ф.н., доцент П. Е. Белоглазов).

Стоит привести то, что сделано М. И. Боргояковым в хакасском языкознании за недолгие годы работы в науке:

– Он определил ряд научных направлений в хакасоведении, заложил основы для исследования истории хакасского языка и его отношения к языку сарыг-югуров, к языку древнеенисейских рунических памятников, к соседним тюркским языкам и языку древнетюркских надписей.

– Им открыты вымершие диалекты хакасского языка: камасинский, кангатский, кайдынский. Их носители частью вымерли, остальные ассимилировались другими народами.

– Им подняты огромные, мало привлекавшиеся столетиями пласты полевых архивных материалов: записей, заметок по языкам, истории и этнографии народов Сибири XVIII–XIX вв.

– М. И. Боргояков опубликовал более 80 научных работ, в том числе две фундаментальные монографии (Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976; Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981), а также два учебника по синтаксису хакасского языка в соавторстве для 7–8 и 6–7 классов хакасских национальных школ.

Литература

Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. – Абакан, 1981.

Боргояков М. И. К вопросу о формировании общенародного языка // В братской семье народов. – Абакан, 1968. – С. 99–111.

Боргояков М. И. Письменность и литературный хакасский язык // 40 лет хакасской письменности. – Абакан, 1967. – С. 18–29.

Боргояков М. И. Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XIV. – Абакан, 1970. – С. 77–94.

Боргояков М. И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. // Диалекты хакасского

языка. Очерки и материалы. – Абакан, 1973. – С. 109–135.

Кызласов А. С. Источники формирования лексического строя современного хакасского языка. – Абакан, 2016.

Кызласов А. С. Формирование национальных норм хакасского литературного языка. – Абакан, 2009.

Майногашева В. Е. Слово о первом докторе наук хакасского языкознания (для потомков-коллег) // Боргояков Михаил Иванович (к 75-летию со дня рождения). – Абакан, 2005. – С. 8–12.

Дж. Претес

Независимый исследователь (США)

ПОЛИСЕМИЯ ПОСЛЕЛОГОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Опираясь на труды Андреа Тайлера и Вивиана Эванса, в статье подробно описываются множественные значения, присущие группе из пяти послелогов в хакасском языке. Каждое отдельное значение представлено со своей сопутствующей образ-схемой, выдвигается гипотеза относительно первичного значения. Кроме того, приводится аргумент в пользу использования корней глаголов для установления протосцены определенного предлога в языках, в которых предлоги не используются при построении сложносоставных слов.

Ключевые слова: предлоги, полисемия, образ-схемы, хакасский язык, корни глаголов, когнитивная лингвистика.

J. Pretes

Independent scholar (USA)

POSTPOSITION POLYSEMY IN KHAKASS

Drawing on the work of Andrea Tyler and Vyvyan Evens, the following details the multiple meanings inherent to a group of five postpositions in the Khakass language. Each distinct meaning is presented with its attendant image schema, and the original meaning is hypothesized. Furthermore, an argument is made for using verb roots to determine the protoscene for a given adposition in languages which do not rely on adpositions in constructing compounds.

Keywords: adpositions, polysemy, image schemas, Khakass, verb roots, cognitive linguistics.

1. INTRODUCTION

There exists a temptation for English native speakers when learning a foreign language - to filter ones understanding of the target language through English, thereby creating a one to one correspondence between a given word in said language and an English word. Any language learned in such a manner, however, is doomed to be little more than a revenant, merely aping the rich conceptualization inherent to every tongue. This difference is evident in Khakass postpositions.

All languages must contend with the concept of spacial relationships and how to convey them. Often this work is done through the use of adpositions. In English, we have static prepositions marking such special relations such as *in*, *on*, *behind*, *above* which state the relationship in terms of position relative to an object, as well as concepts such as contact, distance, and so forth. Other English prepositions encode information of a more dynamic nature, such as *across*, *through*, and *into*. Each of these entails movement along a distinct trajectory or pathway, and thus each may be reduced to a stick figure illustration of that simple movement. Khakass has five different postpositions which relate to trajectory oriented image schemas, prompting the questions: what function(s) do each serve, and what image schemas do they activate, and in turn, what insights into Khakass culture do they provide? Or to rephrase it, what additional information do

they give, above and beyond *over* and *through*? The following is an attempt to 1. Tease out the different image schemas activated for each Khakass postposition, and 2. Provide an explanation for the distribution of image schemas amongst the five postpositions. Or to put it simply, why use X in a given situation rather than Y?

2. BACKGROUND

Cognitive linguistics starts from the premise that the nature of our bodies restricts the way we can experience the world around us (see Johnson, 1987. Lakoff & Johnson, 1999. Gibbs, 2005. Johnson, 2007. Johnson, 2017). Beginning in infancy, our initial experiences allow us to develop simple concepts of spatial relations. In turn, our concepts provide basic structures which can then be combined to form more complex concepts, and which are the basis for the linguistic prompts we know as words. As complexity increases, a single word can assume additional but related meanings – a feature known as polysemy.

2.1. Embodiment

A substantial body of work has grown around the concept of embodiment (Johnson, 1987. Lakoff & Johnson, 1999. Gibbs, 2005. Johnson, 2007. Johnson, 2017). The central idea is that onwards from our birth we interact with the world through our bodies, and the resulting experiences,

particularly in regards to repeating phenomena, shape the concepts that allow for thought. Language is built upon aggregates of concepts and fine-tuned through further experience. These processes are not confined to a single module of the brain, but rather incorporate most neural circuitry. Furthermore, embodiment dispenses with the Cartesian separation of the body and the mind. This is in sharp contrast to previous theories, which regarded language as modular and genetically unique to humans, or posited a preexisting internal language, «mentalese» if you will, which is then translated into the local language to which one first encounters. Contemporary neuroscience supports the theory of embodiment.

2.2. Image Schemas

As experience accretes to the body/mind, spatial and temporal relations develop which may be illustrated with an image schema. An image schema is a barebones diagrammed concept, which evokes a particular phenomenon or series of phenomena, as elaborated in Lakoff (1987), Johnson (1987), and Gibbs & Colston (1995). For example, a line segment with points at the beginning and terminus, coupled with an arrow showing the direction of movement might represent the simple concept of movement along a pathway. Image schemas can then be further elaborated upon or blended with others to create complex ideas. Initially there may be a one to one correspondence between a given word and the concept/image schema it prompts for, but over time similar concepts and their attendant image schemas may attach themselves to the same word. These may involve similar spatial relations, but often include leaps into the abstract, as *through* functions in *they were through with the project*. This results in polysemy – related meanings designated by the same word.

2.3. Polysemy

Briefly stated, polysemy refers to the different but related senses of a given word (Lakoff, 1987. Tyler & Evens, 2001. Tyler & Evens, 2003). For example, *our side won the match* and *she painted the side of the house* display two different meanings of *side*, not only in terms of abstract vs. concrete, but also in the image schemas they activate. Thus a native speaker will understand these different senses because they have learned the image schemas concurrently, and understand what Wittgenstein would term the family resemblances between the two usages, which is to say that sense

of relatedness which allows us to conceptualize blackjack, checkers, baseball, and computer games as games. The polysemy inherent to a given word will form a network of senses, with a primary sense in the center, and branches on which hang clusters of similar senses. But while image schemas are fairly universal, their distribution and activation by lexical items is culturally specific. Such is the case with Khakass.

2.4. Adpositions & Cognitive Linguistics

The first significant examination of the English word *over* from a cognitive linguistics perspective, is based on the work of Claudia Brugman, and refined by Brugman and George Lakoff (1987). Their analysis shows that polysemous usages of *over* are not arbitrary, but rather linked through image schema relations. The authors expanded on their granular analysis (Brugman & Lakoff, 2006), arguing that a «network mode of storage is cognitively real» and «allows for a maximum of shared, and otherwise related, information between the senses», which is to say that the internal structure of a category leads to more efficient comprehension. Furthermore, the authors state that these relations between the senses are «principled, systematic, and recurrent». While the significance of Brugman and Lakoff's work cannot be overstated, it results in an unwieldy collection of overly nuanced senses.

Several attempts have been made to reel in this rampant polysemy, including the neuropsychological approach of Paul Deane (2005), which places emphasis on a central prototype and a correlating image schema, arguing that the polysemous meanings are more closely related than previously determined. Deane substitutes kinetic image sequences for image schemas, essentially breaking down the latter into its components or stages in their relation to the landmark and trajectory, clusters of which may then be used to determine prototypes.

However, Andrea Tyler and Vyvyan Evens (2001. 2003.) provide the strongest solution to the problem thus far. Again by analyzing the preposition *over*, and other English prepositions, the authors recast the prototypical and central meaning as the proto-scene, or primary sense. The proto-scene is posited as interacting with other cognitive principals to create other senses and forming a motivated network. As to what qualifies as an individual sense, the authors provide two terse criteria:

First, for a sense to count as distinct, it must contain additional meaning not apparent in any other senses associated with a particular form, that is, a distinct sense must involve non-spatial meaning or a different configuration between the TR and LM than found in the proto-scene. Second, there must be instances of the sense that are context independent, that is, in which the distinct sense could not be inferred from another sense and the context in which it occurs. (Tyler & Evens 2003).

In the following, this last principle may be applied with less rigor as the validity of a given item may not be determined on the basis of one or two instances.

Tyler and Evens (2003) additionally provide guidelines for determining the primary sense. Drawing on the work of Roland Langacker, they suggest that, while no one piece of evidence may justify the bestowing of primary sense on a given sense, a convergence of linguistic and empirical evidence may highlight the primacy of a given sense. The criteria Tyler and Evens suggest: «(1) earliest attested meaning, (2) predominance in the semantic network, (3) use in composite forms (Langacker, 1987), (4) relations to other spatial particles, and (5) grammatical predictions (Langacker, 1987).» (Tyler & Evens, 2003). It is worth stating that Tyler and Evens acknowledge that in some instances, the researcher's subjective intuition plays a factor in teasing out a distinct sense.

In regards to an analysis of Khakass postpositions in terms of polysemy, the work of Ebru Türker (2013) is particularly germane, in that she examines the Korean language, which some linguists posit as related to the Altaic languages. She discusses the related Korean postpositions *ey* and *eysel* by means of their various senses, beginning with the central sense and expanding outward. Türker's work provides a simple model for comparing similar postpositions by means of polysemy and radial networks.

2.5. The Khakass Language

Khakass is a Turkic language indigenous to southern Siberia, and now primarily spoken in the Republic of Khakassia. Khakass is an agglutinative, SOV language in the Altaic branch of the Uralic-Altaic language family. The Khakass people have historically been nomadic pastoralists until forced assimilation by Russian colonists.

They are culturally and linguistically related to the Tuvan people and Altaian people whose own republics border Khakassia on the south and west respectively. Very little information on Khakass is available in English, the notable exception is the idiosyncratic short descriptive text *Khakas* by Gregory Anderson (1998). It should be noted that the Khakass people comprise only approximately 11% of the population within their eponymous republic, and the UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger (2010) lists Khakass as definitely endangered, with just 52,217 native speakers.

3. METHODOLOGY

The assembled data contains 29 examples of the postpositions in question, the first 25 of which were culled from the pages of *Khakass Chiri*, the weekly Khakass language newspaper. The final four additional sentences were provided by a native speaker. It should be noted that the newspaper examples make use of the literary variant of the language, a somewhat artificial creation derived from blending the two dominant dialects at the time of its genesis; Kachin and Sagai. The remaining four examples are in the Sagai dialect, and were solicited by primarily non-verbal means, through the use of pictures, to avoid conceptual contamination by another language (Russian).

Furthermore, every effort has been made to remove English biases from the tools of analysis to allow the Khakass postpositions to tell their own tale. As trajectories seem to be the unifying principle amongst the postpositions in question, no meaning is projected on them within the glosses, rather they should be seen as simple lines of force. Instead they are indicated by the neutral PSTP.TR. in the glosses. However, a choice did have to be made in the free translations, often where more than one English term seemed appropriate. All glosses/translations are by the author.

Finally, Tyler & Even's (2001,2003) criteria are used as a guiding principal for determining the various senses of a given word, but subjective judgements have also played a role. This, of course, raises the danger of contamination by English language specific conceptualizations, but every effort has been made to minimize this. As a safeguard to integrity, my native informant has kindly given her own opinion as to the viability of a given sense. This has been the deciding criteria.

4. ANALYSIS

Before diving into each individual Khakass postposition an overview of the process should prove beneficial. Each example provides the original Khakass sentence, a gloss, and a potentially deceptive free translation. It should be noted that example numbers refer to the data collection as a whole. To demonstrate this, the following item, taken from the newspaper *Khakass Chiri*, clearly illustrates the trajectorial differences at work in Khakass postpositions – it also contains the potential pitfalls related to an English bias:

Анаң андар парчам. Пөзiк тағлар азыра, чалбах суғлар кизiре, халын тайғалар тобыра.

Annang andar parcham. Pözik taghlar azyra, chalbah sughlar kizire, xalyn taighalar tobyra.

From:there go.PRS.1.SG. high mountain.PL PSTP.TR, wide river.PL PSTP.TR, thick taiga.PL PSTP.TR.

I wander. Over high mountains, across wide rivers, through thick taiga (forest).

The free translation in example 1 shows how easy it is to assign a one for one relation between Khakass and English, as I have done. Still, there is a certain interchangeability in the English terms: *through the mountains, across the taiga*, etc., although this may trigger slightly different image schemas. The same basic principle is inherent to Khakass, although the inventory of image schemas differs. Each of the following postpositions activates a *source, path, goal* image schema, but each highlights a given feature while minimizing others, or adds additional elements, or both. With that in mind, we turn to an elaboration of each individual postposition. They are *pastyra, tobyra, kizire, azyra*, and *öitre*.

4.1. Pastyra

There are 9 instances of *pastyra* in the data, which can loosely be translated as through, and is related to the verb root *pastyr*, which has the following meanings: 1. to go by stepping/striding 2. To press in, to crush/squeeze (inwards) 3. To compel, to make someone/something do something. Overall, *pastyra* can be characterized as being concerned with transmission of a substance or concept through a conduit/pathway. The initial and terminating points are given emphasis over the pathway itself. Interestingly, only one example (2) is used in describing a concrete action:

Анаң, телевизор көрiп, чiрчеден трубкачах **пастыра** хайдағ- да сок iзiп одырча.

Anang, televizor körıp, chırchedeng trubkazhax **pastyra** xaidagh – da sok izıp odyrcha.

Then, television watch.V, tea:cup. ABL tube. DIM(straw) **PSTP.TR** some:kind:of juice drink.V sit.PRS.3.SG

Then, watching television, sipping juice **through** a straw from a cup.

We can call this the *trajectory sense*. See Figure 1.

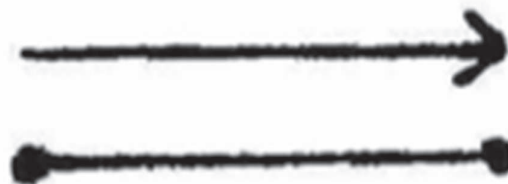

Figura 1

In this instance, the image schema indexes a straight pathway from a beginning point to a terminus. In other words, it is the movement from the *source* to the *goal* that is primary, the trajectory acting as a conduit between the starting and ending points. Contact with the pathway does not seem to be a factor, and the trajectory is perceived as a straight line. Despite the paucity of concrete instances of *pastyra*, and the absence of historical records, it would seem most likely that this is the central meaning or protoscene for the term. Given the lack of historical information and no compound words incorporating *pastyra*, there is little to go on in making this designation via Tyler and Evens' criteria. Thus, this conclusion is in part derived from an examination of the more abstract senses, as well as the fact that concepts begin as embodied, and therefore concrete.

Two branches extend from the central meaning. Most likely there are more outside the scope of the data. The first extends the linear pathway into the abstract, as in example 3:

Ол пос чирiне тоозылбас-парбас хынызын, чонына паарсазын пасхан тоғыстары **пастыра** читiрген.

Ol pos chirine toozylbas-parbas xynyzyyn, chonyna paarsazyn pasxan toghystary **pastyra** chitirgen.

He/she oneself land.DAT endless love.POS., people.POS.DAT affection.POS write.PST(ADJ) work.PL.POS **PSTP.TR** bring:to.PST

His endless love for his own land, affection for his people he passed on **through** written works.

Here, in the *abstract trajectory sense* (see figure 2), the writer's works act as the pathway to convey his affection for his people. Notice that the schema retains the primary source, path,

goal structure of the central sense. This abstract extension operates by means of the conduit metaphor which conceives of communication functioning like a parcel through the post, in that meaning is packed into words, which are sent through the conduit to the receiver who in turn unpacks/understands them. That conduit can be seen as a straight line, *ergo* the author's communication is direct.

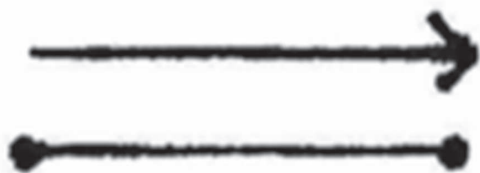

Figura 2

The next node in the network becomes more diffuse, as in the following example (4):

Идök орта сағыс хакас тiлiне культура **пастыра** үгредерге.

İdök orta saghys Khakass tiline cultura **pastyra** ügrederge.

Also correct idea Khakass tongue.GEN.? culture **PSTP.TR** study.INF.

Also, the right idea is to study the Khakass language **through** culture.

Here the conduit remains, but now the trajectory widens in order to travel across the expansive domain of culture – the weft of language across the warp of culture. It can be called the *diffused trajectory sense, provisional* (see figure 3). While the image schema has a single source, multiple paths are added, which lead to multiple manifestations of the diffused goal. It might be objected that this sense, and a few of the following, violate Tyler and Evens' principle that a sense must potentially be context independent, but given the paucity of the data this is difficult to determine.

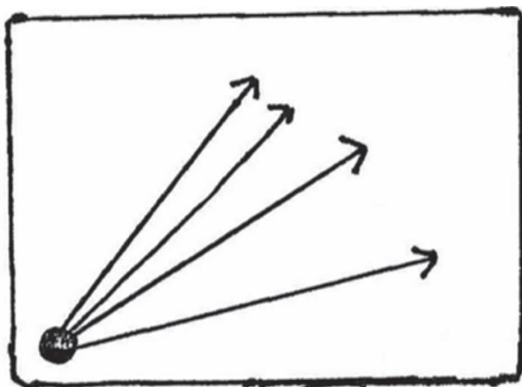

Figura 3

That configuration is then extended to create a network with connecting nodes – a single *source* develops multiple *paths* leading to multiple *goals*, as in the above, but each *goal* can become a *source* for subsequent *goals* to create a network. I would argue that this is the sense evoked by the use of *pastyra* in conjunction with the internet, as in example 5:

Амды үгретчилерге паза үгрөнчилерге Интернет **пастыра** писательниң тоғызынаң чағын танызып аларға чарир.

Amyd ügretchilerge paza ügrençilerge Internet **pastyra** pisatelning toghyzynang chaghyn tanyzyp alargha charir.

Now teacher.PL.DAT and student.PL.DAT internet **PSTP.TR** writer.GEN work.POS.INST near become:acquanted:with.V to take.INF may.

Now teachers and students may become acquainted with the writer's works **through** the internet.

This may be called the *network trajectory sense, provisional* (see Figure 4).

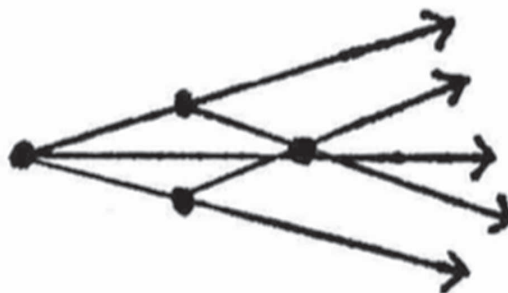

Figura 4

Also of interest is this particular example veers toward the concrete as the internet is an actual infrastructure.

The radial structure for *pastyra* may be seen in figure 5.

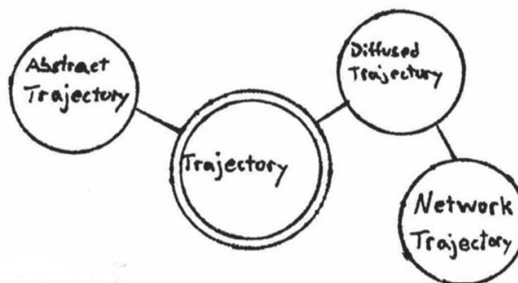

Figura 5

4.2. Kizire

In contrast to *pastyra*, *kizire* does emphasize the *path*, rather than the movement from the *source* to

the *goal*. Not surprisingly, it is related to the verb root *kiz̄ir*, which has the single concrete meaning of *to cross*. Furthermore, the line segment constituting the path is conceived as being fundamentally different compared to what precedes and follows it. The *path* is a bounded region of space. As it is the pathway which is emphasized, that which moves along the pathway is spatially distinct, even when there is direct contact. Thus the contour of the pathway becomes highlighted, as in the next example (6):

Суҕ **кизіре** паза халған.

Sugh **kiz̄ire** paza xalghan.

River **PSTP.TR** and leave.PST.3.SG

He/she went **across** the river and left.

This usage, as with 1 above, constitute the protoscene for this postposition. As is the case with *pastyra*, there is no historical evidence available to justify or nullify this claim. Neither are there any compounds words of which it forms a part. However, the correlation between this adposition and the verb root suggest this is the central meaning. We may call it the *pathway sense* (see Figure 6).

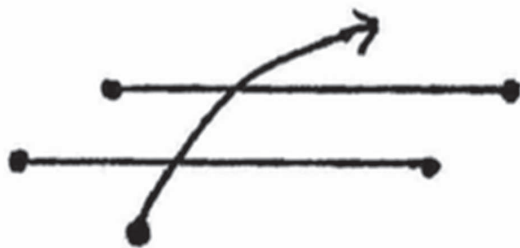

Figura 6

In both examples, neither the starting point or terminus is explicitly mentioned – it is the pathway which is essential. The pathway is further highlighted in the first node of the first branch, as in the following (7):

Чол **кизіре** тартылған чаламаны кизер үлүс Виктор Зиминге пирілген.

Chol **kiz̄ire** tartylghan chalamany kizer ülüs Victor Ziminge pirilgen.

Road **PSTP.TR** tightly:stretched.PST ribbon cut.GER portion/lot/fate Victor Zimin allotted/given:out.REF.PST

The honor of cutting the ribbon stretched out **across** the road was given to Victor Zimin.

Here the trajectory is seemingly frozen, although as anyone who has tied a ribbon in such a fashion knows, it is implied. What is important is that the pathway is static, and any implied motion is fictive. It is no longer a pathway as such, but rather

a thing, yet it entirely fills up a potential pathway. Thus we may call it the *pathway as object sense* (see figure 7).

Figura 7

The pathway, in the next branch, becomes semi-abstract in that it is the speaker's line of vision which forms the trajectory. Hence (8):

Көрзем, сах ол туста ырах ниместе чииттер чол **кизіре** хайдар-да мазңырап парирлар.

Körzem, сах ol tusta ырах nimeste chitter chol **kiz̄ire** xaidar-da mazngyrap parirlar.

See.COND.1 time 3.SG.PN time.LOC far not.DAT youth.PL road **PSTP.TR** to:somewhere hurry.V go.FUT.3.PL

At this very moment I see young people not far off **across** the road going somewhere in a hurry.

Here the dynamic sense of the central meaning, movement along a pathway, takes the form of the speaker's gaze, which provides the movement. The speaker's gaze travels the path towards the goal, creating the *abstract pathway sense* (see figure 8).

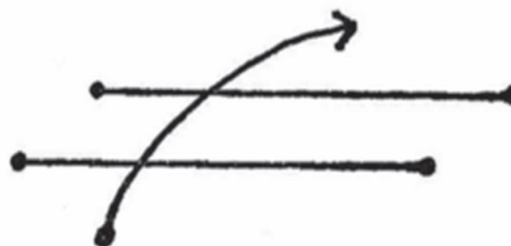

Figura 8

This semi-abstract trajectory of vision can be applied to the second branch as well, as in the following (25):

Пу күннерде Катанов аалдаң тоғыр чол **кизіре** хыра тоғыстары парча.

Pu күnnerde Katanov aaldang toghyr chol **kiz̄ire** xyra toghystary parcha.

This day.PL.LOC Katanov village.ABL opposite road **PSTP.TR** plough work.PL.POS is.PRS.1.SG.

In these days, **across** the road, opposite from Katanov village, the work of ploughing goes on.

As ploughing is a progressive process, carried on over at least several days, this sense stems from the static sense of the first branch. The speaker is not continuously in sight of the work done, and the sense becomes locational. In a sense, the pathway participates with the figure in relationship to the ground. Thus we have the *abstract pathway as object sense* (as in figure 7, but abstract). It should be noted that the trajectory of *kizire* adheres more or less to a straight line. The radial network may be seen in figure 9.

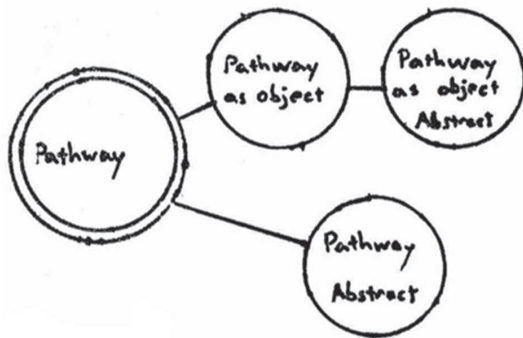

Figura 9

4.3. Azyra

Azyra, on the other hand is concerned with the contours of a trajectory, and the causes of said contours. *Azyra* is related to the verb root *azyr*, which means both to carry/transfer and to separate/disconnect. The fact that the direction along the trajectory is subordinate to the trajectory itself, as the acts of transferring and separating, helps prove the protoscene given below. In addition, the verb root *azyra* means to eat, an act involving a distinct vertical trajectory. Thus the sense in the next example (9) is the strongest candidate for the central meaning:

Халғаннарарын ойраттар Соян тағлары
азыра чалға сүр парыбыстыр.

Xalghannaryn oirattar Soyan taghlary **azyra**
chalgha sür parybystyr.

RemainingPL.GEN Oirat.PL Sayan Mountain.
PL.POS **PSTP:TR** low:wage:hired:labor.DAT form
go.CNT.PST.US

The remaining Oirats were taken as slaves **over**
the Sayan mountains.

The incline, apex, and decline of the pathway
comprise the primary features of *azyra*. Movement
and verticality are primary here, contact with the
path itself is not. In terms of the figure/ground
relationship, the ground must exhibit a vertical
contour which peaks between the beginning

and end points. We might call this the *vertical trajectory sense* (see figure 10).

Figura 10

The emphasis shifts to what necessitates that
contour, in terms of an obstacle, in the first branch,
and the following example (10) illustrates its first
node:

Олғаннар сиден **азыра** атых парыбысханнар.

Olghannar ciden **azyra** atyx parybysxannar.

Child.PL fence **PSTP:TR** horselike go.PROG.
PST.3.PL

The children jumped **over** the fence.

Here the fence is conceived as an obstacle to
be overcome, much to the children's delight. The
nature of the obstacle demands a peaked trajectory.
This then is the *obstacle sense, provisional* (see
figure 11). This sense is provisional due to lack
of data. However, should Khakass allow for
metaphorical expressions such as «get over it»,
presumably it would be grounded in this sense.

Figura 11

One node stems from the obstacle sense, to
create a purely abstract usage, as in:

Ачырғастығ, че чарғы чарадиинаң **азыра**
алтап полбассың.

Achyrgastygh, che charghy charadiinang
azyra altap polbassyng

Annoying, but court decision.ABL **PSTP:TR**
step:over.V be.NEG.2.SG

It's frustrating, but **through** the court decision
(it) cannot be **overcome**.

Here the image schema adopts that of the obstacle, but in the abstract (the court decision), hence the *abstract obstacle sense* (see figure 12). The contours of this trajectory resemble more the mountain pathway schema, given the nature of the courts, with the time involved in judicial processes spatialized.

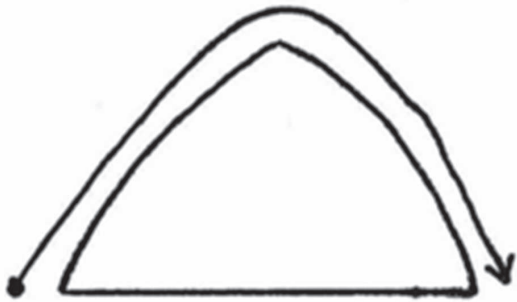

Figura 12

For the radial network of *azyra*, see figure 13.

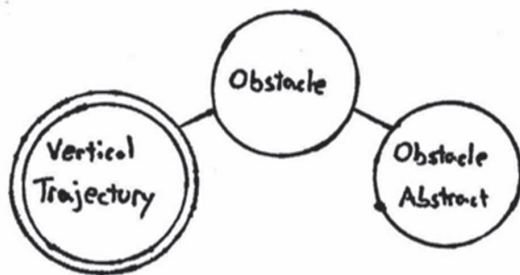

Figura 13

4.4. Tobyra

Negotiating an obstacle defines the use of *tobyra* as well, but *sans* peaked contour. The related verb root is *tobyra*, which means to pass through a dense landscape/substance such as tall grass or taiga. Thus in the concrete sense, the obstacle is a three dimensional mass noun, such as taiga in example 1 (above), or a snowstorm in the following (4):

Кирек полза сағба идібис – арғыстарың сах андох халын пораан **тобыра** чиде түзерлер.

Kirek polza caghba idibis – arghystaryng sax andox xalyn poraan **tobyra** chide tüzerler.

Necessary be.COND notify do.IMP – friend. PL.POS time such thick snowstorm **PSTP.TR** reach go/come:down.FUT

If necessary let me know – in such times friends will go **through** thick snowstorms.

This is the central meaning for *tobyra*, which we may call the *penetrating a mass obstacle sense* (see figure 14), and which is confirmed by the verb

root and in the absence of historical data. As the obstacle is conceived as a mass, the *path* now acts as a container holding that mass. It is important to remember that the goal itself is the overcoming of the obstacle on the pathway.

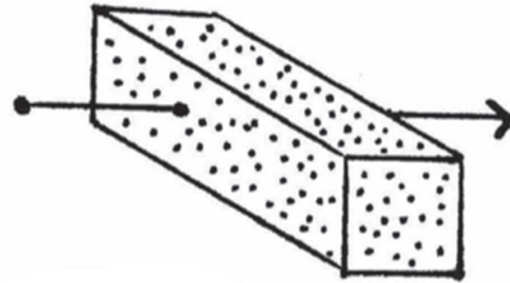

Figura 14

If we apply the LIFE IS A JOURNEY metaphor, we come to the abstract sense of example 8, which shares the same image schema:

Паза прай чуртазым **тобыра** ол тузымзар хайда ачырганып, хайда, тізең, хайхап көрчем.

Paza prai chyrtazym **tobyra** ol tuzymzar xaida achyrghanyp, xaida, тіzeng, xaixap körchem.

And all life.POS.1.SG **PSTP.TR** 3.SG.PN time.1.SG.PL where regret, where, but astonish.V see.PRS.1.SG.

And **through** all of my life I see it's in my times where regret is, where, rather astonishment is.

Life, so conceived, is filled with a mass of events, through which a traveler passes through from birth to death. The pathway is maintained, and emphasized, with *tobyra*, when it incorporates a mass obstacle. For both senses the image schema is the same, only the deployment is changed. The radial structure is quite simple, and can be conceived without the aid of a figure.

4.5. Ötire

Analysis of *ötire* is limited as only two similar examples are to be found in the data. Both examples are related to obstacles, but unlike *azyra*, they are primarily concerned with the transition along the pathway between the two portions divided by the obstacle. Thus:

Көзенең **өтире** учуғыбысхан.

Közenek **ötire** uchygybysxan.

Window **PSTP.TR** fly.PROG/PFV.PST.3.SG

He/she flew **through** the window.

Here the emphasis is not on the obstacle as obstacle, but rather on the obstacle as a boundary between two segments on the path. This we can call the *transitional sense* (see figure 15) as the

movement must completely penetrate the barrier comprised of the obstacle. It should be noted that the related verb root is *ōtīr*, meaning both *to leak/flow*, and *to pass from one place to another*. Both verb root meanings suggest this sense as the protoscene, regardless of a lack of competition. It seems reasonable to posit a metaphorical usage as well for *ōtīre*.

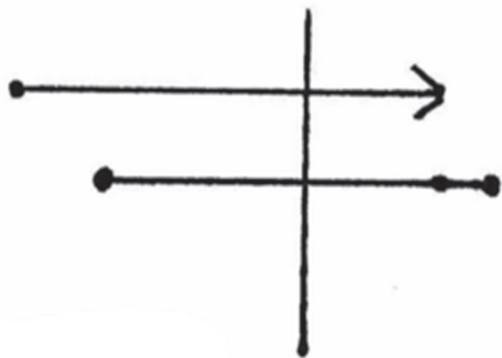

Figura 15

5. Discussion

Due to the paucity of data, it is difficult to do more than skim the surface of polysemy in Khakass postpositions. As an until relatively recent nomadic people, it seems likely that the Khakass may have differing conceptions of space/time, but the scant data restricts exploration of this avenue of inquiry. Still, some elements stand out. For example, contact does not figure into any of the image schemas presented here, although limited data preempts deducing a constant. Certainly more research is required. That said, the above examination leaves us far from empty handed, as the analysis of Khakass postpositions creates a space to test differing approaches as to what counts as a distinct sense of a given word.

However, before plunging into that matter, it is worth noting that my native Khakass speaking informant confirmed the accuracy of each sense provided for each postposition, as well as the attendant image schemas. While this seems to put things on the right track, a word of caution is appropriate here, as there are several potential areas of discrepancy. First off, one native speaker is not enough upon which to stake any claims. Furthermore, my informant is a Beltir dialect speaker and the examples, coming as they do from newspapers, are in the literary variant of Khakass, which was artificially created by combining elements of the Kachin and Sagai dialects. And finally, my informant is fluent in English, which

bears the potential to contaminate the deployment of the various senses in question.

In considering methodology, it becomes apparent that even with minimal data the criteria outlined by Tyler and Evens is more agile in dealing with polysemy. Lakoff's criteria does not seem to differentiate between the LM and the TR in terms of salience. Consider the following to examples taken from *Women, Fire, and Dangerous Things* (421):

5.1. The bird flew over the wall – Schema 1.X.NC

5.2. The plane flew over the hill. – Schema 1.VX.NC

According to Lakoff, each of these two instances of *over* is justified as a unique sense within the network. The feature which differentiates the two being the *verticality* (V) of the hill, the components of *extension* (X) and *no contact* (NC) being the same. In a sentence such as *the cat jumped over the wall*, verticality is a key element, but it has no relevance in the two example sentences. By this logic, a plane making a flight from Oakland, CA. to New York City would swap out senses during the course of the flight in relation to the terrain below, regardless of maintaining a steady altitude throughout. It is thus not surprising that Brugman, as referenced by Lakoff, found close to one hundred different uses for *over* (Lakoff, 418).

This problem is addressed in Tyler and Evens (2003). The authors state that to count as a distinct sense must exhibit added meaning in terms of non-spatial relations or a configuration between the LM and TR distinct from the protoscene. Application of this principle greatly reduces the number of senses within a network. However, at times they apply their criteria in a somewhat draconian fashion. Thus Tyler and Evens consider the two following sentences as indexing the same sense/image schema:

5.3. The cat jumped over the wall

5.4. The tree branch extended over the wall

Tyler and Evens recognize that the motion of the cat suggests a distinct sense, but they reject it thusly:

However, we suggest that the conclusion that sentences [5.3.] and [5.4.] represent two distinct senses is erroneous. Rather than representing spatial particles as carrying detailed information about each scene being described, we argue that they prompt for schematic conceptualizations (a

proto-scene and other distinct senses instantiated in semantic memory) which are interpreted (or filled in) within the particular contexts in which they occur (recall our discussion of lexical forms being prompts for encyclopedic knowledge in chapter 1).(70)

The discussion in the first chapter referred to in the first chapter of their book quite rightly outlines how a speaker's own encyclopedic knowledge is drawn upon to enrich an otherwise impoverished word. With that in mind, a stronger argument can be made for such encyclopedic knowledge supporting motion as a salient feature.

Furthermore, Tyler and Evens' criteria in regards to the protoscene displays an inadvertent language bias as can be seen in terms of the use of compounds. Khakass, and presumably other languages, do not use postpositions to form compound words, in essence eliminating one of the five criteria for determining the central meaning when analyzing such languages. However, for Khakass and other languages verb roots may operate as an alternative test for determining the protoscene. In Khakass, verb roots are semantically very close to adpositions, in that a root can also

function as a postposition and vice-versa. This is not so in English. Thus English may have *over* and *through*, but one cannot *over* or *through* something, that is to say use them as verbs. But they do work as verbs in compounded forms in English, as *to overcome* or *to breakthrough*. Clearly there is a relationship between compounds and verbs that plays out differently in different languages, something which can only be teased out through the analysis of languages such as Khakass.

6. CONCLUSION

While much work remains to be done, with the scanty data at hand it has still been possible to tease out polysemy in Khakass postpositions, and the barebones of the radial networks they inhabit. This in turn opens a small window onto the conceptual processes operating within Khakass, allowing for a comparison with other world languages and cultures. In practical terms, such findings may be utilized to facilitate the acquisition of English by Khakass students, bypassing the filter of Russian, and hopefully help English speaking students of Khakass. Acquiring ample data is the next step in this ongoing process.

Works Cited

Anderson, Gregory D.S. Xakas. München: LINCOM EUROPA, 1998.

Brugman, Claudia, and George Lakoff. «Radial Network.» *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. By Dirk Geeraerts. Berlin: Mouton De Gruyter, 2006. 109-40.

Deane, Paul. «Multimodal Spatial Representation: On the Semantic Unity of *over*.» From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. By Beate Hampe and Joseph E. Grady. Berlin: Mouton De Gruyter, 2005. 235–83.

Gibbs, Raymond W. *Embodiment and Cognitive Science*. Cambridge University Press, 2005.

Gibbs, Raymond W., and Herbert L. Colston. «The Cognitive Psychological Reality of Image Schemas and Their Transformations.» *Cognitive Linguistics: Basic Readings*, edited by Dirk Geeraerts, Mouton De Gruyter, 2006, pp. 239–268.

Johnson, Mark. *The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. University of Chicago Press, 1987.

Johnson, Mark. *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. The University of Chicago Press, 2007.

Johnson, Mark. *Embodied Mind, Meaning, and Reason. How Our Bodies Give Rise to Understanding*. University of Chicago Press, 2017.

Lakoff, George. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: U of Chicago, 1987.

Lakoff, George, and Mark Johnson. *Philosophy in the Flesh: the Cognitive Unconscious and the Embodied Mind: How the Embodied Mind Creates Philosophy*. Basic Books, 1999.

Türker, Ebru. «Second Language Acquisition of Korean Postpositions -eyand -eyse: A Cognitive Pedagogical Approach» From Studies in Korean Linguistics and Language Pedagogy. Korea University Press, 2013. 346-383.

Tyler, Andrea, and Vyvyan Evans. «Reconsidering Prepositional Polysemy Networks: The Case of *Over*.» *Language*, vol. 77, no. 4, 2001, pp. 724–765. URL: <http://www.jstor.org/stable/3086846>.

Tyler, Andrea, and Vyvyan Evans. *The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning, and Cognition*. Cambridge University Press, 2003.

UNESCO, *Atlas of the World's Languages in Danger*. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> accessed on 12/3/2016.

Н. Ч. Серээдар

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва (Россия)*

РЕЛЯЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы выражения, значения предиката и субъекта в моделях принадлежности элементарных простых предложений в тувинском языке. Описываются разнообразные способы с помощью ряда моделей отношения обладания, принадлежности чего-то кому-то (реже чему-то) в тувинском языке. Показывается специфика употребления данных моделей. Анализируются их семантические и парадигматические варианты.

Ключевые слова: элементарные простые предложения, модель, субъект, предикат, парадигматические варианты, настоящее время, прошедшее время, будущее время, аффикс, местоимения, имена существительные.

N. Ch. Sereedar

*Tuvian Institute for Humanities and Applied
Social and Economic Researches at the Government
of the Republic of Tyva (Russia)*

RELATIONAL MODELS IN THE TUVINIAN LANGUAGE

The article considers the ways of expression, meaning of a predicate and a subject in possessive models of elementary simple sentences in the Tuvian language. Various ways are described using a number of possession case models, belonging of something to someone (less often to something) in the Tuvian language. Specifics of using these models are presented. Their semantic and paradigmatic variants are analyzed.

Keywords: elementary simple sentences, model, subject, predicate, paradigmatic variants, present tense, past tense, future tense, affix, pronouns, nouns.

Задачей статьи является рассмотрение моделей элементарного простого предложения $\{N_{Nom} N\text{-ны}_{(cop)}\}$, $\{N_{Nom} N\text{-лыг}_{(cop)}\}$, $\{(N_2) N_{Nom} \text{бар}_{(cop)}\}$, описывающих пропозицию 'принадлежность лица, объекта к кому-нибудь или к чему-нибудь' (реляционные модели).

Структурно-семантические модели простого предложения описываются на материале тувинского [Серээдар, 1995], алтайского [Тыбыкова, 1991; Байжанова, 1999], шорского [Телякова, 1994; Невская, 1997], хакасского [Чертыкова, 1996; Чугунеева, 1998] карачаево-балкарского [Ахматов, 1983; Додуева, 1997; Кетенчиев, 2010; Хуболов, 1997], уйгурского [Абдуллаев, 1989], башкирского [Тикеев, 1999] и других тюркских языков. Результаты конкретных исследований моделей местонахождения, наличия / отсутствия и количества в тюркских языках Сибири обобщены в работе Н.Ч. Серээдар, Е.К. Скрибник и М.И. Черемисиной [Серээдар и др., 1996]. Под этим углом зрения были изучены предложения хантыйского языка [Соловар, 2009], велось исследование мансийского языка [Скрибник, 1999; Якушко, 1997].

По М.И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступно прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов». План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Планом же содержания ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [Черемисина, 1995].

Соответственно, мы будем представлять каждое предложение (единицу языка) его моделью, которую понимаем как двустороннюю сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция. Уточним соотношение терминов и понятий: подлинная единица высшего, синтаксического уровня языка есть предложение (точнее, элементарное, минимальное предложение, в ко-

тором представлены необходимые и достаточные компоненты). Но эта единица нам непосредственно *не дана, недоступна*, и потому мы *представляем ее моделью*. Модель – это зафиксированное определенным образом *наше понимание* того, что такое предложение. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться термином «модель», говоря о единицах языка.

Модель предложения – это искусственное построение, *конструкт*, который создается исследователем, лингвистом, в соответствии с тем, как он понимает, представляет себе предложение как единицу языка. Модель не претендует на точное отражение того психического образования, которое хранится у каждого в подсознании, но она должна сделать явными *самые существенные* с точки зрения говорящего черты, характеристики этого объекта. ЭПП есть синтаксическая единица языка на уровне простого предложения. Элементарным мы называем простое предложение минимального состава, содержащего предикат и все его актанты. Актантом (актантами) называются те – и только те – именные компоненты предложения, которые отвечают валентностям предиката и потому строго необходимы для адекватного описания пропозиций данного типа (независимо от контекста).

Под структурной схемой понимается система актантов (имен) в определенных падежных формах. Содержательной структурой мы называем смысловые отношения между актантами и предикатом. Актантом называем обязательный компонент, без которого предложение не самодостаточно. В состав ЭПП могут входить предикат, глагольный или именной, и актанты. Глагольный предикат обозначается символом Vf. Именной предикат состоит из именного компонента, выраженного существительным (символ N) или прилагательным (символ A), и связки – символ (cop).

Под формальной структурой модели элементарного простого предложения со значением принадлежности понимаются грамматические отношения между субъектом и предикатом. Содержательной структурой предложения мы называем смысловые отношения между субъектом и предикатом.

Реляционные модели (отношения обладания, принадлежности чего-то кому-то) (реже чему-то) в тувинском языке выражаются разнообразными способами, с помощью ряда моделей. В эту группу входят, во-первых, модель

со значением принадлежности объекта $\{N_{Nom} N=ныы (cop)\}$; во-вторых, модель с предикативом в форме имени обладания с аффиксом $\equiv лыг/\equiv тыг \{N_{Nom} N=лыг (cop)\}$, в-третьих, модели, производные от изафетной конструкции, со структурной схемой $\{(N_2) N_{Nom} бар (cop)\}$.

Моделями обладания мы называем такие модели предложений, которые выражают отношения принадлежности объекта владельцу; как объект, так и владелец – термины условные: они могут быть личными, одушевленными, неодушевленными, предметными или абстрактными. Представим эти модели списком:

$$\begin{aligned} &\{N_{Nom} N=ныы (cop)\}; \\ &\{N_{Nom} N=лыг (cop)\}; \\ &\{(N_{Gen}) N_{Nom} бар (cop)\}. \end{aligned}$$

Структурная особенность всех этих моделей состоит в отсутствии в них позиции локализатора N_{Loc} . Модель принадлежности элементарных простых предложений описывает принадлежность объекта субъекту, имя которого принимает аффикс *-ныы/-нии*. В описываемой группе конструкций субъект выражается существительным в именительном (по другой терминологии – в неопределенном) падеже – N_{Nom} , а предикат выражается именами существительными и притяжательными местоимениями – N-ныы.

В тюркских языках существует специфическая форма местоимений, при помощи которой передается значение притяжательных местоимений других языков. Она образуется от личных местоимений, стоящих в родительном падеже, путем прибавления к ним дополнительно словообразовательного аффикса *-кы/-ки*, употребляемого обычно для образования производных прилагательных. Такую специфическую форму личных местоимений следует называть притяжательной формой личных местоимений. Притяжательная форма личных местоимений отличается от формы родительного падежа этих местоимений не только по своей морфологической структуре, но и по своему значению и употреблению. Она употребляется в речи самостоятельно, заменяя собой определяемые ею существительные, тогда как местоимение, стоящее в родительном падеже и не имеющее дополнительного аффикса *-кы/-ки*, употребляется всегда вместе со своим определяемым. В тех случаях, когда необходимо передать притяжательную связь не в атрибутивной, а в предикативной форме, обычно употребляется данная

категория местоимений. Например: «эта книга моя» по-татарски может быть передано в виде *бу китап минеке*, «эта тетрадь твоя» – по-башкирски *был дэфтэр хинеке*, «эта лошадь его» – по-азербайджански *бу ат онунки*, «этот колхоз наш» – по-киргизски *бу колхоз биздики*, «эта книга ваша» – по-тувински *бо ном силерни*, «эта корова их» – по-хакасски *пу инек оларни*. В башкирском, казахском, ногайском и во многих других тюркских языках данная форма местоимений образуется так же, как и в татарском, но в каждом – соответственно фонетике этого языка; в тувинском, шорском и некоторых других языках она образуется, как в хакасском языке [Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1956].

В карачаево-балкарском языке показатели *-ныкъы/-ники*, *-нукъу/-нюкю* квалифицируются примерно одинаково. Так, проф. И. Х. Ахматов считает их сложными аффиксами, служащими для выражения принадлежности и являющимися синонимичными оформленному родительному падежу [Ахматов, 1983]. М. А. Хабичев пишет, что «имя в сочетании с аффиксом *-ныкъы* выражает отношения абстрактной принадлежности, не указывая на предмет обладания» [Хабичев, 1971. С. 120]. Для словоформ с указанными аффиксами характерно употребление в подлежащей и предикативной функциях, причем превалирует последняя функция.

В шорском языке данный аффикс выглядит как *-ныйы*: *По мылтык менийи* (ОПВ) – Это ружье – мое. В алтайском языке данную семантику выражает аффикс родительного падежа *-тын*. Например: *Борук јаанактын* – Шапка бабушкина.

Таким образом, из материалов других тюркских языков видно, что данный аффикс тюркский. В тюркских языках Сибири, таких как тувинский и хакасский языки, данный аффикс выглядит одинаково: *-ныы*, *-ни* и его варианты (тув. *Ол ном силерни*, хакас.: *Пу инек оларни*). Эта форма большей частью употребляется как сказуемое. При таком употреблении она передает так называемую абстрактную принадлежность без указания предмета обладания.

В тюркологической литературе происхождение аффикса *-ныы/-ни* объясняется слиянием двух самостоятельных формантов: аффикса притяжательного падежа *-ның/-ниң* со словообразовательным аффиксом *-кы/-ки*, употребляемым при образовании относи-

тельных прилагательных от основ, обозначающих время и пространство.

В тувинском языке аффикс *-ныы* имеет три двойные пары звуковых вариантов: *-ныы/-ни*, *-нуу/-нуу*; *-дыы/-ди*, *-дуу/-дүү*; *-тыы/-ти*, *-туу/-түү*. В «Грамматике тувинского языка» данный аффикс называют притяжательной формой существительного, и его употребление с существительным в качестве предиката объясняется так: когда смысловое значение второго компонента изафетного сочетания известно из контекста, вместо полного изафетного сочетания употребляется только его первый компонент, который принимает особую форму [Исхаков, Пальмбах, 1961].

Модель $\{N_{Nom} N=ныы_{(cop)}\}$ в тувинском языке представлена широко. Но наш материал показал, что не все информанты используют предложения по этой модели. Выражение разных отношений у данной модели уже, чем у модели $\{N_{Nom} N=лыг_{(cop)}\}$. Модель $\{N_{Nom} N=ныы_{(cop)}\}$ можно назвать моделью принадлежности; она выражает принадлежность объекта субъекту, имя которого принимает аффикс *=ныы/=ни*. В данной модели в качестве субъекта в основном употребляются неодушевленные имена существительные.

В процессе жизни между людьми складываются различные отношения: отношения родства, дружбы, вражды, подчиненности и т. д. Для выражения подобных отношений в языке используются предложения с принадлежностными предикатами. Такие предложения мы делим на несколько подгрупп: а) предложения, обозначающие родственные отношения; б) предложения, обозначающие социальные отношения; в) предложения, обозначающие принадлежность объекта субъекту и др.

Как мы отмечали, семантические группы не так широки, как у модели $\{N_{Nom} N=лыг_{(cop)}\}$. Когда употребляются одушевленные имена существительные, то очень редко могут выражаться родственные отношения между людьми: отчуждение родственных отношений или пренебрежение говорящего к тому, что говорит, иногда как отношения «обладания» противниками. Например: *Бирээзи кымның оглул? Сүлдемни-дир* (К. Кудажи, УХ) – Один из них чей сын? Он Сулдемовский (букв. Сулдема); *Анай-кыстың оглу сээңи эвес ышкажыл, дуңмам* (КЭЖ, ЧЧ, 349) – Сын Анай-кыс, оказывается, не твой, братишка; *Ынчаарга кымныңыл? – Достак-оолдуу ыйнаан* (К. Кудажи,

УХ, 349) – Тогда чей? Видимо, Достак-оола; *Бо чүү оглуңар апаарды? Соскарныы ышкажыл* (К. Кудажи, УХ) – Это чей же сын? Соскара же. Из контекста видно, что речь идет о сыне Соскара. На наш взгляд, для данной модели не характерно обозначение родственных отношений. Одушевленные имена существительные редко употребляются в качестве предиката, поскольку он имеет утвердительное значение. Очень часто употребляется данная модель в диалогах.

В позиции субъекта в основном – только неодушевленные имена существительные, очень редко со специфическим значением – одушевленные имена существительные. Например: *Үш улуг ак өг – Маңгыр чейзеңни биле ооң төрелдери=ниш* (К. Кудажи, У, 1 т., 161) – Три большие белые юрты – чейзен=овы Мангыр и его родственник=овы (=принадлежат чейзену и его родственникам); *Боо болза, шынап-ла, кожай=ныы* (С. Сүрүң-оол, 2 т, 7) – Ружье, действительно, кулака (кулак=ово); *Тараалаң шөлдер база колхоз=туу* (Э. Донгак, ЭХ, 95) – Хлебные поля тоже колхоза (колхозные).

В качестве субъекта иногда выступают имена существительные, обозначающие животных. Например: *Мээң он шаа чүвемниң чартмы база колхоз=туу, акым* (Э. Донгак, ЭХ, 178) – Брат! Половина моего скота тоже колхоза (колхозные). Редко употребляются в качестве субъекта абстрактные имена существительные: *Сээң чаңың аваңны-дыр* (А. Даржаа, ЭЭ) – Твой характер, как у твоей мамы; *Эрге-чагырга чоннуу* (К. Кудажи, УХ) – Власть принадлежит народу (букв. Власть – народу).

Необходимо отметить, что такая категория притяжательных форм может быть образована в тувинском языке не только от личных, но и от указательных местоимений, а также и от существительного и любой субстантивированной части речи. Например: *Бо трактор колхозтуу* – Этот трактор колхоза, т.е. колхозный, принадлежащий колхозу, *Бо бажың Ооржактарныы* – Этот дом Ооржаков, т.е. принадлежит Ооржакам и т.п. Они имеют такую же морфологическую структуру, как и притяжательные формы местоимений. По своей семантике и употреблению в предложении они полностью эквивалентны притяжательным формам местоимений.

В позиции предиката используются притяжательные местоимения: *мээ=ңиш* ‘мой’, *сээ=ңиш* ‘твой’, *оо=ңуу* ‘его’, *бис=тиш* ‘наш’,

силер=ниш ‘ваш’, *олар=ныы* ‘их’, *бодуң=нуу* ‘свой’, а также собственные и нарицательные имена существительные. Например: *Шыяа, Мөрүн-Хулук, ам-на мээңи болуп-тур сен аа* (Тыва УТ, 131) – Так, Морун-Хулук, теперь ты будешь моим. В этом предложении говорится, что медведь хочет съесть человека: *Ынчан он муң акша шаңнал бистиш болур* (К. Аракчаа, КАК, 101) – Тогда десять тысяч денег премиальных будут нашими; *Ол аът бодунуу болган* (К. Кудажи) – Тот конь оказался своим; *Ол аът кымныы боор, адырам?* (К. Кудажи, УУХ) – Тот конь чей же, так? Притяжательное местоимение в 3-м лице имеет оттенок пренебрежения, в основном употребляется в сказках: *Бо алдын була тавак мооңуу болганы ол-дур ийин* (ТШАТМ, 197) – Эта золотая тарелка принадлежит ему (букв. Это золотая тарелка его).

Личные местоимения употребляются в роли сказуемого только в притяжательной форме, а в родительном падеже редко употребляются в качестве сказуемого: *Дөө ол ак бажың бистиш. Бүгү-ле чүвө оларныы* (Тыва дылдың өөредилгеному) – Тот белый дом наш. Все это принадлежит им; *Бир мөөрей мээңи болду* (ДШАТМ, 96) – Один конкурс, оказывается, стал моим.

Мы будем рассматривать парадигматические варианты модели {N_{Nom} N-ныы_(cop)}. В данной модели связка представлена глаголом *бол=* ‘быть’. Для выражения прошедшего времени – форма причастия прошедшего времени: *бол=ган*, отрицательная форма глагола – *бол=ба=ан*. Форма недавнопрошедшего времени глагола – *бол=ду*, форма причастия будущего времени – *бол=ур*.

Особым средством выражения временных значений в тувинском и в других тюркских языках в некоторых типах предложений является частица (энклитика) *-дыр*, восходящая к глаголу *тур=*, которая присоединяется к предикату, выраженному именем существительными притяжательным местоимением: *Ол ном мээңи-и-дир* – Та книга моя.

Рассмотрим особенности выражения значения времени в конкретных типах предложений. Значение настоящего времени данных предложений выражается нулевой связкой. В настоящем времени данная модель употребляется без связки. Например: *Бо мээңи ийин* (К. Аракчаа, КАК, 104) – Это мое; Это принадлежит мне. В прошедшем и будущем временах употребляется связка *бол=* с помощью аффикса прошедшего времени *=ган*, *=ды*:

бол=ган, бол=ду и с помощью окончания будущего времени *=ур: бол=ур*. Например, прош.вр.: *Ол Анай-кыстыы болган* (КЭК, ЫБ, 356) – Оно принадлежало Анай-кыс (букв. Оно было Анай-кысово); *Бир мөөрей мээңи болду-ла, хаан* (ДШАТМ, 183) – Один спор стал моим, хан; *Сээңи болурунда-ла болду* (ам даарта хүрежир эвес бис бе!) – (ДШАТМ, 183) – (Он) стал твоим-то твоим (но завтра мы должны бороться!). В будущем времени употребляется связка *бол=*: *Бо бичи ногаан шокары – хады торгазы-дыр. А кызыл шокар торгалар – шивини, кызыл чалаалыг кара торгалар – дытты болур чоор* (М. Эргеп, өЧ, 14) – Вот этот маленький – дятел березы. А красно-пестрые дятлы – принадлежат ели, черные дятлы будут принадлежать лиственнице.

Эта модель имеет утвердительное значение. И не удивительно, что в конце предложения по такой модели используются модальные слова *ужурлуг* 'надо', 'необходимо', модальные частицы *ышкажыл* 'ведь', *ийин* 'же, ведь', *дыр* 'же, ведь', 'есть', *чоор* 'ведь, же'. Например: *Кеш мээңи болур ужурлуг* (К. Аракчаа, КАК, 97) – Шкура должна быть моей; *Ол сээңи ийин* – Это – твое ведь. Они имеют утвердительное значение. Специфическая форма - N=ныы, выражающая притяжательность, характерна не только для местоимения, но и для других частей речи. Она присутствует и в других тюркских языках. Из примеров видно, что в тувинском языке такие конструкции очень часто употребляются в сказках. Скорее всего, данные конструкции отражают разговорный стиль. В настоящее время молодое поколение не использует даже в устной речи предложения, построенные по конструкции N=ныы.

В тувинском языке в качестве предиката употребляется имя существительное в родительном падеже, но таких примеров мало. Например: *А бо дээрге Чадаана хүрээзиниң башкызы Чамзы камбының чүве* (С. Тока, ЧЧ, 2 т., 30) – А вот это принадлежит камбы по имени Чамзы из монастыря Чадана. В этом предложении частица *чүве* придает предложению законченный смысл. В основном информанты тоже предпочитали форму N=ныы, а не N=ның в качестве предиката. В устной речи некоторыми информантами употребляется имя существительное в родительном падеже N=ның, но это неполные предложения, которые используются в диалоге: – *Бо кымның*

орнул? – Мээң (С. Тока, ЧЧ, 2 т., 149); *Кымның оглу сен? – Намгайның* (С. Тока, ЧЧ, 2 т., 137). На наш взгляд, это неполные предложения, где опущены имена существительные *орнул, оглу*.

В модели {N_{Nom} N=лыг (сор)} аффикс *-лыг* (алт. *-лы/-лу*) присоединяется к имени предмета или признака, которым обладает N_{Nom}; N_{Nom} здесь – обладатель, посессор, но не объект и не «вмещающее пространство». Форма N=лыг передает значение, более близкое к тому, которое по-русски передается глаголом *иметь* (в причастной форме – *имеющий*). В тувинском языке глагол *иметь* отсутствует, и его отсутствие компенсируется формой на *-лыг*: Грамматически *-лыг* означает именно обладание или постоянное владение названным предметом.

Рассмотрим теперь эти модели несколько подробнее. Объекты обладания могут быть очень разнообразны. Это могут быть очень разные материальные предметы. Например: *Ол азарганчыг дөрт карыи хире кызыл сөөскен сыптыг кымчы=лыг* (Х. Ойдан-оол, ЧС, 80) – Он имеет совсем маленькую плетку, сделанную из горного тальника с красноватой корой; *Кожам адыр дүүрге=лиг чүве* (С. Сүрүң-оол, А-Т, А-Т, 23) – Мой сосед имеет ружье (это точно).

Это могут быть и животные: *Кадарчы ийи ыт=тыг чүве-дир* (С. Сүрүң-оол, А-Т, 16) – Пастух, оказывается, имеет три собаки (=у пастуха три собаки); *Уругларым инек=тиг-даа, бызаа=лыг-даа* (К. Чамыян, 31) – Мои дети имеют и коров, и телят; *Бапыжай биле Хой-Саар өскелер дег сүткүр инек=тиг-даа, чүгүрүк аът=тыг-даа* (Э. Донгак, ЭХ, 201) – У Бапыжая и Хой-Саар, как и у других, есть дойная корова, конь-скаун.

Этой же моделью могут выражаться различные отношения между людьми – родственные, дружеские и иные – но они предстают именно как отношения «обладания» родственниками, друзьями, противниками и др.: *Тоня биле Таня ам улуг кижилер апарган-дыр, өгленип алган, ажы-төл=дуг* (К. Кудажи, У, а, 122) – Тоня и Таня стали взрослыми людьми, вышли замуж, имеют детей; *Ам Коңгураа тускай өг=луг-баш=тыг* (М. Кенин-Лопсан, 222) – Сейчас у Конгуры отдельная семья (она имеет семью); *Чизелдей үш кыс=тыг* (М. Тирчин, К, 37) – У Чизелдей три дочки; *Сен чааскаан эвес, эш-өөр=луг сен* (К. Кудажи, У, 217) – Ты не одинок, у тебя есть друзья.

Отношения целого и составляющих, входящих в него частей могут связывать географические объекты как между собой, так и с объектами других типов, например, город – и составляющие его постройки, улицы, скверы и др.; район, село, учреждение – и его население, работники; отношения целого и части прослеживаются и на других группах слов: *Суур чаңгыс-ла узун кудумчу=луг* (С. Сүрүң-оол, 2 т., 13) – Село имеет всего одну улицу; *Ол ынчаарда Улан-Батор чүглө үжөн муң хире кижиси=лиг* (С. Тока, 5 т., 253) – Тогда Улан-Батор имел только тридцать тысяч человек; сравн.: *Школа чүглө каш-ла класс=тыг* (С. Сүрүң-оол, 2 т., 12) – Школа имеет всего несколько классов; *Кызылдың кинотеатры ийи чүс-үш чүс олут=туг* (К. Кудажи, У, м, 311) – Кинотеатр Кызыла имел двести-триста мест. В этих предложениях речь идет и о конкретном числе, и о неопределенном числе.

К этому типу примыкают и предложения, выражающие отношения географического представления (как целого) с тем, что содержится, находится в нем. Сочетание двух географических представлений в конструкции с аффиксом обладания *-лыг* обозначает, что некоторое пространство полностью или частично охвачено, покрыто, занято чем-то: тайгой, озерами и др. В этих предложениях объект часто принимает аффикс множественного числа перед *-лыг*: *Сыстыг-Хем суур ногаан-ногаан пөш=тер=лиг, кара-кара шиви=лер=лиг, сарыг-сарыг дым=тар=лыг* (К. Кудажи, У, м, 167) – Село Сыстыг-Хем имеет зеленые-презеленые кедры, черные-пречерные ели, желтые-прежелтые лиственницы.

Вместо аффикса множественного числа могут появляться другие слова и выражения – типа *сырый* 'густой', *төнчү чок* 'нет конца' и др.: *Дөргүнек уну кедери сыны-биле тудуш ыяш=тыг-даа турган* (С. Тамба, УУ, 205) – Русло (реки) Доргунек имело даже деревья, сплошь связанные с нагорной тайгой (с тайгой, находящейся в сторону гор); *Ол тайга кончуг сырый, муңгаш эзим=ниг* (Чүректерниц Т., 21) – Та тайга имеет густой, непроходимый лес.

Эта же модель используется для выражения происхождения людей из определенного рода или местности и для их возрастной характеристики: *Ол боду база Эйлиг-Хем ук=туг* (О. Намчылак, ДК, 185) – Он сам родом из Эйлиг-Хема (имел предков); *Артында,*

адазы сээң төрөөн сууруң чурт=туг хевирлиг чүве-дир, авай (Мөңгүн У, 82) – Оказывается, мама, его отец из твоей родной деревни; *Иргит Сандыкович бежен сес=тиг кижиси* (С. Сүрүң-оол, А-Т, 155) – Иргит Сандыковичу – 58 лет (букв.: сейчас 58 лет имеющий человек); *Мээң акым Бадый аът чыл=дыг, дуңмам Узун-кыс күске чыл=дыг* (С. Сарыг-оол, АТ, 47) – Мой брат Бадый имеет год коня, а сестренка – год мыши (родился в год коня, в год мыши); *Кызыл хоорай мээң-биле чажыт назы=лыг* (О. Саган-оол, КС, 7) – Город Кызыл одноленок со мной.

Модель $\{N_{Gen} N_{Nom} // \text{бар} (\text{сop})\}$ в ее отношении к модели $\{N_{Loc} N_{Nom} \text{бар} (\text{сop})\}$

Модель $\{N_{Loc} N_{Nom} \text{бар} (\text{сop})\}$ с личным «локализатором» имеет ограниченное употребление. У нее есть сильный конкурент – особая модель, структурная формула которой $\{(N_2) N_{Nom} // \text{бар} (\text{сop})\}$. Здесь *бар (сop)* – составное сказуемое того же типа, что и в основной гипермодели. Но позиции локализатора N_{Loc} здесь нет. Знаменательная, «лексическая» часть этой конструкции представлена изафетной непредикативной конструкцией $N_{Gen} N_{Nom} /$, где $N_{Nom} //$ – имя объекта обладания с посессивными показателями, символ которых $//$; N_{Gen} – имя обладателя в родительном (притяжательном) падеже. Этот компонент изафетной конструкции обычно приравнивается к определению, которое, как известно, не должно входить в структурную основу предложения. Однако в данном случае N_{Gen} представляет «личного обладателя», т.е. выступает в оппозиции по отношению к «обладателю-локализатору» N_{Loc} .

Мы склонны придать конструкции со структурной схемой $\{(N_{Gen} =\text{ым}/=\text{ың} N_{Nom} // \text{бар} (\text{сop})\}$, при условии личного оформления значения компонента N_{Gen} , статус самостоятельной модели предложения, системно связанной с намеченной выше гипермоделью через модель $\{N_{Loc} N_{Nom} \text{бар} (\text{сop})\}$.

Основное значение этой модели – выражение отношений постоянной принадлежности объекта N_{Nom} владельцу N_{Gen} : *Кожайың=ның боо=зу бар ышкажык* (С. Сүрүң-оол, 11) – У твоего хозяина есть же свое ружье; *Даарта деп хун бар, эжим. Мен харыылаар мен. Аалымда акша=м бар* (К. Чамыян, 7) – Есть же день завтра. Я буду отвечать. У меня в аале есть свои деньги.

Конструкция $\{N_{Nom}/=ым/ бар (сор)\}$ представляет собою сокращенный вариант изафетной конструкции модели $\{(N_{Gen}) N_{Nom}/=ым/ бар (сор)\}$, в которой устранено избыточное личное местоимение (N_{Gen}). Употребляется она тогда, когда речь идет о наличии собственного предмета в данный момент. Например: *Чүгле үш саар инэ=эм бар* (Э. Донгак, СЧ, 25) – Есть только три мои дойные коровы (=они есть сейчас у меня).

Модель $\{(N_{Gen}) N_{Nom} // бар\}$ употребляется тогда, когда речь идет о «неотчуждаемой принадлежности», в частности, физических признаках, о чертах характера, об устойчивых отношениях между людьми:

Внешние и внутренние признаки людей: *Маакай=ның ийи кулаанда сүвүр-сүвүр, өшкү маактары ышкаш меңнер бар* (Ш. Куулар, Б, 12) – У Маакай на ушах есть родинки.

Когда речь идет об определенной черте характера человека, значение наличия предстает как значение обладания постоянным признаком: *Боданмайн салыптар чаң=ың бар ийин* (С. Сарыг-оол, АТ, 246) – У тебя есть такая черта, не подумав, сказать; *Чамдыкта ынчап тений бээр чүве=ң бар (кайгаар мен ийин)*

(С. Сарыг-оол, АТ, 176) – Иногда (у тебя) есть такая черта, говорить какую-то чепуху (удивляюсь).

Постоянные отношения между людьми: *Бир чеже оларның кожазы, Ичин-Хорлуу суг=нуң Маакайдан ийи-ле хар улуг уру=у бар* (Ш. Куулар, Б, 13) – У их соседа, у Ичин-Хорлуу, есть дочка, старше Маакай на два года; *Мэ=эң көдээде эж=им бар* (КК, 141) – У меня есть друг в деревне; *Сэ=эң кижжи=ң бар* (К. Чамыян, 38) – У тебя есть твой жених.

Таким образом, реляционные модели (отношения обладания, принадлежности чего-то кому-то) (реже чему-то) в тувинском языке выражаются разнообразными способами, с помощью ряда моделей. В эту группу входят, во-первых, модель со значением принадлежности объекта $\{N_{Nom} N =ныы (сор)\}$, во-вторых, модель с предикативом в форме имени обладания с аффиксом $=лыг/=тыг$ $\{N_{Nom} N=лыг (сор)\}$, в третьих, модель, производная от изафетной конструкции, со структурной схемой $\{(N_2) N_{Nom} бар (сор)\}$. Семантика данных моделей – утверждение о том, что объект, названный актантом-подлежащим N_{Nom} , принадлежит лицу (объекту) $N=ныы$, $N=лыг$.

Сокращенные обозначения основных источников

ДШАТМ – Демир шилги аъттыг Тевене-Моге. – Кызыл, 1970.

К. Кудажы, У – Кызыл-Эник Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем, кызыл том. – Кызыл, 1973.

К. Кудажы, ЫБ – Кызыл-Эник Кудажы. Ыржым булун. – Кызыл, 1978.

М. Эргеп – Танды-Ууланың кижилери. – Кызыл, 1991.

С. Сүрүң-оол, А-Т – Салим Сүрүң-оол, Ак-Тош. – Кызыл, 1984.

С. Сүрүң-оол, АА – Салим Сүрүң-оол. Ак-анай. – Кызыл, 1970.

С. Сүрүң-оол, НО – Салим Сүрүң-оол. Ногаан ортулук. – Кызыл, 1986.

С. Тока, ЧЧ – Салчак Тока. Чогаалдар чыындызы. – Кызыл, 1986.

Э. Донгак, ЭХ – Эдуард Донгак. Эрги хонаштар. – Кызыл, 1983.

Литература

Абдуллаев С. Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 36–46.

Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 1983.

Байжанова Н. Р. Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N_1 V_f$ в алтайском языке: Автореф. дис. ... к.филол.н. – Новосибирск, 1999.

Додуева А. Т. Формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... к.филол.н. – Махачкала, 1997.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956.

Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка Фонетика. Морфология. – М., 1961.

Кетенчиев М. Б. Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. – М., 2010.

Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Автореф. дис. ... д.филол.н. – Новосибирск, 1997.

Серээдар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Автореф. дис. к.филол.н. – Новосибирск, 1995.

Серээдар Н.Ч., Скрибник Е.К., Черемисина М.И. Структурно-семантическая организация предложения наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск, 1996.

Скрибник Е.К. К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке // Системность на разных уровнях языка (на материале языков Сибири). – Новосибирск, 1999.

Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). – Йошкар-Ола, 2009.

Тикеев Д.С. Исследования по синтаксису простого предложения современного башкрского языка: Автореферат дис. ... д.филол.н. – Уфа, 1999.

Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... к.филол.н. – Новосибирск, 1994.

Тыбыкова А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. – Новосибирск, 1991.

Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. – Черкесск, 1971.

Хуболов С.М. Формально-семантические модели одностепенных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... к.филол.н. – Нальчик, 1997.

Черемисина М.И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. – Новосибирск, 1995. – С. 54–66.

Чертыкова М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Дис. ... к.филол.н. – Новосибирск, 1996.

Чугунекова А.Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка). Дис. ... к.филол.н. – Новосибирск, 1998.

Якушко Г.Т. Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка). Дис. ... к.филол.н. – Новосибирск, 1997.

В.В. Субракова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ВКЛАД МИХАИЛА ИВАНОВИЧА БОРГОЯКОВА В ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНЕТИКИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена научной деятельности М.И. Боргоякова, известного учёного-тюрколога, одного из основоположников хакасского языкознания. В ней освещены его основные работы, посвященные исследованию фонетики хакасского языка, а также его вклад в тюркологию. Он является исследователем, который описал комплексно бельтырский говор сагайского диалекта хакасского языка. Научное наследие М.И. Боргоякова не потеряло своего значения и по сей день и продолжает служить тюркологии.

Ключевые слова: М.И. Боргояков, доктор филологических наук, современный хакасский язык, диалекты, фонетика.

V. V. Subrakova

*Khakass Scientific Research institute
of language, literature and history (Russia)*

MIKHAIL IVANOVICH BORGOKOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE PHONETICS OF THE KHAKASS LANGUAGE

The article is devoted to the scientific activity of the famous scientist Turkologist, one of the founders of Khakass linguistics M.I. Borgoyakov. It highlights the main works devoted to the study of the phonetics of the Khakass language, as well as contributions to Turkology. He is a researcher who described the complex beltyr dialect of the sagay dialect of the Khakass language. The scientific heritage of M.I. Borgoyakov has not lost its significance to this day, and continues to serve Turkology.

Keywords: M. I. Borgoyakov, doctor of Philology, modern Khakass language, dialects, phonetics.

05 мая 2020 г. исполнилось бы 90 лет Михаилу Ивановичу Боргоякову – первому доктору филологических наук в хакасском языкознании, известному учёному-тюркологу, одному из основоположников хакасского языкознания. М.И. Боргояков родился в с. Нижняя Тёя Ас-

кисского района Хакасской автономной области. В 1945 г., после окончания Усть-Чульсской семилетней школы, Михаил Иванович поступает в Хакасское педагогическое училище, на хакасское отделение. Затем М.И. Боргояков поступает в Абаканский государствен-

ный педагогический институт, после окончания которого работал в Хакасском книжном издательстве. В 1953 г. он поступает в аспирантуру при Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова. Его руководителем стал известный тюрколог, академик А. Н. Кононов, под руководством которого Михаил Иванович прошел школу классической тюркологии [Карпов, 2010. С. 4]. В 1961 г. М. И. Боргояков защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Прямое дополнение в хакасском языке».

Огромный материал, собранный М. И. Боргояковым, был обобщен в его докторской диссертации «Проблемы формирования и развития хакасского языка». В 1979 г. он успешно защитил ее в Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР (г. Алма-Ата). Это была первая докторская работа на материале современного хакасского языка. Михаил Иванович проявил себя не только как языковед, но и как историк [Сунчугашев, 2014. С. 90].

Исследования хакасского языка прошлого века характеризуются как период сбора научного эмпирического материала. К группе исследователей данного периода наряду с другими учеными относятся С. Е. Малов, Н. П. Дыренкова, Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков, Н. Г. Доможаков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, М. И. Боргояков, Д. И. Чанков, В. Г. Карпов и др.

Область научных интересов М. И. Боргоякова многогранна, охватывает все стороны хакасского языка, которым посвящены многочисленные статьи, выступления на различных тюркологических конференциях.

В данной статье мы хотели бы остановиться на работах М. И. Боргоякова, посвященных исследованиям фонетики хакасского языка.

Современное состояние изученности вокализма и консонантизма хакасских диалектов характеризуется следующим: выделение инвентаря гласных фонем, даны аудитивно установленные характеристики звуковых единиц, указана их дистрибуция и выявлены признаки, отличающие гласные и согласные разных диалектов.

М. И. Боргояков исследовал и установил закономерности образования долгих гласных в хакасском языке, зафиксировал пути их образования и развития. Обратил внимание на образование долгих гласных, что связывал с

первичными долготами [Боргояков, 1966. С. 86]. Так, широкие гласные *a*, *э* (*e*), *o*, *ö* и узкий *и*, оказавшись в позиции перед слогом с узкими редуцированными *ы* и *і* становятся долгими, а согласный оказавшись в интервокальной позиции озвончается, напр: *абыс* a:bʏs 'поп', *агын* a:ɔɣɪn 'течение, поток', *алым* a:lʏm 'долг', *амыр* a:ɪmɣ 'спокойный, мирный', *аны* a:nʏ 'его', *арыг* a:ɣɔɣ 'роща, чаша', *игір* i:gʏɣ 'кривой', *ибір* i:bʏɣ 'окружать, вращать', *иліг* i:lʏg 'пятьдесят', *килін* ki:lʏn 'сноха, невеста', *көбік* kœ:bʏk 'пена', *көні* kœ:nʏ 'прямо, прямой', *мойын* mɔ:jʏn 'шея', *ойым* ɔ:jʏm 'долина', *пайы* pa:jʏ 'богатеть', *пизік* pi:zʏk 'колыбель', *чазы* tʃ"a:zʏ 'поле, степь', *чидіг* tʃ"i:dʏg 'достижение' и т. д.

При прибавлении к односложному слову аффикса с узкими гласными *ы* и *і* предшествующий широкий гласный и узкий *и* удлиняются, напр.: *ат* at 'имя, лошадь' – *ады* a:dʏ 'имя=его, лошадь=его', *ай* aj 'месяц' – *айы* a:jʏ 'месяц=его', *им* im 'лекарство' – *ими* i:mʏ 'лекарство=его', *ир* ir 'муж, мужчина' – *ири* i:rʏ 'муж=его', *сан* san 'счёт, число' – *саны* sa:nʏ 'счёт=его, число=его', *нас* nas 'голова' – *назы* na:zʏ 'голова=его', *мал* mal 'скот' – *малы* ma:lʏ 'скот=его', *час* tʃ"as 'возраст' – *чазы* tʃ"a:zʏ 'возраст=его', *тон* tɔn 'шуба' – *тоны* tɔ:nʏ 'шуба=его' и т. д. В аффиксах множественного числа, когда за ним следует аффикс принадлежности, М. И. Боргояков также констатировал удлинение, напр.: *маллары* ma:l'a:ɣ 'скот=его (их)', *саннары* san:a:ɣ 'числа=его', *нымактары* nʏmaɣta:ɣ 'сказки=его', *сөстери* sœste:rg 'слова=его'. Долгота фиксируется в деепричастиях на -ып/ -іп, напр.: *чадын* tʃ"a: dʏr ← *чат* 'лежать', *садын* sa:dʏr ← *сат* 'продавать', *хозып* xɔ:zʏr ← *хос* 'добавлять' и т. д. В случаях, когда эти деепричастия используются в усеченном виде, т. е. без -ып/ -іп, и являются частью сложного глагола, долгота исчезает, напр.: *сат тур* sat tur ← *садын тур* sa:dʏr tur 'продавать', *ар нар* ar nar ← *арып нар* a:ɣr nar 'отощать, похудеть' и т. д. Данный процесс наблюдается в сагайском и качинском диалектах, а в кызыльском диалекте долгота сохраняется и в усеченных формах, напр.: *хаах ту ха:χ tu* ← *хагын тур* xɑ:ɔɣɪn tur 'трясет', *эт ту ε:t tu* ← *эдин тур* ε:dip tur 'делает что-л.' Таким образом, мы наблюдаем неравномерное сокращение долготы в диалектах хакасского языка. Процесс удлинения широких гласных перед узкими гласными характерен не только для хакасского языка, он наблюдается и в других тюркских языках. И проявляется этот

фонетический процесс в каждом языке по-разному. Иногда долгота, возникшая под влиянием узких гласных *ы, і*, впоследствии в отдельных языках исчезает полностью. Это происходит в тех случаях, когда узкие гласные *ы, і* выпадают. Возникая различным путем и в разное время, долгие гласные не составляли какую-то систему.

Таким образом, после проведения тщательного анализа и сопоставления своих материалов с материалами других тюркских языков М.И. Боргояков пришел к выводу, что в определенной позиции в слове широкие гласные удлиняются, т.е. становятся долгими. Этот процесс является релевантным для хакасского языка. Возникшие таким путем долготы со временем имеют тенденцию перехода в гласные с нормальной длительностью, а иногда даже в краткие гласные, если у них нет фонемного значения. Он обратил внимание на то, что при переходе долгих гласных в краткие происходит оглушение интервокальных и анлаутных согласных.

Современный хакасский язык является многодиалектным, а внутри диалектов выделяются говоры. Каждому говору свойственны свои фонетические, грамматические и лексические особенности, которые изучены в различной степени.

Следующая работа М.И. Боргоякова посвящена исследованию звуков бельтырского говора, который на основании ряда лингвистических критериев, прежде всего фонетических, относится к с/з, или свистящим диалектам. В своей работе он приводит краткое описание гласных и согласных звуков, предпринял попытку проследить процессы развития некоторых важных фонетических особенностей, а также выявил следующие отличительные фонетические особенности бельтырского говора:

1) отсутствие широких *о, ө* и *оо, өө*, но под влиянием литературного языка они могут появляться в речи;

2) наличие разных звуков в одной и той же позиции, напр.: вместо *а* в литературном языке в говоре встречается *ы* и, наоборот, вместо *ы-а*: *анды – анда* ‘там’, *азрынарга – азыранарга* ‘кушать’, *оолых – оолах* ‘мальчик’, *матып – матап* ‘сильно’, *алтанда – алтында* ‘внизу’, *малта – малты* ‘топор’, *торга – торгы* ‘шёлк’, *сабын – сабан* ‘кадка’, *салгынах – салганах* ‘крапива’, *тамых – тамах* ‘горло’, *хамых – хамах* ‘лоб’;

3) соответствие *і – е (э)* и *э (е)*: *көзінек – көзенек* ‘окно’, *күріс – күрес* ‘борьба’, *тиглек – тегілек* ‘колесо’, *тире – теер* ‘шкура’, *үгрі – үгре* ‘суп’, *имек – эмек* ‘провода’ и т. д.;

4) соответствие *э (е) – і*: *ибере – ибіре* ‘вокруг’, *изек – ізік* ‘дверь’, *иркен – иркін* ‘порог’, *тұлге – тұлгү* ‘лиса’, *мүзек – пөзік* ‘высокий’, *эн – ін* ‘нора’, *ирде – ирні* ‘губы’;

5) соответствие *э (е) – и*: *керек – кирек* ‘надо’, *кел – кил* ‘прибывать, приходиться’, *кертін – киртін* ‘верить’, *тегір – тигір* ‘небо’, *чер – чир* ‘земля’ и т. д.;

6) соответствие *а – у* и *у – а*: *пулат – пулут* ‘облако’, *хузурах – хузурух* ‘хвост’, *хурча – хурчу* ‘наперсток’, *сулу – сула* ‘овёс’, *улум – улам* ‘стог’, *тузухтыг – тузахтыг* ‘с путами’ и т. д.;

7) соответствие *у – о, ү – ө*: *мунчык – мончык* ‘бусы’, *нуган – ноган* ‘зеленый’, *күк – көк* ‘синий, зеленый’, *үдік – өдік* ‘обувь’, *угыр – огыр* ‘вор’, *урай – орай* ‘поздно’, *турбас – торбас* ‘мох’, *күл – көл* ‘озеро’, *үрекен – өрекен* ‘старуха’ и т. д.

Для системы консонантизма бельтырского говора М.И. Боргояков выявил следующие особенности:

1) звук «м» в анлауте и середине слова соответствует звукам «п», «б» в литературном: *амдыра – абдыра* ‘шкатулка’, *мічік – пічік* ‘письмо, грамота’, *малты – палты* ‘топор’, *самдыр – сабдар* ‘соловьиный’ и т. д.;

2) соответствие *д – н, л*: *алды – алны* ‘перед, раньше’, *аалда – аалла* ‘гостить’, *пурда – пурны* ‘нос’, *килді – килні* ‘невестка’, *харды – харны* ‘живот=его’, *орды – орны* ‘место=его’, *мойды – мойны* ‘шея=его’ и т. д.;

3) соответствие *ч – н*: *чымчах – нымзах* ‘мягко’, *чітке – нітке* ‘затылок’;

4) встречаются еще другие соответствия: *игбен – иңмен* ‘наплечник национального женского платья’, *чидір – чиділ* ‘кашлять’, *түрче – чүрче, чүче* ‘ненадолго’, *аккелген – ал килген* ‘принес’.

М.И. Боргояков зафиксировал в бельтырском говоре выпадение согласных звуков «л», «р», «н»: *аган* в м. лит. *алган* ‘взял’, *ізеге* в м. лит. *ізерге* ‘пить’, *сабага* в м. лит. *сабарга* ‘ударять’. Звук «н» выпадает также в аффиксе отрицательной формы на *-бин, -пин, -мин*: *пілбичим* в м. лит. *пілбинчим* ‘не знаю’, *тогынмичи* в м. лит. *тогынминчи* ‘не работает’, *күрінмичи* в м. лит. *көрінминча* ‘не видно’. Также в бельтырском говоре выпадает звук *т* из состава основы глагола и аффикса *-чатхан/-четкен*, напр.: *пирбичегенде – пирбинчеткенде* ‘когда не

давал', *чоохтапчаган* – *чоохтапчатхан* 'рассказывал', *хынчаган* – *хынчатхан* 'любящий', *пiлчеген* – *пiлчеткен* 'знал', *полчаган* – *полчатхан* 'бывал' и т. д.

Все эти процессы, которые были отмечены М.И. Боргояковым, необходимо подробно исследовать с применением современных технологий, чтобы проследить дальнейшие процессы развития, которые произошли в бельтырском говоре сагайского диалекта.

Как мы видим, в представленной работе звуковая система бельтырского говора сагайского диалекта отражена недостаточно, поскольку описывалась субъективным слуховым методом со свойственными ему искажениями, неточностями. В дальнейшем мы считаем необходимым исследовать речь бельтырцев с применением методов экспериментальной фонетики. Таким образом, объективный экспериментально-фонетический материал позволит определить артикуляторные и акустические параметры речевых реализаций согласных фонем; определить систему конститутивно-дифференциальных признаков (основных и дополнительных), структурирующих звуковую систему бельтырского говора; путем сопоставления результатов данного исследования с материалами, опубликованными в тюркологической литературе по другим говорам и диалектам хакасского языка, а также по контактному тюркским языкам Южной Сибири, определить специфику звуков бельтырского говора на фоне опорных диалектов хакасского литературного языка, а также других родственных языков.

Полученные новые теоретические результаты позволят внести коррективы в типологическую классификацию вокальных и консонантных систем, уточнить картину формирования фонетического ландшафта в ареале функционирования сибирских языков, предложить научные гипотезы об исторических контактах этносов и языков, их взаимодействии и взаимовлиянии.

Наряду с исследовательской работой М.И. Боргояков занимался педагогической деятельностью в Абаканском пединституте, читал теоретические курсы по истории хакасского языка, участвовал в разработке учебников для хакасских школ.

В ХакНИИЯЛИ М.И. Боргояков проработал до последних дней своей жизни. Всего им опубликовано более 70-ти научных работ в области лексики и грамматики хакасского языка, диалектологии, истории языка и топонимики. Михаил Иванович не ограничивался лингвистикой: он живо интересовался проблемами фольклора, а также им написан целый ряд статей по этногенезу и истории хакасов [Субракова и др., 2005. С. 6].

Научное наследие М.И. Боргоякова не потеряло своего значения и по сей день и продолжает служить тюркологии. Научные труды высоко ценятся коллегами-лингвистами, фольклористами, историками, этнографами и деятелями культуры. Его труды для многих исследователей хакасского языка стали настольными книгами, которые еще долгие годы будут вдохновлять новые поколения лингвистов-исследователей на творческий поиск.

Литература

Боргояков М.И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учёные записки. – Вып. XII. – Абакан, 1966. – С. 81–98.

Карпов В.Г. Михаил Иванович Боргояков – гордость хакасской филологической науки // Актуальные проблемы Саяно-алтайской тюркологии. – Абакан, 2010. – С. 3–9.

Субракова О.В., Сунчугашев Р.Д. Боргояков Михаил Иванович (К 75-летию со дня рождения): Биобиблиографический сборник. – Абакан, 2005.

Сунчугашев Р.Д. Михаил Иванович Боргояков (1930–1983). К 30-летию кончины // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 1 (12). – С. 90–92.

С. С. Товуу

*Институт развития национальной школы
Республики Тыва (Россия)*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО (ТУВИНСКОГО) ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

В статье рассмотрены вопросы государственной языковой политики в Республике Тыва через реализацию Государственной программы Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы». Обосновано то, что языковые вопросы сохранили свою приоритетность в качестве одного из основных направлений государственной национальной политики Республики Тыва, в том числе в области образования. Рассмотрены вопросы создания условий по изучению родного (тувинского) языка в образовательных организациях республики.

Ключевые слова: языковая политика, тувинский язык, государственная программа, родной язык, преподавание родного языка.

S. S. Tovuu

*The National School Development Institute
Republic of Tuva (Russia)*

IMPLEMENTATION OF THE STATE LANGUAGE POLICY IN THE FIELD OF TEACHING THE NATIVE (TUVAN) LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF TUVA

This article updates the issues of the State language policy in the Republic of Tuva through the implementation of the State program of the Republic of Tuva «Development of the Tuvan language for 2017–2020». It is substantiated that linguistic issues have retained their priority as one of the main directions of the State national policy of the Republic of Tuva, including in the field of Education. The article considers the issues of creating conditions for the study of the native (Tuvan) language in educational institutions in the Republic of Tuva.

Keywords: language policy, Tuvan language, state program, native language, teaching of native language.

Сферой интенсивного функционирования языков в Республике Тыва является система образования.

Законодательная регламентация функционирования государственного языка Российской Федерации, родного языка тувинского народа составляет существенный пласт нормативно-правового регулирования. В соответствии со статьей 5 Конституции Республики Тыва государственными языками Республики Тыва являются русский и тувинский языки.

В настоящее время в Республике действуют две государственные программы, затрагивающие вопросы языковой политики и региональные вопросы сохранения языков: Государственная программа «Развитие русского языка на 2014–2018 годы», утвержденная Постановлением Правительства Республики Тыва от 18 октября 2013 г. № 608 и Государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы», утвержденная Постановлением Правительства РТ от 07 апреля 2017 г. № 152.

Государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» реализуется с целью создания условий для сохранения, равноправного развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва (далее – государственная программа).

Основным координатором государственной программы является Министерство образования и науки Республики Тыва.

В рамках государственной программы в целях создания условий и реализации прав граждан на получение образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации и литературы народов России на родном языке действуют 2 подпрограммы: подпрограмма 2 «Развитие тувинского языка в системе непрерывного образования Республики Тыва» и Подпрограмма 3 «Повышение квалификации педагогических кадров, государственных (муниципальных) гражданских служащих».

Так, созданы условия для изучения родного (тувинского) языка в рамках проекта «Тувинский язык детям/ «Тыва дыл – бичии чаштарга» в дошкольных образовательных учреждениях.

С 2019 г. во всех ДООУ внедрена примерная образовательная программа по развитию родной (тувинской) речи в дошкольных образовательных учреждениях Республики Тыва «Моя родная Тува» / «Төрээн Тывам». Издана серия учебно-методического комплекса по изучению родного языка детям от 2 до 7 лет.

Существенным итогом реализации Государственной программы по развитию тувинского языка в общеобразовательных организациях стали результаты Государственной итоговой аттестации по родному (тувинскому) языку в 9 классах и родная (тувинская) литература в 11 классах (проводится ежегодно в качестве предмета по выбору (ГВЭ)).

В 2018–2019 гг. по итогам экзаменов уровень обученности составил 96,2%, рост на 7,1% по сравнению с 2017 годом (89,1%), качество знаний – 52,1%, рост на 24,2% (27,9%), а средний балл – 3,6 (в 2016 г. – 447 чел., в 2017 г. – 635 чел., в 2018 г. – 928 чел.).

За последние 3 года значительно выросло количество выпускников, получающих высокие баллы по предмету, отмечается улучшение уровня практического владения орфографическими, пунктуационными, грамматическими и речевыми нормами.

Реализация государственной программы в республике позволяет создавать оптимальные условия для изучения родных языков. Так, родной (тувинский) язык изучается из 176 школ в 166 школах, языком обучения для 66253 учащихся является русский язык, 45139 учащихся, что составляет 68,1%, изучают свой родной язык как предмет. В республике преподают тувинский язык и литературу с 1 по 11 классы 1800 учителей, из них 170 являются учителями городских школ.

На курс «Русский язык» для классов с русским (родным) языком обучения (вариант 2) в I–IV классах отводится по 5 часов.

Для образовательных организаций, в которых обучение ведётся на русском языке, но наряду с ним изучается тувинский язык (как родной и неродной) (вариант 3), на русский язык выделяется в I классе 4 часа, во II–IV классах – по 5 часов. В рамках реализации общеинтеллектуального направления внеурочной деятель-

ности рекомендуется выделить в I–IV классах по 1 часу для развития русской речи.

Курс «Русский язык» в классах с родным (тувинским) языком обучения (вариант 4) реализуется при наличии необходимых условий (при наличии учебников, входящих в федеральный перечень).

На курс «Литературное чтение» для классов с русским (родным) языком обучения (вариант 2) в I–IV классах отводится по 4 часа.

Для образовательных организаций, в которых обучение ведётся на русском языке, но наряду с ним изучается тувинский язык (как родной и неродной) (вариант 3), в I классе отводится 2 часа, во II–IV классах – по 3 часа.

На курс «Родной язык и литературное чтение» для образовательных организаций, в которых обучение ведётся на русском языке, но наряду с ним изучается тувинский язык (как родной и неродной) (вариант 3), в I–IV классах отводится по 3 часа в обязательной части учебного плана (на родной (тувинский) язык – по 2 часа в неделю, литературное чтение – по 1 часу).

При реализации основных общеобразовательных программ начального общего образования в смешанных классах при изучении родного языка, в том числе русского языка как родного и тувинского языка как родного, в 1–4 классах (при наполняемости классов 25 и более человек в городских школах и 20 и более человек в сельских школах) Министерством образования и науки Республики Тыва рекомендовано разделить класс на 2 подгруппы: по заявлению родителей (законных представителей) дети тувинской национальности изучают тувинский язык, русскоязычные дети – русский язык как родной.

Для изучения родного (тувинского) языка как родного и литературного чтения на родном языке могут быть использованы в экспериментальном режиме учебники по тувинскому языку и литературному чтению, приведенные в соответствии с требованиями ФГОС и созданные региональными авторами.

Наряду с учебниками в образовательной деятельности могут использоваться другие учебные издания, являющиеся учебными пособиями.

Для изучения родного (тувинского) языка как неродного и литературного чтения в классах с изучением родного языка наряду с преподаванием на русском языке (вариант 3) проводятся занятия «Тувинский язык и культура

тувинского народа» и используются примерные образовательные программы и учебные пособия, разработанные Государственным бюджетным научным учреждением Министерства образования и науки Республики Тыва «Институт развития национальной школы»:

– учебные пособия «Тувинский язык и культура тувинского народа», «Улусчу ужурлар» для I–IV классов;

– учебно-методические пособия Р.Р. Бегзи: «Уроки тувинского языка» для II класса, «Мы учим тувинский язык» для III–IV классов;

– электронные версии вышеуказанных учебно-методических пособий.

Кроме этого, рекомендуется в рамках реализации общеинтеллектуального направления внеурочной деятельности выделить по 1 часу на развитие речи по тувинскому языку.

На курс «Математика» для классов с русским (родным) языком обучения (вариант 2) в I–IV классах отводится по 4 часа.

Для образовательных организаций, в которых обучение ведётся на русском языке, но наряду с ним изучается тувинский язык (как родной и неродной) (вариант 3), математика во всех I–IV классах изучается на русском языке, и на обучение отводится по 4 часа. Для более эффективного усвоения материала по математике в рамках реализации общеинтеллектуального направления внеурочной деятельности Министерством образования и науки РТ рекомендовано выделить по 1 часу на математику на тувинском языке.

На изучение интегрированного предмета «Окружающий мир» в I–IV классах отводится по 2 часа, обучение ведётся на русском языке. Изучение данного предмета направлено на воспитание любви и уважения к природе, своему городу (селу), своей Родине; осмысление личного опыта общения ребенка с природой и людьми; понимание своего места в природе и социуме; приучение детей к рациональному постижению мира на основе глубокого эмоционально-ценностного отношения к нему. Особое внимание должно быть уделено формированию у младших школьников здорового образа жизни, элементарных знаний о поведении в экстремальных ситуациях, т.е. основам безопасности жизнедеятельности.

Внеурочная деятельность организуется по направлениям развития личности: духовно-нравственное, спортивно-оздоровительное, со-

циальное, общеинтеллектуальное, общекультурное.

Духовно-нравственное направление способствует расширению знаний по истории родного края, созданию целостного образа «малой Родины», патриотическому воспитанию личности.

В рамках реализации духовно-нравственного направления внеурочной деятельности в I–IV классах рекомендуется выделить по 1 часу на изучение отдельного курса по народоведению «Улусчу ужурлар», «Культура и традиции народов Республики Тыва».

Рекомендовано изучение предметов «История Тувы» (1 час в 9 классе в школах, участвующих в апробации ФГОС ООО) и «География Тувы» (1 час в 8 классе) как региональный компонент учебного плана (по БУП-2004), а также за счет части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений.

Соблюдение регионального компонента учебного плана по БУП-2004 является обязательным для образовательной организации.

Изучение учебных курсов «Улусчу ужурлар» в V–VII классах, «История и культура Республики Тыва» в V–IX классах и «Основы безопасности жизнедеятельности» в V–VII классах возможно в рамках отдельных учебных предметов учебного плана, модулей различных учебных предметов или занятий внеурочной деятельности образовательной программы образовательной организации.

Вместе с тем в образовательном процессе преподавания родного (тувинского) языка остается нерешенным вопрос включения учебников по тувинскому языку и литературе 5–9 и 10–11 классов в федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством просвещения РФ.

В 2018 году в предметную область «Родной язык и литературное чтение на родном языке» федерального перечня учебников включены учебники по тувинскому языку с 1 по 4 классы начальной школы.

Разработаны примерные образовательные программы: Примерная образовательная программа по предмету «Родной (тувинский) язык» – «Тыва дыл» для общеобразовательных организаций (5–9, 10–11 классы), Примерная рабочая программа для 5–9, 10–11 классов по родной (тувинской) литературе с учетом региональных, национальных, этнокультурных особенностей. Проводится региональная педа-

гогическая и общественная экспертизы новых учебников по тувинскому языку и литературе с 5 по 9 классы.

В рамках Государственной программы учителя родного (тувинского) языка проходят курсы повышения квалификации по вопросам ГИА (ОГЭ) по родному языку, теоретическим и методологическим особенностям преподавания тувинского языка и литературы, преподавания в ДОО.

В дальнейшем государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» будет продолжена в последующие 2021–2024 годы.

Таким образом, существующая положительная динамика уровня владения тувинским языком в республике связана с государственной поддержкой обучения на родном (тувинском) языке и изучения тувинского языка как предмета. Основы создания условий для реализации культурно-языковых прав населения республики заложены действующей законодательной базой, но в то же время существует необходимость синхронизации федерального, республиканского и муниципального уровней нормативного правового регулирования в языковой сфере, разработки методологии правоприменения, систематизации и перевода на тувинский язык нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Тыва.

В настоящее время актуальным стал вопрос проведения мониторинговых исследований функционирования государственных и официальных языков Республики Тыва в информационном пространстве. Наблюдается увеличение орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок в средствах массовой информации, сокращение используемого лексического объема языка.

В сфере образования актуальной задачей является повышение качества обучения родному (тувинскому) языку. Необходимо разрабатывать методики, учитывающие билингвальную среду образования, а также шире применять возможности дистанционного обучения для повышения качества обучения родному

(тувинскому) языку. Важным шагом, необходимым для сохранения родного (тувинского) языка является разработка программ и линеек учебников, включение в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации программ общего, основного общего, среднего общего образования.

Анализ состояния научно-фундаментальных исследований в языкознании указывает на недостаток фундаментальных трудов обобщающего теоретического характера, учитывающих новейшие достижения отечественной, мировой лингвистики и тувиноведения. Важными задачами являются разработка и издание академической грамматики современного тувинского языка, создание и использование электронного корпуса тувинского языка (включая разработку поисковой платформы, программного комплекса для лингвостатистического исследования корпуса, базы данных), развитие лингвистической школы, повышение качественного уровня исследований в области тувинской филологии.

Необходимо проведение оцифровки документов печатного (письменного) наследия тувинского народа, хранящихся в архивах, научных центрах, библиотеках республики, и обеспечение доступа к данным материалам исследователей и широкой общественности.

В условиях глобализации безусловным транслятором вековых традиций и устоев самобытности народа является родной язык, поэтому стоит задача развития языка в условиях повседневного общения населения. В этих целях в рамках государственной программы принимаются меры по развитию языка в информационном пространстве: оформление официальных сайтов Республики Тыва и официальных сайтов администраций муниципальных образований в Республике Тыва на тувинском языке; модернизация и пополнение электронных ресурсов на тувинском языке; создание мультимедийного интернет-ресурса литературы, фольклора Республики Тыва; производство, трансляция обучающих мультфильмов и телевизионных передач на тувинском языке для детей и школьников.

Литература

Постановление Правительства Республики Тыва от 07.04.2017 № 152 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017-2020 годы» [Электронный

ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201704110011?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 06.08.2020).

А. М. Токтосунова*Ошский гуманитарно-педагогический институт
(Кыргызская Республика)***ВИДЫ ДИАЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
КЫРГЫЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕМАНТИКИ**

Статья посвящена анализу видов диалогов в текстах художественных произведений кыргызских писателей с точки зрения их семантики. Для иллюстрации использованы произведения Ч. Айтматова, Т. Касымбекова. Анализ видов диалога в художественных произведениях способствовал выявлению не только специфики индивидуально-авторского словоупотребления, особенностей стиля отдельного писателя или образной системы конкретного художественного произведения, но и помог установить общие закономерности в употреблении видов диалога. Такая направленность была мотивирована, в первую очередь, учебным поиском наиболее эффективных путей изучения видов диалога в художественном тексте, являющихся важным компонентом структуры прозаического произведения, имеющих свои функции и задачи.

Ключевые слова: диалог, виды диалога, художественный текст, речь героев, идея произведения.

A. M. Toktosunova*Osh Humanities and Teacher Training Institute
(Kyrgyzstan)***TYPES OF DIALOGUE IN LITERARY TEXTS OF KYRGYZ WRITERS'
WORKS IN TERMS OF SEMANTICS**

The article is devoted to the analysis of the types of dialogue in literary texts of Kyrgyz writers' works in terms of semantics. The works of Ch. Aitmatov and T. Kasymbekov were used for demonstration. The analysis of the types of dialogue in fictional works helped to identify not only the specifics of the individual authors use of words, the peculiarities of the style of an individual writer or the figurative system of a particular fictional work, but also an attempt was made to establish general patterns in the use of types of dialogue. This orientation was motivated, first of all, by educational goals – search for the most effective ways to study the types of dialogue in a literary text, which are an important component of the structure of a prose work, having their own functions and tasks.

Keywords: dialogue, types of dialogue, literary text, speech of heroes, work concept.

Диалог выполняет очень важную, художественно-эстетическую функцию в художественном произведении, освещая духовный мир и нравственно-этические воззрения героев, а через них – духовные ценности всего человечества и общества в целом.

В диалоге вместе с мыслями, чувствами человека, его психологическими и нравственными качествами передаются и национальные особенности. В диалоги художественного стиля включаются авторские идеи, мысли, цели. А в диалоге разговорного стиля раскрывается культура говорящих – участников диалога. «Художественный текст в отличие от других текстов функционального стиля отличается своим жанровым естеством, логико-прагматическим составом, использованием языковых средств, стилем, коммуникативными и эстетическими основами, истоком возникновения» [Маразыков, 2014. С. 81].

Художественное произведение выполняет воспитательную, формирующую человека

функцию, указывающую на жизненный путь, разносторонне рисуя, освещая, показывая его. В связи с этим появляется возможность условного деления диалога в тексте с точки зрения семантики.

Мы придерживаемся условного деления диалога в художественном тексте с точки зрения семантики на следующие виды: диалог-беседа, диалог-ссора, диалог-критика, диалог-упрек, диалог-унижение, оскорбление, диалог-ласка, мольба, диалог-разрешение тайны, диалог-сотрудничество, диалог-знакомство, диалог-спор, диалог-шутка, диалог-упрек, брань, диалог-приветствие, диалог-интим.

В художественном тексте часто встречается диалог-беседа. Автор в произведении использует этот вид диалога в целях составления и раскрытия образа героя. Посредством диалога художественного текста создается образ, обрисовываются положительные и отрицательные черты героев, их философия, мышление, раскрывается взгляд на мир. Автор через беседы

героев передаёт их взаимоотношения, идею, содержание произведения. В основном через диалог-беседу передается разная информация. В диалоге этого типа ожидается присутствие положительной или отрицательной эмоции.

Диалог-ссора. В обыденной жизни временами происходят скандалы, разногласия, перепалки. В художественное произведение разногласия и скандалы, несомненно, включаются автором с определенной целью – передать конфликт между героями. Отрицательные эмоции некоторых героев авторы передают обычно острыми фразами и словами. Например, в романе Т. Касымбекова «Сломанный меч» военачальник Атакул, увидев Насирдина, произносит: *«Хи – сказал он раздраженно, – думал, что змея, которая кусает, а оказались вонючие змеи с выдернутыми языками!»*. Автор словами военачальника Атакула показывает его отношение к потерявшему власть Насирдину, сравнивая его бессилие со змеями с выдернутыми языками, так как не имея власти, Насирдин не сможет достичь всех своих целей.

Для передачи эмоций раздражения, злобы, недовольства, ярости используются слова – названия указанных состояний, фразеологизмы и описания мимики и жестов через ремарки.

Диалог-критика. Используется автором для раскрытия образов героев в художественном тексте. Приведём пример: *«Ты тоже не признал Бога перед народом, сделал зависимым даже «Слово» Творца. Те обнародовали так, написали, что сомневаешься в Боге»* [Айтматов, 2009. С. 119].

Диалог-упрек. Данный вид диалогов занимает особое место в художественном тексте. Говорящий путём упрека выражает своё отрицательное эмоционально-оценочное отношение к действию адресата речи, но при этом испытывает доброжелательные чувства к нему. Его цель – оказать эмоциональное воздействие на него. В качестве примера можно привести речь героев Айтматова: *«Это что? Не могли поделить одного бога? – Петруха начал вести себя подобно девушке. – Вот интересно!»* [Айтматов, 2009. С. 119]; *«Эй, репортер «Нью-Йорк таймса», – ну же прежнего разделил слова унижавший лейтенант* [Айтматов, 2009. С. 227]. В приведенных примерах в конце предложений поставлены вопросительный и восклицательный знаки в целях передачи интонации.

3. Ажыбаева в своем труде «Эмоционально-экспрессивные средства кыргызского языка»

отмечает: «Восклицательный знак непосредственно имеет прямое отношение к эмоции» [Ажыбаева, 2007. С. 4]. Знаки препинания используются в письменной речи в качестве символических пунктуационных средств выражения эмоции.

Диалог-унижение, оскорбление. Использование унижительных слов и оскорблений ограничено моральными правилами и законами. Человек, вышедший за рамки дозволенного применения унижительных слов, будет привлечен к ответственности. Приведем как пример диалог Авдия и Гриши из романа «Плаха» Ч. Айтматова: *«Ты намного опаснее, чем я думал! Если бы смог, какой ужас ты навел бы на весь мир, опасно представить. Атан-кору, жалко, что не Наполеон!»*.

Диалог-ласка, мольба. Данный диалог часто происходит между близкими людьми. К примеру, в диалоге Джамили и Данияра мужчина называет свою любимую всеми ласковыми словами, существующим у кыргызов и казахов: *«Моя Джамилия, душа моя калка-тайым, красный цветочек, Джамалтай!»* [Айтматов, 2009. С. 250]. Автор для передачи чувств любящих друг друга людей выбрал слова с глубоким эмоциональным воздействием. Для раскрытия образа героев выбор автором правильных эмоциональных слов имеет большое значение.

Диалог-сотрудничество. В культуре кыргызского народа существуют правила и принципы обращения к вышестоящим должностным лицам и к старшим. К примеру, нельзя переходить дорогу перед старшими и говорить прямо в лицо, повышать голос и т.д. Приведем пример: *«Да, я знаю, оперный театр ныне – что опустевший храм. На оперных сценах царят эстрадный балдеж, клоунада и прочие развлекаловки. Знаю, что лучшие солисты и солистки разбежались голосить по рыночным дебрям. Все это так. Почти никто из современных композиторов не пишет музыку для оперы. И все же высокое искусство не должно погибнуть. Как мы можем на это спокойно смотреть? И что ты намерен делать?»* [Айтматов, 2009. С. 86].

Диалог-знакомство. Не все герои описываемых событий художественного текста могут быть знакомы друг с другом. Автор знакомит героев с определённой целью: *«Ай, Ильяс, Ильяс! – укорил я себя. – Это меня так зовут, –*

пояснил ей. – А меня зовут Асель...– сказала девушка» [Айтматов, 2009. С. 271].

Диалог-шутка. Шуточные слова дарят читателям хорошее настроение, положительную эмоцию, эстетическое наслаждение. « – Эй, ты, Данияр, спел бы хоть что-нибудь ! Джигит ты или кто?» [Айтматов, 2009. С. 15]. После шутки Джамия знакомится с Данияром поближе, меняется её отношение к нему.

Диалог-упрек, брань. Этот диалог составляется тогда, когда герой недоволен жизнью или же не удовлетворен сделанной работой.

Диалог-приветствие. В повседневной жизни работа не начинается без приветствия. Приветствие – знак вежливости, показатель культуры говорящего. Диалог-приветствие имеет особое место и в художественном тексте. Например: «– Здравствуй, Асель! – Здравствуйте! – сказала она тихо» [Айтматов, 2009. С. 278].

Диалог-интим. В художественном тексте диалог-интим выражает национальные особенности, культуру, менталитет народа. Приведем пример: «Данияр, я пришла, сама пришла, – тихо сказала она. Вокруг стояла тишина, бесшумно скользнула вниз молния. – Ты обиделся? Очень обиделся, да? – И опять тишина, только с мягким всплеском оборвалась в реку подмытая глыба земли. – Разве я виновата? И ты не виноват... Над горами вдали прогремел гром. Профиль Джамии осветила молния. Она оглянулась и припала к Данияру. Плечи ее судорожно вздрагивали под руками Данияра. Вытянувшись на соломе, она легла рядом с ним. Запаленный ветер набежал из степи, вихрем закружил солому, ударился в пошатнувшуюся юрту, что стояла на краю гумна, и кособоко заюлил волчком по дороге. И снова заметались в тучах синие всполохи, с сухим треском переломился над головой

гром. Жутко и радостно стало – надвигалась гроза, последняя летняя гроза. – Неужели ты думал, что я променяю тебя на него? – горячо шептала Джамия. – Да нет же, нет! Он никогда не любил меня. Даже поклон и то в самом конце письма приписывал. Не нужен мне он со своей запоздалой любовью, пусть говорят что угодно! Родимый мой, одинокий, не отдам тебя никому! Я давно любила тебя. И когда не знала – любила и ждала тебя, и ты пришел, будто знал, что я тебя жду! Голубые молнии одна за другой, изламываясь, вонзались под обрыв в реку. Зашурали по соломе косые студёные капли дождя. – Джамиям, любимая, родная Джамалтай! – шептал Данияр, называя ее самыми нежными казахскими и киргизскими именами. – Я ведь тоже давно люблю тебя, я мечтал о тебе в окопах, я знал, что моя любовь на родине, это ты, моя Джамия! Повернись, дай мне поглядеть тебе в глаза! – Гроза разразилась. Забилась, хлопая крыльями, как подбитая птица, сорванная с юрты кошма. Бурными порывами, словно целуя землю, хлынул дождь, подстегнутый понизу ветром. Наискось, через все небо раскатывался могучими обвалами гром. Весенним палом тюльпанов зажгались на горах яркие вспышки зарниц. Гудел, неистовствовал в яру ветер» [Айтматов, 2009. С. 80].

В представленном отрывке с целью передачи психологического состояния героев диалог прерывается параллельным описанием тех или иных явлений природы.

Подводя итоги, можно сказать, что диалог вносит определённый вклад в развитие авторского замысла, раскрытие идеи произведения. Существенную роль диалоги играют в передаче образов и характеров героев.

Литература

Айтматов Ч. Т. Произведения в 8 томах. – Бишкек, 2009.

Ажыбаева З. Эмоционально-экспрессивные средства в кыргызском языке. – Бишкек, 2007.

И. М. Чебочакова

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

О РОЛИ ТРУДОВ ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО-ХАКАСОВЕДА Д. Ф. ПАТАЧАКОВОЙ В РАЗВИТИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Статья посвящена научной деятельности известного хакасского ученого Д. Ф. Патачаковой, внесшей огромный вклад в развитие хакасской лингвистики. Она известна как преподаватель, диалектолог, лексиколог, лексикограф, грамматист, организатор науки, методист, редактор, переводчик. Исследователь участвовала в подготовке и написании 6 словарей, 52 статей, посвященных проблемам хакасского языка, 46 учебно-методических работ.

Ключевые слова: хакасский язык, разделы хакасского языкознания, диалекты хакасского языка, лексикология, лексикография, методика преподавания.

I. M. Chebochakova

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

ABOUT THE ROLE OF WORKS OF FAMOUS SCIENTIST, SPECIALIST OF KHAKASS STUDIES D.F. PATACHAKOVA IN THE DEVELOPMENT OF KHAKASS LINGUISTICS

The article is devoted to the scientific activity of the famous Khakass scientist D.F. Patachakova, who made a huge contribution to the development of Khakass linguistics. She is known as a teacher, dialectologist, lexicologist, lexicographer, grammarian, organizer of science, methodologist, editor, translator. The researcher participated in the preparation and writing of 6 dictionaries, 52 articles on the problems of the Khakass language, and 46 educational and methodological works.

Keywords: Khakass language, sections of Khakass linguistics, dialects of the Khakass language, lexicology, lexicography, teaching methods.

Дарья Федоровна Патачакова внесла огромный вклад в развитие хакасского языкознания и образования. Ее деятельность нельзя вписать в рамки одного отдельно взятого направления хакасоведения, настолько она многогранна. Она известна как преподаватель, диалектолог, лексиколог, лексикограф, грамматист, организатор науки, методист, редактор, переводчик.

Дарья Федоровна родилась 20 апреля 1920 г. в аале Чоохчыл (Трошкино). Как пишет О. В. Субракова, родители Дарьи были образцом добропорядочности и уважительного отношения к людям, что в полной мере переняла и их дочь [Субракова, 2005. С. 4]. В 1937 г. она окончила местную 7-летнюю школу и поступила в педтехникум. В 1940 г. ее как лучшую студентку приглашают преподавать здесь

же хакасский язык и методику преподавания языка.

Судьба свела Дарью Федоровну с известным тюркологом Фазылом Гарифовичем Исхаковым, который стал ее наставником в науке и обучил составлению учебников. После этой судьбоносной встречи жизнь Д. Ф. Патачаковой оказалась связанной с наукой. В 1949 г. ее приняли в ХакНИИЯЛИ младшим научным сотрудником, затем она становится заведующим сектором языка. В период с 1970 по 1984 г. работает в должности ученого секретаря. В 50-е гг. Ф. Г. Исхаков руководил работой по сбору диалектного материала, и его ученица также принимала участие в этом [Субракова, 2005. С. 5]. Дарья Федоровна собрала обширный материал по качинскому диалекту¹ и, комплексно описав его, подготовила диссертацию «Ка-

¹ В предисловии к кандидатской диссертации Д. Ф. Патачаковой отмечено следующее: «Материалы, собранные самим автором в 1954, 60, 63 годах и иллюстрированные в настоящей работе, хранятся в рукописном фонде библиотеки Хакасского НИИЯЛИ: I папка – записи живой диалектной речи, сказок, легенд, названий качинских улусов, фамилий, родов (сöök) на 188 стр., II папка – словники, заполненные и сверенные в 10 населенных пунктах, на 265 стр. Отдельно оформлен материал по староиюсскому говору. Дело № 3. «Материалы диалектологической экспедиции 1946 года», собранные в населенном пункте Конгарово Ширинского района;

чинский диалект хакасского языка» [Патачакова, 1965]. В ней она установила наличие в этом диалекте 4 говоров: абаканского, уйбатского, белоюсского, староюсского и очертила границы проживания их носителей. В своем исследовании Д.Ф. Патачакова указывает на связь между сложным процессом этнического формирования хакасов и распределением диалектов хакасского языка на карте. Она предполагает, что «диалектные различия, совпадающие с диалектными признаками языка древней енисейской письменности, и общий лексический фонд, позволяют думать о том, что начало формирования племенных языков, легших в основу диалектной системы современного хакасского языка, относится к эпохе древней истории хакасов», что, конечно же, нельзя подвергнуть сомнению [Патачакова, 1965. С. 7].

Исследование состоит из трех частей: лексика, фонетика, морфология. Дарья Федоровна выявила в лексике качинского диалекта древнетюркские, древнеуйгурские, угро-самодийские, монгольские слова, рассмотрела способы словообразования, значения диалектных слов, части речи, основные синтаксические явления.

Автор исследования останавливается на семантических особенностях качинских диалектизмов, к примеру, она связывает функционирующую как усилительную частицу слово *хара* (*хара сүрееліг* 'очень много; великое множество', *хара чархастығ* 'до чего надоедливый') с древнетюркским словом *kara* 'весь', 'много' [Патачакова, 1965. С. 21]. Здесь же прозвучал анализ ряда других лексем.

Д.Ф. Патачакова отмечает в своей работе, что диалектная лексика может служить источником для пополнения лексического фонда литературного языка: «диалектная лексика все еще плохо используется нашими творческими работниками. Такие весомые, однозначные слова, как *ниміс*, *чыын*, *ойыг*, *підер*, *сахлат*, *абанарчы* и др., не встречаются ни в литературе, ни в устной литературной речи. Вместо коренных хакасских слов иногда употребляются заимствованные слова. Например, в учебниках и специальной литературе употребляется слово плод вместо диалектного *ниміс*. Активное употребление слова *ниміс* избавило бы от других неоправданных заимствований:

нимістіг вместо плодовой, *нимістіг* паза *чистектіг* вместо плодово-ягодный» [Патачакова, 1965. С. 52]. Следует отметить, что в хакасско-русский словарь, выпущенный в 2006 г., слово *ниміс* вошло со следующими значениями: «1) плод (дерева, растения) // плодовой; 2) ядро (ореха); ср. *изіре*; 3) корм (для птиц в виде зерна, плодов и ягод); 4) приманка» [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 279]. Сегодня данное слово активно употребляется в хакасском литературном языке вместе с его производными *нимістелерге*, *нимістенерге*, *нимістирге*, *нимістіг*, *нимістіг-чистектіг*. Таким образом, Дарья Федоровна указала на диалектизмы как источник заполнения лакун хакасского литературного языка.

Этот труд внес большой вклад в тюркскую диалектологию, показав глубокую научную подготовку Д.Ф. Патачаковой. В 1965 г. она защищает диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук. К сожалению, эта работа до сих пор не опубликована.

Внимание Дарьи Федоровны привлекали и другие диалекты хакасского языка в разных аспектах [1973; 1974; 1975; 1992], она подготовила пособия для учителей, посвященные кызыльскому диалекту [1995а; 1995б]. Была одним из основателей хакасской орфографии, участвовала в подготовке первой орфографии 1947 г. и последующих (1962, 1988). Она была автором-составителем словарей, вошла в состав 6 авторских коллективов. Приняла участие в написании академической грамматики хакасского языка, разделов, посвященных способам словообразования, существительным, наречиям. Эта работа до сих пор остается единственной академической грамматикой хакасского языка.

М.Д. Чертыкова в своей статье, посвященной вкладу Д.Ф. Патачаковой в лексикологию и лексикографию хакасского языка, отмечает, что она внесла весомый вклад в развитие хакасского языкознания.

Ее труды являются первыми исследованиями в региональной науке, в которых выявлены «пути развития и состояния хакасской лексики начала формирования хакасского литературного языка» [Чертыкова, 2005. С. 11].

Ученый всегда совмещала научную и образовательную деятельность, что отражают ее опубликованные труды в виде учебников,

школьных словарей, пособий для учителей. Также она выступала редактором и переводчиком. К примеру, Дарья Федоровна перевела на хакасский язык текст Конституции СССР [Патачакова, 1977]. Если оценивать деятельность Д.Ф. Патачаковой в цифрах, то выявляется, что исследователь участвовала в подготовке и написании 6 словарей, 52 статей, посвященных проблемам хакасского языка, 46 учебно-методических работ.

Труды Дарьи Федоровны отличаются комплексностью, глубоким анализом, точностью

формулировок, полнотой описания фактов хакасского языка, тем, что принято называть подлинной научностью. Она пользовалась большим авторитетом в тюркологии, и ее труды остаются востребованными и сегодня.

За внесенный вклад в отечественную науку и образование Дарья Федоровна была отмечена медалью им. Н.К. Крупской, знаком «Отличник народного просвещения», званием «Заслуженный деятель науки».

Умерла Дарья Федоровна 22 ноября 2000 года в Абакане.

Литература

Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1975.

Патачакова Д.Ф. Качинский диалект хакасского языка. Дис. ... к.филол.н. – Абакан, 1965.

Патачакова Д.Ф. Сагайский диалект // Диалекты хакасского языка: Очерки и материалы. – Абакан, 1973. – С. 28-48.

Патачакова Д.Ф. Формирование признаков диалектного членения хакасского языка (на материале фонетики) // Советская тюркология. – 1974. – №4. – С. 19–24.

Патачакова Д.Ф. Совет социалистической Республики Союзының Конституциясы (Öн законы). – Абакан, 1977.

Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 14–18.

Патачакова Д.Ф., Кызласова М.А., Барашева А.И. Смотри, читай, говори: Картинное пособие по хакасскому языку (кызыльский диалект). – Абакан, 1995.

Патачакова Д.Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк): Пособие для учителя. – Абакан, 1995.

Субракова О.В. Ученый и педагог // Р.Д. Сунчугашев, О.В. Субракова. Патачакова Дарья Федоровна (К 85-летию со дня рождения). – Абакан, 2005. – С. 4–8.

Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Чертыкова М.Д. Работы Д.Ф. Патачаковой по лексикологии и лексикографии хакасского языка // Р.Д. Сунчугашев, О.В. Субракова. Патачакова Дарья Федоровна (К 85-летию со дня рождения). – Абакан, 2005. – С. 9–12.

М.Д. Чертыкова,

*Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова (Россия)*

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА В ХАКАССКОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00080 по теме «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)»

Статья посвящена выявлению и описанию в семантико-когнитивном аспекте хакасских лексем, обозначающих женскую красоту. Анализ языкового материала, собранного из художественных произведений, показал, что в репрезентации женской красоты участвуют в основном прилагательные и фразеологизмы с соматическим компонентом (например, *харах* «глаз; глаза»). И, как правило, писатели, в своих произведениях воплощая идею женской красоты, подразумевающей приятную внешность в сочетании с лучшими человеческими качествами, не скрывают симпатию к своим героиням. Лексемы, выражающие женскую красоту, имплицитно, прежде всего, дифференциальный признак эстетической оценки, обусловленной целым рядом сопутствующих факторов, в том числе зрительным восприятием.

Ключевые слова: женская красота, концепт, художественный текст, лексема, хакасский язык.

M. D. Chertykova

N. F. Katanov Khakass State University (Russia)

WOMEN'S BEAUTY IN THE KHAKASS CONCEPTUAL SPACE

The article is devoted to the identification and description in the semantic and cognitive aspect of the Khakass lexemes denoting female beauty. Analysis of the linguistic material collected from works of art showed that adjectives and phraseological units with a somatic component (for example, *харах* «eyes; eyes») are mainly involved in the representation of female beauty. And, as a rule, writers in their works embodying the idea of feminine beauty, which implies good looks combined with the best human qualities, do not hide their sympathy for their heroines. Lexemes expressing female beauty imply, first of all, a differential sign of aesthetic assessment, due to a number of accompanying factors, including visual perception.

Keywords: female beauty, concept, artistic text, lexeme, Khakass language.

Понятие красоты во всех лингвокультурах имеет обширную семантику и получает языковое воплощение в различных видах коммуникативного дискурса. На вопрос о том, что такое красота, искали и ищут ответы философы всех времён и народов. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева даёт необычную денотативную трактовку данному понятию: «1. Красотой называют привлекательность, гармоничность, обаяние чего-либо, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение. *Красота человеческой души. / Он наслаждался каждой чёрточкой альпийской красоты;* 2. Красотой называют что-либо очень привлекательное, гармоничное, на что приятно смотреть. *Ценить красоту. / У каждого свои представления о красоте. / Красота – великая сила.* 3. Красотой называют красивую привлекательную внешность. *Девушка ослепительной красоты. / Он просто обожал её, гордился её красотой и образованностью. / Она победила в городском конкурсе красоты.* 4. Красотами чего-либо являются привлекательные качества, свойства этого. *Его поразили красоты английского пейзажа.* 5. Когда вы восклицаете «Красота!», вы выражаете удовлетворение или удовольствие от чего-либо. *Красота! Нам удалось достать билеты на премьеру!* [Толковый словарь..., 2003. С. 506–507]. Из сказанного следует, что понятие *красота* универсально. В ментальном представлении любого народа красота есть совокупность «правильных» качеств, приятных для взора и слуха и доставляющих эстетическое наслаждение. Семантический объём хакасской лексемы *сіліг* соответствует русскому *красивый*, который в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [2015] представлен следующим образом: «КРАСИВЫЙ, -ая, -ое; -ив; красивее и (устар. и высок.) краше.

1. доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный. Красивое лицо. К. вид. К. голос. Красиво (нареч.) писать. К. танец. Краше становятся города. Краше в гроб кладут (погов. о человеке с больным, изможденным лицом). 2. Полный внутреннего содержания, высоко-нравственный. К. поступок. 3. (сравн. ст. не употр.). Привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный. Красивые слова. К. жест» [<http://slovariki.org/tolkovuj-clovar-ozegova/13040>]. Базовые прилагательные со значением красоты в любом языке, как правило, помимо характеристики человека, используются и по отношению к другим абстрактным и физическим объектам.

На примере хакасского языка видим: стремление человека к красоте, совершенству и гармонии в природе отразилось в богатстве и разнообразии лексических обозначений данного понятия. В Словаре синонимов хакасского языка [Кызласова, Чертыкова, 2015], синонимический ряд прилагательных представлен 13 лексическими единицами: «СІЛІГ «красивый». *Піс кічігде ончааларны поэыбыс тікчеңміс, піреезінің угаа сіліг көгенектіг ончалар полчаң* (чоох тілі); **абахай** «красивый, прекрасный, миловидный, красавица». *Иң абахай хыстарга пу күнде чахайах пөрік кизіртчеңнер, чазы чалбахтың істінде ырлазып, көглек чөрчеңнер* (М. Кильчичаков, Чхі); **өкер** / **өкерек** «красивый, хорошенький, симпатичный». *Хам чоо өрінче: – О, амды, өкерек хыс, мини поларзың* (Ах, 73); **иптіг II** «миловидный, приятный». *Ол иптіг, сыдамах, хара састыг ир табан полган; сүрүнніг* «приятный, красивый, видный, миловидный, симпатичный»; *Минің ирім, сүрүнніг дее полза, аның кізінең чөргенін сизінмеем* (Хч, 34); **погда II** «кач. красивый, видный, представительный». *Кізі чирі күстіг*

полчаң, постың чирі погда полчаң; **көримниг** «видный, заметный, привлекательный, симпатичный». *Амыр оол, тогысчы, сырай-сынга даа көрүмниг* (Сс); **көстестиг** «красивый, очаровательный». *Ирсентий теен улуг пайның угаа даа көстестиг хызы нар полтыр* (Чхи); **кеен** «красивый, прекрасный». *Чон, Кобайның кеен ырын истип, чоохтасча: – Парасхан, ис-пай чох чуртап, ирееленди* (Ит); **обыр-чибір** «приятный, видный». *Обыр-чибір хыстар минің хайимны тартчалар; кибіріліг* «симпатичный, красивый, видный, представительный, интересный». *Илексей дее мының алнында кибіріліг полган; көртем / көртеме* «видный». *Чоон хоор асхыр үстүнде толдыра чарынныг, көртеме ирен одыр салтыр; аптыг* «привлекательный, обаятельный». *Мындаг аптыг хысты көрбеем* [Кызласова, Чертыкова, 2015. С. 106–107]. Доминанта синонимического ряда *сіліг* «красивый» имеет обширную семантику, в силу чего может соотноситься с различными семантическими категориями (живыми существами, предметами, явлениями): *сіліг ойын* «красивая игра», *сіліг чиңис* «красивая победа», *сіліг кізі* «красивый человек», *сіліг чир* «красивая земля», *сіліг кип-азах* «красивая одежда» и т. д.

Цель статьи – выявление и описание с семантико-когнитивных позиций лексем, обозначающих женскую красоту в хакасском языке. Надо отметить, заявленная тематика концептуального пространства женской красоты [шире – образа человека] в хакасском языке с лингво-когнитивных позиций разрабатывается впервые и заслуживает более обширного и глубокого исследования. В рамках же данной статьи мы совершим попытку проанализировать характерные свойства репрезентации женской красоты на материале художественных произведений хакасских писателей. Составляя единое семантическое поле, художественное портретирование хакасской женщины включает содержательные и прагматические признаки объекта. Анализ языковых репрезентаций позволяет выявить национальные этнокультурные ценности и ориентиры, обусловленные индивидуальностью и субъективным мировосприятием писателя. Между тем созданные им две ипостаси художественного образа – внешняя и внутренняя характеристики – находятся в тесной взаимосвязи с действительностью. Часто во внешней характеристике женских персонажей писатели выделяют наиболее значимый, оценочный

элемент внешней привлекательности женщины – красоту. Данный признак в интерпретационном поле портретирования женщины составляет ядерную зону и, чаще всего, обозначается синонимичными прилагательными *сіліг* и *абахай* по общему значению «красивая (по отношению к женщине)». Если в контексте внешняя характеристика женщины обозначается прилагательными *сіліг* и *абахай*, то обычно не требуется развёртывание других дополнительных компонентов: *«Мин теем, оолгым Ах кістернің сіліг хыстарын алар... Мин теем! (Кх, 14)»* – «Я же говорил, что мой сын женится на красивой девушке из рода Ах кистер... Я говорил! Ол ипчи майых парган сырайлыг, тозын түс парган кибін сол холына сал салтыр. Пір холында чемодан. Че хайдаг сіліг!» (Ит, 153) – Эта женщина с усталым лицом, своё пыльное пальто повесила на левую руку. В другой руке чемодан. Но как она красива!»

В некоторых случаях описание отдельных черт лица и фигуры даётся как подтверждение внешней привлекательности, например, *сөблчик арах сырайлыг* «с овальным лицом», *улуг харахтар* «большие глаза», *харачхай ханаттары осхас көміскелері* «брови как ласточкины крылья» в предложении: *«Сомнаң Мачайзар сөблчик арах сырайлыг абахай хыс улуг харахтарын ситкіп көрген. Халын хара састары иңніне хойыг чайылганнар. Харачхай ханаттары осхас көміскелері...»* (Ит, 119) – «С фотографии на Мачая [своими] большими глазами внимательно смотрела красивая девушка с овальным лицом. Брови как ласточкины крылья...». Вместе с тем красота может быть понятием субъективным и не обязательно подаренным от природы: *«Килістіре кип-азахха чазанза паза иптiг сырлан салза, хыстар хайдаг абахай пол парчаттырлар!»* (Ит, 118) – «Если девушки, модно оденутся и накраются, такими красивыми становятся, оказывается».

Как и все качественные прилагательные в тюркских языках, *сіліг* и *абахай* могут субстантивироваться, изменяться по числам и падежам и принимать аффикс принадлежности: *«Мин аның сіліине, кізее пазырбас хылиина погдархачаңмын»* (Д, 11) – «И я тоже гордился её красотой и гордым характером».

Прилагательное *абахай* «красивый» используется для словесного портретирования исключительно лиц женского пола. *«Сыннаң даа, хайдаң насталганнар пу ноо даа сөөкте омазын чидірбес абахай хыстар Ах кістер тіп адал»*

чатхан төлде?» (Кх, 6) – «И вправду, откуда берут начало не теряющие свой облик в любом сеёке **красивые** девушки рода Ах кистер?»; «Олох чыл чиит килнелери, **абахай** Айдота, сыыт таа сыгарбин, харах чазы даа түзірбин, тілі тарт парган чілі, тапсабас пол парын, ирін чаага үдес салган: чүреенең сизінген полар – паза тоғаспастар» (Ит, 12) – «В этот же год [их] невестка, **красивая** Айдота, не причитая, не проронив ни одной слезинки, как будто онемевшая, проводила мужа на войну: наверно чуяла сердцем – больше не встретятся». Как видим, в хакасском языке, как и в других языках, понятие *красивый* является наиболее устойчивым и популярным; его содержание имплицитно включает целый комплекс деталей в человеческом теле, приятных для взора: рост, черты лица, манеры, фигура. Надо отметить, что в портретной характеристике мужчины доминируют качества сильной личности, лидера и борца, а красота как внешняя привлекательность не актуальна.

В хакасском языке, помимо рассмотренных базовых прилагательных *сіліг* и *абахай* с общим значением «красивый», используются и другие синонимичные лексемы, например, *иптіг* «приятный», *чарас* «симпатичный», *чугаанныг* «миловидный» и др. [см. данные Словаря синонимов...]. Функционально-когнитивная особенность репрезентации подобных характеристик заключается в том, что она фиксирует связь со зрительным восприятием. Данный факт объясняется тем, что «образ синкретичен. Он объединяет данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром, из которых ведущим является зрительное восприятие» [Арутюнова, 1999. С. 315]. Тем самым в оценочное представление о ком-чём-либо включается и наименование органа зрения *харах* «глаз; глаза»: *харахха чарас* «симпатичный; красивый; букв. подходящий для глаз»; *харахха чугаанныг* «миловидный; букв. милый для глаз»; *харахха иптіг* «приятный; букв. приятный для глаз» и др.: «Иптізі де аның **харахха чугаанныг** кізі пілдірче ноза» (Ыа, 34) – «И [его] жена кажется такой **приятной на вид**». В следующем предложении актуализируется зрительное восприятие субъектом женской красоты (*Надяның сіліи* «красота Нади»), языковая объективация которого номинируется фразеологической единицей *харахха тастал* – «букв. бросаться в глаза». Результатом же сближения зрительного восприятия и женской красоты в одном контексте

является субъективная оценка, переходящая в восторг: «Ол Надяны нинче көрген, олох син таңнаан. Чалтырах нымьрт харахтыг, ах сырайлыг, ол хыриндагы хаяа чөлене турган. Кирі, торбастан парган хая хыринда Надяның **сіліи** угаа іле **харахха тасталган**» (Ит, 144) – «Он сколько смотрел на Надю, столько и удивлялся. С блестящими глазами, как черёмуха, белолицая, она стояла, опираясь на скалу. На фоне старой замшелой скалы **красота** Нади сильно **бросалась в глаза**».

В художественных произведениях хакасских писателей идея красоты, как правило, несёт всё лучшее, что связано с человеком: доброту, дружелюбность, простоту, искренность, эмпатию и т.д. Авторы не скрывают своих симпатий к красивым героиням, изображая их внешнюю красоту в гармонии с положительными внутренними качествами.

В хакасском языке часто употребляется парное словосочетание *сырай-сын* (букв. лицеворот) в форме дательного падежа (с аффиксом *-га*) в сочетании с характеризующим прилагательным *иптіг* «симпатичный; аккуратный» (или *сіліг* «красивый»; *согын* «некрасивый, уродливый»; *көрімніг* «видный»; *көрімі чох* «невзрачный» и др.). «Джамиля *сырай-сынга иптіг* полган. *Сылагай, сүрүнніг, ікі тың, аар тулуца үрлген хатыг, көні састыг, ол ах пас пладычаан, хамагына көмес хыйгастыра арах түзіріп, кеен тартын салчаң, анзы агаа угаа килісчең паза арыг күрең сырайы уламох сіліг көрінчең. Хақан Джамиля хатхырчатса, аның тигір хара көк миндаль осхас харахтарында оттар сагылысчаңнар, а хақан ол кинетін не аалдагы ээн-аас сарынахтарны ырлап сыхса, харахтары хыстарнинга төйй нимес чалтыри сыхчаңнар» (Д, 10) – «Джамиля внешне была симпатична. Стройная, видная, с двумя тяжёлыми косами. Своим белым платком красиво прикрывала лоб, от этого [её] чистое, смуглое лицо казалось ещё красивее. Когда Джамиля смеялась, в её глазах, как тёмно-синий миндаль, сверкали огни, а когда она вдруг начала петь деревенские частушки, её глаза сверкали не по-девичьи».*

Таким образом, мы рассмотрели особенности репрезентации хакасской женской красоты в художественном тексте. Лексемы, выражающие женскую красоту, имплицитно, прежде всего, дифференциальный признак эстетической оценки, обусловленной целым рядом сопутствующих факторов, в том числе

зрительным восприятием. Женская красота, по данным хакасских художественных произведений, подразумевает приятные для взора правильные черты лица, густые чёрные волосы, глаза, как черёмуха. Также имеется два эталона красивой женской фигуры женского телосло-

жения – стройность, грациозность и дородность и т.д. Данная ипостась женского образа характеризуется переплетением таких взаимосвязанных и вытекающих одна из другой семантических ресурсов, как «здоровье» и «возраст».

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е издание, исправленное. – М.: Языки русской культуры. 1999. – 896 с.

Кызласова И.Л., Чертыкова М.Д. Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінің синонимнер сөстiгі: Справочное издание. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2014. – 228 с.

Толковый словарь русского языка. Около 7000 словарных статей и свыше 35000 значений, более 70000 иллюстративных примеров. Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ». 2003. – 1582 с. (Словари Академии Российской).

Список текстовых источников

Д – Айтматов Ч. Джамия. Повестьгер. (На хакасском языке). – Ағбан: Хакас книга сығарчанд, 1992. –240 с.

Ит – Татарова В.К., Топоев И.П., Чапрай А.И. (Котожеков) и др. Иртенгі тан (Утренний ветерок). Повесть и рассказы на хакасском языке. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986. – 184 с.

Кх – Нербышев Каркей. Көгім хорымнарда. (У синих утёсов). Роман. Пастағы книга. – Ағбан:

Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі, 1983. – 207 с.

То – Бурнаков Ф. Тигір оды. Повесть. – Ағбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі, 1977. – 138 с.

Ыа – Доможаков Н.Г. Ыраххы былда. Роман. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1975. – 255 с.

Чх – Костяков И. Чібек хур. Роман. – Ағбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі, 1989. – 232 с.

А.Э. Чумакаев

*Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С.С. Суразакова (Россия)*

ТОПОНИМИКА СЕЛА АКТЕЛ И ЕГО ОКРЕСНОСТЕЙ

В статье на основе полевого материала и имеющихся письменных источников подробно рассматривается топонимика села Актел и его окрестностей. Указанный населенный пункт является центром Актельского сельского поселения Шебалинского района Республики Алтай. При описании топонимов указывается их конкретное месторасположение и анализируются семантика и компонентный состав.

Ключевые слова: топонимика, географические названия, апеллятив, Актел, Шебалинский район, Республика Алтай, Горный Алтай.

A. E. Chumakaev

*The Altaic Scientific Research Institute
S. S. Surazakov (Russia)*

TOPONYMY OF AKTYOL VILLAGE AND ITS SURROUNDING AREA

With the help of the field material and available written sources, the article examines in detail the toponymy of Aktyol village and its neighboring areas. The specified settlement is a center of Aktyol rural settlement of Shebalino District of Altai Republic. When describing toponyms, their specific location is indicated and the semantics and componental composition are analyzed.

Keywords: place names, geographical names, appeal, Aktyol, Shebalino District, Altai Republic, Gorny Altai.

В статье представлены результаты исследования топонимики с. Актел и его окрестностей. Материал по географическим названиям указанного населенного пункта (н.п.) и прилегающей к нему территории был собран автором статьи у информантов, проживающих в с. Актел, в феврале 2020 г. во время экспедиции в Шебалинский район Республики Алтай, которая проходила в рамках реализуемого в НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова проекта «Топонимика Республики Алтай» (2020–2022). Новизна работы заключается в том, что топонимика н. п. Актел не была ранее объектом отдельного изучения и описания.

Некоторые топонимы с. Актел нашли отражение в фундаментальных трудах О.Т. Молчановой [1979; 2018а; 2018б], в которых представлены результаты многолетних исследований ученого по топонимике Горного Алтая. Работы данного автора являются на данный момент наиболее полным описанием географических названий региона. Топонимика юго-востока Республики Алтай (Улаганский и Кош-Агачский районы) подробно рассмотрена также К. Б. Самтаковой [Самтакова, 2008; 2013].

Название с. Актел, имеющего алтайские варианты написания *Ак-Жол*, *Ак-Жуул*, переводят по-разному. Среди местного населения распространено мнение, что название *Ак-Жол* образовано от сочетания *ак* ‘белый’ и *жол* ‘дорога’ и переводится как ‘белая дорога’. В научной литературе *Ак-Жол* имеет перевод ‘хорошая, гладкая дорога’, а вариант *Ак-Жуул* переводится как ‘белая, мутно-белая, ледниковая река или водный ложок, лишённый растительности’ [Молчанова, 2018а. С. 173]. Скорее всего, верным будет перевод ‘водный ложок, лишённый растительности’, т.к. в черте села по берегам реки большей частью нет деревьев, т.е. река течет по открытому месту.

Основано с. Актел в 1851 г. [Ирkitова, Соёнов, Яжанкина, 2006. С. 141]. Расположено в долине р. Ак-Жуул, обозначаемой по-русски *Актел*. Является центром Актельского сельского поселения, в которое также входит с. Камай. Численность населения с. Актел по переписи 2010 г. составляла 332 чел. [Численность..., 2012. С. 26]. В селе в основном проживают алтайцы.

На территории Актельского сельского поселения в прошлом существовали населенные пункты Күзлелү (Кюзлелю) и Агайры, или Ак-Айры. Название *Күзлелү*, обозначае-

мое по-русски в различных источниках как *Кузлеля*, образовано от слова *күзле* ‘старая пашня’ с помощью афф. принадл. -лү, т.е. переводится оно как ‘местность со старой пашней’ [Молчанова, 2018а. С. 574]. Ойконим *Ак-Айры*, имеющий русское обозначение *Агайра*, состоит из компонентов *ак* ‘чистый, голый, открытый (о местности)’ и *айры* ‘разветвление, ответвление; развилина, развилка’, переводится как ‘открытая развилка’ [Молчанова, 2018а. С. 171].

Анализируемые топонимы распределены по трем группам: 1) гидронимы; 2) оронимы и 3) хоронимы. Внутри групп географические названия представлены по типу словарной статьи и в алфавитном порядке. Описание топонимов включает русскую передачу названия (если в алтайском названии имеются буквы *ö, ü, j, n*), буквальный перевод, указание на место расположения географического объекта и лингвистический анализ.

Гидронимы

Ак-Жуул / Жул (Ак-Джуул / Джул) (букв. открытая река). Река течет вдоль села и впадает в р. *Себи (Сема)*. По-русски обозначается р. *Актел*. Название *Ак-Жуул / Жул* состоит из компонентов *ак* ‘открытый’ и *жуул / жул* ‘река’. Означает реку, текущую по открытому месту.

Ары-Туу (букв. гора, [идущая] в ту сторону). Название произошло от названия одноименной горы, с которой стекает данная река. Впадает в р. Шушкулар справа. См. г. Ары-Туу.

Яан Кара-Суу (Дьяан Кара-Суу) (букв. большая черная речка). Впадает в р. Шушкулар справа. Название образовано соединением компонента *яан* ‘большой’ со сложным словом *кара-суу*, состоящим из компонентов *кара* ‘черный’ и *суу* ‘вода’ и означающим ‘родник’.

Каспа Кара-Суу (букв. черная речка *Каспа*). Родник Каспа Кара-Суу впадает в р. Ак-Жуул / Жул в черте села с левой стороны. Название произошло от фамилии *Каспинский*. Название представляет собой соединение компонента *Каспа* со сложным словом *кара-суу*, состоящим из компонентов *кара* ‘черный’ и *суу* ‘вода’ и означающим ‘родник’.

Кичинек Кара-Суу (букв. малая черная речка). Впадает в р. Шушкулар справа. Название образовано соединением компонента *кичинек* ‘маленький’ со сложным словом *кара-суу* ‘родник’.

Оркө (Оркё) (букв. суслик). Название происходит от названия одноименной горы. Является

левым притоком р. Ак-Жуул / Ак-Жул. См. г. *Öркө* (Оркё).

Шыргаил / Шырга-Айыл. Река Шырга-Айыл / (Шыргаил протекает по одноименному урочищу и впадает в р. Себи (Сема). По-русски обозначается *Шергаил / Ширгаил*. См. ур. *Шыргаил / Шырга-Айыл*.

Шушкулар. Река Шушкулар протекает по одноименному урочищу и впадает в р. Кадын (Катунь). См. ур. *Шушкулар*.

ОРОНИМЫ

Горы

Ан-Болчогы (Ан-Болчогы) (букв. бугорок марала). Находится по направлению от села в сторону ур. Шушкулар. Гора находится внутри мараловодческого парка. Название *Ан-Болчогы* образовано сочетанием слов *ан* ‘марал’ и *болчок* ‘бугорок’ с афф. принадл. 3 л. -ы. Означает гору, где содержатся маралы.

Ары-Туу (букв. гора, [идущая] в ту сторону). Находится по правую сторону от р. Шушкулар. Ороним *Ары-Туу* включает компоненты *ары* ‘туда, в ту сторону’ и *туу* ‘гора’.

Астам-Төри (Астам-Тёри) (букв. передняя часть (где проживал) Астам). Находится между урочищами *Шушкулар* и *Теешкендү*. Название *Астам-Төри* образовано от имени *Астам* и сущ. *төр* ‘передняя часть’ с афф. принадл. -и, т.е. истолковывается как передняя часть, где проживал человек по имени Астам.

Белтир-Туу (букв. гора-перекресток). Расположена за г. Бичендү. Название *Белтир-Туу* включает компоненты *белтир* ‘перекресток’ и *туу* ‘гора’.

Боконой. Находится в ур. Кара-Суу по правую сторону от р. Ак-Жуул. В работе О.Т. Молчановой зафиксирован вариант *Боконай* [Молчанова, 2018а. С. 283]. Этимология требует уточнения.

Болчок-Кыр (букв. круглая гора). Отрог в средней части г. Сербек. Так гору называют за округлую форму. У г. Болчок-Кыр есть также название *Ботколу*. Название *Болчок-Кыр* образовано сочетанием прил. *болчок* ‘круглый’ и сущ. *кыр* ‘гора’.

Ботколу (букв. с похлебкой). Является еще одним названием г. Болчок-Кыр. Там в прежние времена совершали обряд с разбрызгиванием *ботко* ‘похлебка’. Название образовано от слова *ботко* ‘похлебка’ присоединением к нему афф. облад. -лу.

Бичендү (Бичендю) (букв. с сеном). Находится недалеко от села в северном направлении. Название *Бичендү* образовано от слова *бичен* ‘сено’ с помощью афф. облад. -дү. Означает место, где много травы для заготовки сена.

Яан-Меес (Дьяан-Меес) (букв. большая южная голая сторона горы). Яан-Меес находится напротив г. Ар-Туу. Название *Яан-Меес* образовалось путем сочетания прил. *яан* ‘большой’ и сущ. *меес* ‘южная голая сторона горы’.

Жалбак-Кайын (Дьялбак-Кайын) (букв. широкая береза). Гора расположена на правой стороне ур. Шушкулар. Название *Жалбак-Кайын* образовалось сочетанием компонентов *жалбак* ‘широкая’ и *кайын* ‘береза’.

Кара-Таиш (букв. черный камень). Находится в ур. Кара-Суу. Название образовано сочетанием прил. *кара* ‘черный’ и сущ. *таиш* ‘камень’.

Маральник. Крайняя западная часть горы г. Сербек. Название *Маральник* гора получила из-за маральника, растущего на ее вершине.

Ойбок (букв. углубление, впадина). Гора примыкает к селу с юго-восточной стороны. Со стороны села имеются два углубления в гору. Название представляет собой сущ. *ойбок* ‘углубление, впадина (в лесу)’.

Öркө (Оркё) (букв. суслик). Находится к югу от села. Местное население происхождения названия горы связывают с названием животного *өркө* ‘суслик’. У О.Т. Молчановой топоним зафиксирован в варианте *Öргү* [Молчанова, 2018б. С. 83]. Для толкования значения оронима больше подходит вариант *örгү* в значении ‘горб верблюда’, чем *өркө* ‘суслик’, т.к. гора по форме напоминает горб верблюда.

Сары-Арт (букв. невысокий желтый перевал). Находится в ур. *Карасу / Кара-Суу*. Название включает компоненты *сары* ‘желтый’ и *арт* ‘невысокий перевал’.

Сары-Кыр (букв. желтая гора). Находится за г. Сербек. Эта гора выгорает с южной стороны, поэтому большую часть года покрыта выцветшей травой. Название образовано сочетанием слов *сары* ‘желтый’ и *кыр* ‘гора’.

Сары-Чет (букв. желтая молодая лиственница). Имеет русское название *Крестовая*. Название состоит из компонентов *сары* ‘желтый’ и *чет* ‘молодая лиственница’.

Сербек (букв. торчащий, растопырившийся). Гора Сербек тянется вдоль села за р. *Ак-Жуул / Жул*. В работе О.Т. Молчановой зафиксирован вариант названия *Сегиртпек* [Молчанова,

2018. С. 288]. Слово *сербек* означает ‘торчащий, растопырившийся’ [Вербицкий, 1884. С. 297].

Төнкүр-Туу (Тёнкюр-Туу) (букв. куца гора). Протянулась параллельно г. Астам-Төри между урочищами Тешкендү и Жайлу-Айры. Ороним *Төнкүр-Туу* состоит из компонентов *төнкүр* ‘куций’ и *туу* ‘гора’. Слово *төнкүр*, скорее всего, является вариантом *тонкур* ‘комольи, бесхвостый, обрезанный, куций; дерево без вершины и ветвей’ [Вербицкий, 1884. С. 364]. Возможно, гора так названа из-за небольшой протяженности.

Ўч-Бут (Уч-Бут) (букв. три отрога). Расположена за г. Бичендү. Там имеются 3 отрога. Название г. *Ўч-Бут* образовано из компонентов *үч* ‘три’ и *бут* ‘отрог’.

Чабал-Туу. Находится в ур. *Карасу/Карасуу*. Название одноименной горы в с. Верх-Апшухта О.Т. Молчанова трактует как ‘плохая гора’ [Молчанова, 2018б. С. 304]. По словам информанта Егузекова Е.А., *Чабал-Туу* означает гору с низкорослыми деревьями. Скорее всего, *чабал* является вариантом *чаал* ‘молодой’ (о деревьях): *чаал агаштар* ‘молодые деревья’, тогда название горы может истолковываться как гора с молодыми деревьями или с молодым, низким лесом [Вербицкий, 1884. С. 422; Алтайско-русский словарь, 2018. С. 788]. Название состоит из компонентов *чабал* ‘молодой (о деревьях, лесе’ и *туу* ‘гора’.

Чанкыр (Чанкыр) (букв. голубой). Находится на левой стороне р. Шушкулар. Названа так из-за голубоватых, дымчатых камней на ее южной стороне. Название образовано от прил. *чанкыр* ‘голубой’.

Перевалы

Айман-Болчогы (букв. бугорок Аймана). По пер. Айман-Болчогы переваливают в Ёстиги-Күзлелё. Название *Айман-Болчогы* состоит из компонентов *Айман* (от фамилии *Айманов*) и *болчок* ‘бугорок’ с афф. принадл. 3 л. -ы.

Жайлу-Айрынын боочызы (Дьайлу-Айрынын-Боочызы) (букв. пер. *Дьайлу-Айры*). Название перевала образовано от названия ур. *Жайлу-Айры (Дьайлу-Айры)* в притяж. п. путем присоединения к нему апеллятива *боочы* ‘перевал’ с афф. принадл. 3 л. -зы.

Жер-Боочы (Дьер-Боочы) (букв. земляной перевал). Пер. *Жер-Боочы* находится у начала ур. *Жайлу-Айры*. Включает компоненты *жер* ‘земляной’ и *боочы* ‘перевал’.

Камай / Камайдын-Боочызы (Камай / Камайдын-Боочызы) (букв. перевал *Камай*). Пер. *Камай-Боочызы (Камайский перевал)* находится по дороге в сторону с. *Камай*. В качестве первого компонента выступает название *Камай*, которое в наименовании перевала может употребляться как с афф. притяж. п. -дын, так и без данного аффикса. Вторым компонентом является апеллятив *боочы* ‘перевал’ с афф. принадл. 3 л. -зы.

Көнөрчөк (Кёнёрчөк). Пер. *Көнөрчөк* находится на старой дороге из с. Ак-Жуул / Ак-жул (Актел) в с. Чаргы (Черга). В работе О.Т. Молчановой зафиксирован вариант *Көньюрчек*: «... *көмүр* (теленг.) – мост; узкое и обрывистое место на вершине горы + -чек – афф. уменьш., т.е. мостик» [Молчанова, 2018а. С. 532]. Ср. также *көмур* [Вербицкий, 1884. С. 185]. Возможно, вариантами названия *Көнөрчөк* являются *Көмөрчөк / Көмүрчек*.

Масканын-Боочызы (Масканын-Боочызы) (букв. перевал [местности] *Маска*). Перевал находится по направлению от села в сторону ур. *Шушкулар*. Название включает компоненты *Маска* (букв. молоток) в притяж. п. и *боочы* ‘перевал’ с афф. принадл. 3 л. -зы. См. хор. *Маска*.

Сайлу-Боочы (букв. перевал с песком). Пер. *Сайлу-Боочы* является местом перехода в местность *Чанкыр*. С пер. также можно направиться в сторону с. *Камлак*. Название состоит из прил. *сайлу* ‘с песком’ (*сай* ‘песок’ + афф. облад. -лу) и *боочы* ‘перевал’.

Тешкендүнин-Боочызы (Тешкендүнин-Боочызы) (букв. перевал *Тешкендү*). Название перевала образовано от названия ур. *Тешкендү* в притяж. п. путем присоединения к нему апеллятива *боочы* ‘перевал’ с афф. принадл. 3 л. -зы. См. ур. *Тешкендү (Тешкендү)*.

Чичке (букв. узкий). Пер. *Чичке* является переходом от г. *Өркө (Оркё)* к *Ойбок*. Название представляет собой прил. *чичке* ‘узкий’.

Шушкулардын-Боочызы (Шушкулардын-Боочызы) (букв. перевал *Шушкулар*). Название перевала образовано от названия ур. *Шушкулар* в притяж. п. путем присоединения к нему апеллятива *боочы* ‘перевал’ с афф. принадл. 3 л. -зы.

Шыргайылдын / Шырга-Айылдын-Боочызы (Шыргайылдын / Шырга-Айылдын-Боочызы) (букв. перевал *Шыргайыл / Шырга-Айыл*) (пер. *Ширгаил / Шергаил*). Название перевала образовано от названия ур. *Шыргайыл / Шырга-Айыл* с афф. притяж. п. -дын путем присоеди-

нения к нему апеллятива *боочы* ‘перевал’ с афф. принадл. 3 л. -зы.

Лога и урочища

Ак-Кобы (букв. открытый лог). Первый лог с названием *Ак-Кобы* находится за пер. *Шушкулардын-Боочызы*, т. е. за пер. *Шушкулар*. Второй лог располагается за г. *Ойбок*. Ороним *Ак-Кобы* состоит из прил. *ак* ‘белый’ и сущ. *кобы* ‘лог’.

Алты-Ойдык (букв. шесть дыр). Лог находится на правой стороне ур. *Шушкулар*. Хороним *Алты-Ойдык* состоит из числ. *алты* ‘шесть’ и сущ. *ойдык* ‘дыра’. В этом месте имеются шесть ложков.

Ан-Аткан (*Ан-Аткан*) (букв. марала подстрелили). Лог находится на правой стороне ур. *Шушкулар*. Название *Ан-Аткан* образовано сочетанием сущ. *ан* ‘марал’ и глагольной формы прош. вр. *аткан* ‘подстрелил’ (*ат-* ‘стрелять’ + *-кан*).

Балкашту-Кобы (букв. грязный лог). Расположен за г. *Ойбок*. Название *Балкашту-Кобы* образовано сочетанием прил. *балкашту* ‘с грязью, грязный’ (*балкаш* ‘грязь’ + афф. облад. *-ту*) и сущ. *кобы* ‘лог’.

Бичендү (*Бичендю*) (букв. с сеном). Урочище находится между горами *Сербек* и *Бичендү*. Название образовано от слова *бичен* ‘сено’ с помощью афф. облад. *-дү*. Означает место, где много травы для заготовки сена.

Борсук (букв. барсук). Лог *Борсук* расположен в ур. *Кара-Суу*. Название представляет собой сущ. *борсук* ‘барсук’.

Јаан-Јарык (*Дьяан-Дьярык*) (букв. большая расщелина). Находится на правой стороне нижнего течения р. *Ак-Јуул* / *Јул*. Название *Јаан-Јарык* образовано сочетанием прил. *јаан* ‘большой’ и сущ. *јарык* ‘расщелина’.

Јаан-Ойбок (*Дьяан-Ойбок*) (букв. большое углубление, впадина). Лог находится на г. *Ойбок* со стороны села. Название образовано сочетанием компонентов *јаан* ‘большой’ и *ойбок* ‘углубление, впадина’.

Јайлару (*Дьяйлару*), или *Јайлу-Айры* (*Дьяйлу-Айры*). Название *Јайлу-Айры* образовано сочетанием слов *јайлу* ‘летнее стойбище’ и *айры* ‘развилка’, означает ‘развилка, где есть летнее стойбище’ [Молчанова, 2018а. С. 340].

Јаман-Јодро (*Дьяман-Дьодро*) (букв. плохая черемуха). Лог *Јаман-Јодро* находится в направлении от г. *Ары-Туу* в сторону с. *Камай*.

Название включает компоненты *јаман* ‘плохой’ и *јодро* ‘черемуха’.

Јоло (*Дьоло*) (букв. белоголовый орел) [Молчанова, 2018а. С. 361]. Ур. *Јоло* расположено ниже ур. *Кара-Суу* вниз по течению р. *Ак-Јуул*.

Кайалду. Урочище находится за г. *Өркө*. Название в вариантах *Кайылды* / *Каилда* / *Кайылда* / *Каялда* / *Каялду* зафиксировано у О.Т. Молчановой [Молчанова, 2018а. С. 412]. Происхождение названия требует уточнения.

Калбалу (букв. с черемшой). Лог на г. *Өркө* со стороны села. Название *Калбалу* образовано от сущ. *калба* ‘черемша’ с помощью афф. облад. *-лу*.

Кисленик. Находится за логом *Јайлу-Айры* в сторону с. *Камлак*. Там растет много кисленицы, или красной смородины. Топоним представляет собой рус. диал. название красной смородины.

Кичинек-Ойбок (букв. маленькое углубление, впадина). Находится на г. *Ойбок* со стороны села. Название образовано сочетанием компонентов *кичинек* ‘маленький’ и *ойбок* ‘углубление, впадина’.

Крутенский. Лог находится на правой стороне ур. *Шыргаил* / *Шырга-Айыл*. Название представляет собой уменьш.-ласк. форму слова *крутой*.

Кулашту-Кобы (букв. лог с поленницей). Находится на г. *Өркө* со стороны села. Название *Кулашту-Кобы* включает компоненты *кулашту* ‘с поленницей’ (*кулаш* ‘поленница’ + афф. облад. *-ту*) и *кобы* ‘лог’.

Күздедей-Кобы (*Кюздедей-Кобы*). Расположен в восточной части г. *Сербек*. Название произошло путем сочетания слова, образованного от гл. *күзет-* ‘пасти’, и лексемы *кобы* ‘лог’.

Күски-Јурт (*Кюски-Дьурт*) (букв. осеннее стойбище). Находится на г. *Өркө* со стороны села. Ороним *Күски-Јурт* образован сочетанием прил. *күски* ‘осенний’ (*күс* ‘осень’ + *-ки*) и сущ. *јурт* ‘стойбище’.

Кызыл-Тыт (букв. красная лиственница). Урочище находится за г. *Өркө*. Включает компоненты *кызыл* ‘красный’ и *тыт* ‘лиственница’.

Сары-Кобы. Находится на правой стороне нижнего течения р. *Ак-Јуул*. Название *Сары-Кобы* состоит из прил. *сары* ‘желтый’ и сущ. *кобы* ‘лог’.

Тешкендү (*Тешкендю*). Название *Тешкендү* предположительно образовано от слова *тешкен*

‘продырявленный’ с помощью афф. -дү. Этимология слова требует уточнения.

Туйук-Кобы (букв. закрытый лог). Находится на г. Өркө со стороны села. Название *Туйук-Кобы* образовано сочетанием прил. *туйук* ‘закрытый’ и сущ. *кобы* ‘лог’.

Шушукулар. Урочище находится к востоку от села. По урочищу протекает одноименная река. У О.Т. Молчановой отмечены варианты *Шукишулар* / *Шакулар* / *Шашкулар* / *Шашкунар* / *Шушукулар* / *Шушукуляр* и приводится следующее толкование названия: «...Алт. *шукишу* – задняя часть шеи. Животное убивают, вонзая нож в это место; *шукишулар* – убивать таким способом [Молчанова, 2018а. С. 365]. Происхождение названия требует уточнения.

Шыргаил / *Шырга-Айыл*. Урочище находится к северу от села. По урочищу протекает одноименная река. Обозначается по-русски *Шергаил* / *Ширгаил*. О.Т. Молчанова указывает варианты *Шаргаил* / *Шергаил* и дает следующее пояснение: «...Бур. *шаргал* – соловый, белёсый, палевый; калм., мо. *шарк*, *шарга* – соловый (о масти), палевый (о цвете)» [Молчанова, 2018б. С. 355]. По нашему мнению, название, возможно, образовалось путем соединения компонентов *шыргай* ‘чаща, густые заросли кустарника’ [Рассадин, 2005. С. 129] и *айыл* ‘аил’, т.е. означает урочище с чашей, в которой находится аил.

Эчки-Төри (*Эчки-Төри*) (букв. передняя часть [, где] козы). Находится на правой стороне ур. Шыргаил / Шырга-Айыл. Название *Эчки-Төри* образовано сочетанием слов *эчки* ‘коза’ и *төр* ‘передняя часть’ с афф. принадл. 3 л. -и.

ХОРОНИМЫ

Географические

Айры-Чакы (букв. раздвоенная коновязь). Местность Айры-Чакы находится перед ур. Шушукулар со стороны с. Актел. Название *Айры-Чакы* состоит из прил. *айры* ‘раздвоенный’ и сущ. *чакы* ‘коновязь’.

Ак-Жол-Оозы (*Усть-Ак-Дьол*), или *Ак-Жуул* / *Жул-Оозы* (*Усть-Ак-Дьуул* / *Дьул*). Место впадения р. Ак-Жол, или Ак-Жуул / Жул, имеющей русское обозначение *Актел*, и местность, прилегающую к этому месту, называют *Ак-Жол оозы* (*Ак-Дьол оозы*), или *Ак-Жуул* / *Жул-Оозы* (*Ак-Дьуул* / *Дьул оозы*). По-русски обозначается как Усть-Актел.

Вариант *Ак-Жол оозы* образован от названия *Ак-Жол*, состоящего из слов *ак* ‘открытый’ (о местности) и *жол* ‘дорога’, путем присоединения апеллятива *оос* ‘устье’ с афф. принадл. 3 л. -ы.

В варианте *Ак-Жуул* / *Жул оозы* вторым компонентом выступает слово *жуул* / *жул* со значением ‘река’.

Алты-Ойдык (букв. шесть дыр). Местность находится на правой стороне ур. Шушукулар. См. лог *Алты-Ойдык*.

Ан-Аткан (*Ан-Аткан*) (букв. марала подстрелили). Местность находится на правой стороне ур. Шушукулар. См. лог *Ан-Аткан* (*Ан-Аткан*).

Барбак-Чет (букв. раскидистая лиственница). Место находится в местности *Ойбок*. Среди поля, которое в настоящее время наполовину застроено, растет раскидистая лиственница. В этом месте нельзя шуметь. Название *Барбак-Чет* образовано с помощью прил. *барбак* ‘раскидистый’ и *чет* ‘лиственница’.

Болчок-Таш (букв. круглый камень). Место находится у восточного подножия г. Сербек. В этом месте из-под земли торчит большой камень, похожий на верхнюю часть человеческой пятки с пальцами. Название *Болчок-Таш* состоит из компонентов *болчок* ‘круглый’ и *таш* ‘камень’.

Жаан-Чанкыр (*Дьяан-Чанкыр*) (букв. Большой Чанкыр). Открытая местность, расположенная у подножия г. Чанкыр. Название образовано присоединением к топониму *Чанкыр* (букв. голубой) определяющего слова *жаан* ‘большой’.

Жалбак-Кайын (*Дьялбак-Кайын*) (букв. широкая береза). Открытая местность, расположенная у подножия одноименной горы. Название состоит из прил. *жалбак* ‘широкий’ и сущ. *кайын* ‘береза’.

Жодролу (*Дьодролу*) (букв. с черемухой, имеющий черемуху). Местность Жодролу находится в ур. Шырга-Айыл. Название образовано от сущ. *жодро* ‘черемуха’ с помощью афф. облад. -лу.

Жыбакак-Болчогы (*Дьыбакак-Болчогы*) (букв. бугорок [человека по имени] Дьыбакак). Место расположено на г. Өркө со стороны села. В местности Жыбакак-Болчогы (*Дьыбакак-Болчогы*) повесился человек по имени *Жыбакак*. Название *Жыбакак-Болчогы* включает имя человека *Жыбакак* и сущ. *болчок* ‘бугорок’ с афф. принадл. 3 л. -ы.

Кичинек-Чанкыр (*Кичинек-Чанкыр*) (букв. Малый Чанкыр). Открытая местность, располо-

женная у подножия г. Чанкыр. Название образовано присоединением к топониму *Чанкыр* (букв. голубой) определяющего слов *кичинек* 'малый'.

Колокол. Скала находится в нижнем течении р. Шушкулар (в сторону р. Катунь). По форме напоминает колокол.

Куран-Аткан (букв. коосулю подстрелили). Местность находится на г. Öркө. Название состоит из сущ. *курун* 'косуля' и глагольной формы прош. вр. *аткан* 'подстрелил' (*ат-* 'стрелять' + *-кан*).

Маска (букв. молоток). Местность расположена в ур. Шушкулар. Возможно, *Маска* является именем человека, проживавшего в этом месте.

Мөт-Кескен (*Мёт-Кескен*) (букв. мед вырезали). Местность находится на г. Öркө. В этой местности из ствола лиственницы вырезали мед. Название *Мөт-Кескен* образовано сочетанием сущ. *мөт* 'мед' и глагольной формы прош. вр. *кескен* 'вырезал' (*кес-* 'резать' + *-кен*).

Ойбок (букв. углубление, впадина). Местность расположена у подножия г. *Ойбок*. См. г. *Ойбок*.

Ойдык-Таиш (букв. дырявый камень). Место, называемое *Ойдык-Таиш*, находится в логу *Яан-Ойбок* (*Большой Ойбок*). Названо так из-за проходов в камнях, образующих склон пригорка. Название *Ойдык-Таиш* включает компоненты *ойдык* 'дырявый' и *таиш* 'камень'.

Сөөктү-Төн (*Сёёктю-Тён*) (букв. пригорок с могилой). Местность находится на правой стороне ур. Шушкулар. Там имеются могилы. Название *Сөөктү-Төн* образовано из прилагательного *сөөктү* 'с могилой' (*сөөк* 'могила' + аф. облад. *-тү*) и сущ. *төн* 'пригорок'.

Түлкү-Балазы (*Тюлю-Балазы*) (букв. детёныш лисы). Местность располагается за г. Ан-Болчогы (если смотреть со стороны села). Название *Түлкү-Балазы* представляет собой изафетную конструкцию с первым компонентом *түлкү* 'лиса' и со вторым компонентом *бала* 'детёныш' с аф. принадл. 3 л. *-зы*.

Шушкулар-Оозы (букв. устье Шушкулар). Устье р. Шушкулар, впадающее в р. Кадын (Катунь), и местность, прилегающая к устью. По-русски называется *Усть-Шушкулар* / *Шушкулар*.

Чанкыр (*Чанкыр*) (букв. голубой). Местность названа по названию г. Чанкыр и расположена у подножия. Подразделяется на *Яан-Чанкыр* (*Большой Чанкыр*) и *Кичинек-Чанкыр* (*Малый Чанкыр*). См. г. Чанкыр.

Административные

Ойбок (букв. впадина, углубление) – часть села, прилегающая к местности Ойбок. Здесь находится ул. Молодежная.

Ол-Яан (*Ол-Дъан*) (букв. та сторона) – часть села, расположенная за р. Öркө у подножия одноименной горы. Название состоит из компонентов *ол* 'та' и *яан* 'сторона'.

Öрөртин (*Орёртин*) (букв. верхняя часть) – конец села (со стороны с. Камай).

Төмөртин (*Тёмёртин*) (букв. нижняя часть) – начало села (со стороны *Усть-Актела*).

Таким образом, в данной работе рассмотрена топонимика с. Актел и его окрестностей. В описание географических объектов, помимо лингвистического анализа, включено указание на их конкретное месторасположение. Этимология отдельных названий будет в последующем нами уточняться.

Сведения об информантах

НА НИИА. МНЭ. Дело №148. Егузев Егор Александрович, 1957 г.р., сёёк тодош, место рождения с. Мухор-Черга, место проживания с. Актел Шебалинского р-на, образование 10 кл.

НА НИИА. МНЭ. Дело №148. Чинарова Полина Васильевна, 1952 г.р., сёёк үлүп (улюп), место рождения и проживания с. Актел Шебалинского р-на, образование высшее.

НА НИИА. МНЭ. Дело №148. Чумакаева Мая Павловна, 1954 г.р., сёёк байлагас, место рождения и проживания с. Актел Шебалинского р-на, образование среднее специальное

НА НИИА. МНЭ. Дело №148. Чумакаев Сергей Эдуардович, 1978 г.р., сёёк жалаң (дъалан), место рождения и проживания с. Актел Шебалинского р-на, образование среднее специальное.

Литература

Алтайско-русский словарь. Редколлегия: канд. филол. наук А.Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н.В. Екеев, канд. филол. наук А.Н. Майзина, К.К. Пиянтинова, Н.Н. Тыдыкова, канд. филол. наук

Е.В. Тюнтешева; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018.

Ирkitова А.А., Соёнов В.И., Яжанкина С.И. Шебалинский район: история, события, люди. – Горно-Алтайск, 2006.

Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979.

Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Т. I. А–К. – Щецин, 2018.

Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Т. II. Л–Я. – Щецин, 2018.

Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский. – СПб, 2005.

Самтакова К. Б. Топонимия юго-восточных районов Республики Алтай в сопоставлении с монголь-

скими топонимами: Автореф. дис. ... к.филол.н. – Новосибирск, 2008.

Самтакова К. Б. Топонимы юго-восточных приграничных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами. – Горно-Алтайск, 2013.

Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. В. Вербицкий. – Казань, 1884.

Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 1. – Горно-Алтайск, 2012.

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН (Россия)

РАЗНЫЕ ТИПЫ ЗАШУМЛЕНИЯ ГЛАСНЫХ (на материале шорского и калмакского языков)*

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00258 «Миноритарные этносы Южной Сибири: семиотико-когнитивное, лингвистическое и социолингвистическое измерение».

Впервые на материале двух сибирских тюркских языков – шорского и калмакского – были выявлены и описаны разные типы зашумления постконсонантных гласных звуков, всего шесть. Предварительные данные исследования позволили определить границы области частотных характеристик разного рода шума.

Ключевые слова: тюркские языки, шорский, калмакский, зашумление гласных, акустический анализ.

N. S. Urtegeshev

*Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk (Russia)*

DIFFERENT TYPES OF VOWEL NOISE (based on the material of the Shor and Ralmak languages)*

* The study was financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project 20-012-00258, «Minority ethnoses of Southern Siberia: semiotic-cognitive, linguistic and social-linguistic measurement»

For the first time, on the material of two Siberian Turkic languages – Shor and Kalmak – different types of postconsonant vowel noise were identified and described, six in total. Preliminary research data allowed us to determine the boundaries of the frequency characteristics of various types of noise.

Keywords: Turkic languages, Shor, Kalmak, vowel noise, acoustic analysis.

При изучении звуковых строев сибирских языков и не только, например, башкирского, алюторского, корейского Республики Корея, были зафиксированы случаи, когда на части, а иногда и в целом на всей фонации у постконсонантного гласного отмечается шум. Обычно такие случаи не рассматриваются, даже не фиксируются, хотя, на наш взгляд, они очень интересны. В дальнейшем такие гласные с шумом будут называться *зашумленными*¹. На подобную тему было проведено исследование коллегами на лингвистическом материале эвен-

кийского языка из Благовещенска, рассматривался поствокальный шум [Андросова и др., 2018. С. 91–96]. Мы же будем рассматривать влияние препозитивного согласного на зашумление гласного.

Ранее написанные на данную тему специальные работы по тюркским языкам не встречались. Поэтому представленный материал является первым по этой проблематике.

В данной работе рассматриваются зашумленные постконсонантные гласные фонемы в шорском и калмакском языках.

¹ Зашумленный гласный – термин предложен д. филол. наук, профессором, главным научным сотрудником Института филологии СО РАН И. Я. Селютиной.

Прежде чем приступить к анализу материала, определимся с некоторыми понятиями.

Звук – физическое явление, представляющее собой распространение в виде упругих волн механических колебаний в твёрдой, жидкой или газообразной среде. В узком смысле под звуком имеют в виду эти колебания, рассматриваемые в связи с тем, как они воспринимаются органами чувств [Голямина, 1988–1999].

Гласные звуки образуются из музыкального тона, результата деятельности голосовых связок (так называемого голосового тона), модифицируемого различными положениями полости рта, которая играет в данном случае роль надставной трубы у духовых инструментов, т. е. роль резонатора. <...> источником звука при гласном являются *гортань и голосовые связки*, а полость рта (или носа) имеет роль исключительно *звуковидоизменяющую*. В этом заключается акустическое отличие гласных от согласных, в образовании которых, кроме голосового тона (могущего быть и не быть), непременно участвует, в большей или меньшей степени, тот или другой немusикальный шум, образуемый различными частями полости рта. В физиологическом отношении гласные звуки отличаются от согласных тем, что деятельность

надставной трубы (полости рта) имеет при них более пассивный характер: различные части ее никогда не образуют при гласных таких резких сужений или полных затворов, как при согласных [Энциклопедический словарь ... , 1890–1907. Т. 8. С. 823].

Шум – это непериодические (неритмичные) колебания звучащего тела. По характеру спектра шумы подразделяют на: широкополосный шум с непрерывным спектром шириной более 1 октавы; тональный шум, в спектре которого имеются выраженные тона. Выраженным тоном считается, если одна из третьоктавных полос частот превышает остальные не менее, чем на 10 дБ. По частотной характеристике шумы подразделяются на: низкочастотные (<400 Гц), среднечастотные (400–1000 Гц), высокочастотные (>1000 Гц); по временным характеристикам шум может быть стационарным, нестационарным, колеблющимся, прерывистым, импульсным; по природе возникновения – механическим, аэродинамическим, гидравлическим, электромагнитным [Тэйлор, 1978]. В нашем случае это аэродинамический шум.

На рисунке 1 представлены зашумленные гласные в произношении шорского слова *нале* [p^αα_’l’εε[↓]] ‘ребенок’

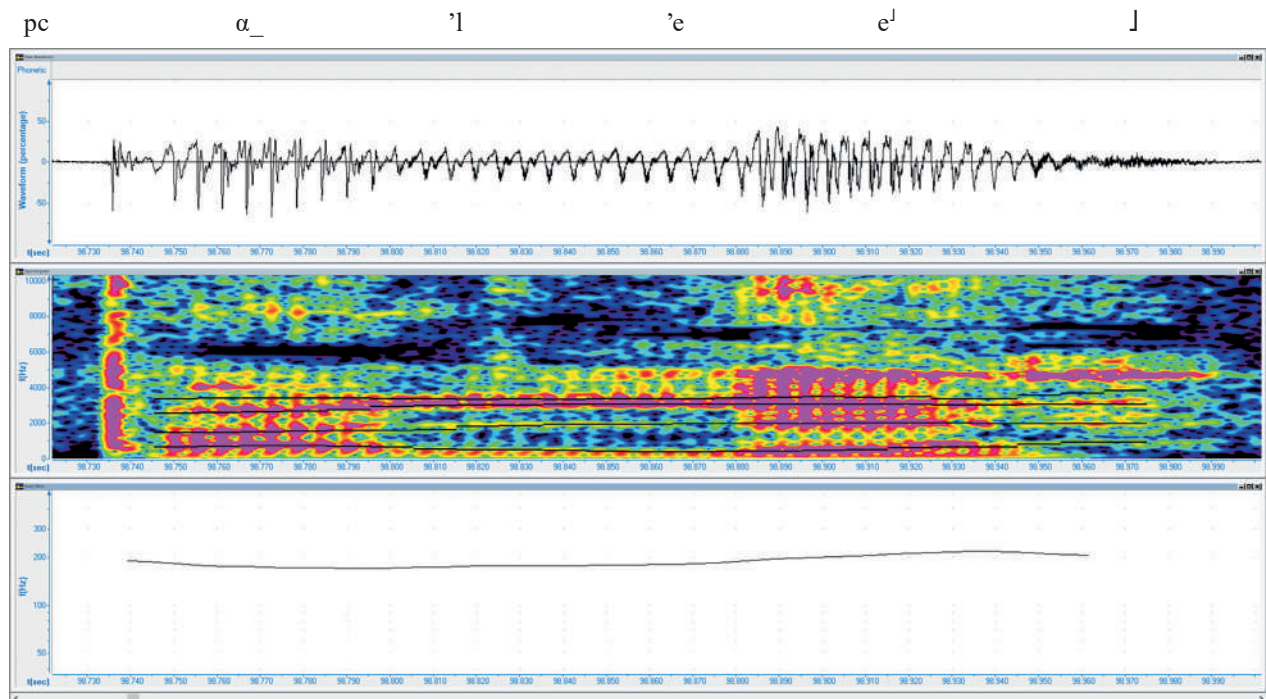

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и движение основного тона шорского слова *нале* [p^αα_’l’εε[↓]] ‘ребенок’

На осциллограмме и спектрограмме наблюдаем слабое зашумление на гласном [α_] после придыхательного согласного [p^h], сильное зашумление гласного [e^h], связанное с фарингализацией гласного и сильное финальное зашумление этого же гласного, связанное с наложением артикуляции ларингального согласного, т. е. рекурсия гласного ларингуется.

Предварительные данные, полученные по шорскому и калмакскому языкам, свидетельствуют о следующем:

1) шумы на гласном после придыхательного согласного располагаются в диапазоне от 4 до 6 кГц – *высокочастотные*. Немного другие результаты получились у исследователей по эвенкийскому языку: <...> слабые фрикативные составляющие в средней области спектра (2–4 кГц) [Андросова и др., 2018. С. 94];

2) шумы, возникшие в результате сужения в области фаринкса, фиксируются в области 3-3,5 кГц – *высокочастотные*;

3) зашумление гласных от ларингализации констатируется в пределах 4,5–5 кГц – *высокочастотные*.

По частоте все шумы на гласных звуках высокочастотные.

В дальнейшем надо будет еще раз перепроверить полученные результаты, но уже на другом материале.

Анализ фонетического материала по шорскому и калмакскому языкам позволил выявить следующие типы зашумления гласных:

1) *фрикативное*: после шумных щелевых согласных – типа «с», «ш», «ч», «х», «h»;

2) *аспираторное (ларингальное, локальное)*: после смычных взрывных придыхательных – типа «п», «т», «к»;

3) *фрикативно-аспираторное (ларингальное, локальное)*: после шумных щелевых придыхательных согласных – типа «с», «ш», «ч», «х»;

4) *глоточное* (в широком смысле): дополнительная артикуляция гласного – ларингализация, эпиглоттализация, фарингализация. Можно

ли сюда отнести увуларизацию? Вопрос остается открытым, хотя, как и при ларингализации и фарингализации возникает сужение – узкий фокус, а значит должны возникнуть завихрения воздушных потоков, а, следовательно, и шум;

5) *глоточно-аспирированное (ларингальное)*: после смычных взрывных придыхательных – типа «п», «т», «к», с включением дополнительной артикуляции;

6) *фрикативно-глоточно-аспирированное (ларингальное)*: после шумных щелевых придыхательных согласных – типа «с», «ш», «ч», «х», «h», с включением дополнительной артикуляции.

Аспираторное и фрикативно-аспираторное зашумление возможно двух типов: первый тип связан с ларингальным придыханием (например, t^h) – сильная аспирация; второй – локальный – с придыханием по месту образования согласного, т. е. совпадает местом фокуса – слабая аспирация. Иначе вторую аспирацию называют оральной [Наделяев, 1960; Селютина и др., 2014. С. 306], например, t^c. Последние два типа возможны только с ларингальным придыханием.

Если первые три позиции зашумления – это внешние возбудители шумов на гласном, то последний непосредственно связан с вокальной настройкой.

Следует сказать, что надо отличать зашумленные гласные от шепотных или приглушенных. При зашумлении главную роль играет шум, который накладывается на фонацию гласного, охватывая ее часть или целиком. Шепотные – это гласные, у которых голосовые связи работают, но из-за специфической артикуляции в гортанной части форманта F0 слабо выражена. Шепотным или приглушенным могут быть гласные, у которых фонация в целом или частично зашумлена. Гласный может быть как зашумленным, так и приглушенным одновременно; может быть зашумленным, но не приглушенным, а может быть приглушенным, но не зашумленным.

Литература

Андросова С. В., Андросова Д. Е., Морозова О. Н. Поствокальный шум в эвенкийском языке // Казанская наука. – 2018. – № 12. – С. 91–96.

Голямина И. П. Звук // Физическая энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М. (Т. 1-2); Большая Российская энциклопедия (Т. 3-5), 1988–1999.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – М.-Л., 1960.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). – Новосибирск, 2014.

Тэйлор Р. Шум. – М., 1978.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. / Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб, 1890–1907. – Т. 8. – С. 823–825.

НАРОДЫ СИБИРИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

С. А. Алексеева

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Россия)*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА: О КАРАГАСО-СОЙОТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МАЭ 1908 ГОДА

Данная статья посвящена интеллектуальному наследию Виктора Николаевича Васильева, в частности, описанию Карагасо-Сойотской экспедиции под его руководством. В 1908 г. МАЭ командировал В.Н. Васильева в экспедиционную поездку в Центральную Азию с целью сбора этнографических коллекций у тофаларов (карагасов) и тувинцев (сойотов). Исследования продолжались в течение семи месяцев. Маршрут экспедиции был обширный – бассейны рек Бирюса, Уда, Или, Ока, Тунгусский район, озера Косогол и Ильчар, Саянский хребет, Урянхайский край и бассейн р. Теси в северо-западной Монголии. Кроме карагасов и сойотов, исследованием были охвачены сверхпрограммы монголы и тункинские буряты. Как известно, часть этого времени В.Н. Васильев провел в Северо-Восточных Саянах. Из числа народностей, их заселявших (карагасов, сойотов, монголов), для него, как он писал, «наиболее интересными явились карагасы». Он описал их быт и нравы, материальную и духовную культуру, подчеркнув при этом, что собранные им сведения крайне неполны и отрывочны ввиду крайней ограниченности во времени. На самом деле его большая статья о карагасах представляет интерес как с научной, так и с практической точки зрения. Как отмечают исследователи, работа В.Н. Васильева отличается большой широтой охвата исследуемого материала, который целиком получен им путем личных наблюдений. Неоценимы также, с научной точки зрения, приведенные фотоснимки, объективные свидетели истории, ставшие теперь уникальными. Действительно, для российской этнографической традиции всегда было особенно ценно органическое погружение исследователя в быт и культуру изучаемого этноса. Именно этой особенностью обладал в полной мере известный этнограф, уроженец Якутии – Виктор Николаевич Васильев.

Ключевые слова: интеллектуальное наследие, В.Н. Васильев, карагасо-сойотская экспедиция, материальное и духовное наследие народов

S. A. Alekseeva

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Russian Academy of Sciences Siberian Branch (Russia)*

INTELLECTUAL HERITAGE OF VIKTOR NIKOLAEVICH VASILIEV: ABOUT THE KARAGAS-SOYOT EXPEDITION OF THE MAE IN 1908

This article is devoted to the intellectual heritage of Viktor Nikolaevich Vasiliev, in particular, the description of the Karagas-Soyot expedition under his leadership. In 1908 MAE sent V. N. Vasiliev on an expedition to Central Asia to collect ethnographic collections from the Tofalars (Karagas) and Tuvins (Soyots). The research continued for seven months. The expedition's route was extensive: the basins of the Biryusa, Uda, Ili, Oka rivers, the Tunguska region, the Kosogol and Ilchar lakes, the Sayan range, the Uriankhai region, and the basin of the river Tesi in North-Western Mongolia. In addition to the Karagas and Soyots, the study covered the superprograms of the Mongols and Tunkin Buryats. As you know, part of this time V.N. Vasiliev spent in the North-Eastern Sayans. Among the peoples who inhabited them (the Karagas, Soyots, Mongols), for him, as he wrote, «the most interesting were the Karagas». He described their life and customs, material and spiritual culture, while emphasizing that the information he collected is extremely incomplete and fragmentary due to extreme time constraints. In fact, his large article on the Karagas is interesting both from a scientific and practical point of view. According to the researchers, V.N. Vasiliev's work is characterized by a large breadth of coverage of the material under study, which is entirely obtained by him through personal observations. These photographs, objective witnesses of history that have now become unique, are also invaluable from a scientific point of view. Indeed, for the Russian ethnographic tradition, the organic immersion of the researcher into the life and culture of the studied ethnic group has always been particularly valuable. This feature was fully possessed by a well-known ethnographer, a native of Yakutia Viktor Nikolaevich Vasiliev.

Keywords: intellectual heritage, V.N. Vasiliev, Karagas-Soyot expedition, material and spiritual heritage of peoples.

Один из первых ученых-исследователей, известный этнограф, фольклорист и исследователь Якутии, Сибири и Дальнего Востока, действительный член Императорского Русского Географического общества, Виктор Николаевич Васильев, родился 10 ноября (по старому стилю) 1877 г. в Амгинской слободе Якутской области (ныне село Амга, Амгинского улуса) в семье политического ссыльного, почетного гражданина Санкт-Петербурга Николая Васильевича Васильева (1845–1888) и местной крестьянки Александры Васильевны Немчиновой (1847–1885).

Коренной якутянин Виктор Николаевич с младенческих лет впитал в себя культуру народов Севера. Он родился и вырос в смешанной культурной среде, поэтому для него были одинаково ценны обычаи и традиции всех народов, населяющих этот суровый край, что и стало надежной основой в процессе его формирования и развития как талантливого исследователя и этнографа. Биография этого удивительного человека была полна событий, испытаний, лишений, открытий, и в ней, как в зеркале, отразились судьбы якутской и русской интеллигенции того времени.

Жизнь и судьба этого человека, как и многих представителей интеллигенции того периода, была нелегкой. Но ему, потомку старожил, прошедших все испытания судьбы, было свойственно преодолевать любые трудности, и он посвятил свою жизнь и талант изучению традиционных культурных ценностей народов, населяющих огромное азиатское пространство России – Сибирь, Якутию, Дальний Восток и Сахалин. Результаты его титанической деятельности по сбору и изучению уникальной культуры народов данных регионов имеют непреходящее значение не только для этнографической и фольклористической науки, но и развития этих народов [Ефремов, 2005. С. 3].

Виктор Николаевич Васильев был действительным знатоком своего дела, настоящим ученым-полевиком, истинным патриотом и неутомимым исследователем Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ученый с широким диапазоном научных интересов, собиратель музейных коллекций В.Н. Васильев действительно воплощал в себе лучшие черты петербургской этнографической школы.

Результаты его титанической деятельности по сбору и изучению уникальной культуры народов данных регионов имеют

непреодолимое значение не только для этнографической и фольклористической науки, но и для самого процесса сохранения и развития этих народов.

Однако степень изученности данной темы крайне низка и недостаточна. К большому сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать, что интеллектуальное наследие В.Н. Васильева до сих пор остается нераскрытой, большая часть его трудов еще не опубликована, и не было ни одной монографической работы, посвященной жизни и деятельности В.Н. Васильева.

Огромный корпус невыявленного фактологического материала, данных экспедиционных поездок и неопубликованных архивных материалов остаются невостребованными и ждут своего часа.

Как известно, Виктор Николаевич Васильев за свою яркую, насыщенную, но короткую жизнь осуществил 6 научных экспедиций, посвященных изучению традиционных культурных ценностей народов, населяющих огромное азиатское пространство России – Сибирь, Якутию, Дальний Восток и Сахалин: Хатангская экспедиция, 1905–1906 гг. (снаряжена на средства РГО); Карагасо-Сойотская экспедиция, 1908 г. (МАЭ); Экспедиция на о. Сахалин, 1910 г. – 1911 г. (РЭМ); Экспедиция к айнам, 9 мая 1911 г. – 1912 г. (РЭМ); Экспедиция в Семипалатинскую область, 1913 г. (РЭМ); Тунгусский этнографический подотряд – Алдано-Майская экспедиция, 26 декабря 1926 г. – 15 ноября 1927 г. и Аяно-Охотская экспедиция, 11 января – 26 апреля 1928 г. (КЯР).

В 1908 г. МАЭ командировал В.Н. Васильева в экспедиционную поездку в Центральную Азию с целью сбора этнографических коллекций у тофаларов (карагасов) и тувинцев (сойотов). Маршрут экспедиции был обширный: бассейны рек Бирюса, Уда, Или, Ока, Тунгусский район, озера Косогол и Ильчар, Саянский хребет, Урянхайский край и бассейн р. Теси в северо-западной Монголии. Кроме карагасов и сойотов, исследованием были охвачены сверхпрограммы монголы и тункинские буряты.

Как он отметил, «в минувшем, 1908 г., по поручению Музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук мне пришлось сделать довольно большую поездку в области Центральной Азии. Я побывал на Северо-восточных Саянах с заездом на озера Косогол и

Ильчир, проехал по всему течению р. Бей-Кема, поднимался верст на 200 вверх по среднему течению р. Теси, за Танну-Ольским хребтом, и, вернувшись оттуда обратно к устью р. Бей-Кема, сплыл отсюда на плотах по Улу-Кему или Енисею до Минусинска. Поездка эта с маршрутом приблизительно в 4000 верст, не считая, конечно, железнодорожного сообщения, заняла около 7 месяцев. Цель поездки заключалась в собирании этнографических коллекций среди карагасов, сойотов и сопредельных с последними монголов» [Васильев, 1910. С. 46–76].

Исследования продолжались в течение семи месяцев. Как известно, часть этого времени В.Н. Васильев провел в Северо-Восточных Саянах. Из числа народностей, их заселявших (карагасов, сойотов, монголов), для него, как он писал, «наиболее интересными явились карагасы». Он описал их быт и нравы, материальную и духовную культуру. «... При таком крупном маршруте, о котором я только что сказал, крайне ограниченный во времени, я мог отдавать работе по собиранию сведений лишь те немногие часы, что оставались у меня от собирания, регистрации и укупорки коллекций. Естественно, поэтому, что сведения эти крайне неполны и отрывочны. Но думается, что и в таком виде сообщение мое не будет лишено интереса, хотя бы как напоминание о забытой почти народности, изучение которой должно быть поставлено в первую очередь» [Васильев, 1910. С. 46–76]. На самом деле его большая статья о карагасах представляет интерес как с научной, так и с практической точки зрения.

Большой вклад в этнографическое изучение тофаларов вносит работа В.Н. Васильева, посетившего их кочевья в 1908 г. Его статья о карагасах впервые иллюстрирована, причем достаточно хорошо – содержит 16 фотоснимков. Описание построено по той же традиционной схеме: даны сведения о местах обитания, об их названии и отношении к другим народам, об их физическом типе и внешнем облике, о характере, численности, ассимиляции, образе жизни, жилище, одежде, пище, ремеслах, о семейной жизни, рождении и воспитании детей, играх детей, сватовстве, свадьбе, о положении вдов и вдовцов, об административном управлении и родовом строе, о верованиях. Как видно уже из одного только перечня затрагиваемых вопросов, эта работа отличается большой широтой охвата исследуемого материала, который целиком

получен им путем личных наблюдений. Неоценимы с научной точки приведенные фотоснимки, объективные свидетели истории, ставшие теперь уникальными [Рассадин, 2000. С. 7–8].

В статье В.Н. Васильев отмечал, что «судя по языку, можно думать, что они тюркские племена, какого мнения держится, напр., и такой ученый авторитет в области тюркологии, как академик В.В. Радлов. Сами карагасы называют себя Туба, подобно некоторым татарам Томской и Енис. губ. и Сойотам Урянхайского края. Наиболее близки они, и не только по языку, но и по укладу жизни, к сойотам оленеводам, которых называют китайскими карагасами, если хотят сравнить свой образ жизни с ихним. Близость эта так велика, что невольно напрашивается предположение, не есть ли они один и тот же народ, искусственно распавшийся, благодаря подданству двум разным государствам. В самом деле, если не считать навязанных ламаизма у сойотов и христианства у карагасов, да кое-какой разницы в обычном праве, что легко могло произойти с течением времени от соприкосновения с двумя разными культурами, все остальное у них общее. Почти совершенно тождественны у них язык, образ жизни, жилища, одежда (в частях, не позаимствованных у русских) и даже старые верования. После сойотов, ближайшие к карагасам народности по языку – якуты и татары».

По образу жизни, карагасы – оленеводо-охотники. Оленей у них очень немного. Редко кто имеет их свыше 40–50. Лишь у одной богачки-вдовы их насчитывают до 200 голов. Зато встречаются бедняки, владеющие всего 2–3 оленями. У некоторых имеется от 2 до 4 лошадей. Но заботятся о лошадях карагасы столько же, сколько и об оленях, т.е. держат их круглый год на подножном корму, почему ежегодно к весне значительная часть лошадей издыхает от голода, и приходится пополнять их покупкой новых. В зависимости от оленьих пастбищ и промысла, карагасы находятся постоянно в передвижении. Подолгу нигде не сидят. ... Передвижение исключительно верховое. Ни саней, ни колесных экипажей не водится, как и у некоторых тунгусов. Кладь, какая бы ни была, возится вьюками. Для собственной езды они имеют небольшие седла, преимущественно бурятской работы, снабженные стремениами, выгодно отличающимися их от таковых же тунгусских. ... По верованиям своим, кара-

гасы числятся православными, и все крещены. Но христианство это лишь номинальное. В действительности же они главным образом шаманисты. ... Необходимо поэтому, пока еще не поздно, поспешить с основательным исследованием этой безусловно интересной народности, необходимо тем более, что такое исследование, быть может, пролило бы новый свет вообще на изучение истории тюркских племен [Васильев, 1910. С. 18–19].

После возвращения по рекомендации директора МАЭ В.В. Радлова В.Н. Васильев был откомандирован в Германию, где организовал в Лейпциге частную выставку Александра, на пожертвования которого состоялась экспедиция 1908 г.

Для российской этнографической традиции всегда было особенно ценно органическое погружение исследователя в быт и культуру изучаемого этноса. Именно этой особенностью обладал в полной мере известный этнограф, уроженец Якутии – Виктор Николаевич Васильев.

Также хотелось бы отметить, что наш Институт вот уже в течение ряда лет занимается изучением интеллектуального опубликованного и неопубликованного рукописного наследия В.Н. Васильева, рассредоточенного по различным архивам, библиотекам и музеям, выявлением и введением в научный оборот новых данных об его огромной деятельности. Так, мною была подготовлена к печати авторская рукопись «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» объемом 1 547 л., написанная им в составе Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР (КЯР) [«Материалы по этнографии тунгусов / к работе Васильева В.Н. о тунгусах» /1928/, Ф.47, Оп. 1, Д. №887, Лл. 1-1547]. Отсканированная копия данного фундаментального труда, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, была выкуплена нашим Институтом на правах последующего опубликования.

Во время научной командировки в 2011 г. в г. Санкт-Петербург была проведена скрупулезная работа по выявлению и изучению необходимых фактологических материалов, документальных источников, архивных данных и материалов экспедиционных поездок. Работа велась по пяти основным направлениям в Российском этнографическом музее (РЭМ), Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН), Российской национальной библиотеке (РНБ), Музее антропологии и этнографии

РАН (Кунсткамера) и Штаб-квартире Русского географического общества (РГО).

Аспирантом нашего Института А.Н. Ефремовым была подготовлена к изданию книга о жизни и деятельности В.Н. Васильева, в которую вошли данные из опубликованного и неопубликованного рукописного наследия В.Н. Васильева, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, и фотоиллюстративные материалы из фондов Российского этнографического музея, а также материалы, хранящиеся в библиотеках Санкт-Петербурга. В частности, копии его тунгусских преданий, опубликованных в дореволюционных журналах «Юная Россия», «Вестник Европы», сборниках РГО и журнале советского периода «Якутские Зарницы» по итогам Хатангской экспедиции 1905 г. Также были найдены копии ряда заметок, статей и очерков исторического, фольклорного, географического, экономического характера, которые были опубликованы в свое время в журналах «Сибирские вопросы», «Вестник Европы», «Природа». В данный, пока неопубликованный, сборник вошли в том числе и материалы по Карагасо-Сойотской экспедиции 1908 г.

Сегодня, оценивая их научное наследие с позиций современной науки, нельзя не выразить этим скромным труженикам науки слова признательности и восхищения. Их труды – это сосредоточие уникальных фольклорных и этнографических текстов богатых духовных традиций разных народов Сибири и Дальнего Востока, где все подчинено одной цели сохранения, возрождения и защиты традиционной культуры и фольклора. Настало время публичного признания их работ и издания рукописного наследия не только для знакомства с их трудами, но и для осознания преемственности лучших традиций научной и творческой интеллигенции начала XX в. [Романова, 2009. С. 10].

Таким образом, не вызывает сомнений перспективность дальнейших специальных научных поисков по выявлению богатого научного наследия В.Н. Васильева, так как к настоящему времени, пожалуй, только исследователи из Японии смогли издать книгу об айнской коллекции, собранной В.Н. Васильевым в 1911 г. на островах Иезо и Южный Сахалин, которая включает в себя редкие, ранее неизвестные фотографии, хранящиеся в фондах Архива Российского этнографического Музея (г. Санкт-Петербург).

Считаем, что на сегодняшний день необходимо продолжать повсеместные разработки по выявлению, систематизации и введению

в научный оборот интеллектуального наследия В. Н. Васильева.

Литература

Васильев В. Н. Краткий очерк быта карагасов // Этнографическое обозрение. – 1910. – № 1–2. – С. 46–76.

Ефремов Н. Н. Известный этнограф и фольклорист В. Н. Васильев // Каталог тунгусской коллекции В. Н. Васильева (Якут. гос. объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (рук. проекта А. Н. Решетникова). – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. – 112 с.

«Материалы по этнографии тунгусов /к работе Васильева В.Н. о тунгусах» /1928/. СПб. АРАН, Ф. 47. Оп. 1. Д. № 887.

Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. – Улан-Удэ, 2000. – 36 с.

Романова Е. Н. Предисловие // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция: материалы Всероссийского научно-полевого семинара «Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция», посвященного 100-летию А. А. Попова и 125-летию В. Н. Васильева (2003) и Всероссийской научной конференции «И. В. Попов – основоположник изобразительного искусства Якутии: исследователь, просветитель, гуманист», посвященной 130-летию И. В. Попова (2004). – Новосибирск: Наука, 2010. – 247 с.

Л. В. Анжиганова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Россия)

ЭТНИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС РЕВИТАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ ЭТНОСА*

* Работа подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-00365 «Проблемы эффективного использования человеческого капитала: региональное измерение».

Современные этносы имеют различный этнический капитал (совокупность ресурсов сохранения и развития), способствующий формированию и развитию субъектности этноса. Последний понимается как способность народа к самопознанию, самоопределению и саморазвитию. Процесс ревитализации субъектности этноса рассмотрен на примере хакасского народа.

Ключевые слова: этнос; ресурсы; этнический капитал; субъектность этноса; хакасы.

L. V. Anzhiganova

N. F. Katanov Khakass State University (Russia)

ETHNIC CAPITAL AS RESOURCE FOR THE ETHNOS'S SUBJECTIVITY REVITALIZATION*

* The work was prepared within the framework of the Russian Foundation for Basic Research project № 19-011-00365 «Problems of effective use of human capital: regional dimension».

Modern ethnic groups have different ethnic capital (a set of resources for conservation and development), contributing to the formation and development of the subjectivity of the ethnic group. The latter is understood as the ability of the people to self-knowledge, self-determination and self-development. The process of revitalizing the subjectivity of an ethnic group is considered on the example of the Khakass people.

Keywords: Ethnos; resources; ethnic capital; subjectivity of the ethnos; the Khakass.

В условиях универсализации всех сфер жизни этносы и этнические группы, теряя уникальность и целостность во времени и пространстве, становятся так называемыми «воображаемыми сообществами» или «новыми этносами», конструируемыми акторами. Известно,

что норвежский учёный Ф. Барт указывал, что этнические группы (или этносы) определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания [Барт, 2006. С. 17–41]. С сожалением

мы вынуждены констатировать, что этносов в традиционном виде сохранилось не так уж и много, разве что в труднодоступных горах Тибета, Памира, Южной Америки, пустынях и саванне Африки. Эти «реликтовые этносы», как правило, живут на своих исторических землях, говорят на своем языке, ведут традиционный образ жизни и хозяйствования, составляя коллективную целостность во времени и пространстве. Большинство же современных этнических общностей, как правило, конструируют себя как таковую, основываясь на тех или иных маркерах. Эти этносы и этнические группы, утрачивая свою целостность, теряют способность к перспективному развитию. Именно поэтому этнические акторы ищут ресурсы сохранения и развития собственных народов.

Мы сознательно расширили число объектов деятельности акторов – этносы и этнические группы, к которым необходимо отнести диаспоры. Последние так же, как и этносы, оказавшись на чужой территории, заинтересованы в сохранении и развитии собственной этничности. Это тем более становится актуальным, т.к. глобализация породила глобальную миграцию. Здесь необходимо отметить, что по-разному складываются процессы конструирования этносов и этнических групп, находящихся в состоянии, например, принимающего сообщества и диаспоры. Так, И. Кузнецов и В. Мукомель приходят к выводу о том, что только «частный бизнес и теневая экономика становятся вынужденным уделом иноэтнических мигрантов, поскольку общественное мнение настроено категорически против их доступа к иным сферам занятости» [Кузнецов, Мукомель, 2007]. У этнических групп трудовых мигрантов крайне невелики «окна возможностей», в том числе и за счет того, что принимающее сообщество, состоящее из одного или нескольких этносов, оказывается встревоженным по поводу сохранения своей собственной идентичности. Трудовые же мигранты заинтересованы в конструировании этничности на «новой родине». Более того, они пытаются вписаться в принимающее сообщество, наращивая свой человеческий капитал «с учётом этнической и религиозной психологических составляющих» [Бутузов, 2009].

Этносы имеют различный *объективно существующий набор и объем ресурсов сохранения и развития, совокупность которых*

составляет этнический капитал, способствующий формированию и развитию субъектности этноса. Последняя понимается нами как способность этноса как коллективной единицы к *самопознанию, самоопределению и саморазвитию*. Успешность этих процессов в решающей степени зависит от полноты набора маркеров этничности, их непротиворечивости и потенциалу развития.

Этносы отличаются друг от друга по ряду объективных маркеров. Проиллюстрируем их на примере хакасского народа.

1. *Национально-государственный статус*. Ресурсы народа в решающей степени зависят от уровня самоопределения народа. Республика Хакасия (РХ), образованная в 1991 г., стала полноценным субъектом Российской Федерации. В сравнении с предыдущим статусом (автономная область в составе Красноярского края) – это существенный шаг вперед. В том числе, за счет таких, большей частью, символических ресурсов, как Конституция Республики Хакасия, республиканское законодательство, органы государственной власти и пр. Символичность их определяется тем, что они не в полной мере способствуют реальному решению многих проблем хакасского народа. Согласно материалам практически всех 14 съездов хакасского народа (1990–2018), представители этноса слабо представлены в органах законодательной и исполнительной власти. Законодательная база решения проблем хакасского народа также не усовершенствована. Одной из самых «горячих» тем является проблема сохранения родной земли от хищнического уничтожения реликтовых степей, рек, озер угольными олигархами. Все эти территории в хакасской культуре обладают статусом сакральной ценности, местами культовой деятельности. В Хакасии так и не принят Закон о сохранении культовых мест. Защиты требует и нематериальное культурное наследие хакасского народа (богатейшая эпическая культура, различные жанры поэтического и музыкального фольклора и пр.).

2. *Географический и геополитический факторы* (включенность или изолированность от различных культурно-цивилизационных центров и их интересов). Например, хакасы живут рядом с родственными, исторически и культурно, народами (шорцами, алтайцами, тувинцами). Обмен опытом и взаимная поддержка в решении проблем этнического раз-

вития могут стать существенным ресурсом развития. Современные информационные технологии расширяют пространство культурного общения родственных народов Сибири, Центральной Азии и пр.

3. *Состояние и качество природной среды обитания.* Среди самых сложных, практически кровотокающих проблем последних лет можно назвать бесконтрольное и хищническое расширение природных богатств Хакасии (тайги, водных ресурсов, животного мира), строительство опасных предприятий и пр.

Наши исследования, основанные на анализе культурного наследия и результатах социологических опросов хакасского народа [Анжиганова, 1997. С. 200], выявили, что как для традиционных хакасов, так и опрошенных в середине 1990-х гг., ценность «родная земля» являлась наиважнейшей.

Между тем известно, для этноса утрата родной земли является фактором, как правило, ведущим к его гибели. Таким же негативным явлением становится снижение ценности Родины. По результатам наших исследований 2015–2016 гг., 90% респондентов среди таковых выбрали «семью», «здоровье», «материальное благополучие», и только на 4 месте – «мой народ», на шестом – «родная земля». Это принципиально расходится с выявленными нами ранее ценностями традиционного общества и даже середины 1990-х гг.

4. *Демографические процессы, в т.ч. доля в общем населении региона.* Хакасы как этнос, давший имя республике, составляют всего 12% в населении региона. Это значит, что их этнический потенциал существенно меньше, чем символический статус титульного народа. Поэтому достаточно часто в общественном обсуждении озвучивается идея необходимости восстановления традиции многодетности в семьях.

5. *Особенности самоуправления этноса* (вовлеченность во власть или отчуждение от нее; в т.ч. формирование собственно этнических форм самоуправления). Хакасы начиная с конца 1980-х гг. сформировали две формы самоуправления: съезд хакасского народа (исполнительный орган Чон чобі) и родовое движение (Совет старейшин хакасского народа). Последнее, на наш взгляд, является формированием фамильной солидарности, но не родовым в его строгом смысле слова. Это явление может считаться неотрадиционалистским феноменом,

т.к. в Совет старейшин хакасского народа сегодня входят женщины и молодые люди, что противоречит традиции.

6. *Структура экономики и экономическая активность этнофоров.* Мнение, что они должны заниматься только традиционными формами хозяйствования, можно считать устаревшим. Хакасы ныне заняты во всех отраслях экономики, что определяется традиционно высоким уровнем образования. Это явление было отмечено и в советский период.

7. *Качество социальных программ.* Многие вопросы, в том числе социального плана, в республике решаются программно-целевыми методами. В Комплексной программе социально-экономического развития РХ на 2010–2020 гг. названо, помимо прочих задач, содействие развитию «человеческого капитала», которое предусматривает повышение качества и доступности предоставляемых гражданам социальных услуг (образование, здравоохранение, культура). Вместе с тем нужно отметить, что в республике в течение ряда лет особое внимание уделяется т.н. «малым селам», в которых проживает и коренное население.

8. *Баланс социальных сил, в том числе в гендерном аспекте.* Известно, что в традиционном обществе гендерное распределение функций было строго определено и неукоснительно соблюдалось. Однако сегодня многие мужские роли утрачиваются (обеспечение безопасности и достатка семьи за счет, например, охоты и скотоводства и пр.). Женские же роли приросли в силу активной вовлеченности женщин во все сферы общества. Гендерный дисбаланс привел к уменьшению роли мужчин и утрате их авторитета на всех уровнях бытия этноса. Это стало существенным деструктивным для этноса фактором.

9. *Состояние этнической культуры, в первую очередь, языка.* В целом, можно отметить, что хакасская культура является бесспорным неотрадиционалистским феноменом: культура стала ресурсом развития этноса, в том числе и коммерческим. Вместе с тем незнание большинством хакасов, особенно молодежи, родного языка в определенной степени обесценивает это явление. Резкое сужение сфер применения родного языка как фундамента национальной культуры имеет тенденцию ее превращения лишь в декоративный компонент общекультурного пространства региона.

В последние годы стала активно возрождаться эпическая культура хакасов. Вместе с тем необходимо констатировать, что эти процессы сопровождаются рядом противоречий и проблем. Для их выявления нами (совместно с А.М. Тюльберовой) в 2019 г. был проведен полужформализованный опрос экспертов (исполнителей, писателей, музыкантов, актеров, ученых – всего 21 чел.). Анализ ответов показал, что в вопросах возрождения эпической культуры население и эксперты разделились на две неравные группы. Большинство считают, что эпическое наследие должно возрождаться учреждениями образования, культуры, театра, этнокультурного туризма и пр. Немногочисленные сторонники понимания эпической культуры как сакральной деятельности уверены в том, что хайджи может получить право исполнения эпических произведений только от сакральных предков, поскольку оно всегда носит священный характер. И в этом залог его глубинного воздействия на аудиторию и этнос в целом.

Отдельного анализа требует вопрос о полноте понимания эпического текста современными хакасами, особенно молодежью, т. к. язык сказаний необычайно богат архаизмами.

10. Состояние религиозного сознания, отношений и институтов. Поиск духовных оснований собственной идентичности привел неко-

торую часть национальной интеллигенции к принятию в качестве такового тенгрианства, около половины народа, согласно нашим социологическим исследованиям, христианства.

Включенное наблюдение автора показывает, что в течение последних почти тридцати лет ответственность за свой народ у хакасов как проявление субъектности характеризовалась различными интенциями. В конце 1980-х гг. – это политическая консолидация, которая привела к проведению 1-го съезда хакасского народа и образованию Республики Хакасия, в середине 1990-х – начале 2000-х гг. – развитие культуры, в последнее десятилетие – поиск религиозных оснований этничности, которые часть национальной интеллигенции находит, как мы уже отмечали, в тенгрианстве.

Еще большее сужение социальных функций хакасского языка, сложности при трудоустройстве молодежи и отсутствие перспектив развития, асоциальное поведение (алкоголизм, наркомания и пр.) вновь зафиксированы на съезде хакасского народа 2016 г. Реакция хакасского народа, в целом, на все эти проблемы может быть охарактеризована как пассивная, этническая солидарность невысокая, а значит, уровень духовности оставляет желать большего. Вместе с тем осторожный оптимизм внушает деятельность отдельных этнофоров, продолжающих самореализацию в сфере культуры.

Литература

Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции. – Абакан: Хак. респ. институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1997. – 128 с.

Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. – 149 с.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культур-

ных различий. Сб. статей / под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство. 2006. – 200 с.

Бутузов В. Ю. Этнический и религиозный фактор в структуре человеческого капитала (на примере некоторых северо-кавказских республик) // URL: http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=172&Itemid=0

Кузнецов В., Мукомель В. Формирование этнических ниш в российской экономике // <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ku18.html>

Э.С. Бадалов*Институт географии НАН Азербайджана (Азербайджан)*

ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

В статье рассматриваются географические особенности расселения тюркских народов, в том числе их этнические территории, страны и автономные образования. Исследованы этнодемографические процессы, в том числе динамика численности тюркских народов, а также изменения этнического состава населения стран и автономных образований тюркского мира, в которых в 1989–2019-х гг. произошло увеличение удельного веса коренных этносов. Крупные нации ТМ формируют консолидацию национальных меньшинств в своих странах, а также происходит межнациональная интеграция между тюркскими народами.

Ключевые слова: «тюркский мир», тюркские народы, этнос, страны, автономные образования.

E. S. Badalov*Institute of Geography of The National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)*

GEOGRAPHY OF TURKIC PEOPLES' SETTLEMENT

The article considers geographical features of Turkic peoples' settlement, including their ethnic territories, countries and autonomous entities. The author studied ethno-demographic processes, including the dynamics of Turkic peoples' number, as well as changes in the ethnic composition of the population of countries and autonomous entities of the Turkic World, where in the 1989–2019s an increase in the indigenous nations' share occurred. Large TW nations form the consolidation of national minorities in their countries, and interethnic integration between Turkic peoples is also taking place.

Keywords: Turkic World, Turkic peoples, ethnos, countries, autonomous entities.

Тюрки – один из самых древних и постоянных народов в мировой истории. Это крупная народная общность, история которой насчитывает свыше шести тысяч лет. Прошедшие долгий путь эволюции тюркские народы исторически селились на стратегически важных территориях Евразии с хорошими природными условиями. Территории расселения тюркских народов охватывают Азию и Европу. Это обширные территории, протянувшиеся от Юкагирского плоскогорья северо-востока до Балканского плоскогорья на западе, на севере берегов Северного Ледовитого океана, до горной системы Гиндукуш и Персидского залива на юге. Тюрки формировались в гармонии с природой, позитивно мысля и уважая ее законы. Географический ландшафт для тюрков – это не просто место проживания, ареал распространения, а равноправный партнер, с которым на протяжении многих веков выстраивались гармоничные отношения. Великий ученый исламского мира Газали говорил о древних тюрках и их веровании: «Будучи в контакте с природой, тюрки больше сосредоточены на гармонии и красоте. Они не создают идолов, а признают красоту природы как милость Бога» [Геюшов, 2003]. Если сравнить ареалы расселения этих народов с картой

природных условий жизни населения, то окажется, тюркские народы Центральной Азии и Сибири проживают на территориях с «неблагоприятными» природными условиями. Но для этих народов это именно та природа, к которой они приспособились в течение тысячелетий.

География расселения тюркских народов, являясь продуктом человеческого общества, исторической эволюции, прошедшим разные периоды и этапы развития, имеет большие перспективы в будущем. Неслучайно известный исследователь тюркского мира Н. А. Амрекулов дает такие эпитеты тюркам, как «гармонизаторы и универсал-объединители Евразии» и «потрясатели» прогнивших устоев [Амрекулов, 2006]. Исследователь С. Ш. Аязбекова пишет о том, что особенность тюркской цивилизации состояла в том, что тюрки, как никакой другой этнос, были великими стратегами-организаторами и идейными консолидаторами народов, соединяющих евразийское пространство в некое синергетическое целое [Аязбекова]. «Тюркским миром» (ТМ) мы называем народы и страны, сформированные на сопредельных территориях, имеющие общие генетические корни, близкие по образу жизни, обычаям, системе верований, мифологии, устной и письменной литературе, историческим, этническим

и нравственным особенностям. Процесс формирования языковых семей был тесно связан с расселением человечества по земному шару. Наиболее близкие языки встречаются обычно у соседних народов, но тюркские народы отличаются тем, что живут далеко друг от друга. Эти народы расселены на территории более 10 миллионов км² и имеют как свои независимые государства, так и проживают в национальных образованиях в составе других независимых государств. Общая численность проживающих в мире тюркских народов составляет более 230 миллионов человек и состоит из более 20 наций и народностей. Тюркские народы имеют семь независимых государств – Турция, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Турецкая Республика Северного Кипра, а также они создали свои административные образования в таких государствах, как Россия, Китай, Монголия, Молдова. В состав Российской Федерации входит 10 тюркских автономных структур – Республики Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Хакасия, Тыва, Саха (Якутия), Алтай, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а в Китайской Народной Республике – Синьцзян-Уйгурский автономный район.

География расселения тюрков делится на следующие регионы:

I. Передняя Азия: тюрки – Турция, Северный Кипр; азербайджанцы – Азербайджан, Иран, Грузия; туркмены – Ирак, Сирия; кумыки – Дагестанская Республика, карачаевцы – Карачаево-Черкесская Республика, балкарцы – Кабардино-Балкарская Республика, ногайцы – Север-Кавказ.

II. Центральная Азия или Туркестан: узбеки – Узбекистан, Таджикистан, Афганистан; казахи – Казахстан; уйгуры – КНР, Синьцзян-Уйгурский автономный район;

киргизы – Кыргызстан; туркмены – Туркменистан, Иран; каракалпаки – Узбекистан-Каракалпакская Автономная Республика; тюрки (месхетинцы) – Казахстан.

III. Россия, Сибирь: саха (якуты) – Республика Саха, тувинцы – Республика Тыва, хакасы – Республика Хакасия, алтайцы – Республика Алтай; шорцы.

IV. Восточная Европа и Россия-Урал-Поволжье: татары – Республика Татарстан, башкиры – Республика Башкортостан; чувашаи – Республика Чувашия; гагаузы – Молдова; караимы – Литва; крымские татары – РФ, Крым, турки – Македония и Косово, Румыния, Болгария, Греция.

Самые крупные народы по численности населения, свыше 1 млн. человек, в ТМ – турки, азербайджанцы, узбеки, казахи, уйгуры, туркмены, татары, киргизы, туркмены, башкиры, чувашаи и др. Также имеются кочевые тюркские народы Ирана, имеющие численность населения свыше 1 млн. человек. Это кашкайцы, афшары, каджары, шахсеваны, бекдиллийцы, которые относятся к азербайджанцам. Турки являются крупным народом в Евразии и более рассеяны по всему миру, из них в самой Турции проживало всего 82%, в европейских странах – 14% населения. Второй крупный народ в ТМ – азербайджанцы, из которых 70% проживают в Иране, в том числе 40% в Южном Азербайджане – провинции (останы) Западный и Восточный Азербайджан, Ардабил, Занджан, Казвин, Хамадан. Более 24,0% проживают в Республике Азербайджан, остальные были расселены в Турции (Игдыр, Карс, Арзурум, Истамбул), в России (по неофициальным данным, 2,5 млн человек в Москве и Московской области, в Дагестане в Дербентском районе), в Грузии – юго-восточных районах Марнеули, Дманисы, Болнисы, Гардабани и Сагараджо.

Таблица 1

Численность и расселение народов «тюркского мира» (млн человек)

Народы	Численность млн ч.		Основные страны расселения и численность народа
	1989	2019	
Турки	46,5	82,0	Турция – 67,0; Германия – 4,4; Франция – 0,9; Нидерланды – 0,8; Болгария – 0,7; Великобритания – 0,6; США – 0,5; С. Кипр – 0,3
Азербайджанцы	20,5	39,0	Иран (Юж. Азербайджан) – 27,5; Азербайджан – 9,4; Россия – 0,6; Турция – 0,5; Германия – 0,4; Грузия – 0,3; Казахстан – 0,1

Узбеки	18,0	37,0	Узбекистан – 28,5; Афганистан – 3,5; Таджикистан – 1,2; Кыргызстан – 0,9; Казахстан – 0,6; Туркменистан – 0,6; Россия – 0,3, Турция – 0,1
Казахи	9,0	16,0	Казахстан – 12,8; Китай (Синьцзян-Уйгур АР) – 1,5; Узбекистан – 0,8; Россия – 0,7; Туркменистан – 0,1; Монголия – 0,1
Уйгуры	6,7	13,5	Китай (Синьцзян-Уйгур АР) – 12,5; Казахстан – 0,3; Кыргызстан – 0,1
Туркмены	4,7	9,0	Туркменистан – 4,5; Иран – 2,5; Афганистан – 1,0; Узбекистан – 0,2; Россия – 0,1, Турция – 0,1
Татары	6,8	6,0	Россия – 5,5, в том числе Татарстан – 2,0; Башкортостан – 1,0; Урал – 0,7; Поволжье – 0,5; З. Сибирь – 0,4; Центральный – 0,3; Казахстан – 0,2; Узбекистан – 0,2; Украина – 0,1; Туркменистан – 0,05;
Киргизы	2,8	5,8	Кыргызстан – 4,7; Узбекистан – 0,3; Китай (Синьцзян-Уйгур АР) – 0,2; Таджикистан – 0,1; Россия – 0,1
Туркмены	2,0	5,0	Ирак – 3,0; Сирия – 1,5; Турция – 0,5
Башкиры	1,5	1,8	Россия – 1,7, в том числе Башкортостан – 1,2; Урал – 0,3; Зап. Сибирь – 0,1
Чуваши	1,8	1,5	Россия – 1,4, в том числе Чувашия – 0,9; Поволжье – 0,2; Татарстан – 0,1; Башкортостан – 0,1
Каракалпаки	0,4	1,0	Узбекистан – 0,9, в том числе АР Каракалпакстан – 0,8, Казахстан – 0,06; Туркменистан – 0,05;
Крымские татары	0,5	0,7	Россия – 0,4, в том числе Р. Крым – 0,3; Узбекистан – 0,2; Турция – 0,1
Кумыки	0,4	0,6	Россия – 0,6, в том числе Р. Дагестан – 0,5
Саха (Якуты)	0,6	0,5	Россия – 0,5, в том числе Р. Саха – 0,5
Турки Ахысха	0,3	0,5	Россия – 0,1, Казахстан – 0,1; Турция – 0,1; Азербайджан – 0,05
Карачаевцы	0,2	0,3	Россия – 0,3, в том числе Карачаево-Черкесская Р. – 0,3
Тувинцы	0,2	0,3	Россия – 0,3, в том числе Р. Тыва – 0,3
Гагаузы	0,2	0,25	Молдова – 0,2, в том числе АР. Гагаузия – 0,2; Украина – 0,03
Балкарцы	0,1	0,12	Россия – 0,12, в том числе Р. Кабардино-Балкария – 0,11
Ногайцы	0,1	0,1	Россия – 0,1, в том числе Р. Дагестан – 0,04; Старопол – 0,03; Р. Крым
Алтайцы	0,1	0,08	Россия – 0,08, в том числе Р. Алтай – 0,3
Хакасы	0,1	0,07	Россия – 0,07, в том числе Р. Хакасия – 0,3

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. 1989, Демографические Стат. материалы стран.

Узбеки – третий в ТМ и самый крупный народ в Центральной Азии, из них 77% проживают в Узбекистане, до 10% – Афганистане. Они также расселены в Таджикистане в Ферганской долине в районах Исфар, Ходжент, Панджкет, Курган-Тюбе, в Кыргызстане – районах Ош и Джалилабад, в Казахстане – области Туркистан и в Туркменистане – области Ташогуз. Казахи – второй крупный народ в Центральной Азии. В отличие от других народов казахи расселены в огромном пространстве. Из них 80% проживают в Казахстане, более 9% – КНР, Или-Казахском Национальном Округе (Синьцзян-Уйгурский АР), а также расселены в Узбекистане, Республике Каракалпакстан, в областях Сырдарья, Бухара, в России – областях Астрахань, Оренбург

и Омске, в Монголустане – районе (аумак) Баян-Улги. Восточные народы ТМ – уйгуры – в основном проживают в КНР Синьцзян-Уйгурский АР (90%) и в Казахстане в области Алматы, киргизы расселены в Кыргызстане (81%), а также в Узбекистане в области Андижан, в КНР, Кызылсу-Киргизском Национальном Округе (Синьцзян-Уйгурский АР). В Центральной Азии самый южный народ – туркмены, из них 50% проживают в Туркменистане, 28% – в Иране в области (остан) Гулистан, 11% – в Афганистане и др. странах. Татары – самый крупный народ среди тюркских в Восточной Европе, расселены в огромном пространстве России (92%), в самом Татарстане проживают только 33%, в Башкортостане – 16%. Среди других стран отличаются Казах-

стан, Узбекистан, а также страны СНГ и Европы. Среди крупных народов ТМ только туркмены не имеют автономной государственности, но они компактно расселены в Ираке (Керкук, Мосул, Телефар, Арбил) и Сирии (Латакистан, Тартус, Идлиб).

Средние народы ТМ, имеющие численность свыше 1 млн человек – башкорды, чувашаи и каракалпаки, которые компактно расселены в своих автономных республиках. Имеющие численность свыше 500 тыс. человек народы – крымские татары, кумыки, саха и турки (ахысха). Из них саха имеют свою автономную республику, кумыки в основном проживают в Дагестане, крымские татары и турки (ахысха) в 1940-е гг. были депортированы из своих родных мест в Центральную Азию, и часть этих народов осталась жить в этих республиках. Малочисленные народы ТМ – карачаевцы, тувинцы, гагаузы, балкарцы, ногайцы, алтайцы и хакасы – компактно расселены в своих автономных республиках, только ногайцы не имеют автономии.

По данным исследования этнодемографических процессов, в том числе динамики численности тюркских народов в период 1989–

2019 гг., их численность увеличилась от 125 млн до 230 млн человек. Быстрый рост численности населения ТМ в основном был связан с естественным приростом. В этот период большой рост численности населения произошёл у крупных народов (в 2 раза), только у татар – уменьшение. Эти народы (свыше 5 млн ч.) составляют до 93% всего населения ТМ. У средних и малых народов ТМ в этот период рост населения шёл более медленным путем, кроме каракалпаков (более в 2 раза). За этот период изменился этнический состав населения, увеличился удельный вес коренных тюркских народов тюркских стран и автономных образований. В странах наибольший рост удельного веса произошёл у казахов – от 39,8 до 68,5%, у киргизов – от 52,4 до 74,0%, узбеков – от 71,4 до 84,0%. В автономных образованиях наибольший рост удельного веса у тувинцев – от 64,1 до 84,0%, у саха – от 33,4 до 50,0%, карачаев – от 31,2 до 43,0%. Наименьший удельный вес имеют в своих автономных образованиях хакасы, балкары, башкиры, а также крымские татары и кумыки [Населения СССР, 1989 и табл. 2].

Таблица 2

Страны и автономные образования «тюркского мира», их численность и национальный состав

Страны	Численность, млн ч.		Коренные национальности	Доля, %	Другие национальности	Доля, %
	1989	2019				
Турция	51,4	83,0	турки	80,0	курды	17,0
Узбекистан	19,8	33,9	узбеки	84,0	таджики	5,0
Казахстан	16,5	18,6	казахи	68,5	русские	18,9
Азербайджан	7,0	10,0	азербайджанцы	94,0	лезгины	1,9
Кыргызстан	4,3	6,4	киргизы	74,0	узбеки	16,0
Туркменистан	3,5	5,7	туркмены	80,0	узбеки	11,0
Северный Кипр	0,2	0,3	турки	99,0	–	
Автономные образования						
АР. Синьцзян-Уйгурский	15,2	25,0	уйгуры	49,0	китайцы	40,5
Р. Татарстан (Россия)	3,6	3,8	татары	53,5	русские	39,5
Р. Башкортостан	3,9	4,1	башкиры	29,0	русские	35,0
Р. Чувашия	1,3	1,2	чувашаи	69,0	русские	25,5
Р. Кабардино-Балкария	0,8	0,9	балкарцы	13,5	кабардинцы	58,0
Р. Карачаево-Черкесская	0,4	0,5	карачаевцы	43,0	русские	30,0
Р. Саха	1,1	1,0	саха	50,0	русские	36,0

Р. Тыва	0,3	0,3	тувинцы	84,0	русские	13,0
Р. Хакасия	0,6	0,5	хакасы	12,2	русские	82,0
Р. Алтай	0,2	0,2	алтайцы	35,0	русские	55,0
Р. Каракалпакстан (Узб.)	1,2	1,9	каракалпаки	34,0	узбеки	34,0
А.Р. Гагаузия (Молдова)	0,15	0,13	гагаузы	84,0	молдаване	7,0
Р. Дагестан (Россия)	1,8	3,1	кумыки	15,5	авары	30,0
Р. Крым	2,1	2,0	крымские татары	13,0	русские	65,0

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. М., 1989, ЦСУ; Демографические Стат. материалы стран.

Анализы показывают, что динамика численности населения тюркских стран и автономных образований в период 1989–2019 гг. шла неравномерно: для стран характерен более быстрый рост, автономных образований – более медленный.

Современное устойчивое социально-экономическое развитие тюркских республик благоприятствует устойчивому росту численности населения, естественному приросту и снижению миграционной активности. В современной демографической ситуации благоприятная тенденция процессов рождаемости и смертности является гарантом положительного формирования возрастной и половой структуры, а также брачного и семейного состава населения этих стран.

Между тюркскими народами происходит процесс сближения культурных ценностей и

способов передачи культурного опыта. Тюрки смогли создать четко отработанную систему мировоззрения, отличную от идеологических систем соседних стран. Консолидация тюркоязычных народов, произошедшая в прошлом веке, привела к сложению более широкой монолитной этнической общности ТМ. Крупные нации ТМ формируют консолидацию национальных меньшинств в своих странах, также происходит межнациональная интеграция между тюркскими народами.

На современном этапе развития человечества тюркские страны стали активными участниками международной арены в сфере политики и экономики. В международной системе отношений они играют важную роль для эффективного решения стратегических задач.

Литература

- Амрекулов Н.А.** «Тюркское возрождение». – Алматы, 2006. – 536 с.
URL: <https://ru. Демографический ежегодник / Россия>
- Аязбекова С.Ш.** «Тюркская цивилизация» в системе цивилизационных классификаторов. IA EVRASIA. ru.
URL: <https://ru. / Демографический ежегодник / Турции>
- География и этнос тюркского мира. Физическая география. I том. – Баку, 2019. – 450 с.
URL: <https://ru. Демографический ежегодник / Узбекистан>
- Геюшов Н.** В свете Корана и Просвещения. – Баку: Экономический ун-т, 2003. – 288 с. (на азерб. яз.).
URL: <https://ru. / Демографический ежегодник / Казахстан>
- Демографические показатели Азербайджана. – Баку: ГСК. 2019. – 496 с.
URL: <https://ru. / Демографический ежегодник / Киргизия>
- Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. – М., 1989. ЦСУ.
URL: <https://ru. Демографический ежегодник / Туркмения>
- Козлов В.И.** Национальности СССР. – Москва: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.
URL: <https://ru. Демографический ежегодник / КНР>
- Населения мира. Демографический справочник. – Москва: Мысль, 1989. – 477 с.
URL: <https://ru. Демографический ежегодник / Иран>
- Эфендиев В.А., Нагиев С.Г.** География населения. – Баку. 2005. – 375 с.
URL: <https://www, internetxeber. con/iste-turkiyenin etnik yapisi>
- Ülki Bilgin, Azınlık hakları ve Türkiye. İstanbul, 2007. s.85 (на турецком языке).

Е. Н. Беневаленская

*Алтайский государственный педагогический
университет (Россия)*

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПАМЯТИ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ (1920–1930-е гг.)

В статье на основе анализа неопубликованных архивных материалов рассматривается деятельность сибирских отделений Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев как каналов трансляции сконструированных образов и представлений о событиях, связанных с революционной эпохой, ссылкой и каторгой. Реконструируются региональные процессы создания символического пространства коллективной памяти локальных социумов в результате краеведческой работы организаций в период первых советских десятилетий.

Ключевые слова: краеведение, историческая память, идеология, «мифология революции», Сибирь.

E. N. Benevalenskaya

Altai state pedagogical University (Russia)

LOCAL HISTORY SOCIETIES OF SIBERIA AND THE FORMATION OF MEMORY OF REVOLUTIONARY EVENTS (1920–1930)

Based on the analysis of unpublished archival materials the article examines the activities of the Siberian branches of the All-Union Society of Political Settlers and Exiled Settlers as channels for broadcasting engineered images and ideas about events related to the revolutionary era, reference and hard labor. The regional processes of creating a symbolic space of collective memory of local sociums as a result of the local history work of organizations during the first Soviet decades are being reconstructed.

Keywords: local history, historical memory, ideology, «mythology of the revolution», Siberia.

В современной историографии заметно возросло внимание к изучению проблем исторического сознания советского периода. По справедливому замечанию О.Б. Леонтьевой, эта тенденция связана с большей, чем об отдаленном прошлом, доступностью для исследователей разнородных источников по XX столетию и общественной значимостью осмысления событий периода [Леонтьева, 2017. С. 129]. В работах о краеведческих обществах традиционно используется институциональный подход. Авторы в региональном контексте реконструируют направления и формы деятельности организаций по изучению и пропаганде знаний о местной истории [Тишкина, 2004; Флейман, 2007].

Опубликованная в настоящее время научная литература ориентирует рассматривать краеведческие общества как каналы трансляции сконструированных образов и представлений о событиях и персоналиях прошлого [Репина, 2017; Маловичко, 2018]. Это позволяет сместить акценты с характеристики специфики содержания и тематики исследований по местной истории на анализ региональных процессов создания символического пространства коллек-

тивной памяти в результате краеведческой работы.

Для становления историко-партийной науки в 1920-е гг. требовалось создание источниковой базы исследований по революционному движению и истории большевистской партии. Написание и публикация мемуаров участников событий 1905–1917 гг. осуществлялись в ходе работы новых общественных организаций, в частности, отделений Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в нашей стране.

Новосибирский историк С.А. Папков подробно реконструировал структуру и охарактеризовал состав участников действовавших в Сибири с 1924 по 1935 г. отделений Общества. По мнению исследователя, особенность этих организаций заключалась в том, что «они объединяли ветеранов революционного движения самого различного толка: социалистов-революционеров, народников, анархистов, социал-демократов большевистского и меньшевистского крыла и других представителей социалистического направления» [Папков, 2009. С. 94].

К концу 1920-х гг. сложились два основных центра деятельности Общества бывших полит-

каторжан и ссыльнопоселенцев в Сибири. Отделение в Омске объединяло группы политкаторжан в городах Новосибирске, Томске, Барнауле и Красноярске. Влияние иркутского отделения распространялось на группы Верхне-Удинска, Читы, Якутска, Бодайбо, Киренска и Бурят-Монголии. С 1930 г. деятельность Западно-сибирского объединения отделений Общества координировалась из Новосибирска [Там же. С. 96–97].

С момента своего появления Общество находилось под строгим контролем государственно-партийных органов, что определило основные направления и формы работы как центральных, так и сибирских отделений в 1920–1930-е гг. Культурно-просветительная и пропагандистская деятельность организаций в основном осуществлялась в связи с различными революционными датами в форме чтения публичных докладов и организации выступлений с воспоминаниями перед различными категориями населения, создания музеев. Одним из направлений работы отделений Общества являлось выявление и публикация документов и меморатов по истории революционного движения и карательной политике самодержавия на страницах журнала «Каторга и ссылка» или в отдельных изданиях [РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 3. Д. 239. Л. 1–6, 17].

Современными исследователями показано, что правящей элитой с применением различных социально-коммуникативных технологий формировалась «мифология революции» [Трофимов, Клинова, 2017. С. 130–138]. Однако в 1920-е – начале 1930-х гг. сохранялась возможность альтернативных интерпретаций недавно произошедших в стране событий. Согласно стенограмме заседания сибирской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 17 мая 1931 г. с воспоминаниями выступали российские революционеры: большевик Г. А. Мучник (1888–1939) и меньшевик, председатель Совета депутатов от рабочих Красноярска в 1905 г. А. А. Мельников (1880–1943) [ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 505. Л. 14–60].

Выступавший считал, что стачка рабочих железнодорожных мастерских и депо в Красноярске в конце декабря 1905 г. не была организована социал-демократами. В докладе Мучника говорилось: «... мысли о том, что мы готовимся к вооруженному восстанию, у меня не было. Комитет (Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) – *Е.Б.*)

тоже не собирался... вопрос поднимался только о немедленном свертывании тех филиалов Комитета, которые работали легально...» [Там же. Л. 15]. Его оценка декабрьских забастовок железнодорожников в Красноярске не совпала с официальной трактовкой: «Таким образом, нужно сказать, это было ни в коем случае не вооруженное восстание. Это была оборона революции, выявление остатков энтузиазма масс, не возглавленные руководством» [Там же. Л. 21].

Ветераны революционного движения Г. А. Мучник и А. А. Мельников показывали роль в красноярских событиях 1905 г. представителей социалистов-революционеров, социал-демократов большевистского и меньшевистского крыла [Там же. Л. 59–60]. Что было характерно и для советской историографии, в которой на начальном этапе допускалось освещение революционных сил различной идейно-политической ориентации [Исачкин, 2019. С. 40].

В дальнейшем в 1930-е гг. утверждается официальная версия революционного нарратива, воспевающая представителей победившей партии большевиков и руководителей партийно-государственного аппарата, позднее изложенная в сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)» [Ганелин, 2012. С. 9–10]. Эту тенденцию наглядно демонстрируют материалы стенограммы заседания сибирской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 20 февраля 1933 г. На секции по изучению революционного движения в Сибири был заслушан доклад о студенческом движении накануне Первой русской революции М. Н. Минского, являвшегося в те годы студентом Томского технологического института. По его словам, он основывал выступление в первую очередь на данных архивных документов (прокламаций, выпущенных томским комитетом РСДРП с 1902 по 1905 г.) и материалах статей, опубликованных в журнале «Каторга и ссылка» [ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 480. Л. 1].

Работу Минского прокомментировал большевик В. Д. Виленский-Сибиряков (1888–1942), один из руководителей революции в Сибири. По его мнению, в содержании доклада подчеркивалась стихийность происходивших событий, а автор должен был показать деятельность местных лидеров РСДРП по руководству вузовской молодежью. Виленский-Сибиряков отмечал, что демонстрация 20 февраля 1903 г.

прошла «под лозунгом социал-демократического комитета, причем в этой демонстрации принимали участие организованные рабочие...» [Там же. Л. 15–17]. В современных работах протестные действия студентов в Томске в основном связывают не с политическими причинами, а с желанием решить академические вопросы и несогласием с учебными правилами [Ищенко, 2006. С. 259].

2 января 1935 г. на заседании партийной группы президиума центрального совета Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в связи с последовавшими после убийства С.М. Кирова репрессиями в стране повесткой была тема «О мероприятиях по усилению политической бдительности». Руководители Общества считали первостепенными задачами усиление контроля над содержанием докладов, проведение предварительного отбора и проверки текстов выступлений, публикацию мемуаров по истории революционного движения, которые должны были пока-

зывать «ведущую роль партии со всей настойчивостью». При этом выступавшие понимали: «Никто из стариков (ветеранов революции из большевиков – Е.Б.) не отказывается от своего прошлого, наоборот, они это считают лучшей частью своей жизни. И нельзя от них этого требовать». Руководители Общества видели выход в издании воспоминаний, сопровождающихся примечаниями и комментариями [ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1–4 об.].

Таким образом, сибирские отделения Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1920–1930-е гг. выполняли функции сохранения и трансляции памяти о событиях, связанных с революционной эпохой, ссылкой и каторгой. К середине 1930-х гг. возрастает подчинение деятельности членов организации требованиям государственной идеологии, в которой альтернативные официальной версии интерпретации прошлого рассматриваются как политическая оппозиционность существующему режиму.

Литература

Ганелин Р.Ш. Российский революционный процесс и его историографические судьбы // «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сб. докл. межвуз. науч. конф. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. – С. 5–21.

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 480.

ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 505.

ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198.

Исачкин С.П. Отражение политической культуры социал-демократов Сибири 1901–1907 гг. в ранней советской литературе // Мanusкрипт. 2019. – Том 12. – Вып. 5. – С. 37–41.

Ищенко О.В. Студенческое движение в Томском технологическом институте в первые годы его существования (1901–1903) // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309. – № 4. – С. 255–262.

Леонтьева О.Б. Историческая память и коллективная идентичность российского / советского общества: современные подходы к изучению // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. – С. 123–144.

Маловичко С.И. Историческая наука и общественная мысль: социальные функции и формы конструирования прошлого // Интеллектуальная история России: курс лекций / С.И. Маловичко, А.А. Мухутдинов, С.И. Реснянский. – М.: БОС, 2018. – С. 167–179.

Папков С.А. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Сибири (1924–1935 гг.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / Отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – С. 94–107.

Репина Л.П. Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. – С. 9–17.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 124. Оп. 3. Д. 239.

Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 312 с.

Трофимов А.В., Клинова М.А. Эволюция образа Октябрьской революции на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований:

сб. науч. тр. / гл. редактор Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 130–138.

Флейман Е.А. Краеведческая литература: опыт изучения регионов. – Кострома: КГТУ, 2007. – 70 с.

А. А. Бродников

Новосибирский государственный университет (Россия)

УКРЕПЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА В 1667 г.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42058.

Ставший после основания Красноярска «тыловым» Енисейский острог долгое время не подвергался угрозе со стороны кочевников. Но в 1667 г., когда у стен Красноярска появилось войско джунгарского правителя Сенге-тайши, енисейскому воеводе К. Яковлеву пришлось срочно принимать меры для создания системы оборонительных укреплений. Усилия енисейской администрации были направлены на строительство нескольких рубежей обороны на основном пути из Красноярска в Енисейск – вдоль берега Енисея – и на втором по значению пути – по р. Кемь. Цепь укреплений, учитывавшая рельеф местности и многочисленные болота, была сооружена за короткий промежуток времени.

Ключевые слова: Енисейский уезд, кочевники, сооружение оборонительных укреплений, острожки.

A. A. Brodnikov

Novosibirsk State University (Russia)

STRENGTHENING OF THE SOUTHERN BORDERS OF THE YENISEISK UYEZD IN 1667*

* The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research project № 20-09-42058.

After the founding of Krasnoyarsk, the Yeniseisk's ostrog was not threatened by nomads for a long time. But in 1667, when the army of the Dzungarian ruler Senge-Taishi appeared at the walls of Krasnoyarsk, the Yeniseisk's vovoda K. Yakovlev had to take urgent measures to create a system of defensive fortifications. The efforts of the Yeniseisk's administration were aimed at building several lines of defense on the main route from Krasnoyarsk to Yeniseysk – along the Bank of the Yenisei and on the second most important route – along the Kem river. The chain of fortifications, taking into account the terrain and numerous swamps, was built in a short period of time.

Keyword: The Yeniseisk district, the nomads, the construction of fortifications, little ostrogs.

Образованный в 1619 г. Енисейский острог сразу получил в подчинение довольно обширную территорию по левому берегу Енисея от границы с Мангазейским уездом на севере и до Тюлькиной волости на юге, вскоре отошедшей к вновь образованному Красноярскому уезду. Основание острога на Красном Яру превратило Енисейский острог в тыловой и почти избавило от проблем, связанных с набегами кочевников, которые испытывали в течение всего XVII столетия Красноярск. Но только «почти», поскольку в определенные периоды енисейскому гарнизону все же приходилось готовиться к возможным нападениям со стороны коренного населения Сибири, восстанавливая оборонительные укрепления [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 95], и даже пресекать его набеги на подступы к

самому Енисейскому острогу [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 646–648]. Но самая серьезная и напряженная подготовка к возможному нападению кочевников на Енисейский уезд и сам Енисейский острог осуществлялась енисейской администрацией в 1667 г., когда на южных рубежах Красноярского уезда появилось многочисленное войско джунгарского правителя Сенге-тайши [ДАИ, 1853. С. 164–170].

Проблема взаимоотношений кочевников Южной Сибири и Центральной Азии и администрации русских уездных центров в научной литературе изучена довольно основательно [Абдыкалыков, 1968; Александров, 1964. С. 42–58; Бахрушин, 1955. С. 176–224; Барахович, 2019б; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995; Чертыков, 2007; Шастина, 1949. С. 383–395 и др.], в том числе в исследованиях упоми-

наются события, связанные с угрозой Красноярску со стороны Сенге-тайши [Александров, 1964. С. 54–55; Бахрушин, 1955. С. 209–210; Бахрушин, 1959. С. 12; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995. С. 133–134; Бутанаев, Худяков, 2000. С. 172; Бутанаев, 2006. С. 9; Долгих, 1960. С. 230; Златкин, 1983. С. 142–144; Чертыков, 2007. С. 156–192; Шастина, 1949. С. 393 и др.]. Что касается рассмотрения оборонительных мероприятий, проводившихся енисейской администрацией в связи с ожидавшимся нападением джунгар, то целенаправленно эта проблема не исследовалась. Тем не менее упоминания об этих событиях в работах историков встречаются [Александров, 1964. С. 53–54; Бахрушин, 1955. С. 209; Чертыков, 2007. С. 158]. А в монографии П.Н. Бараховича о Енисейске даже публикуется «Книга острожного строения» за 1666/1667 г., где приводятся сведения об укреплениях, построенных вокруг енисейского посада на правом берегу р. Мельничной [Барахович, 2019а. С. 65–67] и в населенных пунктах Енисейского острога [Барахович, 2019а. С. 68–73].

Первые тревожные вести в Енисейский острог стали поступать еще в 1665 г.: 28 июня красноярский воевода Герасим Петрович Никитин «наскоро» отправил к своему енисейскому коллеге Василию Елизарьевичу Голохвостову с «изменными иноземскими воинскими вестями» красноярского сына боярского Михаила Ульянова и служилого человека Ларку Афонасьева [ДАИ, 1853. С. 39–40]. Встревожило красноярского воеводу сообщение, полученное им 15 июня от подгородних аринцев Курчека Канбирева с братьями «с Мурзою да с Микиткою», которое они сделали в съезжей избе. Пришедшие аринцы рассказали Г. Никитину, что «хотят красноярские подгородные качинские и аринские татарова великим государем изменить»: замыслили объединиться с калмыками, киргизами и тубинцами и собираются «вырубить Красноярской и Енисейской уезды и над острогами промышлять».

Получив тревожную информацию, красноярский воевода начал активно собирать соответствующие сведения и вскоре установил, что «шатость» действительно возникла, и причиной ее являются действия калмыцких (джунгарских) тайшей, которые проводят среди местного населения активную агитацию: «присылают к киргизам и ко всем иноземцам послов тайно и с ними совещаютца». Как результат такого

«брожения», подгородные качинцы и аринцы, несмотря на оставленных в Красноярске аманатов, ушли на север, в сторону Енисейского уезда к кетским и кемским вершинам, «где преж сего не кочевали». При этом они продолжают активно общаться с киргизами и калмыками, ожидая «нынешним летом больших людей», чтобы над Красноярским и Енисейским острогами «промышлять». Запросив у енисейского воеводы помощь служилыми людьми, оружием и боеприпасами, Г. Никитин обещал информировать его о складывающейся ситуации оперативно – «почасту».

Для воеводы В. Голохвостова известие от красноярского коллеги было не просто тревожным сообщением. Дело в том, что в апреле 1660 г., в результате большого наводнения у Енисейского острога снесло льдом большую часть располагавшейся вдоль Енисея северной стены (170 сажень) вместе с угловой башней [ДАИ, 1851. С. 195–196]. У нас нет сведений о восстановлении этой стены. Возможно, что за прошедшие пять лет она была как-то восстановлена. Но учитывая предыдущий опыт, когда енисейские воеводы могли годами запрашивать московские власти о том, на какие средства и какими силами им осуществлять ремонт ветхих и разрушенных острожных укреплений (в Москве, по всей видимости, считали, что нет необходимости тратить средства на восстановление стен уездного центра, давно уже ставшим «тыловым») [Бродников, 2019. С. 51–82], то стены вдоль берега Енисея к лету 1665 г. все еще могло и не быть.

Еще одной острой проблемой для енисейского воеводы был недостаток в остроге артиллерии и боеприпасов: два года спустя преемник В. Голохвостова, стольник Кирилл Аристархович Яковлев, сообщал в Москву, что в Енисейске «пушек ... затинных пищалей и мелкого ружья ... в казне нет», а запасы пороха и свинца имеются в недостаточном количестве [ДАИ, 1853. С. 165, 167].

Не имея реальной возможности помочь Красноярску, В. Голохвостов должен был как-то озаботиться безопасностью Енисейского уезда и укрепить его южные границы. Тем более, что воевода Никитин продолжал слать в Енисейск тревожные сообщения [ДАИ, 1853. С. 41]. В конце июля 1666 г. из Красноярска пришло очередное сообщение Г. Никитина: князец Ереняк Ишеев с отрядом в 300 человек переправился на правый берег Енисея и

имеет намерение «воевать» ясачных людей, угрожая, в том числе, Братским острожкам Енисейского уезда [ДАИ, 1853. С. 40]. Однако последующее развитие событий показало, что дальше Канского и Удинского острогов князец Ереняк со своим отрядом не пошел [ДАИ, 1853. С. 41–44; Александров, 1964. С. 52–53; Бахрушин, 1955. С. 209]. Тем не менее для енисейской администрации это было тревожным звоночком и заставило нового воеводу К. Яковлева, прибывшего в Енисейский острог к началу сентября 1666 г. [Барсуков, 1902. С. 73], позаботиться и об обороне рубежей Енисейского уезда и на правом берегу Енисея.

Стольник Яковлев оказался энергичнее своего предшественника. Хотя возможно, что это было связано с уже реально нависшей над Енисейском опасностью: в начале марта 1667 г. джунгарский правитель Сенге-тайша находился с огромным войском всего в восьми днях пути от Красноярска [ДАИ, 1853. С. 164]. Более того, по сообщению нового красноярского воеводы Алексея Ивановича Сумарокова [Барсуков, 1902. С. 116], Сенге-тайша отправил в Енисейск своих послов с письмом, а с ними бухарских торговцев. Воевода Яковлев посчитал, что таким образом джунгарский правитель пытается провести разведку – «знатно, что они посланы от Сенге-тайши не для посольства и торгу, высматривать острогов и уездов» – и попросил Сумарокова в Енисейск их не пропускать. Сам же приложил усилия, чтобы отправить в Красноярск хоть какую-то помощь. Правда выделить енисейский воевода смог только 20 человек служилых людей, но полностью вооруженных, «со всею службою и с полными запасами», и кузнеца, умевшего изготавливать орудия, «для дела затинных пищалей» [ДАИ, 1853. С. 164, 166].

Получив 11 апреля сообщение, что Сенге-тайша находится уже в четырех днях пути от Красноярска, К. Яковлев приступил к срочной организации обороны Енисейского острога, рассылая по уезду «всяких чинов» людей для строительства разного рода укреплений. Как писал он позднее в Москву, «велел... в лесных местах по дорогам и по переправам засечь засеки, и надолбы поделать и учинить острожки крепкие» [ДАИ, 1853. С. 165, 167]. В результате активных действий воеводы в короткий срок, уже к концу мая, на территории Енисейского уезда появляется ряд укрепленных пунктов. Причем не только по левому берегу Енисея, но и

на Ангаре и ее притоках – К. Яковлев принял к сведению прошлогодний поход князца Ереняка под Канский острог.

В итоге в Енисейском уезде появились вновь или были восстановлены восемь острогов «с бойницы и со всякими крепостми». Каждый острог имел покрытую тесом башню. Всего, по сообщению воеводы Яковлева, в Енисейском уезде было построено всевозможных укреплений протяженностью более 11,5 км: «сделано надолб и засек засечено пять тысяч триста семдесят сем сажен». Вся информация о выполненных строительных работах была занесена в специальные книги и отправлена 20 августа в Москву с енисейскими служилыми людьми атаманом Иваном Колесниковым и десятником Иваном Путиловым [ДАИ, 1853. С. 169]. Новые укрепления были построены как никогда вовремя, так как в мае 1667 г. джунгарское войско совершило опустошительный набег на Красноярский уезд и теперь находилось в непосредственной близости от границ Енисейского уезда. А Красноярский острог, после понесенного гарнизоном большого урона в ночном бою 20 мая, оказался в шестинедельной осаде [Барахович, 2019б].

Оборонительные укрепления в мае 1667 г. были построены на основных путях к Енисейскому острогу от самой границы с Красноярским уездом. Первый путь, пролежавший вдоль берега Енисея, имел несколько линий оборонительных укреплений, позволявших серьезным образом сдерживать продвижение конного войска. Наиболее основательным и самым ближним к южной границе Енисейского уезда укреплением стал новый острожек, построенный на Казачьем Лугу (ныне с. Казачинское [Латкин, 1892. С. 412]): он имел две башни высотой 6 м (глухая) и 6,5 м (проезжая) и около 400 м стен из круглого бревна высотой более 4 м. Вокруг острога были установлены надолбы, а перед ними еще одна линия оборонительных сооружений – «чеснок» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 224–227]. Примерно в 3 км от этого острожка, ниже по течению Енисея, у р. Зырянки «в деревне Тихонка Зыряна» (ныне д. Зырянка) была сооружена еще одна линия оборонительных укреплений. Она перекрывала проход между болотами и представляла собой башню с воротами и бойницами, окруженную небольшими, по 10 м, участками острожной стены, продолжением которой в обе стороны являлись надолбы по

40 м, усиленные «чесноком» и продолженные в обе стороны двадцатиметровыми засеками [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 232–232 об.]. Можно говорить о том, что на этом участке пути из Красноярска в Енисейск была сооружена двойная линия укреплений.

Следующая линия оборонительных укреплений обустраивалась ниже места слияния Ангары и Енисея. Начиналась она в деревне Усть-Тунгуска: двойные надолбы длиной 260 м продолжались по обеим сторонам засеками общей длиной более километра и полностью перекрывали проход от берега Енисея до озера (оз. Спасское), за которым лежали болота [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 227–227 об.].

Примерно в 25–30 км ниже по течению Енисея, напротив Родюковской деревни (ныне д. Рудиковка), была образована полоса укреплений глубиной до 20 м. От берега Енисея она начиналась острожной стеной длиной до 50 м, имевшей выводы с бойницами, стену продолжали двойные надолбы, которые через 230 м переходили в засеку. Общая длина укреплений составляла около километра и перекрывала проход между берегом Енисея и болотами [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 228]. Еще одна полоса оборонительных укреплений была возведена через 10–12 км, «по Моклоковской речке» (ныне р. Маклаковка, пересекающая по середине г. Лесосибирск). В местах возможной переправы через речку, «промеж болот», были установлены двойные надолбы протяженностью более 100 м с воротами. Ворота были окружены щитами с бойницами. За рядом надолб устанавливалась засека протяженностью до 200 м до самого болота. За речкой, также между болот на переправах была сооружена еще одна полоса засеки длиной около полукилометра и глубиной до 10 м [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 228–228 об.].

Далее, еще через 30 км, уже в 12–13 км от самого Енисейска, располагался последний рубеж обороны Енисейского острога, который замыкал систему укрепленных пунктов по основной дороге из Красноярска. Здесь, выше Верхней деревни (ныне с. Верхнепашино), был построен небольшой острожек из «колотых» бревен периметром около 50 м с воротами, который находился в центре острожной стены продолжительностью около 150 м и перекрывал проход от Енисея до болота. Перед острожной стеной и по всем возможным переправам через

болота устанавливались двойные надолбы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 229–229 об.].

Опасность для Енисейского острога представлял второй возможный путь, который лежал по р. Кемь. Началом оборонительных укреплений с этой стороны стал Бельский острог (ныне с. Бельское), поставленный на р. Белой, примерно в 15 км от ее впадения в Кемь. Острог имел периметр стен более 170 м и проезжую башню с большим количеством бойниц. Вокруг острога как средство борьбы с конницей и дополнительный рубеж были установлены надолбы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 233].

Ниже по течению р. Кемь, примерно в 50–60 км от устья р. Белой, в Черкасской деревне (до настоящего времени не сохранилась) у р. Тыи, была поставлена проезжая башня высотой около 5,5 м. В обе стороны от башни отходили острожные стены общей протяженностью более 20 м, которые продолжались надолбами (более 150 м), переходившими в засеку (более 2 км). Полоса укреплений здесь имела глубину более 10 м [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 231 об.–232].

В 13–15 км ниже Черкасской деревни, «на Большой Ялани» (ныне с. Ялань), был установлен острог с периметром стен около 240 м с глухой башней высотой в 6,5 м. Острожные стены окружали надолбы, глубина которых превышала 2 м [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 230 об.–231 об.]. Еще через 11–12 км на Черной речке, в двух местах «по переезде» между болотами (рядом с нынешним с. Плотбище), были установлены двойные надолбы, а «на перелазгах», местах перехода через болото – засеки общей протяженностью около 200 м [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 230 об.]. Последним укреплением, защищавшим Енисейский острог от возможного нападения со стороны р. Кемь, была линия двойных надолб и засеки в 200 м, установленных ниже острога от берега Енисея до болота, за «Нижней деревней» (вероятно, это место между городом и районом «Вологдинка») [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 230].

Кроме перечисленных укреплений, перекрывавших пути к Енисейскому острогу, были построены оборонительные укрепления в некоторых отдаленных местах Енисейского уезда (острожек на р. Усолке (где-то у с. Троицкое) и новый острог с башней в с. Маковском), отправлены люди для строительства острожков с

башнями на Ангару в Рыбную волость, где ранее был Рыбенский острожек, и к границе с Туруханским уездом в Ворогову слободу (ныне с. Ворогово) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 227, 233 об.–235].

Таким образом, енисейский воевода К.А. Яковлев за короткий срок организовал строительство оборонительных укреплений, которые в совокупности с ландшафтом местности позволяли небольшими силами сдерживать многочисленного противника.

Литература

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в 17 веке. – Фрунзе, 1968. – 140 с.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). – М.: Наука, 1964. – 304 с.

Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. – Красноярск: Литера-принт, 2019а. – 304 с.

Барахович П.Н. Службы «на крови». Служилые люди красноярского острога и борьба с енисейскими киргизами в конце XVII столетия [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019б <http://moscowstate.ru/sluzhby-na-krovi-sluzhilye-lyudi-krasnoyarskogo-ostroga-i-borba-s-enisejskimi-kirgizami-v-kontse-xvii-stoletiya/> (посещение 10.05.2020).

Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. – СПб., 1902. X + 614 с.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 176–224.

Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1959. – Т. IV. – С. 5–192.

Результаты проводившихся в 1667 г. действий по укреплению обороны Енисейского уезда не были напрасными: позднее, в сентябре 1673 г., когда на территорию уезда со стороны р. Чулым вторгся кыргызский князец Шанда Сенгикеев, он смог дойти только до Бельского острожка и ограничился грабежом и сожжением окрестных деревень. После чего вынужден был повернуть в сторону Томского уезда [ДАИ, 1857. С. 313–317; Бахрушин, 1955. С. 211].

Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2019. – 382 с.

Бутанаев В.Я. Сказания о великом хакасском князе Еренаке. – Абакан, 2006. – 154 с.

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.Н. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. – Абакан: Хакасский гос. ун-т, 1995. – 250 с.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. – Абакан: Хакасский гос. ун-т, 2000. – 272 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – 608 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. – М.: Наука, 1983. – 334 с.

Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб, 1892. – 442 с.

Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. – Абакан, 2007. – 336 с.

Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 383–395.

Источники

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). СПб., 1851. Т.4. VII + 416 + 12 + 10 + 2 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5. VIII + 510 + 10 + 8 + 2 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1857. Т. 6. VIII + 480 + 16 + 8 + 2 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 224–235; Оп. 3. Стб. 12. Л. 95; Стб. 53. Л. 646–648.

Г.С. Вртанесян*Центр изучения религий, Российский Государственный гуманитарный университет (Россия)***КАЛЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Сообщение посвящено проверке гипотезы о связи большинства сюжетов наскального искусства с циклично повторяющимися природными явлениями. С этой целью на основе серии опубликованных памятников наскального искусства Минусинской котловины проведено изучение их ориентации в пространстве и анализ композиций.

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, небесная погоня, стрелок в солнце, окуневская культура.

G.S. Vrtanesyan*Center for the Study of Religions, Russian State University for the Humanities (Russia)***CALENDAR MOTIFS IN ROCK ART OF SOUTH SIBERIA**

The report is devoted to testing the hypothesis of the connection of most rock art subjects with cyclically recurring natural phenomena. In view of this on the basis of a series of the published rock art monuments of the Minusinsk Basin, the study of their orientation in space and the analysis of compositions were carried out.

Keywords: rock art, Minusinsk Basin, sky chase, shooter in the sun, Okunev culture.

Поскольку сообщение носит предварительный характер, уместно краткое введение. По мнению автора, в основе большинства сюжетов древнего (и, возможно, до средневековья) наскального искусства лежали повторяющиеся природные явления, соотносящиеся с определенным сезоном года. Создание петроглифов как некоего действия по «освоению» окружающего мира должно было возродить в виде образов и символов наиболее важные природные события, сюжеты которых «определялись» основными акторами, населяющими все три части Вселенной. В этой мистерии её «наблюдатель – участник» (и, в итоге, творец будущего изображения) должен был в первоначальном, исходном состоянии иметь определенную ориентировку во времени и пространстве. В первую очередь, это должно было отразиться в направлении, в котором разворачивалось это действие, а также в составе и взаимном расположении её участников. Естественно, что локализация на местности не могла быть случайной: для устойчивого воспроизведения сезонного ритуала должна была быть соотнесена с повторяющимися календарными явлениями. Это, в первую очередь, особенности годового хода солнца, так как на широтах Южной Сибири (от 50 градуса СШ и выше) Солнце в течение года перемещается с юга (зимнее

солнцестояние) на север (летнее солнцестояние). Оценка сезонной освещенности, определяемая по отношению долготы дня летнего солнцестояния к долготе дня зимнего, показывает, что наиболее резко это соотношение меняется примерно с 50 градуса СШ [Долгота дня, 1952. С. 21]. И ещё одна деталь, без учета которой вряд ли возможна достоверная реконструкция. Дело в том, что на широте 49 градусов с середины июня до начала июля (время летнего солнцестояния) небо практически не темнеет [Рей, 1969. С. 93], а по мере движения на север период светлого времени суток уже захватывает почти всё время с середины июня по начало августа («белые ночи»). Это приводит к тому, что летом в ночное время на небе заметны только самые яркие объекты. Поэтому перенос земных реалий («охота – погоня») на небо можно связывать лишь с зимним сезоном («темное время» года) – с сентября по апрель, который в действительности и является основным сезоном охоты.

Ещё одна важная причина для повышенного внимания к «небесному театру» именно зимой: основные действующие лица «небесной пьесы» (созвездия Плеяд, Большая Медведица, Орион, Кассиопея и др.) «сгруппированы» в центре небосвода вокруг Млечного пути лишь в зимний период и к лету или «разбегаются» по небу, либо сходят

с небосвода [Щеглов, 1996. С. 102–107]. Кроме того, резко континентальный климат Минусинской котловины, с абсолютной разницей средних температур июля и января порядка 40 градусов (или выше), в сочетании с максимумом солнечных дней (более 300 дней в году), давал все основания для рождения и бытования разных вариаций космогонических мифов солярного типа – в первую очередь, это небесная погоня (мотив В42) и стрелок в Солнце (мотивы А2а, А37), подробную подборку по ним см. в [Березкин, Дувакин,]. Поэтому целесообразно искать отражение этих мифов в наскальном искусстве Южной Сибири, и, особенно, в Хакасско-Минусинской котловине.

Ориентация

Ожидаемый вывод: петроглифы, обращенные на юг, должны соотноситься с зимним сезоном и его пиком – зимним солнцестоянием, «рождением» нового солнца. Приведем в связи с этим ориентировки наиболее известных очагов наскальной живописи. Ввиду ограничений по объему, приводятся ориентировки писаниц лишь по Хакасско-Минусинской котловине:

Большая Боярская писаница – р. Сухая Тесь, тагарская эпоха. Обращена на юг [Дэвлет, 1976. С. 6];

Бычиха – южный склон (правый берег р. Сыды, пр. приток Верхнего Енисея) [Петроглифы Северной Азии];

Гора Георгиевская – р. Тесь (приток Тубы). Большинство изображений приведено на южном (ЮЮВ) склоне. Изображения охватывают время от неолита (минусинский стиль, лоси) до таштыкского времени [ПНИМК, 2012. С. 5–6];

Малоарбатская писаница – обращена на юг (пр. берег р. Малые Арбаты, правого притока р. Абакан) [Петроглифы Северной Азии];

Оглахты – южный склон горного узла Оглахты, на левом берегу Енисея. Скалы обращены фронтом на юг [Кызласов, Леонтьев, 1980. С. 102];

Льнищенская писаница (Моисеиха V) – северный склон горы Моисеиха [ПНИМК, 2012. С. 5–6];

Моисеиха II–IV – юго-западный склон Моисеихи [ПНИМК, 2012. С. 31];

Потрошиловская писаница (Моисеиха I) – юго-западный склон г. Моисеиха [ПНИМК, 2012. С. 31];

Сопка Сорах тигей – правый берег р. Нини. Обращена на юг [Кызласов, Леонтьев, 1980. С. 102];

Сосниха – расположена на одноименной горе. Исследованный склон смотрит на запад [ПНИМК, 2012. С. 81];

Сулекские скалы – левый берег р. Печище. Три скальные поверхности развернуты фронтом на юг [Кызласов, Леонтьев, 1980. С. 104];

Суханиха – ориентировка петроглифов на памятнике Суханиха приводится по Е. А. Миклашевич [Миклашевич, 2011. С. 94–96]. Суханиха I – западный склон горы. Суханиха II – южная часть горного массива. Суханиха III – юго-восточный склон. Суханиха IV – юго-восточный склон. Суханиха V – северо-восточный склон. Суханиха VI – юго-восточный склон;

Тепсей (I–VI) – правый берег Енисея (впадение р. Тубы), юго-западный и западный склоны г. Тепсей;

Улазы II – гора Большой Улаз (юго-восточный склон), правый берег Енисея [ПНИМК, 2012. С. 57];

Улазы III – г. Большой Улаз (южный и юго-западный склоны) [ПНИМК, 2012. С. 59];

Усть-Туба I–VI – южный и юго-восточный склоны г. Тепсей;

Хызыл хая – правый берег р. Абакан. Петроглифы расположены на скальных обрывах, охватывающих гору с трех сторон: юго-восточной, юго-западной и северо-западной [Кызласов, Леонтьев, 1980. С. 103];

Шалаболинская писаница – правый берег р. Туба. Обращена на юг [Кызласов, Леонтьев, 1980. С. 91].

Из 28 учтенных писаниц лишь небольшая часть имеет другую ориентировку: север (Льнищенская), северо-запад (Хызыл хая), северо-восток (Суханиха V, Хызыл хая), запад (Сосниха, Суханиха I). Естественно, что оценка направления ориентировки в некоторой степени условна, поскольку отдельные участки могут отклоняться (например, часть южного склона горы может иметь направление юго-восток), однако в целом это тенденцию не меняет. Обращает внимание на себя следующее обстоятельство: нет ни одного случая,

когда петроглифы обращены строго на восток (!), что, казалось бы, противоречит солярной гипотезе. Объяснение этому простое: в день летнего солнцестояния солнце восходит именно

на юго-востоке. Это довольно четкое указание на доминирование мифологемы о рождении нового Солнца в сознании создателей наскального искусства.

Направление движения в сюжетах наскального искусства

Как отмечалось (см. напр. [Вадецкая, 1986. С. 32]), направление, в котором разворачивалось действие сюжетов на зооморфных изображениях окуневской культуры, в большинстве случаев – слева направо. Соотнесем это с распространенной в Северной Азии моделью Небесной погони, когда стрелком выступает созвездие Ориона, а Небесным Лосем – Большая Медведица (реже Плеяды) [Березкин, 2017. С. 74–76]. Указанное направление и соответствующее расположение участников сюжета возможно лишь в случае, когда наблюдатель («художник») находился лицом к стороне восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. Именно тогда Небесный стрелок будет находиться слева от Млечного пути («оси» неба), а созвездие Большой Медведицы – справа [Щеглов, 1996. С. 101–105]. Укажем на некоторые знаковые сюжеты, построенные в соответствии с этим.

На Шалаболинской писанице (камень 53) антропоморфный великан преследует лося, на левом (для наблюдателя) краю композиции [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 14]. Его дротик вонзился в хребет лося, символа старого солнца, локализуя точку, символизирующую зимний поворот светила, приходящегося на середину «зимнего года» (лось = год). Похожие сюжеты в наскальном искусстве редки, но весьма выразительны. Это лучники из Чанкыр Кёля (участок XI) [Окладников и др., 1981. С. 126. Табл. 86-19], Сары Сатака [Окладников и др., 1982. Табл. 100 – 18], Елангаш (участок V) [Окладников и др., 1979. Табл. 87–2, 89–1].

Ключевая точка календарной идиологемы – хребет животного. В этом плане показателен сюжет с изображением быка из Усть-Туба III [Шер, 1980. С. 153, рис. 78]. Животное обращено вправо, из хребта вырастает солнце. С учетом его датировки окуневской эпохой, и, как минимум, двух составляющих окуневской культуры (степные скотоводы и таежные охотники [Шер, 2006. С. 248–250], предлагается следующая трактовка этой композиции. Нарождающееся «новое» солнце имеет девять лучей (рис. 1).

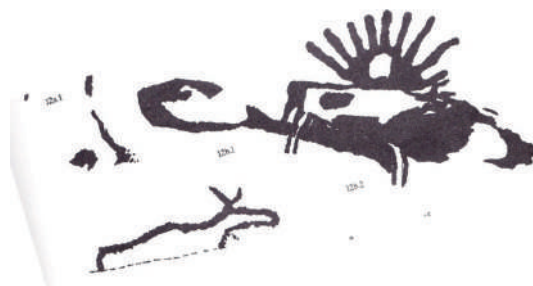

Рис. 1. Изображение быка из Усть-Туба III [Шер, 1980. С. 153, рис.78].

В большинстве индоевропейских языков число девять имеет этимологию «нового» [Blazek, 1999. Р. 277–281], что дает основания полагать, что рисунок отображает в числовом коде рождение «нового» солнца – время зимнего солнцеворота.

Стрелок в солнце и похищение солнца

Эти два мифа относятся к разным сезонам года. Миф о стрелке в солнце (мотивы А2а, А37 в Аналитическом каталоге сказочных сюжетов – АКСС) – очевидная версия об избытке инсоляции (пик летнего сезона, июль). Миф о похищении солнца неким копытным солнца (лосем, оленем) (мотив В42, АКСС) – отражение реалий самого темного времени зимнего сезона, конец декабря, время зимнего солнцеворота. Небесная погоня завершается возвратом солнца [Вртанесян, 2014. С. 60–61]. В этот мотив удовлетворительно вписываются изображения копытных, несущих на рогах (голове) солнечную розетку [Дэвлет, 1998. С. 170, рис. 10]. Вариант с одним солнцем на голове как отражение мифа похищения приемлем, если выполняются два озвученных условия: нахождение изображения на южной стороне и направление действия – слева направо. При этом необходим учет и других деталей: вид животного, его пол и др. Есть ещё обстоятельство, требующее особого внимания – изображения копытных с двумя солнечными розетками на концах рогов. На сводной таблице из работы [Дэвлет, 1998. С. 170. Рис. 10 1, 2, 3, 4] есть изображения копытных этого типа. При этом

олень из Елангаша (номер 3 на рис. 2) имеет, кроме двух розеток на концах рогов, ещё третью (между ними в промежутке). Если оценивать ситуацию с опорой на семантику архаичных процедур, то древнейший способ представления множества – редупликация. С этой точки зрения, изображения копытных с двумя или тремя солнечными розетками удовлетворительно вписываются в ситуацию с избытком солнца (летнюю), однако для принятия этой версии без особых условий и натяжек необходим «стрелок». Хотя нельзя при этом исключить ситуацию, когда этот элемент сюжета мог быть выражен иным способом, из-за наложения разных исходных вариантов мифа.

Рис. 2. Изображения копытных с солнечной розеткой [Дэвлет, 1998. С. 170]

Литература

- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.** Аналитический каталог сказочных сюжетов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> Дата обращения 27.04.2020.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Долгота дня // Большая советская энциклопедия. Т.15. – М.: СЭ, 1952. – 652 с.
- Дэвлет М.А.** Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 20 с. 19 табл.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – 287 с.
- Врганесян Г.С.** Календарная символика тунгусоязычных народов Восточной Сибири и Приамурья // Сибирский сборник. 4. – СПб: Кунсткамера. МАЭ РАН, 2014. – С. 56–67.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 176 с.
- Миклашевич Е.А.** Выявление новых изображений на изученных памятниках наскального искусства. Неизвестные петроглифы Суханихи // Археология Южной Сибири. Вып.25. – Кемерово: КГУ, 2011. – С. 91–106.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы долины р. Елангаш. – Новосибирск: СО Наука, 1979. – 139 с.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы Чанкыр Кёля. Алтай. Елангаш. – Новосибирск: Наука, 1981. – 146 с.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы урочища Сары Сатак (долина р. Елангаш). – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с.
- Памятники наскального искусства Минусинской котловины (ПНИМК). Тр. САИПИ. Вып. 10. – Кемерово, 2012. – 111 с.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Красноярского ГУ, 1985. – 192 с.
- Рей Г.** Звезды. Новые очертания старых созвездий. – М.: Мир, 1969. – 174 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шер Я.А.** Была ли окуневская культура // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. – СПб: 2006. – С. 248–250.
- Щеглов П.В.** Отраженные в небе мифы земли. – М.: МГУ, 1996. – 142 с.
- Blazek V.** Numerals. Brno: Masarikova Univ., 1999. 338 p.

Ю. Н. Есин

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)***ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЯ ХУННУ В ЗЕМЛЯХ КЫРГЫЗОВ**

Доклад посвящен проблеме определения возраста и владельца дворца в китайском стиле, открытого на левом берегу р. Абакан в 1940 г. На основании сопоставления важнейших данных о дворце со сведениями китайских письменных источников эпохи Хань предложена новая гипотеза: Абаканский дворец отождествляется со ставкой правителя хунну Чжичжи, которую он расположил в землях кыргызов, покоренных им около 49 г. до н. э.

Ключевые слова: Абаканский дворец, хунну, кыргызы, цзянькунь, Чжичжи шаньюй.

Yu. N. Esin

*Khakass research Institute of language,
literature and history (Russia)***THE XIONGNU RULER'S PALACE IN THE LANDS OF THE KIRGHIZ**

The report is devoted to the problem of defining the age and the owner of the palace in the Chinese style, discovered on the left bank of the Abakan River in 1940. Based on a comparison of the most important data about the palace with information from Chinese written sources of the Han era, a new hypothesis is proposed: the Abakan palace can be identified with the residence of Zhizhi, the Xiongnu ruler, which he established in the lands of the Kirghiz, conquered by him approximately in 49 BC.

Keywords: the Abakan palace, the Xiongnu, the Kirghiz, the Jiankun, Zhizhi Shanyu.

В 1940 г. при строительстве автомобильной дороги из г. Абакан в с. Аскиз на левом берегу р. Абакан вблизи небольшой речки Ташеба было сделано удивительное открытие – обнаружены развалины крупного здания с глинобитными стенами и черепицей, имевшей оттиснутые надписи китайскими иероглифами. Надписи являются благопожеланиями лицу с высоким титулом «Сын Неба» 天子 [Евтюхова, 1946; Евтюхова, Левашева, 1946; Кызласов, 2001]. Этот памятник в последнее время получил название Абаканского или Ташебинского дворца. За прошедшие годы о дате постройки необычного для Южной Сибири сооружения и о его хозяине высказывалось несколько гипотез. Однако эти вопросы по-прежнему нельзя считать решенными. Их обсуждению и изложению новой интерпретации посвящен данный доклад.

Гипотезы о хозяине Абаканского дворца

Проводившие раскопки Абаканского дворца Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева предполагали, что уникальное здание китайской архитектуры и технологии в Сибири могли построить только сами китайцы и для китайцев. В качестве вероятного владельца дворца был назван китайский полководец Ли Лин 李陵, попавший

в плен к хунну в 99 г. до н. э. Он был самым известным китайцем, связанным с территорией Саяно-Алтая той эпохи, т.к. согласно некоторым письменным источникам был назначен князем западных земель хунну. Основой этой гипотезы была находка во дворце предметов хуннского типа и хуннского времени и датировка китайской надписи на черепице дворца эпохой Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), которую предложил авторитетный китаевед В. М. Алексеев. Гипотезу о Ли Лине поддержали и развили С. В. Киселев [Киселёв, 1949. С. 267–268] и Л. Р. Кызласов [Кызласов, 2001]. При этом Л. Р. Кызласов высказал отличную от других исследователей гипотезу, что благопожелание на черепице адресовано не китайскому императору, а правителю (шаньюю) хунну и его супруге.

Почти сразу гипотеза о дворце Ли Лина встретила возражения со стороны других исследователей. Наиболее существенные возражения приводили китайские ученые Го Можо, Чжоу Лянькуань и др. (обстоятельный обзор см.: [Ковалев, 2011. С. 80–82]), а также С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков [Вайнштейн, Крюков, 1976. С. 146]. Соглашаясь с датировкой здания эпохой Хань, они отмечали, что начертание иероглифа «чан» 常 в выражении «чан лэ» 常樂 ‘долгая радость’ (вместо 長樂) на

черепице соответствуют нововведениям династии Синь китайского императора-узурпатора Ван Мана (9–21 гг. н.э.), поэтому связывать постройку с Ли Лином нет оснований. Вместо него здание могло быть построено для одной из китайских принцесс, выдававшихся замуж за предводителей хунну в I в. н.э. В качестве вероятной кандидатуры называлась жена наместника «правых земель» хунну Сюйбудана, мать которой была китайкой. С этой датой согласились Ю.С. Худяков, Э.Б. Вадецкая и многие другие исследователи.

Вместе с тем Э.Б. Вадецкая высказала свою гипотезу, поместив дворец в контекст военных успехов Хань во второй половине I в. до н.э. – начала I в. н.э. и установления ей контроля над Восточным Туркестаном. Она предположила, что этот комплекс был построен не для наместника хунну и его супруги, а в качестве резиденции администрации китайского военного гарнизона, в составе которого были китайцы Синьцзяна и хунну или иные тюркоязычные группы Центральной Азии [Вадецкая, 1999. С. 190–195].

Перечисленные гипотезы оспорил А.А. Ковалев, справедливо полагавший, что родственных связей с императором или принадлежности владельца дворца к государству Хань недостаточно, чтобы написать на черепице титул «Сын Неба», т.к. это противоречит практике использования благопожеланий. На основе доступных сегодня китайских публикаций А.А. Ковалев провел тщательное изучение вопроса о времени появления в Китае написания 常樂, что крайне важно для датировки Абаканского дворца. Выполненный обзор показал, что такое написание иероглифа «чан» в данном сочетании появляется еще до правления Ван Мана, т.к. известно уже с конца II в. до н.э. [Ковалев, 2011. С. 83–87]. Однако симметричное четырехчастное размещение иероглифов на черепице, по его мнению, все же является подражанием схеме размещения иероглифов, введенной на монетах Ван Мана в начале его правления. Исходя из этого, он предположил, что хозяином Абаканского дворца являлся император-самозванец Китая Лю Вэньбо (Лю Фан 廬芳), ушедший к хунну после поражения в борьбе за трон. В период мятежей и раздробленности Китая он заявил свои права на престол и в 27 г. был признан хунну в качестве «Сына Неба». В 27–29 гг. Лю Вэньбо пребывал на

территории, подконтрольной хунну, а в 30-м г. вернулся в Китай и правил до 40-го г. Затем со своей семьей и сторонниками он снова ушел к хунну и мог быть размещен ими в отдаленных от Китая землях за Саянами [Ковалев, 2007; 2011].

В целом, все перечисленные гипотезы кажутся слишком натянутыми и не снимают проблемы. Гипотезу о Ли Лине следует полностью исключить уже ввиду невозможности использования им титула «Сын Неба». Столь же странным был бы этот титул на дворце, построенном для китайской принцессы или администрации китайского гарнизона. Помимо этого, сомнения по поводу предложенных гипотез вызывает и то, что никаких сведений о пребывании в Южной Сибири этих лиц и китайского военного корпуса, о строительстве для них резиденции в китайских источниках нет. Гипотеза о том, что композиция на черепице с р. Абакан подражает схеме размещения иероглифов на монетах Ван Мана, пока не имеет надежных аргументов. Скорее можно говорить о сходстве общего принципа, а не о подражании, что, как и написание иероглифов, не исключает датировки абаканской черепицы концом эпохи Западная Хань.

Ключевые факты для дальнейшего изучения дворца

Анализируя особенности Абаканского дворца и историю его изучения, можно выделить следующие важные для любой новой интерпретации признаки:

– Дворец построен в китайском стиле, но с некоторыми не китайскими особенностями, и содержал керамику и другие предметы, характерные для культуры хунну.

– Особенности иероглифов на черепице свидетельствуют, что дворец относится к эпохе Хань. Написание и размещение иероглифов позволяет определить наиболее вероятный период его постройки: поздний период Западной Хань – I в. н.э. С точки зрения места дворца в рамках археологической периодизации Минусинской котловины важно также, что поверх его развалин были сооружены погребения таштыкской археологической культуры. Л.Р. Кызласов относил их к рубежу эр и I в. н.э. [Кызласов, 2001. С. 19], а Э.Б. Вадецкая – к IV в. н.э. или позднее [Вадецкая, 1999. С. 71]. В

любом случае, дворец предшествует таштыкской культуре, появившейся около рубежа эр, либо синхронен самому ее началу.

– Надпись китайскими иероглифами на черепице дворца является благопожеланием «Сыну Неба». Само по себе нанесение на концевые диски черепицы благопожеланий хозяину здания является традицией Хань. Форма благопожелания тоже стандартна для Китая этого времени. Однако титул «Сын Неба» в эпоху Хань носил не только китайский император, но и шаньюй хунну. Его использование у хунну зафиксировано в письменных источниках. Например, косвенно на это указывают письма шаньюев хунну императорам Хань, которые обычно начинались словами: «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный великий шаньюй сюнну» [Таскин, 1973. С. 137]. В 89 г. до н.э. оборот в письме шаньюя императору Хань еще более определенный: «На юге есть великая Хань, а на севере могущественные хусцы, хусцы – любимые Сыны неба» [Таскин, 1973. С. 22]. В *Хань шу* 漢書 («Книга Хань», цзюань 94; составлена Бань Гу (32–92 гг.); здесь и далее фрагменты китайских летописей приводятся по оцифрованным полнотекстовым версиям, доступным на специализированном ресурсе: <https://zh.wikisource.org/wiki/Wikisource:二十四史>), в дополнение к более раннему тексту о хунну Сыма Цяня приведена очень важная транскрипция титула шаньюя, который использовали сами хунну: 單于姓攣鞮氏·其國稱之曰「撐犁孤塗單于」。匈奴謂天為「撐犁」·謂子為「孤塗」«Шаньюй (單于) происходит из фамилии (氏) Люаньди (攣鞮). В их государстве его именуют «Чэнли (撐犁) гуду (孤塗) шаньюй». Сюнну называют небо (天) – чэнли, а сына (子) называют – гуду» [Таскин, 1968. С. 133]. Недавно черепица с благопожеланиями китайскими иероглифами «Сыну Неба шаньюю» 天子單于, подтверждающая использование такого титула правителем хунну, найдена археологом Улан-Баторского университета Тумур-Очиром Идэрхангаем на городище в верховьях р. Орхон, которое с высокой вероятностью может являться центральной ставкой хунну [Саруулдэл, 2020]. Использование благопожелания, близкого по форме найденному на Абакане, по отношению к шаньюю хунну, но без титула «Сын Неба», сохранила надпись на облицовочном кирпиче из Внутренней Монголии [Ковалев, 2011. С. 101, рис. 7, 3]. Китайские ученые предполагают, что

она связана со ставкой шаньюя Хуханье. В середине I в. до н.э. он поселился у границ Хань и признал себя вассалом китайского императора. Возможно, оба этих обстоятельства могли повлиять на отсутствие титула, аналогичного китайскому. Вместо этого там найден черепичный диск с надписью «Шаньюй – воплощение Неба» [Там же. С. 100, рис. 7, 2].

– Отсутствие следов длительного проживания во дворце.

Ставка шаньюя Чжичжи в землях кыргызов

Сопоставление комплекса перечисленных признаков со сведениями китайских источников о событиях на востоке степного пояса в эпоху Хань позволяют высказать новую гипотезу о более вероятном владельце дворца – этим человеком был шаньюй хунну Чжичжи 郅支.

Известно, что в конце эпохи Западная Хань – около 49 г. до н.э. – Чжичжи предпринял ряд успешных военных походов на запад и север, подчинив владения Уцзе, Динлин и Цзянькунь (堅昆; в русскоязычных публикациях можно также встретить варианты Гяньгунь, Цзяньгунь). Реконструкция древнекитайского чтения слова 堅昆 позволила идентифицировать его как одну из китайских форм записи раннего названия *кыргыз* [Яхонтов, 1970], которое и будет, в основном, использоваться ниже.

Очень важно, что после этих событий Чжичжи перенес свою ставку из Монголии в земли кыргызов и оставался там около 5 лет. Затем, заключив соглашение с правителем Кангюй (послы от Кангюй приходили к Чжичжи в земли кыргызов), ушел на запад к его границам, где и погиб в 36 г. до н.э.

Наиболее подробное описание этих событий содержится в *Хань шу* (цзюань 94б): «Совершив поход на запад, Чжичжи «напал на усуней (烏孫) и нанес им поражение. Затем на севере он напал на Уцзе (烏揭), и он покорился его власти. Вслед за этим послал войска на запад, разбил цзяньгуней (堅昆), а на севере принудил сдаться динлинов (丁零). [Так Чжичжи] присоединил к себе три владения. Он неоднократно посылал войска для нападения на усуней и всегда одерживал над ними победу. [Земли] цзяньгуней находились на расстоянии 7000 ли западнее ставки шаньюя (堅昆東去單于庭七千里) и на расстоянии 5000 ли севернее владения Чэши (南去車師五千里). В них Чжичжи остался жить»

[Таскин, 1973. С. 37]. Последнюю фразу этого фрагмента, после описания местоположения кыргызов (цзянькунь), еще точнее можно перевести как «Чжичжи временная резиденция» (鄯支留都之).

Указанные в контексте этих событий в *Хань шу* дистанция и расположение относительно Чэши (Турфанский оазис) соответствуют именно Минусинской котловине, хотя дистанция может быть немного преувеличена. Сам выбор в качестве точки отчета Турфанского оазиса также показателен. Как раз отсюда начинался древний торговый путь на север к кыргызам, который позднее фигурирует и в средневековых источниках. Расстояние от ставки шаньюя оставляет некоторые вопросы, поскольку местонахождение самой ставки не конкретизировано. По контексту, скорее всего, это должна быть ставка шаньюя Чжичжи, откуда он предпринимал свои походы на запад и север. Непосредственно перед покорением кыргызов, в период с 53 по 49 гг. до н.э., Чжичжи контролировал центральную ставку хунну, которая находилась в верховьях р. Орхон. Чжичжи шаньюй занял ее, разбив войска своего младшего брата и соперника шаньюя Хуханье 呼韩邪. Но 7000 ли от этого места до Минусинской котловины – слишком много. Вероятно, расстояние от ставки завышено. Такая погрешность может объясняться тем, что у жителей Хань не было ясного представления о длине этого пути в северных владениях хунну. Более точные данные появились лишь в Средние века, когда Китай наладил прямые контакты с кыргызами. Поскольку центральная ставка хунну располагалась неподалеку от столицы средневекового уйгурского каганата – города Орду-Балык, то для сравнения направления и расстояния можно использовать данные о локализации кыргызов относительно ставки уйгуров. Согласно *Синь Тан шу* 新唐書 («Новая книга Тан», составлена Оуян Сю и Сун Ци в 1060 г.; цзюань 2176) этот путь «от уйгуров на северо-запад» составляет около 3000 ли (直回紇西北三千里) и занимает 40 дней на верблюдах (橐它四十日行) от одной ставки (牙) до другой.

К процитированному выше фрагменту из *Хань шу* очень близок один из сохранившихся фрагментов *Вэй люэ* 魏略 («Обозрение Вэй», составлено Юй Хуанем в период 239–265 гг.; глава 西戎傳 «Описание западных народов»; процитирована в комментариях Пэй Сунчжи (429 г.) к *Саньго чжи* 三國志 «Записи о Трех

царствах») (составлены Чэнь Шоу в конце III в.), вошли в цзюань 30): 此三國·堅昆中央·俱去匈奴單于庭安習水七千里·南去車師六國五千里·西南去康居界三千里·西去康居王治八千里. Этот фрагмент, помимо прочего, содержит некоторые дополнительные сведения, существенные для локализации кыргызов: «Эти выше [названные] три государства, с Гяньгунь в центре, находятся от ставки шаньюя сюнну на р. Аньсишуй на [расстоянии] 7 тыс. ли, на юг от них 5 тыс. ли – Чэши и шесть [других] владений, на юго-запад до границ Канцзюя – 3 тыс. ли, на западе до ставки канцзюйского вана – 8 тыс. ли.» [Супруненко, 1974. С. 237].

Под тремя государствами или княжествами здесь имеются в виду те же три завоеванные Чжичжи владения, упомянутые в *Хань шу*. В *Вэй люэ* о них сообщаются новые сведения, которые имеет смысл привести: 1) Худэ 呼得 (можно отождествлять с Хуцзе 呼揭 и Уцзе 烏揭 в *Хань шу*) – 10000 воинов, пасут скот, разводят отличных лошадей, имеют соболей (勝兵萬餘人·隨畜牧·出好馬·有貂); 2) Цзянькунь – 30000 воинов, пасут скот, имеют множество соболей и отличных лошадей (勝兵三萬人·隨畜牧·亦多貂·有好馬); 3) Динлин – 60000 воинов, производят знаменитые соболиные меха, а также меха белых и голубых песцов (勝兵六萬人·隨畜牧·出名鼠皮·白昆子·青昆子皮) (昆子 – транскрипция, связанная с тюркским *qarsaq* ‘песец’ [Pulleyblank, 1962. P. 226]).

При отдельном описании кыргызов/цзянькунь, однако, указано, что они находятся к северо-западу от Канцзюй (堅昆國在康居西北), что, видимо, является ошибкой составителя, т.к. противоречит другим приведенным здесь сведениям (если это только не какая-то группа воинов, ушедшая на запад вместе с Чжичжи шаньюем). Еще большая путаница наблюдается с Динлин. С одной стороны, сообщается, что эти динлины живут на севере от хунну (匈奴北丁令也) и к югу от оз. Байкал (北海 букв. ‘Северное море’), а, с другой стороны, говорится, что, возможно, есть еще другие динлины к северу от Канцзюй (丁令國在康居北) и к западу от Усунь (丁令在烏孫西), т.е. рядом с необычным местонахождением кыргызов.

Здесь немаловажен приводимый следом рассказ о соседях динлинов: 烏孫長老言北丁令有馬脛國·其人音聲似雁鷺·從膝以上身頭·人也·膝以下生毛·馬脛馬蹄·不騎馬而走疾馬·其為人勇健敢戰也 «Старейшины 長老 усуней расска-

зывают, что к северу от Динлин есть владение *Мацзин* 馬脛 («Лошадиные ноги»). Эти люди издают звуки подобно испуганным диким гусям 雁. Выше колен у них тело человека, но ниже колен растёт шерсть, лошадиные голени 馬脛, лошадиные копыта 馬蹄. Они не ездят на лошадях, но бегают быстрее лошадей. Это храбрые, крепкие и смелые воины». Описание этого народа можно соотнести с более поздними сведениями *Синь Тан шу* (цзюань 2176) о трех племенах *Мума* 木馬 («Деревянные лошади»), проживающих восточнее кыргызов 堅昆. В этом случае мы тоже имеем дело с экзотным, сами себя они так, конечно, не называли. Причина этого названия в том, что эти племена «имели обычай ездить на лыжах 木馬 (букв. «деревянных лошадях») по льду 冰, под ступни подкладывали доски, изогнутой палкой упирались в подмышки, один толчок ноги как сто шагов, передвигались очень быстро» (俗乘木馬馳冰上·以板藉足·屈木支腋·蹴輒百步·勢迅激). Скорее всего, рассказ о народе с лошадиными ногами 馬脛 отражает использование аналогичного приспособления для быстрого передвижения в зимнее время. Шерсть на ногах могла быть частью специфической высокой и теплой зимней обуви, сшитой мехом наружу, которая усуням, так же как и лыжи, была неизвестна. Сравнение их языка с гоготом гусей, видимо, указывает, что они говорили на ином языке. Вероятное место проживания народа «лошадиных ног (голеней)» то же, что у племен «деревянных лошадей» – Восточные Саяны. Это дополнительный аргумент в пользу локализации динлинов эпохи Хань на севере Монголии. Спустя несколько веков они кочевали там же, но известны под названием *теле*, которое является более поздним вариантом китайской транскрипции [Pulleyblank, 1962. P. 230–231].

Приведенные в *Вэй люэ* направления и расстояния до кыргызов относительно границ и столицы Канцзюя и другие сведения, несмотря на наличие в собранных описаниях некоторых противоречий, дополнительно подкрепляют вывод о местонахождении владения кыргызов в Южной Сибири. Идея Л. А. Боровковой о

компактном размещении Динлин, Цзянькунь и Уцзе по линии северо-запад – юго-восток между оз. Алаколь и хребтом Боро-Хоро Тянь-Шаня [Боровкова, 2001, рис. 3] этим описаниям противоречит. Кыргызы не граничили с Канцзюй [Боровкова, 1989, с. 62], а удалены от его границ на 3000 ли. Кыргызы, являясь центральным из трех владений, находились в степях и лесостепях на Енисее, а Уцзе – на Алтае, рядом с Усунь (севернее той их части, что пребывала в Восточном Туркестане). Также в пользу данной локализации можно рассматривать указание на меха, которыми были богаты все эти народы. Особенно показательны редкие песцы, и сегодня встречающиеся на юге Прибайкалья, которыми обладали динлины. В данном контексте с древними кыргызами (鬲昆, 堅昆), ставшими известными ханьцам в эпоху северных походов шаньюев Модэ и Чжичжи, может быть соотнесено население Минусинской котловины на позднем этапе тагарской археологической культуры.

Заключение

В целом, Чжичжи шаньюй – единственный возможный обладатель титула Сын Неба, о котором есть не только информация, что он предпринимал поход на Саяно-Алтай, но и прямые сведения, что около 49 или 48 г. до н.э. он разместил там, в землях кыргызов, свою ставку. Географическая локализация этой ставки и кыргызов, указанная в *Хань шу*, лучше всего соответствует Минусинской котловине – основной территории, которую государство кыргызов занимало и в последующие века вплоть до начала XVIII в. Современная датировка надписи на черепице Абаканского дворца его отождествлению со ставкой Чжичжи шаньюя не противоречит. Использование высшей знатью хунну, вследствие регулярных контактов с Хань, китайских специалистов, ряда традиций и китайской письменности также хорошо известно. Отсутствие следов длительного проживания во дворце полностью согласуется со сведениями исторических хроник о непродолжительном времени, проведенном Чжичжи шаньюем в землях кыргызов.

Литература

Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). – М.: Наука, 1989. – 181 с.

Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II–I вв. до н.э. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. – 368 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. – 1976. – № 3.

Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание на Среднем Енисее // ВДИ. – 1946. – № 1. – С. 107–111.

Евтюхова Л.А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М.: Гос. изд-во Культурно-просветительской лит-ры, 1954. – С. 195–224.

Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская А.О.) // КСИ-ИМК. – Вып. XII. – 1946. – С. 72–84.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.

Ковалёв А.А. Китайский император на Енисее? Ещё раз о хозяине ташебинского «дворца» // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2007. – С. 145–148.

Ковалев А.А. Император Китая в хакасской степи // Хунну: археология, происхождение культу-

ры, этническая история. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 77–114.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Восточная литература, 2001. – 176 с.

Саруулдөл Н.Т. Идэрхангай: ‘Тэнгэрийн хүү Шаньюй’ гэдэг бичигтэй олдвор Монголын төдийгүй дэлхийн түүхэнд анх удаа олдсон // iToim. 2020 оны 8 сарын 14. <http://itoim.mn/article/jlsmB/23080>

Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. – М.: Наука, 1974. – С. 236–248.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. – М.: Наука, 1968. – 177 с.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. – М.: Наука, 1973. – 168 с.

Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ. – 1970. – № 2. – С. 110–120.

Pulleyblank E.G. The Consonantal System of Old Chinese: Part 2 // Asia Major. Vol. 9. 1962. Pp. 206–265.

В.М. Кимеев

Кемеровский госуниверситет (Россия)

КУЛЬТОВЫЕ СИМВОЛЫ СОВРЕМЕННЫХ ШОРЦЕВ

Религиозный синкретизм шорцев, сложившийся у них в период распространения православия, подвергся сильнейшей деформации в советскую эпоху. Начиная с 1990-х годов религиозное мифотворчество принимает необычные формы. Ещё сохраняются и поощряются клириками РПЦ символы православия: нательные и надмогильные кресты, православные храмы и праздники.

Одновременно в пос. Кичи при моральной поддержке и финансовой помощи Ассоциации шорского народа, Администрации Таштагольского района, мастерами-шорцами построен *тенгрианский* храм в п. Кичи, а в пос. Чувашка Мысковского округа – Духовный центр шорской культуры со «священными» многоугольными юртами, резной коновязью «шарчын».

Ключевые слова: шорцы, памятники этнокультурного наследия, религиозный синкретизм, мифотворчество, культовые символы веры.

V.M. Kimeev

Kemerovo State University (Russia)

RELIGIOUS SYMBOLS OF THE MODERN SHORS

Religious syncretism of the Shores, which developed during the period of the spread of Orthodoxy, was subjected to a severe deformation in the Soviet era. Beginning in the 1990s. religious myth-making takes unusual forms. The symbols of Orthodoxy – grave and grave crosses, Orthodox churches and holidays – are also preserved and encouraged by the clerics of the Russian Orthodox Church.

At the same time in the s. Kichi, with the moral and financial support of the Association of the Shore People and the Administration of the Tashtagol district, was built by the master-shorts of the 6th Tengrian temple in Theki, and in the post. Chuvashka of Myskovsky District is the Spiritual Center of Shore Culture with «sacred» polygonal yurts, a spring and a carved «shark» bandage.

Keywords: shores, religious monuments of ethnocultural heritage, religious syncretism, myth-making, religious symbols of faith.

Единственное на юге Горной Шории грунтовое погребение с двумя костяками и украшениями обнаружил и раскопал в устье реки Пызас у пос. Усть-Кабырза в 2009 г. археолог Ю.В. Ширин и связал эти находки с предками енисейских кыргызов. По странному распоряжению зам. главы по национальным вопросам Администрации г. Таштагола, на месте раскопа вкопали две резные деревянные скульптуры: т.н. «Кабырзинской принцессы» и ее «витязя». Это очень нравится туристам, но не почитается местными шорцами, для которых значимой остаётся т.н. «шаманская скала» у ручья, в устье которого располагалось погребение. При этом разработанный архитектором В. Н. Усольцевым проект реконструкции и музеефикации в виде некрополя места раскопа властями был отклонён [Кимеев, 2011. С. 205–208, цв. вставка. Рис. 6].

Рис 6. Проект некрополя

На той же Кабырзинской сельской территории у пос. Кичи у автомобильной дороги Таштагол-Усть-Кабырза, рядом с обустроенным для туристов родником, в 2015 г. при попечительстве Главы Таштагольского района местным шорцем плотником и резчиком Александром Тудегешевым был отстроен и открыт тенгрианский храм [Копытов, 2020. С. 48]. За десять лет до этого участники фольклорного ансамбля «Чылтыс» совершили на вершине священной горы «Мустаг» шаманский обряд вечером у костра и тенгрианское моление на следующий день при восходе солнца. Однако ни сама гора Мустаг, ни тенгрианский храм не стали массовым паломническим для современных городских шорцев Таштагола и пос. Шерегеш. Предпочтительным остаётся ежегодный праздник «Чыл-пажи» (шорский

Новый год), проводимый в марте на ул. 8 марта у Музея этнографии и природы Горной Шории на средства администрации г. Таштагол [Копытов, 2020. С. 330].

Необычная ситуация складывается в последнее десятилетие на территории Мысковского городского округа. Стараниями директора мысковского городского благотворительного фонда развития Горной Шории при попечительстве тогдашнего Главы Мысковского городского округа началась широкая «шарчинизация», т.е. установка в центрах нескольких посёлков (Бородино (*Пара-Таг*) в 2015 г., Красный Яр (*Кызыл Чар*) в 2018 г.) резных коновязей, изготовленных таштагольским мастером Сергеем Челбогашевым и ставших по новым поверьям шорской молодёжи лестницей в небо *тенгри* и культовым символом, исполняющим желание при подвязывании разноцветных лент *чалама* к верёвке, обвязывающей столбики вокруг коновязи [Рис. 2]. Эта культовая традиция, видимо, заимствована в Хакасии, где в экспозиции республиканского музея находится единственный подлинный *сарчин* [Архив ХНКМ КП-7011/6; Рис. 2].

Рис 2. Сарчин в Духовном центре п. Чувашка

Более того, в пос. Чувашка (*Устюngu аал*) под г. Мыски был построен на средства администрации т.н. Духовный центр шорской культуры «Эне-таг» с многоугольной «священной» юртой из бруса под сайдинговой крышей и интерьером (чугунной печью в центре, резным креслом у стены напротив входа, предметами быта и

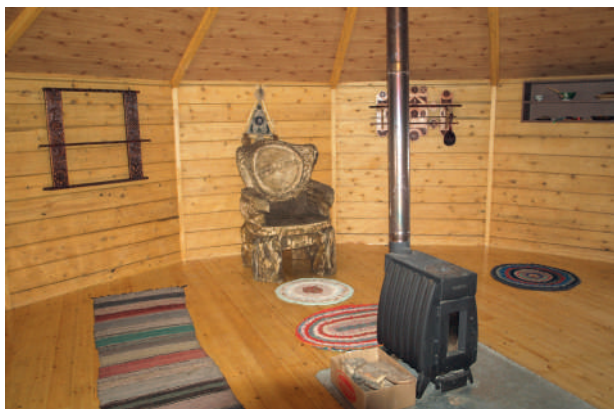

Рис 3. Интерьер юрты

шаманским бубном на полках вдоль стен) [Рис. 3]. Директор местного дома культуры и экскурсоводы из г. Мыски вводят в заблуждение посетителей, уверяя, что эти постройки – подлинная реконструкция древних шорских жилищ, что, судя по результатам археологических раскопок поселений, описаниям этнографов и путешественников, фотографиям начала XX в., не соответствует действительности. Мало того, каждому, кто зашёл в эту 12-ти угольную юрту с чистым сердцем и воссел на кедровый резной трон, можно помедитировать, чем поправить свое душевное здоровье. Стоящие перед входом в юрту две резные фигуры волков также считаются священными, и во время праздников их «кормят» шаманки [Копытов, 2020. С. 358, 359, 363; Рис. 1; Рис. 5].

Религиозный синкретизм шорцев среднего поколения проявляется в сохранении традиции крещения своих детей с использованием нательных православных крестов на верёвочке, выставления недорогих икон в углу жилища (особенно у сельских жителей), посещения храмов в большие православные праздники, праздновании Пасхи, Рождества (*Кочо-кан коляде*), Петрова дня, Троицы. Впервые за советский и постсоветский период в пос. Усть-Анас Таштагольского района на месте прежней разрушенной в советскую эпоху Троицкой церкви конца XIX в. местными плотниками и настоятелем Игорем Кропачевым сооружается деревянная Троицкая часовня по благословению митрополита Новокузнецкого и Таштагольского Владимира Агибалова (в прошлом выпускника истфака КемГУ) [Кимеев, 2018. С. 424. Рис. 4].

Таким образом, причудливость современных культовых традиций шорцев объясняется стараниями представителей шорской

Рис 1. Юрта культурного центра Эне таг

Рис 5. Кормление фигуры волка

Рис 4. Макет Троицкого храма

национально-культурной элиты возродить свои шаманистские традиции и ввести их в модернизированном виде в комплекс своей духовной культуры, а также внедрить заим-

ствованные у соседей хакасов тенгрианские элементы и культовые изваяния сарчины (*шарчины* по-шорски), а также многоугольные деревянные юрты.

Литература

Кимеев В.М. Тайны Кабырзинской принцессы / В.М. Кимеев, Ю.В. Ширин. – Кемерово: Примула, 2011. – 272 с.

Копытов А.И. Горная Шория: От древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки: монография / А.И. Копытов, В.М. Кимеев. – Кемерово: Примула, 2020. – 468 с.

Архив Хакасского национального краеведческого музея (ХНКМ) КП-7011/6.

Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В.М. Кимеев, А.И. Копытов. – Кемерово: Примула, 2018. – 600 с.

А.А. Кыржинаков

*Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова (Россия)*

ДОМАШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ХАКАСОВ В XIX–XX вв.

Статья посвящена вопросу изготовления охотничьих лыж, нарт, лодки, плота, также производству дегтя. В результате исследования описаны дегтярное производство, способы изготовления лыжи, нарт, лодки, плота и прослежены их изменения. Наша работа основана на полевом материале автора, архивных источниках и научной литературе.

Ключевые слова: домашнее производство, лыжи, нарты, лодки, плот, деготь.

A. A. Kyrzhinakov

Khakass State University (Russia)

HOME PRODUCTION OF THE KHAKAS PEOPLE IN THE 19th – 20th CENTURIES

The article is devoted to the production of hunting skis, sleds, boats, rafts, as well as the production of tar. As a result of the research, tar production, methods of manufacturing skis, sleds, boats, rafts are described and their changes are tracked. Our work is based on the author's field material, archival sources and scientific literature.

Keywords: home production, skis, sleds, dugout boats, tar.

Домашнее производство занимало значительное место в традиционной системе жизнеобеспечения хакасов. Получаемая продукция – сырье (выделанная кожа, овчина, мех и др.), орудия хозяйства, средства передвижения, одежда и обувь и т.д. – использовалась в основном для семейных нужд, в редких случаях – для продажи. В историографии вопроса можно выделить работы дореволюционных, отечественных исследователей. Впервые сведения о домашнем ремесле встречаются в научных изысканиях Г.Ф. Миллера, посетившего Хакасию в первой половине XVIII в. Он описал некоторые способы выделки кожи, изготовления кожаных сосудов [Миллер, 2009. С. 196–199, 285.]. Во второй половине XVIII в. в труде И.Г. Георги имеются отрывочные сведения об этих занятиях: «женщины прядут

шерсть и крапиву (киндер), ткнут толстое сукно и холст на татарских станках, валяют войлоки, выделывают кожи, причем вместо сала употребляют печенку и морз звериный, шьют платье и пр.» [Георги, 2007. С. 151]. В XIX в. в работах А.А. Кузнецовой, П.Е. Кулакова [Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 112, 210, 213] А.А. Ярилова [Ярилов, 1899. С. 277] приводятся статистические сведения и краткие описания о домашних занятиях хакасов. В XX в. в исследованиях Л.П. Потапова [Потапов, 1952. С. 129–130], К.М. Патачакова [Патачаков, 1958. С. 35–43], А.А. Попова [Попов, 1955. С. 119], В.В. Антроповой [Антропова, 1961. С. 83], В.Я. Бутанаева [Бутанаев, 1989. С. 51], посвященных народам Сибири, даны отдельные стороны домашнего производства, в том числе хакасов.

В нашей работе основное внимание уделяется менее освещенным аспектам домашнего производства коренного населения: дегтярному делу, способам изготовления средств передвижения, а также вопросу их трансформации.

Охотничьи лыжи и нарты в горно-таежной зоне Хакасии в зимнее время являлись основным транспортом для передвижения и доставки провизии по глубокому снегу. Для изготовления охотничьих лыж использовались такие древесные породы, как ель «тіген», осина «ус», черемуха «нымырт», верба «тал». Наиболее прочными считаются из черемухи. Процесс изготовления лыж-подволоков происходит в несколько этапов: выбор заготовки, раскалывание, выстругивание, изготовление и закрепление крепления, обшивка или подбитье камуса. Заготовку выбирают ранней весной, в апреле и мае. Это объясняется тем, что в этот период деревья содержат в себе много воды, и это благоприятно сказывается при сгибании лыж. Она должна быть без сучьев, гладкой, длиной с рост человека и диаметром около 20–25 см. После выбора ее раскалывали следующим способом. Для этого лезвие большого ножа или топора прикладывали на заготовку и по обуху били деревянной колотушкой. Затем в образовавшийся надруб вставляли клин и до конца раскалывали на две половинки. На лыжу шел наружный слой дерева, а сердцевина выстругивалась. Строгают в форме лыж толщиной «пірліг» – около 2 см. Затем эти выструганные половины готовят для сгиба. Для этого их специально кипятят в казане 1,5 ч, точнее носок лыж, где должен быть сгиб. Для сгибания лыж существует специальная конструкция, состоящая из двух жердей «сыра» длиной около 2 м, диаметром 10 см, поперек на одном конце этих жердей привязывают или прибавают две перекладины, расстояние между которыми обеспечивало линию сгиба. Используя конструкцию, просовывали концы лыж и медленным надавливанием вниз их сгибали. Для их фиксации третью перекладину прибавляли снизу жердей. В таком положении основы лыжи хранятся все лето. Осенью их доделывают. Вновь строгают приблизительно толщиной до 1,5 см под площадкой для ступни ноги. Для прочности некоторые мастера их копят на открытом огне. После метят и сверлят сверлом четыре отверстия или прожигают железным прутом для крепления от центра около 2–3 см так, чтобы носок лыж

приподнимался. Крепление делают ременные из кожи. Крепление считалось правильно закрепленным, если при держании за основу правого кожаного ремешка носок лыжи приподнимался, а пятка опускалась. На одну пару охотничьих лыж уходят камусы двух копытных животных: коня, крупного рогатого скота, марала и лося. Наиболее лучшим по своим свойствам, качеству и долговечности является камус коня или лося. Традиционным способом крепления камуса к основе лыж являлось сшивание. Перед этим камус замачивают в соленой воде на сутки или двое. На заготовке по краям через каждые 5 см делаются поперечные отметки. В точках пересечения сверлят (шилом) или прожигают (железным прутом) отверстия по толщине нитки. На носке лыжи отверстия делаются через каждые 2–3 см. Между отверстиями ножом прокладывается канавка глубиной в 2–3 мм. Затем кроют камус и сшивают их между собой так, чтобы ворс был в одну сторону. После с носка лыжи начинают сшивку. Для этого хакасские мастера использовали ссученные нитки из сухожилия или волокон конопли. Сухожилия брали из голенной части крупных копытных домашних и диких животных. Высушенные сухожилия ударами деревянного молотка или колотушки расщепляли. Затем их отсоединяли и ссучивали на обнаженном колене. Нити из конопли готовили осенью. Из высохшей конопли отдирали волокна. Затем в домашних условиях ссучили нити. Начинали сшивать с самого верхнего конца так, чтобы оба конца нитки проходили по двум краям лыжи. Так, один конец нити проходит по левому краю, а второй – по правому. Пришивая камус по краям, шкуру все время натягивали. В конце эти нити соединяются, и их привязывают между собой. На площадке для ступни подбивали бересту деревянными гвоздями из березы. Перед этим ее опускали в котел с кипящей водой и около часа там вываривали. Затем бересту вытаскивали и кроили. Вываренная береста становилась эластичной. Прибивали ее с наружной части к основе лыжи, так как к внутренней – не прилипает снег. В наши дни способ сшивания практически не используется, а в основном так же приготовленные камусы в подсоленной воде подбивают маленькими гвоздями или закрепляют степлером. Вместо бересты в площадке для ступни используют техническое сырье – резину. Обшитые лыжи просуши-

вают в тени, прохладном месте около месяца или полутора [ПМА. 1]. Голицы по форме не отличались от лыж-подволок. У них такие же крепления из кожаных ремешков [ПМА. 1]. По традиции, в давние времена некоторые хакасы вместо камуса сшивали основу лыжи шкурой выдры «хамнос» [РФ. ХакНИЯЛИ]. Охотничьи лыжи-подволоки выполняли также функцию как средство транспортировки груза. Для этого его крепления перевязывали между собой плотно, чтобы они не расходились. На носке лыж в отверстие привязывали веревку из конопляного волокна. На соединенных лыжах обычно перетаскивали добычу. Во время ходьбы на лыжах по глубокому снегу вспомогательную роль выполняла лыжная палка «тайах/курчек». Длина лыжной палки достигала 1,5 м, конец её представлял форму лопаты шириной около 15 см, длиной 20 см. Во время спуска с горы охотник переносил тяжесть своего тела на палку и с его помощью тормозил и рулил между деревьями. Она служила для раскапывания снега при устройстве охотничьего балагана или при установке ловушек и капканов. В некоторых случаях этой палкой продавливали лёд, чтобы набрать воду, также добывали раненого зверя. В настоящее время традиционные лыжные палки встречаются у коренных жителей Таштыпского района Республики Хакасия [ПМА. 2]. Зимой звероловы для доставки провизии и добычи использовали ручные нарты «санах». Её изготавливали весной. Длина охотничьей нарты составляла 2,5 м, ширина – 56 см. Она состояла из 2-х полозьев «табаны», каждая длиной 2,5 м, шириной 5 см, толщиной в тонкой части 1 см, толстой 3,5 см. Для прочности полозья стойки делали из березы «хазың» или лиственницы «тыт ағас». На каждом полозе устанавливали четыре стойки высотой 70 см, диаметром 3–4 см, расстоянием между ними по 50 см. После готовили связки «пестер» из черемухи длиной 1 м, диаметром 3–4 см. На них ножом в местах сгиба делали выем. Затем на открытом огне их нагревали, тем самым дерево распаривалось, и только потом связки обвязывались. Концы их закрепляли конопляной нитью. В последний момент на стойки нарты вдевали две горизонтальные палки: одна внизу – длиной 2,5 м, другая сверху – 2,40 м. По бокам связывали конопляной нитью крест-накрест. Тянули нарты за веревку «чук паг», которая перекидывалась вроде лямки, шириной 10–14 см, длиной 3 м. С левой стороны к нарте приделывали

«углаба» – палку длиной 3 м, диаметром 3 см. Это приспособление служило для управления на поворотах, при спуске. Если охотник тащил на нарте тяжелый груз, то сзади товарищ толкал рогулькой. На ручной нарте один зверолов мог увезти до 120 кг груза. В наши дни также используют промысловые нарты, но уже в меньшей степени [ПМА. 1].

В качестве водного транспорта использовали лодки и плоты. У хакасов существовали берестяные лодки «тос киме», лодки-долбленки «киме». Для лодки-берестянки бересту специально заготавливали в июне месяце, который называется по-хакасски «тос айы». Заготовленную бересту разваривали в больших котлах до эластичности. Затем её сшивали в два слоя гибкими корнями черемухи и крепили на деревянном каркасе. Длина этой лодки достигала 5 м. Берестяные лодки бытовали ещё в XIX в., но они постепенно были вытеснены долбленками. Второй тип – лодки-долбленки «киме». Для её изготовления организовывались артели из 3–5 человек, состоявшие в родственной или аально-общинной связи. Материалом служили тополя, растущие по берегам крупных рр. Абакана, Енисея, Июсов. По хакасской традиции, изготовлением водного транспорта занимались весной. Выбирали заготовку по следующим признакам. Она должна быть гладкой, без сучьев, длиной около 7 м, диаметром около 70–80 см. Вначале заготовку ошкуривали, затем определяли середину и дно будущей лодки-долбленки. Клади на опоры из кругляка. Сначала выстругивали концы, а затем приблизительно форму лодки, далее выдалбливали сердцевину специальным топориком-теслом «адылга/сотпа палты». Они были с прямыми, правыми и левыми лезвиями. Прямые предназначались для выдалбливания дна, а другие – для бортов лодки. В процессе изготовления на дне просверливали ряд отверстий, куда вбивали колышки из сухой коры тополя «собра». Они являлись ограничителями при выдалбливании сердцевины и определяли толщину борта лодки. Для разведения бортов применяли два способа. Первый – на песке выкапывали яму и разводили костер. Затем подготовленный макет долбленки переворачивали и клали на горячие угли. Сверху накрывали свежей скошенной травой и по мере высыхания подливали воду. Так, в течение 2–3 часов дерево постепенно распаривалось. Лодку переворачивали и разводили борта

при помощи упругов. Второй способ – перед разведением бортов внутрь наливали воду, в которую опускали раскаленные на огне камни. Тем самым горячей водой дерево распаривали. Этот процесс занимал также около двух-трех часов. Затем вычерпывалась вода и разводились борта долбленки. В последнюю очередь готовый водный транспорт смазывали дегтем. Лодками управляли веслом «иски» [ПМА. 3]. В конце XIX в. цена одной лодки была 5–6 руб. [Ярилов, 1899. С. 339]. На сегодняшний день лодки-долбленки ушли в прошлое, способы их изготовления знают лишь некоторые хакасские старожилы.

Среди водного транспорта в рыболовстве использовался плот «сал». В отличие от лодок-долбленок, плоты использовались в рыболовстве в таежных реках Хакасии еще в начале XXI в. Например, в реке Таштып ловили рыбу сетью «ильме» с помощью двух плотов. На одном плоту размещаются два рыбака, а на другом – три. По конструкции он представляет собой квадратную форму размером 2х2 м. Изготавливался из кругляка диаметром около 30 см. Последние скрепляются с помощью деревянных треугольных поперечин, вставленных в пазы бревен [ПМА. 2].

В XX в. среди домашнего производства была развита добыча дегтя «чюгет». Этим занимались только мужчины. Помогали подростки. Для получения дегтя использовали корни, кору, нарост березы. Место выбирали вблизи селения на овраге. На этом месте выкапывали яму в форме кувшина «ыраги» глубиной 1,5–1,8 м. Затем внутри стенки обмазывали глиной. После обжигали. Верхнюю часть на поверхности почвы круглой формы сооружали высотой около 20–30 см. Она служила дымо-

ходом и входом, топкой. На дне выкапывали еще дополнительную яму размером для ведра. Эту ямку накрывали квадратной металлической решеткой. Со стороны оврага на уровне второй ямки выкапывали перпендикулярный подкоп. Через этот подкоп вставляли ведро для готовой продукции. Процесс происходил следующим способом. Во время медленного горения с верхней части полученный деготь стекал в ведро через металлическую решетку. После обжига внутренней части приготовленной ямы ее наполняли наростом, корнями, корой березы. На дне вставляли с боковой части (с оврага) ведро. Затем поджигали сверху. Так, в течение суток – днем и ночью – горел. В это время наполняли березовым материалом. Брели деготь, как только он доходил до полведра. Этим ремеслом занимались немногие. В одном аале – один или два человека. Например, в середине XX в. в аале Картоев выкуриванием дегтя занимался Сойат Боргояков. Через некоторое время стенки конструкции трескались и сыпались. В этой конструкции расширяющей тулово ямы держало температуру, благодаря этому происходило медленное выгорание и получался деготь. Он обеспечивал дегтем все селение. Деготь использовался как смазка для деревянных колес. Им обрабатывали конскую сбрую. Если сыромятную кожу обрабатывали, то она становилась водонепроницаемой. Некоторые смазывали кожаные шапки. Ее применяли в народной ветеринарии в целях обработки раны домашних животных. Она являлась красителем для дубленной кожи [ПМА. 4].

Итак, в традиционной системе жизнеобеспечения добыча дегтя и изготовление охотничьих лыж, ручных нарт, плота занимало важное место у коренного населения Хакасии.

Примечания

ПМА. 1. – Полевые материалы автора. Этнографические экспедиции 2003 г., 2004 г., 2010 г., 2014 г., Республика Хакасия Аскизский р-н, с. Верхний Аскиз, информант: Сунчугашев Семен Павлович, 1924 г.р., сеок суг харга – род водный ворон; с. Картоев, информант: Тахтаракон Олка Васильевич 1928 г.р., сеок хызыл хайа – род красная скала; с. Усть-Хойза, информант: Кичеев Гаврил Максимович, 1938 г.р., сеок таг харга – род горный ворон; с. Тюрт-Тас, информант: Боргояков Илья Арминович 1931 г.р., сеок таг харгазы – род горный ворон; с. Кызлас, информант: Кыржинаков Алексей Мартянович, 1950 г.р., сеок читі пююр.

ПМА. 2. – Полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2003 г., Республика Хакасия, Таштыпский р-н, с. Верх-Таштып, информант: Кызынгашев Максим Николаевич. 1930 г.р., сеок хый.

ПМА. 3. – Полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2014 г., Республика Хакасия, Орджоникидзевский р-н, с. Черное Озеро, информант: Янгулов Иван Михайлович, 1924 г.р., сеок улуг ажыг.

ПМА. 4. – Полевые материалы автора. Этнографические экспедиции 2014 г., Республика Хакасия Аскизский р-н, с. Кызлас, информант: Пакачаков Максим Николаевич, 1942 г.р., сеок ичеге.

РФ. ХакНИИЯЛИ – Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Фонд. № 341. Каралькин П. И.

Земледелие и охота у бельгтыров (По материалам экспедиции в Аскизский и Таштыпский районы в 1947 г.).

Литература

Антропова В. В. Лыжи // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – С. 79–106.

Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX вв.). – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1987. – 245 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве, обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799. – Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 1799. – 178 с.

Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Енисейский губернский статистический комитет, 1898. – 298 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А. Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: VIII, 1; Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Часть 1).

Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Хакасское книжное издательство. Типография «Советская Хакасия», 1958. – 105 с.

Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX – н. первой четверти XX столетия. Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1955. – Т. XVI. – С. 41–146.

Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов XVII–XIX вв. – Абакан: Хакоблгосиздат, 1952. – 218 с.

Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство. Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для их изучения. – Юрьев: тип. К. Матиссена, 1899. – 366 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

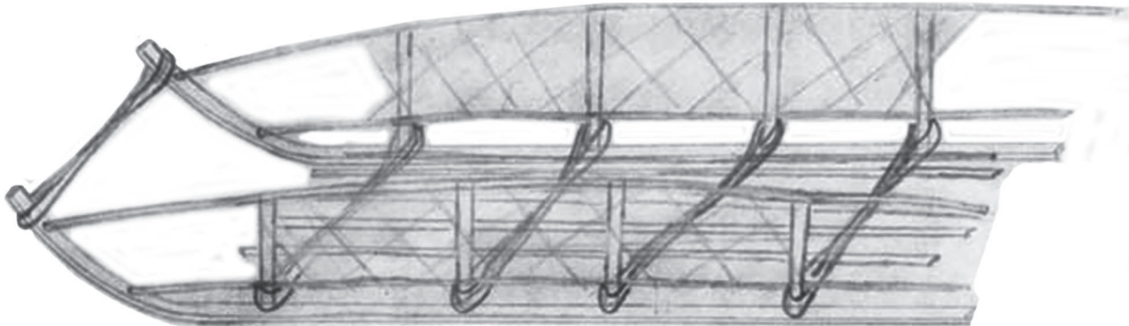
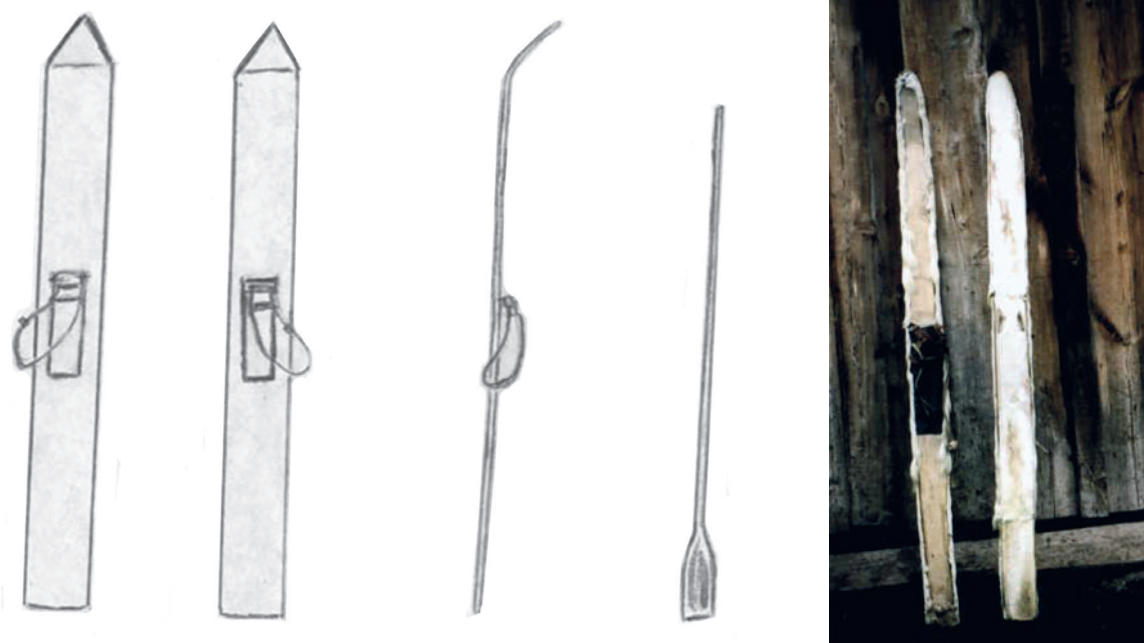

Рис. 1. Охотничьи нарты (рисунок автора)

Рис. 2. Охотничьи нарты (фото из личного архива автора)
Охотничьи нарты (санах) И. А. Боргоякова, с. Тюрт-Тас Аскизского р-на РХ

*Рис. 3. Охотничьи лыжи с палкой (рисунок автора)
Охотничьи лыжи (сана) П. В. Тахтаракова, аал Картоев Аскизского р-на РХ
(фото из личного архива автора)*

А. С. Логачева
(Россия)

К ВОПРОСУ О САМОСОЗНАНИИ ХАКАССКОГО ЭТНОСА

В статье отражены основные характеристики хакасского этноса и исхождение его самосознания из глубин исторической памяти. Все эти моменты важны в современных условиях утверждения статуса хакасского этноса. Для хакасского этноса как устойчиво сложившейся общности людей (ethnos – народ) важным фактором является этническое самосознание – осознание людьми принадлежности к своему этносу. Мудрость, врождённая скромность и разумная уравновешенность хакасов исходят из ощущения себя как неотделимой частицы родной многоликой природы.

Ключевые слова: хакасский этнос, этническое самосознание, Республика Хакасия.

A. S. Logachyova
(Russia)

TO THE ISSUE OF THE KHAKASS ETHNOS'S SELF-CONSCIOUSNESS

The article reflects the main characteristics of the Khakass ethnos and the origin of their self-consciousness from the depths of historical memory. All these points are important in the modern conditions of establishing the Khakass ethnos's status. For the Khakass ethnos as a stable community of people, the important factor is ethnic self-consciousness – people's awareness of belonging to their own ethnic group. Wisdom, innate modesty and reasonable balance of the Khakass come from the feeling of being an inseparable part of their native multi-faceted nature.

Keywords: Khakass ethnos, ethnic self-consciousness, Republic of Khakassia.

Актуальность проблемы этнического самосознания обусловлена, прежде всего, потребностями практики межнациональных и этнических отношений в нашей стране. Для хакасского этносообщества данная проблема является значимой в плане выживания, утверждения

своего статуса в условиях снижения численности этноса и носителей хакасского языка и др. Снижение численности титульного этноса, как и носителей хакасского языка, происходит в связи с размыванием этнической идентичности, дистанцирования от истоков и элементов тра-

диционной национальной культуры. В связи с этим проблема этнического самосознания, идентификации становится одной из основных в плане осмысления политических, психологических и культурных процессов. В последние годы проблема идентичности привлекает внимание не только ученых, но широкой общественности, а термин «идентичность» используется не только в научной литературе, но и в средствах массовой информации, в повседневной жизни. Следует отметить, что подобный интерес не случаен, ибо потребность самоидентификации – необходимый фактор каждого члена общества в период ломки общественных отношений, нестабильности, разрушения старых и формирования новых идеалов.

Категория «этнос», появившаяся в начале XX в., корнями уходит в древнегреческое слово *ethnos* (народ). Разработкой проблем этноса занимался Л.В. Гумилев, природу этноса с позиций биологии рассматривал С.М. Широкогоров, эмигрировавший из России, а также другие исследователи [Лебедева, 1993]. Этнос – относительно устойчивая, естественно сложившаяся общность людей, осознающих связь на основе единства территории, культуры, исторической судьбы. Основными характеристиками этноса являются: территория – условия обитания; этническая культура, отражающая особенности функционирования этноса и, прежде всего, сюда входит язык, а затем – традиции, обычаи, символы, религия, формы освоения мира, способы сохранения целостности и единства; общая история – формирование исторического сознания и исторической памяти, через них определяется наличие этноса, его прошлое, настоящее и способы сохранения в будущем [Бромлей, 1983].

Хакасский этнос сложился под воздействием определенных условий: огромной территории, где перемежались степи, горы и леса, характерен был суровый климат; общинно-артельных традиций социальной взаимовыручки; нравственных устоев жизни: первенства духовных ценностей над материальными, нрав-

ственных основ жизни над правовыми; почитания Земли, её недр как величайшей святыни; стремлении к личной праведности бытия и справедливому государственно-политическому устройству общества; достижения целостности – гармоничное воспроизводство человека и окружающей среды существования, социальной и природной; гармонии взаимоотношений между всеми членами сообщества; органической встроенности хозяйственной деятельности в структуру мирового целого; экологической основы хозяйствования; попытки создания модели развития, адекватной природно-географическим и культурным условиям [Арутюнян, Дробижева, 1987]. Данные условия сформировали самосознание народа.

Самосознание¹ хакасского народа утвердилось и воплощалось на основе базовых ценностей, сохраненных в глубинах исторической памяти: абсолютно ценны мир и единение этноса; бесценна сохраненная здоровой природа земли – это залог здоровью поколения и целостности этноса; неразменны сокровища культуры, ибо невежество несовместимо со званием человека; свято материнство, ибо на нем держится жизнь на земле; прекрасны умеренность и нестяжательство, ибо если материальные потребности конечны, то духовные растут бесконечно.

Для создания этноса наши предки имели определенные условия: общая слава в прошлом и общая воля в настоящем, воспоминания о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим.

К началу XXI в. сложилась общая система национального самосознания хакасов. На сегодняшний день важным вопросом изучения хакасского самосознания является вопрос идентификации этноса², который формируется под влиянием идентичности и ментальности этноса. Идентификация существует в различных формах, по которым определяют сходство с чем-либо подобным, как принадлежность к типу. Это могут быть экономические, религиозные, политические, национальные

¹ Этническое самосознание – есть осознание людьми принадлежности к своему этносу, рассматриваемое как производное от совокупности характеристик этноса, т. е. это определение членами этноса самих себя «я – хакас». Проявление этнического самосознания проходит через осознание своей этнической принадлежности. Этническое самосознание проявляется через идентификацию – сопоставления и сравнения себя с другими «Я» и «Они» [Лебедева, 1993].

² Идентификацию этноса стоит рассматривать как защитный механизм бытия и культуры, с одной стороны, сохраняющий единство при контакте с другими этносами, народами и их культурой, и, с другой стороны, возможность внутренней самоидентификации.

аспекты бытия, идеально дающие картину мира. Следовательно, процесс идентичности, особенно малых этносов, определяется сдвигом ментальности, вынужденным стремлением к идентификации под давлением внешних факторов [Дробижева, 2002. С. 213–214].

Идентичность¹, в отличие от ментальности, перманентно выступает и свойственна каждому этносу. Отсутствие четкого ощущения идентичности, «диффузия» или «спутанность» идентичности остро переживается членами этноса как проблема. Фактором этнической идентичности является и национальный характер². Предки хакасского народа претерпели не одно столетие порабощения, грабежей, истребления, но, как и его сказочная птица Хысхылах, возродились из огня и пепла. Так закалялся и формировался национальный характер хакасов. Загадкой истории остается вопрос, где же взял хакасский народ непоборимую силу, как смог уцелеть столько потерявший и сильно изменившийся народ? Несмотря ни на что, он сохранил родную землю, историческую память.

Мудрость, врожденная скромность и разумная уравновешенность хакасов исходят из образного восприятия, из ощущения себя как неотделимой частицы родной многоликой природы, каждое явление которой было живым, удивительно гармоничным, организованным свыше, восхищающим и вдохновляющим, возвышающим душу человека во все времена года и в любом возрасте. Можно сказать, что в народе существовало мощное, выработанное опытом и высокой мыслью философско-нравственное учение повсюду разлитой жизни, передаваемое как высшая ценность из поколения в поколение.

Национальный характер формируется в процессе идентификации и воспитания, проявляется в совместных действиях. Двигательным

фактором его развития является культура [Арутюнян, Дробижева, 1987].

Однако этническое самосознание включает в себя не только идентичность, ментальность этноса, но и ряд иных феноменов. Прежде всего, это отношение к своему этносу и к «членству» в нем, которое может быть как позитивным, так и негативным. При положительном отношении возможны такие проявления, как этноцентризм, этнофанатизм в крайних формах – национализм и фашизм. Здесь, безусловно, нельзя обойтись без учета отношения к иным этносам. Для негативной идентичности с этносом употребляется термин этнонегативизм.

Особое место в проблеме этнического самосознания занимает культурный конфликт, при котором индивид испытывает на себе одновременно или последовательно действие нескольких этносов. В данном случае возможно несколько исходов, среди которых выделяют сегрегацию, ассимиляцию, маргинализацию и некоторые другие.

Таким образом, этническое самосознание носит социальный характер, но неразрывно связан с другими аспектами личностной и групповой идентификации. Поэтому столь трудно дать исчерпывающее определение этническому фактору, учитывая его многослойность. С другой стороны, исследование этнической идентичности в рамках социальной является наиболее актуальным в современной России при общем подъеме этнического самосознания и обострения с этим связанных проблем.

Национальное самосознание хакасов выкристаллизовывалось в ходе укрепления философии жизни: в борьбе противоположностей формировалось единство народа, в процессе отрицания уходило все негативное, и количественные накопления превращались в качество – жизнестойкость и веру в будущее.

Литература

Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов России. – М., 1987. – 303 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – 412 с.

Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние и совместимость // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – 368 с.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. – М., 1993. – 340 с.

¹ Идентичность – качество существования, основанное на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования, во времени и пространстве, признаваемого окружающими. Потребность в идентичности определяет ментальность.

² Национальный характер представляет не только сумму отдельных черт, а своеобразное сочетание и проявление психологических факторов, ставших в той или иной степени свойственными этнической общности в конкретных исторических условиях ее развития.

О.Л. Лушникова

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)***ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ**

Статья посвящена анализу ценностной структуры сельского населения Хакасии. Основываясь на социокультурном подходе Н.И. Лапина, в исследовании была построена структура ценностных ориентаций. С одной стороны, наиболее значимыми для сельских жителей являются ценности жизни, свободы и семьи, но наряду с этим существует некоторый «крен» в сторону материальных ценностей (комфорта, благополучия, достатка). Кроме того, произошла переоценка ценностей порядка и законности (в том числе со стороны государства), что, вероятно, объясняется сложной экономической ситуацией на селе, низким уровнем жизни и отсутствием ближайших перспектив развития.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, сельское население, Хакасия.

O.L. Lushnikova

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)***VALUE ORIENTATIONS OF THE RURAL POPULATION OF KHAKASSIA**

The article analyzes the value structure of the rural population of Khakassia. The one is based on the socio-cultural approach of N. I. Lapin by the study of values. On the one hand, the most important values for rural residents are the values of life, freedom and family, but there is a certain orientation towards material values (comfort, well-being, prosperity). In addition, there has been a re-evaluation of the values of order and legality (including by the state), which is probably due to the difficult economic situation in rural areas, the low living standards and the lack of immediate development prospects.

Keywords: values, value orientations, rural population, Khakassia.

Кризис современного села затрагивает все стороны человеческого бытования, в т.ч. приводит к изменению ценностных ориентаций. Фокус данной статьи направлен на анализ ценностной структуры современного сельского населения Хакасии. Статья построена на результатах социологического опроса сельского населения Хакасии (n=1000). Опрос проводился в августе-сентябре 2018 г. методом формализованного интервью.

При исследовании структуры доминирующих ценностей мы отталкивались от социо-

культурного подхода Н.И. Лапина, в соответствии с которым *ценности* рассматриваются как «обобщенные представления о целях и нормах поведения, воплощающих исторический опыт и концентрированно выражающих смысл определенной культуры» [Динамика ценностей, 1996. С. 3]. Классификация включает 14 основных ценностей, дифференцирующихся на терминальные и инструментальные, а также на традиционные, общечеловеческие и либеральные [Лапин, 2003. С. 140] (табл. 1).

Таблица 1

Социокультурная модель базовых ценностей по Н.И. Лапину

Ценности	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Традиционность Семья	Законность Благополучие Работа	Жизнь Свобода
Инструментальные	Самопожертвование Вольность	Общение Нравственность Авторитетность	Независимость Инициативность

В ходе опроса мы просили респондентов проранжировать вышеобозначенные ценности по степени их важности лично для каждого респондента. Определялось, на какие места чаще всего ставили ту или иную ценность респонденты, и подсчитывалось число таких опрошенных. Например, ценность жизни, семьи и свободы опрошенные наиболее часто ставили на 1-е, 2-е и 3-е места, соответственно высчитывался удельный вес всех респондентов, поставивших эти ценности на первые три места.

Ценности благополучия, работы, общения и нравственности чаще всего ставили на 4-е, 5-е, 6-е и 7-е места; ценности инициативности, традиционности, независимости – на 8-е, 9-е и 10-е места; ценности самопожертвования, авторитетности и законности – на 11-е, 12-е и 13-е места; ценности вольности большинство определило на последнее место. В результате подсчетов мы получили следующую картину (рис. 1).

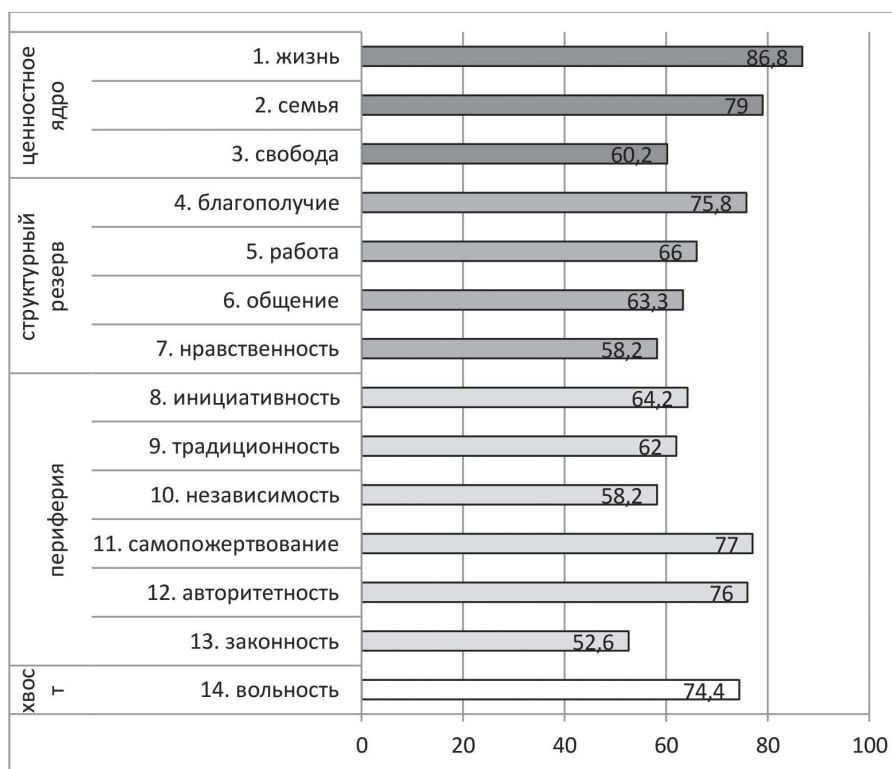

Рис. 1. Структура ценностей опрошенного сельского населения Хакасии (в % от опрошенных)

В структуре *ценностного ядра* – терминальные ценности, связанные с наиболее важными смысложизненными основами любого общества: ценность *жизни* как таковой, ценность *семьи* и личного счастья, а также ценность *свободы* в реализации собственных потребностей. Вместе с тем ценность семьи в структуре «ядра» стоит в некотором смысле «особняком». Во-первых, она относится к типу традиционных ценностей, связанных с сохранением и воспроизводством сложившихся целей и норм жизни, тогда как ценности жизни и свободы относятся к современным (или либеральным) ценностям, транслирующим инновации и прогресс в достижении рациональных ценностей [Лапин, 1996. С. 6]. Во-вторых, на 2-е

место ценность семьи поставило не так много опрошенных, однако в совокупности с 3-им местом в общей структуре она «поднялась» на 2-е место (ценность свободы преимущественно ставили на 3-е место, поэтому 2-е места для нее не учитывались).

Судя по этому, можно заключить, что все же наиболее значимыми для сельского населения Хакасии представляются ценности современного общества. Возможно, ценность *жизни* как наивысшей ценности актуализировалась в связи с кризисным состоянием села: разруха сельского хозяйства, отсутствие работы и, в целом, отсутствие перспектив заставляет сельчан задуматься о том, насколько государство ценит жизнь своих граждан. Значительная часть сель-

ских жителей вынуждена буквально «балансировать на грани выживания». Выходит, что, имея провозглашенную современным обществом *свободу* для реализации собственных потребностей и интересов (работы, материального благополучия и т.д.), сельское население не имеет реальных средств и способов для их достижения (рабочие места, достойный уровень пенсий и т.д.). Возможно, поэтому в структуру ценностного ядра вошла *семья* как наиболее стабильная ценность, способная интегрировать общество в любые, даже кризисные времена.

Вообще исследователи отмечают, что интерес к изучению ценностной тематики заметно повышается в кризисные или переходные периоды развития обществ, сопряженные не только с изменением условий жизни, социальных структур обществ, но и с переоценкой ценностей и их систем [Елишев, 2010. С. 74]. Логично предположить, что сложное социально-экономическое положение современного села должно было закономерно привести, если не к переоценке ценностей, то к некоторому «крену» в сторону материалистических ценностей. Результаты показали, что, с одной стороны, такой «крен» присутствует: в *структурном резерве* на первых позициях стоят терминальные ценности *благополучия* (доход, комфорт жизни) и *работа* (как средство заработка), что представляется вполне оправданным, учитывая высокий уровень безработицы в сельской местности. Но, с другой стороны, в резерве также присутствуют и такие ценности, как *общение* (в т.ч. взаимопомощь) и *нравственность*, которые относятся к категории инструментальных ценностей (как регуляторов человеческой активности в виде норм, идеалов, критериев выбора и оценок нравственных действий) [Корж, 2011. С. 331]. Другими словами, в стремлении к материальному благополучию, сельские жители все же руководствуются морально-этическими нормами, нормами взаимной помощи и поддержки.

Кроме того, все ценности структурного резерва представляют собой универсальные, *общечеловеческие* ценности, которые выполняют культурно-интегрирующую функцию. В целом, характеризуя ценности ядра и структурного резерва сельских жителей, можно заключить, что они являются доминирующими в силу недостаточной представленности в жизни современного общества, т.е. это те идеалы, к

которым люди стремятся. В некотором смысле полученные в нашем исследовании данные согласуются с результатами других исследований [Inglehart, 1997].

Ценностную *периферию* отличает разнообразие и изменчивость состава, свидетельствующие о тенденции эволюции общества [Лапин, 2003. С. 145]. В этот слой попали как традиционные ценности (*традиционность, самопожертвование*), общечеловеческие (*законность, авторитетность*), так и современные (*независимость, инициативность*). В представлении Н.И. Лапина, периферия включает в себя оппозиционные ценности, разделяющие членов данной общности на приверженцев существенно разных, подчас несовместимых ценностей и потому вызывающие наиболее острые конфликты [Лапин, 1996. С. 7]. С одной стороны, сюда попали две терминальные ценности (традиционность и законность), что уже является свидетельством конфликтности. Вероятно, в силу сложной экономической ситуации ценность *законности* как установленного государством порядка, обеспечивающего безопасность индивида, в глазах сельского населения подвергается сомнению, в связи с чем для сельских жителей актуализируются традиционные ценности. Конфликтность также проявляется в дифференциации сельчан по средствам достижения своих целей: одна часть ориентируется на современные (либеральные) ценности – *независимость* и *инициативность*; другая – тяготеет к разнонаправленным ценностям: *самопожертвованию* (готовности помогать другим, даже в ущерб себе) и *авторитетности* (способности иметь власть над другими и оказывать на них влияние).

Т. Парсонс отмечает, что *ценностные ориентации* дают человеку возможность соблюдать определенные правила при отборе из возможных альтернатив. Всякий раз, когда человек вынужден выбирать, ценностные ориентации могут гарантировать ему некоторые нормы, которыми он будет руководствоваться [Парсонс, 2000. С. 203]. Выходит, что современные сельские жители, усомнившись в авторитетности государства, больше ориентируются на традиционные ценности. Причем одна часть сельского населения в процессе «выживания» руководствуется принципами взаимной помощи и поддержки, другая – в основном полагается на себя, а третья – не «чуждается» авторитарных методов в стремлении достижения своих целей.

В *хвосте* оказалась инструментальная ценность *вольности*, трактуемая как архаичная «свобода от...» ограничений, тяготеющая к вседозволенности. С одной стороны, ценности этого слоя отвергаются большинством [Лапин, 2003. С. 145], но, с другой стороны, они отражают ценности явного меньшинства, которое отличается стабильностью своих ориентаций, унаследованных от прошлых пластов культуры [Лапин, 1996. С. 7].

Особенно ярко ценностные различия проявляются между сельчанами с разным уровнем материального достатка (рис. 2). Хотя ценность жизни представляется наиболее значимой для абсолютного большинства сельских жителей, независимо от их материальной состоятельности, среди других ценностей «ядра» существуют заметные различия.

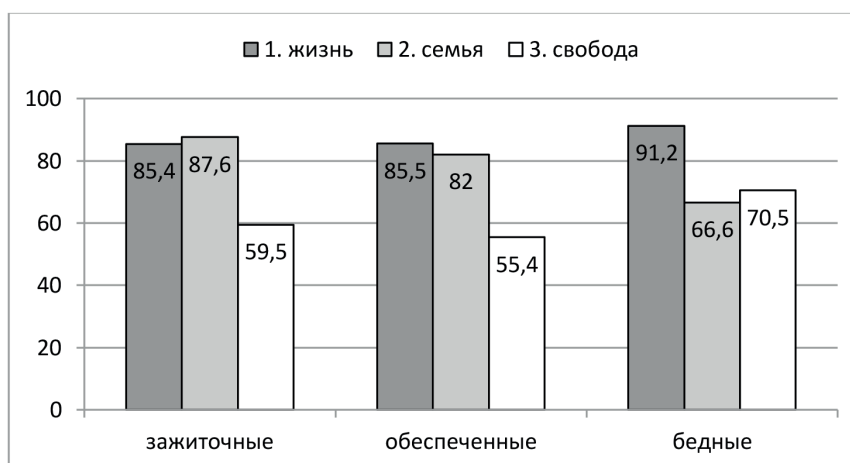

Рис. 2. «Ядро» ценностной структуры опрошенных сельских жителей с разным уровнем материального достатка (в % от опрошенных)

По рисунку 2 видно, что ценностные ориентации *зажиточных* и *обеспеченных* сельчан достаточно схожи: они характеризуются высокой значимостью ценности семьи и невысокой оценкой ценности свободы. Исследования доказывают, что в структуре ценностей сельских жителей семья занимает одно из первых мест, что говорит об устойчивом положении ее в сознании селян [Евдокимова, 2015. С. 96]. Однако среди *бедных* сельчан (которым средств не всегда хватает на еду), наоборот, ценность свободы представляется более значимой, чем ценность семьи.

Зарубежные исследования доказывают, что россияне, в сравнении с представителями других европейских стран, характеризуются крайне высокой значимостью материалистических ценностей или ценностей выживания (в противовес ценностям самовыражения) [Inglehart, 2008. Р. 137]. Особенно отчетливо это проявляется среди *зажиточных* сельчан: ценность *благополучия*, связанная с уровнем дохода и комфортностью жизни, является для них одной из самых значимых (рис. 3).

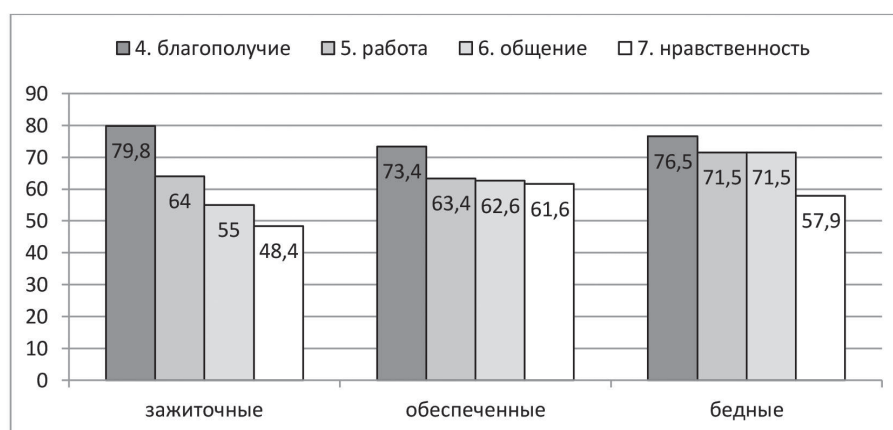

Рис. 3. «Структурный резерв» ценностной структуры опрошенных сельских жителей с разным уровнем материального достатка (в % от опрошенных)

Следует отметить, что для бедных сельских жителей *работа* представляет большую ценность по сравнению с более обеспеченными сельчанами: вероятно, это связано со сложной ситуацией на рынке труда на селе, что в свою очередь негативно сказывается на уровне материального достатка. Исследователи отмечают, что ценность работы, которая является главным источником получения средств к существованию, приобрела большую значимость, по их мнению, данное явление может оказаться своеобразным симптомом возвращения к материальным ценностям [Евдокимова, 2015. С. 98]. Однако и ценность *общения* для представителей бедного населения столь же значима, что и ценность работы. В ситуации безработицы особенно актуализируются нормы взаимной

помощи и поддержки, в т.ч. и в поисках работы (например, «калым»). Заметна закономерность: чем выше уровень материального достатка, тем менее «ценным» является общение для сельчан. Примечательно также, что ценность *нравственности* (инструментальная ценность) менее всего значима именно среди зажиточных сельских жителей, которые, вероятно, в процессе «выживания» используют все доступные средства в достижении своих целей (даже не всегда социально одобряемые).

В структуре ценностной «периферии» мы выделили «верхнюю» и «нижнюю» части, причем наиболее существенные различия между богатыми и бедными присутствуют именно в «верхней» части (рис. 4).

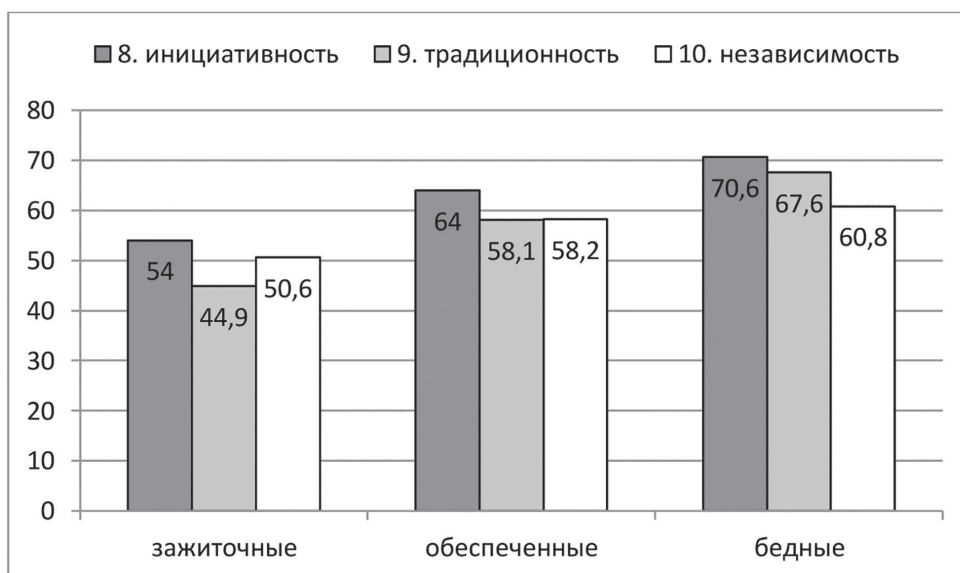

Рис. 4. Верхняя часть «периферии» ценностной структуры опрошенных сельских жителей с разным уровнем материального достатка (в % от опрошенных)

Во-первых, у бедных сельчан более устойчивые ценностные ориентации: большая часть опрошенных (около 60–70%) отвела этим ценностям соответствующие места (8-е, 9-е и 10-е) в общей структуре ценностей; среди зажиточных сельских жителей таковые составляют только около половины опрошенных, что свидетельствует о неоднозначности ценностных ориентаций среди более обеспеченных слоев сельского населения. Во-вторых, у зажиточных сельских жителей более выражены современные ценности (*инициативность* и *неза-*

висимость); у обеспеченных современные и традиционные ценности (*традиционность* и *независимость*) выражены в равной степени; у бедных нет четко выраженных ориентаций. Учитывая, что ценности этого слоя выполняют дифференцирующую функцию, можно сделать вывод, что ориентация на разные инструментальные ценности лишь усиливает социально-экономическое неравенство в сельском социуме.

В «нижней» части ценностной периферии различия не столь значимы, за исключением ценности *законности* (рис. 5).

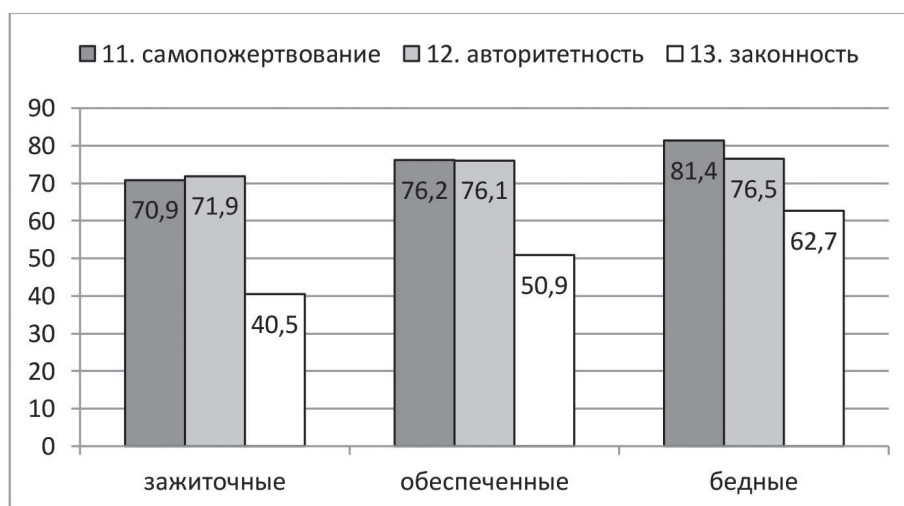

Рис. 5. Нижняя часть «периферии» ценностной структуры опрошенных сельских жителей с разным уровнем материального достатка (в % от опрошенных)

Следует отметить, что терминальная и общечеловеческая ценность законности или *порядка*, под которой понимается гарантированные законом безопасность жизни человека и равенство прав всех граждан, согласно исследованиям Н.И. Лапина, входит в ценностное «ядро». Он отмечает, что поскольку такого порядка явно не хватает, его ценность устойчиво занимает первые места [Лапин, 2003. С. 144]. Однако, согласно полученным в нашем исследовании результатам, ценность законности оказалась в «нижнем» слое ценностной структуры. Возможно, это объясняется неверием сельских жителей в силу законности и порядка, который может им гарантировать достойный уровень жизни. В «хвосте» ценностной структуры оказалась ценность *вольности*, которую почти три четверти опрошенных, независимо от уровня материального достатка, «поместили» на самое последнее место.

Таким образом, общие ценностные ориентации сельского населения, с одной стороны,

характеризуются устойчивостью: в структуре ценностного ядра находятся терминальные ценности жизни, свободы и семьи. С другой стороны, нельзя не отметить некоторый «крен» ценностей сельчан в сторону материальных ценностей (материального благополучия, работы, комфорта), что объясняется сложной социально-экономической ситуацией, которая сложилась сейчас в сельской местности. Вероятно, поэтому произошла переоценка ценности порядка и законности: отсутствие помощи со стороны государства ставит под сомнение силу закона и авторитета государства и порождает отчаяние со стороны сельских жителей. В борьбе за «выживание» сельское население ориентируется на разные способы: одна часть сельчан полагается только на себя и собственную инициативу, другие выживают за счет помощи и поддержки близких, третьи используют все возможные средства, даже не всегда социально одобряемые.

Литература

Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Эдиториал УРСС. 1996. – 224 с.

Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 91–98.

Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 74–90.

Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2011. – № 3 (34). – С. 327–332.

Лапин Н.И. Как изучать сегодняшнюю Россию. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня (1990–2002)» // Мир России. – 2003. № 4. – С. 120–159.

Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3–23.

Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

Inglehart R. Changing Values among Western European Politics. 2008. Vol. 31. № 1–2. – PP. 130–146.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. – 453 p.

А.С. Нилогов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РОДОСЛОВНОЙ И.Н. КАРТИНОЙ-КАРАЧАКОВОЙ

В статье рассматривается вопрос документальной реконструкции родословной хакасского скульптора И.Н. Картиной-Карачаковой (1919–1989) на материале церковных метрических книг и ревизских сказок (переписей населения). Используются фонды таких архивов, как Государственный архив Красноярского края, Национальный архив Республики Хакасия и архив города Минусинска.

Ключевые слова: генеалогия, Картины, Чирка, родословная, Баиновы, ревизская сказка, метрическая книга, Национальный архив Республики Хакасия, архив города Минусинска, Государственный архив Красноярского края.

A.S. Nilogov

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

DOCUMENTARY RECONSTRUCTION OF I.N. KARTINA-KARACHAKOVA'S GENEALOGY

The article deals with the issue of documentary reconstruction of the genealogy of the Khakass sculptor I. N. Kartina-Karachakova (1919 – 1989) on the material of church metric books and audit tales (population censuses). The funds were used of such archives as: State archive of the Krasnoyarsk region, National archive of the Republic of Khakassia and archive of the city of Minusinsk.

Keywords: genealogy, Kartins, Chirka, family tree, Bainovs, revizsky fairy tale, metric book, National archive of the Republic of Khakassia, archive of the city of Minusinsk, State archive of the Krasnoyarsk region.

В фотоальбоме «Наследие последней принцессы Хакасии», посвящённом известному хакасскому скульптору Ирине Николаевне Картиной-Карачаковой (1919–1989), приводится информация о её родословной [Наследие, 2014. С. 8].

Род Картиных (Хартылар) относится к сеоку «ойрат хыргыс» («хара хыргыс»), который входил в состав Тубинского улуса Качинской степной думы. Картины обитали по реке Абакан в аале Картин. Иносказательное название фамилии – «Чохырлар». Фамилия происходит от Карты Баинова, жившего во 2-й половине XVIII в. [Бутанаев, 2016. С. 171]. По нашим данным, фамилия «Картин», которую носил Чирка Картин Баинов, встречается уже в 1824 г. в документах по Качинской степной думе [Журнал, 1824. Л. 25об., 26об., 70]. Ранее мы рассмотрели происхождение Картиных,

используя устные родословные предания и письменные источники конца XVIII – 1-й половины XIX вв. [Нилогов, 2020. С. 61–69; Нилогов, 2020. С. 14–18].

Тем не менее сведения, опубликованные в фотоальбоме за авторством А.Ф. Чепашевой, позволяют усомниться в правильности родословной линии. Приведём соответствующие доказательства. Читаем: «Хакасское имя Ирины – Харачах. Отец – Николай Николаевич (хакасское имя Сатик) Картин, мама – Екатерина Парфёновна, урождённая Шадрина.

Ирина часто вспоминала свою речку, как она играла на берегу с сестрами Марией, Шурой. Семья состояла из 7 человек, в т.ч. 5 детей – Антипа, Пелагеи, Александры, Мария, Ирины.

Отец принадлежал к знатному качинскому роду – сёок кыргыз. Он был внуком Чирки Картина – хакасского бая.

Сын Чирки – Николай Картин – дед Ирины, уже в 1842 г. имел патент купца 3 гильдии с объявленным капиталом до 100 000 ассигнациями» [Наследие, 2014. С. 8].

Итак, Николай Николаевич Картин назван внуком Чирки Картина, который умер около 1854 г. [Ревизские, 1858. Л. 33об.–34, № 79; Перепись, 1858. Л. 33об.–34, № 79]. То есть мы имеем следующую родословную линию: *Чирка – Николай – Николай – Ирина*.

Однако эта родословная линия очень короткая, так как Чирка (в крещении – Константин), согласно ревизским сказкам (переписям населения), родился в конце XVIII в. – около 1777 г. [Ревизские, 1850. Л. 14об. – 15, № 41; Перепись, 1850. Л. 15об. – 16, № 41], а Ирина Николаевна – в 1919 г. Следовательно, маловероятно, чтобы Ирина Картина могла быть правнучкой Чирки.

Поскольку в фотоальбоме не приведены ссылки на те или иные архивные документы, постольку мы решили самостоятельно восстановить родословную линию Ирины Николаевны. Научная реконструкция родословной предполагает обращение к таким массовым генеалогическим письменным источникам, как церковные метрические книги и ревизские сказки. Речь идёт о девятой ревизии 1850 г. и десятой ревизии 1858 г., а также о метрических книгах Усть-Абаканской Николаевской церкви 2-й половины XIX – начала XX вв.

По данным 10-й ревизии 1858 г., Чирка Картин Баинов показан умершим около 1854 г., а среди его сыновей назван лишь один – Кондратий-Николай, умерший в 1855 г. [Метрическая, 1855-1. Л. 154об. – 155, № 59; Метрическая, 1855-2. Л. 59об. – 60, № 59], и трое сыновей самого Кондратия-Николая – Григорий, Пётр и Василий [Ревизские, 1858. Л. 34об. – 35, № 79; Перепись, 1850. Л. 34об. – 35, № 79]. Уже исходя из данных ревизии, видно, что линия «Чирка – Николай – Николай – Ирина» неверна. За более детальной и точной информацией необходимо обратиться к церковным метрическим записям, содержащим сведения о рождении/крещении, бракосочетании/венчании и смерти/погребении.

Итак, было установлено, что Картины фиксировались в метрических книгах Усть-Абаканской Николаевской церкви, которая была основана в 1859 г. До этого они встречаются в метрических книгах Минусинской Спасской церкви. Помимо обращения к

архивной документации, были опрошены ныне живущие представители рода Картиных, в том числе по смежной родственной линии. Речь идёт о Валентине Ивановне Картиной (1951 г. рождения), которая проживает в г. Абакане, и Валентине Трофимовне Райковой (урождённой Таракановой; 1951 г. рождения) – дочери Пелагеи Николаевны, то есть племянницы Ирины Николаевны, которая проживает в с. Байкит Эвенкийского района Красноярского края.

Метрическое свидетельство самой Ирины Николаевны Картиной, родившейся 3 мая 1919 г., скорее всего, имеет вид актов записи, так как в 1918 г. функции церкви по регистрации населения были переданы органам ЗАГС. Следовательно, мы обратились к дореволюционным метрическим книгам по Усть-Абаканской Николаевской церкви, чтобы выявить записи о семье родителей Ирины Николаевны.

Её отец – Николай Николаевич Картин – состоял в неофициальном (незаконном, нецерковном) браке с Екатериной Парфёновной Шадриной. Нами выявлено несколько метрических записей о рождении/крещении детей в семье Картиных – Ольги, Антипа, Агапии и Марии.

Самой ранней из пока что обнаруженных записей является метрика о рождении дочери Ольги 22.02(07.03).1907 г., крещена 26.02(11.03).1907 г. [Метрическая, 1907. Л. 8 об. – 9, № 12; Л. 85 об.–86, № 12].

Также найдена метрическая запись о рождении/крещении Антипа Николаевича Картина, который родился 03(16).04.1908 г., а крещён 22.05(04.06).1908 г. [Метрическая, 1908. Л. 143 об. – 144, № 100].

За 1910 г. выявлена запись о рождении дочери Агапии, которая в 2-месячном возрасте была крещена 06(19) июня [Метрическая, 1910. Л. 322 об.–323, № 57].

Наконец, выявлена метрическая запись о рождении/крещении сестры Ирины – Марии – за 1911 г. Согласно записи № 142, она родилась 11(24) декабря 1911 г., а крещена 30 декабря 1911 г. (12 января 1912 г.). В графе «Родители» записано: «1-й половины Шалошина рода инородка Екатерина Парфёнова Шадрина, по заявлению матери прижит с инородцем 2-й половины Шалошина рода Николаем Николаевичем Картиным, оба православные» [Метрическая, 1911. Л. 65 об., № 142]. Как

правило, дети, рождённые вне церковного брака, записывались незаконнорождёнными, как, например, Н. Ф. Катанов в 1862 г. [Метрическая, 1862. Л. 191об.–192, № 90], однако в данном случае такой пометки нет.

Дальнейшая документальная реконструкция линии Николая Николаевича Картина потребовала просмотра метрических книг за конец XIX в. Необходимо было выявить запись о его рождении/крещении, чтобы установить полные имена родителей. Искомый Николай был найден за 1887 г.: согласно записи № 139, 26.11(08.12).1887 г. в семье инородца 2-й половины Шалошина рода Николая Васильевича Картина и невенчанной его жены Акилины Васильевны, веры православной, появился незаконнорождённый сын Николай, крещение состоялось 19(31).12.1887 г. [Метрическая, 1887. Л. 279 об.–280, № 139].

В качестве генеалогической подсказки нами использована информация от В. Т. Райковой, которая сообщила, что у Николая Николаевича Картина было ещё двое братьев – Василий (Пайса) и Иван. В ходе поисков была выявлена метрическая запись о рождении/крещении в семье Николая Васильевича Картина и его невенчанной жены Акилины Васильевны сына Василия за 1893 г. Согласно метрической записи № 125, 2-месячный Василий был крещён 08(20).08.1893 г. [Метрическая, 1893. Л. 273 об.–274, № 125]. Благодаря этой записи и было подтверждено рождение старшего сына Николая – будущего отца Ирины Николаевны Картиной.

Далее, принимая в расчёт рождение в 1887 г. Николая Николаевича, нами было предположено, что его отец Николай Васильевич Картин мог родиться приблизительно в 1860-е гг. Поскольку официальный церковный

бра́к не был заключён, постольку отсутствовала информация о возрасте брачующихся. Пришлось просмотреть метрические книги за 1860-е гг., чтобы найти подходящего Василия Картина. В итоге, за 1866 г. нашлась запись № 65, согласно которой в семье инородца 2-й половины Шалошина рода Василия Николаевича Картина и жены его Ксении Николаевны, чей брак не был освящён, 01(13).13.1866 г. родился сын Николай, которого крестили 28.12.1866 (09.01.1867) г. [Метрическая, 1866. Л. 135 об.–136, № 65]. Скорее всего, именно этот Николай Васильевич и будет доводиться дедом Ирине Николаевне.

Из последней ревизии 1858 г. мы знаем, что Василий Николаевич Баинов Картин был сыном Кондратия/Николая Баинова (Константиновича) Картина, то есть внуком Чирки (Константина) Картина Баинова [Ревизские, 1858. Л. 33 об.–35, № 79; Перепись, 1858. Л. 33 об. – 35, № 79].

Таким образом, Чирка Картин Баинов, родившийся около 1779 г., является прапрапрадедом Ирине Николаевне Картиной, родившейся в 1919 г. Разница между ними составляет 140 лет на 6 поколений. Имеем следующую родословную линию: *Чирка/Константин – Кондратий/Николай – Василий – Николай – Николай – Ирина*.

Для полноценной научной верификации данное генеалогическое исследование должно включать генетическое тестирование ближайших биологических родственников И. Н. Картиной-Карачаковой (аутосомный ДНК-тест). Перспективным видится изучение прямых мужских потомков Чирки Картина по Y-хромосоме для определения гаплогруппы их рода [Нилогов, 2020. С. 57–65].

Литература

Бутанаев В. Я. Историческая ономастика Южной Сибири: учебно-методический комплекс по дисциплине: курс лекций / В. Я. Бутанаев, К. М. Торбостаев. – Абакан, 2016. – 220 с.

Журнал регистрации входящей корреспонденции. Документы об избрании старшиной Петра Юсупова, есаулов, о раскладке и взыскании податей и повинностей (приказы, приговоры, ведомости, рапорты, переписка), 1824 г., 107 л. // ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 11.

Метрическая книга Аскызской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1862 г. // ГАКК. Ф. 824. Оп. 1. Д.

72. [Электронный ресурс] URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3437028&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.07.2020). Доступ после регистрации.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1911 г. // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 135.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1910 г. // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 111.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1908 г. // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 111.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1907 г. // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 92.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1887 г. // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 39.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1893 г. // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 45.

Метрическая книга Николаевской церкви с. Усть-Абаканского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1866 г. // ГАКК. Ф. 824. Оп. 1. Д. 100а. [Электронный ресурс] URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3469502&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.07.2020). Доступ после регистрации.

Метрическая книга Спасской церкви г. Минусинска для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1855 г. // ГАКК. Ф. 868. Оп. 1. Д. 35. [Электронный ресурс] URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3449470&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf>, <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3449480&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.07.2020). Доступ после регистрации.

Метрическая книга Спасской церкви г. Минусинска для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1855 г. // ГАКК. Ф. 868. Оп. 1. Д. 36. [Электронный ресурс] URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3449496&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf>, <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3449500&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.07.2020). Доступ после регистрации.

Наследие последней принцессы Хакасии. Фотоальбом / Сост. О. Ахремчик, Ю. Кудряшов. – Абакан,

2014. – 136 с., ил. [Электронный ресурс] URL: <https://museumsrussian.blogspot.com/2011/02/1919-1989.html> (дата обращения: 01.07.2020).

Нилюгов А.С. Верификация генеалогических преданий о роде Картиных (Хартылар) // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Филология. – 2020. №2 (26). – С. 61–69. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43122248_31023385.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Нилюгов А.С. Научная верификация хакасских родословных преданий: от мифо- и этногенеалогии к ДНК-генеалогии // Genesis: исторические исследования. – 2020. – №1. – С. 57–65. [Электронный ресурс] URL: http://e-notabene.ru/hr/article_29539.html (дата обращения: 01.07.2020).

Нилюгов А.С. Проблема оцифровки массовых генеалогических источников по коренным жителям Южной Сибири на материалах Государственного архива Красноярского края // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: История. – 2020. – №4 (28). – С. 14–18. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42978471_11786324.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Перепись населения Тубинского улуса Качинской степной думы, 1850 г., 42 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 160.

Перепись населения Шилошина рода Абаканской инородческой управы, 1858 г., 74 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 232.

Ревизские сказки на инородцев Минусинского округа Абаканский инородной управы Шалюшина 2-й половины рода, 1858 г., 74 л. // ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 640. [Электронный ресурс] URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3523922&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.07.2020). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на кочевых инородцев Минусинского округа Качинской степной думы Тубинского улуса, 1850 г., 40 л. // ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 463. [Электронный ресурс] URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3523122&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения: 01.07.2020). Доступ после регистрации.

Ю. А. Орешкова*Национальный архив Республики Хакасия
(Россия)***СТАНОВЛЕНИЕ ХАКАССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В 1920–1930-е гг.
КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА
(по документам Национального архива Республики Хакасия)**

В данной статье рассматривается проблема становления хакасской письменности в 1920–1930-х гг. Введены в научный оборот некоторые архивные документы Национального архива Хакасии, раскрывающие три этапа развития хакасского языка и его алфавита в указанный период. Автор приходит к выводу, что в современных условиях этнической идентификации важно исследовать не только лингвистические процессы развития письменности, но и исторические процессы, способствующие формированию стройной системы современного хакасского языка.

Ключевые слова: Национальный архив Республики Хакасия, архивные документы, хакасская письменность, язык, самоидентификация, Хакасский уезд, алфавит, кириллица, латинизация, новотюркский алфавит.

Yu. A. Oreshkova*State Public Institution The National Archive
of the Republic of Khakassia (Russia)***FORMATION OF KHAKAS WRITING IN THE 1920–1930s
AS AN IMPORTANT STAGE OF HISTORY OF THE LANGUAGE
(on documents of the National archive of the Republic of Khakassia)**

This article discusses the problem of the formation of the Khakass writing in the 1920–1930-s. Some archival documents of the National Archives of Khakassia were introduced into scientific circulation, considering the three stages of the development of the Khakass alphabet in this period. According to the author, in the current conditions of ethnic identification, it is important to study not only the linguistic processes of the development of writing, but also historical processes that contribute to the formation of a harmonious system of the modern Khakass language.

Keywords: the National Archive of the Republic of Khakassia, archival documents, Khakass script, language, self-identification, Khakass District, alphabet, Cyrillic alphabet, Latinization, New Turk alphabet.

В современных условиях глобализации многие процессы, связанные с вопросами самоидентификации личности, принимают новые формы. Исследование вопросов сохранения, стратегии развития, а также истории языка как одного из самых важных идентификационных маркеров становится особенно актуальным и важным направлением многих сфер деятельности, в том числе государственной политики.

2020 г. в Республике Хакасия объявлен Годом хакасского языка. В связи с этим возникает необходимость реконструировать историческую действительность истории становления и развития языка. В таком контексте особую важность приобретает Национальный архив Республики Хакасия, как главный хранитель историко-документального наследия региона начиная с 1812 г. Его документальные первоисточники отражают исторические события, этапы развития общества и государства, народного хозяйства, культурное строительство, жизнь политических и государственных

деятелей, представителей науки, культуры, искусства нашей республики. В том числе по документам Национального архива можно проследить историю становления хакасской письменности в 1920–1930-е гг.

За указанный временной период можно выделить три основных этапа становления хакасской письменности.

Первые опыты по созданию письменности были начаты в 1921–1922 гг. Инициатива создания хакасской письменности исходила от Отдела по делам национальностей Минусинского уездного исполнительного комитета в 1921–1922 гг. Образованный при нем инородческий и литературно-издательский подотдел уже в 1921 г. начали проводить подготовительную работу по изданию букварей, книг и газеты на хакасском языке [НАРХ. Ф.Р-39. Оп.1. Д.313. Л.62].

Документальные свидетельства этих событий можно обнаружить в периодической печати того периода. В газете «Власть труда»

от 1924 г. в статье «О хакасской письменности» ее автор Сагайхакасс пишет: «В 1921 г. в городе Красноярске состоялось частное совещание хакасцев, бывших в то время в городе, на котором обсуждался вопрос о необходимости преподавания в инородческих школах на материнском языке и здесь же был поставлен вопрос об организации курсов. С таким постановлением группа хакасцев обратилась с ходатайством в губОНО, которым ходатайство было утверждено полностью. Были намечены кандидаты в комиссию для выработки и проведения хакасской письменности в жизнь, но созыв таковой не состоялся, а трехмесячные курсы практикантов проведены в г. Минусинске летом 1921 г., которые дали около 20 человек учащихся хакасцев» [Сагайхакасс, 1924].

В результате, первый этап становления хакасской письменности можно выделить в связи с образованием в 1923 г. Хакасского уезда.

С обретением территориально-административной обособленности в Хакасском уезде возникает необходимость решения вопросов ликвидации неграмотности, что влечет за собой разработку вопросов хакасской письменности. Подтверждение этих событий можно найти в архивных документах фонда Р-1 «Исполнительный комитет Хакасского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

25 апреля 1924 г., после образования Хакасского уезда, Енисейский губернский отдел народного образования принял решение «О выработке хакасской письменности» [НАРХ. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 16]. На основании этого документа и распоряжения губернского отдела народного образования от 24 ноября 1924 г. приказом Хакасского уревкома от 4 сентября 1924 г. при уездном отделе народного образования была утверждена специальная комиссия по созданию хакасской письменности. В ее состав вошли К.К. Самрин, А.И. Кузургашев, К.С. Тодышев, П.Т. Штыгашев, И.М. Киштеев, М.И. Райков, позднее к ним присоединился А.Т. Казанакон. Председателем комиссии был утвержден председатель Хакасского уездного исполнительного комитета Г.И. Итыгин.

В основные задачи избранной комиссии входило составление алфавита и написание учебников для 1–2 классов с тем, чтобы в 1925–1926 учебном году можно было обучать в национальных школах на родном языке. Уже в начале ноября 1924 г. проект нового алфавита

был готов. Для орфографии взяли качинский диалект. Алфавит базировался на кириллице, содержал основные 23 буквы, из них 2 буквы из латинского алфавита. К 1926–1927 учебному году в Москве были напечатаны первые учебники на хакасском языке.

Создание хакасской письменности, появление первых книг и газеты на хакасском языке «Хызыл Аал» (01.06.1927) явились знаменательным событием культурной жизни региона.

Второй этап становления хакасской письменности связан с массовым процессом латинизации.

В конце 1920-х гг. в СССР активно проходил процесс латинизации алфавитов многих тюркоязычных народов. В ходе этих событий было принято решение о переводе на латинизированный алфавит и хакасской письменности. Это произошло в 1929 г., хакасский алфавит был переведен с русской на латинскую графику, на так называемый новотюркский алфавит.

Документы 1930–1937 гг., связанные с латинизацией алфавита, хранятся в архивных фондах Р-51 «Хакасский областной комитет нового алфавита», а также Р-161 «Аскизский райком нового латинизированного алфавита». В них можно найти ценные сведения о проблемах перехода, введения новых машинописных станков и т.д. В отчете секретаря окружного комитета нового латинского алфавита Топоева записано: «В декабре 1928 г. в селе Усть-Абаканске прошла первая конференция Ново-тюркского алфавита: На этой конференции был создан Хакасский Окружной комитет по внедрению Новотюркского алфавита среди хакасского населения. На этой конференции было подтверждено, что создание литературного хакасского языка по качинскому наречию правильно. И в дальнейшем продолжать работать по этой установке» [НАРХ. Ф.Р-51. Оп. 1. Д. 4. Л. 3].

С 1930 г. на новом алфавите стала издаваться вся учебная литература и хакасская областная газета «Хызыл Аал». В фондах Национального архива Хакасии сохранились учебники на хакасском языке, написанные с помощью латинского алфавита. К недостаткам этого алфавита относят отсутствие букв, необходимых для более точного написания заимствований из русского языка. Более важной проблемой было то, что школьникам приходилось параллельно изучать сразу две системы письма: латинскую

(при изучении родного языка) и кириллическую (при изучении русского языка). Это приводило к сложностям при овладении письмом в начальной школе.

В итоге, третий этап становления хакасской письменности в 20–30-х гг. XX века связан с обратным процессом перевода письменностей на кириллицу.

В конце 30-х гг. в СССР начался обратный процесс перевода письменностей на кириллицу. На заседании Президиума Хакасского областного исполнительного комитета от 3 октября 1938 г. присутствовали председатель Сергей Ефимович Инкижеков, члены Президиума гг. Комягин, Сорокин, Романов, Ордынцев, Константинов, временно исполняющий обязанности ответственного секретаря Калашников, заведующие отделами Антонов, Сунгуров, Корнеев. На повестке дня заседания обсуждалось всего 10 вопросов. Докладчиком по 9-му вопросу «О переводе хакасской письменности на русский алфавит» являлся товарищ Вагин.

В резолюции постановления указано: «В результате проведения Ленинско-Сталинской национальной политики Хакасская Автономная область поднялась на небывалую высоту политического, культурного и экономического развития. Усилилась огромная тяга среди коренного населения к учебе в техникумы и высшие учебные заведения. Существующий латинизированный алфавит Хакасской письменности не удовлетворяет быстро растущего культурного запроса трудящихся хакасов, так как латинизированный алфавит трудно осваивается коренным населением, вводит путаницу при изучении хакасского языка, усложняет усвоение наук и тем самым тормозит быстрое развитие культуры хакасского народа.

Проходившее в апреле 1938 г. совещание Рабселькоров Хакассов, решило просить обком ВКП(б) и облисполком перевести хакасскую письменность на русский алфавит. Трудящиеся Хакасской области на своих собраниях одобрили инициативу Рабселькоров Хакассов и также на своих решениях просят ускорить процесс развития общей грамотности и культуры Хакасского народа». Далее в протоколе записано: «Придавая огромное политическое значение возросшей активности трудящихся Хакасской области и идя навстречу просьбе коренного населения Облисполком постановляет: «Удовлетворить просьбу коренного населения Хакасской Автономной области – перевести хакасскую письменность с латинизированного на русский алфавит» [НАРХ. Ф.Р-39. Оп. 1. Д. 313. Л. 62]. В 1939 г. хакасская письменность была возвращена на русскую графическую систему.

Таким образом, стройная система современного хакасского языка стала результатом непростого пути становления многих лингвистических и исторических процессов. Особенно важным этапом стало развитие хакасской письменности в 1920–1930-е гг. С переходом хакасской письменности с латинизированного на русский алфавит облегчился набор книг и газет в типографиях. Это способствовало повышению уровня образования нерусских народов советского государства. С развитием хакасской письменности в XX в. решался вопрос ликвидации неграмотности. Хакасы получили возможность обучаться на родном языке. Хакасский язык стал предметом научного исследования, дальнейшего культурного и образовательного развития этноса и его идентификационных процессов.

Литература

Национальный архив Республики Хакасия. (НАРХ) Ф.Р-39. Оп. 1. Д.313. Л. 62.

Сагайхакас. О хакасской письменности // Власть труда. – 1924. – № 153 от 16 октября.

НАРХ. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

НАРХ. Ф.Р-51. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

НАРХ. Ф.Р-39. Оп. 1. Д. 313. Л. 62.

Т. Осава

Университет Осаки (Япония)

Ю. Н. Есин

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

НЕДАВНО ОБНАРУЖЕННЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА БОЯРСКОМ ХРЕБТЕ (ХАКАСИЯ)

Вводятся в оборот три надписи, вырезанные на скале Боярского хребта в Богградском районе Республики Хакасия. Предлагается их описание, транслитерация, предварительные транскрипция и перевод. Упомянутый в одной полностью сохранившейся надписи топоним «Красная скала», видимо, является названием самого Боярского хребта.

Ключевые слова: руническая надпись, енисейские кыргызы, Минусинская котловина.

T. Ōsawa

Osaka University (Japan)

Yu. N. Esin

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

NEWLY DISCOVERED RUNIC INSCRIPTIONS IN THE BOYARY RIDGE (KHAKASSIA)

Preface

On April 28-30 and May 5, 2019, T. Ōsawa (Osaka University, Japan) and Yu. N. Esin (Khakassian Research Institute for Language, Literature and History, Russia) researched the epigraphical, archaeological and historical materials including petroglyphs, inscriptions and tamgas in the Boyary mountain ridge. The Boyary Ridge is located on the left bank of the Yenisei River in Khakassia. From archaeological point of view, this area is abundant of many kinds of petroglyphs including famous images of houses of the Early Iron Age, which has been published by many scientists. In this presentation we would like to introduce new runic inscriptions discovered in the western part of the Boyary Ridge.

1. First inscription of the Boyary Ridge

This inscription is located on the eastern side of the reddish-brown rock (198 x 70 cm) 11 cm above ground (Fig. 1). It has 22 runic letters which were carved in a horizontal line (22 cm long) and arranged from the right to the left side. Size of the letters is about 1 cm in width and about 1~2 cm in height.

Transliteration:

Q i z l Q Y a Q i s Q W L G y r m č ũ k a

Transcription:

Qizil qaya qis qolig yerim čök a

Translation:

Qizil qaya! Do squeeze the small hill! My earth, kneel down, ah!

Notes:

qizil qaya: In this case the fourth runic letter is front consonant <ǀ>, so according to the formal transcription system, it may be divided into two words such as <Qiz el> meaning 'red country'. But this meaning is not suitable for the context. In my view, this can be read as <qizil qaya> 'red rock'. As a comparative material with this, I would like to introduce and analyze the second Kara-Yus rock inscription (E 138) of the Ozernaya Mountain near the Sulek rock art site in the northern Khakassia. This inscription was discovered in 1975 by N.V. Leontev, and then D.D. Vasiliev published his reading in 1981 (Vasiliev 1981: 60-62; 1983: 29, 80). In this rock inscription that had been worn out by natural damages, there are several problematic places. On the beginning problematic part, Vasiliev transliterated <k z L Q Y a> and read <gizli qaya> 'sokrovennaya skala' (secret rock) (Vasiliev 1983: 29). However, we cannot support it from the paleographical and philological points of view. As mentioned above, there is no <g>, but <k> or <Q> in the first script and <i> in the following <z> in this beginning part. If we can read the letters as Vasiliev suggested, it should be read as <kezel Qaya>. So his reading is not possible for this rock inscription, because this inscription must be written

for strengthening the identity of this writer as a common, not secret writing. On the contrary, I. L. Kyzlasov transliterated this part as <k z š Q Y a> and read <kez eš qaya> ‘in the hazy (or brumous) rock’ (Kyzlasov 1994: 189-190). But his reading is too difficult to understand semantically. As long as T. Ōsawa researched it and took a sketch and photos of the inscription with Yu. N. Esin on the 30th of April 2018, the first letter can be transliterated as <k>, and the second one is <z> and the third letter is <l>. So this part can be transliterated <k i z l Q Y a> and read <qizil qaya>. In that case, we can assume that there are mistakes in the vowel harmony rules in this part. As well known, mistakes in spelling sometimes happen in the Yenisei inscriptions. So it is better to read not as <kizil qaya>, but <qizil qaya> ‘Red Rock’. In my view, it can be understood that the writer tried to obey the vowel harmony, but described the phoneme in reverse. The same term can be attested with <qizil qaya>. As well known, a sentence of <qizil qaya qışlayım ol> ‘My winter quarters is red rock’ in the <ırq Bitig> ‘The Book of Omens’ of the 11th century from the Dunhuang manuscript (Tekin 1993: 22-23, 119). So the beginning part of the second Kara-Yus inscription (E 138) should be read as <qizil qaya>. And this reading is very suitable for the real color of the rock. In my view, this writer intended to show the character of the rock, so we can read: <Q i z L Q Ya Y l m q y a b ä ŋ k ü q a y a : q a b t d m...> (qizil qaya yalim qaya bänkü qaya : qa bitidim...) ‘I carved (inscription) on the red rock, bare rock and eternal rock’. This result can be applied to the beginning part of <qizil qaya> of the 1st Boyary inscription. The third script <l> is not fit to the vowel harmony that should be written the back consonant <L>, however, this is regarded as the mistake of the writer. As mentioned above, this part can be read as <q(i)z(i)l q(a)ya> ‘Red Rock’. And this reading is fit for the red color of the rock with inscription.

qis qolıy : In the runic letters of the Yenisei inscription, the last letter of *qis* can be transliterated both /s/ and /š/ as assumed by the specialists such as S.E. Malov, S.G. Klyashtorny, D.D. Vasiliev, I.V. Kormushin, I.L. Kyzlasov. In this case, I regard as *qis*- and a shape of an imperative verb *qis*- ‘to compress, squeeze, pinch’ (Clauson 1972: 665b). Generally, it is well known that in the Turkic sentence, an object word is ordered after a verb, however, a reversed order can be used to emphasize the meaning. In this case, the next word *qol* + (i)γ has the accusative form +(i)γ, so we can regard as a

reversed order of phrase *qolıy qis*- ‘to squeeze upper arm’. But this is difficult to understand this meaning from the situation calling the *Qizil qaya* ‘Red Rock’. Now, in this case, it seems that word *qol* can be of close relation with the place of ‘Red Rock’. According to Clauson, it is used as the meaning of ‘valley’ (Kutadgu Bilig) (Clauson 1972: 615a) and in the Kipçak dialect it means ‘valley’, and in the Khakass language, it means ‘the word for what descends from the peak of a mountain and rises from the bottom of a valley’, and in the Chagatay language, it means ‘small hills on the flank of a mountain which abut on the plains’, ‘hills and hillocks on the flank of a mountain abutting on the plains’ (Clauson 1972: 615a). From these instances, *qol* in general indicates ‘small hills near the valley’ or ‘valley’. If it is so, we can translate this phrase, ‘Do squeeze the rock hills’.

čök: it means ‘to kneel down’ (Clauson 1972: 413b). This term can be attested in the worshipping expression for the sacred mountain or the river. For example, we can cite from the Tepsey Rock inscription such as *täbsey käčigsän, käčaring äl tengrim ä, čäk ä, yerim ä* ‘You are the passing place to the Tepsey Mountain, Please pass, ah! My Tengri-God, ah! Kneel down, ah! My earth, ah!’ (Ōsawa 2014: 56). Turkologist A. Erhan insists on that this word can be corresponded as the calling expression of a shaman to the sacred nature (Aydin 2017). If it is so, it is probable that the writer of this runic inscription and the Kirghiz people that had assembled here are shamanists.

2. Second inscription of the Boyary Ridge

After the study of the First inscription, we identified five runic scripts carved in the lower place near the left corner of the rock stone (Fig. 2). The size is ca. 1,5 cm in height, so it is smaller than the first one. From the paleographical point of view, these scripts must be carved by the same writer. And runic letters can be regarded as a final part of the same ones of the first runic inscription. So the phrase must have been refrained, however, as to the beginning part of the inscription, it seems difficult to identify the runic shape on the rough surface. So here we show six runic letters and the track of the seven runic letters in parentheses as follows:

Transliteration:

(q i s q o l y) y r m č ü k a

Transcription:

(qisı qolıy) yerm čök ä

Translation:

(Press small hills), my earth, kneel down, ah!

3. Third inscription of the Boyary Ridge

Above the Second inscription, we identified three runic letters that have size of ca. 1 cm width and 1~2 cm height (Fig. 3). But it seems difficult to identify the beginning part of the inscription, so here we can show six runic letters and tracks of the four runic letters in parentheses as follows:

Transliteration:

(Q W L G) y r m č ük a

Transcription:

(qolïy) yerim čök ä

Translation:

small hills. My earth, kneel down, ah!

4. Conclusion

From the inscriptions, we can understand that this place is the sacred place and the Kirghiz people gathered here and prayed this red rock. In fact, three carved tamgas here indicate the writer or his relatives gathered here and worshiped this rock.

References

Erhan A. 2017. Shamanistic Exclamation in the Yenisei Inscriptions: *Čök!* // *Central Asiatic Journal* 60 (2017), 1/2, pp. 13-18.

Erdal M. 2004. *A Grammar of Old Turkic*, Brill, Leiden-Boston.

Kyzlasov I.L. 1994. *Runicheskie Pis'mennosti Evraziyskikh Stepey*, Moskva.

Ösawa T. 2014. *New Runic Sources of the Tepsei Mountain and the Poltakov Museum // Narody i Kul'tury Yuzhnoy Sibiri i Sopredel'nykh Territoriy, Materialy Mezhdunarodinoy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 70-letiyu Khkasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (24-26 Sentyabrya 2014 g.)*, Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014, pp. 54-60.

Tekin T. 1968. *A Grammar of Orkhon Turkic*, Indiana University, Bloomington.

Tekin T. 1993. *Irk Bitig, The book of Omens*, Harrassowitz verlag, Wiesbaden,

Tekin T. 2003. *Orhon Türkçesi Grameri // Türk Diller Araştırmaları Dizisi: 9, Sanat-Kitabevi*, İstanbul.

Kormushin I.V. 2008. *Tyurkskie Eniseiskie Epitafii: Grammatika, Tekstologiya, Nauka*, Moscow.

Vasiliev D.D. 1981. *Drevnetyurkskaya Epigrafika Yuzhnoy Sibiri. II // Tyurkologicheskiy Sbornik 1977*, Moscow, pp. 49-75.

Vasiliev D.D. 1983. *Korpus Tyurkskikh Runicheskikh Pamyatnikov Basseyna Eniseya*, Moskva.

Fig. 1. Hand writing of the First inscription (by T. Ösawa).

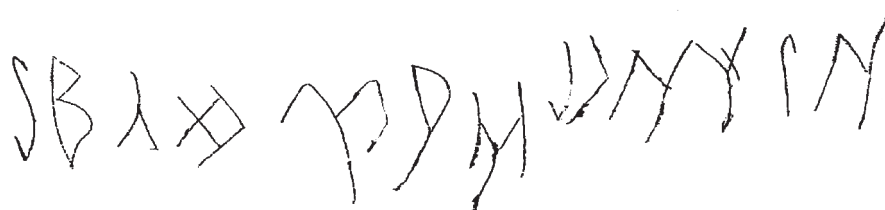

Fig. 2. Hand writing of the Second inscription (by T. Ösawa).

Fig. 3. Hand writing of the Third inscription (by T. Ösawa).

Е. В. Прищепа

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Россия)*

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ТИПЫ ЖИЛИЩ У ХАКАСОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена малоисследованным традиционным жилищам хакасов, изучение которых представляется важной задачей в хакасской этнографии. Сезонное жилище *одаг* было адаптировано для проживания в нем охотников и промысловиков, а его бытование отмечено концом XX в. Подземные и полуподземные жилища были достаточно редким явлением в материальной культуре и до последнего времени оставались не изученными этнографами.

Ключевые слова: Хакасия, хакасы, материальная культура, традиционные жилища.

Ye. V. Prishchepa

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

THE KHAKASS' LITTLE-KNOWN TYPES OF DWELLINGS AND PROBLEMS OF THEIR STUDY

The article is devoted to the understudied traditional dwellings of the Khakass, the study of which is an important task in Khakass ethnography. Seasonal dwelling *odag* was adapted to hunters and trappers' living in it, and its existence was recorded in the end of the 20th century. Underground and semi-underground dwellings were a rather rare phenomenon in material culture and, until recently, remained unstudied by ethnographers.

Keywords: Khakassia, the khakass, material culture, traditional dwellings.

Материальная сфера традиционной культуры хакасов играет важную роль в системе их традиционного жизнеобеспечения. Наиболее существенным ее элементом является жилище. Его изучению отводится важное место в этнографической науке, поскольку дом в тюркском мире – это феномен адаптации людей к природно-географическим условиям проживания и роду их хозяйственных занятий. Постепенное отмирание традиционной культуры влечет трансформацию и исчезновение традиционного жилища, что мы наблюдаем в настоящее время, это, в свою очередь, ведет к потере хакасами целого мировоззренческого комплекса.

В материальной культуре хакасов до сих пор сфера домостроительной культуры остается тематикой, требующей своего должного изучения. Несмотря на имеющиеся работы по теме исследования, остаются нерешенные вопросы недостаточной изученности истории отдельных видов жилищ, их генезиса и бытования.

Целью работы является описание ряда малоизвестных типов жилищ хакасов в этнографическое время. Работа основана на комплексном и системно-историческом подходе к изучению прошлого. Хронологические рамки охватывают XVII–XX вв. и определяются особенностями

бытования традиционных жилищ хакасов и наличием соответствующих источников.

Одним из малоисследованных типов жилищ хакасов, получившим определенное распространение как временное жилище охотников и промысловиков, является *омах / одаг*. До последнего времени остаются актуальными проблемы генезиса жилища, определение его типов. Его изучение шло только в контексте общей тематики, посвященной традиционной культуре хакасов. В вопросах развития традиционных форм домостроения важное место занимает генезис этих каркасно-столбовых конструкций, которые имели достаточно широкое распространение в традиционной культуре вплоть до конца XX в.

Номинации *омах / одаг* являются производными от глагола *ома* – зажигать огонь, костер. Первоначально это слово обозначало место для костра, охотничий стан, временное место обитания [СИГТЯ, 2001. С. 496]. *Одаг* (сагайский диалект) – это шалаш [ХРС, 2006. С. 293]. *От омах* – шалаш, крытый травой, *хахнас омах* – шалаш, крытый корой [Там же. С. 317].

Впервые упомянул *одаг (оодаг)* у хакасов Н.М. Ядринцев. Изучая культуру и быт коренных жителей Сибири, он отметил, что жилища таежного населения «состоят из

шалашей, покрытых ветвями, корою, наконец, берестой (финские ката)», они еще существуют у «горных и лесных жителей Алтая (аланчик, оодаг)» [Ядринцев, 1891. С. 115]. В XX – начале XXI вв. сведения о хакасском *одаг* встречались в трудах Л.П. Потапова [1957; 2001], К.М. Патачакова [1982], Ю.А. Шибяевой [1950. С. 46–53], В.Я. Бутанаева [1987; 1996] и А.А. Кыржинакова [2005].

К.М. Патачаков связывал бытование *одаг* (рис. 1) с таежными промыслами и земледелием. Хакасы-земледельцы и охотники в тайге

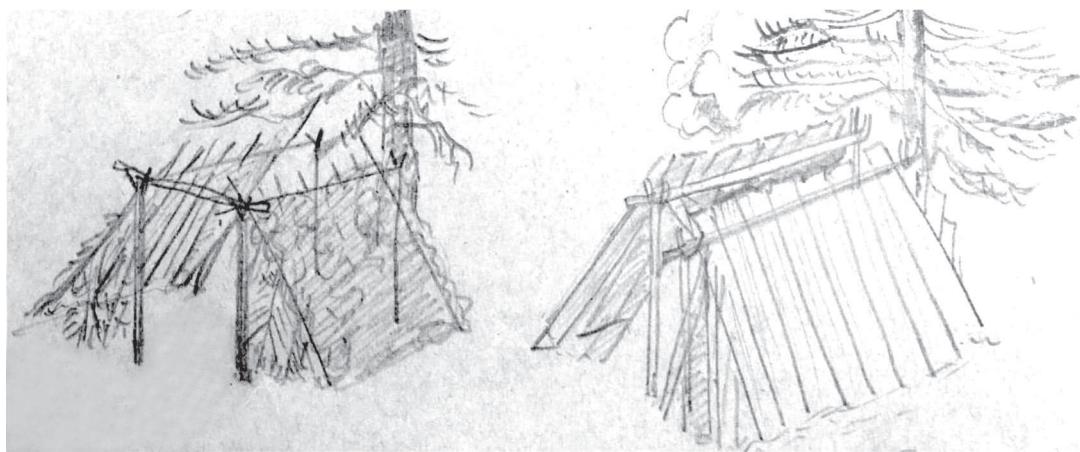

Рис. 1. *Отаг*¹ из тонких жердей, сучьев и колотых досок. Рисунок П.И. Каралькина, 1947 г. (П.И. Каралькин Земледелие и охота у бельтыров (по материалам экспедиции в Аскизский и Таштыпский районы в 1947 г. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. №. 341).

Исследователи проблем развития южносибирского лесного культурного комплекса А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, Е.А. Бельгибаев приводят сведения об *одаг* таежных хакасов: «В хакасской тайге охотничьи временные жилые сооружения на стоянках представляли собой прямоугольные в плане каркасные постройки с двускатной крышей, покрытые пихтовым лапником или плахами, – балаганы (*отах*, *тору очах*), и каркасные полуподземные жилища, покрытые сверху дерном, – *чер тура*. Его крыша (*отах*. – Е.П.) была двускатной и состояла из плотно установленных друг к другу жердей (*сырх*). В основе каркаса были два столба и поперечная матица. Сверху укладывали берестяные тиски, а на них листы папоротника (*палых оотэ*). И бересту, и папоротник клали внахлест, чтобы не протекала вода. Все сооружение покрывалось пихтовым лапником (*шупе агаши*). Внутри постройки устанавливали железную

строили шалаш, который называли *отах*. Стены его, как у корьевой юрты, делались из круглых жердей, горбылей или широких досок. Каркас крыши сооружали из жердей в форме решетки. Посередине, над очагом, оставлялось дымовое отверстие. *Отах* для тепла снаружи обкладывался дерном или до середины засыпался землей. Такие *отах* существовали в 20–30-х гг. XX в. в Каройских степях, на пашнях и покосах жителей Теи Аскизского района [Патачаков, 1982. С. 18].

печь (*тибер печка*) и нары из досок – *нартах*» [Селезнев и др., 2006. С. 95].

Таким образом, жилище *одаг* обладало универсальными характеристиками: простота конструкции, доступность материалов для изготовления, быстрота возводимости и невысокие трудозатраты. Данные характеристики послужили главными причинами длительности его бытования.

Другой малоисследованной темой хакасской этнографии является проблема бытования подземных и полуподземных жилищ. В этнографической литературе отмечалось, что о подземных и полуподземных жилищах хакасов имеются не совсем ясные сообщения, касающиеся данных типов [Соколова, 1998. С. 126]. Подобные представления вполне могли быть обусловлены, на наш взгляд, как не совсем верной интерпретацией одного из типов похожих жилищ ещё П.С. Палласом, так и неточным использованием для него номи-

¹ *Отаг* – диалектная особенность написания, сагайский диалект.

нации «землянка». Так, у П. С. Палласа читаем: «Зимние юрты ... строят они из лежащих прямо и поперек тоненьких березовых брусьев, наподобие большого ящика с косоватыми по бокам стенами. Передняя часть сего ящика остается пола и представляет сени, а другая половина загораживается поперечною стеною с небольшими дверцами, и с наружи ради тепла завалена толсто землею. Среди сей *землянки* (выделено нами. – Е. П.) делают они из веточек и глины башкирский камин с деревянную трубою, а среди потолка оставляют дыру, через которую проходит свет и ночью во время сильной стужи затыкается. У двух стен против камина находятся широкие скамьи, на коих они спят» [Паллас, 1786. С. 449–450]. Как мы видим из описания, номинация «землянка» для подобного жилища весьма условна.

Позднее, в конце XIX в., этнограф А. А. Кузнецова зафиксировала данный тип

жилища, описанный П. С. Палласом в XVIII в. Она отметила, что простыми, но исчезающими типами жилищ населения Кизыльской и Мелецкой управ конца XIX в., были землянки и корьевые шалаши [Кузнецова, 1898. С. 110]. Небольшой раздел о «землянках» представлен в неопубликованной работе «Хакасское жилище» Ю. А. Шибаевой [Шибаева, Хакасское жилище. С. 6–8], небольшая часть из этого же материала о землянках-зимниках (*чир иб*) была опубликована в академическом сборнике середины XX в. [Шибаева, 1950. С. 46–47].

Одну из единичных «полуземлянок» Ю. А. Шибаевой удалось застать уже нежилой в улусе Майнагашева Аскизского района ХАО (рис. 2). Её описание дано в одной из работ автора [Шибаева, 1950. С. 47]. Жилище имело рубленные стены, земляной пол и крышу, отапливалось очагом *сол*, располагавшимся в северо-восточном углу.

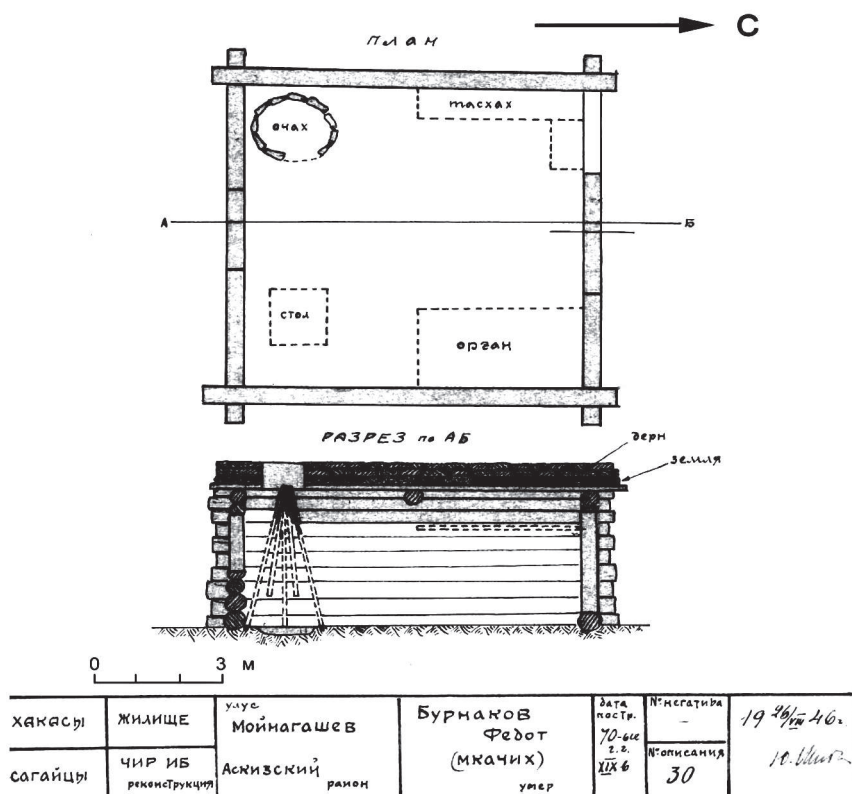

Рис. 2. Жилище *чир иб* (реконструкция) [Шибаева Ю. А. Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей), ХакНИИЯЛИ, Рук. Фонд № 352 (приложение)]

Ю. А. Шибаева отмечает, что в XVIII–XIX вв. настоящие землянки, вырытые в земле с настилом из жердей, дерном вместо крыши, «были временным жилищем и являлись не правилом, а исключением» [Шибаева, Хакасское жилище. С. 8]. В целом, данная тема

жилищ-землянок у Ю. А. Шибаевой не нашла своего должного развития ввиду ограниченности имеющегося в наличии материала для полноценного научного анализа и выводов. Однако представленные сведения подтверждают нашу мысль о том, что данный тип

жилища хакасов, вероятно, был малоизвестен и не получил достаточного описания ввиду акцентирования внимания на других распространенных их типах жилищ.

Другим важным моментом явилось то, что Ю.А. Шibaева делает заключение, что в XVIII–XIX вв. «землянки» представляли собой надземные постройки, скорее дома (*тура*) с земляным полом и примитивным очагом [Шibaева, Хакасское жилище. С. 8]. Этнограф одна из первых обратила внимание на это несоответствие. К большому нашему сожалению, представленные фото таких «землянок», упоминание о которых есть в тексте работы «Хакасское жилище», в Рукописном Фонде ХакНИИЯЛИ не сохранились.

К числу действительно землянок в прямом смысле значения данного термина и конструктивных особенностей можно только привести упоминание об этом редком хакасском жилище Е.К. Яковлева. Автор называет эти жилища «землянками иного типа» – «*зих тура*»¹. Их конструкция представляла собой попросту яму в почве в рост человека, обшитую по бокам тёсом, иногда без обшивки, над которой был поставлен небольшой в 2–3 бревна сруб² с плоской, как у зимника³, крышей (рис. 3). Жилища эти встречались в с. Усть-Абаканском, в аале Окуневском и др. местах [Яковлев, 1900. С. 29].

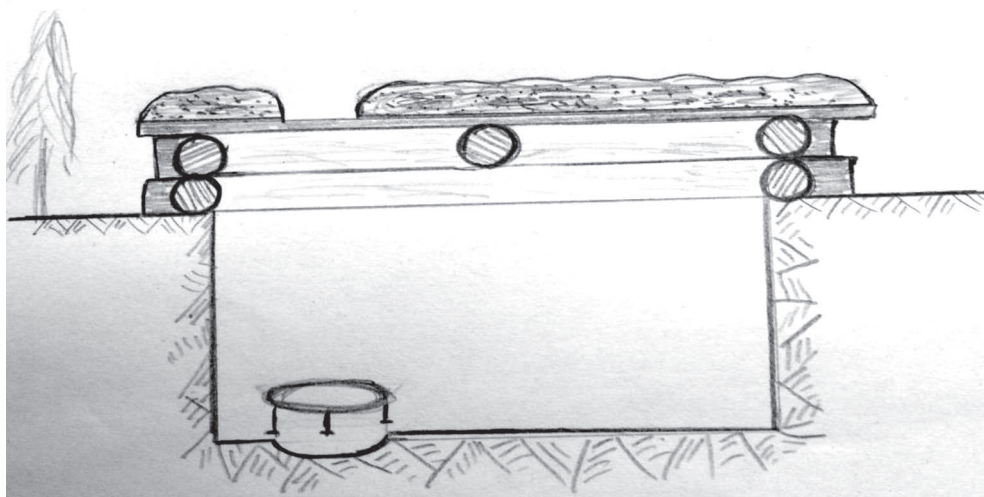

Рис. 3. Вариация землянки со срубом. Рисунок автора

В своей известной работе А.А. Попов приводит интересные сведения П.И. Каралькина о подземном жилище кызыльцев, представляющим собой прямоугольную пещеру, вырытую на склоне горы так, что плоская крыша⁴ его и три стены (боковые и задняя) были

земляные, забранные жердями. Информанты свидетельствовали (со слов П.И. Каралькина) о том, что жилище встречалось ещё в XIX в. [Попов, 1961. С. 153]. Каких-либо дополнительных сведений и более ранних конкретных упоминаний об этом прямоугольном типе

¹ Навряд ли можно считать верным заявленную конструктивную схожесть К.М. Патачаковым этого жилища жилищу чир тура, верно лишь то, что сама номинация практически идентична термину шиих иб/шиих тура (стационарная летняя юрта в таёжной части Таштыпского района Хакасии) [Патачаков, 1982. С. 19].

² Следовательно, на примере хакасского жилища навряд ли можно говорить только о каркасной конструкции подземных жилищ [см. Попов, 1961. С. 132].

³ Е.К. Яковлев зимниками-избами называл деревянные срубы с плоской крышей, определяя тем самым его сезонность и обусловленность этим его конструктивных особенностей [Яковлев, 1900. С. 29, 33, 35], которые имели бытование в XIX в. и являлись зимним жилищем хакасов. На конец XIX в. представление об этом жилище складывалось из мысли об его русском происхождении. Как показали исследования, это жилище соотносится с автохтонным хакасским срубным жилищем *тура* [Прищепа, 2018].

⁴ Это жилище и описанное выше имели один тип крыш – плоскую, что является характерной особенностью подземных жилищ хакасов. А.А. Попов, например, отмечал ещё типы крыш: двухскатной, четырехскатной, имеющей форму усеченной пирамиды [см. Попов, 1961. С. 153].

подземного жилища хакасов в этнографической литературе не приводится.

Таким образом, изучение указанных выше малоизвестных типов жилищ хакасов показало, что они являлись неотъемлемой частью их материальной культуры на протяжении времени их бытования. Жилище промысловиков и охотников *отак / одаг* имело свое бытование по большей части в таёжных и лесостепных зонах Хакасии и относилось к типу жилищ каркасно-столбовой конструкции. Простота изготовления и доступность всех необходимых для его сооружения материалов служили факторами длительного существования данного типа

жилищ вплоть до конца XX в. Некогда бытовавшие подземные и полуподземные жилища хакасов являлись частью их материальной культуры и вероятно были наиболее древними. Этот тип жилища, видимо, был достаточно редок, его описание сохранилось весьма общее, что было обусловлено ограниченностью сведений о нём. Жилище не привлекало к себе должного внимания этнографов. На рубеже XIX–XX вв. этнограф Е. К. Яковлев оставил описание этих жилищ, обратив на них внимание, благодаря чему мы имеем ограниченное этим описанием представление.

Литература

- Бутанаев В. Я.** Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX вв.). – Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1987. – 175 с.
- Каралькин П. И.** Земледелие и охота у бельтыров (по материалам экспедиции в Аскизский и Таштыпский районы в 1947 г.) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. №. 341. – 40 с.
- Кузнецова А. А.** Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. – Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. – 213 с.
- Кыржинаков А. А.** Таежные промыслы хакасов в XIX–XX вв. Диссер...на соискание ученой степени канд. ист. наук. (Рукопись). – Абакан, 2005. – 229 с.
- Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. II. Кн. 2. – СПб.: ИАН, 1786. – 572 с.
- Патачаков К. М.** Очерки материальной культуры хакасов. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. – 88 с.
- Попов А. А.** Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – С. 131–225.
- Потапов Л. П.** Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1957. – 308 с.
- Прищепа Е. В.** К вопросу о генезисе жилища «тура» у хакасов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 433. – С. 90–98. DOI: 10.17223/15617793/433/12.
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А.** Мир таежных культур (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – 260 с.
- Соколова З. П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: Изд.-полигр. агентство «ТриЛ», 1998. – 284 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
- Шмбаева Ю. А.** Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения АН СССР. Вып. X. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 46–53.
- Шмбаева Ю. А.** Хакасское жилище // ХакНИИЯЛИ, Рук. Фонд № 352. – 140 с.
- Шмбаева Ю. А.** Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей) // ХакНИИЯЛИ. Рук. Фонд № 352 (приложение).
- Ядринцев Н. М.** Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического музея. Вып. 4. – Минусинск: Типография В. И. Корнакова, 1900. – 114 с.

Е. В. Самрина

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

«ИНОРОДЧЕСКАЯ» АДМИНИСТРАЦИЯ ХАКАСОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Административная интеграция коренных народов Сибири сопровождалась созданием местных органов управления. «Инородческая» администрация кочевых народов Сибири состояла из представителей трех ступеней управления: родового правления (административного рода), инородной управы, степной думы. Ключевые должности в административном аппарате заняли богатые скотоводы-баи, потомки старой аристократии.

Ключевые слова: хакасы, система управления, администрация, законодательные акты, родовая аристократия.

E. V. Samrina

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

KHAKAS ADMINISTRATION IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Administrative integration of the indigenous peoples of Siberia was accompanied by the creation of local government bodies. The administration of the nomadic peoples of Siberia consisted of representatives of three levels of government.

Keywords: khakass, management system, administration, legislative acts, tribal aristocracy.

В связи с процессами административной интеграции коренного населения Сибири на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. формируется и реформируется система местного самоуправления. В XVIII в. правительство начало переходить к юридическому определению правового положения народов Сибири, в частности, узакониванию власти и должностей местной знати. Некоторой части родоплеменной знати присваивали жалованные грамоты на княжеское достоинство. Жалованную грамоту получил койбальский башлык Качалор. «...В старинных актах, земля их постоянно называлась Койбальской землицею. На владение его, в царствование Екатерины II им была выдана владейная грамота. Она хранилась у одного из родоначальников и сгорела вместе с юртой ...»¹.

Хакасские башлыки и князцы стали занимать высшее социальное положение в традиционном обществе XVIII в. Они обладали максимально возможными властными полномочиями, основанными на признании со стороны русских властей их полномочий по сбору ясака, раскладки податей, судебных функций в рамках традиционного права. В обязанности башлыка вменялось поддержание внутреннего порядка в улусах. Они осуществляли контроль над испол-

нением распоряжений губернской администрации.

В то же время союза между башлыками и царизмом не было. Скорее речь может идти о патерналистской политике. Родовая аристократия хакасов, даже имея значительные материальные средства и властные полномочия, не получила сословных привилегий от Российского государства, в отличие от родовой аристократии западносибирских потестарных образований. А в результате преобразований после принятия «Устава об управления инородцами» в 1822 г. знать вообще потеряла политические права. Согласно Уставу все кочевые инородцы объявлялись единым сословием и в юридическо-правовом отношении были уравниены с сородичами [Устав об управлении инородцев].

На территории проживания хакасов в Минусинском, Ачинском уездах Енисейской губернии создавалась трехступенчатая система управления. Согласно ст. §34 и §35 Устава инородцы «управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из которых составляется степное управление» и по «своим законам и обычаям, каждому племени свойственным», т. е. на основе обычного права.

¹ НАРХ. Ф. 675. Оп.1. Д. 84. Л 21.

«Инородческая» администрация кочевых народов Сибири состояла из представителей трех ступеней управления: родового правления (административного рода), инородной управы, степной думы.

Самая низшая ступень – родовое управление, устанавливаемое для регулирования жизнедеятельности отдельных улусов и стойбищ рода – насчитывало не менее 15 семейств. Во главе родовых правлений (административного рода) стояли старосты (башлыки). § 97 Устава определял, что «староста избирается или наследуется по обычаю между своими сородичами, он может носить имена: князь, зайсан и пр., но в сношениях с правительством имеет называться старостой».

Родовая аристократия не отстранялась от власти, но не повсеместно, поскольку наряду и с наследованием титула и должности предполагалась ее выборность. Так как инородные управы и степные думы являлись новообразованиями, то возглавлять их могли только выборные лица.

Средняя ступень самоуправления – инородная управа – состояла из нескольких улусов или родовых управлений. Управой руководил голова, имевший в своем штате несколько выборных и письмоводителя.

Высшей административной единицей была Степная Дума, объединявшая несколько родов и включавшая несколько родовых управлений или инородных управ. Родоначальники (беги) и избранные заседатели управляли Степными думами. При каждой думе имелся письмоводитель, который вел делопроизводство.

На руководящие должности выдвигалась патриархально-феодалная знать. «Инородцы управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из коих составляется их степное управление». Устав допускал при наличии соответствующих традиций наследственное начало в родоплеменном управлении, но лишь там, где оно было заведено ранее. В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника.

Аппарат думы избирался из байской среды. Как правило, они представляли наиболее передовую часть народа. Членов думы отличала относительно высокий уровень культуры и образованности.

Реформа Сперанского восходила к традиционным принципам сотрудничества с элитой коренных народов. Башлыки, старшины были

теми же лицами, которые возглавляли родовые и племенные союзы XVIII в. Представители инородческой верхушки получали титул «почетных инородцев», и им гарантировались все их привилегии. Все звания и ранги «инородческой» знати оставались в неприкосновенности, однако решительно декларировалось, что «почетные инородцы не имеют дворянских прав в империи». Эти «почетные инородцы» перед лицом закона не имели особых прав и были уравниены с сородичами юридически в качестве ясачных людей.

За башлыками и бегами, занимающими должности в инородных управах и родовых управлениях, сохранились все их доходы. Согласно § 143 «Устава» они имели право получать награды от правительства, право на бесплатное пользование транспортом. Улусные головы и выборные инородных управ наделялись дополнительным количеством лучших покосных земель вблизи управ.

Наиболее именитым бегом был родоначальник Качинской думы Чирка Картин, потомственный аристократ из древнего правящего рода енисейских кыргызов. «Особа очень важная, при появлении которого все его подданные падают ниц» [Беляев, 1882. С. 313].

Согласно обычному праву должность родоначальника в думе была пожизненной и наследственной. Родоначальниками в Качинской степной думе становились друг за другом Чирка, Семен, Николай Картины вплоть до закрытия думы. Черты династической преемственности прослеживаются вплоть до 1880-х годов.

В Степной думе разнородных племен после создания самой думы должность родоначальника занял сагайский бай Василий Орешке. Властные полномочия представителей наиболее зажиточных хозяйств была обоснована экономически. В каждом аале маломощные хозяйства группировались вокруг одного или двух зажиточных, зависели от него экономически, соответственно уступали им и административную власть.

Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности. Все инородческие начальники утверждались в должности губернатором, а главные родоначальники – генерал-губернатором [Полное собрание законов Российской империи, 1830. С. 402]. Они же могли отстранить старосту, голову, родоначальника, если те окажутся замешанными в уголовных преступлениях, злоупо-

треблениях властью, а также по просьбе большинства их подчиненных.

Деятельность местных инородческих органов была жестко регламентирована. Третья часть «Устава» посвящена «Наказу управления инородцев». На родовые управления и инородные управы возлагались полицейские, хозяйственные и судебные функции, контроль над действиями улусных управлений. В местах компактного проживания инородцев ставились принципы жесткого подавления любого сопротивления существующим порядкам управления.

На уровне родового управления в основном решались те вопросы, которые носили местный характер, в том числе разбирательство некоторых гражданских дел на основе норм обычного права. Но на сибирских инородцев в полном объеме распространялось уголовное законодательство Российской империи.

В обязанности башлыка входило рассмотрение судебных дел (кроме уголовных). Башлыки занимались раскладкой ясака и прочих повинностей между подведомственными улусами. Они несли ответственность за сбор ясака с улуса, осуществляли контроль над исполнением распоряжений губернской администрации. Подчинялись непосредственно земской полиции и через нее окружному суду.

Круг обязанностей инородной управы определялся следующими функциями: обнаружение и исполнение всех предписаний начальства; предупредительные меры против болезней, падежей скота и т. д.; раскладка, сбор и взнос ясака, выполнение других повинностей, сбор недоимок; развитие хлебопашества в пригодных для того местах и т. д.

Деятельность инородческой администрации была организована на общественных началах, они не получали денежного вознаграждения за свою службу. Родовые должности расценивались как общественная служба и не оплачивались ни государством, ни самими сородичами; только писмоводитель мог рассчитывать на материальное содержание от населения управы.

Чрезмерная занятость на общественной службе не позволяла им заниматься должным образом своим хозяйством. Поэтому общественный характер службы имел свои «привилегии» в виде хороших земельных участков для покосов и земледелия, бесконтрольных сборов денег на внутренние повинности, дававшие

возможности их присвоения и поправки своего материального положения.

Следствия в отношении должностных лиц органов местного самоуправления проводились на основании общероссийских законов и изымались из ведения инородческих властей. Это было связано с невозможностью беспристрастного расследования, которое вели бы инородческие начальники в отношении себя.

Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины. Выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их сознательности. Власть инициировала избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных, и оставляла за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица.

Впоследствии вторым Сибирским комитетом было внесено дополнительное уточнение на этот счет: «... в должности, замещаемые по выборам сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири» разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием».

Одним из требований к кандидатуре родоначальника было знание русского языка. Например, в Койбальской думе в 1843 г. М. Чубугина утвердили в должности родоначальника как «знающего хорошо русский язык». Среди прочих достоинств, перечисленных в документе, М. Чубугин характеризовался как имеющий не только «достаточное скотоводство», но и немалую запашку и дом со всеми к нему принадлежностями¹.

Еще во второй половине XVIII в. известные беги и башлыки приняли крещение. Вероятно, принятие новой веры было адаптивной стратегией. Сагайский башлык Амзор принял православие еще во времена путешествия Палласа в Хакасско-Минусинский край в 1771–1772 гг. и распространял православие у сагайцев. Кызыльский бег Гаврила Ульчугачев, потомок старой аристократии, обитавший на землях бывшего Алтысарского улуса, построил церковь в своих владениях (будущее село Ужур) и большой деревянный дом с балконом. Царские власти поддерживали тех, кто наиболее усердно проводил правительственную политику, как, например, Гаврилу Ульчугачева или Качелора

¹ НАРХ. Ф. И-1. Он. 1. Д. 125. Л. 3.

[Паллас, 1788. С. 488]. Кафтанами наградили Иптыша Аюжакова в 1740-х гг., башлыка Бельтырской земли, сагайского башлыка Наира Тулбечекова в 1728 г. [Козьмин, 1918].

Источники XVIII в. не выделяют качинских князцов, состоявших на службе в низовой царской администрации. Здесь, вероятно, качинскую знать воспринимали как ненадежную, еще помнившую свое недавнее положение. Качинская знать с ярко выраженной идеологией степняков не принимала православие и не занималась земледелием. Но они были грамотными, хорошо знали русский язык и вели торговлю с русскими [История Хакасии с древнейших времен до 1917 года, 1993. С. 245].

В 80-х годах XIX в. принцип наследования должностей родоначальников был по существу ликвидирован – они стали избираться сроком на 3 года. Родоначальниками становились не только наследственные башлыки, но и выходцы из разбогатевших неродовитых хозяев. Они вытесняли старых башлыков. Еще в «Уставе» 1822 г. проявилась общая тенденция государственной политики на дальнейшее снижение значимости и веса наследственной – родовой – улусной аристократии. Введение новых административно-фискальных объединений дополнительно укрепляло позиции уездной (окружной) и губернской администраций и их жесткий контроль над инородцами и над выборной элитой.

Царская администрация начинает отходить от наследственного принципа формирования

инородческого управления в пользу принципа выбора «достойного». Поэтому башлыки и князцы боролись за господство в административных родах. Например, Артабановы оспаривали власть Сопняковых, несколько десятков лет становившихся князцами в Ближнекаргинском роде [Карцов, 1970. С. 109].

В инородческом управлении родоначальники сосредоточивали в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел.

Таким образом, согласно административной реформе 1822 г. в Сибири в иерархии и структуре государственной власти инородческая администрация хакасов заняла должности низшего аппарата царской власти. «Инородческая» администрация состояла из представителей трех ступеней управления: родовое правление (административный род), инородная управа, степная дума. В пределах своих ведомств они обладали достаточно широкими полномочиями. До второй половины XIX в. должность руководителей управлений можно было занять, используя наследственный принцип или выборное начало. Выборное начало способствовало выдвижению на политическую арену талантливых руководителей, общественных деятелей, которые внесли значительный вклад в развитие своих ведомств.

Литература

Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805–1850. Ч. 1. – СПб.: А. С. Суворин, 1882. – 507 с.

Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX в. – Абакан, 1970. – 198 с.

Козьмин Н. Н. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края. – Красноярск, 1918. – 48 с.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. – М., 1993. – 523 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. III, первая половина. 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев. – СПб., 1788. – 481 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 38. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1355 с.

Устав об управлении инородцев. Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. – Т. 38. – № 29. – С. 394–416.

И. Г. Смолина*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)***НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ВЫБОРОВ:
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗБРАНИЕ ВЛАСТИ**

Статья посвящена отдельным этапам истории выборов в период от Новгородского вече до Федерального Собрания Российской Федерации, от Конституции СССР 1924 года до Конституции России 1993 г. и поправок, принятым в результате общероссийского голосования 1 июля 2020 года, в контексте регионального аспекта – от Степной Думы до Верховного Совета Республики Хакасия.

Ключевые слова: выборы, власть, конституция, демократия, патриотизм.

I. G. Smolina*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)***SOME ASPECTS OF THE ELECTION HISTORY:
DEMOCRATIC ELECTION OF THE GOVERNMENT**

The article is devoted to certain stages of the history of elections in the period from the Novgorod Veche to the Federal Assembly of the Russian Federation. In the context of the regional aspect: from the Steppe Duma to the Supreme Council of the Republic of Khakassia. From the Constitution of the USSR of 1924 to the Constitution of Russia of 1993 and amendments adopted as a result of the National Russian vote on July 1, 2020.

Keywords: elections, government, Constitution, democracy, patriotism.

Выборы – показатель «здоровья» государства, экономики и общества.

Напомним, что в числе властных органов, формировавшихся выборным путем, были древнегреческие полисы (города-государства). Важнейшими из них были Афины и Спарта.

В Спарте верховным органом правления было народное собрание (апелла), состоящее из граждан старше 30 лет.

Высшая военная власть принадлежала царям, которые были одновременно и жрецами. Во всех остальных вопросах она была ограничена советом старейшин-герусией, формировавшимся из 28 членов общин, достигших 60-летия, избранными пожизненно.

В нашей стране институт выборов как форма самоорганизации населения появилась в Новгороде на рубеже XI–XII вв. Государственный строй приобрел особенности, которые выделяли его среди других земель. Именно в это время стала формироваться выборная власть – местная власть в противовес княжеской власти.

Именно на вече происходило призвание или избрание князей, которое являлось органом прямого народного правления, его функции были обширные: по факту являлись законодательными, контрольными и судебными.

При создании государства Российского необходимость вече отпала.

«Централизованной монархии вече как государственный орган было не нужно, – пишет Л. В. Черепнин. – Но ей нужен был другой институт на смену вече и взамен ему: сословно-представительный орган, который поддерживал бы политику власти, через который власть узнавала бы об общественных запросах и обращалась бы к обществу. Таким институтом и явились земские соборы» [А. Н. Сухов, С. А. Трыканова, 2006. С. 67–68]. Великие соборы просуществовали меньше 150 лет.

На окраинах Российского государства тоже происходили изменения. Как отмечает ученый-исследователь Е. П. Мамышева в монографии «Хакасия: от Степных дум – к автономии (1822–1930)», «Степная дума была высшей ступенью управления хакасов в XIX в. В соответствии с наставлением, в компетенцию Степной думы входили такие вопросы, как «народоисчисление, раскладка сборов, правильный учет всех сумм и общественных имуществ, распространение народной промышленности». Степные думы состояли из родоначальника и избранных заседателей, количество которых зависело от принятого обычая или решения родовичей.

Работа Думы начиналась с найма писмоводителя и избрания казначея «...для хранения общественных сумм». Чтобы выполнять возложенные на Думу обязанности, избирались члены Думы, в состав которых входили родоначальник, два заседателя и старосты или князцы от всех родов или улусов, причем каждый староста имел собственную печать, которой заверялось каждое решение или приговор думы. Ни один из членов Думы не получал жалованья, а родоначальник не обязан был находиться в Думе каждый день. Заседатели работали по очереди, с их участием совершались все сделки и разбирательства, с которыми люди обращались в Думу» [Мамышева, 2008. С. 30].

Начало XX в. в России отмечилось борьбой за результаты выборов, на которую оказало влияние избирательное законодательство, ибо за 12 лет (1905–1914) «Положение о выборах» менялось четырежды.

Выборы в Государственную Думу фактически стали первой общенациональной политической кампанией в нашей стране. Именно там были четко и открыто поставлены важнейшие общегосударственные вопросы, многие из которых были в последующем решены Государственной думой. Многие, но, к сожалению, не все. Вполне понятно, что депутаты, избираемые впервые, не могут давать отчет о проделанной работе – такой работы в 1906 г. еще, естественно, не было. Избиратели ориентировались на обязательство, в том числе на партийные программы. Таким образом, уже с первых выборов Государственной Думы партии играли заметную роль в политической жизни нашей страны.

Торжественное открытие первой Государственной Думы – «Думы народных надежд» – и начало ее работы 27 апреля 1906 г. стало крупным общественным событием. Известие о появлении в России законодательного представительного учреждения было встречено бурным ликованием по всей стране. Признали новый парламент и его «старшие братья» в Европе [Вешняков, 2006. С. 10].

Государственная дума Российской империи I созыва — первый в России избранный населением представительный законодательный орган. Стал результатом попытки преобразовать Россию из самодержавной в парламентскую монархию, вызванной стремлением стабилизировать политическую обстановку в условиях многочисленных волнений и револю-

ционных выступлений. Дума I созыва провела одну сессию и просуществовала 72 дня, с 27 апреля (10 мая) по 9 (22) июля 1906 г., после чего была распущена императором Николаем II.

Начало определению полномочий Государственной думы и её места в системе органов власти было положено Манифестом Императора Николая II, разработанным в основном министром внутренних дел А.Г. Булыгиным. Государственной думе отводилась роль не законодательного, а законосовещательного учреждения с весьма ограниченными правами, избираемого ограниченными категориями лиц: крупными собственниками недвижимых имуществ, крупными плательщиками промышленного и квартирного налога и, на особых основаниях, крестьянами (так называемая «Булыгинская дума»). Однако недовольство данными предложениями вылилось в многочисленные акции протеста, стачки и забастовки по всей стране, следствием чего стала выработка новых принципов формирования и работы Государственной думы.

Корректировка полномочий Думы и наделение её законодательными функциями была осуществлена Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственная_дума_Российской_империи_I_созыва]

На последующем этапе истории страны в отдельных территориях были созданы первые Советы крестьянских депутатов и крестьянских комитетов, Советы солдатских, матросских и крестьянских депутатов.

В этот период в РСФСР главенствующим органом власти становится Всероссийский съезд Советов, который собирался два раза в год, а в перерывах между съездами – ВЦИК, избираемый на съезде в составе 200 чел.

После образования в 1924 г. СССР были созданы высшие органы власти – ежегодный съезд Советов и ЦИК.

Союзный ЦИК состоял из Союзного Совета и Совета национальностей. Первый избирался в количестве 371 чел. пропорционально количеству населения каждой республики. Второй был образован из представителей союзных и автономных областей – по одному человеку от каждого. Совет национальностей утверждался съездом [Сухов, Трыканова, 2006. С. 71].

Система выборов становится 4-х ступенчатой. Избирательным правом пользовались

лишь граждане, «добывающие средства производственным и общественнополезным трудом», также матросы и солдаты. Ценз оседлости – с 18 лет.

Не имели избирательного права следующие категории граждан: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления от имущества и т.п.; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома [Сухов, Трыканова, 2006. С. 73].

Список этот постоянно расширялся. С 1926 по 1930 г. лишились этого права крестьяне, арендующие сады, виноградники и т.д.

В 1926 г. впервые выборы проводили открытым голосованием.

Не довольствуясь ограничительным законодательством, большевики применяли и прямое давление на избирателей. «Очень часто, – писал А.Н. Троицкий, – в целях успешного проведения тех или иных мер мы практиковали назначенство. Самые выборы в советы мы производили наспех, экстренно, проводя свои коммунистические списки, дабы уверенно управлять страной в условиях грозной опасности со стороны белых армий» [Сухов, Трыканова, 2006. С. 75].

Конституция 1936 г. установила: «Высшим органом власти СССР стал Верховный Совет, избираемый на 4 года на основе всеобщего, равного и прямого тайного голосования». Ценз оседлости менялся с 18 до 23 лет. Избирательного права граждане лишались только по решению суда, по состоянию здоровья (умалишённые). Лишение избирательных прав по суду было отменено в 1959 г.

Юридически, начиная с Конституции СССР 1936 г., провозглашались всенародные выборы, а фактически избирателям предоставлялось одно право – прийти на избирательный участок и опустить в урну бюллетень с одним кандидатом.

После распада Советского Союза и принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. в России граждане путем тайного голосования избирают: Президента Российской Федерации; депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Феде-

рации; глав субъектов Российской Федерации; депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления.

Акцентируем внимание на функции выборов – легитимации власти. Ибо именно выборы делают власть легитимной. Но в нашу жизнь активно ворвались предвыборные технологии. Конечно, они выполняют свои законные роли при условии соблюдения этой самой законности и соблюдении ряда условий состоятельности и конкуренции между кандидатами. Они влияют на общественное мнение и установки избирателей. Зачастую, чтобы получить результат, используют сговор, «черный пиар» и многое другое. В этом случае избиратель получает искаженную информацию, и роль избирателя стремится к нулю – он становится статистом.

Выборы, с точки зрения инструментальной функции, могут выполнять позитивные и негативные роли.

В первом случае формировать законную власть и политическую систему. Во втором – выборы могут использовать в качестве революций и смены режимов. Выборы играют роль компенсаторную, как способ снятия напряжения, выхода недовольства. Вместе с тем это весьма опасно – использование выборов в этом качестве может привести к подрыву доверия к власти. И еще зачастую имитация выборов создает иллюзию зависимости власти от общественного мнения.

Вывод напрашивается сам собой: невозможно бесконечное манипулирование технологиями во время избирательных кампаний. Это рано или поздно приведет к недовольству. Выборы сами по себе являются самой демократичной формой избрания власти всех уровней. Именно выборы обеспечивают законность, легитимность власти в интересах населения [Кейзеров, Смолина, 1995. С. 23].

Россия становится другой и, не в последнюю очередь, благодаря выборам. Рост гражданской культуры общества при всех издержках очевиден.

Выборы проводятся повсеместно, и роль регионов в их результате решающая. Выборы могут сыграть позитивную роль в активизации местной общественности на решение конкретных проблем региона через избираемого депутата или консолидацию местных партий, общественных объединений, органов власти и др.

Выборы – школа гражданского воспитания и достоинства. Великие русские педагоги узловым пунктом своей педагогической теории и практики сделали патриотическое воспитание, имея в виду «растить гражданина». Они видели смысл и сущность жизни человека в долге перед Отечеством. Сухомлинский советовал: позаботьтесь о том, чтобы тысячи тончайших нитей связывали личность с Отечеством – это первый совет отцу, матери, педагогу. При таком подходе, на котором крепятся все остальные ценности и общество, соответственно следует строить и систему гражданского воспитания в семье, школе, вузе, трудовом коллективе как сердцевину, исходный пункт социализации. Выборы – важная веха в этой системе.

Патриотизм и гражданственность связаны органично с традициями народа. Н.М. Карамзин писал: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди его имеют». И в дальнейших своих рассуждениях, и выводах писатель указывает магистральное направление размышлений – уважение к интересам собственного и других народов и освоение плодов их «долговременных трудов» [Кейзеров, Смолина, 1995. С. 71].

«Не приравнивай хана к кагану, а кагана – к Тенгри», – говорят хакасы, а по-русски: «Не приравнивай начальника к царю, а царя к Богу». Это обычные люди, но наделенные властью. Относись к ним уважительно, но не возноси. Истинная ценность их проявится тогда, когда они снимут «мундир власти» и

сойдут с временного пьедестала почета. Тогда станет понятно, что больше принесли они людям: пользы, беды. Или были пустоцветами [Торосов, 2013. С. 69].

В 1989 г. Франция праздновала 200-летний юбилей знаменитой Декларации прав человека и гражданина, и средства массовой информации писали, что Франция еще далека от идеалов, провозглашенных в 1799 г. Тезис о том, что мы достигли высот демократии и парламентаризма, вызывает недоверие и скепсис. С одной стороны, потому что демократия – это не конечная станция железнодорожного пути. Это длинная дорога, на каждом этапе которой решаются свои специфические задачи, связанные с организацией социума и власти в этом социуме, определением места и роли личности в обществе и ее взаимоотношениях с государством, обществом, иными людьми. И мы все еще находимся на первом этапе этой дороги [Эбзеев, 2006. С. 23].

В современный период истории мы наблюдаем укрепление, развитие демократии и государственности. В январе 2020 г. президент России Владимир Путин предложил ряд поправок к Конституции страны, а с 25 июня по 1 июля 2020 г. прошло Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений, вносимых в Конституцию Российской Федерации. 3 июля 2020 г. президент Владимир Путин подписал указ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесёнными в неё поправками» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Общероссийское_голосование_по_поправкам_к_Конституции_России].

Литература

Вешняков А. А. Выборы в первую Государственную Думу – первый опыт демократизации Российского государства // Вестник Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации. Приложение к журналу. Специальный выпуск. – М.: Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России, 2006. – С. 7–1.

Кейзеров Н. М., Смолина И. Г. Правовая культура избирательной кампании: в помощь избирателям и организаторам выборов. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 108 с.

Мамышева Е. П. Хакасия: от Степных дум – к автономии (1822–1930). – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 124 с.

Смолина И. Г. Правовая культура избирательного процесса в Российской Федерации. – Новосибирск: Наука, 2007. – 128 с.

Сухов А. Н., Трыканова С. А. Выборы: теория и практика: учебное пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 56 с.

Торосов В. М. Кодекс чести хакасов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. – 90 с.

Эбзеев Б. С. Выступление // Вестник Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации. Приложение к журналу. Специальный выпуск. – М.: Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России, 2006. – С. 23–25.

М. Соегов

*Институт языка, литературы и национальных рукописей
имени Махтумкули Академии наук Туркменистана (Туркменистан)*

**О ГРАФИЧЕСКИХ ПОРТРЕТАХ И СЛОВЕСНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
МАХТУМКУЛИ-ХАНА, СЫНА НУРБЕРДИ-ХАНА
(в связи со 140-летием героической обороны крепости Денгиль/Дингли-тепе)**

Статья посвящена отдельным конкретным вопросам русско-туркменских отношений, которые рассматриваются путем описания некоторых сторон жизни и деятельности одного из знаменитых туркмен тех лет, а именно Махтумкули-хана (15.01.1859–28.04.1924).

Ключевые слова: руководить обороной, приходиться с повинностью, участник коронации, подполковник милиции, депутат Государственной Думы.

M. Soegov

*Magtymguly Institute of Language, Literature and National Manuscripts of
The Academy of Sciences of Turkmenistan (Turkmenistan)*

**ABOUT GRAPHIC PORTRAITS AND VERBAL CHARACTERISTICS
OF MAGTYMGULY KHAN, SON OF NURBERDI KHAN
(to the 140th anniversary of the heroic defense of Dengil Fortress /Dingli-Tepe)**

Article is devoted separate concrete questions of Russian-Turkmen relations which are considered by the description of some aspects of life and activity of one of those years well-known the Turkmen, namely the Magtymguly-khan (15.01.1859–28.04.1924).

Keywords: to supervise over defence, to come with a duty, the participant of crowning, the lieutenant colonel of militia, the deputy of the State Duma.

Наши публикации о Махтумкули-хане, одном из двух руководителей (другой Дыкмасердар) героической обороны Геок-тепе в 1880–1881 гг., последняя из которых, а именно статья «Еще раз о Махтумкули-хане, виднейшей фигуре в истории туркменско-русских отношений конца XIX и начала XX вв.» была включена в сборник «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве», вышедший в декабре 2019 г. в Махачкале (Республика Дагестан / РФ), следует классифицировать не иначе как внесение вопроса на повестку дня исследований и, в лучшем случае, как попытку сформировать соответствующего введения будущей большой работы по изучению деятельности этой неординарной личности в истории конца XIX и начала XX вв., тогда, когда начали зарождаться в муках многие современные устои в культурной и общественной жизни туркменского социума.

Настоящая статья является продолжением наших усилий по этому направлению, и начнем ее с того факта, что личное имя молодого хана встречается в первичных источниках в двойном написании: Мехтемь-Кули-хань и Махтумь-

Кули-хань. Так, например, участник Геок-тепинского сражения А.Н. Куропаткин на 106-й странице своей книги «Завоевание Туркмении» (СПб., 1899) зафиксировал Махтумкули-хана нехарактерным для туркменской антропоники личным именем Мехтемь-Кули-хань (Рис. 1).

По нашим наблюдениям, в архивных документах имя Махтумкули-хана впервые упоминается в письме генерала М.Д. Скобелева, отправленном им на имя русского посланника в Тегеране (Иран) из Чекишляра (селение в нынешнем Балканском вилайете) 13 мая 1880 г.: «Нур-Берды-хан умер 14 дней тому назад. Избран сердаром Махтум-Кули-хан, его сын, который объявил себя на время предстоящего русского нашествия падишахом, сие некоторые утверждают, что он соединяет в себе одну власть над текинцами Ахала и Мерва, им двинута на Геок-Тепе конница при 32 персидских орудиях, отбитых текинцами в 1861 году» [Документ № 60]. Генерал заключает свое донесение следующими словами: «Махтум-Кули-хан отпустил из плена всех мусульман, готовясь к газавату против неверных... несомненно,

Рис. 1. Портрет-графика 27-летнего Махтумкули-хана, которая была нарисована на основе его фотографии, снятой предположительно в начале 80-х годов XIX века. Портрет заимствован нами из 106-й страницы книги А. Н. Куропаткина «Завоевание Туркмении» (СПб., 1899).

что между туркменами Теке большое возбуждение, что они готовятся сопротивляться и что избрание Махтум-Кули-хана, т. е. единство боевых распоряжений может только сделать сопротивление еще более ожесточенным» [Таж же].

Дыкма-сердар сразу же после возвращения летом 1881 г. из поездки в Петербург, где во главе туркменской делегации был удостоен чести высочайшей аудиенции Его Величества Государя России, императора Александра III, начал преданно служить местной царской администрации. По ее поручению он уже в августе-сентябре 1881 г. находился в Мерве с целью уговорить переселенцев из Ахала вернуться обратно на прежние обжитые места обитания, в том числе Махтумкули-хана и его сородичей. Наряду с этим у него были и другие поручения. В документе по интересующему нас вопросу, в частности, говорится: «По словам Тыкма-сардара, Махтумкули-хан отличается крайне слабым и нерешительным характером. Во время

Рис. 2 (слева). Масленный портрет правителя Ахала и Мерва Нурберди-хана (05.05.1826–28.04.1880), который хранится в Государственном музее «Геок-тепе» и является одним из уникальных его экспонентов (художник Г. Татов);

Рис. 3 (справа). Фотография сына Нурберди-хана, подполковника милиции, депутата Второй Государственной Думы Махтумкули-хана (15.01.1859–28.04.1924), заимствованная нами из 496-й страницы книги М. М. Боиовича «Члены Государственной думы» (М., 1907).

бытности Тыкма-сардара в Мерве он несколько раз виделся с Махтумом, который был у него; при этом Махтумкули-хан ежедневно отменял свои решения относительно возвращения в Ахал» [Документ № 308].

По нашему мнению, оценку характера Махтумкули-хана со стороны Дыкма(Тыкма)-сердара следует считать сугубо субъективным мнением последнего, который, скорее всего, в отношении Махтумкули-хана говорил то, что хотела услышать в тот момент в русская администрация в Асхабаде (ныне Ашхабад). По еще не уточненным до конца данным, Дыкма-сердар скончался 15 (28) июня 1882 г. в Ашхабаде, находясь в военном госпитале [См.: Мехти], спустя полтора года после второго Геок-тепинского сражения, скорее всего, по причине тяжелого воспаления полученных тогда ран. Ранее нами было выдвинуто предположение, что он умер на 2–3 месяца позже приведенной даты, осенью 1882 г. [См.: Соегов, 2017. С. 38–43].

Обратимся теперь к воспоминаниям Максуда Алиханова-Аварского о его поездках в Мерв, осуществленных в 1881 г. и 1883–1884 гг. В его известных «Закаспийских воспоминаниях», опубликованных 1904 г. в журнале «Вестник Европы» за 1904 г. (№ 9–10) [Алиханов-Аварский. Еще см.: Соегов, 2019. С. 115–118], основное место уделяется поездке, продолжавшейся с конца 1883 до начала 1884 гг. Материалы его первой поездки в Мерв остались на страницах труднодоступных для совре-

менного читателя изданий: они впервые печатались в «Московских ведомостях» за 1882 г., затем были перепечатаны в нескольких номерах газеты «Кавказ» за тот же год под названием «Русские в Мерве». Мы в данной своей работе пользовались соответствующими номерами указанной газеты.

Так описывает Максуд Алиханов-Аварский Махтумкули-хана в отчете о своей первой поездке в Мерв и состоявшейся встрече с ханами и другими народными представителями в феврале 1882 г.:

«Собрание ханов и старшин, о котором я начал было говорить, состояло из 15 лиц... 1) молодой человек лет 27, умный и симпатичный, напоминающий наружностью и манерами хивинского Мадраим-хана, – это Махтумкули-хан (в оригинале ошибочно: *Мехтем-Кули-хан*. Здесь и далее приводим исправленное нами правильное написание имени молодого хана – М.С.), бывший противник генерала Скобелева под Геок-Тепе. Он был одет, как и все остальные, в простой полосатый халат и сидел на почетном месте... Тут заговорил, наконец, Махтумкули и объяснил остальным смысл моего предупреждения. С ним согласился Сары-батыр и сказал несколько слов о пользе торговли... Снова молчание. Присутствующие точно убеждены, но колеблются... Махтумкули-хан поменялся с соседями многозначным взглядом. – Теперь мы уже сказали все, – добавил я. – Ждем ответа, и если он будет прежний, приготовимся к отъезду обратно в Асхабад. Я был убежден, что прежний ответ не повторится. – Подумайте-же, – процедил наконец Махтумкули-хан. – Они согласны на все. – Отвечай за всех... Тут и думать нечего, – обратился к нему Сары-батыр, более поощряя взглядом, чем словами. – Как тебя зовут, – начал вдруг Махтумкули, обращаясь прямо ко мне. – Максуд. – Максуд, – продолжал он, не прерывая свой пристальный взгляд. – Ты сам кто такой? – Приказчик соудегара (т.е. торговца – М.С.), сидящего рядом с тобою. – Так передай соудегар-баю, что нами руководит только боязнь за его безопасность. Иначе мы ничего не имели бы против того, чтобы он остался здесь хоть навсегда. – Избави Бог нас от такого счастья! Совершенно достаточно, если мы пробудем здесь два, три базара, чтобы присматриваться к вашей торговле. – В таком случае вот наш ответ, –

сказал Махтумкули-хан, – пусть он пробудет здесь эти два, три базара. Затем он вернется в Асхабад вместе с нашими уполномоченными для переговоров. – Ответ очень хороший, – вырвалось у меня. – Хороший или не хороший, но он наш ответ, – возразил хан с особенным ударением, к общему, по-видимому, удовольствию. Этот фарс был, если хотите, необходимым: в народе ходили толки о сочувственном отношении Махтумкули-хана к появлению здесь первых русских, и он, действительно, передал нам тайно накануне, что в собрании будет говорить некоторые вещи только для виду. Удовлетворившись пока этим результатом, мы вскоре оставили кибитку с ужасной болью в ногах от непривичного сидения по-текински в продолжение почти двух часов» [Кавказ, 1882. С. 3].

В своих «Закаспийских воспоминаниях» М. Алиханов-Аварский приводит следующие данные о молодом хане: «В 1881 г. мервцы уже не могли придти к соглашению относительно новых претендентов на ханство всего народа, и кончилось тем, что каждый род избрал своего хана: Векили – Махтум-Кули-хана, молодого человека двадцатипяти лет, который, впрочем, переселился вскоре на Ахал и был заменен своим шестнадцатилетним (сводным) братом, Юсуф-ханом. Большое значение среди Векилей имела мать последнего, известная Гюль-джамаль ... Весною 1883 г. он (т.е. Махтумкули-хан – М.С.) вернулся на Ахал и был отправлен на коронацию в Москву (т.е. коронацию императора Александра III), куда прибыл после смерти Скобелева и где был произведен в майоры» [Алиханов-Аварский].

В течение двух дней, т.е. 8 (20) – 9 (21) октября 1888 г., император России Александра III со своей семьей находился в г. Баку. Среди встречающихся и затем удостоенных приема была делегация туркмен Закаспийской области. Об этом так информировала своих читателей газета «Кавказ» от 11 октября того года (приводим лишь те места, где освещен интересующий нас вопрос): «Депутация Закаспийской области, представленная Его Величеству начальником области генерал-лейтенантом А.В. Комаровым, состояла из всех мервских ханов и разных почетных лиц как Мерва, так и других частей области... В этой же депутации имела счастье представиться Его Величеству и мервская ханша Гюльджамал-Бай с двумя сыновьями, из коих один подполковник, а

другой капитан русской службы. Ханша эта, как известно, первая высказалась за присоединение Мерва к России» [Кавказ, 1888]. Корреспондент газеты здесь сыновьями ханши имел в виду ее пасынка, подполковника Махтумкули-хана, и родного сына капитана Юсуп-хана. В мае 1896 г. Махтумкули-хан в качестве предста-

вителя туркменского народа наряду с эмиром Бухарским и ханом Хивинским был приглашен из Средней Азии и участвовал на торжествах, посвященных коронации Николая II – последнего самодержца России [См.: Аминов, 2018. С. 136–151].

Рис. 4 (слева). Махтумкули-хан в зимнем туркменском халате (пагталы дон), с национальной тубетейкой на голове (акгайма таля). Фрагмент-вырезка из групповой фотографии депутатов-мусульман Второй Государственной Думы, снятой в 1907 г.

Рис. 5 (справа) Махтумкули-хан в униформе подполковника туркменской милиции (фотография снята предположительно в том же 1907 г.).

27 февраля 1907 г. Махтумкули-хан был избран в Государственную думу России II созыва от коренного населения Закаспийской области. Некоренное население области представлял депутат от РСДРП, железнодорожник из Кзыл-Арвата Иван Ефимович Миронов (1881–1918) [Боювич, 1907. С. 496, 497].

После роспуска Государственной думы вернулся на родину. В начале 1910 г. вновь

посетил Санкт-Петербург, приехав в качестве представителя ахалтекинцев в составе туркменской делегации, «для принесения благодарности за высочайшие милости, оказанные по случаю 25-летия присоединения Мерва к России. Участие Махтумкули-хана в этом событии, учитывая его особую роль в присоединении Мерва, было вполне оправдано.

Рис. 6. Махтумкули-хан (слева) со своей мачехой Гюльджемал-ханшией (в середине) и сводным братом Юсуп-ханом (справа) в 1910 г. в Петербурге во время торжеств по поводу 25-летия добровольного вхождения Мерва в состав России. Фрагмент-вырезка из фотографии, снятой К. Булло. Другая коллективная фотография членов туркменской делегации (16 чел.), снятая этим же фотографом во время указанных торжеств, была опубликована в 5-м номере журнала «Нива» за 1910 г.

Будучи участником коронации двух российских монархов в 1883 и 1896 гг., а также удостоенным величайшей аудиенции по меньшей мере дважды у каждого из них, Махтумкули-хан был ярким сторонником существования сильного центра в стране и таковым остался после захвата Петербурга и Москвы большевиками. В годы Гражданской войны симпатизировал русским красным большевикам, нежели своим национальным «белым», которые создали в 1918 г. «независимое» Туркменское правительство [См.: Соегов, 2019. С. 104–108].

Махтумкули-хан умер 28 апреля 1924 г. спустя ровно 44 года после кончины своего отца Нурберди-хана, не дожив каких-то полгода-год

до провозглашения и административно-политического формирования Туркменской ССР, совершенно нового государственного образования туркменского народа, которое стало основой в появлении на политической карте Независимого и Нейтрального Туркменистана в результате распада СССР в 1991 г. В 2020 г. Туркменистан широко отмечает 25-летие своего нейтрального статуса, дважды утвержденное специальными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 и 2015 гг., которая в последующем также объявила 12 декабря ежегодно отмечаемым Международным Днем Независимости.

Литература

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, 1881–1885 // Вестник Европы. – 1904. – №9–10 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Alichanov_Avarskij_M/text1.phtml (дата обращения: 25.01.2020).

Аминов И. И. Коренное население Закаспийской области на государственной и военной службе Российской империи (1881–1917 гг.) // Lex Russica. №4 (137), апрель. – М., 2018. – С. 136–151.

Боювич М. М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв. – М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1907. – С. 496–497.

Документ № 60. Копия с письма временно-командующего войсками в Закаспийском военном отделе расположенными, генерал-адъютанта Скобелева к посланнику в Тегеране из Чекишляра (от 13 мая 1880 года). См.: ЦГВИА, ВУА, д. № 7/с., л. л. 2–5 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/>

1860–1880/ Russ_turkmenII /Razdel_V/60. Htm (дата обращения: 09.03.2020).

Документ №308. Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом (от 19 октября 1881 года). См.: ЦГИА СССР, ф. 1. д. 230, лл. 82–98 [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien /XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/301-320/308.htm (дата обращения: 20.02.2020).

Кавказ (газета). – 1882. – 29 июля, № 199; 11 октября, № 268.

Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг. с очерком воен. действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. Сост. А. Н. Куропаткин. Изд. В. Березовский. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1899. IV+ 224 с.

Мехти Ольга. Монарх и Узник [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://7lafa.com/book.php?id=137909&page=5> (дата обращения: 09.03.2020).

Соегов М. Дстойные противники: генерал М. Д. Скобелев и Овезмурат Дыкма-сердар // Вестник Калужского университета. – Калуга, 2017. – № 4. – С. 38–43.

Соегов М. Еще раз о Махтумкули-хане, виднейшей фигуре в истории туркменско-русских отношений конца XIX и начала XX вв. // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, 5–7 декабря 2019 года. – Махачкала, 2019. – С. 104–108.

Соегов М. О первом градоначальнике Мерва после вхождения его в составе России (к 115-летию публикации «Закаспийских воспоминаний» генерала Максуда Алиханова-Аварского) // Город в контексте микро- и макроисторических процессов. Сборник науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф., 14 ноября 2019 г. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. – С. 115–118.

Е. Е. Тиникова

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ (современный период)

В статье дана характеристика материального положения жителей городских поселений Хакасии, Тывы и Алтай в постсоветский период как одного из главных составляющих показателя уровня социального развития общества. Анализ проведен на основе сопоставления данных официальной статистики и результатов социологических опросов, проведенных в регионе в 2018–2019 гг. Также в работе особое внимание уделено выявлению общих и особенных черт в развитии трех изучаемых республик.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Хакасия, Тыва, Алтай, урбанизация, образ жизни, социокультурность.

Е. Е. Tinikova

*Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

SOCIAL COMPONENT OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF URBAN SETTLEMENTS IN SOUTH SIBERIA (modern period)

The article describes the financial situation of residents of urban settlements of Khakassia, Tyva and Altai during the post-Soviet period as one of the main components of a level indicator of social development of the society. The analysis is based on a comparison of official statistics and results of sociological surveys conducted in the region in 2018–2019. Special attention is also paid to the identification of common and special features in the development of the three republics under study.

Keyword: South Siberia, Khakassia, Tyva, Altai, urbanization, lifestyle, social and cultural.

Урбанизация всегда сопровождается изменением образа жизни людей, проживающих не только в городской местности, но и на селе.

Понятие «образ жизни» трактуется в науке неоднозначно, это связано с существованием различных методологических подходов и во

многим зависит от целей конкретных исследований. Так или иначе исследователи города, начиная с Чикагской социологической школы, исходят из того, что одной из центральных функций города является формирование специфического для горожан образа жизни [Мигунова, 2019. С. 166]. В этом случае изучать городской образ жизни невозможно без анализа социокультурного развития конкретного городского пространства.

В данном исследовании «социокультурность» понимается как дуальное понятие, которое основывается на паритетности культуры и социальности, их несводимости и невыводимости друг из друга. Поэтому социокультурное развитие включает в себя два компонента – культурный и социальный. Социальный компонент включает в себя характеристику материального положения городского населения, самооценки горожанами своего благосостояния и их удовлетворенность жизнью, социальное самочувствие, степень развитости социальной инфраструктуры.

Для оценки социального компонента социокультурного развития городских поселений следует опираться на данные официальной статистики, а также на результаты социологических опросов, так как оценку невозможно проводить без изучения общественных практик использования населением ресурсов территории, без рассмотрения степени и форм вовлечения жителей в социокультурную жизнь [Антонова, 2013. С. 4].

Большой по временному и пространственному охвату обозначенный в исследовании предмет изучения не позволяет всесторонне проанализировать такие характеристики социального компонента социокультурного разви-

тия городских поселений Южной Сибири, как социальное самочувствие горожан и степень развитости социальной инфраструктуры (нам видится, что в полном объеме они могут быть изучены только в отдельном исследовательском проекте). При этом материальное положение городского населения может быть раскрыто через такие понятия, как «уровень жизни» и «уровень благосостояния» населения. По сути, эти понятия синонимичны и отражают «уровень потребления благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей людей» [Жеребин, 2002. С. 15].

Распад Советского Союза и экономический кризис 1990-х гг. привели к резкому снижению уровня жизни населения, стремительному расслоению общества по уровню доходов. В 1990-е гг. уровень благосостояния населения страны и, в частности, национальных республик Южной Сибири не отличался стабильностью (см. табл. 1). В 1994 г. среди трех республик среднедушевые денежные доходы населения были выше на Алтае – 204,0 тыс. руб., что составляло около 99% от общероссийского показателя. Однако в 1998 г. среднедушевые доходы населения Алтая стали ниже, чем в Хакасии, и Республика Алтай стала занимать по данному показателю 63 место в рейтинге регионов России, в то время как Республика Хакасия – 48. Связано это, прежде всего, с эффективностью политики региональных властей по сдерживанию последствий экономического кризиса в регионе. Тыва по данному показателю находилась в аутсайдерах, здесь среднедушевые денежные доходы населения в 1998 г. были в два раза меньше, чем в среднем по стране, или в 1,3 раза меньше, чем в соседней Хакасии.

Таблица 1

**Среднедушевые денежные доходы населения России
и национальных республик Южной Сибири в 1994–1998 гг.
(в месяц; тысяч рублей; 1998 г. – руб.) ***

Регион	1994	1995	1996	1997	1998	Место, занимаемое в РФ
Россия	206,3	515,4	760,0	930,0	969,9	
г. Москва	691,1	1803,9	2845,9	3516,3	4017,1	1
Алтай	204,0	316,2	474,3	608,2	565,0	63
Тыва	129,3	314,3	449,8	590,4	491,0	77
Хакасия	183,1	465,0	736,8	757,6	655,3	48

* Рассчитано и составлено по: Российский статистический ежегодник. 1999: Статистический сборник / Госкомстат России. М., 1999. С. 143–144.

Вместе с тем реальные денежные доходы населения при росте номинальной заработной платы падали. За 1994–1998 гг. реальные денежные доходы населения России сократились на 28,6%, на Алтае – на 27,7%, в Тыве – на 39,2%, в Хакасии – на 29,8% [Российский..., 1999. С. 143–144]. В результате происходило ухудшение соотношения заработной платы и прожиточного минимума.

В период после 2000 г. уровень жизни населения страны начинает повышаться, что проявляется в росте как номинальной, так и реально начисленной заработной платы работников [Охлопкова, 2008. С. 76]. Однако между отдельными регионами продолжает наблюдаться существенный разрыв по степени материальной обеспеченности населения. По подсчетам рейтингового агентства «РИА Рейтинг», республики Алтай и Тыва замыкали рейтинг сибирских регионов по качеству жизни населения, занимая в общероссийском рейтинге 82 и 85 позиции соответственно.

В 2017 г. среди регионов Сибири наибольший рост позиций в указанном рейтинге произошел в Республике Хакасия. Основными факторами, способствующими данному росту, стали снижение уровня безработицы, рост

объема вкладов физических лиц в банках, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, снижение смертности населения от внешних причин и младенческой смертности, повышение обеспеченности детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях, рост доли государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, соответствующих современным требованиям. Также в республике выросла обеспеченность населения жильем, увеличилась доля прибыльных предприятий [Дугаржапова, 2018. С. 28].

Увеличение среднедушевых денежных доходов сопровождалось незначительным снижением коэффициента дифференциации (см. табл. 2), что свидетельствует о несущественном изменении степени социального расслоения населения национальных республик Южной Сибири. В 2015 г. на долю наименее обеспеченной части населения приходилось не более 6,1% денежных доходов жителей, а на долю наиболее обеспеченной части населения – более 40%. В целом, в регионе коэффициент дифференциации доходов не превышает среднероссийский уровень.

Таблица 2

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2015 г.*

Регион	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
Россия	5,3	10	15	22,6	47,1	15,7	0,413
Алтай	6,7	11,6	16,3	23	42,4	10,4	0,355
Тыва	6,2	11,0	15,9	22,9	44,0	11,9	0,375
Хакасия	6,5	11,4	16,2	23,0	42,9	10,8	0,361

* Дугаржапова Д. Б. Социально-экономические аспекты уровня и качества жизни населения республик СФО РФ // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 33.

Согласно коэффициенту Джини, степень отклонения фактического распределения денежных доходов населения в национальных республиках Южной Сибири относительно ниже, чем в среднем по России. Тем не менее их

величины находятся в районе отметки 0,3, что свидетельствует о неравномерном распределении доходов в обществе. Подобный дисбаланс вызывает социально-экономическую напряженность.

Горожане Южной Сибири по-разному оценивают экономическую ситуацию как в России, так и в регионе, и в их городских поселениях (социологическое исследование среди городских жителей региона проводилось в Хакасии в 2018 г., в Тыве и Алтае – в 2019 г.). Жители городов Хакасии чаще, чем соседи, характеризуют экономическую ситуацию в стране как неустойчивую (43,1% опрошенных) или крайне нестабильную (18,6%). Также в целом они оценивают положение дел в экономической сфере своей республики. Население Горно-Алтайска также характеризует экономическую ситуацию в Республике Алтай и ее столице как неустойчивую (37,2%) или как крайне нестабильную (19,3%). Жители Турана чаще остальных городских жителей Тывы говорят о нестабильности экономической ситуации в их городе (32,6%). Интересно, что равное количество горожан Чадана называют экономическую ситуацию в их городе перспективной (24,2%) и неустойчивой (24,2%). Ответы жителей Кызыла включают в себя всю палитру оценок экономической ситуации в городе. Их ответы распределились следующим образом: «стабильная» – 15,4%, «перспективная» – 21,5%, «неустойчивая» – 26,2%, «крайне нестабильная» – 23,1%, затруднились с ответом – 13,8%.

Наибольшую удовлетворенность вызывает у городских жителей региона работа дошкольных

учреждений и средних общеобразовательных школ. Жители Горно-Алтайска также высоко оценили работу правоохранительных органов города (8,6% опрошенных). Низкие оценки получили услуги в области здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, а также благоустройство дворов и состояние дорог в городах. Жители городов Тывы также поставили оценку «плохо» работе транспортной сферы (26,6%) и в целом благоустройству городской среды (30,3%).

Среди проблем, предложенных респондентам в анкете (см. табл. 3), городские жители региона назвали наиболее острыми высокий уровень безработицы, рост цен, низкий уровень качества жизни. Городское население Тывы также крайне обеспокоено распространением пьянства, алкоголизма и наркомании в республике (37,5% опрошенных), а также высокими ценами на жилье (24,1%) и коррупцией (20%). Горожане Хакасии еще помнят времена, когда регион отличался высокими показателями промышленного производства, поэтому здесь чаще, чем у соседей, среди острых проблем называют проблему упадка промышленности (19,1%). Несмотря на то, что реальный разрыв между богатыми и бедными в Хакасии ниже, чем в Тыве (см. табл. 2б), здесь горожане более обеспокоены этой проблемой (13,1% в Хакасии против 4,7% в Тыве).

Таблица 3

Оценка жителями городских поселений Южной Сибири наиболее острых проблем их населенного пункта (%)*

Проблемы	Алтай	Тыва	Хакасия
высокий уровень безработицы	58,4	65,3	42,5
низкий уровень качества жизни	48,3	21,9	32,8
межнациональная напряженность	2,4	1,3	5,3
упадок промышленности	8,6	8,8	19,1
кризис сельского хозяйства	9,5	8,1	10,0
рост цен	46,8	40,3	42,5
пьянство, алкоголизм, наркомания	21,7	37,5	25,3
высокие цены на жилье	14,1	24,1	18,4
коррупция	14,7	20,0	13,1
большой разрыв между богатыми и бедными	7,6	4,7	13,1
падение нравов	3,7	5,3	4,4
проблема трудоустройства молодежи	17,1	17,5	20,0

увеличение мигрантов из стран ближнего зарубежья	1,5	3,1	2,5
рост преступности	0,9	7,8	4,1
экологические проблемы	0,9	4,7	5,6

* Сумма по столбцу превышает 100%, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Население Горно-Алтайска, в целом, удовлетворено жилищными условиями (59,6% респондентов), работой (65,1%), возможностями проведения досуга (66,6%), но не удовлетворено своим материальным положением (51,3%). Иная картина складывается из ответов респондентов Тывы и Хакасии, которые оказались удовлетворены всеми перечисленными сферами жизни.

Удельный вес жителей городов Южной Сибири, довольных жизнью (78,1%), выше, чем недовольных (17,6%). Жители городской местности Тывы больше удовлетворены жизнью (82,8%), чем городское население соседних регионов. При этом самый высокий показатель удовлетворенностью жизни зафиксирован в Чадане – 0,89%, самый низкий в Туране – 0,75%.

Около $\frac{3}{4}$ городских жителей региона уверены в своем будущем, 6,6% – совершенно не уверены. Полную уверенность в завтрашнем дне в большей степени испытывают горожане Тывы (51,6%), напротив, почти каждый четвертый горожанин Хакасии не уверен в своем будущем.

В результате свое отношение к жизни четверть опрошенных горожан Южной Сибири сформулировали как «жизнь интересная, меня

полностью устраивает». Остальные варианты ответа распределились следующим образом: «жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять» – 13,9%, «жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше» – 25,8%, «жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить к лучшему» – 4,4%, «жизнь полосатая, я принимаю и хорошее, и плохое» – 22%, «все устроится само собой» – 3,9%, «будет, что будет» – 4,3%.

Таким образом, официальные данные статистики, фиксирующие неуклонное снижение реальных доходов городского населения Южной Сибири, ухудшение их материального положения, идут вразрез с данными социологических опросов, которые показывают, что население городов весьма позитивно оценивает свое текущее материальное положение. Это можно трактовать как адаптацию жителей региона к новой рациональной или бережливой стратегии потребления [Глобальные..., 2019. С. 36]. То есть изначально воспринимавшиеся как временные практики экономного потребления в условиях ухудшения социально-экономической ситуации стали обыденными, ориентированными на длительную перспективу.

Литература

Антонова М.А. Подходы к оценке социокультурного потенциала региона // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 3(3). – С. 1–10.

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. – 440 с.

Дугаржапова Д.Б. Социально-экономические аспекты уровня и качества жизни населения республик СФО РФ // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 25–37.

Жеребин В.М., Романова А.Н. Уровень жизни населения. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 592 с.

Мигунова Ю.Ю., Новиков В.Ю. Влияние урбанизации на формирование социокультурного потенциала городов // Вестник Майкопского технологического университета. – 2019. – № 4(43). – С. 164–172.

Охлопкова Н.В. Динамика ВВП и уровень жизни населения России и Республики Саха (Якутия) в 1990–2000-е годы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 73–82.

Российский статистический ежегодник. 1999: Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 1999. – 624 с.

Т. А. Титова, Е. Г. Гущина

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА АЛТАЙСКОГО ШАМАНА:
КОЛЛЕКЦИЯ Н. Ф. КАТАНОВА В СОБРАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В статье на основе описей и экспонатов Этнографического музея Казанского университета анализируются коллекции, собранные выдающимся этнографом, тюркологом, музееведом, профессором Николаем Федоровичем Катановым в экспедициях в Абаканской долине Минусинского уезда Енисейской губернии Российской империи. Авторы статьи реконструировали историю формирования данного собрания, описали и атрибутировали коллекции, которые собрал в своих научных экспедициях и целенаправленной закупкой и передал в дар музею ученый.

Ключевые слова: этнографическое собрание, музей, коллекция, Алтай, шаманизм, Н. Ф. Катанов, костюм, бубен.

Т. А. Titova, E. G. Gushchina

Kazan (Volga region) Federal University (Russia)

**REPRESENTATION OF AN ALTAI SHAMAN'S IMAGE:
COLLECTION OF N.F KATANOV AT THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM
OF KAZAN UNIVERSITY**

The authors of the article, based on the inventories and exhibits of the Ethnographic Museum of Kazan University, analyze the exhibits collected by ethnographer, turkologist, museum expert Professor Nikolai Fedorovich Katanov during expeditions in the Abakan valley of the Minusinsk district of the Yenisei province of the Russian Empire. The authors of the article reconstructed the history of the formation of this collection, described and attributed the collections that he collected in his scientific expeditions and purposeful purchase and donated to the museum a scientist.

Keywords: ethnographic collection, museum, collection, Altai, shamanism, N.F. Katanov, folk costume, tambourine.

С именем Николая Федоровича Катанова связано систематическое пополнение музеев Казани коллекциями, раскрывающими разные аспекты традиционной бытовой и религиозной культуры тюркских народов северо-восточной части Российской империи. Н. Ф. Катанов как этнограф-фольклорист был ярким представителем XIX в., занимающийся полевой собирательской работой, основанной на методе наблюдения, беседы и опроса местного населения. Большое значение Н. Ф. Катанов придавал комплексному сбору разнообразного этнографического материала (от фольклорных текстов до вещественных предметов традиционной культуры). Следует отметить, что все коллекции и отдельные предметы, которые Н. Ф. Катанов передавал в профильные музеи Императорского Казанского университета, он сопровождал подробным описанием и этикетками. Но большая часть его неопубликованных описаний не сохранилась до настоящего времени. Также он публиковал научные заметки про данные предметы, благодаря чему на сегодня

шний день у нас есть ценная информация о коллекциях, и мы можем атрибутировать ряд предметов [Гущина, 2019. С. 85].

Вместе с тем коллекции Н. Ф. Катанова из собрания Этнографического музея Казанского университета практически не становились объектом исследования ученых, до настоящего времени нет комплексного описания его собрания, а некоторые предметы не атрибутированы. В учетной документации Этнографического музея Казанского университета значатся две коллекции под номерами ЭМУ№30 и ЭМУ№104, в которых указано, что они получены от Н. Ф. Катанова. Коллекция под учетным номером ЭМУ№104 представляет собой интересное собрание печатных шамаилей казанских татар, выполненных разными издательствами Казани и Санкт-Петербурга. Коллекция под учетным номером ЭМУ№30 содержит предметы шаманского костюмного комплекса, переданные Н. Ф. Катановым в 1910 г. В описях значится, что предметы были приобретены в Абаканской долине Минусинского уезда

Енисейской губернии. Эта коллекция состоит из «камзола» и головного убора шамана, бубна, трех колотушек, двух пар летних и двух пар зимних рукавиц, пары кисетов, курительной трубки и двух огнив. Примечательно, что на бубне из этой коллекции сохранилась дореволюционная этикетка. При этом описании этнической принадлежности в описи есть некоторые неточности: исторически в них зафиксировано, что это сагайские предметы, на этикетке и в источниках мы встречаем информацию, что эти предметы относятся к качинцам.

Также можно предположить, что несколько бубнов из коллекции ЭМУ№115 (собиратель, место, этническая принадлежность, сдатчик – все в описях значится как неизвестного происхождения) также были переданы в музей Н.Ф. Катановым. По атрибуции сотрудника Этнографического музея П.Е. Шустовой, в 2017 г. было установлено, что три бубна ЭМУ115-1, ЭМУ115-3 и ЭМУ115-4 относятся к хакасскому типу. Логично предположить, что пара колотушек из коллекции ЭМУ№30 составляют комплект с каким-то из бубнов из коллекции ЭМУ№115. Сложности в учетной документации объясняются спецификой функционирования Этнографического музея в первой половине XX в.

Собственно Этнографический музей Казанского университета возник в 1913 г., когда Б.Ф. Адлер, этнограф, географ, музеевед, заведующий кафедрой географии и этнографии Казанского университета, инициировал объединение всех этнографических коллекций университета в один музей. На тот момент такие коллекции имелись в трех университетских музеях: Музее отечествоведения, музее Общества археологии, истории и этнографии и в Кабинете географии. Реальный процесс объединения коллекций и создание экспозиции заняли несколько лет. В конце 20-х гг. XX в. этнографические исследования в Казанском университете по ряду причин были свернуты, а музей закрыт и превращен в некое хранилище. Восстановление музея началось только в послевоенное время, но уже невозможно было восстановить многие описи и атрибутировать коллекции, авторство которых было сомнительно или неизвестно.

Нам удалось установить, что Н.Ф. Катанов начал передавать свои экспедиционные материалы в Музей отечествоведения в конце XIX в. В результате анализа архивных материалов, а

также сопоставления с описями и экспонатами Этнографического музея мы выявили, что в Казанский университет он передал несколько коллекций, в которых были предметы, относящиеся к шаманизму:

в 1890 г. 2 бубна бельтирских шаманов, собранных во время его экспедиции на территории Минусинского уезда Енисейской губернии [Протоколы, 1899. С. 111]. Можно предположить, что это бубны из коллекции ЭМУ№115;

в 1899 г. десять предметов, купленных и полученных в дар во время экспедиции в селах Аскыс и Синявино Минусинского уезда Енисейской губернии [Протоколы, 1899. С. 111]. Описание и количество предметов соотносится с коллекцией ЭМУ№30;

в 1900 г. 30 фотографий населения Минусинского уезда (качинцев, бельтир, урянхайцев), на которые составил подробное описание, но оно на данный момент не обнаружено [Отчет, 1901. С. 28–30].

Следует отметить, по сути, коллекция ЭМУ№30 – это две коллекции, собранные в одной экспедиции, но в разных населенных пунктах и содержащие предметы разного назначения. Качинский шаманский костюмный комплекс (халат, нагрудник, шапка, бубен и колотушка) был приобретен у священника Г.Е. Суховского из с. Синявино [Катанов, 1900. С. 52].

В центре экспозиции находится шаманский бубен (ЭМУ 30-3). Бубен имеет стандартную приближенную к округлой форму, в продольном диаметре составляет 79 см, в поперечном – 68 см. Обечайка сделана из дерева, в ширине составляет 15 см. К сожалению, сохранность бубна затрудняет показ и расшифровку рисунков, которые являются наиболее символической, важной и «зрелищной» частью. Некоторые части рисунка сильно потемнели, также на обечайке имеются разрывы. Для лучшей сохранности рисунка на передней части бубна, к посетителю он повернут рукояткой. Рукоятка имеет плавный изгиб посередине, чтобы удобно было брать ее рукой. Сверху и снизу на рукоятке имеются по небольшим 6 отверстий круглой формы, вдоль которых идет выгнутый гребешок, пересекаемый резным орнаментом из линий в виде «елочки». Рукоятка традиционно являлась одним из показателей того, кто являлся «хозяином бубна», то есть какой дух покровительствует шаману.

На горизонтальном железном пруту, расположенном перпендикулярно рукоятке, с одной стороны расположены полый бубенец, колокольчик и ленты разных цветов; а с другой – один колокольчик чуть большего размера. Поскольку смотрящие на бубен люди не видят узор на передней части, в экспозиции представлена увеличенная фотография рисунка шаманского бубна подобного типа, представленная в статье Н. Ф. Катанова в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии». Колотушка в экспозиции находится рядом с бубном.

Костюм надет на портновский манекен и повернут к посетителям передней стороной. Но ввиду того, что он расположен достаточно статично, он не является центральным элементом экспозиции и не производит должного впечатления, актуализации на нем внимания экскурсоводом. Шаманский костюм представляет собой кафтан прямого покроя, сделанный из шкуры козули. На лицевой стороне посередине имеется кожаный нагрудник, обрамленный черной и красной суконными полосами. Подобные черная, красная и синяя полосы расположены и по талии, образуя неснимаемый пояс. От него вниз спускается кожаная бахрома, в некоторых местах вместе с лентами. Такой же бахромой украшены и рукава. На костюме видны следы нашивок, из которых остались только две металлические птицы спереди и металлические геометрические фигуры посередине спины сзади. Сверху на манекен

надета островерхая шапка из красного сукна. По нижнему краю шапки имеются следы от обшивки каймой, но из-за плохой сохранности полос осталось мало. Передняя часть шапки также украшена узором из раковин каури. В экспозиции расположены и остальные предметы из этой коллекции, что делает витрину более яркой и зрелищной.

Данный костюмный комплекс позволяет достаточно наглядно представить основные черты хакасского шаманизма (на примере качинского комплекса) в музейном пространстве. Безусловно, шаманизм и разные аспекты материальной и духовной культуры, непосредственно связанные с ним народная медицина, мифология и народное творчество, декоративно-прикладное искусство и т.п., являются сложными научными вопросами, которым посвящен не один десяток работ. Но в музейном пространстве на основе научной концепции создается образ, способный не только нести информацию, но и визуально и эмоционально воздействовать на посетителей. В настоящее время все предметы из коллекции ЭМУ № 30 находятся в постоянной экспозиции и являются одним из ключевых пунктов обзорной экскурсии, а также ряда тематических экскурсий и музейных занятий («Религии народов мира», «О чем поет шаманский бубен», «Народы Сибири», «Тюрки России», «История этнографии в Казанском университете»).

Литература

Гущина Е. Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 2019. – Т. 39. – № 1–2. – 255 с.

Катанов Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета Казанского Императорского университета летом 1899 г. – Казань, 1900. – С. 52.

Отчет о состоянии Казанского Императорского университета за 1900 год // Годишный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1901 года. – Казань, 1901. – 254 с.

Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1898 год // Ученые записки Императорского Казанского университета. – Казань, 1899. – № 9. – С. 1–147.

И. Н. Трошкина*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)***ДЕМОГРАФО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ
ХАКАССКОГО ЭТНОСА**

В статье рассматриваются демографический и экономический аспекты состояния хакасского этноса в регионе, обращается внимание на современное положение хакасской семьи. Демографический аспект раскрывается через показатели численности хакасов, его половозрастную структуру, естественное и механическое движение населения, брачность и разводимость, структуру домохозяйств; экономический аспект – источники доходов, долю безработных, экономическое поведение семьи. Основными выводами являются следующее: 1. На протяжении продолжительного периода численность хакасского населения увеличивалась, с начала XXI в. отмечается его сокращение. Данный процесс обусловлен изменением половозрастной структуры хакасов, сложившийся в советский период, миграционным движением этноса, динамикой семейной структуры, межэтническими взаимодействиями в советский и постсоветский периоды. 2. Экономическое положение хакасских семей в постсоветский период характеризуется снижением реальных денежных доходов при сокращении натуральных поступлений, увеличении доли привлеченных и расходов накопленных средств. Потребительское поведение характеризуется снижением расходов на не продуктивные товары, увеличением – на продукты, услуги (жилищно-коммунальные, связь). Новизна исследования заключается в изучении демографо-экономических аспектов состояния хакасов в регионе.

Ключевые слова: хакасский этнос, динамика этноса, современное состояние, хакасская семья, демографический и экономические аспекты.

I. N. Troshkina*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)***DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC STATE ASPECTS
OF THE KHAKASS ETHNOS**

The article examines demographic and economic aspects of the Khakass ethnos in the region, draws attention to the current condition of the Khakass family.

The demographic aspect is shown through population figures of the Khakass, its sex and age structure, natural and migratory movement of the population, marriage rate and divorce rate, household structure; economic aspects – sources of income, unemployment rate, family economic behavior. The main conclusions are as follows: 1. During a long period, the number of the Khakass population has increased, but since the beginning of the 21st century its decline is marked. This process is caused by changes in the Khakass' gender and age structure that developed during the Soviet period, the ethnos's migration movement, dynamics of the family structure, and interethnic interactions in the Soviet and post-Soviet periods. 2. The economic situation of the Khakass families in the post-Soviet period is characterized by a decrease in real money income with a decrease in in-kind income, an increase in the share of attracted and spent accumulated funds. Consumer behavior is characterized by a decrease in spending on non-food products, and an increase in spending on products and services (housing and utilities, communications). The novelty of the research is the study of demographic and economic state aspects of the Khakass in the region.

Keywords: Khakass ethnos, dynamics of ethnos, modern state, Khakass family, demographic and economic aspects.

В условиях демографических и экономических кризисов в стране состояние титульного этноса Хакасии может служить индикатором глубины происходящих процессов у небольших по численности тюркских народов. Изучение демографо-экономических аспектов состояния этноса приобретает все большую актуальность в связи с восстановлением ресурсов человеческого потенциала страны, регионов.

Современное состояние хакасского этноса характеризуется сокращением численности этноса в регионе за период 2002–2010 гг. на 2,7%, а также населения, владеющего хакасским языком – на 9,8% [Население..., 2005, 2013; Численность и размещение..., 2005, 2013]. Данное обстоятельство обусловлено демографическим, экономическим, социальным факторами. Индикаторами демографического пове-

дения выступают половозрастная структура, естественное и механическое движение населения, брачность и разводимость, структура домохозяйств; экономического – источники доходов, доля безработных, экономическое поведение семьи и проч.

Отражением внутренних процессов, происходящих с хакасским этносом на современном этапе общественного развития, является общеисторическая *динамика численности населения*. Его численность, как и темпы прироста, на протяжении межпереписного векового периода возрастали. Данная тенденция меняется в начале 2000-х гг., когда впервые отмечается снижение численности хакасов на всей территории страны (2002), в дальнейшем – Республики Хакасия (2010). Среди причин, вызвавших это явление, стоит рассматривать ассимиляционные процессы, смену репродуктивных установок населения в результате ускоренной урбанизации региона в советский период и ценностного сознания в постсоветский период, вступление в репродуктивный возраст поколений конца 1980-х – нач. 1990-х гг.

Изменение численности хакасского этноса сопровождалось динамикой пропорций городского и сельского населения в пользу городского, при этом стабильным оставалось понимание того, что преобладающая часть хакасов является преимущественно сельчанами (доля сельского хакасского населения варьировалась от 90 до 60%). Наибольший удельный вес хакасов горожан отмечался в межпереписной период с 2002 по 2010 г. (табл. 1).

Половая структура хакасов была идеально выражена в предвоенный период (к 1939 г.), когда процент женского и мужского населения был сбалансирован. Восполнение мужского населения пришлось на второе послевоенное поколение, тогда количество мужчин достигло максимальной планки (1989), максимальная численность женской половины пришлось на десятилетие ранее (1979), что явилось одним из факторов роста межэтнических брачных союзов среди хакасов в период с 1950–1980-е гг. Современный переходный период характеризуется тенденцией снижения мужской и увеличения женской части хакасов (табл. 1).

Таблица 1

Соотношений городского и сельского населения, половой структуры хакасов в регионе (1939–2002), % [Данные..., 2020 г.]

Годы	Численность хакасов, тыс. чел.	В т. ч. в разрезе			
		Поселение		Пол	
		Городское	Сельское	Мужской	Женский
1939	45,7	4,1	95,9	49,0	51,0
1959	48,5	14,0	86,0	45,3	54,7
1970	54,7	17,5	82,5	41,1	58,9
1979	57,2	27,2	72,8	46,3	53,7
1989	62,8	35,5	64,5	47,1	52,9
2002	65,4	38,2	61,8	47,0	53,0
2010	63,6	38,2	61,8	46,8	53,2

Стоит отметить, что идеальная *возрастная структура* хакасов была характерна для периода 1920-х гг. (к переписи 1926 г.), соответствовала типу растущего хакасского населения [Кышпанаков, 1995. С. 96]. В дальнейшем возрастная, как впрочем и половая, структуры, были нарушены в результате воздействия внешних факторов (войны, высылки, репрессий, урбанизации, перераспределения трудовых ресурсов и проч.), что изменило соотношение

показателей уровней смертности и рождаемости. «Демографические волны» (рис. 1, 2) в полной мере отражают периоды снижения численности хакасского населения: до и во время Великой Отечественной войны (1938–1942 гг.), активной урбанизации хакасского населения и механического межрегионального движения (конец 1970-х – начало 1980-х гг.), кризисного периода страны (1990-е гг.). Данные

факторы обусловили изменение возрастной структуры хакасского населения.

Современная половозрастная структура хакасского этноса претерпевает динамику, характеризуется процессом старения населения (стационарный тип возрастной структуры населения), в связи с тем, что далека от идеальной структуры равнобедренной пирамиды с расши-

ренным основанием и суженной верхушкой. Положительной тенденцией стал рост детских возрастных групп хакасского населения (к переписи 2010 г.), что свидетельствует об изменении демографического поведения, стремлении этноса к типу растущего хакасского населения, улучшению его структуры (рис. 2).

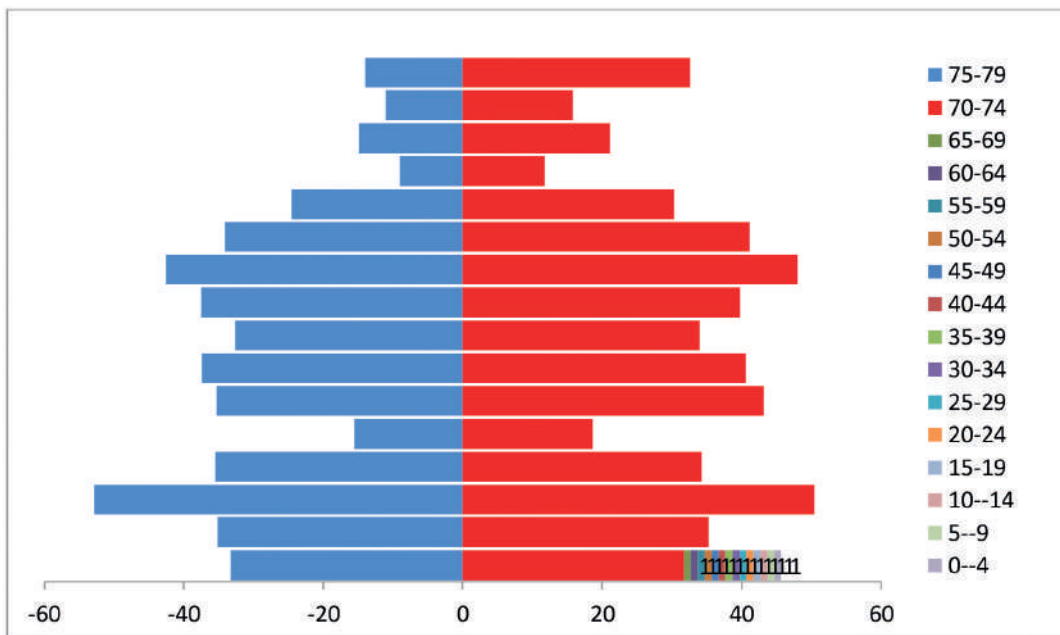

Рис. 1. Относительные показатели половозрастной структуры хакасского населения РХ по переписи 2002 г.

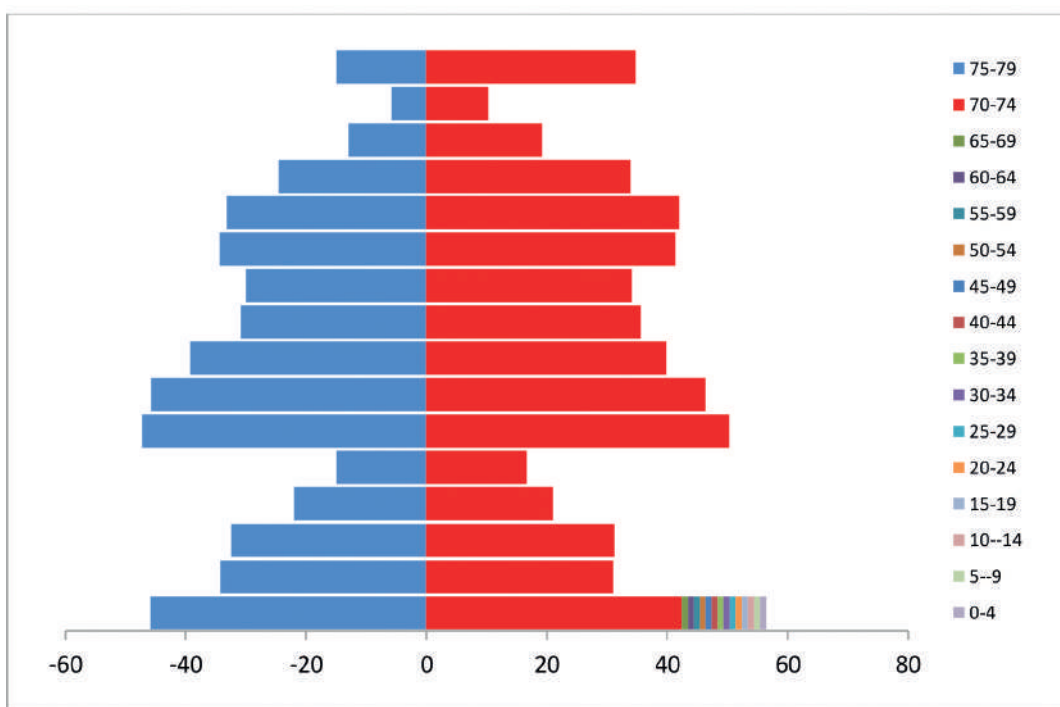

Рис. 2. Относительные показатели половозрастной структуры хакасского населения РХ по переписи 2010 г.

Численность хакасского населения длительное время была обусловлена естественным движением населения, с середины 1970-х гг. – естественным и механическим. Наилучшие показатели *соотношения количества рожденных и умерших* хакасов пришлось на период, равный одному поколению после Великой Отечественной войны (1970), на десятилетие ранее (1959). Они были характерны, в целом, для Хакасии. Это обстоятельство было связано с длительным минимальным естественным приростом хакасов в 1930–1940-е гг. (следствие гражданской войны, репрессий, Великой

Отечественной войны), а также ориентацией семей на внутреннее воспроизводство населения за счет собственных ресурсов этноса (закрытость этносообщества). В целом, положительная динамика естественного движения хакасского населения носила волнообразный характер с низкими порогами, приходящимися на 1939, 1959, 1989 гг., и наивысшими показателями в 1970, 2002 гг. (по Хакасии минимальные показатели пришлось на 1970, 1989, 2010 гг., естественная убыль была отмечена в 2002 г., максимальные – были характерны для 1939, 1959, 1979 гг.) (табл. 2).

Таблица 2

Естественное движение хакасов (1939–2010), тыс. чел.

Годы	Естественный прирост, тыс. чел.	Естественный прирост на 1000 чел.
1939	6,6	144,4
1959	8,7	179,3
1970	12,3	224,4
1979	11,2	195,8
1989	11,0	175,1
2002	12,0	183,2
2010	н/д	н/д

Естественная убыль, переходящая в минимальный прирост хакасского населения в начале XXI в., сопровождается снижением среднего числа рожденных детей (на 1000 женщин) на 8,6% (для сравнения, у тувинцев этот процесс проходит более замедленными темпами – на 5,2%, у алтайцев – на 3,7%) (табл. 3).

Таблица 3

Среднее число рожденных детей у титульных этносов Южной Сибири (на 1000 женщин) [рождаемость..., 2005, 2013]

Этносы	2002	2010
хакасы	1922	1758
тувинцы	2033	1929
алтайцы	2070	1995

Естественное движение хакасского этноса развивается под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Первый связан с ориентацией этноса на внутреннее воспроизводство за счет ресурсов сельских жителей,

изначально ориентированных на большее число рождений. Внешние факторы, вызванные социальными потрясениями, охватывают все население региона, в т.ч. и хакасов. Они являлись определяющими в период значительного снижения показателей воспроизводства (1989); в результате смены ценностных ориентаций населения, обусловленных ускоренной урбанизацией региона (1970-е гг.).

Механическое движение хакасского населения было выражено незначительно вплоть до 1970-х гг., что было связано с политикой государства по развитию кооперативных форм хозяйствования и закрепления определенной части населения за сельскохозяйственными предприятиями. Снижение темпов производительности труда в стране с 1960-х гг. и принятие новых планов по развитию системы производственных комплексов с 1950-х гг. (на базе введения в эксплуатацию ГЭС) позволило изменить картину механического движения хакасского населения.

Появившиеся возможности для миграционной активности сельчан с введением паспор-

тов в 1953 г. не привели к большой миграционной активности хакасов в связи с тем, что круг лиц, их получавших, был довольно узок (рабочие и служащие, проживавшие на селе, включая работников совхозов). Основной поток хакасов-мигрантов из сельской в городскую местность пришелся на период после 1974 г., когда всем сельчанам разрешалось беспрепятственно покидать селения и колхозы, за которыми они были закреплены, что совпало с периодом интенсивного развития промышленности в регионе (Саянский ТПК). «Доля хакасов-мигрантов среди городского населения была ниже в сравнении с представителями других национальностей, однако у хакасов был самый высокий уровень миграции сельского населения в городскую местность среди других коренных народов из национальных округов и областей СССР, автономных и союзных республик» [Ивандаева, 2011. С. 53–58].

За исторический период 1926–2010 гг. соотношение долей городского и сельского хакасского населения претерпело изменение в сторону увеличения процента горожан, составив прирост на 34,1%, при этом хакасы на сегодняшний день остаются сельским населением: 61,8% хакасов являются сельчанами. Сельское хакасское население за столетие потеряло численность в пяти из восьми районов, положительная динамика была характерна только для Аскизского, Бейского, Таштыпского муниципальных образований.

Что касается постсоветского периода, то вектор внутренней «село-город» миграционной динамики хакасов в конце XX – нач. XXI вв. (1989–2010) носил частично возвратный характер, в результате снижения уровня жизни горожан. Активная внутрирегиональная миграция хакасов на протяжении переходного постсоветского периода является показателем мобильности населения, непропорционального экономического развития муниципальных образований в регионе, она привела к неснижающейся численности коренного населения в пригородной столичной зоне (Алтайский район) и увеличивающейся в г. Абакане. За данный период прирост хакасского населения отмечался только в столице республике, он составил 8,6% – на сегодняшний день в г. Абакане проживает 29,9% от всех хакасов; стабильной осталась и доля хакасского населения в

Алтайском районе (3,9%). Максимальная концентрация сельских жителей хакасов, превышающая 10% порог, приходится на два района – Аскизский (32,5%) и Таштыпский (11,3%) [Архив..., 1939–2010].

Внешняя миграция хакасов характеризуется снижением показателей, при этом внутрирегиональная выражена ощутимо [Карамчакова, 2009. С. 87]. Предпочитаемыми территориями являются Красноярский край, Новосибирская и Томская области.

Анализ процессов брачности и разводимости хакасского населения в современный период позволил выявить тенденцию снижения устойчивости брака. Так, при сохранении числа браков на протяжении 2002–2010 гг. отмечается увеличение числа разводов с 0,04 до 0,05%. На каждые 1000 браков хакасов в 2002 г. приходилось 100 разводов, в 2010 г. – 125.

Если рассматривать данные показатели в разрезе городских и сельских территорий, то отмечается интенсивное снижение уровня устойчивости брака в сельской местности и повышение в городской. Число разводов в сельской местности за этот период увеличивается в 1,5 раза, т.е. на каждые 1000 браков в 2002 г. приходилось 80 разводов, в 2010 г. – 125. В то же время в городской местности данные показатели снижаются в 0,8 раза. Это обстоятельство объясняется преимущественно территориально-административными преобразованиями, связанными с очередным «переходом городских поселений в разряд сельских в Ширинском (Шира, Жемчужный, Туим), Орджоникидзевском (Копьево) районах в 2008–2009, 2013 гг.» [Бреславский, 2019. С. 58–67], а также дальнейшими процессами дезинтеграции семьи (неустойчивости семейных уз).

Состояние хакасской семьи. Одним из индикаторов состояния семьи являются показатели структуры семьи, ее размера. Размер хакасского домохозяйства снижался в период 1989–2010 гг. с 3,6 до 2,6 единиц. Это обстоятельство обусловлено общероссийской тенденцией упрощения структуры семьи (нуклеаризацией¹) до начала XXI в., что связано с возросшей экономической самостоятельностью индивида в результате увеличения индивидуальных доходов, уровня образования, смены места жительства, появившихся новых технологических решений для дистанционного межлич-

1 Нуклеаризация, предполагающая совместное ведение финансов, быта, распределение обязанностей между членами одной супружеской пары (родителя) с детьми или без детей.

ностного взаимодействия, а также снижения уровня воспроизводства населения, в связи со сменой ценностных ориентаций, экономического положения страны, снижения экономической потребности в детях. Данные факторы оказали существенное влияние на репродуктивное и матримониальное поведение современных хакасов.

С 2002 по 2010 г. динамика структуры семьи была обусловлена изменением пропорций семейного и несемейного типов домохозяйств. Отмечалось снижение доли простых семей и увеличение доли сложных домохозяйств семейного (двух-трех поколенных) и несемейного (прочих, не связанных родственными узами и одиноких) типов, при этом доля последних являлась преобладающей.

Можно говорить о процессах усложнения структуры хакасских домохозяйств и роста домохозяйств одиночек, что приводит к сокращению уровня рождаемости в результате увеличения доли малопродуктивных типов семей (сложных) и снижения – высокопродуктивных (простых). Увеличение сложных, относящихся к категории прочих семей, составило порядка 8 %, домохозяйств одиночек – 3 %, в то время как доля нуклеарных (простых) семей сократились в среднем на 3 %.

Размер семьи снижался и за счет увеличения доли горожан-хакасов за этот период на 1,9 %, роста числа хакасского населения с высшим образованием (послевузовским, высшим, незаконченным высшим) с 114,6 до 157,1 %. Размер семьи снижался также в результате увеличения доли сожителям семей, не связанных узами брака, ориентированных на меньшее число детей в связи с нестабильностью союза (отсутствие прав и обязанностей). Количество незарегистрированных браков увеличилось за 1989–2002 гг. на 4,3 %, в то время как количество разведенных и разошедшихся хакасов выросло на 0,5 % [Данные..., 1989; Число и состав..., 2005].

Значительное снижение числа неполных семей связано с экономической зависимостью семей в период экономического кризиса в стране (2008–2010). Можно говорить о том, что типы хакасской семьи, как и впрочем и семьи РХ, характеризуются прерывистым процессом нуклеаризации (двухпоколенные), стремящиеся к домохозяйствам расширенного типа, в т. ч. не связанных родственными узами, одиночек в переходный период. На данные процессы оказы-

вает влияние ряд переменных: экономический (экономические кризисы), демографический (снижение доли женщин фертильного возраста), урбанизационный (рост доли горожан хакасов), социальный (увеличение числа женщин хакасской национальности с высшим образованием), внутренние изменения в структуре домохозяйств (увеличение доли семей из категории прочих и одиноких).

Материальное благосостояние хакасов. Материальное благосостояние определяется удовлетворенностью потребностей семей товарами и услугами в определенный промежуток времени. Оно зависит от уровня дохода, экономического поведения семей.

На протяжении начала XXI в. темпы роста совокупных среднедушевых денежных доходов семей, заработной платы, пенсий хакасов прогрессивно увеличиваются, в то же время реальные располагаемые денежные доходы снижаются (максимальные показатели пришлось на 2006–2008 и 2010 гг., минимальные – на 2009, 2015–2016 гг.) [Социально-экономические..., 2005–2018]. Это обстоятельство привело к дальнейшей дифференциации семей, пришедшейся на 1990-е гг. (максимальная дифференциация доходов в регионе в начале XXI в. пришлось на 2008–2013 гг.), снижению уровня жизни семей. Численность бедных семей вторила траектории доли бедного населения в Республики Хакасия. Их доля снижалась стремительно с начала 2000-х гг. и постепенно росла с 2015 г. (в 2000 г. – 40,2 % в 2005 г. – 27,2 %, 2010 г. – 19,1 %, 2015 г. – 17,7 %, 2018 г. – 18,3 %) [Сборники РХ..., 2010, 2018].

В категорию социально уязвимых семей ввиду низких среднедушевых доходов и иждивенческой нагрузки попадают многодетные, неполные, с низкой денежной доходностью семьи. В период с 2002 по 2010 г. процент многодетных семей (семьи с тремя и более детьми) по отношению к семьям бездетных, с одним или двумя детьми увеличился с 2,5 до 2,9 %, неполных семей – с 20,1 до 19,1 %, с количеством домохозяйств, не занятых в экономике – с 23,1 до 18,2 % [Число и состав..., 2013; Число и состав..., 2015].

Снижение реальных денежных доходов обусловлено местом проживания, количеством детей в семье: чем больше количество детей, тем ниже уровень благосостояния; проживание в сельской местности также влияет на

данный показатель. Темпы роста среднедушевых денежных доходов в городской местности на протяжении всего периода были выше показателей в сельской местности. То есть в более выгодном положении находятся семьи без детей, проживающие в городской местности.

Располагаемые ресурсы семей состоят преимущественно из денежных и натуральных поступлений, привлеченных средств. Денежные доходы на протяжении продолжительного времени (2000–2015) были стабильными, составляют около 80% (минимальные показатели приходятся на середину 2000-х гг.), натуральные доходы снижаются в долевом соотношении от 13 до 5%, доля привлеченных средств и израсходованных сбережений прогрессивно увеличиваются с 2 до 60%, расходы семей поэтапно снижаются с 70 до 60% (табл. 4).

Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что, несмотря на рост доходов семей, происходит снижение уровня жизни за счет инфляционных процессов, повышения стоимости услуг, безработицы. Нехватка средств компенсируется заемными средствами и тратами накопленных сбережений. Несмотря на сложности в самообеспечении, семьи снижают объем потребляемых натуральных поступлений в общедолевом соотношении ко всем располагаемым ресурсам семей (темпы прироста натуральных поступлений в городской местности за рассматриваемый период увеличились в 0,4 раза больше, нежели чем в сельской, хотя пропорции потребления между городскими и сельскими семьями – в пользу сельских).

Таблица 4

**Основные социально-экономические показатели бюджетов домашних хозяйств РХ (2000–2015),
в среднем на члена домашнего хозяйства, в месяц рублей
[основные социально-экономические..., 1997–2015]**

Годы	2000	2005	2010	2015
располагаемые ресурсы	1377,9	5792,4	11877,5	19167,7
<i>из них:</i> валовый доход ¹	97,6 %	85,8 %	91,9 %	94,5 %
<i>в том числе:</i> денежный доход	84,7 %	76,9 %	85,5 %	88,7 %
стоимость натуральных поступлений	12,9 %	8,9 %	6,3 %	5,8 %
сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений	2,3 %	14,1 %	8,0 %	63,2 %
потребительские расходы	72,0 %	61,4 %	61,2 %	63,2 %

Экономическое поведение хакасской семьи раскрывается через показатели *потребительского, сберегательного, инвестиционного видов потреблений*. На данные виды поведения оказывают влияние принадлежность к социальной группе населения с определенным уровнем жизни, социально-демографические основы семьи (иждивенческие нагрузки, здоровье и уровень образования), социальные группы, куда входят члены семьи (профессиональные, семейные, дружественные и проч.).

Потребительское поведение. Особенность структуры потребительских расходов семей обусловлена экономическим положением региона, где уровень потребления ниже, чем у семей Красноярского края, но выше, чем у семей Республики Тыва. Структура потребительских расходов домохозяйств с начала 2000-х гг. изменялась поступательно с некоторым возвратным вектором в 2014 г., что было связано с проявле-

нием экономического кризиса в стране, пришедшего на этот год [Семья в РХ..., 2015. С. 28–31; Расходы..., 2019. С. 2].

Динамика расходов семей связана с их увеличением на продукты питания, жилищно-коммунальные услуги, здравоохранение, связь, услуги учреждений культуры и снижением на алкогольные напитки, одежду, обувь, белье, ткани, транспорт, образование. Структура потребления семей имеет различия: в зависимости от местности проживания, где ощутим явный дисбаланс в повышении расходов сельских, в отличие от городских, семей по ряду категорий – увеличение расходов на продукты питания, здравоохранение, связь; а также количества детей – при наличии от двух детей, в отличие от одного ребенка, заметно снижение расходов на одежду, обувь, белье, ткани, жилищно-коммунальные услуги, повышение расходов на здравоохранение. Стоит

отметить увеличение расходов на домашнее питание, в отличие от расходов на непродовольственные товары. Особого внимания заслуживает оценка расходов средств семей на услуги, которые сильно влияют на их потребительские возможности – за двадцатилетие отмечается ощутимая динамика расходов платных услуг семей по направлениям: коммунальные и жилищные расходы, оплата связи.

Инвестиционное и сберегательное поведение на протяжении последнего десятилетия меняется незначительно: малая часть населения (от 0,3 до 0,2%) вкладывает средства для его сохранения и приумножения. За период с 2002 по 2010 г. доля таковых семей сократилась на 0,1%. Это преимущественно городские семьи, чей уровень дохода выше, на них сбережения приходится от 54 до 88%. Стоит отметить незначительное увеличение доли сбережений сельчан, что, вероятно, связано с предприимчивостью и тягой к привычной экономии.

Таким образом, состояние хакасского этноса обусловлено как демографическими, так и экономическими факторами. На протяжении продолжительного периода численность хакасского населения увеличивалась, с начала XXI в. отмечается её сокращение. Данный процесс обусловлен изменением половозрастной структуры хакасов, сложившейся в советский период, миграционным движением этноса, динамикой семейной структуры, межэтническими взаимодействиями в советский и постсоветский периоды. Экономическое положение хакасских семей в постсоветский период характеризуется снижением реальных денежных доходов при сокращении натуральных поступлений, увеличении доли привлеченных и расходов накопленных средств. Потребительское поведение характеризуется снижением расходов на непродуктовые товары, увеличением – на продукты, услуги (жилищно-коммунальные, связь).

Литература

Архив Крайстата по РХ. Динамические ряды населения Хакасии за 1939–2010 гг.

Бреславский А.С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. – 2019. – № 1. – С. 58–67.

Данные Крайстата за 1939–2010 гг.

Данные Крайстата за 1989 г.

Ивандаева Е.Е. Национальный состав городского населения юга Красноярского края в 1970–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3–1 (9). – С. 53–58.

Карамчакова И.Р. Особенности этносоциальной стратификации в современной Хакасии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. – 2009. – Вып. 3. Ч. 1. – С. 87 (85–90 с.)

Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. – Абакан, 1995. – 348 с.

Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ, Распространенность владения языками (кроме русского). Национальный состав населения. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам РФ. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ, Распространенность владения языками (кроме русского). Национальный состав населения. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам РФ. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html

Расходы жителей Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств за 2018 г.). – Красноярск, 2019. – С. 12.

Рождаемость. Женщины наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам РФ. М., ИИЦ «Статистика России», 2005. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13>.

Рождаемость. Женщины наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам РФ. М., ИИЦ «Статистика России», 2013. 543 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Сборники Республики Хакасия в цифрах за 2018, 2010 гг. Основные социально-экономические показатели URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/45808>

Семья в Республике Хакасия. 2015. Статистический сборник / Хакасстат. – Абакан, 2016. – С. 28–31.

Основные социально-экономические показатели бюджетов домашних хозяйств 1997–2015 гг. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств URL: <http://web.krasstat.gks.ru/offstat/Khakasiya/07/3/3.htm>).

Социально-экономические индикаторы уровня жизни населения РХ (2005–2018) URL: <http://web.krasstat.gks.ru/offstat/Khakasiya/07/list.html>

Численность и размещение населения. – М., ИИЦ «Статистика России», 2013. – 543 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Численность и размещение населения. – М., ИИЦ «Статистика России», 2005. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба

гос. статистики). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13>.

Число и состав домохозяйств. – М., ИИЦ «Статистика России», 2013. 543 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики). – 2005. – Т. 6. – С. 161–163, с. 299.

Число и состав домохозяйств. – М., ИИЦ «Статистика России» (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики), 2013. Т. 6. – С. 263–266, 431.

Ж. Турсун

*Институт древней истории,
Китайская академия общественных наук (Китай)*

О «ЖЕЛЕЗЕ ДОЖДЯ» В СТРАНЕ КЫРГЫЗОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Оружие кыргызов и их железо были хорошо известны в соседних странах в раннем средневековье и описаны в исторических записях династий Тан и Сун (VII–XIII вв.). Анализируя сведения письменных источников и некоторые исторические факты, автор аргументирует, что железо, из которого изготавливалось оружие кыргызов, должно было происходить из железа их местности, а не из «метеоритного железа», которое редко падало с неба.

Ключевые слова: кыргызы, «метеоритное железо», Южная Сибирь, раннее средневековье.

J. (Jia yiken) Tursun

*Institute of Ancient History,
Chinese Academy of Social Science (China)*

ON «RAINING IRON» IN THE QIRQIZ LAND IN THE EARLY MIDDLE AGES

The knives and swords of the Qirqiz and their iron were well-known in the neighborhoods in the Early Middle Ages and were recorded in historical books in the period of the Tang dynasty and the Song dynasty (circa 7 century to 13 century). The author argued that the iron used for knives and swords by the Qirqiz came from their land instead of «raining iron» (meteorite or meteoric iron) based on exploring the original records on a short story of the Qirqiz making knives and swords with «raining iron» and some historical facts.

Keywords: the Qirqiz, raining iron, South Siberia, Early Middle Ages.

I.

The Qirqiz were distributed in the Abakan river and the Kem (Yenisei) river region [Zhou Shu, ch. 50, 1971, p. 908] while a part of them in another sources were in the north of the Altai mountain [Jiu Tang Shu, ch. 194, 1975, p. 5165] and at the foothills of eastern Tian Shan mountains in the Early Middle Ages [Sui Shu, ch. 84, 2019, p. 2114].

For their knives and swords were well-known in the neighborhoods and in the Tang China, the iron they used to make knives and swords had been recorded in some books of the Tang dynasty and the Song dynasty, such as *Tong Dian* 通典 [written in 771~801], *Tang-Hui-Yao* 唐會要 [961 year] and *Ce-Fu-Yuan-Gui* 冊府元龜 [1005-1013 years] which have been handed down to this day.

All these books said that knives and swords of the Qirqiz were made of «raining iron». Some scholars claimed the «raining iron» refers to meteorites [Pullyblank, 1990, p. 105; Xu, 2008, p. 64] while the others thought it is iron ore underground which was exposed to the surface after rainwater washing [Zhang, 2008a, p. 206; Zhang, 2008b, p. 8]. So far, scholars have not reached agreement on this controversial issue. Here, I would like to try to draw a conclusion through my analysis on relevant literature sources and some historical facts.

According to Chinese source, the Tang dynasty sent the first envoy to the Qirqiz in 632 year. The Qirqiz envoy came to the Tang court with mink coats and mink furs in 643. The figure of the Qirqiz envoy and his costume, also the customs and products of the Qirqiz people obtained from

the envoy were pictured in the *Wang-Hui-Tu* 王會圖 and recorded in the *Wang-Hui-Pian* 王會篇 (hence thereafter abbreviated as *Wang-Hui-TP*) this year. The Qırqız envoys came to the Tang court again in January 648 and their elteber İšbara Ačan 失鉢屈阿棧 arrived to Chang An (長安) in what now is the Xi An 西安, the capital city of the Tang dynasty in February this year. The emperor Tang Taizong 唐太宗 was more than please and feasted him at the Tian Cheng Hall 天成殿. Like other head men of Tiele tribes in the Steppe, elteber İšbara Ačan was granted the title of the General-in-Chief of the left (or right) encampment 左(右)屯衛大將軍 and the Commander-in-Chief of the Qırqız Area 堅昆都督 by emperor Tang Taizong. Since then the Qırqız kept in touch with Tang dynasty till the middle of the 8th century according written source.

The Tang dynasty was on decline after the An Shi rebellion 安史之亂 broke out in 755. The Uighurs rose and replaced the eastern Turks as the overlord on the Eastern Steppe and made the Sino-nomadic trade their monopoly. In 758, the Uighur defeated the Qırqız and severed the contacts between the Qırqız and the Tang dynasty. Their connections had not resumed until the Qırqız overthrew the Uighur Kaghanate in 840. The Qırqız envoys Zhuwu Alp Sol 注吾合索 etc. seven persons came to the Tang court with letter of the Qırqız kaghan and two superb horses as a gift in 843 [Tang Hui Yao, vol. 100, 2006, p. 2120]. The emperor Wuzong (唐武宗. 840 to 846) was pleased, he asked the chief-minister to meet with envoys [Xin Tang Shu, ch. 217, 1975, p. 6150], then two royal officials Wei Zongqin (韋宗卿), Lü Shu (呂述) and translator were sent to meet with Zhuwu Alp Sol etc. in their guesthouse. They enquired them about the landscape, customs and language tone etc. on the Qırqız people, also took a picture of them as a figure of the Qırqız people. As a result, the *Xiajiasi-Chao-Gong-Tu-Zhuan* (黠戛斯朝貢圖傳), an illustrated book of the Qırqız tributary with depiction on the Qırqız land and people was compiled [Fu, Zhou, 2000, pp. 20-22]. The records on the Qırqız people in the periods of the Tang dynasty and the Song dynasty (circa 7th to 12th century) mostly originated from the *Wang-Hui-TP* and the *Xiajiasi-Chao-Gong-Tu-Zhuan*. It is much to be regretted that these books were lost in 12 or 13 century. Fortunately, some of the contents of these books were retained in the works of the Tang and the Song periods, which became the basic source for studying the Qırqız people in the Early Middle Ages.

II.

As far as we can see, the earliest records on knives and swords of the Qırqız was in *Tong Dian*. It stated:

Jiegu (the Qırqız) is at the north-west of the Uighurs from whom three thousand miles away. There are eighty thousand people for fighting troops.Whenever the sky rains, (they) gather it and use it. They call it *jiasha* (迦沙). They make knives and swords with it that are very sharp. (They) had never been in communication with China from ancient times [Tong-Dian, ch. 200, 2016, p. 5471]

Here, the words «whenever the sky rains iron, they gather it and use it. They call it *jiasha*. They make knives and swords with it that are very sharp» is general resemblance with words on the knives and swords of the Qırqız in the *Wang-Hui-TP*, that is «whenever the sky rains iron in their country, (they) gather it and use it, which is differ from ordinary iron». Furthermore, the words «(they) had never been in communication with China from ancient times» in *Tong Dian* clearly copied from the *Wang-Hui-TP* by its author. It is fair and sensible to say the Qırqız «had never been in communication with China from ancient times» in the *Wang-Hui-TP* which was compiled in 643 when the Qırqız envoy first visited the Tang court, but it is unreasonable to say the Qırqız «had never been in communication with China from ancient times» in *Tong-Dian* for the Qırqız envoys had visited the Tang court a dozen times by the time this book was compiled around 771-801. It can be said that the records on the Qırqız in the *Tong-Dian* mainly came from the *Wang-Hui-TP*. There are the same records on knives and swords of the Qırqız in the *Tang-Hui-Yao* and in the *Ce-Fu-Yuan-Gui* except that these two books leave out the word *jiasha*. Obviously, records on knives and swords of the Qırqız in these two books based on that of *Wang-Hui-TP and Tong-Dian*.

The records on knives and swords of the Qırqız making from «raining iron» as a peculiar anecdote had continued to pass down two centuries until the Qırqız envoys visited the Tang court in 843 again. Wei Zongqin (韋宗卿) and Lü Shu (呂述) tried to verify this peculiar anecdote with the Qırqız envoys as they met with each other. They began to question their predecessors' records on «raining iron» in the Qırqız land when they failed to get the answer from Qırqız envoys. This scenario was described in their

works *Xiajiashi-Chao-Gong-Tu-Zhuan* which was copied by the author of *Tai-Pin-Huan-Yu-Ji* 太平寰宇記 [2007, pp. 3821-3823] later as below:

(The Qırqız) customs and products: iron and tin are their metals, the *Wang-Hui-Tu* said: «whenever the sky rains iron in their country, (they) gather it and use it which is differ from ordinary iron». (We) asked the envoys, they hid (the facts) without answering, and said the iron is quite hard and sharp and worked in fine workmanship instead, probably, their land produce iron which expose to the surface after rainstorm pouring into trees, the iron become pure and hard through eroding underground. If (iron) rains from the sky, people and animals will be killed, it is unreasonable. Jia Dan (賈耽) said: «(they) usually produce iron in good quality, which is called *jiasha* 迦沙 and was often imported into the Turks». What he said is true.

Wei and Lü speculated that the Qırqız land produced iron instead of raining from sky. So, they no longer mentioned the «raining iron» in their works [Guang Chuan Hua Ba, 2015, p. 77]. Concerning on the iron of the Qırqız, *Xin Tang Shu* said «Whenever it rains, (they) definitely get iron». Clearly, the author of *Xin Tang Shu* accepted the opinion of Wei and Lü. The standpoint of Wei and Lü confirmed by the literature *Chang-Chun-Zhen-Ren-Xi-You-Ji* (Travels to the West of Qiu Chang Chun, 長春真人西遊記) by Li Chang zhi李志常 in 13th century. It stated that «the Kem-kem chud (儉州) produce iron in good quality» [Travels to the West, 2016, pp. 220–221]. The name of «the Kem-Kem chud» came from «the Kem river»

regions in which exactly the Qırqız people inhabited not only in the Early Middle Ages but also in 13th century.

III.

Relevant historical facts indicate that the iron used for making knives and swords by the Qırqız people may come from underground. As known, the Qırqız were in war with overlords of the Steppe the Turks (552~630; 682~744) and the Uighurs (745~840), also they fought against a lot with other neighboring tribes according to old Turkic inscriptions and Chinese written sources. Furthermore, they often gave the Turks iron as tribute. If their knives and swords were made from meteoric iron that only occasionally comes down from the sky, these weapons might meet the temporary need for equipping eighty thousand soldiers, they were not able to meet the needs of a lifetime, let alone the needs of wars in hundreds of years. There were large scale battles between the Uighurs and the Qırqız in the middle of the 8th century and in the early 9th century. Wars between two sides lasted for 20 years from 820, and the Qırqız overcame the Uighurs with one hundred thousand of cavalries at last in 840. It is hard to imagine that the Qırqız can do all these without stable iron ore resources. There is no doubt that the Qırqız land produced iron in the Early Middle Ages as mentioned both in *Tai-Pin-Huan-Yu-Ji* and *Xin Tang Shu* and as confirmed by archaeological findings of iron ore deposits which are distributed in Sayan-Alatai Mountains and Kuznetsk Alatau Mountains [Kiselev, 2014, p. 633].

References

Ce Fu Yuan Gui 册府元龜, ed. by Wang Qinruo etc., revised by Zhou Xunchu etc. – Nanjing: Phoenix Publishing House, 2006.

Fu Xuanzong, Zhou Jianguo. Emendation and annotation on the collections of Li Deyu 李德裕文集校箋. – Shi jiazhuang: Hebei education press, 2000.

Guang Chuan Hua Ba 廣川畫跋, by Dong You, proofreading and annotated by Zhao Wei. – Taiyuan: Shanxi publishing house media group, Shanxi education Press, 2015.

Jiu Tang Shu 舊唐書, by Liu Xu. – Beijing: Zhonghua Shuju, 1975.

Kiselev S.V. Ancient history of southern Siberia (Chinese version, translated by Wang Bo). – Urumqi: Xinjiang People's Publishing House, 2014. – 721 pp.

Liao Shi 遼史, by Toto etc. – Beijing: Zhonghua Shuju, 1974.

Pullyblank E. G. The Name of the Kirghiz // Central Asiatic Journal. – 1990. – Vol. 34, №1-2. – Pp. 98-108.

Suishu 隋書, by Wei zheng. – Beijing: Zhonghua Shuju, 2019.

Tong Dian 通典, by Du You. – Beijing: Zhonghua Shuju, 2016.

Tang Hui Yao 唐會要, by Wang Bo. – Shanghai: Shanghai ancient books publishing house, 2006.

Tai Ping Huan Yu Ji 太平寰宇記, by Yue Shi. – Beijing: Zhonghua Shuju, 2007.

Travels to the West of Qiu Chang Chun 長春真人西遊記, by Li Changzhi, proofread and annotated by Shang Yanbin. – Beijing: Minzu university of China Press, 2016.

Xin Tang Shu 新唐書, by Ouyang Xiu etc. – Beijing: Zhonghua Shuju, 1975.

Xu Wenkan. On «*Jiasha*» 迦沙 // Chinese Literature and History. – 2008. – №3. – P. 64. 徐文堪: 关于《迦沙》, 《中华文史论丛》2008年第3期, 第64页

Zhang Xudong. «*Jiasha*» 迦沙 is not meteoric iron // Chinese Literature and History. – 2008a. – №2. – P. 260. 张旭东: 《迦沙》非陨铁, 《中华文史论丛》2008年第2期, 第260页、

Zhang Xudong. Talking about «*Jiasha*» 迦沙 again // Chinese Literature and History. – 2008b. – №4. – P. 8. 张旭东: 再谈《迦沙》, 《中华文史论丛》2008年第4期, 第8页

Zhoushu 周書, by Linghu Dyfen. – Beijing: Zhonghua Shuju, 1971.

И. В. Чанкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В данной статье рассматривается распространение буддизма на территории Республики Хакасия в современное время. В результате интервьюирования с настоятелем часовни «Замбала» выделены проблемы адаптации буддизма и буддийской культуры в Республике Хакасия.

Ключевые слова: буддизм, буддизм в Хакасии, буддийская культура, буддийская часовня.

I. V. Chankova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

SPREAD OF BUDDHISM IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

The article is devoted to the spread of Buddhism in Khakassia nowadays. The problems of adaptation of Buddhism and Buddhist culture are highlighted in the interview with the Head of the chapel «Zambala».

Keywords: Buddhism, Buddhism in Khakassia, Buddhist community, Buddhist Sangha.

В XXI в. в Республике Хакасия присутствуют все мировые религии. И в последнее время как религиозная организация на территории Республики Хакасия зарегистрирован буддизм.

Это не первая попытка распространения буддизма на территории Хакасии. Согласно историческим данным, Хакасия на протяжении своей истории постоянно испытывала воздействие разных религий. Например, в VIII–XIII вв. в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения [Кызласов, 2000. С. 4]. По данным исследования В.Я. Бутанаева, «в XVII в. усиленно проникать буддизм. В 1633 г. «Тангутской земли лама» по имени Дайн Мерген Ланза по заданию Алтын-хана прибыл в Хакасию. В дальнейшем он настоятельно просил Алтын-хана пожаловать его, «богомольца своего», Хонгорскою землёю. Со времён правления князя Еренака и его преемника Шорло Мергена в Хакасию зачастили «калмыцкие ламы», приезжавшие из урги Джунгарского хана. На Шалаболинской писанице по р. Туба имеется текст договора на монгольском языке, заключённый буддистским

ламой и местным князем по поручению знаменитого Галдан-Бошохту-хана. По всей видимости, хонгорские князья взяли ориентацию на принятие буддизма в Хакасии. Один из князей даже носил имя «Номчы», т.е. знаток священного писания. К XVII в., вероятно, относятся постройки первых буддийских храмов, кумирен и субурганов. Один из субурганов находился в верховьях р. Уйбат по р. Кискач и был раскопан в 1986 г. археологом Я.И. Сунчугашевым. Здесь были найдены две буддийские статуэтки. В 150 м. к северу от фундамента субургана была обнаружена скала-молельня с вырубленной нишей, где были нанесены буддийские знаки-символы. До сих пор окружающая местность у хакасов носит название «суурган», т.е. субурган. На территории Минусинской котловины найдено 20 буддийских статуэток, большинство из которых хранится в Минусинском краеведческом музее. Они отлиты из бронзы или вырезаны из мрамора. Основное количество буддийских статуэток изготовлено до XVIII в. и происходит из Тибета. Все эти факты свидетельствуют о проникновении буддизма

в Хакасию в эпоху позднего средневековья [Бутанаев, Худяков, 2000, С. 221].

И уже в 2008 г. в г. Абакане при одобрении буддийской сангхой (общиной) России была зарегистрирована буддийская община «Замбала» согласно действующему российскому законодательству. Инициатором появления буддийской религиозной организации «Замбала» в Республике Хакасия является выпускник

Агинской буддийской академии Чоян-лама (в миру Роман Кольчиков).

В первое время у Чоян-ламы отсутствовало место для приема прихожан. В 2014 г. администрацией г. Абакана был выделен участок для строительства буддийской часовни, уже возведено само здание, установлена крыша, внутреннее убранство. В часовне оборудован алтарь, но это требует отдельного внимания.

Рис. 1. Часовня – куре

Рис. 2. Алтарь

При беседе с настоятелем буддийской часовни выявили ряд проблем, с которыми пришлось столкнуться адептам буддизма на новой для него территории. Местное население не имеет представления о буддизме как о мировой религии; в реальности не видели традиционную одежду буддийского монаха, более того, при встрече с монахом в традиционном буддийском одеянии приходят в испуг;

не знакомы с основными цветами и атрибутами буддизма. Ниже представлены фотографии некоторых буддийских атрибутов для наглядного их представления: четки, колокольчик и ваджра (метод и мудрость), молитвенный барабан, ступа. В последующем будут составлены характеристики и значение буддийских атрибутов.

Рис. 3. Четки

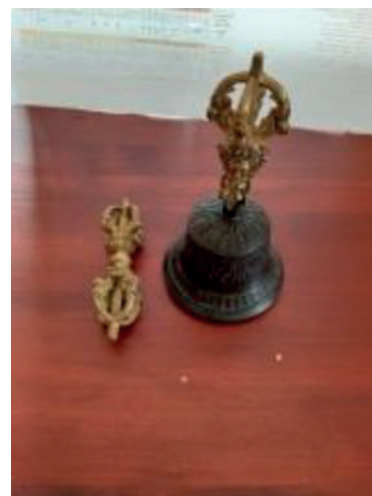

Рис. 4. Колокольчик и ваджра

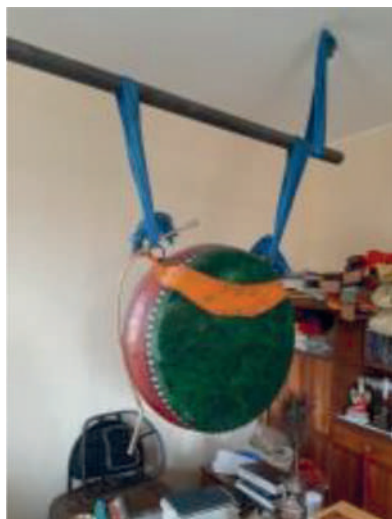

Рис. 5. Молитвенный барабан

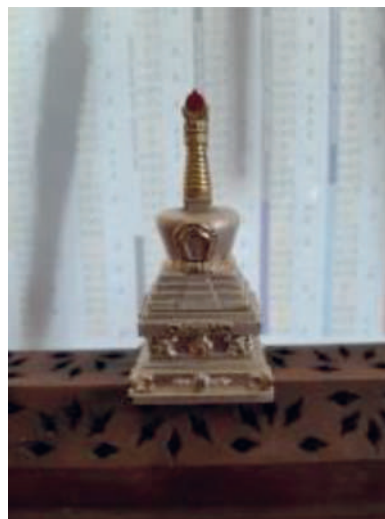

Рис. 7. Ступа

Другая важная проблема – это передача содержания буддийского учения, культуры местному населению. Проводя аналогию распространения буддизма в Китае, видим, что адаптация буддизма началась именно с переводов буддийских текстов с санскрита на китайский язык. Передача смысла буддийских текстов в Хакасии также начинается с переводов с тибетского на хакасский язык. Далее приведем примеры перевода некоторых буддийских атрибутов: *часовня – куре, лампадка – чола, химорин – чил ат*, другой вариант *кии ат*. (прим. И. Ч. Химорин – ленточки, символизирующие 5 органов чувств). Настоятелем часовни переведено с тибетского на хакасский язык четверостишие из сердечной мантры:

*«Амыр чахсы чуртас
мында ползын!
Амыр чуртас
узун ползын!*

Ом, мани падме хум!». (перевод – Чоян-лама)

На русский язык это четверостишие из сердечной мантры переводится следующим образом: *«Пусть мирная жизнь будет, спокойная жизнь длинной будет!»* (перевод – И. Ч.).

Буддийские молитвы, которые адаптированы на территории Республики Хакасия, заканчиваются словом «*Хоорай*» – «*Да, будет так!*».

Процесс перевода буддийских текстов очень долг и кропотлив. Любой перевод иностранных идей связан с определенной их деформацией, с сильным влиянием других традиций и семантическими изменениями. Необходимы огромные усилия переводчиков для выработки наилучших вариантов, приемов и методов перевода буддийской литературы на хакасский язык – будет затра-

чено немало времени для адаптации буддизма в Республике Хакасия.

С другой стороны, буддийская культура со всеми материальными и сакральными атрибутами упрощает ознакомление с ней, но отсутствует теоретическая часть. Согласно полевым учениям Л. Л. Абаевой, «интеграция многих этнических культур под символом теории практики буддийского учения происходила эволюционно, безболезненно, без всякого рода потрясений, так как универсальность и интерэтничность буддийской религиозной культуры позволила органично инкорпорировать многие добуддийские теории и практики регионов своего распространения» [Абаева, 2015. С 174]. Отметим, что у любого этноса создавались традиционные формы существования еще с древнейших времен, но буддизм сумел не только адаптироваться, но и трансформировать локальные культуры. Примером могут служить монгольские локальные культуры.

В XXI в. также важным средством, способствующим продвижению новой идеи, теории и в том числе религии, являются современные технологии. Адептами буддизма в Республике Хакасия созданы группы в социальных сетях, информирующих о происходящих и предстоящих событиях в часовне.

У нас есть возможность познакомиться с буддийской культурой и ее спецификой в современных реалиях и проследить за этапами адаптации мировой религии на территории Республики Хакасия в современное время. В процессе подготовки статьи выявили ряд аспектов, требующих дальнейшего исследования.

Литература

Абаева Л.Л. Трансформация буддийской теории и практики в геополитическом пространстве монгольских народов // Буддизм в контексте диалога культур. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. – 384 с.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2000. – 272 с.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Древности Алтая: сборник научных трудов №5. – Горно-Алтайск: изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2000.

Полевой материал (ПМА)

Чоян–лама (Кольчиков Роман), 1984 года рождения, Абакан, Республика Хакасия, записи 2018–2020 гг.

В. Г. Чернышёва

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (Россия)

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОЛЛЕКЦИЯХ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ
им. Н. М. МАРТЪЯНОВА**

В статье даётся обзор этнографической коллекции малых коренных народов Сибири и Дальнего Востока Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, являющейся частью этнокультурного наследия России и сформированной в к. XIX – н. XX вв. Представлены сведения о путях и источниках поступления коллекции, рассмотрены особенности некоторых из них в контексте семантики или художественной ценности предметов.

Поднимается вопрос о необходимости дальнейшего изучения и каталогизации этнографических коллекций с целью их введения в научный оборот и эффективного использования в музейной, образовательной и экскурсионно-туристической деятельности.

Ключевые слова: Минусинский музей, коллекции, коренные народы Сибири и Дальнего Востока, культура, быт, этнокультурное наследие.

V. G. Chernyshyova

N. M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local Lore (Russia)

**ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA
AND THE FAR EAST IN THE COLLECTIONS OF N.M. MARTYANOV
MINUSINSK MUSEUM**

The article provides an overview of the ethnographic collection of the small indigenous peoples of Siberia and the Far East of N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local Lore, which is a part of the ethno-cultural heritage of Russia and was formed in the late 19th – early 20th century. Information about the ways and sources of incoming collection delivery is provided, and the features of some of them in the context of semantics or artistic value of items are considered. The question of the need for further study and cataloging of ethnographic collections in order to introduce them into scientific circulation and use them effectively in museum, educational and touristic activities is raised.

Keywords: Minusinsk Museum, collections, indigenous peoples of Siberia and the Far East, culture, household, ethno-cultural heritage.

Собрание Минусинского музея составляет более 180 тыс. предметов. Большую ценность имеют этнографические коллекции (почти 18 тыс. предметов), отражающие жизнь и быт народов Сибири и Азии. Её значительную

часть составляют хакасская этнографическая коллекция, сформировавшаяся в к. XIX – н. XX вв. и насчитывающая более 900 предметов, и тувинская, в которую входят около 300 ед. этнографических предметов, а также археологиче-

ские (около 50 ед.), антропологические (10 ед.), естественно-исторические, предметы нумизматики, фотографии (более 300 ед.) и негативы (более 120 ед.). Эти раритеты, отражающие материальную и духовную культуру коренных народов Южной Сибири, ценны и как этнокультурное наследие не только сохраняются, но и активно используются в научных (для исследований) и в образовательных целях (экспозиции, выставки, лекции, познавательные мероприятия и т.д.). Более 100 предметов относятся к этнокультурному наследию малых коренных народов Сибири и Дальнего Востока: хантов, кетов, эвенков, якутов, ненцев, коряков, ительменов. К ним обращаются довольно редко и лишь в последнее время всё чаще используются для экспонирования.

Коллекция начала формироваться в 1890-х гг. в образовательном отделе музея, предназначенном для просвещения населения, и после 1917 г. поступления предметов прекратились. В не самые лучшие времена для Минусинского музея это собрание пострадало. Был утрачен ряд раритетов, сохранность других нарушена под воздействием внешних факторов и условий хранения. Её основой послужили предметы культуры и быта остяков Нарымского края (хантов и селькупов), переданные Минусинскому музею в 1890 г. учёным-этнографом А.В. Адриановым. Эта часть коллекции является более полной и отражает не только материальную сторону (быт и традиционные занятия: охота, рыболовство), но и духовную.

Среди них выделяются бытовые предметы хантов и селькупов, изготовленные из бересты, выражающие их этническую самобытность. Кроме того, они имеют своеобразную художественную ценность, поскольку разнообразные туеса, кузова, коробки орнаментированы. Исключения составляют детские колыбели восточных хантов, где орнамент отсутствует (в отличие от северных групп). У южных (нарымских) селькупов и хантов специфику составляют криволинейные узоры, выскобленные на бересте. Южноселькупский орнамент несколько отличается от других контурными узорами из зубцов, овалов и полукружий, выполненных выскабливанием (прочерчиванием) с глубоким надрезом, и является локальным вариантом обско-угорского орнамента.

Что касается колыбелей, упомянутых выше, то в этой коллекции их четыре. Две изготовлены из бересты и являются ночными

(«савун») и две дневные, для детей более старшего возраста, умеющих сидеть. Две последние изготовлены из дерева с вертикальным изголовьем. На внешней стороне изголовья вырезан православный крест, свидетельствующий об активном распространении православия в среде нарымских хантов в XIX в.

Уникальны предметы культа нарымских хантов, насчитывающие 18 предметов, представленные в основном фетишами антропоморфного типа. В основном это домашние (семейные) идолы – лунги. Лишь два из них – зооморфные, и являются общественными идолами. Это изображение духа Куль-юнга. По представлениям хантов, он обитает в воде, и в его власти находилась подача рыбы. Эти фетиши ставились головой вниз по течению реки, когда устанавливали запоры во время лова рыбы, а затем убирали запоры и переворачивали Куль-юнга головой против течения реки [Кулемзин, 1976; Яковлев, 1900].

Изготовлены идолы в одном стиле из целого куска дерева с рельефной резьбой (кроме трёх № 631, 641 и 628) и довольно сложны в исполнении. Имеют нижние конечности со ступнями, и частично обозначены верхние. Более искусно оформлены головы, заострённые вверху, с широким лицом, Т-образной линией бровей и носа. Можно предположить, что такая традиция изображения лунгов (духов) связана с особенностью религиозно-мифологической системы не только васюганских хантов, но и других представителей обских угров. Местные духи считаются у этих народов духами-предками, богатырями древних времён, отличающимися особым головным убором – шлемом и вооружением. Соответственно в их деревянных скульптурах присутствует символическое изображение шлема с наносником (островерхая голова с выступающей лобной частью и Т-образной линией бровей и носа).

А.В. Адрианов положил начало и формированию коллекции тунгусских (эвенкийских) предметов. В 1897 г. она пополнилась рядом предметов, доставленных И.Н. Рожанским [Отчёт..., 1898], в 1909 г. – археологом, этнографом К.И. Горощенко, сотрудничавшим с Минусинским музеем на протяжении многих лет [Отчёт..., 1910].

В отличие от остяцкой, она имеет несколько образцов традиционной одежды и украшения. Многие из них (кафтаны) в плохой сохранности и требуют реставрации. Верхняя одежда

эвенков (тунгусов) представлена двумя типами. Первый, так называемый «тунгусский фрак» – распашной кафтан «мукукэ» с клинообразным подолом («хвостом» иргинды) и кистями на спине, один из образцов выкроен с рукавицами. Всего четыре единицы. Второй тип – распашной кафтан с двумя клиньями в единственном экземпляре.

Мужские и женские кафтаны носились с нагрудниками, которые отличались только формой: мужские – с клинообразным нижним краем, женские – с прямым. В коллекции пять эвенкийских нагрудников, один из них – женский.

Традиционная обувь эвенков двух типов: хевери – зимние меховые унты из оленьего камуса, расшитые бисером, с подвязками (3 пары) и бакари – зимние меховые унты из оленьего камуса.

К элементам традиционного костюма относятся мужской пояс «ыгыняптын» из ровдуги, вышитый бисером, и женское украшение-подвеска.

Сохранился значительный фрагмент традиционного эвенкийского коврика из оленьего меха – кумалан с геометрическим орнаментом.

Духовную культуру эвенков отражают предметы шаманского культа: нагрудник шамана, бубен среднесибирского типа, эвенко-якутского подтипа со сложным символическим рисунком на мембране и расположенным по центру изображением креста. Подвижная рукоять бубна в форме крестообразной антропоморфной фигуры с ромбовидной головой и чертами лица (глаза, нос, рот). В его верхней части изображена голова человека.

Колотушка из рога оленя с символическим рисунком, два антропоморфных идола из железа, мешок для хранения антропоморфного идола – *малкын* (идол утерян) со связками части верхней челюсти (передних зубов) пушных зверей либо оленёнка.

Особое внимание обращает на себя шаманский нагрудник (этническое название «*хооми*»), имеющий классические атрибуты. Изготовлен из выделанной кожи оленя. Украшен аппликацией. Во внутреннем поле аппликации наверху прикреплен крест из белого металла. По А.В. Адрианову, он означает, что обладатель нагрудника был крещён [Адрианов, 1892. С. 9], в современной интерпретации он символизирует ориентацию во Вселенной. Такое же изображение креста имеет колотушка шамана.

Ниже – изображение летящей птицы из белого металла, предположительно гагара (*укан*). По представлениям северных народов, в эту птицу шаман обращался в том случае, если летел в нижнем мире над рекой смерти. В нижнем ярусе прикреплены три зооморфных изображения – птицы из белого металла (*манги*). По центру – двуглавая (*сожэн*), орёл или гагара (по А.В. Адрианову). Орёл привешивался к передней части костюма. Считалось, что в эту птицу шаман превращался при посещении страны девяти шаманов – божеств, обитающих в верхнем мире. С правой и с левой стороны прикреплено зооморфное изображение водной птицы (утки) – *тэрга* и – *ангаки* [Адрианов, 1892, 4 об.].

Некоторые предметы из тунгусской коллекции либо утрачены, либо ошибочно причислены к другим разделам, что ещё предстоит установить. Из фотонегативного фонда в собрании музея сохранилась фотография В.В. Фёдорова «Тунгусы на северных промыслах Енисейского округа», выполненная в 1885 г.

Предметы быта остяков Туруханского края (енисейские остяки или кеты) поступили в музей в разное время: в 1894 г. от И.И. Назаретского [Отчёт..., 1895], в 1895 г. от Д.А. Жилина (через И.К. Юдина) [Отчёт..., 1896], от Кочнева, от П.Е. Островских в 1903 г. [Отчёт..., 1904]. Эти немногочисленные раритеты енисейских остяков (кетов) не менее интересны. В них имеются элементы одежды. Архаичный, по мнению Е.А. Алексеенко [Алексеенко, 1967. С. 148], капорообразный головной убор из лобной части головы оленя, вышитый бисером – мета, где на затылке сохранились незашитые отверстия для глаз. Подобный головной убор бытовал и у эвенков. Женские сапоги из оленьего камуса, вышитые бисером и отороченные мехом песка. Орнамент вышивки очень близок к долганским мотивам. Так называемый княжеский пояс, переданный Д.А. Жилиным из Туруханска, кошелёк, вышитый бисером. А также предмет, который может отразить весь хозяйственно-бытовой уклад жизни этой этнической группы – костяной календарь. И предметы остяков пос. Сургутиха, переданные в дар музею Е.Ф. Гуциным [Отчёт..., 1894].

В этот же период (в к. XIX – н. XX вв.) в коллекции музея появились предметы якутского быта. Среди дарителей известно только

имя А. В. фон Вилькена; кем были переданы другие предметы – на данный момент не установлено.

В якутской этнографической коллекции (6 ед.) имеются предметы, отражающие занятия (рыболовство, коневодство, резьбу по кости). Особое внимание обращает на себя якутский чепрак с традиционным орнаментом, богато украшенный металлическими (свинцовыми?) бляшками и аппликацией, с ровдужными кистями, где для их украшения и крепления использованы металлические напёрстки. Тонкой работы ажурные резные изделия из кости, в том числе подчасник, подаренный музею А. В. фон Вилькеном с надписью, запечатлевшей имя русского моряка-исследователя, «Павель Григорьевъ Седовъ». Сохранил предмет и имя автора «якут Жарнява», и год создания «1882».

К долганам – тюркоязычному этносу, сформировавшемуся в н. XIX в. в результате смешения якутов с тунгусским населением Туруханского края и русскими старожилками Таймыра – относится орнаментированный бисером пояс.

Среди ряда работ минусинских художников, отражающих быт народов Сибири, более 30 графических, акварельных картин, эскизов художника Владимира Михайловича Тирона на тему этнографии долганского народа, выполненных в разной технике. Это характерные портреты рыбаков, оленеводов, пейзажи, натюрморты, сюжетные картины.

Единичные предметы (4 ед.), которые можно отнести к самодийской (уст. самоеды) группе народов (ненцы, юкагиры, эвены), также пред-

ставляют интерес: элементы оленьей упряжи, украшение-подвеска из бисера, пряжка из кости. К этой же группе предметов условно можно отнести сумочку из ровдуги с аппликацией, вышивкой бисером и ровдужной бахромой по краям. Имеется чехол (для детской колыбели или для бубна?) с аппликацией и вышивкой подшейным волосом. Его этническое происхождение до сих пор под вопросом. Возможно, это предмет, относящийся к тунгусской группе (эвенки).

В этнографической коллекции хранится коряжская кухлянка с капюшоном и нагрудником и торбасы – сапоги из пыжика (меха новорождённого оленёнка). Подобная обувь бытовала и среди чукчей, камчадалов и ительменов – малочисленных народов, населяющих Камчатку. Сохранилась камчадалская камлейка – глухая рубаха с капюшоном из кишок и горловой ткани морских млекопитающих, и нож из китового уса, переданные музею ещё в конце XIX в. А. Д. Беляевым. С дальневосточной земли, с берегов Амура, был доставлен ставший в наше время раритетом мешок из рыбьей кожи.

Таким образом, эта коллекция представляет научный интерес для исследователей: она содержит те объекты материальной культуры малочисленных коренных народов, которые в нашей повседневной жизни либо утрачены, либо осовременены. С ней предстоит много работать в плане информативности, научного определения, среды бытования, поскольку сведения разрозненные, бессистемные и зачастую географически обобщены.

Литература

Адрианов А. В. Каталог этнографического отдела музея. Архив МКМ. Оп.1. Д. 666. – 1892.

Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Ленинград: Наука, 1967. – 66 с.

Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства. – Томск, 1976. – С. 3–154.

Отчёты по Минусинскому музею и общественной библиотеке за 1893 г. – Минусинск: тип. В. Фёдорова, 1894. – 32 с.

Отчёты по Минусинскому музею и общественной библиотеке за 1894 г. – Минусинск: тип. В. Фёдорова, 1895. – 16 с.

Отчёты по Минусинскому музею и общественной библиотеке за 1895 г. – Красноярск: тип. Д. Жилина, 1896. – 16 с.

Отчёты по Минусинскому музею и общественной библиотеке за 1897 г. – Красноярск: тип. Д. Жилина, 1898. – 30 с.

Отчёты по Минусинскому музею и общественной библиотеке за 1903 г. – Красноярск: тип. Енис. губ. упр. 1904. – 35 с.

Отчёты по Минусинскому музею и общественной библиотеке за 1908/9 г. – Минусинск: тип. В. Фёдорова, 1910. – 35 с.

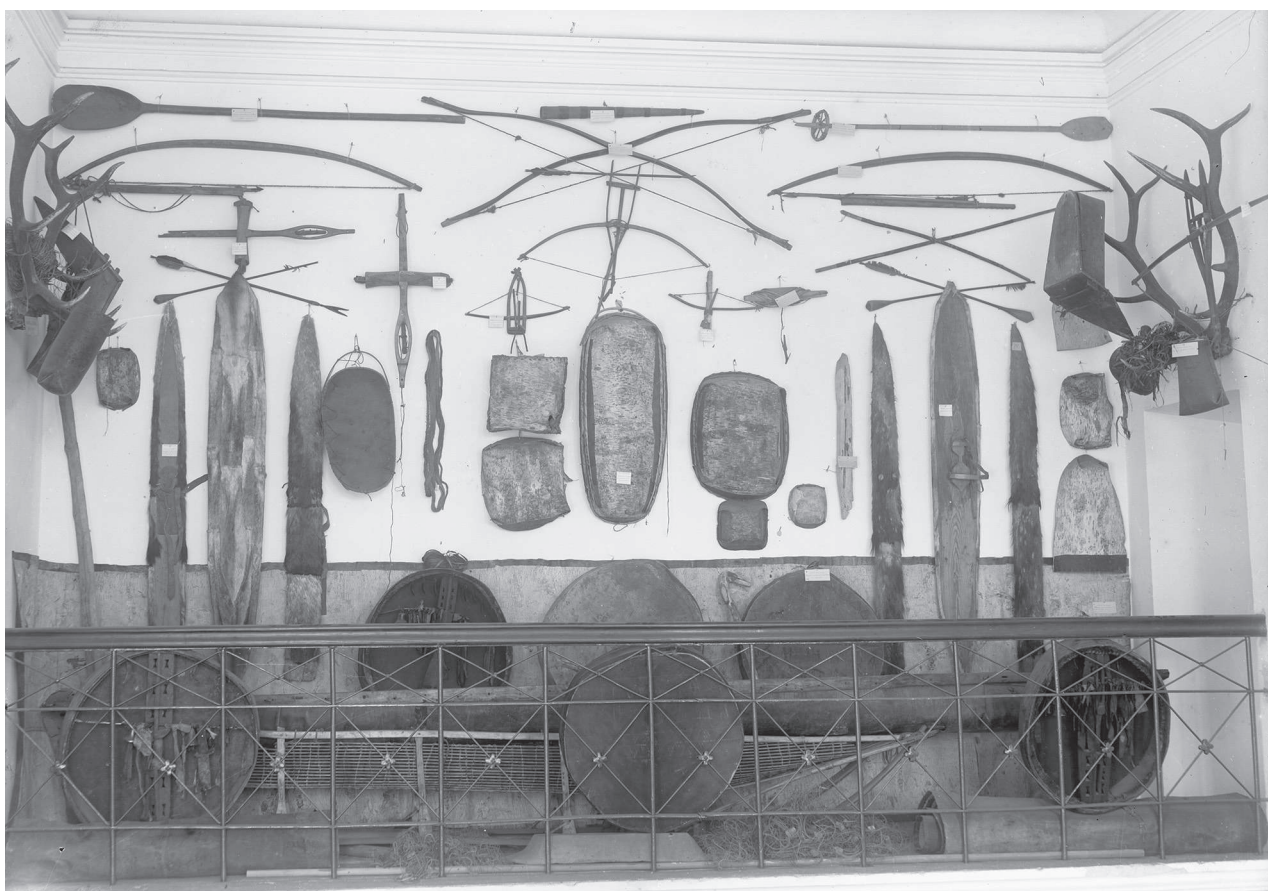
Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. – 357 с. разд. паг.: ил.

Берестянная коробка. Селькупы, Нарымский край
1887–88 гг.

Дневная колыбель. Ханты-Нарымский край, 1887 г.

Этнографическая коллекция Адрианова в экспедиции Минусинского музея.
Нач. XX в. МКМ Нст ОФ 5976

Камлейка -Камчадалы. 1890-е гг.
МКМ ОФ. 2020 г.

Долганский пояс.
Нач. XX в.
МКМ ОФ 1840

Капорообразный головной убор.
Кеты. 1890-е гг. Туруханский край.
МКМ ОФ 1669

Тунгусский распашной кафтан с двумя клиньями

Тунгусский мужской костюм. Вид сзади

Якутский черпак. Вилюйский округ. Нач. XX в. МКМ ВФ 695.38

Мешок из рыбьей кожи. 1880-е. р. Амур. Дар. А. Д. Беляева МКМ ОФ 1787

В. К. Чертыков

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ СЕЛА УСТЬ-АБАКАНСКОЕ

В статье рассматривается вопрос о дате основания с. Усть-Абаканское (впоследствии г. Абакан). Опровергаются неправильные даты основания улуса, открытия Николаевской церкви и возникновения села Усть-Абаканское.

Ключевые слова: Качинская степная дума, родоначальники, улус Усть-Абаканский, статус села, Николаевская церковь.

V. K. Chertykov

*Khakass Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

ABOUT THE FOUNDATION DATE OF UST-ABAKAN VILLAGE

The article considers the issue of the date of foundation of Ust-Abakan village (later Abakan). Incorrect dates of foundation of the ulus (nomad camp), opening of Nicholas Church and emergence of Ust-Abakan village are refuted.

Keywords: Kachin Steppe Duma, founders, ulus Ust-Abakan, status of the village, Nicholas Church.

В настоящее время нет устоявшейся точки зрения о времени возникновения с. Усть-Абаканское. Так, в «Большой Советской энциклопедии» в статье «Абакан» написано: «А. делится на 2 части. Старая часть – б. село Усть-Абаканское (пристань на Енисее) возникло в 70-е гг. 18 в.» [Большая советская энциклопедия, 1949. С. 8].

В книге В.М. Торосова «Абакан» дается другая дата: «В 1822 г., в соответствии с новой государственной реформой управления «инородцами», село Усть-Абаканское превращается в административный центр Качинской Степной Думы» [Торосов, 1994. С. 42]. Автор не поясняет, когда это село было основано.

В «Новом энциклопедическом словаре» утверждается, что г. Абакан возник в 1823 г. как с. Усть-Абаканское [Новый энциклопедический словарь, 2002. С. 5].

Сразу следует отметить, что все эти даты неправильные. На территории Хакасско-Минусинского края небольшие поселения хакасов назывались улусами, русские крестьяне жили в деревнях. Если в улусе или деревне строилась церковь, то они получали статус села. Так, в 1770 г. в Аскизе была построена деревянная церковь, и после ее освящения в 1771 г. он стал именоваться селом. В 1831 г. церковь сгорела, и Аскиз называли «бывшим селом». В 1851 г. была построена каменная церковь, и он снова становится селом.

В XVIII – первой четверти XIX в. в местности Ах-тигей (Белая сопка) на устье Абакана никакого постоянного поселения не существовало. После образования у хакасов Степных дум первоначально их центрами становились улусы, где проживали избранные родоначальники. Так, центр Степной думы соединенных разнородных племен (Сагайской) до 1834 г. располагался на устье р. Есь, где жил родоначальник. Затем думу перевели в Аскиз на место постоянного пребывания.

Качинская степная дума располагалась на левом берегу Абакана, против горы Иzych, подле перевоза, в районе ставки первого качинского родоначальника Чирки (Константина) Картина [История Хакасии... С. 260].

В 1832 г. первый енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов проезжал по территории Минусинского округа. В Майдашах (р-н совр. нефтебазы – В.Ч.) он сел на карбас и переправился через Енисей к самому устью Абакана. Естественно, что никакого поселения там не было. Дом Степного управления татар качинского родоначальия стоял под утесом горы Иzych, на левом берегу Абакана [Степанов, 1835. С. 134] (в местности совр. поселений Баинов–Райков – В.Ч.). И только около 1840 г. Качинская степная дума переводится в устье Абакана. В 1842 г. там побывал известный ученый и путешественник П.А. Чихачев. Дума качинцев состояла из пяти-шести домов, построенных правитель-

ством. Она располагалась у самой реки (Абакан) [Чихачев, 1974. С. 230].

В 1854 г. Качинская дума для удобства управления была разделена на две инородные управы: Абаканскую с центром в улусе Усть-Абаканский и Июсскую с центром в Костинском улусе. В «Списке населенных мест» за 1859 г. Усть-Абаканский обозначен как «улус татарский Кабинета Его Величества». В улусе насчитывалось: дворов – 21, жителей – 93 муж. пола и 90 жен. пола. Здесь же ошибочно указано, что в улусе имеется православная церковь [Енисейская губерния... 1864. С. 56]. Дело в том, что в 1859 г. только было принято решение о строительстве деревянной церкви в честь Николая Чудотворца, но работы долго не начались из-за отсутствия средств.

В 1859 г. совершил объезд Минусинского округа окружной начальник Н.А. Костров (один раз в год окружной начальник обязан был проводить инспекцию вверенного ему округа – В.Ч.). Он писал: «Дом Абаканской инородной

управы состоит из нескольких чистых светлых и теплых комнат. Это просто роскошь в степи. Несколько лет тому назад здесь сосредоточилось местное управление татар Качинского Родоначалия, под названием Качинской Степной Думы. Так как Качинцы кочуют на огромнейшем пространстве между Абаканом и Юсом, то признано удобнейшим, вместо одной думы, учредить две инородные управы» [Костров, 1859. С. 93]. Разумеется, никакой церкви в улусе не было.

И только в конце 1864 г. в улусе (выше управы) была построена деревянная церковь на каменном фундаменте в честь Николая Чудотворца. 14 марта (27 марта нов. ст.) 1865 г. Николаевская церковь (в просторечии – Никольская) с разрешения епископа Енисейского и Красноярского Никодима была освящена [Караваяева, 2014. С. 45]. С этого времени улус Усть-Абаканский получает статус села.

Таким образом, датой основания села Усть-Абаканское следует считать 27 марта 1865 г.

Литература

Большая Советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. Второе издание. – М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1949. – Т. I.

Енисейская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года / сост. Р. Маак. – СПб., 1864. – 74 с.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / Отв. ред. Л. Р. Кызласов. – М.: Наука, 1993. – 525 с.

Караваяева А. Г. Документы о строительстве Николаевской церкви в улусе Усть-Абаканском Минусинского округа Енисейской губернии в фондах государственного архива Томской области // Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири по теме: Социокультурное пространство: архивное

наследие и перспективы развития». – Абакан: ООО «Кн. изд-во «Бригантина», 2014. – С. 43–46.

Костров Н. А. Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности // Енисейские губернские ведомости. – 1859. – № 12. – С. 92–93.

Новый энциклопедический словарь. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.

Степанов А. П. Енисейская губерния. – СПб., 1835. – 440 с.

Торосов В. Абакан. 2-е издание. – М: Цицеро, 1994. – 208 с.

Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай / Пер. с франц. В. В. Цыбульского. – М.: Наука, 1974. – 360 с.

Г. М. Шапошников*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

СОСТОЯНИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ПУТИ ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

На материалах Республики Хакасия и некоторых данных Республик Тыва и Горного Алтая показано в динамике состояние безработицы в сельской местности и предлагаются некоторые пути ее сокращения. Так, предлагается выдавать безработным (по рекомендации общественности той или другой территории) товарный кредит в виде первотёлок сроком на два-три года, а также при подведении итогов сельскохозяйственного года поощрять лучшие личные подсобные хозяйства, что будет стимулировать их ещё лучше работать.

Ключевые слова: регистрируемая и общая безработица, сельские муниципальные образования, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, товарный кредит.

G. M. Shaposhnikov*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

THE RATE OF UNEMPLOYMENT OF THE RURAL POPULATION IN THE REPUBLICS OF THE SOUTH SIBERIA AND THE WAYS TO REDUCE IT

The article, mainly based on the materials of the Republic of Khakassia and some data from the republics of Tuva and Mountain Atay shows the dynamics of unemployment in rural areas and suggests some ways to reduce it. Thus, it is proposed to give to the unemployed (on the recommendation of the public one way or another territory) commodity credit in the form of heifers, for a period of two to three years, and in summing up the agricultural year to encourage the best private farms, that will stimulate them to work even better.

Keywords: registered and usual unemployment, rural municipalities, peasant (farm) industry, personal farms, commodity credit.

Сельское население, а также население некоторых маленьких городов и посёлков, где были одно или несколько градообразующих предприятий, не только на территории республик Южной Сибири, но и на территории всей России после преобразований 1990-х гг. XX в. оказалось один на один со своими проблемами. Если жители посёлков и маленьких городов в силу специфики их профессий могли найти работу в других регионах (в основном вахтовым методом), то сельское население этого сделать не могло (традиции, домашнее хозяйство и многое другое). Кроме того, многим из них (работникам сельскохозяйственных предприятий) полагался земельный и имущественный пай. Многие из них посчитали, что, оформив право на этот пай, они станут самостоятельными, так как могут производить и продавать продукцию. Но воспользовались этим правом единицы, так как, чтобы что-то производить, надо иметь свою технику, найти рынки сбыта

произведённой продукции и многое другое. Да и земельный пай большинству достался далеко от дома. И многие свои пай за бесценок продали, в том числе и фермерам, которыми стали некоторые сельчане. В этих условиях многие на селе остались безработными. И в то же время население не понимало в те далёкие годы конца XX в.: как это так, что они не могут найти себе работу. Поэтому на первых порах люди ещё активно стремились найти работу. А если не могли найти, то обращались в центры по содействию поиска работы. Процент регистрируемой безработицы в конце XX века среди сельского населения в Республике Хакасия достигал по отдельным районам 5–6% от числа экономически активного населения [Города и районы, 2005]. В настоящее время уровень регистрируемой безработицы в Хакасии значительно снизился и составил по итогам 2018 г. 1,4%. Однако по районам он значительно превышает республиканский показатель (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Уровень безработицы по районам Республики Хакасия

Район	Общая безработица (в %)			Регистрируемая безработица (в %)		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Алтайский	8,6	8,2	8,0	2,0	1,4	1,1
Аскизский	21,6	23,1	22,5	2,8	2,5	2,1
Бейский	20,2	18,5	19,3	1,7	1,6	1,3
Боградский	18,2	16,3	17	2,5	2,6	2,9
Орджоникидзевский	23,1	21,8	24	3,2	3,2	3,1
Таштыпский	6,7	5,2	5,1	2,4	2,5	1,9
Усть-Абаканский	7,5	8,0	13,2	1,6	1,5	1,4
Ширинский	19,6	15,4	9,5	2,3	1,6	1,4
По республике	4,9	5,5	6,2	1,8	1,6	1,4

Так, по Аскизскому району этот показатель выше республиканского на 50%, по Орджоникидзевскому – на 65%, по Таштыпскому – на 36%, по Боградскому району – почти в 2 раза.

Между тем есть общая безработица, которая значительно различается по республикам Южной Сибири. Так, по итогам 2019 г. уровень безработицы в Республике Алтай составил 10,8% [Распоряжение Правительства, 2019], а в Республике Тыва – 14,4% [Постановление Правительства, 2019], а в Республике Хакасия по итогам 2018 г. он был на уровне 6,2%. Надо отметить, что уровень общей безработицы в Республике Тыва снижается. Так, по сравнению с 2017 г. и с 2018 г. он по итогам 2019 г. снизился на 2% [Постановление, 2019]. А в Республике Хакасия по итогам 2018 г. уровень общей безработицы в сравнении с 2017 г. вырос на 13%. Надо отметить, что уровень общей безработицы в сельской местности в среднем по Республике Хакасия по итогам 2018 г. был на уровне 14,8% или выше, чем по республике, почти в 2,4 раза. Если сделать такой же расчёт по республикам Тыва и Алтай, то можно констатировать, что в этих республиках общая безработица на селе соответственно составила по итогам 2018 г. 28,8 и 21,6% или выше, чем в Республике Хакасия, в 2 и 1,5 раза.

Если сопоставить общую безработицу с регистрируемой, то видно, что общая превышает регистрируемую в Республике Хакасия в 4,4 раза, в Республике Тыва это превышение составляет 3,7 раза, а в Республике Алтай превышение общей безработицы в сравнении с регистрируемой составляет 4,2 раза. Конечно, в

республиках принимают меры по активизации трудовой деятельности сельского населения: имеются программы, в том числе программы «Труд и занятость» в Республике Тыва и «Обеспечение социальной защищённости и занятости населения» в Республике Алтай. В Республике Тыва дополнительно действуют проекты «Кыштаг для молодой семьи», «Корова-кормилица». В Республике Хакасия действует проект по поддержке семей, содержащих скот в малых сёлах.

Если анализировать по сельским районам, то разница между регистрируемой и общей безработицей ещё больше. Так, по итогам 2018 г. в Алтайском, Усть-Абаканском, Ширинском и Орджоникидзевском районах общая безработица превышала регистрируемую в 7 раз, в Аскизском районе эта разница выше – в 10 раз. Если рассматривать по отдельным сельским советам, то уровень общей безработицы выше районного в отдалённых советах. Так, в Таштыпском районе на территории Арбатского сельского совета уровень общей безработицы по итогам 2018 г. составил 49%, что выше районного в 9,6 раза, а республиканского – в 8 раз. На территории Красноюсского сельского Совета Орджоникидзевского района по итогам 2018 г. уровень общей безработицы составил 71%, что выше районного показателя в 3 раза, а республиканского – в 15 раз. В Боградском районе в Советскохакасском и Сарагашском сельских Советах уровень общей безработицы по итогам 2018 г. составил 30%, что выше районного в 1,7 раза и выше республи-

канского показателя в 4,8 раза. На территории Балыкшинского сельского Совета Аскизского района по итогам 2018 г. уровень общей безработицы составил 54%, что выше районного показателя в 2,4 раза, республиканского – в 8,7 раза. Высок процент общей безработицы и на территории Куйбышевского сельского Совета Бейского района. По итогам 2018 г. он составлял 56%, что выше районного показателя в 2,9 раза, республиканского – в 9 раз. Такое же положение с уровнем общей безработицы и в отдалённых сельских Советах Усть-Абаканского района. Так, по итогам 2018 г. на территории Чарковского сельского Совета он составил 36%, а на территории Доможаковского сельского Совета 42%, что выше районного показателя по Чарковскому Совету в 2,7 раза, а по Доможаковскому Совету – в 3,2 раза. Вместе с тем в отдалённых Советах очень низок процент регистрируемой безработицы. Так, по Балыкшинскому Совету Аскизского района его уровень по итогам 2018 г. был около 0,6%, тогда как районный показатель был 2,1%. По Сарагашскому Совету Богградского района он составил около 1%, а по району – 2,9%. На территории Гайдаровского Совета Орджоникидзевского района этот показатель был равен 0%, а безработных было на территории Совета 69 человек, по району уровень регистрируемой безработицы был равен 3,1%. В Ширинском районе на территории Коммунарковского Совета уровень регистрируемой безработицы по итогам 2018 г. равнялся 0,2%, что ниже районного и республиканского показателя в 7 раз, тогда как уровень общей безработицы по этому Совету на 01.01 2019 г. был равен 12,8%. Это, как мы считаем, говорит о том, что безработные не ездят на регистрацию по разным причинам, в том числе из-за отсутствия денежных средств и, может быть, не видят смысла в этих поездках. Между тем, высок уровень регистрируемой безработицы в поселениях, что находятся рядом с центрами регистрации. Так, в посёлке Копьёво (центр Орджоникидзевского района) уровень регистрируемой безработицы по итогам 2018 г. равнялся 4,2%, а по району – 3,1%. В селе Таштып, а это центр Таштыпского района, регистрируемая безработица по итогам 2018 г. была равна 2,3%, а по району этот показатель был равен 1,9%. В селе Боград (центр Богградского района) по итогам 2018 г. регистрируемая безработица была на уровне 4,5%, тогда как по району он

был равен по итогам 2018 г. 2,9%. В селе Аскиз (центр Аскизского района) этот показатель превышал районный на 29%. Только в сёлах Белый Яр (центр Алтайского района) и Усть-Абакан (центр Усть-Абаканского района) этот показатель был ниже районного показателя соответственно на 27% и 24% и составлял по итогам 2018 г. 1,1% и 1,2%. Объяснение этому может быть, как мы считаем, близость с территорией, где есть рабочие места. Эти поселения находятся на расстоянии 20 км от города Абакан (столица Республики Хакасия). Это крупный транспортный узел (межреспубликанский и междугородний автовокзал, железнодорожный вокзал, аэропорт), есть промышленные предприятия и предприятия стройиндустрии, а также крупный центр оптовой и розничной торговли.

Конечно, для снижения безработицы надо создавать рабочие места. Но даже наличие предприятий не гарантирует, что на территории этого поселения меньше станет безработных. Так, в селе Целинное Ширинского района, где действует ООО «Целинное», которое занимается производством и реализацией животноводческой продукции, уровень общей безработицы на территории Целинного сельского совета, где расположено вышеназванное предприятие, по итогам 2018 г. был равен 30,4%. На данном предприятии занято более 100 чел. Или, например, на территории Кировского сельского Совета Алтайского района, где успешно работает ООО «Бирюса», на котором трудится 115 человек, занимающееся производством растениеводческой продукции, уровень общей безработицы по итогам 2018 г. составил 17%, что выше районного показателя 2,1 раза, а республиканского – в 2,7 раза. Такая же картина и на территории села Июс Орджоникидзевского района. Здесь уровень общей безработицы по итогам 2018 г. составлял 72,4%, в целом, по Красноиюсскому сельскому Совету уровень общей безработицы по итогам 2018 г. был 71%. А на территории этого Совета в селе Июс успешно функционирует ООО «Июс-Агро», где занято около 130 человек. Это предприятие занимается производством растениеводческой и животноводческой продукции.

Между тем при высоком уровне общей безработицы на селе во многих подворьях не держат животных. Так, в аале Доможаков Усть-Абаканского района из 566 подворий держат скот только в 200 подворьях, а в селе Весеннее этого же района из 306 подворий скот держат 76

подворий. На территории этих Советов из 471 безработного (176 на территории Весенинского и 295 на территории Доможаковского Советов) держат скот около 50% безработных. В селе Вершино-Биджа Усть-Абаканского района из 27 безработных держат скот 13. А в деревне Кожухово Орджоникидзевского района из 41 безработного держат скот 23. Можно констатировать, что примерно 50% безработных на селе не держат животных. «А содержание животных, – как пишет жительница аала Сафронов Аскизского района, – есть путь к самозанятости и решению своих финансовых проблем» [Колмакова, 2018]. Всего безработных на 01.01.2019 г. в Хакасии числилось около 13000 человек. Из них около 50% не занимается содержанием скота. Как нам представляется, надо части из них выдать товарный кредит (как это делается в Республике Тыва) в виде коровы или первотёлки с условием, что через 2–3 года этот товарный кредит надо вернуть. Надо отметить, что опыт выдачи товарного кредита в Хакасии есть. Так, в Аскизском районе стали выдавать товарный кредит в виде ярочек ещё в 2006 г. За 15 лет товарный кредит получили в этом районе 382 главы личных подсобных хозяйств. Всего было выдано 16632 головы ярочек, что в конечном итоге привело к резкому росту поголовья овец в этом районе. Так, если в 2005 г. поголовье овец и коз в районе было 19993 головы, то по итогам 2018 г. их уже более 100 тысяч, то есть рост более чем в 5 раз. Тогда как поголовье этого вида животных по республике выросло за этот тот период времени в 3,8 раза.

Также мы считаем, что тем, кто получит товарный кредит, надо будет в первое время помочь с кормами, за это часть продукции передать за плату переработчикам. Организовать на территории Совета сельский потребительский кооператив, чтобы сами сельчане не продавали произведённую продукцию перекупщикам. Однако пока эта форма организации деятельности сельских товаропроизводителей не нашла должного развития. Их на территории Республики Тыва пока организовано 50 [vcatuva, 2020], на территории Республики Алтай их действует 67 [zvezda, 2020], а в Республике Хакасия, по данным регионального министерства сельского хозяйства и продовольствия, действует всего 24 потребительского кооператива. Можно предположить, что если 50% безработных, а их было на 01.01.2019 г. в сельских районах республики более 13000 чел. (в Аскизском районе – 3667, в Алтайском – 984, в Бейском – 1794, в Боградском – 1207, в Орджоникидзевском – 1344, в Таштыпском – 387, в Усть-Абаканском – 2570 и в Ширинском районе – 1168 человек), не занимаются содержанием скота, и из них примерно на первых порах около 30%, а это около 1900 человек, займутся содержанием животных, то через два-три года производство мяса в республике увеличится примерно на 400 тонн. А это особенно важно в связи с тем, что в последние годы идёт сокращение поголовья животных по республике (см. таблицу № 2), что ведёт в конечном итоге к сокращению потребления мяса населением.

Таблица 2

**Поголовье животных (на конец года) по сельским муниципальным образованиям
Республики Хакасия (по оперативным данным Министерства сельского хозяйства
и продовольствия Республики Хакасия)**

Муниципальные образования	Поголовье крупного рогатого скота (гол.)			Поголовье овец и коз (гол.)			Поголовье лошадей (гол.)		
	22015г.	22017г.	22018г.	22015г.	22017г.	22018г.	22015г.	22017г.	22018г.
Алтайский	114762	114840	113759	116357	119325	117783	22791	33796	33956
Аскизский	335192	334120	333370	1105400	1109536	1100463	99685	110627	110390
Бейский	225352	223844	223238	440356	446584	445371	66063	55827	66258
Боградский	221047	118174	118266	117769	220851	221150	22739	22648	22781
Орджоникидзевский	116058	115697	115279	119276	220253	118609	22012	11729	11665
Таштыпский	110785	99692	99220	44537	44491	33848	22326	22103	11801
Усть-Абаканский	227091	227031	227524	554718	662309	557302	44867	44961	44988
Ширинский	331239	229190	229146	337481	448865	441992	44734	44740	44757
По республике (т.г.)		174,4	171,7		335,3	309,5		37,3	37,2

Так, по итогам 2018 г. в Республике Хакасия произведено на душу населения мяса говядины около 20,5 кг (норма потребления – 24,6 кг) [Гончаров, 2017], баранины – около 4,1 кг (норма потребления – 10 кг), свинины – около 11 кг (норма потребления – 8,6 кг), мяса птицы – около 2 кг (норма потребления – 38,8 кг). Мясо прочего скота было произведено на душу населения около 2 килограммов. Таким образом, на душу населения Республики Хакасия было произведено по итогам 2018 г. около 40 кг мяса, а по итогам 2015 г. было произведено на душу населения мяса около 48 кг, при норме потребления – 82 кг. Низок уровень потребления мяса на душу населения в целом по Сибирскому Федеральному Округу, так и по республикам Южной Сибири. Так, в Республике Тыва по итогам 2017 г. уровень потребления мяса на душу населения составил 61 кг, а в Республике Хакасия – 66 кг. Также в Республике Хакасия

идёт сокращение посевных площадей. Так, в 2018 г. было посеяно 212918 га или меньше, чем было посеяно в 2015 г., на 11 %, а против итогов 2014 г. посеяли на 18 % меньше.

Для увеличения животных на селе мы предлагаем предоставить желающим из числа безработных товарный кредит в виде одной-двух голов первотёлочек, помочь в первое время им с кормами. За что они рассчитаются произведённой продукцией. Для сбора и реализации этой продукции сельским и районным Советам надо организовать потребительские кооперативы. Кроме того, надо при подведении итогов сельскохозяйственного года обязательно поощрять лучшие личные подсобные хозяйства. Это, как мы считаем, будет стимулировать сельчан заниматься содержанием скота, что будет способствовать улучшению социально-экономического положения на селе.

Литература

Города и районы Республики Хакасия в 2005 году / Стат. сборник Хакасстат. – Абакан, 2005. – 109 с.

Постановление Правительства Республики Тыва от 31.X.2019. № 519 «О прогнозе социально-экономического развития Республики Тыва на 2020 годы и плановый период 2021 и 2022 годов».

Распоряжение Правительства Республики Алтай от 28 октября 2019 года № 579-р «О прогнозе социально-экономического развития Республики Алтай на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов».

Колмакова З. Надо надеяться только на себя // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Проблемы активизации трудовой деятельности сельского населения», посвящённой

65-летию села Бельтирское. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. – 165 с.

Сетевое издание «В Центре Азии». Возможна ли в Туве сельскохозяйственная кооперация? // Встреча с молодыми сельхозпроизводителями. 2019. URL: vcatuva.ru/news/2019/07/24/8593.html (дата обращения: 10.01.2020).

Электронная газета «Звезда Алтай». URL: zvezdaaltaya.ru/2019/03/selkokhozyaystvennykh-potrebitejskl. (дата обращения: 10.03.2020).

Гончаров В. Стратегическое направление продовольственного комплекса в условиях санкций // Экономист. – 2017. – № 1. – С. 52.

В. К. Шульбаев

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ХАКАСИЯ В РЕЙТИНГЕ ИННОВАЦИОННЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается оценка Республики Хакасия в рейтинге инновационных субъектов Российской Федерации, опубликованном Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) в начале 2019 г. Отмечается, что для ведения инновационной работы в республике созданы региональные институты и инфраструктура, принята законодательная база. Обращается внимание на необходимость дальнейшего развития республиканских организаций по управлению научной, научно-технической и инновационной деятельностью; развитие региональной инфраструктуры инновационной деятельности; сотрудничество с ведущими научно-исследовательскими учреждениями страны и, в первую очередь, с институтами Сибирского отделения РАН.

Ключевые слова: Республика Хакасия, рейтинг инновационных регионов, показатели, индикаторы, организация и инфраструктура инновационной деятельности.

V. K. Shulbaev

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

KHAKASSIA IN THE RATING OF INNOVATIVE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the assessment of the Republic of Khakassia in the rating of innovative subjects of the Russian Federation published by the Association of Russian Innovative Regions (ARIR) in early 2019. It is noted that regional institutions and infrastructure were created in the republic to conduct innovative work, and the legislative framework was adopted. Attention is drawn to the need for further development of republic organizations for the management of scientific, scientific-technical and innovative activities; development of regional infrastructure for innovative activities; cooperation with leading research institutions of the country and, first of all, with the institutes of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Republic of Khakassia, rating of innovative regions, criteria, indicators, organization and infrastructure of innovation activity.

В начале 2019 г. (8 февраля) Ассоциация инновационных регионов России (АИРР) опубликовала ежегодное исследование – рейтинг инновационных субъектов Российской Федерации.

Рейтинг был разработан в 2012 г. совместно с Министерством экономического развития РФ при участии представителей региональных администраций и ведущих экспертов страны. В основу методики формирования рейтинга, как отмечают авторы, был положен подход, используемый Европейской комиссией для проведения сравнительной оценки инновационного развития регионов Евросоюза с целью разработки и внедрения мер инновационной политики на региональном уровне [Рейтинг, 2020].

Оценка инновационного развития осуществляется преимущественно на основе официальных статистических данных. Так, в рейтинг инновационных регионов 2018 г. входят 29 индикаторов, которые объединены в четыре блока:

- научные исследования и разработки;
- инновационная деятельность;
- социально-экономические условия инновационной деятельности;
- инновационная активность региона.

Рейтинг позволяет выявить лидеров по каждому из этих направлений, показать сильные и слабые стороны развития того или иного региона.

В первом блоке индикаторов для оценки развития научных исследований и разработок в субъектах федерации использовались следующие показатели:

- численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования в расчете на 10000 чел. населения;

- численность исследователей в расчете на миллион населения;

- удельный вес занятых с высшим профессиональным образованием трудоспособного возраста в общей численности населения в трудоспособном возрасте, %;

- количество поданных международных РСТ-заявок в расчете на миллион чел. экономически активного населения;

- число патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент национальными заявителями, в расчете на миллион чел. экономически активного населения;

- число статей, опубликованных в журналах, индексируемых в Web of Science, в расчете на 100 исследователей;

- число статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 100 исследователей;

- внутренние затраты на исследования и разработки в % от ВРП, %;

- удельный вес средств организаций предпринимательского сектора в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки.

Лидерами по уровню развития научных исследований и разработок в 2018 г. стали г. Москва, г. Санкт-Петербург и Томская область. Вполне ожидаемые почетные места этих городов и области. Ведь они известны в стране и за рубежом университетские и научные центры.

Республика Хакасия в этом списке регионов оказалась на весьма скромном 75 месте.

По блоку оценки уровня развития инновационной деятельности в регионах России использовались следующие показатели:

– удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %;

– удельный вес организаций, осуществляющих нетехнологические инновации, в общем числе организаций, %;

– удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе малых предприятий, %;

– удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

– удельный вес вновь внедренных или подвергшихся технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

– число используемых изобретений в расчете на миллион населения;

– объем поступлений от экспорта технологий в расчете на 1 тыс. ВРП;

– число созданных передовых производственных технологий в расчете на миллион чел. экономически активного населения;

– удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %.

Лидеры по инновационной деятельности в 2018 г.: Республика Татарстан, Нижегородская обл., г. Санкт-Петербург, Томская обл., Московская обл., г. Москва.

Республика Хакасия по уровню развития инновационной деятельности в регионе занимает 72 место.

По уровню развития социально-экономических условий инновационной деятельности в регионах Российской Федерации Хакасия занимает несколько лучшее 65 место в стране. В этом блоке использовались следующие показатели:

– коэффициент обновления основных фондов, % (2017);

– ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона (без учета добывающих производств) тыс. руб. (2016);

– удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) видах деятельности в общей численности занятых в экономике региона, % (2017);

– доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, % (2016);

– удельный вес организаций, использовавших Интернет со скоростью не менее 2

Мбит/сек, в общем числе обследованных организаций, % (2017).

Лидерами по уровню развития социально-экономических условий инновационной деятельности в регионе стали г. Москва, Калужская обл., г. Санкт-Петербург, Ульяновская обл.

По четвертому блоку оценок, инновационной активности региона, использовались следующие показатели:

– объем привлеченных инвестиций из федерального бюджета и бюджетов федеральных институтов развития в инновационную сферу экономики региона (инфраструктурные проекты и региональные инвестиционные проекты) в расчете на 1 млн ВРП (2016 г.);

– число инновационных проектов, поддержанных федеральными институтами развития, в расчете на млн. чел. населения (2017);

– инновационная активность региональных властей (балльный индикатор 1/0) (2018);

– победа в конкурсах, проводимых федеральными органами исполнительной власти и федеральными институтами развития, число баллов от 0 до 5 (2017);

– число участников кластеров и резидентов технопарков в расчете на 1 тыс. чел. занятого населения (2017);

– интенсивность проведения публичных инновационных мероприятий (с учетом качественной оценки информационного наполнения официального портала) (2017).

Этот блок позволяет характеризовать инновационную политику в субъекте Российской Федерации, отражает активность всех участников региональной инновационной системы в применении действующих федеральных инструментов поддержки инновационной деятельности, привлечения инвестиций и взаимодействия с федеральными институтами развития. Дает возможность оценить активность региональных властей в организации инновационных мероприятий и в создании объектов инновационной инфраструктуры – конкретные параметры интенсивности и результативности региональной инновационной политики.

В рейтинге регионов с наиболее высокой инновационной активностью оказались Новосибирская обл., Томская обл., Республика Татарстан, Калужская обл., г. Санкт-Петербург, Московская обл., Самарская обл.

Оценка Республики Хакасии по инновационной активности – 69 место среди регионов России.

В рейтинге инновационных регионов 2018 г. выделяются передовые регионы – 29 субъектов («сильные» и «средне сильные» регионы по инновационной работе); средние – 24 региона; и 32 региона отнесены к отстающим субъектам («средне-слабые» и «слабые»).

Рейтинг Хакасии в целом – 72 место из 85 субъектов Российской Федерации. Республика входит, к сожалению, в число отстающих регионов с оценкой «средне-слабые» по инновационной работе [Рейтинг..., 2020].

Понятно, что такая скромная оценка региона не может устраивать руководство республики и заинтересованные ведомства, отвечающие за организацию инновационной деятельности в Хакасии. Работа в этом направлении ведется и должна быть продолжена.

Для этого созданы институты по поддержке инноваций, принята законодательная база. Так, в республике действует Закон «О научной и научно-технической деятельности в Республике Хакасия» от 5 июля 2005 года № 39 – ЗРХ (принят Верховным Советом Республики Хакасия 29 июля 2005 года), по которому определены цели, основные задачи, формы и методы поддержки научной и научно-технической деятельности [Закон «О научной...», 2005].

Прописаны организации и осуществление научной и научно-технической деятельности в республике.

Постановлением Правительства Республики Хакасия от 21 июля 2008 г. № 239 «О концепции развития инновационной деятельности в Республике Хакасия на 2009–2015 годы (с изменениями на: 20.09. 2011 г.) были определены цели, задачи, принципы и основные направления развития инновационной деятельности в республике [Постановление Правительства Республики Хакасия от 21 июля 2008 г].

Есть опыт реализации программы «Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике Хака-

сия (2011–2015 годы)» [Постановление Правительства Республики Хакасия от 23 ноября 2010 г.].

В настоящее время действует программа «Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике Хакасия», принятая постановлением Правительства Республики Хакасия от 27 октября 2015 г. № 557 (с изменениями на 26 марта 2019 года), сроки реализации 2016–2021 гг. [Программа..., 2015].

Недавно принят Закон Республики Хакасия от 12 февраля 2020 г. № 01 – ЗРХ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 г.», где в разделе «Развитие научно-инновационной деятельности» поставлена конкретная цель: создание условий для реализации научной, научно-технической и инновационной деятельности в республике [Закон Республики Хакасия от 12 февраля 2020 г.]. Есть перечень задач, которые нужно будет решать.

Все это обнадеживает и говорит о том, что органы власти республики намерены активно заниматься экономикой и управлением инновационными процессами в регионе.

Важно при этом, на наш взгляд, обратить особое внимание на:

1. Подготовку рабочего плана мероприятий для реализации цели с учетом многоотраслевого научно-технического потенциала республики.
2. Развитие республиканских организаций по управлению научной, научно-технической и инновационной деятельностью.
3. Развитие региональной инфраструктуры инновационной деятельности.
4. Сотрудничество с ведущими научно-исследовательскими учреждениями страны и, в первую очередь, с институтами Сибирского отделения РАН.

Список источников

Закон «О научной и научно-технической деятельности в Республике Хакасия» от 5 июля 2005 года № 39 – ЗРХ (принят Верховным Советом Республики Хакасия 29 июля 2005 года).

Закон Республики Хакасия от 12 февраля 2020 г. № 01 – ЗРХ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года».

Постановление Правительства Республики Хакасия от 21 июля 2008 г. № 239 «О концепции развития

инновационной деятельности в Республике Хакасия на 2009–2015 годы (с изменениями на: 20.09. 2011г.).

Постановление Правительства Республики Хакасия от 23 ноября 2010 № 597 об утверждении государственной программы Республики Хакасия «Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике Хакасия (2011–2015 годы)»

Программа «Развитие инновационной, научной и научно-внедренческой деятельности в Республике

Хакасия», принятая постановлением Правительства Республики Хакасия от 27 октября 2015 г. № 557 (с изменениями на 26 марта 2019 года), сроки реализации 2016-2021 гг.

Рейтинг инновационных регионов России [Электронный ресурс] // Проект 4science. URL: <https://4science.ru/articles/Reiting-innovacionnih-regionov-Rossii> (дата обращения: 14.07.2020).

Л. Н. Щанкина

*Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова (Россия)*

ПРОМЫСЛЫ МОРДОВСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI вв.

В статье на основе полевого, архивного материала и опубликованных источников рассматривается промысловая деятельность мордовских переселенцев Иркутской области и Республики Хакасия в конце XIX – начале XXI в., оказавшихся в иной природно-климатической, социально-экономической и культурной среде. Как и в Мордовии, мордовские крестьяне-переселенцы в Сибири продолжали заниматься промыслами, ведущими из которых были обработка дерева и металлов, прядение, ткачество, вышивка и др. В настоящее время сохранился лишь плотничный и столярный промысел.

Ключевые слова: Иркутская область, Республика Хакасия, Республика Мордовия, мордва, переселенцы, промыслы, ремесла.

L. N. Shchankina

Plekhanov Russian University of Economics (Russia)

CRAFTS OF MORDOVIAN IMMIGRANTS OF THE IRKUTSK REGION AND THE REPUBLIC OF KHAKASSIA IN THE LATE 19th – EARLY 21st CENTURIES

The article, based on field, archival material and published sources, examines the fishing activities of the Mordovian immigrants of the Irkutsk region and the Republic of Khakassia in the late XIX – early XXI centuries, who found themselves in a different natural-climatic, socio-economic and cultural environment. As in Mordovia, Mordovian peasant immigrants in Siberia continued to engage in crafts, the leading of which were the processing of wood and metals, spinning, weaving, embroidery, etc. Currently, only carpentry and carpentry have survived.

Keywords: Irkutsk region, Republic of Khakassia, Republic of Mordovia, mordva, immigrants, crafts, crafts.

Домашние промыслы и ремесла в крестьянских хозяйствах для многих мордовских переселенцев Сибири имели большое значение, а иногда составляли их основу. Это было связано с необходимостью обеспечивать личные хозяйства разнообразными изделиями.

В промыслах мордвы Иркутской области и Республики Хакасия следует выделить такие отрасли, как обработка дерева, металлов, изготовление одежды и обуви и др.

Обработка дерева в хозяйстве у мордовских переселенцев играла первостепенную роль, поскольку из него делались почти все необходимые для жизни крестьян предметы – от обеденной чашки и ложки до орудий труда и жилища. Для их изготовления использовались примитивные инструменты: «лесорубный» топор и двуручная пила.

Издавна у мордвы было широко развито плотницкое дело. Имелись отдельные мастера, посвящавшие значительную часть времени, свободного от хозяйственной деятельности, изготовлению тех или иных изделий на продажу. Согласно архивным данным, в 1939 г. в Иркутскую область переселились: из Старосиндровского района Мордовской АССР (ныне Краснослободского района Республики Мордовия) – 1 плотник, из Рыбкинского района (ныне Ковылкинского района) – 1 плотник-столяр, из Мельцанского района (ныне Старошайговского района) – 8 плотников-столяров [ЦГА РМ, Д. 6. Л. 88].

Плотники имелись почти в каждом населенном пункте, они занимались строительством по мере поступления заказов от односельчан. По сведениям информанта из с. Сарагаш

Боградского района Республики Хакасия, строительством домов занимались как бригады из мордвы-переселенцев, так и совхозные (в совхозах имелись свои пилорамы). Хорошими плотниками в с. Сарагаш Боградского района Республики Хакасия считались Михаил Петрович Миронов, Николай Осипович Наземкин, Николай Козаков [ПМА: Росяйкин]; в с. Краснозерное Усть-Абаканского района Республики Хакасия – Владимир Максимович Паршин и Николай Евгеньевич Пичугин [ПМА: Сыромятникова].

В пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, согласно сведениям семьи Кугушевых, строительством жилых и хозяйственных построек занимались вместе с другими переселенцами, в частности, с украинцами и чувашами, которые проживали рядом [ПМА: Кугушев]. В пос. Сосновский и д. Листвянка Куйтунского района Иркутской области дома преимущественно строили своими силами [ПМА: Третьяков, Ананьев]. Как отмечал респондент из с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, «сразу после переселения вынуждены были жить в землянках, а вплотную строительством деревянных домов начали заниматься только в послевоенное время» [ПМА: Токарева].

Большинство плотников работали и столярами, и токарями. Они делали рамы, наличники, двери для строившихся домов, а также несложную мебель (столы, табуреты, кровати, стулья, полки для утвари). Как правило, они же занимались производством телег, саней, дуг для саней, а уздечки и хомуты были привозные. Кроме того, из дерева делали кухонную посуду (ковши, половники и др.), домашнюю утварь (ведра, ушаты и др.).

Многие предметы быта переселенцы привозили и с собой. Например, семья Третьяковых из пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области из Мордовии перевезла деревянную маслобойку с лопастями, которой пользуются по сей день [Щанкина, 2013. С. 117].

Наряду с деревянной посудой применялась глиняная (корчаги, кувшины, квашни для теста, горшки, кубышки, масленки, миски, тарелки и т.д.), которую многие переселенцы привезли с собой или делали из местной глины [ПМА: Исайкина]. Так, по рассказу Алексея Ивановича Солдатова, когда они жили в с. Нижние Сыры Таштыпского района Республики Хакасия, «посуда была в основном глиняная и изготов-

ливалась уже на новой территории» [ПМА: Солдатов].

Среди мордовского населения имелись свои печники, а также нанимались специалисты из других поселений. Например, в г. Абакан печи клал Леонид Петрович Кузин (родом из с. Новороссийского Алтайского района Республики Хакасия), он же делал оконные рамы и двери [ПМА: Зорков].

Развито было среди мордвы и бондарное производство. По словам Василия Васильевича Зоркова, в с. Новороссийское Алтайского района Республики Хакасия действовала бондарная мастерская. Бондари изготавливали бочки, ведра, маслобойки и другую домашнюю утварь из клепки (дощечки, получаемые путем раскалывания кряжей), пиленых дощечек, а также различные изделия путем долбления, резания и щепания. Многие изделия сохранились в районных музеях и у населения. Например, в пос. Уян Куйтунского района Иркутской области деревянные бочки и сейчас применяются для засолки огурцов и капусты [ПМА: Рогожина].

Мордва также занимались изготовлением тальника, заготовкой которых начинали заниматься осенью или ранней зимой. Очищение и сортировку прутьев выполняли, как правило, женщины и подростки. Основным инструментом был остро отточенный нож, а из приспособлений – две доски. Плетением владели многие жители поселений, так как материал для изделий был более дешевым и доступным, чем дерево, и техника изготовления более простая. Из тальника плели плетень, которым огораживали огород. По воспоминаниям А.И. Солдатова (проживает в г. Абакане), когда однажды весной его бабушка гостила здесь и увидела цветущий плетень, то сказала: «Как здесь красиво!» и осталась жить насовсем [ПМА: Солдатов].

Лапти плели многие переселенцы, почти в каждой крестьянской семье. Это был самый распространенный вид обуви у мордовского сельского населения. Их плели вплоть до середины XX в. Мордовские крестьяне изготавливали в основном двухпяточные лапти, которые оценивались дороже однопяточных. Причем они выплетались не из пяти, а семи лычек, нарезавшихся очень узкими (поэтому мордовские лапти получались более красивыми и прочными) [Фирстов, 1978. С. 45]. Как показал полевой материал, мордовские переселенцы при

изготовлении лаптей применяли ту же технику, что и на родине. Материалом для лаптей служило лыко из липовой коры. По словам научного сотрудника МУК «Краеведческий музей Алтайского района Иркутской области» Натальи Семеновны Катешовой, где хранятся мордовские лапти, «заготовку лыка начинали весной, когда шло сильное сокодвижение. На заготовку сырья, как правило, выезжали всей семьей» [Никонова, Щанкина, Гармаева, 2010. С. 34–35].

Распространенными женскими домашними промыслами были прядение и ткачество. Умение хорошо прясть и ткать, шить и вышивать было важным условием выдачи девушек замуж, и их приобщали к этим занятиям с детства. Ткали на стане с горизонтальной основой, который не отличался от русского. Подобные ткацкие станы ныне хранятся в музее Куйтунского района Иркутской области и в Краеведческом музее с. Белый Яр Алтайского района Республики Хакасия.

У мордвы было распространено изготовление льняного холста, отличавшегося тонкостью, белизной и прочностью. Из такого холста женщины-мордовки шили традиционную одежду, о чем свидетельствуют полевые сведения, собранные в районах Сибири. Например, жительница с. Гуран Тулунского района Иркутской области А.Е. Горбатова холст для нательной рубашки ткала сама. По словам А.И. Солдатова из с. Нижние Сиры Таштыпского района Республики Хакасия, у его тети был ткацкий станок, и она ткала холщовые штаны. Обычно при этом она использовала льняные и шерстяные нити, и штаны получались полосатые. Позднее стали шить стеганные, которые называли стяженными. С развитием текстильной промышленности ткани домашнего производства были вытеснены фабричными.

Широко было распространено узорное ткачество. Ткали преимущественно полотенца и скатерти. Как правило, праздничные полотенца делали из тонкого холста, с тканым узором на концах, а позднее стали пришивать кружева. Распространенной была вышивка цветными (чаще красными и черными) нитками на концах полотенец. В качестве красящих веществ использовали самодельные краски из растений [ПМА: Пайгушева]. В ходе экспедиции 2008 г. было отмечено, что почти у всех мордовских переселенцев такие полотенца и сейчас украшают передний угол дома, многие

хранят их как воспоминание о родине и для внуков. У Софьи Кузьминичны Наземкиной, проживающей в с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, сохранилось полотенце, которое она вышивала себе на приданое. Сейчас оно хранится у ее дочери – Валентины Николаевны Наземкиной. Кроме полотенец и скатертей изготавливали коврики, которые стелили на пол. И сегодня коврики, связанные из лоскутков ткани, можно встретить у многих мордовских переселенцев.

В конце XIX – начале XX в. среди мордовского крестьянства был распространен портновский промысел. Например, Пелагея Федоровна Савина была портной в с. Нижние Сиры Таштыпского района Республики Хакасия. Она шила рубашки, штаны, фуфайки, шубы, одеяла и др.

В каждом крестьянском доме изготавливали из шерсти овец носки, чулки, кушаки, варежки и др. Первичная обработка шерсти заключалась, прежде всего, в ручной разборке и сортировке. Для получения тонкой пряжи шерсть после разборки чесали, били и пряли с помощью веретена и лопатообразной прялки с донцем. К началу XX в. во многих населенных пунктах были распространены самопрялки типа «стояк», которые, как правило, изготавливали местные мастера либо покупали. Подобные прялки были зафиксированы в пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области у семьи Третьяковых, в с. Гуран Тулунского района Иркутской области у Екатерины Захаровны Тятюшкиной, в с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия у Елены Ивановны Грызиной (Михеевой), в с. Красноозерное Усть-Абаканского района Республики Хакасия у Анны Даниловны Евдокимовой. По сведениям информантов, пожилые женщины и сейчас прядут овечью шерсть для изготовления различных мелких домашних вещей (варежек, носков и т. д.).

Мордовское население, проживающее в сибирском регионе, занималось и выделкой овчин. Из них изготавливали верхнюю как мужскую, так и женскую одежду, шапки, рукавицы и др. В с. Нижние Сиры Таштыпского района Республики Хакасия, по словам Алексея Ивановича Солдатова, выделкой овчин для шуб занималась его бабушка – Пелагея Федоровна Савина. Техника выделки овчины была довольно сложной, и сейчас овчину уже не выделывают, а просто выбрасывают, так как ее

негде обрабатывать, да и нет в этом необходимости [ПМА: Федоров]. До конца XX в. мордва выделывала кроличьи шкурки, из которых шила шапки и детские полушубки [ПМА: Марченко].

Мордва с давних пор славилась изготовлением кож и кожаных изделий (обуви, конской сбруи – уздечек, шлей, вожжей, хомутов, седелок, седел, подпруг и т.д.). Сапожники и шорники были почти в каждом селении, обслуживая повседневные потребности местных жителей. В с. Новороссийском Алтайского района Республики Хакасия имелась шорная мастерская, где занимались изготовлением сбруи для лошадей [Никонова, Щанкина, Гармаева, 2010. С. 37]. Техника изготовления кож была довольно сложной. Большинство мастеров работали в небольших мастерских, оборудованных непосредственно на усадьбе или в жилой избе. В работе принимали участие обычно все члены семьи. Для придания кожи мягкости ее мяли специальными кожемялками. В настоящее время одна из кожемялок хранится в музее Куйтунского района Иркутской области.

Важным промыслом, во многом обеспечивавшим жизнедеятельность крестьян, было валяние валенок. Валенки из овечьей шерсти осенней стрижки валяли на дому, в мастерских, оборудованных непосредственно рядом с избой, или в бане, а нередко и в жилых помещениях. Процесс изготовления валенок у мордовских переселенцев был такой же, как и на исконной территории их проживания. По рассказу В.В. Зоркова, бывшего жителя с. Новороссийского Алтайского района Республики Хакасия, валенки чаще «катали» в бане.

Изготовление валенок, как правило, начиналось с чески шерсти. Сначала ее «разбирали», щипали руками, чтобы не было слежавшихся комочков, затем били струной, после чего она становилась мягкой, как пух. Взбитую с помощью струны шерсть делили пополам и раскладывали тонким слоем на специальное полотно в форме валяного сапога. Затем шерсть с полотном наворачивали на круглую палку и катали до тех пор, пока «шерсть не схватывалась», получалась заготовка в форме валяного сапога. Заготовку распаривали, опять раскатывали и били. В результате валенок «укачивался» и делался плотным. Затем его насаживали на колодку, уминали – «выравнивали» колотушкой и ставили в печь для просушки.

Печь делали «горячей, но не огненной». Если клали в нее заготовку утром, то к вечеру валенки были готовы. Весь процесс изготовления валенок продолжался примерно около недели. В Краеведческом музее Алтайского района сохранились валенки, собранные у мордовского населения в с. Красноозерном Алтайского района библиотекарем Евдокией Николаевной Осиповой. Согласно сведениям информантов, валенки и сейчас не потеряли значения и пользуются большой популярностью. По рассказам жителей с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, Софья Кузьминична Наземкина до сих пор занимается данным промыслом.

Большое значение имела обработка металла, в частности кузнечное и слесарное дело. Наиболее развитым было кузнечное ремесло, под которым подразумевается производство изделий путем свободной ручнойковки и штамповки с использованием горна, наковальни, кувалды и молотка. Кузнецы наряду с ремонтом старых изготавливали новые земледельческие орудия (серпы, косы, сохи, плуги и т.д.), проводили оковку колес, телег, делали подосники, подковы, топоры, скобяной товар и домашнюю утварь (кочерги, ухваты, ножи и др.). Согласно архивным данным, в 1939 г. в Иркутскую область из Старосиндровского района Мордовской АССР выехали 2 кузнеца-слесаря [ЦГА РМ, Д. 6. Л. 88]. В 1960 г. из Торбеевского района Республики Мордовия в Усольский район Иркутской области выехал кузнец Василий Федорович Кошелев [ЦГА РМ, Д. 154. Л. 82].

Таким образом, промысловая деятельность мордвы Иркутской области и Республики Хакасия имела большое экономическое значение и являлась существенным источником жизнедеятельности. Следует отметить, что многие переселенцы не изменили своим традициям и в местах нового обитания. Они принесли в Сибирь индивидуальные особенности развитых ремесел, ведущими из которых были обработка дерева, ткачество, вышивка и др. Первоначально промыслами мордва Иркутской области и Республики Хакасия занималась для удовлетворения личных нужд и в целях заработка, однако со второй половины XX в. никакого хозяйственно-промыслового значения они не имеют.

Литература

Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Гармаева Т.В. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой. – Саранск, 2010. – 268 с.

Фирстов И.И. Основные виды кустарных промыслов в Пореформенной Мордовии // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XX вв. – Саранск: Мордов. кн. изд., 1978. Вып. 62. – С. 25–58.

Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 473. Оп. 1. Д. 6. Переселенческий отдел при Совнарком

Мордовской АССР. Документы о работе Переселенческого отдела при СНК МАССР (постановления, план, сметы, штатное расписание, отчеты, ведомости, акт, переписка). 4 сентября 1939 – 23 марта 1942 гг. Л. 89.

ЦГА РМ Ф. 473. Оп. 1. Д. 154. Дело с актами-списками отправленных рабочих в промышленность за 1960 г. Л. 127.

Щанкина Л.Н. Мордва Сибири и Дальнего Востока: историко-этнографический аспект / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва: «ВивидАрт», 2013. – 452 с.

Полевой материал автора (ПМА)

Ананьев Анатолий Федорович, 1937 года рождения, д. Листвянка Куйтунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Горбатова Александра Ефимовна, 1926 года рождения, с. Гуран Тулунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Зорков Василий Васильевич, 1938 года рождения, г. Абакан Республики Хакасия, записи 2008 г.

Исайкина Татьяна Васильевна, 1961 года рождения, д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Кугушев Николай Павлович, 1948 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Марченко Анна Ивановна, 1933 г.р., с. Аршанов Алтайского района Республики Хакасия, записи 2008 г.

Наземкина Валентина Николаевна, 1955 года рождения, с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, записи 2008 г.

Пайгушева Пелагея Максимовна, 1923 года рождения, с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, записи 2008 г.

Рогожина Елена Дмитриевна, 1928 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Росайкин Анатолий Васильевич, 1948 года рождения, с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, записи 2008 г.

Солдатов Алексей Иванович, 1936 года рождения, г. Абакан Республики Хакасия, записи 2008 г.

Сыромятникова Елена Емельяновна, 1928 года рождения, с. Красноозерное Усть-Абаканского района Республики Хакасия, записи 2008 г.

Токарева Лидия Ивановна, 1953 года рождения, с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, записи 2008 г.

Третьяков Иван Романович, 1938 года рождения, пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Федоров Андрей Петрович, 1952 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, записи 2008 г.

Г. Б. Эшматова*Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С. С. Суразакова (Россия)*

**ПЕРЕХОД НА ОСЕДЛОСТЬ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ХОЗЯЙСТВ
ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ
ФОРСИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(1930–1940-е гг.)**

Ускоренное оседание кочевого и полукочевого населения было необходимо в целях повышения культурного и материального благосостояния народа, обеспечения быстрее темпов реконструкции хозяйства, позволяющей уйти от малоэффективного натурального и полунатурального уклада. Масштабная и сложная проблема перехода к оседлости требовала планомерности и предварительного проведения целого комплекса хозяйственных, культурно-воспитательных и организационных мероприятий. Поэтому переход основной массы кочевого и полукочевого населения Ойротской автономной области к оседлому образу жизни главным образом начался с 1931 г.

Ключевые слова: Ойротская автономная область, кочевое население, переход на оседлость, национальные хозяйства, коллективизация.

G. B. Eshmatova*S. S. Surazakov Scientific-Research
Institute of Altaistics (Russia)*

**TRANSITION TO SETTLEMENT OF NOMADIC AND SEMI-NOMADIC FARMS
OF THE OYROT AUTONOMOUS REGION IN THE CONDITIONS
OF FORCED MODERNIZATION (1930-1940)**

Accelerated settlement of the nomadic and semi-nomadic population was necessary in order to increase the cultural and material well-being of the people, to ensure the fastest pace of reconstruction of the economy, which allows to escape from the low-effective natural and semi-natural way. The large-scale and complex problem of transition to settlement required regularity and preliminary carrying out of a whole complex of economic, cultural, educational and organizational measures. Therefore, the transition of the bulk of the nomadic and semi-nomadic population of the Oyrot Autonomous Region to a settled way of life mainly began in 1931.

Keywords: the Oyrot Autonomous Region, nomadic population, transition to settlement, national farms, collectivization.

Вопрос о необходимости перевода на оседлость кочевого населения Горного Алтая имел первостепенное значение для дальнейшего социально-экономического развития региона.

В Ойротской автономной области животноводство исторически являлось основой хозяйства и жизненного уклада коренного населения и представляло собой громадный ресурс для производства сельскохозяйственной продукции. Наличие большого количества удобных пастбищ давало большие возможности производства дешевого сельскохозяйственного сырья и продуктов, таких как шерсть, масло, сыр, мясо, кожаные и войлочные изделия, а также ценные маральи панты и др. В традиционной системе жизнепользования алтайских хозяйств успешно утверждалось земледелие. Кроме того, богатые ресурсы кедровой тайги давали широкие

возможности развивать лесную промышленность, пушное дело.

Между тем большая часть алтайских домохозяйств относилась к натурально-потребительскому типу экономики. Кочевые хозяйства алтайцев не были включены в рыночный товарооборот, чему в значительной степени способствовали исторически сложившиеся бытовые консервативные устои. В числе таковых преимуществом значение имел кочевой и полукочевой уклад жизни.

Материальные ценности, которые вырабатывались внутри кочевого хозяйства, уходили на собственное потребление. Перевод алтайского населения на оседлость вел к устранению основных «препятствий», тормозивших его хозяйственное и культурное развитие.

К работе по переводу на оседлость в широком масштабе и в плановом порядке

приступили с января 1931 г. В предыдущие годы указанный вопрос ставился на разработку и обсуждение областными организациями. Однако до 1931 г. осуществление задач перевода на оседлость кочевого и полукочевого населения не выходило за пределы разрозненных и незначительных по объему мероприятий.

Планом на 1931 г. ставились следующие задачи:

1. Всестороннее изучение территории Онгудайского, Усть-Канского, Кош-Агачского и Улаганского районов (где алтайцы преобладали в составе населения), в которых проектировались мероприятия по переводу на оседлость.

2. Организация территории в этих районах.

3. Помощь в жилищном и хозяйственном строительстве хозяйствам, переходящим на оседлость.

4. Также планом особо предусматривались задачи поднятия культурного уровня – широкая программа социально-культурных мероприятий.

Изучение территории должно было предшествовать всем проектируемым мероприятиям. Оно включало в себя ряд практических действий: рекогносцировки местности в целях изыскания фондов; углубленное обследование основных массивов, предназначенных для оседающего населения и состоящего из агроэкономического, почвенно-ботанического, дорожно-мелиоративного обследования и учета проживающего населения и инвентаря. Необходимость располагать перечисленными сведениями для организации территории и планового практического развертывания ряда мероприятий, связанных с переводом на оседлость, была очевидна, поскольку на тот момент эти работы в области не имели места.

Организация территории предполагала создание бытовой и производственной инфраструктуры в местах оседания: восстановление опорной сети; горизонтальные и вертикальные съемочные работы; ограничения передаваемых массивов; внутрихозяйственное землеустройство массивов.

По плану на 1931 г. по переводу на оседлость изучение и организация территории проектировались по двум основным группам районов: в первой группе Усть-Канский и Онгудайский районы, во второй – Кош-Агачский и Улаганский районы [ГА СПД РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 438. Л. 41об].

Объем капиталовложений на эти работы определялся в сумме 623,8 тыс. руб.

План работы на 1931 г. по изучению и организации территории охватывал 1600 кочевых и полукочевых алтайских и казахских хозяйств. Предусматривалось окончание работ на территории Усть-Канского и Онгудайского районов по изучению и организации территории к середине августа 1931 г. с тем, чтобы на следующий год провести работу по водворению 1300 кочевых и полукочевых хозяйств в этих районах. Однако было ассигновано только 275000 руб. на работу по изучению и организации территории, вследствие чего объем работы был сокращен. Таким образом, в основном вся работа была сосредоточена в первой группе районов – Онгудайском и Усть-Канском.

Одним из самых существенных пробелов в работе 1931 г. являлось отсутствие помощи в жилищном, хозяйственном строительстве переходящему на оседлость населению, что создало трудности по фактическому заселению.

На 1932 г. намечалось в основном завершение работ по переводу на оседлость в Онгудайском и Усть-Канском районах, включение в работу по переводу на оседлость в других районах с охватом 2500 хозяйств, главным образом, пограничных районах Кош-Агачском и Улаганском, в которых имелось 2300 кочевых и полукочевых алтайских и казахских хозяйств. На все эти мероприятия требовалось общих капиталовложений на сумму 2654,8 тыс. руб., в том числе по разделу мелиорации – 190,0 тыс. руб.

На основании особого постановления СНК РСФСР от 1 октября 1931 г. перевод на оседлость в пограничных Кош-Агачском и Улаганском районах должен был закончен в 1932–1933 гг. Всего в этих районах было учтено 2200 кочевых и полукочевых алтайских и казахских хозяйств [ГА СПД РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 438. Л. 42–43].

На Президиуме ОИКа от 20 июня 1932 г. отмечалось, что постановление Президиума ОИК от 17 февраля 1932 г. со стороны Облзу, ОКС, Облздравотдела, Облоно, Промсоюза и др. в части перевода на оседлость кочевых и полукочевых алтайских хозяйств не выполнено.

В результате план по переводу на оседлость в Кош-Агачском и Улаганском аймаках проводился крайне слабо. Производственные кредиты были использованы только на четверть, что не

обеспечивало успешного выполнения намеченных производственных работ. План денежного долевого участия колхозов выполнен на 17%. Отпущенные средства для мероприятий по переводу на оседлость по линии Облсуписпользованы только на 63%.

Вопрос об участии населения средствами и натуральными вложениями в производство землеустроительных работ не проработан. Не определено долевое участие населения в средствах [ГА СПД РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 437. Л. 84]. Таким образом, меры по мобилизации материальных и финансовых ресурсов в деле перевода кочевников к оседлости оставались неэффективными.

Для более оперативного руководства по переводу кочевого населения на оседлость в октябре 1932 г. была создана комиссия при облисполкоме. В этом же году мероприятиями по переводу на оседлость было охвачено 7800 хозяйств. На оседлость перешло 1500 хозяйств [Эдоков, 1987. С. 118].

В создании предпосылок для перехода кочевников на оседлость большую роль сыграли машинно-сенокосные станции (МСС). Первые машинно-сенокосные станции в Горном Алтае были организованы летом 1931 г. в Усть-Канском, Онгудайском, Шебалинском, Майминском и Успенском аймаках. Они

сделали первый шаг в укреплении кормовой базы общественного животноводства. В 1932 г. в области работало уже 9 МСС, у которых имелось 2 трактора, 683 косилки, 216 конных граблей, 8 сложных молотилок. Они обслуживали 220 колхозов, которые заготовили около 62 тыс. тонн сена. По существу, это явилось началом технической реконструкции сельского хозяйства области [Эдоков, 1987. С. 119–120; Демидов, 1970. С. 186].

В период становления и укрепления колхозного строя главной формой производственно-технического обслуживания колхозов стали государственные предприятия – МТС. Первая машинно-тракторная станция (МТС) образовалась в 1932 г. в Онгудайском аймаке [Эдоков, 1987. С. 182; Демидов, 1970. С. 187]. В начале 1935 г. МТС была переведена из с. Каракол в с. Майма. Создание МТС в районах, где ранее было распространено кочевое скотоводство, явилось началом внедрения машинного земледелия, послужило дополнительным фактором переустройства хозяйства скотоводов. Подгорновское Машиное товарищество Майминского аймака через посредников Улалинского кредитного товарищества приобрели первый трактор системы «Фордзон» [Ойротский край, 1925. С. 3].

Таблица 1

Машинно-тракторные станции Ойротской автономной области (на конец года)

Годы	Кол-во МТС	Кол-во тракторов, шт.	Мощность тракторн. парка	Кол-во комбайнов, шт.	Кол-во груз. машин, шт.	Посев. пл. колхозов обслуж. МТС (га)	В % ко всей площади колхозов
1922	–	–	–	–	–	–	–
1928	–	–	–	–	–	–	–
1932	1	2	30	–	–	–	–
1937	1	32	500	2	8	8461	16,2
1941	3	135	5160	30	11	26087	41,5

Источник: [ГА СПД РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 57. Л. 1].

Применение тракторов и другой сельскохозяйственной техники позволило значительно расширить посевную площадь, в основном за счет распашки целинных земель. С общим

увеличением посевных площадей происходило расширение посева зерновых и других культур. Вот некоторые данные.

Динамика посевной площади Ойротской автономной области

	1916 г.	1920 г.	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1941 г.
1. Категории хозяйств	Посевная площадь					
Гос. и кооператив. хоз-ва	–	–	–	7561	9657	13739
Колхозы	–	–	1000	33999	53425	62915
Приусадебные посеы колхозников	–	–	–	127	1568	1273
Единоличники	19680	20472	34500	10573	751	39
Рабочие, служащие и др. группы населения	–	–	–	–	800	1205
Итого	19680	20472	35500	52260	66201	79171
2. Наименование культур						
В т. ч. озимых	452	61	–	–	971	4015
В т. ч. яровых	19228	20411	–	52260	65230	75516
Из общей площади посева зерновых культур	18681	19545	–	46197	58237	67521
В т. ч. озимая рожь	291	28	–	–	230	3720
В т. ч. пшеница яровая	5657	8957	–	16275	22249	20042
В т. ч. ячмень яровой	3812	2454	–	6033	9259	13684
В т. ч. овёс	7819	7321	–	18711	23482	28701
Из общей площади посева технических культур	820	–	–	2257	1034	693
В т. ч. лен долгунец	664	–	–	1233	195	224
Из общей площади посева всего овоще-бахчевых культур и картофеля	155	927	–	1940	3055	3781

Источник: [ГА СПД РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 57. Л. 18].

Из таблицы видно, что также увеличиваются посеы кормовых трав и технических культур. Увеличение посевов кормовых культур объясняется потребностью развивающегося животноводства. Многие алтайские колхозы стали заниматься не только скотоводством, но и земледелием.

Отдельно следует сказать, что вопросы изучения кормовой базы имели не только познавательное, но и практическое значение. В Горном Алтае работали экспедиции, в которых принимали участие ученые Академии наук СССР, университетов и научно-исследовательских институтов. Характерной особенностью работ являлось прикладное их значение, связанное с изучением естественных кормовых

угодий как поставщиков кормов для животноводства [Макошев, 1974. С. 39].

Так, например, в 1936 г. в Курайской и Чуйской степях Кош-Агачского аймака Всесоюзным институтом растениеводства, по указанию Ойротского облзо, впервые были произведены опытные посеы различных зерновых, кормовых, овощных и технических культур. Впервые в 1936 г. колхоз «Путь Ленина» Кош-Агачского аймака смог засолить первую бочку капусты и использовать полученные свежие овощи [Ивановский, 1937. С. 3].

К концу первой пятилетки партийными и советскими органами были созданы необходимые предпосылки для завершения работы по переводу на оседлость большинства полуко-

чевого населения Ойротии. По итогам производственного и жилищного строительства в колхозах области, переходящих на оседлость, за 1931–1934 гг. были построены и сданы в эксплуатацию 3 жилых дома, 16 скотных дворов, 6 телятников, 3 конюшни, 3 жилых дома, 7 купален для овец, 6 газокамер [ГА СПД РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 4. Л. 97].

Однако в практике перевода населения на оседлость снова стали допускать ошибки и поспешность. Иногда выбранные для оседания места были не пригодны для ведения скотоводческого хозяйства. В некоторых случаях не учитывались материальные затраты, связанные с переселением, игнорировались исторически сложившиеся национальные привычки и хозяйственно-бытовые особенности (невозможность совместного проживания в одной юрте родителей с женатыми детьми, вселение в одну юрту-избу по несколько семей, например от 2 до 6 на центральной усадьбе Кырлыка и др.). Сроки для переезда на новую усадьбу были жесткие (20 дней) [ГА СПД РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 726. Л. 21].

Намечаемые аймачными организациями точки оседания (центральные усадьбы) и планирование предварительных мероприятий не проверялись областными организациями, в результате чего точки оседания не были подготовлены к переводу на оседлость. Все работы проводились стихийно, в результате систематические переделки проведенных работ, перемещение хозяйственных центров колхозов и др. (Эликмонар, Усть-Кан). Всего по области на 1 октября 1934 г. насчитывалось около 3000 хозяйств, не перешедших на оседлость, а те, которые были переведены, не были закреплены как следует [Красная Ойротия, 1934. С. 2].

Помимо этого в ряде колхозов имелись факты выхода колхозников из колхозов и откочевка их, а также единоличных хозяйств с территории своих сельсоветов в другие сельсоветы и аймаки, и, главным образом, по Усть-Канскому аймаку, из которого часть населения откочевала за пределы области. Так, по 17-ти колхозам Усть-Канского аймака из 1188 хозяйств (по состоянию на 1932 г.) в 1934 г. осталось 992 хозяйства. Тогда как в этом же аймаке в колхозах, ранее перешедших на оседлость, имелся значительный прирост хозяйств [ГА СПД РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 726. Л. 24].

Серьезной ошибкой планирующих органов являлось игнорирование природно-климати-

ческих условий при определении территории посевных площадей. Так, комиссия крайкома выявила территории, где невозможно было заниматься земледелием. В итоге колхозы вынуждены были за счет дохода от животноводства приобретать зерно и покрывать обязательства по хлебосдаче. Кроме того, не были предусмотрены льготы для населения, стимулирующие и способствующие переходу на оседлость [ГА СПД РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 726. Л. 23].

Всё это отрицательно сказалось на материально-хозяйственном положении национальных колхозов. Несмотря на все трудности, местными советскими органами были приняты меры по исправлению допущенных ошибок в переводе кочевников на оседлость. Это несколько изменило настроение скотоводов, и многие из них стали закрепляться в местах оседания. За 1931–1934 гг. Горному Алтаю было субсидировано 1 млн. 45 тыс. руб., что дало возможность расширить жилищное и культурно-бытовое строительство. На месте бывлых кочевий организовывались поселки [Демидов, 1962. С. 73].

В результате реконструкции хозяйства 46% кочевников-алтайцев, объединившихся в колхозы, перешли к оседлости. К концу 1935 г. были достигнуты существенные результаты. К этому времени было осуществлено комплексное геоботаническое, почвенное, мелиоративное и дорожное обследование на площади 1686 тыс. га. Произведены съемка и корректировка местности на площади 1602 тыс. га.

За 4 года из 11258 хозяйств перешли на оседлость 7236. Возросла посевная площадь в основных кочевых районах. Значительно улучшилась техника ведения животноводческого хозяйства, что способствовало увеличению поголовья скота, его метизации и сохранению молодняка.

Проанализировав опыт перевода кочевого и полукочевого населения на оседлость в различных районах нашей страны, в том числе на территории Ойротской автономной области, Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР принял в 1935 г. специальное постановление «О дальнейших мероприятиях по хозяйственному устройству и культурно-бытовому обслуживанию оседлого, кочевого и полукочевого населения в национальных республиках и областях» [ГА СПД РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 74. Лл. 6–9]. Президиум постановил усилить меры содействия кочевым и полукочевым хозяйствам, переходящим на оседлость, и завер-

шить в основном коллективизацию и переход кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни к концу второй пятилетки.

Осуществляя реконструкцию народного хозяйства, население области получало материальную помощь от государства (кредитование, выдача ссуд, ассигнования на все основные мероприятия).

Наряду с созданием материальных условий для перехода кочевников к оседлости, проводилась работа по созданию культурно-бытовой инфраструктуры, что усиливало стремление кочевого населения к оседлому образу жизни. Рост строительства жилых домов, бань, школ, изб-читален, клубов требовал большого количества строительных материалов. Поэтому правительство приняло постановление о бесплатном отпуске леса для колхозов, переходящих на оседлость.

Выступая с речью на второй сессии Верховного Совета СССР первого созыва в 1938 г., депутат Ч.М. Кандараков озвучил следующие показатели развития области: «... Сейчас в Ойротской области 375 колхозов. Они объединяют свыше 90% всех крестьянских хозяйств. Колхозы имеют 45,5 тыс. лошадей, 73,5 тыс. голов КРС, 215,9 тыс. овец и коз, 5 тыс. голов свиней...» [Речь депутата, 1938. С. 1]. Если учесть, что в 1923 г. на всю область было только

6 колхозов, мелкое, раздробленное единоличное сельское хозяйство имело посевную площадь 19230 га, тракторов и сложных сельскохозяйственных машин в области не было совсем, конных молотилок было 60, сеялок только 3 [Красная Ойротия, 1936. С. 3].

В осуществлении плана по переводу алтайцев на оседлость большую роль играла помощь русского населения. Русские колхозы помогали в организации запашки полей в алтайских урочищах, делились инвентарем и т.д. [Красная Ойротия, 1932. С. 3].

Таким образом, под воздействием социально-политических и экономических мероприятий Советского государства усиливается тенденция к переходу кочевого и полукочевого населения на оседлость. В переходе на оседлость можно условно выделить периоды: от установления Советской власти до начала сплошной коллективизации (1922–1930); период сплошной коллективизации (1930–1932); от окончания коллективизации до победы социализма (1932–1936); период завершения оседания (1936–1940). Характерным является плановость перевода на оседлость во взаимосвязи с аграрными и культурными мероприятиями 20–30-х гг. На оседлость переходит в основном бедняцкая часть населения, в дальнейшем все остальные социально-имущественные группы.

Литература

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГА СПД РА). ГА СПД РА. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 726.

ГА СПД РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 437.

ГА СПД РА. Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 438.

ГА СПД РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 4.

ГАСПД РА. Ф. Р–61. Оп. 1. Д. 74.

ГА СПД РА. Ф. Р–61. Оп. 16. Д. 57.

Демидов В.А. Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской области. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1962. – 87 с.

Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1970. – 224 с.

Ивановский С. Продвижение земледелия в высокогорную зону Ойротии // Красная Ойротия. – 1937. – 10 мая. – С. 3.

Макошев А.П. К истории исследования кормовой базы и условий развития животноводства Горного Алтая // Учен. зап. ГАНИИЯЛ. – 1974. – Вып. 11. – С. 38–44.

На месте айла – колхозное селение // Красная Ойротия. – 1932. – 1 июня. – С. 3.

Ойротия в 1923 г. // Красная Ойротия. – 1936. – 6 июля. – С. 3.

Первый трактор в Ойротии // Ойротский край. 1925. – 7 сентября. – С. 3.

Перевод на оседлость проводят в слепую // Красная Ойротия. – 1934. – 30 ноября. – С. 2.

Речь депутата Кандаракова Ч.М. Вторая сессия Верховного Совета СССР первого созыва // Красная Ойротия. – 1938. – 28 августа. – С. 1.

Эдоков И.П. Коллективизация в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1987. – 244 с.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Л. Н. Арбачакова

Институт филологии СО РАН (Россия)

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ГОРНОЙ ШОРИИ

В данной статье рассматривается появление *кайчи* нового типа в современной эпической традиции шорцев. Сегодня, когда устное бытование эпоса находится на грани исчезновения, сказители восстанавливают сказания «по памяти» или по опубликованным текстам. Нам необходимо мотивировать и ценить этих людей, которые, не получив опыта передачи исполнительского искусства из уст в уста традиционно, все же пытаются эту традицию продолжать.

Ключевые слова: богатырское (героическое) сказание, угасание, современные сказители, сохранение.

L. N. Arbachakova

Institute of Philology of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

CONTEMPORARY EPIC TRADITION IN MOUNTAIN SHORIA

This article discusses the emergence of a new type of *kaichi* in the contemporary epic tradition of the Shors, when traditional narrative art is on the verge of extinction. The restoration of the epic «from memory» or from published heroic legends may contribute to the preservation of the language, but not the tradition of the narrating. We need to support contemporary storytellers by any means. It is necessary to motivate and appreciate these people who, having not received the experience of passing the performing arts from word of mouth traditionally, are still trying to continue this tradition.

Keywords: Shor heroic epic, dying away, contemporary storytellers, storage of epos

Богатырское (героическое) сказание *алыптыг ныбак* или *кай ныбак* – наиболее популярный и крупный жанр шорского фольклора, которое исполняется горловым пением в сопровождении игры на двухструнном музыкальном инструменте *кай-комус*. Исполнителя этого жанра называют *кайчи* (сказитель).

Современные сказители, одаренные искусством горлового пения и владеющие *кай-комусом*, были удостоены почетного звания *кайчи*: В.Е. Таннагашев (1934–2007), А.В. Рыжкин (1924–2003) и М.К. Каучаков (1934–2014). Исполнитель фольклорных произведений А.П. Напазаков (1937–2004) считал себя *ныбакчи*, так как исполнял *алыптыг ныбак* исключительно устным речитативом, активно используя жестикуляцию и мимику. Подобный вид исполнения фольклорист из Хакасии В.Е. Майногашева называет *чазаг* (букв. пеший) [Майногашева, 1988. С. 494].

В начале XX в. наблюдался расцвет шорского *кай*, особенно в тех местах, где «... фольклор был основной формой реализации культурной жизни...» [Чудояков, 1995. С. 9].

К сожалению, сегодня сказительская традиция устного бытования эпоса практически угаšla. Если раньше во многих шорских сёлах было по несколько *кайчи*, то сегодня в Горной Шории их нет. В 2007 г. трагически погиб носитель шорской эпической традиции В.Е. Таннагашев, относившийся к мрасской сказительской школе.

Факт угасания сказительства и в соседней Хакасии был отмечен В.Е. Майногашевой: «В наше время традиция устного бытования эпических повествований заметно затухает. Если 15–20 лет назад во многих хакасских селениях было по несколько хайджи (сказителей), то в настоящее время они встречаются редко» [Майногашева, 1988. С. 493].

Тувинская исследовательница С.М. Орус-оол отметила: «В то время (в 1970-е гг.) у нас была задача зафиксировать как можно больше фольклорных материалов, потому что эпическая традиция уже тогда находилась на стадии угасания, исчезновения» [Орус-оол, 2011. С. 77].

В наших аудиозаписях 32-х шорских героических сказаний (объемом от 1000 до 4000

стихотворных строк) от трёх современных *кайчи* (А.П. Напазакова, А.В. Рыжкина, В.Е. Таннагашева) прослеживаются очевидные признаки угасания эпической традиции, проявляющиеся «в несоблюдении канонов исполнения, обширном проникновении в эпический язык иноязычной лексики (в основном русизмов), снижении высокого стиля и героического пафоса, включении в содержание бытовых зарисовок» [Арбачакова, Кузьмина, 2014].

Однако, когда подлинное сказительское искусство шорцев находится на грани исчезновения, мы надеемся на появление *кайчи* нового типа. В 2010 году в селе Чувашка в конкурсной программе шорского праздника «Лучший *кайчи* Горной Шории» приняло участие несколько человек. Среди конкурсантов был член союза писателей России Г.В. Косточаков, который сказывал речитативом героическое сказание «Палазы чок Ак Кан» (Бездетный Ак Кан), записанное А.И. Чудояковым [Чудояков, 1995]. Сегодня подобные фестивали и конкурсы стали чаще проводиться: например, в 2018 году в Таштагольском районе (п. Шерегеш) был проведен I региональный фестиваль «Кайчи».

Молодой исполнитель *кай* Сергей Тенешев (1971 г.р.) является участником Международного Курултая сказителей (Горно-Алтайск), а также принимает участие во всех шорских праздниках. В 2018 году Сергей Тенешев во время Таштагольского районного праздника «Ольгудек» горловым пением исполнил зачин героического сказания «Алып Кан» (по его словам, он сам его придумал). С недавних пор свои силы в горловом пении и изучении стилей *кай* пробует А. Тудегешев (1975 г.р.). Однажды на национальном *пайраме* он исполнил общее место «Имянаречение Алып Кускуна». Интерес к жанру *кай* у него начался с изготовления *кай-комусов*, с 2014 г. он смастерил более 10 музыкальных инструментов.

Талантливая певица Ольга Таннагашева (известная под именем Чылтыс, лауреат, дипломант различных конкурсов и премий), племянница *кайчи* В.Е. Таннагашева, вспоминала, что в 2005 году она увидела сон, где «пела горлом» в высоких горах Шории. Чылтыс Таннагашева мечтает в будущем исполнять *алыптыг ныбак* из репертуара своего дяди.

В 2009 г. знаток родного фольклора Б.И. Токмашов (1934 г.р.) подготовил к публикации книгу с богатырским сказанием «Каан

Оолак» на шорском и русском языках [Токмашов, 2009]. По словам Б.И. Токмашова, с помощью своего друга детства он восстановил по памяти сказание «Каан Оолак», которое услышал в детстве от своего брата, сказителя кондомской сказительской школы В.И. Токмашова (1914–1973).

Желание Б.И. Токмашова «восстановить сказание брата» возникло после прочтения героических сказаний, опубликованных в книге «Шорский фольклор»: «...Необходимо было восстановить в памяти содержание хотя бы наиболее памятных сказаний. К счастью, был жив и здоров мой друг детства Л.П. Кызласов, с которым мы мальчишками ходили на сказания В.И. Токмашова, и который лучше меня запомнил содержание некоторых его сказаний» [Токмашов, 2009. С. 138–139].

В настоящее время, когда сказительская практика практически угасла, подобное восстановление эпоса «по памяти», возможно, будет способствовать сохранению языка, но не традиции сказывания.

Т. Бакчиев выделил особый тип манасчы, которые перенимают «технику сложения стихотворных строк эпоса и усваивают некоторые эпизоды из устных, письменных источников. Далее, объединяя это всё воедино, они создают свой вариант, который записывают сами» [Бакчиев, 2015]. Мы согласны с мнением Т. Бакчиева, считающего, что таких манасчы трудно причислить к сказителям, так как они не сказывают и не создают эпические произведения экспромтом, как это делают традиционные исполнители.

Эпическая традиция меняется и в других аспектах, т.е. привлекаются новые каналы передачи содержания эпоса, например, мультимедийные. Н.А. Оросина также отмечает появление в якутском олонхо еще одной формы эпического бытования: «...в таттинской локальной традиции существовали устная, письменная формы бытования и появляется новая – мультимедийная...» [Оросина, 2015. С. 17].

З.С. Казагачева в своей монографии отметила, что Алексей Калкин «...проводил четкую грань между собственным статусом *кайчи* и теми, кто осваивал сказительскую традицию, которая в наши дни обретает эстрадную форму» [Казагачева, 2002. С. 158].

Мы также считаем, что высокое звание *кайчи* могут получить исполнители, которые

умеют петь «горлом» под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента и имеющие в своем запасе несколько героических сказаний. Кроме этого, современным сказителям нужно иметь в виду, что многие сказители верили в хозяина горлового пения *кай ээзи*, а некоторые начали исполнять героические сказания только с их позволения. Об этом писал А.И. Чудояков, которому один из сказителей рассказал о его встрече во сне с *кай ээзи*, после чего он стал сказывать *алыптыг ныбак*. «Кай ээзи» сказал, что «Н.Д. Тортобаеву предстоит стать *кайчи*, попросил спеть» [Чудояков, 1995. С. 27].

Несомненно, что в прошлом сказители были уважаемы, авторитетны, их почитали, они навсегда заняли свое достойное место в истории развития древнего жанра *алыптыг ныбак*. Однако нам нужно любыми средствами поддержать сказителей нового времени. Необходимо мотивировать и ценить этих людей, которые, не получив опыта передачи исполнительского искусства из уст в уста традиционно, все же пытаются эту традицию продолжать. Поэтому должны быть выработаны критерии, по которым можно оценивать сказительское мастерство современных исполнителей, вплоть до «присуждения» им титула народного сказителя-*кайчи*.

Литература

Арбачакова Л.Н., Кузьмина Е.Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – Новосибирск. 2014. – С. 68–72.

Бакчиев Т.А. Кыргызские эпические сказители. – Бишкек: «Принт-Экспресс», 2015. – 256 с.

Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. – 352 с.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очы-Бала», Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск, 2002. – 352 с.

Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / Зап. и подгот. текста, статья, перевод и

коммент. В.Е. Майногашевой. – М: Наука, 1988. – С. 490–534.

Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. дис. канд. филол. наук. – Якутск, 2015. – 23 с.

Орус-оол С.М. Избранные научные труды. – Абакан: ООО «Журналист», 2011. – 296 с.

Токмашов Б.И. Кан Оолак. Богатырское сказание на шорском языке с переводом на русский язык. – Новокузнецк: «Новокузнецкий полиграфкомбинат», 2009. 148 с.

Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. – Кемерово: кн. изд-во, 1995. – 221 с.

Т.А. Бакчиев

*Сектор терминологии при Президиуме
Национальной Академии наук Кыргызской Республики
(Кыргызская Республика)*

ЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ЭПОСА

Цель данной статьи – рассмотреть новые пути и возможности исследования народного эпоса. Для того, чтобы выйти на новый уровень исследования эпоса, автор предлагает изучить вопрос взаимодействия энергоинформационного поля эпоса с окружающим миром. Этим самым выявить роль эпоса в жизни общества в современных условиях.

Ключевые слова: энергоинформационное поле, эпос, сказитель, сказительство, традиционная культура, народ.

Т.А. Bakchiev

*Terminology section of the Presidium of National Academy
of Science of Kyrgyz Republic (Kyrgyz Republic)*

ENERGY-INFORMATIONAL FIELD OF THE EPOS

The purpose of this article is to consider new ways and possibilities of studying folk epos. In order to reach a new level of epos research, the author suggests studying the interaction of the energy-informational field of the epos with the surrounding world. Thus, the role of the epos in the life of society in modern conditions is revealed.

Keywords: energy-informational field, epic, storyteller, storytelling, traditional culture, people

По сравнению со многими народами Евразии народы Центральной Азии и Сибири сумели сохранить до сегодняшнего дня стержень сказительского искусства. Конечно, это не то, что было семьдесят или сто лет тому назад, да и время изменилось, изменилось сознание и мировоззрение народов. Но те, кто сегодня сказывает эпос своего народа, успели перенять это духовное наследие от своих учителей, классических сказителей. Возможно, у некоторых народов оно не осуществлялось традиционным путём, возможно, сегодняшние сказители или исполнители эпосов не успели воочию увидеть и живую услышать сказание настоящих творителей эпосов, но всё же связь не прервалась. И это уже даёт нам многое.

И теперь мы должны попытаться сохранить то, что имеем. Ведь народы Центральной Азии, Сибири и сегодня обладают огромным арсеналом сказительской традиции, и это следует признать, следует признать и следующее, что в её сохранении немаловажную роль может сыграть наука.

Сегодня в нашем распоряжении находятся *три важных источника взгляда на жизнь – мировые духовные практики (религии), традиционные культуры народов мира и современная наука*. Необходимо отметить, что все эти три мировоззренческие системы сегодня находятся не в самом лучшем состоянии. Некоторые мировые религии испытывают дискредитацию, современная наука не может избавиться от абсолютного материализма, а традиционная культура задавлена клеймом архаизма, национализма и идеализма.

Поэтому все происходящее сегодня в мире требует глубокого осмысления человечеством своей жизнедеятельности. Оно должно стать очень явным и действенным, поскольку динамичность развития событий в мире не оставляет сомнений – подводится важный итог и идёт подготовка человечества к совершенно новому режиму жизнедеятельности. И сегодня важно было бы обратить особое внимание на некоторые базовые моменты.

Это способы выживания, которые могут быть сокрыты в традиционной культуре народов мира. Традиционная культура – это есть генетически закреплённые механизмы энергоинформационного и физического выживания человека, которые практически не дают сбой. В этом смысле современное осмысление

традиционной культуры народов мира является важным аспектом реализации новых возможностей развития человеческого общества. Процесс такой переоценки своей культуры начался во многих странах мира. Мы уверены, что традиционная культура сыграет значительную роль в самосохранении и саморазвитии человечества.

Традиционное видение мира основано на приоритете духовной природы человека. Она таит в себе множество естественных способов пробуждения и развития высших уровней сознания человека. Иными словами, в традиционной культуре мы можем найти массу способов поддержания постоянной физической, ментальной и энергетической связи с природой, Вселенной, а также поддержания психического и морально-нравственного здоровья на уровне личности и общества. Традиционная культура также является носителем устойчивых и эффективных моделей коллективной самоорганизации и управления, обеспечения, образования, здравоохранения. Многие элементы этих моделей могут быть успешно применены и в современных условиях.

Феномен традиционной культуры заключается в том, что культура – это многоуровневая система. Каждый уровень раскрывается нам соразмерно времени и необходимости. И, самое главное, традиционная культура, как носитель духовного мировоззрения и образа жизни, очень близка глубинной ментальности человека той или иной этнической принадлежности и пока ещё не извращена эгоистическими интересами отдельных групп и слоёв общества. Именно поэтому традиционная культура сегодня заслуживает особого внимания.

Важным моментом в совокупном осмыслении своей культуры для любого народа также является сравнительное осмысление культур других народов. Именно межкультурные связи способны выявить общие закономерности и потребности развития человечества.

Национальное сознание всегда зависит от унаследованных прежних духовных творений, культурных ценностей, традиций. Народ использует идейный материал прошлого как основу при осмыслении жизненной обстановки, привлекая его в поддержку своих идейных позиций. Рассматривая духовное развитие народа, необходимо учитывать своеобразие и особенность феномена народного эпоса, который является не только энциклопедией

повседневности, но и хранителем традиций, системы норм частной и общественной жизни [Кыргызская матрица, 2012. С. 11–14].

Учитывая своеобразие феномена народного эпоса, следует учитывать и особенность сказителя, как творителя эпоса. Ведь сказитель – это ещё хранитель и исполнитель эпоса, активный участник в пропаганде и распространении идей эпоса, основной из которых является единство народа. Сказитель участвует в воспитании патриотических чувств и национального духа общества. Сказитель способствует сохранению этноса, его традиционной культуры и национального языка. Сказитель – хранитель народных знаний [Бакчиев, 2015. С. 7].

В этой связи о роли сказителей очень справедливо отметила В.Е. Майногашева: «Пора и нам говорить об очень большой роли сказителей в жизни на протяжении тысячелетий, прежде всего, в деле сохранения знаний о прошлой истории народа, в создании искусства сказа о подвигах, первоначально реальных родоплеменных, воинов-богатырей. Когда-то, первоначально, сказители исходили от истории реальных людей (но процесс бытования алыпных ныхаха эти реалии подвергались переработке в развитии сюжета) в воспитании потомства в традициях патриотизма, любви к роду, племени, этносу и своей земле, стране, в передаче морально-нравственных устоев общества» [Майногашева, 2010. С. 15].

Отметим, что сказительское искусство, это, прежде всего, духовное явление, а сам процесс исполнения эпоса – это духовное переживание. И современная наука порою видит в этой практике патологическое явление. Как отмечает С. Гроф: «Антропологи, проводящие полевые исследования незападных культур, десятилетиями сообщали о различных феноменах, для которых в традиционных концептуальных структурах находились только поверхностные и неубедительные объяснения. Хотя многие экстраординарные общекультурные наблюдения были неоднократно описаны в обстоятельных статьях, их чаще всего не принимали во внимание или интерпретировали в терминах примитивных верований, предрассудков, индивидуальной или групповой психопатологии. Можно в этой связи упомянуть шаманскую практику, состояние транса, огнехождение, первобытные ритуалы, духовные практики целительства или развитие различных паранор-

мальных способностей у индивидов и у целых социальных групп» [Гроф, 2002. С. 45].

Поэтому пришло время всем нам осознать важность проблемы и предпринять некоторые шаги по её всестороннему изучению. Мы не можем сказать, что ждёт сказительство, скажем, через пятьдесят или сто лет. Конечно, будем надеяться на то, что коренные народы Центральной Азии и Сибири смогут сохранить это духовное явление. И все же всему своё время, мы должны постараться сделать то, что возможно осуществить сегодня. И на наш взгляд, уже настало время изучения энергоинформационного поля эпоса, исполняемого сказителями в живой форме. Исследование энергоинформационных полей эпосов во время их исполнения является очень важным моментом. Каждый эпос имеет своё энергоинформационное поле, присущее лишь ему. Ведь энергетика – это состояние всего того, что окружает нас. Не каждый и не всегда сможет ощутить существование этой энергетики. Но народы, имеющие эпос, без всяких результатов научных экспериментов и исследований прекрасно понимали, что эпос обладает энергоинформационным полем, также они знали, что эпос обладает определённой энергетикой, которая влияет на окружающий мир. К тому существуют множество случаев и фактов о воздействии эпоса на окружающий мир и человека, которые в своё время были зафиксированы из уст очевидцев и самих сказителей.

Д.С. Верицагин, который в 80-ые годы прошлого столетия руководил государственным проектом «Дальнейшего энергоинформационного развития» (ДЭИР) – «Дружба» и «Пастырь», в своей книге «Освобождение» пишет: «Именно энергоинформационное поле управляет всеми биологическими процессами. Именно оно, в конечном счёте, является носителем сознания и души человека. Энергоинформационное поле организует и направляет жизнь и существование материи, поскольку оно, как мы уже говорили, является первоосновой жизни... Но самое интересное, что при помощи того же самого энергоинформационного поля человеческое сознание может воздействовать на окружающий мир!» [Верицагин, 2019. <https://eksmo.ru/book/osvobozhdenie-eta-kniga-sdelaet-tebya-neuyazvimym-dlya-bolezney-i-neudach-ITD63739>].

Исследование энергоинформационного поля эпоса является важной задачей, которая ждёт своего часа. С помощью определения воздействия энергоинформационного поля эпоса на окружающий мир и человека мы смогли бы определить и оценить истинную роль народного эпоса в жизни общества и в целом человечества. Как отмечает Д.С. Верицагин: «Наука уже давно научилась не только фиксировать силу воздействия энергоинформационного поля, но и получать его видимое изображение. Чаще всего поле человека фиксируется с помощью фотографии. Этот метод носит название Кирлиан-эффект по имени российского исследователя, впервые получившего фотографическое изображение того, что называется аурой, или энергетической оболочкой человеческого тела. В основе этого метода лежит способность любого живого объекта светиться, будучи помещённым в электромагнитное поле. Мы давно научились не только фотографировать таким образом ауру, но и диагностировать по её форме, размеру и цвету состояние здоровья человека. Итак, научные доказательства существования энергоинформационного поля получены» [Веридцагин, 2019. <https://eksmo.ru/book/osvobozhdenie-eta-kniga-sdelaet-tebya-neuyazvimym-dlya-bolezney-i-neudach-ITD63739>].

В нашем случае особый интерес представляет взаимодействие энергоинформационного поля эпоса с окружающим миром и человеком. Также нас интересует вопрос, можно ли осуществить это взаимодействие сознательно? И в этом важную роль должен сыграть сказитель, как творитель, носитель и хранитель эпоса. Следует отметить, что появление данного вопроса обусловлено потребностями настоящего времени. Мы все прекрасно понимаем, что в сохранении коренных народов Центральной Азии и Сибири особую роль сыграла традиционная культура, в том числе и эпос, как её неотъемлемая часть. Поэтому в целях дальнейшего существования и выживания этих народов очень важно изучить вопрос влияния энергоинформационного поля эпоса на окружающий мир и человека. Кроме того, изучая данный вопрос и анализируя результаты исследования, мы смогли бы определить новый уровень эпоса и его сказителя, который в будущем можно будет применять в интересах выживания всего человечества. И когда мы говорим об изменениях образа жизни и сознании современного общества, мы смогли бы трансформировать роль эпоса и роль сказителя в иную, более современную совершенную форму.

Литература

Бакчиев Т.А. Кыргызские эпические сказители. – Бишкек: «Принт-Экспресс», 2015. – 256 с.

Веридцагин Д.С. <https://eksmo.ru/book/osvobozhdenie-eta-kniga-sdelaet-tebya-neuyazvimym-dlya-bolezney-i-neudach-ITD63739>.

Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 504 с.

Кыргызская матрица. Механизмы духовного самосохранения и развития. Ч. 1. / Коллектив авторов:

Талантаалы Бакчиев, Саветбек Абдрасулов, Индира Раимбердиева, Султан Сарыгулов. – Бишкек, 2012. – 200 с.

Майногашева В.Е. Сказительство и великий хакасский хайджи-нымахчи Петр Васильевич Курбижеков (к 100-летию со дня рождения) // Личность сказителя в истории культуры народа. Материалы респ. науч. конф. 22–24 сентября 2010 г. – Абакан, 2010. – С. 10–20.

А. А. Борисов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАКАССКИЙ И ЯКУТСКИЙ УЛУС ПО ДАННЫМ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Статья посвящена новой интерпретации ключевого понятия традиционного властного института кочевнических народов улуса на материалах героического эпоса хакасов и якутов. Вопрос рассматривается в контексте современной трактовки данного понятия как особым образом организованного кочевого народа. Анализируется влияние исторической среды XVII–XIX вв. на трансформацию значения улуса.

Ключевые слова: улус, категория, изменение, хакасы, якуты, героический эпос, перевод.

А. А. Borisov

Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, SB RAS (Russia)

HISTORICAL KHAKAS AND YAKUTSK ULUS ON MATERIALS OF THE HEROIC EPIC

The article is devoted to a new interpretation of the key concept of the ulus - the traditional power institute of nomadic peoples based on the materials of the heroic epos of the Khakass and Yakuts. The issue is considered in the context of the modern interpretation of this concept as a specially organized nomadic people. The article discusses the influence of the historical environment of the 17th-19th centuries which led to a transformation of the meaning of ulus.

Keywords: ulus, category, change, Khakas, Yakuts, heroic epic, translation.

Проблема политической организации кочевых народов всегда вызывала повышенный интерес у исследователей. Она решалась преимущественно в контексте считать таковую, стоящей на уровне родо-племенных отношений или в некоторых случаях достигающей государственности. Фольклористы, изучавшие хакаские сказания *алыптых ныхмах* и якутский эпос *олонхо*, также в большинстве своем оперировали категориями родо-племенного общества (догосударственного), стоявшего на стадии перехода к классовому [Катанов, 1963; Унгвицкая, Майногашева, 1972; Эргис, 1974; Емельянов, 1983].

Л. Билегт, изучая монгольский *обог*, тем не менее заключает: «общеисторические понятия *род* и *племя* не соответствуют термину *обог*. На наш взгляд, слова *род* и *племя* могут быть использованы только как тривиальные (общепринятые) названия» [Билегт, 2005. С. 96].

В последние годы заметное место в номадологии, в том числе в отечественной, заняла концепция тождества, разработанная за рубежом.

Нам представляется, что кочевничество в силу природных и историко-культурных причин имеет альтернативный путь разви-

тия. Здесь большое место занимает «улус». Е.И. Кычанов также против применения термина «племя» и пишет: «Улус в силу условий кочевого быта был подвижен, но всегда в каждый момент имел свой нунтук (территорию)». Люди со скотом и имуществом были важнее земли. Уход и потеря людей превращала улус просто в *иркен* – людей. Со ссылкой на китайского ученого Намуюня, который выделял понятие «собирать народ» для формирования улуса, Е.И. Кычанов считает его союзом, объединенным политическими целями, «особым образом организованным народом». Во главе улуса стоял избранный Небом хан, живший в *орде* – ставке, окруженный своим родом, нойонами и нукерами («кэшик») – гвардией [Кычанов, 2010. С. 215–216]. В.В. Трепавлов пишет об особенностях изображения улуса в якутском эпосе как кануна государственности [Трепавлов, 2000. С. 24–56].

В современном якутском языке «улус» сохраняет значение административно-территориальной единицы. Хакасы ныне понимают под этим термином «народ». Представляется, что в историческом прошлом у этих народов, как, впрочем, и у других тюрко-монгольских кочевнических народов, семантика этого слова была

едина. В данной статье речь пойдет о реконструкции сложного социально-политического института «улус» по данным эпоса.

В хакасской историографии издавна утвердилось мнение, что в позднее средневековье в Южной Сибири предки хакасов создали четыре улуса. В Минусинской котловине, в центральной части Хакасии, ведущую роль играли четыре хакасских улуса: Алтысарский с центром на р. Белый Июс, Алтырский (Алатырский) с центром на р. Ниня, Тубинский с центром на р. Туба, Езерский (Исарский) в районе между современными г. Красноярском и г. Абаканом [Шастина, 1949. С. 383–395; Кызласов, 2003]. Они властвовали над кетами (аринцами, асанами, котами, яринцами и байкотовцами) и самодийцами (кашинцами, камасинцами, карагасами, моторами, саянцами). Среди хакасской элиты при избрании улусных правителей на собраниях князей ведущую роль играла Алтысарская династия. Будучи сами кыштымами джунгарских ханов, в свою очередь, они взимали албан (дань) пушниной, серебром, скотом, зерном со своих кыштымов вышеупомянутого зависимого населения.

Одновременно якутоведы полагали, что начиная с 1720-х гг. в Центральной Якутии 35 якутских ясачных волостей, где шел процесс сложения патриархально-феодалных отношений, объединились в пять улусов [Башарин, 2003; Сафронов, 1987]. Ф.Ф. Васильев в свое время рассуждал о феодализировавшемся раннеякутском улусе ко времени прихода русских [Васильев, 1994]. Мы не так давно предложили новую интерпретацию полифункциональной категории кочевого социума «улуса» [Борисов, 2016. Р. 123–134]. В современной историографии больше пишут о системе хакасских сеюков [Бутанаев, 2000; Чертыков, 2007; Самрина, 2015].

Обратимся к данным фольклора, материалам эпических сказаний [Нюргун Боотур Стремительный, 1975; Алтын-Арыг, 1988]. В центре повествования в хакасском и якутском эпосах главный герой, наделенный властью (богатырь, дева-богатырка, хан). Его предназначение – защитить свою землю, народ, который ассоциируется с солнечным улусом, родственным небожителям, небесным айбы (по-якутски). Он/она живет в своем чурте (ставка, что соответствует якутскому сурт). По-видимому, гибель чурта приводит к разрушению всего улуса.

Окружающие их люди живут в аалах (селениях). Они как бы создают фон, показывают населенность земли. Значение имеет чурт, с утратой его теряет смысл бытие. Это сердцевина, средоточие сообщества, политический центр.

До начала завязки сюжета главная героиня сказания «Ай-Хуучин», богатырка Хыс-Хан, вместе со своим братом Хан-Миргеном «выпасного скота не считают, над многочисленным народом [«аргал чонга»].. власти-суда не вершат». Поэтому речь идет только о «народе-люде». Как только начинают развиваться основные события, речь идет уже об улусе – владении.

В «Ай-Хуучин» могучая Хыс-Хан, стоя перед своим дворцом, воскликнула:

*«Арыг сіліг чоным,
Ах иб алнына чыылыңар!
Азагы чох кізі халар,
Харагы чох кізі килбезін!
Улус, аймах чоным,
Олган-узахнаң чыылыңар!»*

[Хакасский, 1997. С. 84]

В переводе эта фраза звучит так:

«Прекрасный народ мой,
К передней стороне белого дворца соберись!
Безногие пусть останутся,
Незрячие пусть не приходят!
Народ, мой разный народ,
Собирайся вместе с детьми!» [Хакасский, 1997. С. 85].

В другом фрагменте сказания так повествуется:

*«Пура тартып, ир күлүгі
Палбыда пастыртып асхан,
Улуг аалны аралы
Улус-чонын тобырган
Сын пөзігі Ханым сынга...»* [Хакасский, 1997. С. 94]

«...Храбрый из мужей, коня повернув,
Стремительной поступью поехал,
По большому аалу
Мимо люда-народа проехал,
На высочайший хребет Ханым-сын...» [Хакасский, 1997. С. 95]

Здесь, по-видимому, не совсем точный перевод на русский язык. В первом случае напрашивается такой перевод:

«Улус [народ, улусные люди] мой, дальний народ мой,
Собирайся вместе с детьми!»

Во втором случае, как нам представляется, больше соответствует контексту следующий перевод:

«По большому *аалу*

Мимо своих улусных людей проехал...»

Обратимся теперь к якутскому материалу. В олонхо «Модун Эр Соѳотох» стерх, небесный посланник, предсказывая будущее богатыря, пророчил:

«*Арѳаһыттан*

тэһиннээх

Айыы хааным

аймабын

Араначчылыа

диэхтиибин,

көхсүтүттэн

тэһиннээх

Күн хаан улууһун

Көмүскүөбэ

буолуоба» [Модун Эр Соѳотох, 2020].

В общепринятом переводе звучит так:

«великое племя

айыы

с поводьями за

плечами

он оградит,

почтенные улусы

[племен] айыы

с поводьями за

спиной

наверняка

защитит».

По-видимому, 3–4-я строки более соответствуют выражению «родственную айыы по крови родню», а 9-я строка – «улус Солнечного хана».

В другом олонхо «Нюргун Боотур Стремительном» божественная чета Үрүн Аар тойона и Адьына Сиэр хотун позиционируется как имеющая солнечный улус, от которого размножились отборные улусы [Нюргун Боотур, 1975. С. 4].

Фраза о 35 племенах («биис устар») Срединного мира, которые назывались разными улусами, отражает историческую реальность – разделение якутов XVII–XVIII вв. на

35 «ясачных волостей» и которые затем объединились в улусы. Главная мысль – улусы есть принадлежащие к *айыы аймага*, т.е. к нашим, и чужие, не наши. Хотя имя Эр Соѳотох буквально означает Одинокый Муж, на самом деле он окружен улусными людьми и владеет скотом. За услугу, оказанную Хараххан-тойону (он победил чертоподобного Буура Дохсун), он получил в жены его младшую дочь и сто человек [Уваровский, 2003. С. 131].

Вот так описывается хакасский улус в «Ай-Хуучин»:

«У подножья [хребта] Ханым-сын

Очень много скота ходит.

Доброму выпасному скоту,

Похоже, пастись травы не хватает,

На берегу [реки] Ханым-галай

Богатый *чурт* – народ живет,

Прекрасноглазому народу

В чурте жить тесно.

Посреди богатого *аала*

Дворец хана-правителя стоит» [Хакасский, 1997. С. 115].

В якутских олонхо также описывается богатство главных героев в виде скота, просторного дома, слуг. Как вместилище жилья героя выступает алаас, который ассоциируется с родными местами. На этот микромир совершают нападения враги (*адьарай, абаасы*) – враждебные силы.

На историю Хакасии и Якутии большое влияние оказали события, связанные с преобразованиями, произошедшими в XVIII – первой половине XIX вв. Установилась областная система управления (после 1775 г.), аграрные реформы в конце XVIII в. и в следующем столетии коренным образом изменили быт и хозяйство обоих народов. Это выразилось в деформации изначального значения улуса как политической организации. Административные улусы якутов XVIII в. заместили раннеякутский улус, а значит древние представления, отразившиеся в эпосе. В хакасской культуре сузилось значение этой важнейшей категории. Названные тенденции нашли отражение в эпосе.

Литература

Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / Запись и подгот. текста, перевод и коммент. В.Е. Майногашевой. – М.: Наука, 1988. – 592 с.

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. Т. I. – М.: Арт-Флекс, 2003. – 448 с.

Билегт Л. К вопросу о племенной организации общества монголов X–XII вв. // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

Борисов А.А. Улус как универсальная форма политической и общественной самоорганизации

тюркских и монгольских народов // Eurasian nomadic pastoralism: history, culture, environment. CNEAS Reports 22. Sendai, 2016. pp.123–134.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.В. Катанова, 2000.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск, 1994.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. – М.: Наука, 1983. – 246 с.

Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). – Абакан, 1970.

Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор. – Абакан: Хагкнигоиздат, 1963. – 163 с.

Кызласов Л.Р. Государства Южной Сибири в XVI–XVIII вв. URL: http://www.khakasia.ucoz.ru/blog/gosudarstva_juzhnoj_sibiri_v_xvi_xviii_vv/2014-07-28-34; <http://www.e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/10/13.html> (дата обращения: 21.09.2018 г.).

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до манчжуров). 2-е изд. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2010.

Модун Эр Соботох // Саха тыла. URL: <http://www.wiki.sakhatyly.ru> (дата обращения: 27.06.2020 г.).

Нюргун Боотур Стремительный / Воссоздал на основе народных сказаний Ойунский П.А. / Пер. на рус. яз. В.М. Державина. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 410 с.

Самрина Е.В. Хакасско-Минусинский край в XVII–XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов). – Махачкала, 2015. – 246 с.

Сафронов Ф.Г. Якуты. Мирское управление в XVII – нач. XX в. – Якутск, 1987.

Трепавлов В.В. Канун государственности в олонхо (взгляд историка на якутский героический эпос) // Олонхо – духовное наследие народа саха. – Якутск, 2000. – С. 24–56.

Уваровский А.Я. Ахтыылар. – Якутск: Бичик, 2003. – 208 с. (на якут. яз.)

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: Краснояр. кн. изд-во, 1972. – 310 с.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука, 1997. – 479 с.

Чертыков В.К. Хакасия в XVII – нач. XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. – 334 с.

Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии // Советское востоковедение. VI. – М., 1949. – С. 383–395.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

М.С. Дедина

*Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова,
Горно-Алтайский государственный университет (Россия)*

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧАЛЧИКА ЧУНИЖЕКОВА

В статье анализируется творчество известного алтайского писателя Ч.А. Чунижекова. В основе его мировоззрения – идеалы соцреализма, методы и приемы которого стали основополагающими в авторском художественном мире, выстраивая как форму, так и содержание его произведений. Материалом для изучения стали лирические произведения писателя, в которых ярчайшим образом представлено мировосприятие писателя, в центре которого образ человека, представителя нового времени.

Ключевые слова: Горный Алтай, Чалчик Чунижеков, алтайская литература, соцреализм, лирика, поэма.

M.S. Dedina

*S.S. Surazakov Research Institute of Altaistics,
Gorno-Altai State University (Russia)*

THE PRINCIPLES OF SOCIALIST REALISM AS WORLDVIEW ATTITUDES IN CHALCHIK CHUNIZHEKOV'S WORKS

The article analyzes the work of the famous Altai writer Ch.A. Chunizhekov. The basis of his worldview is the ideals of socialist realism, the methods and techniques of which have become fundamental in the author's art world, building both the form and content of his works. The material for study was the lyric works of the writer, in which the worldview of the writer is most strikingly presented, in the center of which is the image of a person, a representative of modern times.

Keywords: Altai Mountains, Chalchik Chunizhekov, Altai literature, socialist realism, lyrics, poem.

Одним из ярчайших представителей соцреалистической литературы в Горном Алтае стал Ч. Чунижеков, чье творчество до последнего времени считалось не очень современным, хотя его место в истории алтайской литературы никогда не оспаривалось. О жизни и творчестве Ч. Чунижекова писали С. Каташ (1958, 1969, 1971), Р. Палкина (1988) и Н. Киндикова (2008). Первые исследовательские заметки, касающиеся произведений Ч. Чунижекова, опубликованы в конце 50-х гг. XX в. Н. Киндикова отмечает, что писатель своим творчеством становится неким связующим звеном между двумя поколениями алтайских писателей: начало его писательской деятельности приходится на 30–40 гг. XX в., а его лучшие произведения были изданы уже в 50–60 гг. XX в., в период становления и развития современной алтайской литературной традиции.

Чалчик Анчинович Чунижеков (1898–1973) – известный алтайский журналист, писатель, общественный деятель, член Союза писателей РСФСР с 1958 г. «Его творческий путь, – писал С. Каташ, – начался в 20-х гг., когда партия и правительство развертывали огромную работу по подъему культуры ранее отсталых народов» [Каташ, 1971. С. 27]. Творческое мастерство писателя закладывалось на основе устного народного творчества и под огромным влиянием соцреалистических идеалов, присутствовавших в современном ему обществе. Середина 20-х гг. XX в. – период творческого старта не только для Ч. Чунижекова, но и для всей молодой алтайской литературы. В. Чичинов справедливо отмечал, что национальная алтайская литература тогда только создавалась, и устоявшихся литературных традиций еще не было. Безусловно, писатели обращались к богатейшему фольклору и героическому эпосу, но, по мнению исследователя, этого для создания добротной реалистической литературы было явно недостаточно. «Задача первых алтайских литераторов – а они, как правило, были не профессионалами – состояла в том, чтобы оттолкнуться от устного народного творчества и найти свой, присущий только им реалистический путь в творчестве» [Чичинов, 1978. С. 5]. Таким образом, творчество Ч. Чунижекова отвечало всем требованиям времени, встать на путь реализма – это был социальный заказ, на который писатель не мог не откликнуться.

В творчестве Ч. Чунижекова обнаруживаем все родовые идейные установки социалисти-

ческого реализма, как известно, проявленные в идеализации будущего как торжества свободы, равенства и братства, как итога исторического процесса, главным действующим лицом которого становится человек. В идейном плане Н. Шалагинов выделяет ряд характерных для социалистического реализма признаков: борьба различных общественных групп с разной позицией по отношению к революционному преобразованию действительности, движение истории к социальному идеалу, выделение человека как движущей силы истории, который мыслится как часть коллектива, и отношение автора к изображаемой действительности, всегда принимающий сторону революции [Шалагинов, 2006. С. 11]

В соцреалистической литературе присутствует несколько уровней авторского самовыражения, одним из которых, безусловно, является внешняя форма произведения, в которую входят жанровые особенности, архитекtonика, языковые средства выразительности. Творческий путь писатель начал с литературной обработки алтайских народных сказок, которые под его именем были опубликованы в 1941 и 1945 гг. на алтайском языке, в 1975 г. – в переводе на русском. Влияние фольклорных мотивов, а также стилистических и языковых особенностей будет присутствовать во всех произведениях писателя. «Молодой поэт в своем творчестве исходил из фольклора, но он никогда не был просто стихийным выразителем фольклорности: привычные с детства формы он наполнял новым содержанием; в своих стихах, очерках, корреспонденциях, поэмах, а позднее и прозе писатель стремился передать образ нового человека, хозяина своей судьбы, образ того, что внесено в жизнь Октябрем, революционными переменами» [Чичинов, 1978. С. 5].

В его поэтическое наследие входит около полутора десятков стихотворений и две поэмы. Лирика Ч. Чунижекова хорошо переведена на русский язык, поэтому его имя, наряду с именами других алтайских писателей того периода, было известно широкому кругу читателей. Его стихотворения переводили такие именитые переводчики, как К. Козлов, Г. Кондаков, И. Фролов, Е. Стюарт и т. д.

Сборник стихотворений поэта «Менин сөзим» («Мое слово», 1953) является наиболее полным. В него вошли его избранные стихотворения и поэма «Тууји» («Поэма»). Сборник открывает стихотворение «Кремльдын чол-

моны» («Кремлевская звезда»), посвященное прославлению советской власти и подчеркивающее роль Москвы для жизни малых народов в СССР. В стихотворении повествование идет от первого лица, при этом лирический герой становится воплощением своего народа и своего поколения.

Звезда на башне Кремля воплощает собой путеводную звезду, указывающую путь, а такие метафоры, как солнечный свет и тепло, поддерживают уверенность лирического героя в наступлении благодатного времени. Писатель обращается к традиционному для алтайской литературы 20–30 гг. XX в. образу-символу зари как знака нового времени. После темноты ночи наступление утра символизирует начало другого исторического витка: народы, находившиеся в «темноте», «просыпаются» и идут навстречу новому дню. Кремлевская звезда, как и восход солнца, показывает полюбившим свободу народам путь к счастливому будущему. При этом прошлое представлено поэтом как «жеткерлү карануй» («опасная темнота»).

В стихотворении наряду с традиционной мифологической и фольклорной семантикой присутствуют и характерные песенные формулы, к примеру, образный параллелизм:

*Куркун канатту күүле куштар
Жалкын кептү учуп жүргилейт.
Ак-чек санаалу улустар
Кремль жаар, сүүнип, көргилейт.*

Голуби-птицы с крепкими крыльями
Летают словно молнии.
Люди с чистыми помыслами
Смотрят с радостью в сторону Кремля
[Чунижеков, 1953. С. 74; пер. наш].

Если в первых двух строках дается образ голубя, как символа свободы и мира, то в следующих, как и в традиционной народной песне, даются по аналогии образы людей. Голубь в данном контексте показан в динамике движения, а его полет, подчеркнутый автором через несколько деталей, таких как куркун канаттар (сильные крылья), жалкын кептү учуп (словно молния полет), передают стремительность происходящих событий. В следующих двух строках выражены социальные процессы, происходящие в обществе: люди с надеждой и радостью взирают в сторону Кремля. Москва становится в данном контексте средоточием и залогом того нового, с чем связаны воля и

надежды людей на счастливую и свободную жизнь. Стихотворение завершает образ чистого неба со свободным полетом голубей. Освещенный кремлевской звездой народ находит верный путь к счастью.

Кроме традиционных образно-метафорических сравнений в стихотворении присутствует образ слова, ставшего залогом верности партии и ознаменовавшего свободу выбора каждой личности. В целом, стихотворение «Кремльдын чолмоны» наполнено позитивной тональностью, красочностью и отличается яркостью образов.

Особое место в лирике Ч. Чунижекова занимают стихотворения, где в центре находятся образы «новых» людей, преданных своему делу. К примеру, в стихотворении «Аткыр» изображена сцена единоборства человека и медведя, социального и стихийной силы природы. Писатель рисует темную картину ночи, когда разбушевалась непогода, льет сильный дождь, но Аткыр, молодой табунщик, находится на страже с ружьем в руке – он готов к схватке с опасным хищником.

Интересно то, что часто Ч. Чунижеков своему лирическому герою дает значимое имя, что, безусловно, отсылает нас к фольклорному истоку его художественного мышления. К примеру, в стихотворении «Аткыр» герой убивает медведя из ружья, в то время как имя лирического героя в переводе с алтайского означает «меткий», а в стихотворении «Эртечи» главная героиня повествования начинает свой рабочий день еще до рассвета.

Кроме конкретных образов людей, имеющих значимое имя, у Ч. Чунижекова в стихотворениях присутствует и обобщенный образ советского человека. К подобным можно отнести такие стихотворения, как «Агитатор», «Тракторист», «Эне» («Мать») и др. К примеру, в стихотворении «Агитатор» писатель изобразил образ человека, который стал символом советской эпохи. Как известно, колхозные собрания, которые часто проводились в селах, часто открывались агитационными лекциями политически грамотных, активных личностей, основной функцией которых была агитационная деятельность и ликвидация политической безграмотности населения. Агитатор Ч. Чунижекова со своей пропагандистской речью приходит, по контексту стихотворения, в дом к своему односельчанину. Здесь собралась соседка для того,

чтобы послушать последние новости, происходящие в мире и стране. Такие детали, как светлый дом, приветливые лица, символизируют свободу и добровольное участие в этой беседе. Особенно четко писатель изображает своего героя – агитатора. Во-первых, он ему вновь дает значимое имя – Жайымов Жанар, т. е. его образ становится символом свободы слова. Во-вторых, важность его миссии писателем передана через детали, описывающие его поведение. Для агитатора эта встреча становится волнительной, это мы чувствуем в следующих строках:

*Кара жаактары кызарган
Агитатор ичкери басты.
Айландыра эттү отурган,
Ончо улусты абыктады.*

С покрасневшими черными щеками
Агитатор шагнул вперед.
Сидящих удобно вокруг
Всех людей оглядел
[Чунижеков, 1953. С. 9; пер. наш].

В изображении своего героя писатель через определенные детали показывает его смелость и решительность – это «эжиктен омок кирип келди» (бодро зашел в дверь)», «жилбилү ле жарт куучын» (интересный и ясный разговор)».

Одним из самых известных стихотворений Ч. Чунижекова, из широко представленных в советской критике, стало «Санару» («Санари»).

В. Чичинов отмечал сложность построения стихотворений Ч. Чунижекова и, говоря о «Санару», выделял в нем несколько частей: экспозицию, основную часть и финал стихотворения. Это произведение начинается с традиционного для героического эпоса зачина – изображения места. Писатель описывает колоритную картину природного ландшафта с наличием всех характерных для Горного Алтая природных компонентов.

В этом сказочном благодатном месте, среди красивейшей природы, вдруг взгляд лирического героя-созерцателя падает на новый дом. Он вписан в эту гармоничную природу, не нарушает ее красоты. Основной пафос стихотворения направлен на изображение труда человека, а основным средством художественной выразительности становится принцип сравнения – насколько красива природа, настолько же прекрасен труд человека. Вначале поэт изображает природу, этот чудный уголок, затем

взор падает на новый красивый дом. Далее в диалоге через вопрос-ответ автор повествует о том, что это дом передовика колхоза Санари. Он задает своему собеседнику риторические вопросы, переходя в рассуждение о труде на благо Родины. Природа поет песню славному человеку труда: он так же прекрасен, как и окружающая его природа, и красив Санари, прежде всего, своими делами.

В 1930 г. в алтайской литературе начинается процесс становления новых жанров. В. Чичинов о творчестве Ч. Чунижекова этого периода писал: «Он пробует свои силы в малых прозаических жанрах, он дерзает, но основным жанром его творчества долгое время остается спешащая за бегущим днем, легкая на подъем поэзия. Она только обретает со временем более крупные формы. От стихов поэт пришел к поэме «Тууди», сделавшей его имя известным» [Чичинов, 1978. С. 5].

Поэма «Тууди» – это одно из самых известных и наиболее крупных произведений Ч. Чунижекова, которое впервые вышло в печати в 1947 г., а позже неоднократно было переиздано почти во всех сборниках произведений писателя. Интересно, что в издании 1968 г. данное произведение было доработано и напечатано с изменениями. Во-первых, были сокращены некоторые эпизоды, отрывки текста; во-вторых, использованные писателем редкие, устаревшие и диалектные слова были заменены, а сложные выражения упрощены и адаптированы под литературные нормы. Следует отметить, что текст, конечно, стал более совершенным, гармоничным, однако оригинал, изданный в 1947 г., богат и самобытен с точки зрения языковой палитры, образной и семантической составляющей. Кроме того, следует отметить, что, к сожалению, данное произведение не было переведено на русский язык.

Поэма «Тууди» стала в творчестве писателя неким этапом, ознаменовавшим зрелость мастерства лирика. З. Казагачева считала, что «из эпических произведений, написанных алтайскими поэтами в послевоенный период, наиболее значительным является поэма Ч. Чунижекова «Тууди» [Казагачева, 1969. С. 103].

Основной задачей произведения стало изображение личности на фоне изменяющейся действительности. Писатель обратился к фигуре одного из уважаемых и известных фигур алтайского народа, жизнь и деятельность которого во многом является примером

мужества, а его биография отразила судьбу алтайского народа. Главным героем поэмы стал народный сказитель, поэт Н. У. Улагашев (1861–1946). Это известный кайчи – человек, одаренный от природы, обладающий хорошей памятью и творческим умением не только воспроизводить под аккомпанемент топшуура героические сказания, но и варьировать их содержание в зависимости от аудитории, добавляя или сокращая эпизоды. В настоящее время известно более тридцати сказаний, записанных от Н. Улагашева, которые вошли в золотой фонд эпического наследия алтайского народа.

В поэме писатель обращается к реальным биографическим материалам из жизни сказителя и средствами художественной выразительности создает большое художественное полотно, посвященное историческому периоду конца XIX–начала XX вв. Заслуга Ч. Чунижекова, считала З. Казагачева, не только в том, что «он, создав поэму, отдал дань глубокого уважения алтайского народа к прославленному певцу-сказителю, но и в том, что в образе героя показал возрождение народа, обреченного до революции на вымирание» [Казагачева, 1969. С. 103]. Об этом же писал С. Каташ: «Автор в этой поэме сумел красочно передать правдивые картины из жизни своего народа. В отличие от своих прежних произведений в этой поэме Чунижеков изображает не только внешние действия персонажей, но и психологически убедительно раскрывает их внутренние переживания. Особенно выпукло дан образ главного героя поэмы – сказителя, прототипом которого был Улагашев. Он встает перед нами как живой, во всем блеске талантливого народного певца. Автор мастерски описывает родную природу, быт, нравы и обычаи алтайцев. В поэме имеются яркие, запоминающиеся эпизоды, например, продажа ореха купцу, картины исполнения сказаний, направленных против богачей и т. п.» [Каташ, 1971. С. 30–31]. В поэме Ч. Чунижекова образ Н. Улагашева воплощен в главном герое поэмы – Тууди, жизнь которого стала примером освобождения от оков «старой» несправедливой власти и наступления счастливого настоящего.

После долгого перерыва, через 20 лет, в свет выходит новая поэма Ч. Чунижекова «Улу тамыр» (1968), жанр которой С. Каташ обозначил как поэма-сказание [Каташ, 1971. С. 31]. В центре повествования данного произведения история строительства Чуйского тракта, а материалом для художественного изображения

стали исторические материалы, реальные события и люди.

В названии поэмы заложен основной семантический код повествования. Великая жила писателем осмысливается в нескольких символических значениях, а изображаемые образы раскрывают его смысл с разных ракурсов. Произведение состоит из двух частей, каждая из которых имеет свое название. Первая часть описывает дореволюционное состояние Алтая, а вторая – преобразования, произошедшие здесь после Великой Октябрьской социалистической революции. Исторический экскурс в прошлое создается с опорой на основные знаковые образы: река, гора, человек. Открывает повествование о великих реках Горного Алтая – Катунь и Чуя, и эта часть названа писателем «Эне-Кадын и Эре-Чуй» («Мать-Катунь и Эре-Чуй»). Реки – это артерии природы Алтая, а их роль для топонимического пространства неопределима: это и живительная влага, и пища, и защита от врагов. В следующем обособленном разделе первой части, названной «Улалу журт тӧзӧлгӧни» («Основание села Улала»), описывается история создания населенного пункта и первые поселенцы Улалы, который вскоре станет основным культурным и торговым центром региона. В разделе «Чике-Таман» писатель от первого лица обращается к олицетворенному образу перевала, прославленного и почитаемого, через который будет проложена главная дорожная артерия Алтая – Чуйский тракт.

Во второй части повествования присутствует лишь один раздел – «Кызыл кӱн чалыды» («Засияло красное солнце»), разделенный на несколько составных частей, основной мыслью которых, во-первых, становится приход советской власти, во-вторых, строительство дороги, в-третьих, торжество человека над природой. Лирический герой Ч. Чунижекова, радуясь всем тем положительным переменам в жизни своего региона, верит, что через перевал Чике-Таман будет проложен железнодорожный тоннель, через который будут ходить поезда.

Таким образом, лирика Ч. Чунижекова стоит на перепутье между художественной литературой и устным народным творчеством. Это была особенность литературы того периода, в котором жил и творил писатель, а каноны соцреалистической литературы сформировали основные тематические направления его литературной деятельности.

Литература

Казагачева З.С. Алтайская советская литература послевоенного периода // Очерки по истории алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1969. – С. 98–106.

Каташ С.С. Ветеран алтайской литературы. (О творчестве писателя Ч.А. Чунижекова) // Литературные портреты. – Горно-Алтайск, 1971. – С. 27–42.

Каташ С.С. Чалчик Чунижеков // Алтай литература керегинде статьялар. – Горно-Алтайск, 1962. – С. 150–158.

Каташ С.С., Кондаков Г.В. Алтайская литература на современном этапе // Очерки по истории алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1969. – С. 107–170.

Киндикова Н.М. Ч. Чунижековтын литературада јери ле учуры // История алтайской литературы.

Часть I : учебное пособие. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 206 с.

Чичинов В.И. Осмысливая судьбу народа. К 80-летию со дня рождения Ч.А. Чунижекова // Звезда Алтая. – 1978. – 11 ноября.

Чунижеков Ч.А. Менин сөзим: стихи. – Горно-Алтайск, 1953. – 82 с.

Чунижеков Ч.А. Туујы: поэма. – Ойрот-Тура, 1947. – 50 с.

Чунижеков Ч.А. Эки поэма: стихи и поэма. – Горно-Алтайск, 1968. – 84 с.

Шалагинов Н.В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 26 с.

Г.Р. Идиятуллина

*Елабужский институт Казанского федерального университета
(Россия)*

ПОЭЗИЯ ЛИЛИИ ГИБАДУЛЛИНОЙ И ЕЁ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛЕ

В рамках данной статьи изучается поэзия Лилии Гибадуллиной и рассматриваются пути изучения её творчества в школе. Выявлен индивидуальный почерк молодой поэтессы, представляющий новую волну в развитии татарской поэзии.

Ключевые слова: татарская литература, татарская поэзия, Лилия Гибадуллина.

G. R. Idiyatullina

Elabuga Institute of Kazan Federal University

LILIYA GIBADULLINA'S POETRY AND STUDYING HER WORKS AT SCHOOL

This article examines Liliya Gibadullina's poetry and considers the ways of studying her works at school. The individual style of a young poetess representing a new wave in the development of Tatar poetry is revealed.

Keywords: Tatar literature, Tatar poetry, Liliya Gibadullina.

Первое десятилетие XXI в. характеризуется массовым появлением новых имен в татарской поэзии. Среди них выделяется творческая фигура Лилии Гибадуллиной. В стихах поэтесса часто вступает в диалог с татарской мифологией, устным народным творчеством («Жир караңгы», «Сары томан арада...», «Мең чыбыркы ысылдавы жилдә...» и др.). Например, в стихотворении «Жир караңгы» для изображения темной ночи используются образы природы, получившие широкое распространение: темное небо, темная земля, тихий ветер, одинокая луна. Во многих произведениях писателя преобладает иллюзорность («Эх! Хислэргэ жигелеп...», «Чиксезлек турында пышылдап...» и др.). Например, лирический герой стихотворения «Чиксезлек турында пышылдап...» гласит:

Тартылам, тайпылам, талпынам...

Жил дә юк, ил дә юк, МИН дә юк...

...Тын урам [Гыйбадуллина, 2010. С. 33].

Таким образом, все провозглашается иллюзией, и даже сама жизнь – репрезентация несуществующей реальности рисунком, образом несущей действительности. Это же явление наблюдается и в стихотворении «Минсезлек», где строки «Минсезлек. / Мин синсез калада» [Гыйбадуллина, 2018. С. 22] представляют собой игру с концепцией иллюзионизма.

В школе не выделяются часы на изучение творчества юной поэтессы Лилии Гибадуллиной. Однако есть возможность изучить творчество писателя. Так, по программе общеобразовательных школ на татарском языке,

утвержденной в 2017 г., предполагается изучение творчества молодых поэтов [Загидуллина, Юсупова, Хасанова, 2017. С. 99], но, с другой стороны, информация об этом в учебнике не дается. В этом случае, после обзора раздела «Литература 1980-х – 2000-х годов» в одиннадцатом классе, можно обратиться к такому заданию, предложенному авторами учебника: «Прочитав одно литературное произведение, отражающее судьбу нации, ее волнение за настоящее и будущее, выступите перед одноклассниками» [Ганиева, Рамазанова, 2016. С. 64]. Эту работу может выполнить один ученик на примере творчества Лилии Гибадуллиной. Мы предлагаем для работы взять стихотворение поэта «Минем канда хэтер исэн!». Также выполнение проектов по поэтическим произведениям писателя будет успешным. Стихи Лилии Гибадуллиной могут быть непонятны или

затруднены для учащихся начальных и средних классов. Поэтому мы считаем, что будет выгодно реализовать проект, разделив его на несколько групп со старшеклассниками. Кроме того, стихи Лилии Гибадуллиной можно изучать в сопоставительном плане с произведениями других поэтов. Например, в девятом классе можно сравнить стихотворение Зулфата «Тойгыларда алтын яфрак шавы» и стихотворение Лилии Гибадуллиной «Кайту», в десятом классе – повесть Гаяза Исхаки «Көз» и стихотворение Лилии Гибадуллиной «Кайту».

В частности, стихи Лилии Гибадуллиной характеризуются иллюзорными, интертекстуальными (связь с устным народным творчеством). Несмотря на то, что на изучение творчества поэтессы в школе не выделяются специальные часы, есть пути решения этой задачи, и они были нами представлены.

Литература

Ганиева Ф.А., Рамазанова Ч.Р. Литература. 11 класс: учебник для общеобразовательных организаций на татарском языке. – Казань: Татар. кит. изд., 2016. – 223 с.

Гибадуллина Л.Ф. Возвращение тишины: стихи. – Казань: Татар. кит. изд., 2010. – 39 с.

Гибадуллина Л.Ф. Тынлык кайтавазы: стихи. – Казань: Татар. кит. изд., 2018. – 71 с.

Загидуллина Д.Ф., Юсупова Н.М., Хасанова Ф.Ф. Примерная рабочая программа учебного предмета «Татарская литература» для общеобразовательных организаций с обучением на татарском языке (1–11 классы). Одобрено решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 16 мая 2017 г. № 2/17). – Казань. – 100 с.

Н.С. Майнагашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена вопросу осмысления актуальных проблем хакасского литературоведения и в целом современной науки о литературе народов России. Автор статьи считает, что художественная литература каждого народа является глубоким обобщением всего национально-культурного опыта, что необходимо учитывать при исследовании национальной литературы на современном этапе.

Ключевые слова: хакасская литература, литература народов России, культурные традиции, этнокультура.

N. S. Mainagasheva

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

ON THE ISSUE OF STUDYING LITERATURES OF THE PEOPLES OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

The article is devoted to the issue of understanding relevant problems of Khakass literary studies and in general modern science about literature of the peoples of Russia. The author of the article believes that fiction of each people is a deep generalization of all national and cultural experience, which should be taken into account when studying national literature at the present stage.

Keywords: Khakass literature, literature of the peoples of Russia, cultural traditions, ethnic culture.

Национальные литературы народов России, по словам исследователя Н. Надъярных, представляют собой «уникальное в мировой культуре явление, объединяющее более пятидесяти словесностей», и каждая из словесностей России представляет собой «самобытный самодостаточный субъект национального литературного процесса и вместе с тем – деятельная составляющая исторически сложившегося общероссийского духовного пространства» [Надъярных, 2014. С. 54].

В создавшихся историко-общественных условиях в постсоветском пространстве наблюдаем смену парадигмы гуманитарных наук. Так, наука о литературе народов России и стран СНГ, освободившись от идеологического диктата, социально-классового подхода, в постсоветское время пережила поиск новых методов исследования, и сегодня она «вырабатывает обновленную оценку исторической динамики национальных литератур» [История якутской литературы, 2005. С. 3].

Одной из насущных задач на современном этапе является создание историй национальных литератур, «реставрация исторической полноты национальных культур и целостного взгляда на художественный опыт» [Султанов, 2001. С. 45]. Сегодня вполне ясным становится то, что без учета исторически сложившейся в рамках национальной культуры системы эстетических ориентиров оценка не может быть достоверной. История литературы каждого народа – это не просто описание хроники фактов, но и глубокое осмысление национально-культурной подлинности явлений литературы как художественной ценности. В наше время народы России по-новому взглянули на свою историю и духовное наследие. В этом процессе важным и, несомненно, актуальным должна стать, как считают российские исследователи К. Султанов [Султанов, 2001], Н. Надъярных [Надъярных, 2014] и другие, теоретико-методологическая значимость корреляции национального и художественного. В процессе подготовки и написания историй национальных литератур на первый план выдвигаются проблемы генезиса комплексного рассмотрения культурных и эстетических предпосылок развития литературы, т.е. классическое духовное наследие. Пересматриваются устоявшиеся взгляды на зарождение литературы, уточняются хронологические рамки. Так, например, подчеркивается важность пересмотра общепринятых,

во многом основанных на идеологической почве взглядов на время возникновения национальных литератур многих народов России, в том числе стран СНГ. При периодизации истории национальных литератур необходимо учитывать «не только общие, одинаковые стадии формирования бывших советских литератур, но и региональные, зональные общности, основанные на культурно-цивилизационной почве, а также своеобразие этнической истории и национального менталитета» [Султанов, 2001. С. 47]. Если в XX в. истории литератур многих народов России изучались с 1920–1930 гг., то теперь стоит задача историко-генетического осмысления фольклорно-литературной эволюции. По мнению Р. Юсуфова, наиболее важны исследования «об этнографическом эпосе» народов Кавказа, Урало-Поволжья, Сибири и других регионов «с точки зрения его роли в духовном процессе XVIII–XX вв.», а не только с целью выявления элементов «художественного повествования, приемов сюжетостроения, композиции, прообразов национальной персоналогии», что влечет за собой «изъятие этнографии из макрокультурного контекста» и «непонимание функций этнографии в культурах с незавершенным литературогенезом» [Юсуфов, 1996. С. 270].

Задачей современной науки о литературе также является критическая оценка наследия XX в., разработка на этой основе неидеологизированной истории литературы. Так, сегодня общепризнанным считается включение в периодизацию литератур тюркских народов древнетюркского периода, отраженного в енисейских памятниках [Киндикова, 1999]. Сегодня алтайцы, башкиры, хакасы, тувинцы и другие народы при написании истории своих национальных литератур современную литературу рассматривают в контексте письменного наследия древних тюрков, отмечая непрерывность традиций художественной словесности. Важно учитывать «неоднократно прерываемое становление национальной письменности народов Саяно-Алтая, растянувшееся на столетия» [Надъярных, 2014. С. 278].

Вслед за известным археологом Л.Р. Кызласовым, который еще 50 лет назад впервые обратил внимание на то, что «наличие на протяжении свыше 600 лет самобытной письменности делает несомненным существование в древнехакасском государстве не только учителей и школ, но и определенной литера-

турной традиции» [Кызласов, 1970. С. 130–137], литературоведом П. А. Трояковым были сделаны попытки исследования текстов орхон-енисейских памятников в контексте эпических традиций хакасского народа [Трояков, 1982; 1983]. Хакасские литературоведы посчитали важным включение положений и выводов Л. Р. Кызласова о средневековой литературе хакасов в издание «История хакасской литературы» отдельным параграфом [История хакасской литературы, 2011. С. 16–20]. Сегодня требуется дальнейшее исследование поэтики этих текстов.

В научный оборот включаются и другие ранее малоисследованные источники. Например, современные тувинские исследователи значительно расширили ареал своих исследований, рассматривая тувинскую литературу в контексте индо-тибетских и монголоязычных историко-литературных памятников. Выявлено, что «тувинские монголоязычные исторические сочинения создавались по образцу монгольских летописей, что стало одной из составляющих литературогенеза Тувы» [История тувинской литературы, 2013. С. 3]. Анализируя прошлое, тувинские ученые восстанавливают свою подлинную историю, что позволяет иначе взглянуть на родословную одной из тюркоязычных литератур. Это свидетельствует об «интеграции различий» (по Султанову), о согласованности в пределах каждой национальной литературы многообразия тенденций, которые по идеологическим соображениям ранее оставались за рамками исследований.

Наука о литературе освобождается от различных догм прошлого. Так, понятие «младописьменные литературы» подвергается критическому пересмотру. Оказалось, что у народов, чьи литературы назывались «молодыми» или «младописьменными», существует богатейшее культурное наследие, имеющее наиболее значимую роль в формировании художественного сознания народа. Сибирский исследователь С. Ж. Балданов, например, национальные литературы Сибири и Дальнего Востока называл «литературами фольклорной традиции», учитывая вековые культурные накопления, классическое духовное наследие, обладающее потенциалом мирового значения, традиции, идущие из самых глубин.

Литература любого народа является сложным многомерным явлением, и общеизвестно, что литература играет решающую роль в духовном развитии человечества. Сегодня

литература народов России, по словам Н. С. Надъярных, представляет собой «уникальное в мировой культуре явление, объединяющее более 50 словесностей», «сложное структурное образование с энергетическим и динамическим характером каждого его частей и зависящее от внутренних и внешних факторов развития» [Надъярных, 2014. С. 54–59], т. е. как от объективно-исторических условий бытования литератур данных народов, так и от их ментальных особенностей. Пересмотр устоявшихся норм литературоведческого анализа позволил углубить и расширить представление о духовно-культурных основах национальных литератур. Н. С. Надъярных в упомянутой работе отмечает, «литературоведческая мысль стремится к восстановлению всего многообразия идейно-художественных исканий» [Надъярных, 2014, С. 56].

Сегодня также продолжается процесс «возвращения» имен. Авторы и произведения, ранее не включенные в так называемую «генеральную линию», анализируются и находят свое место в общем литературном процессе. Так, в 2000 г. в хакасской литературе открыта новая страница: творчество писателя, общественного деятеля, просветителя И. М. Штыгашева (1861–1915), в начале XX в. известного среди шорцев, алтайцев и хакасов как проповедник православного христианства, впервые получило освещение в качестве прозаика. Его произведения («Записки о путешествии в Киев, Москву и ее окрестности», «Поступление в училище и продолжение учения...», «Поездка в Урянхайский край матурского священника...») [Штыгашев, 2006; 2011] могут служить образцом художественного слова писателя-билингва.

Также малоисследованными страницами в истории литературоведения национальных регионов является творчество отдельных авторов, так называемых писателей «второго ряда». Так, например, в советский период на страницах альманаха «Ах тасхыл» (Белогорье) и газеты на хакасском языке (ныне «Хакас чирі») многие авторы публиковали свои произведения и выпустили по 1–2 книги на хакасском языке. Произведения многих из них до сих пор не получили достойной филологической оценки и не доступны для широкого читателя, т. к. не переведены на русский язык (А. Майтакова, Ф. Бурнаков, Ф. Бытотов, Я. Тиспирек, М. Маганак и др.) и остаются на задворках родной литературы.

Взаимоперевод и перевод на русский язык произведений национальных авторов на сегодняшний день является одной из острых проблем общероссийского духовного пространства. Проблема перевода художественной литературы народов России на русский язык в последние два-три десятилетия стала особенно острой. Отсутствие переводных текстов отрицательно сказывается как на взаимосвязях и взаимообогащении национальных литератур, так и в процессе их сравнительно-типологического исследования. Для культуры хакасов, как и других малочисленных народов с малораспространенным языком, перевод имеет особое значение в распространении уникальной самобытности национальной культуры за пределами региона и ее обогащения и развития посредством заимствования извне. Исследование национально-русского художественного билингвизма также остается одной из малоизученных проблем современного национального литературоведения.

Немаловажным и актуальным вопросом сегодня также является разработка терминологии и подготовка учебников и учебных пособий по истории родной литературы для вузов и других образовательных учреждений. На современном этапе стало важным исследование возросшей роли национального самосознания и самоидентификации народов России и СНГ. К. Султанов пишет: «Речь идет о главном – об общечеловеческой значимости каждой национальной культуры и фактора национального самосознания независимо от компактного или дисперсного проживания, от наличия или отсутствия форм государственной организации этноса как носителя и источника национальной самобытности» [Султанов, 2001. С. 19]. В связи с этим в исследовании национального мира сегодня становится значимым междисциплинарное исследование литературы, в тесной связи с историей, языком, этнографией, этнопсихологией, культурологией. Такой подход открывает путь к пониманию специфической системы ценностей для каждой литературы. К. Султанов, размышляя о самобытности культуры народа, находит подтверждение у русского философа И. Ильина, который писал: «В духовном творчестве каждый народ имеет свои существенные особенности. Самые

узлы эмпирически данного характера, обусловленного расой, национальностью и языком, климатом и природою, общественным укладом и воспитанием, распутываются и расплетаются у каждого народа по-своему, и по-своему же он превращает эти нити в духовную ткань» [цит. по Султанов, 2001. С. 21]. Национальное самосознание обусловлено единством социального и этнического. Категория национального вплотную связана с национальным бытием, языком народа, его фольклором, традициями. Характер современного литературного процесса невозможно осмыслить и понять вне этнокультурного контекста. С возрастанием национального самосознания усиливается интерес к вопросу и сравнительного изучения образов народов и стран в рецепции других народов и регионов. Сущностным в современной науке о литературе народов России и ближнего зарубежья является изучение проблем межкультурной коммуникации, диалога культур, исключаящего как «изоляциялизм», так и «всеобщую унификацию» (по Аверинцеву).

Важное значение имеют работы, направленные на комплексное решение задач сравнительных исследований национальных литератур. Непростым структурным образованием являются литературы тюркских народов, разделенных географически, разбросанных по всему евразийскому континенту, но имеющих общие корни, общие истоки. Тюркоязычные народы России идентифицируют себя как органическая часть российского культурного пространства, и в то же время они являются частью тюркоязычного мира. Сегодня мы все ощущаем нехватку сравнительно-исторических исследований в области тюркских литератур. «Создание научно обоснованной истории литературы тюркских народов, – считает Д. Ыскакулы, – миссия, которую предстоит решить нынешнему поколению литературоведов тюркских народов» [Ыскакулы, 2014. С. 181]

Таким образом, в исследованиях по литературе народов России сегодня наряду с вопросом о национальной неповторимости каждой литературы, его этнокультурного контекста важно воссоздание полной картины историко-культурного развития и обобщение художественного опыта народа в целом.

Литература

- История тувинской литературы. Т. 1. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944) [отв. Ред. К. А. Бичелдей]; рекол: Л. С. Мижит (рук. проекта) [и др.]; Тувинский институт гуманитарных исследований. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. – 266 с.
- История хакасской литературы. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 278 с.
- Киндикова Н. М.** К вопросу об изучении древнетюркской литературы // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 97–105.
- Кызласов Л. Р.** О литературе и фольклоре средневековых хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XIV. Серия филологическая. – Абакан, 1970. – С. 130–13.
- Литература Якутии XX века. Историко-литературные очерки. – Якутск, 2005. – 728 с.
- Надъярных Н. С.** Литература народов России: структура // Художественное наследие А. И. Софронова – Алампа в контексте российского просветительства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2014. – С. 54–59.
- Султанов К.** Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 194 с.
- Трояков П. А.** Проблема историзма героического эпоса в свете изучения поэтики орхоно-енисейских памятников // Проблемы хакасского фольклора. – Абакан, 1982. – С. 3–21.
- Трояков П. А.** Аналогии героическому эпосу тюркоязычных народов в орхоно-енисейских памятниках / Фольклор и историческая этнография. – М., 1983. – С. 74–88.
- Штыгашев И. М.** Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 г. – Абакан, 2006. – 72 с.
- Штыгашев И. М.** Записки сына Том-Алтая. – Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2011. – 176 с.
- Ыскакулы Д.** Художественное наследие фольклора и литературы народов России в современном культурном пространстве // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы. – Абакан, 2014. – С. 180–182.
- Юсуфов Р.** Историософия и литературный процесс: средние века и новое время. – М.: Наследие, 1996. – 300 с.

Л. Ниссен

*Институт краеведческих исследований
Лейденского университета (Нидерланды)*

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ХАЯ И ЕГО МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (в 1990–2002-е гг.)

В данной статье рассматривается возрождение и обновление хая и его репертуара 1990–2002 гг. в свете межрегиональных и международных связей на основе информации, полученной от музыкантов-исполнителей 1999–2017 гг.

Ключевые слова: горловое пение Внутренней Азии, возрождение музыки, возрождение культуры, истории музыки, ориентированная на музыкантов, культурная межрегиональность

L. Nyssen

Leiden University Institute for Area Studies (The Netherlands)

A SHORT HISTORY OF XAI REVITALIZATION (1990–2002) AND ITS INTERCULTURAL TIES

The article looks into the resurgence and renewal of xai and the creation of xai-based repertoire in Khakassia (1990–2002) in the light of musicians' interregional and international relations. It is based on information gained through year-long communication with performing musicians between 1999 and 2017.

Keywords: Inner Asian throat singing, music revival, cultural revitalization, actor-focused music history, cultural interregionalisation

In the late 1980s, a couple of young performing musicians in Abakan started reshaping and vitalizing the heritage sonic performance traditions,

creating a new, distinctly Khakas, folk music repertoire for the concert stage, based on older practices. From 1990 some of them complemented

this emerging music repertoire with throat singing – *xai*.

Khakas throat singing was used to recite *alip̄tiġ n̄imax* stories in *attiġ* style («on horse»), that is, with *xai* and *xomis* or *ĉatxan*, often performed at death and commemorative wakes. As the technique was meant for storytelling, proper rendering of the words had priority over the musical quality of the sound.

Soviet economical and cultural policies had a profound and lasting effect on the performing arts. Since *xai* was not a musical practice in itself, with the advance of modernisation, it declined with the waning of epic storytelling. In the musical *fol'klor* that became the dominant model for sonic performing arts, *xai* scarcely had a place. It sounded only incidentally on stage, when an elder storyteller (like Semion Kad̄šev, Apanis Burnakov), or playwright, poet, *ĉatxan* player Mixail Kil'čičakov, was included in a concert programme or other cultural event, performing a short, polished fragment of *attiġ n̄imax* or a couple of songs with *xai* (FMA 2001–2002, 2010). By the 1970s, storytellers able to impromptu create-perform epics with *xai* and *ĉatxan* or *xomis* had become scarce and frail.

Early continuation and safeguarding efforts

Xai had nearly fallen into oblivion when in the 1970s it gained renewed interest, both from village people and from scholars and culture organisers in Abakan. In some villages, storytelling with *xai* and *ĉatxan* was resumed by middle-aged men, in order to pass on what they remembered from childhood and to retain epic storytelling for death and commemorative wakes (Майногашева, 1972: 50, 55-56; 1982: 150-57) in order to ease the passage of the souls of the dead into the other world (FMA 1999–2002). Thus, *xai* was to some degree passed on into current times. By the mid 1970s, *xai* got also revalued by local scholars and culture institutions. And thus, in 1978 a multi-layered programme for the «development and improvement of Khakas throat singing» was set up,¹ with research (by Novosibirsk Conservatoire researchers B.P. Černov and L.T. Maslov), promotion of old-style storytellers, and *ĉatxan* classes (Стоянов, 1981; Троякова, 2015). Thanks to these efforts, Sergei Čarkov, one of the *xai* revivers of 1990, occasionally heard *xai* in childhood. And later the main

xai revivers could – and would – turn to the rural late-adopters of *alip̄tiġ n̄imax* in the 1970s (FMA 1999–2002).

Upswing of folk music and resurgence of xai (1987–1st half 1990s)

From 1990 *xai* saw a quick and steady revival, thanks to a couple of young, professional folk musicians in the capital, which is where the course of Khakas culture was and is being forged. These are the protagonists of this article. I look into their *xai* resurgence and its subsequent proliferation, from 1990 to the early 2000s – seminal years for Khakas music revitalization and the resurrection of *xai*. I explore how these musicians put *xai* back on the map both locally and internationally, zooming in their artistic choices, their affinities, preferred venues and collaborations, their motivations for this, and the dilemmas they faced in relation to the various forces – from local to global – that affected their doings.

From the late 1980s through the first post-Soviet decade, huge transformations took place in Khakas folk music and dance. Alongside, the Khakas Renaissance was in full swing, and musicians wholeheartedly took part in this broad cultural-political revitalization movement, both through their music, and in daily life. All musicians discussed in this outline were concerned with issues at stake in the Khakas community, and highly involved in contributing to the reinforcement of Khakas culture and society, by promoting, maintaining, reshaping and transmitting aspects of Khakas culture that had been discarded or remained underexposed for much of the Soviet period. All expressed and promoted themes and values pertinent to the community in their music. Many learned or started talking Khakas with their children and in public. Some gave their children Khakas names. They resumed everyday and family rituals, and performed in all kinds of new clan and community celebrations. Some accepted invitations to perform at death wakes, while others were taken along for shamanic rituals. As to music and dance, the reform-minded young performing musicians, having grown up with Soviet *fol'klor* and trained in Russian folk instruments, wanted to install an own, historically-informed, music culture. They started to recover (near to) forgotten instruments (*xomis*, *ïix*, *tim̄r xomis*, *xobirax*) and to restyle modernised ones (*ĉatxan*),

¹ Решение о «взятии на особый учет и контроль всех сказителей, чатханистов и народных певцов из коренной национальности; рекомендовать музыкальному училищу организовать факультативно обучение горловому пению учащейся молодежи из коренного населения, игре на чатхане, исполнению тахпахов» [Троякова, 2015. С. 93].

with Sergei Čarkov as a main instigator. With these they started to create a new repertoire based on older performance practices and to search for new instrument playing techniques and sound, in order to (selectively) move away from Soviet modes of creating and performing. To this end, some of them dug living and archived sources at home, and found analogue practices still alive among closely-related neighbouring people, the Altaians and Tivans, from which they adopted and adapted specific elements, as much had been lost. To reconstruct the *xobirax*, for instance, they looked at Altai (FMA 2010).

As to *xai*, it was introduced into music for concert performance in 1990, by Sergei Čarkov and Yevgeni Ulugbašev, by then employed in the brand-new Ülger ensemble. Čarkov incidentally had come across Khakas *xai* before, though not through his folk music training, and got acquainted with throat singing from Tiva and Altai in the 1980s (FMA 1999–2010). In 1990 Čarkov and Ulugbašev enrol in a short-lived series of masterclasses at the Music College, by Mixail Kil'čičakov, where they become familiar with Khakas throat singing. They then start visiting the sparse elderly village men who still master the technique – the late-adopters of the 1970s (FMA 1996–2002). The two *xai* revivers aim to stay close to old-style *xai*; they work hard to regain the Khakas recitative throat singing style as it was used for epic storytelling. Čarkov acquires the middle style *xai*. Ulugbašev first finds the deep style (*xarğıra*), then the middle style, and soon starts experimenting also with *siğirtip*, the high style (Улугбашев, Дорина, 2010: 41), the latter undoubtedly inspired by Tivan *siğit*. Ulugbašev brings old-style *xai* to polished perfection. His *xai*-based repertoire is locally best-known and valued for his truthful imitation of epic fragments of Khakassia's cherished storyteller Semion Kadišev, but he concurrently builds an own song and narrative repertoire, in which he interweaves traditional and innovative *xai* styles (*Taglar Ünneri, Ax Xan* (Улугбашев CD 2004, tr. 1, 9)) (FMA 2001–2002).

In the late 1980s–early 1990s there is intense exchange between young performing musicians from Tiva, Altai and Khakassia. They frequently pay mutual visits for performing. For Khakas musicians in particular important is Bolot Bairišev from Altai, an inspired and inspiring musician who, like Čarkov and Ulugbašev, intensely searched among village performers. Bairišev is a musician with an impressive way of performing his own songs with *kai* and *topšuur*, and always ready to

visit and exchange information and recordings (FMA 2001, 2010). *Visa versa*, Altaian and Khakas musicians are important for Shor music. The Shor people had lost even far more of their heritage culture than the Khakas people. Later in the 1990s they would turn to Khakassia and Altai for help in resurrecting Shor folk music. In particular Čarkov and Bairišev are invited to perform, Čarkov bringing the needed instruments, his *čatxan* play and a Khakas song repertoire, Bairišev *kai* and *topšuur* play (FMA 1999, 2001–2002; e-research 2019).

The Khakas new folk music also starts receiving interest from outside, in particular from Kazakhstan, The Netherlands and Japan. From the late 1980s, Kazakhstan, in the person of ethnomusicologist Saida Yelemanova, shows interest in the older strands of the Khakas performing arts. Musicians are recurrently invited to All-Turkic music festivals in Alma-Ata, later Almaty. Kazakhstan will become and remain an important venue for Yevgeni Ulugbašev, who completes his folk music studies there and brings the traditional repertoire and sound «Kazakhstan» is looking for (Nihon Koukin Kyoukai DVD 1997; FMA 2001–2012). By 1994 Čarkov and Ulugbašev, together with other Ülger members, are touring outside the former USSR, invited to The Netherlands and Belgium by Maksim Shaposhnikov from Window to Europe. This concert organizer, based in Amsterdam, also releases the first album ever produced abroad devoted solely to Khakas music. On this music cassette Čarkov and Ulugbašev render a couple of songs plus a short fragment of *aliptiğ nimax*, with their novel *xai* and *čatxan*, which they had acquired just a couple of years before – Ulugbašev already performing in all three *xai* styles (for instance in *Xaiji iri* (Epic storyteller's song; Window to Europe MC 1994, tr. 5). Via Kazakhstan also Japan becomes interested, from 1997 irregularly offering Khakas musicians a venue for performing abroad. Musicians selectively adjust their appearance and music to the international taste, as when in 1997 their Japanese contact Leo Tadagawa from Nihon Koukin Kyoukai/Japan Jew's Harp Association, suggests they begin the concert with an incantation with *xai* (Nihon Koukin Kyouka CD 2004: tr. 1; FMA 2013), and in 1998 in Germany, when they are asked to show up more primitively (FMA 2001–2002). Of the many concerts and productions abroad that I have witnessed over the years, however, Khakas musicians never performed *xai* differently from at

home, like turn it into something more spectacular or enigmatic.

In 1994 *xai* becomes indispensable for Khakas male musicians to get a prominent position in any leading Khakas folk music ensemble at home (Ülger, Ailanis, Sabjilar, Üč-Süme-R). Thus, for instance, Aleksandr Samožikov, an outstanding songwriter and *čatxan* player, in 1994 is strongly advised to learn *xai* for his professional career (FMA). Soon he is invited to the newly-founded Ailanis ensemble, a few years later already to become its artistic leader. *Xai* has moved from a «vocal vernacular» (Daukeyeva, 2019) for epic recitation to an indispensable element in musical works for concert performance.

In 1994, the same year as the Ülger members head for Europe and Samožikov takes on *xai*, quite unexpectedly something happens that is to interfere in the course of the Khakas performing arts: sculptor Viačeslav Kučenov returns from Saint Petersburg and is called into storytelling by an ancestral spirit. Until then, *alipitiğ nimax* had been sparingly recovered by early Ülger members Čarkov and, in particular, Ulugbašev, who included short, memorized imitations of famous storytellers in their music programmes. But as Kučenov cannot but take on his vocation, from 1995 genuine, on-the-spot created-performed, musical storytelling rendered with *xai* comes back into practice. Being an absolute autodidact inspired from within, his first epic, *Pora attığ Ai Čarix xan* (Ai Čarix xan with his piebald horse), is idiomatic as to both narrative, performance style and *xai* sound (FM Maksim Shaposhnikov 1996; Nihon Koukin Kyoukai, 2004: tr. 8). His second epic is already aligned to epic storytelling as it was performed in the 1950s to 1970s. Within months after his calling, Kučenov gets also involved in the music scene, is invited as a soloist to the Ailanis ensemble, and starts composing his own song repertoire. As to his *xai*, from the onset he acquires all three styles, employing them differently in song/ensemble repertoire, and in his storytelling.

These are the musicians who put Khakas *xai* back on the map.

Heydays of music revitalization & proliferation of xai (2nd half 1990s–early 2000s)

In the second half of the 1990s, Russia falls into a dreadful economic crisis, which is felt deeply in Khakassia. Leading musicians, like everybody else, try to make a living by taking on additional jobs. Tours abroad would be a welcome source of income (FMA 1999–2002). Existing groups are seeking gigs abroad, and musicians establish new, ambitious, small – thus relatively cheap to invite – folk music groups, undoubtedly also encouraged by the Tivan throat singers' international successes (FMA; Ventsel, 2014: 190, 203).¹ One such group is Sabjilar, discussed in a moment; another, slightly younger and short-lived one, is Üč-Süme-R.

Üč-Süme-R was founded towards the end of 2000 by Sibdei Tom (Sergei Mainagašev), a scholar of Turkic poetry and talented clarinetist who had turned to Khakas folk music, performing mostly in intimate settings. Apart from traditional *xai* in middle style, Sibdei Tom has his own, highly-distinctive, innovative (sometimes even wordless!) *xai* styles, in the middle and low range. Sibdei had been an early member of the Sabjilar ensemble, and in 1998 travelled with them on their first tour abroad. He firmly allies to the Turkic Saian-Altai region, both in his songs, in which he frequently links the Khakas people to a historical Saian-Altai confederation (being the first musician, for instance, to have a Khakas *Xongoroi* song, in 2000), and in practice, founding the first mixed Khakas–Altaian folk music group Üč-Süme-R. The repertoire of this short-lived trio consists of Khakas and Altaian songs, and though they are well-received in Khakassia, the group aims at international tours (FMA). They indeed have a few tours, and, in a new grouping, a CD produced abroad (Üch Süme-R CD 2002).

The last – and most influential – music group to rise in those formative years, however, was Sabjilar («The Messengers»), founded in 1998 by storyteller-musician Kučenov, with long-term member Sergei Čarkov. Sabjilar is the first and to date only Khakas music group which made it to the European-American music marketplace. More than any other Khakas folk group, their music is localized: they explicitly distinguish and embrace music from all parts of Khakassia, including Khakas Shor music. As to *xai*, instrumentalist-composer Čarkov keeps to his middle style, while Kučenov abundantly uses his three styles. They also

¹ Tiva's most famous group, Huun-Huur-Tu, was founded in 1992 (as Kunggurtug), and in 1993 already had successful international tours to the USA. Ventsel states that by 1993–1994 already they became the template for an «authentic Siberian sound» and that many Siberian artists were to follow their path, as it «conceptualized the Siberian sound, dark music accompanied by throat singing» (Ventsel, 2014: 190, 203). By 1995 at the last their fame had reached Khakassia (FMA).

unmistakably ally to the broader Saian-Altai region, in particular travelling to Altai for concerting and taking part in the first *ethno*-music festivals to be organised in Southern Siberia. And they maintain a range of artistic friendships with Altaian and Tıvan musicians, many of which take part in the international World music circuit. As they state it, their target audience is «at home». More than the other Abakan-based ensemble they tour the Khakas hinterland. And they have a message (hence «The Messengers»): they try to expand Khakas folk music making at home, and aim to instil a new musical taste, as the majority still prefers Soviet music aesthetics. Notwithstanding their concerts at home and in Altai, however, from the very onset they are simultaneously oriented towards performing in Europe and the U.S. They try to compete in the international World music marketplace. During my stays from 1999 to 2002, they are incessantly in search for a distinct music concept (FMA, 1999–2005). Kučenov brings with him his taste for European-American rock music from Saint Petersburg. Čarkov brings along his leaning towards melancholic, somewhat enigmatic, instrumental improvisations. And they are impressed by the music of Huun-Huur-Tu. Eager for fresh artistic input, they are receptive for advices of foreign tour organizers, in particular their Tıvan concert organizer Aleksandr Bapa from Pure Nature Music in San Francisco, with whom they work from 1999 to 2005, and ethnomusicologist Theodore Levin, who invites them to Washington for the Smithsonian Silk Road Festival in 2002. And thus a very Khakas and at the same time internationally-marketable repertoire and sound comes into being, which Robert Beahrs for Tıva has called «neotraditional-groove aesthetic» (Beahrs, 2014: 80-84, 86). Their new approach is clearly audible in *At oğırları ırı* (Horse thieves' song), a song from 2001, based on a short Sağay song of about thirty seconds, which they made into a five-minute-long composition. Audible are the raw, unpolished sound in instrument play, singing and *xai*; the unusual playing techniques and, for Khakassia, novel 'extended' vocal techniques; the groove; and a built-up that creates suspense (Sabjılar CD 2002, tr. 16).

Sabjılar had an immediate and lasting effect at home, affecting the course of Khakas folk music in the new millennium, and with a prospering economy from 2003, new, affordable technological means, the advance of Internet and a Russian commercial *ethno*-music industry, Khakas folk music enters a new era, with astonishing, new trends. But that will have to wait for another occasion.

Conclusion

Bringing this short history of *xai* resurgence and its intercultural ties to a conclusion now.

Since perestroika in the second half of the 1980s, various – often external – forces have exerted their influence on the revivers of Khakas *xai* – simultaneously, and over time. Within this geo-cultural field, the musicians made choices as to *xai* style and new repertoire, thereby incessantly tackling the dilemma of resuming and creating styles and repertoires that cater the expectations of local audiences, while at the same time satisfying their personal artistic development and meeting the terms for performing abroad. Their motivation to resume this outdated «vocal vernacular» and their artistic choices were in the first place guided by their desire for a distinct musical culture and their deep involvement with Khakas culture and the continuation as a distinct people among a largely Slavic population. They wanted to create music above all to the benefit of the own community. To this end, the *xai* revivers updated the vocal technique and created a modern concert repertoire for it, to reach more people within the own community, and to involve new generations in the heritage music culture. By renewing Khakas folk music for public performance and embedding it in a broader, Saian-Altai Turkic, cultural field, the musicians aimed at creating a robust, historically-informed, music culture for local audiences, attractive also to younger generations. Performing abroad, to which end the musicians selectively adjusted their music, but not their *xai*, to the international fashion, for its part, provided fresh artistic input, recognition and status at home, and, not in the least, a major source of income in materially tough times.

References

FMA: Written and recorded field materials of the author 1996 to 2017.

Литература

- Майногашева В.Е.** Хайджи и бытование алыптыг нымахов [The *hayji* and *alipitiğ nımax*] // Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972. – С. 49–63.
- Майногашева В.Е.** Отчет о фольклорных экспедициях ХакНИИЯЛИ 1979 и 1981 годов [Report of the folklore expeditions of ХакНИИЯЛИ in 1979 and 1981] // Проблемы хакасского фольклора. – Абакан, 1982. – С. 150–159.
- Стоянов А.К.** О музыкальной культуре Хакасии 70-х годов [On the musical culture of Khakassia in the 1970s] // 50 лет Хакасской автономной области. – Абакан, 1981. – С. 189–195.
- Троякова Ю.К.** Особенности формирования композиторского творчества в национальных районах Южной Сибири в 1965–1985 гг. (на примере Хакасии) [Features of the formation of composer creativity in the national regions of Southern Siberia in 1965–1985 (on the example of Khakassia)] // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. – С. 89–94. DOI 10.17223/15617793/390/16.
- Улугбашев С.А., Дорина М.В.** Современное положение горлового пения в Республике Хакасия [The current situation of throat singing in the Republic of Khakassia] // Чатхан: история и современность. Абакан, 2010. – С. 40–46.
- Beahrs, Robert O.** Post-Soviet Tuvan Throat-Singing (Xöömey) and the Circulation of Nomadic Sensibility. PhD dissertation in Music. Berkeley: University of California, 2014. https://digitalassets.lib.berkeley.edu/etd/ucb/text/-Beahrs_berkeley_0028E_14611.pdf.
- Daukeyeva, Saida.** Throat-Singing in Inner Asia and beyond: Ethnonational Revival, Transnational Circulation, and the Changing Musical Landscape of a Vocal Vernacular. Panel abstract at SEM 64th Annual Meeting. Bloomington, Indiana University, November 7–10, 2019.
- Ventsel, Aimar.** World music routes: the modification of the Sakha musical tradition. *InterDisciplines* Vol. 5 No. 1 (2014), pp.189–211. DOI: <https://doi.org/10.4119/indi-1066>.
- Audio/video sources, chronologically
- Window to Europe. Ülgher, Traditional music of Khakassia [MC]. Amsterdam: Window to Europe, 1994 (WTE 001).
- Nihon Koukin Kyoukai. Chatkhan and khai. Long zither and throat singing of the Khakas from the center of Asia. Live in Almaty, Kazakhstan 1994 [DVD]. [Recording of Memorial Concert for the 1st International Symposium on Music of the Turkic Peoples, Almaty, 4 and 6 May, 1994]. Tokyo: Tokyo Cinema, Nihon Koukin Kyoukai and ECJA/SMF, 1997.
- Nihon Koukin Kyoukai. Khayjylar: Chatkhan (long zither) and Khay (throat singing) of the Khakass from the Center of Asia.[CD]. Recorded live by Leo Tadagawa in Tokyo, 1997. Tokyo: Nihon Koukin Kyoukai, 2004 (NKK 004).
- Sabjilar. Oğirlar [Horse thieves] / Saddle Creak [CD]. Абакан, 2002 [unpublished; later re-issued as Ат огоры].
- Üch Süme-R. Traditional songs of the Khakass and the Altai people [CD]. Switzerland: Face Music, 2002 (FM 50038).
- Евгений Улугбашев. Белоснежные тасхылы [Snow-covered summits] [CD]. Абакан, 2004.

Л. Х. Ооржак

*Институт развития национальной школы Республики Тыва
(Россия)***«АЛДЫ АРГАЛЫГ, БЕШ МЕГЕЛИГ» ИЛИ ДЕТАЛИЗИРОВАННЫЙ ПОДХОД
В ПРЕПОДАВАНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТУВИНСКИХ ПОСЛОВИЦ**

Изменения в духовной жизни народа определяют главные проблемы в духовно-нравственном воспитании детей, диктуют необходимость нового подхода в области изучения пословиц. Пословицы как часть общественного сознания выражают жизненный опыт человечества. В современных условиях образования изучение пословиц охватывает не только исторические особенности и жизненные ценности того или иного времени, но и такие вечные истины, как духовность и нравственность, на которые следует обратить особое внимание. Обобщенный смысл и иносказательный характер пословицы «Алды аргалыг, беш мегелиг» расширяет представление детей о внутреннем мире человека.

Ключевые слова: внутренний мир, тувинская пословица, шесть мудростей, пять хитростей, духовная ценность, ум, гигиена ума.

L. Kh. Oorzhak

*Institute of National School Development of the Republic of Tyva
(Russia)*

«ALDY ARGALYG, BESH MEGELIG» OR A DETAILED APPROACH TO TEACHING USING TUVINIAN PROVERBS

Changes in the spiritual life of the people determine the main problems in the spiritual and moral education of children, dictate the need for a new approach in the study of proverbs. Proverbs, as part of social consciousness, express the life experience of mankind. In modern conditions of education, the study of proverbs covers not only the historical features and life values of a given time, but also such eternal truths as spirituality and morality, to which special attention should be paid. The generalized meaning and allegorical character of the proverb «Aldy argalyg, besh megelig» broadens the idea of children about the inner world of man.

Keywords: inner world, Tuvian proverb, six wisdoms, five tricks, spiritual value, mind, hygiene of mind.

Представленная статья посвящена проблематике воспитания и социализации детей в условиях современного развития общества, также возможным путям обучения и воспитания на основе тувинских пословиц, обеспечивающих изменение внутреннего мира, организацию успешной жизнедеятельности подрастающего поколения.

Опираясь на известные труды учёных, выдающихся личностей, а также традиционное философское учение, нами была преследована цель: насколько это возможно, затронуть значение тувинской пословицы как ключа, открывающего двери к пониманию смысла человеческого существования, духовно-нравственного развития, должного поведения в обществе. Объектом данной статьи является тувинская пословица «Алды аргалыг, беш мегелиг» / «У человека шесть мудростей и пять хитростей» [Будуп, 2016. С. 15]. Пословица имеет большой воспитательный потенциал, способствующий развитию внутренних духовных ценностей. Она требует современного подхода к более широкому детальному смысловому анализу природы реальности.

Читатель имеет право соглашаться или не соглашаться с суждением автора, поскольку при подготовке данной работы были обнаружены разные мнения и неоднозначный подход к изучению и смысловому толкованию данной пословицы.

Современная жизнь вынуждает людей всё больше заботиться о внешнем благополучии, выпускников школ и молодёжь больше волнуют вопросы: «Как благополучно сдать ЕГЭ?», «Как получить высшее образование?», «Как достичь карьеры?», «Как стать успешным и богатым?», «Как стать красивой?», «Как удачно выйти замуж?», «Как стать счастливым?» и т.д., а за

порогом внимания остаётся самое главное – «Как жить достойно, чтобы быть счастливым?». Чтобы помочь выпускнику школы найти ориентиры в быстро меняющихся условиях жизни, перед педагогами стоит актуальная задача: развить у детей способность к успешному усвоению новых универсальных учебных действий, которая формирует у детей умение самостоятельно продолжать образование на протяжении всей жизни, обладать метапредметными компетентностями.

Ответ на вопрос «Как жить достойно, чтобы быть счастливым?» можно найти во многих источниках. Академик Д.С. Лихачёв писал: «Самая большая ценность в мире – жизнь: чужая, своя, жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всём её протяжении – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим» [Лихачёв, 2007. С. 22]. На встрече со школьниками в Далхузи, в штате Химачал-Прадеш призывы Далай-Ламы были направлены на развитие способности к внутреннему изменению мышления – «гигиене эмоций»: «... Я хочу попросить вас, молодое поколение; пожалуйста, уделяйте больше внимания не только физической гигиене, но и тому, что я называю гигиене эмоций... Нужны знания об уме. Как только у вас появится полная картина устройства ума и эмоций, полное знание представлений о негативных, разрушительных эмоциях, вам будет намного легче справляться с ненужными эмоциями, жизненными трудностями. Счастье достижимо путём тренировки сознания» [Далай-Лама, 2013].

Для достижения целей требуется воспитание своего ума, которое приведёт к духов-

ному преобразованию. Предположим, что мы хотим понять смысл пословицы. Надо внимательно её прочитать, мысленно проработать вопросы: «Что такое арга / мудрость?», «Что означает число шесть?», «Что такое меге / хитрость?», «Что означает число пять?». Далее идет стадия понимания: размышлять, если трудно усваивается смысл текста, то посмотреть разные источники, сравнивать, удостовериться в подлинности убеждений, опора на источники развивает критическое мышление. А последняя стадия требует от нас практического постижения. Таким образом, в результате слушания, размышления и личного переживания идет процесс самореализации, воспитание и тренировка собственного ума. Если вместе с детьми с положительной мотива-

цией будем изучать и анализировать пословицу «Алды аргалыг, беш мегелиг», то научимся смотреть на мир другим взглядом, обретём новое знание и навык о внутреннем счастье, расширим кругозор, найдём верный путь к созданию удовлетворённого состояния, какими бы ни были оттенки нашей жизни. У детей по мере взросления будут хорошие возможности передавать следующему поколению положительную привычку превращать неблагоприятные ситуации в факторы духовного развития.

В ходе небольшого исследования «Проблемные вопросы преподавания пословиц» мы выявили следующие показатели. Инструмент исследования – анкета, которая содержит три вопроса, касающихся методики преподавания пословиц в школе.

Вопросы	«Да»	«Нет»
Нужно ли методическое пособие по методике преподавания пословиц?	91 %	9 %
Бывают ли трудности при обучении пословиц?	40 %	60 %
Знаете ли Вы точное толкование пословицы «6 аргалыг, 5 мегелиг»?	79 %	21 %

Прежде всего отметим, что разработка нового методического пособия по методике преподавания тувинских пословиц необходима, хотя значительное количество педагогов (60%) не испытывает трудности при обучении пословиц, не нуждается в помощи детализированного изучения пословицы «Алды аргалыг, беш мегелиг» (79%). Но, учитывая, что есть учителя, которые нуждаются в методической помощи (21%), мы считаем важным рассмотреть некоторые особенности понятий: *шесть мудростей* и *пять хитростей*.

Что касается вопроса разработки методической литературы, нужно отметить, что необходим новый, в соответствии развития общества, подход в подготовке специалистов, так как современный метод изучения учебного материала требует перемен. Как сегодня помню случай в молодости, когда один из учеников задал вопрос: «Башкы, а что такое «алды арга, беш меге?» («шесть мудростей, пять хитростей?»). Тогда мне показалось, что я смогу быстро найти ответ на него, но всё не так просто было: я не смогла детально объяснить суть пословицы, в ответе на вопрос ребёнка обошлась примерами из жизненных ситуаций, опираясь на «кара угаан» (в уме) [Толковый словарь тувинского языка, 2011. С. 67]. Этот случай дал мне, совсем молодому учителю

тувинского языка и литературы, понять, что значит профессиональная подготовленность педагога. Автор-составитель первого тома серии «Фольклор Тувы» Б.К. Будуп в предисловии книги пишет: «На первый взгляд, после беглого прочтения, как будто улавливаешь единство смысла пословиц и поговорок, а на самом деле, после более подробного анализа обнаруживаем, что у них отличительные образные выражения, применяющиеся к ряду сходных жизненных явлений» [Будуп, 2016. С. 7]. Действительно, вопрос более тонкого толкования смысла пословиц – процесс сложный, требующий соответствующей подготовки, так как в них заключена довольно серьёзная философия, можно сказать, что даже взрослым не под силу объяснить их некоторый смысл. Таким образом, размышление над пословицей «Алды аргалыг, беш мегелиг» ставит перед нами новые задачи, касающиеся не только повышения уровня знаний детей, но и подготовки их к реалиям жизненных ситуаций. Метапредметный подход обучения, который заложен в основу ФГОС, ориентирован на инновационное составляющее содержания образования, обеспечивающее успешную жизнедеятельность. Переорганизация предметного материала, усиливая все то, что хранит предметная форма образования, требует от учителя

создать особые условия, в которых дети могут самостоятельно, но под руководством учителя найти решение задачи, которое пригодится и за границами любого предмета, и вне школы.

Для реализации целей и задач предстоящего урока учитель тщательно планирует свою деятельность. На подготовительном этапе предстоит найти ответы на следующие вопросы: с чего следует начинать работу над текстом, на что обратить главное внимание и какими средствами и способами подавать новое знание, какова будет учебная деятельность детей на уроке, какой способ будет наиболее удачным при оценивании знаний, умений и навыков детей. Учитель знакомится с научными источниками, критическими статьями об исследованиях тувинского фольклора. На следующем этапе следует написать конспект урока, с четким планированием и соблюдением структуры урока: точная цель и пути решения учебных задач, новые подходы в преподавании видов устного народного творчества. Понимание детьми морально-нравственных норм и правил, убеждений в тувинских пословицах найдёт место на завершающем этапе. Познавательная образовательная деятельность в интеграции с философским подходом в изучении пословицы «Алды аргалыг, беш мегелиг» определяет степень расширения знаний, ориентации в ценностно-смысловых понятиях в силу возможностей детей. Предложенное проектирование работы является примерным, так как у каждого учителя имеется своя методика преподавания.

Фольклор – совокупность всех проявлений народного быта, верований, навыков, мастерства, привычек, поведения, обрядов. Вопросы изучения тувинского фольклора занимались многие учёные. В диссертационной работе доктора филологических наук Д.С. Куулар «Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций» обобщены материалы по проблемам изучения тувинского фольклора, описана общность тувинского фольклора с фольклором народов Азии.

«Тувинский фольклор как источник для исследования истории тувинцев стал привлекаться уже в XIX в. учёными-ориенталистами В.В. Радловым, А.М. Позднеевым, Г.Н. Потаниным, Е.К. Яковлевым, П.Е. Островских, Ф.Я. Коном, Г.Е. Грумм-Гржимайло. Продолжая эту традицию дореволюционной исто-

рической науки, советские историки В.И. Дулов, Х.М. Сейфулин, А.П. Окладников, Л.П. Потапов, Н.А. Сердобов, Л.В. Гребнев, С.И. Вайнштейн, Ю.Л. Аранчын, В.Ч. Очур, М.Х. Маннай-оол и другие широко опираются на произведения фольклора при освещении различных сторон жизни и истории тувинского народа. Они находят много фактов и сведений о древнейших историко-культурных, этнических связях тувинцев с алтайцами, хакасами, якутами, киргизами, бурятами, монголами» [Куулар, 2009].

Изучение тувинского фольклора помогает детям осознать истинные и мнимые ценности в жизни. Доктор филологических наук, профессор, известный фольклорист, критик, литературовед, «Заслуженный деятель науки Тувинской АССР», «Отличник народного просвещения РСФСР», внесший весомый вклад в развитие тувинского литературоведения и фольклористики, Д.С. Куулар утверждал о проявлении разных воззрений в фольклоре тувинского народа: «Тувинский фольклор, возникший на стадии родоплеменных союзов и прошедший сложный исторический путь, несёт в себе взгляды и идеи различных социальных групп. Среди них проявляются шаманистические и ламаистические воззрения на общество, природу, человека, вселенную, жизнь и смерть» [Куулар, 2009]. Ещё в 1908 г. Е.В. Аничков писал о религиозных воззрениях народа в фольклоре: «Народная поэзия глубоко религиозна. Она коренится не в потребностях эстетического наслаждения, а в потребностях веры... Чем глубже мы вдумываемся в какой-либо памятник народной поэзии, тем яснее его основной, религиозно-бытовой или ритуально-обрядовой, домашне-хозяйственный или «международно-политический» замысел» [Аникин, Круглов, 1987. С. 5]. То, что пословицы имеют историческое место в какой-то промежуток времени, закрепляют за собой то ценное, что имело значение для последующей эпохи, подтверждают слова В.И. Даля: «Она (пословица – прим. авт.) не сочиняется, вынуждается силою обстоятельств» [Аникин, Круглов, 1987. С. 144].

Пословицы и поговорки «*улегер домак*», «*чечен сөс*» – краткие образные изречения, отражают историческое прошлое, житейский опыт, уклад жизни, мировоззрение, поэтическую одарённость народа. В них содержатся факты реальной жизни, хозяйственной деятель-

ности (в основном, кочевое скотоводство), размышления и наблюдения об окружающем мире. Сборники тувинских пословиц и поговорок были изданы в 1953, 1954, 1955, 1960, 1966 гг., а первыми их исследователями и публикаторами были А. Калзан, И. Плоткина, О. Сувакпит, М. Хадаханэ, О. Саган-оол, Ч. Куулар [История тувинской литературы, 2013. С. 22].

В произведениях устного народного творчества человеческая мысль отражается как активная сила. Мысль рассматривается как основа нравственности и нравственного самосовершенствования человека: «Боданганы ботка херек» / «Думаешь – себе помогаешь» [Донгак, 2009. С. 100]. Мысль выступает в качестве первичного возбудителя чувственных переживаний человека [Донгак, 2009. С. 101]. Народу было свойственно понимание причинно-следственной связи явлений: «Хат чокта, сиген бажы шимчевес» / «Без ветра трава не колышется». Убеждение в принципиальной познаваемости мира содержится в тувинской пословице «Угаанда төнчү чок» / «Познание бесконечно» [История тувинской литературы, 2013. С. 23]. Таким образом, в формировании у детей мировоззрения и жизненной позиции роль пословиц огромна.

Опираясь на разные научные источники, обнаруживаем истинность шести мудростей (в буддийской философии «шесть парамит») в пословице «Алды аргалыг, беш мегелиг» / «У человека шесть мудростей, пять хитростей», которая способна освободить человека от заблуждений, от неверного мышления, восприятия мира.

Вращивание в своём сердце добрых помыслов требует от человека больших усилий и многократного упражнения любви и сострадания. Развитие добрых помыслов заключается в познании шести совершенств: *даяние, нравственность, самодисциплина, терпение, усердие и приучение себя к определённом мировоззрению.*

Даяние или *щедрость* – первое совершенство. Подношение или даяние бывает материальное и духовное. Добрые мысли и действия помогут человеку отказаться от пагубных действий, научат правильному поведению. Самую главную роль здесь играет ум – источник всего, что человек делает и говорит, это и есть тренировка ума, к которой должны стремиться все.

О доброй или дурной мысли этнопедагог Г.Д. Сундуй в книге «Мир детства кочевой

Азии: опыт духовно-нравственного воспитания» пишет: «Этнопедагогика номадов утверждает, что каждая мысль – и высокая, и низкая – возвращается автору» [Донгак, 2009. С. 102]. Эта мысль также находит свое отражение в другой тувинской пословице: «Эки сеткил ээзин эргиир» / «Добрая душа обходит хозяина».

Нравственность – это не столько то, что мы знаем, сколько то, что мы делаем. Жить в соответствии с нравственными нормами – значит не только сознательно сделать их частью своего мировоззрения, но также взять на себя обязательство возвращать внутренние ценности и руководствоваться ими изо дня в день [Далай-Лама, 2016. С. 125]. Индийский мыслитель Нагарджуна в своё время дал следующие советы индийскому царю: не злоупотребляй вином и другими средствами, одурманивающими ум; заработай на жизнь честно; не причиняй насилия телом, речью и умом; проявляй уважение к другим; почитай достойных поклонения: родителей, учителей и всех добрых людей; будь добр с другими [Далай-Лама, 2016. С. 129]. Эти наставления, как мы видим, актуальны и сегодня.

Суть *самодисциплины* заключается в отказе от отрицательного поведения, от вредных поступков, которые прямо или косвенно несут самому себе расстройство, а другим – ущерб [Калу, 2004. С. 142]. Соблюдение самодисциплины выражается как основа чужого счастья (например, родственников, близких людей, друзей, даже незнакомых), так и самого человека.

Терпение – это способность переносить все страдания и невзгоды, которые могут встретиться в пути каждого, какова бы ни оказалась их причина, как выше сказано «какими бы ни были оттенки нашей жизни».

Человеку приходится тратить много сил и прикладывать большое старание, чтобы преодолеть множество трудностей. Чтобы отбросить со своего плеча всякую тягу, например, лень, неосторожность, забывчивость и т.д., которые ведут к различным страданиям, нужно слушать наставления взрослых, пополнить свой ум новыми знаниями. Есть тувинская пословица: «Күзээнин – чедер, сураанын – тывар» / «Жажущий – достигнет, ищущий – найдёт».

Быть довольным тем, что есть, думать об одном, не отвлекаться разными мыслями – это есть успокоение ума, мысли. Пребывая внимательным к чему-то одному (чтению,

слушанию), человек учится управлять собой, приучает себя к определённом мировоззрению. Благодаря такому состоянию, пребывая в размышлении, человек может увидеть свои недостатки, обретает возможность избавиться от своих плохих привычек, стать добрым, терпеливым. Следующие тувинские пословицы тому подтверждение: «Боданганы ботка херек» / «Нужно быть рассудительным», «Чааскаан олургаш, сагыжың шинчиле. Хөйнүң аразыңга сөзүң быжыгла» / «Наедине обдумывай мысли. На людях – свои слова.» В настоящее время, когда для многих из нас смысл жизни состоит в обретении материальных благ, было бы лучше осознавать смысл драгоценной человеческой жизни. Из-за занятости повседневными делами упускаем возможность духовного самосовершенствования, забываем об истинности *шести мудростей* – «то, что ведёт к другому берегу».

Никто не хочет причинять себе зла, страданий, но бывают ситуации, когда из-за неведения или неправильного понимания действительности сами себе делаем ущерб, делаем себя несчастливым человеком. Позже, обдумывая ситуацию, обнаруживаем, что у нас ограниченный, неверный взгляд на реальное действие. Например, огорчение из-за успеха других, т.е. зависть, один из внутренних ощущений, который как вирус будет подавлять свои же хорошие качества. Современная молодёжь все больше стала заботиться о своём внешнем виде, с огромной радостью идут в косметические салоны, меняют свой внешний вид, делают операции на лице. Пройдя через какой-то промежуток времени, начинают страдать из-за своих же желаний. Таким образом, неведение, неправильное воззрение, привязанность к объектам внешнего мира заставляют нас страдать. «Объекты внешнего мира, всё то, что предстаёт перед нами как формы, запахи, осязаемые объекты познания по природе своей подобны наваждению», – писал Кьябдже Калу Ринпоче, который оставил после себя безмерное духовное наследство [Калу, 2004. С. 136]. В книге О. Хомушку «Будда: Жизнь, вероучение» читаем следующее: «... Человек есть комплекс сочетаний. Комплекс сочетаний – пять скандх, которые составляют человека: *форма, чувствования, представления, силы, сознание*» [Хомушку, 1993. С. 68]. Сильная привязанность к чему-то, кратковременное ощущение радости

и другие черты являются человеческими характеристиками, которые искажают восприятие действительности, лишают возможности рассмотреть ситуацию, проблему в более широком понимании. Ложное видение «Я», чрезмерная забота о материальном благополучии, увлечение тем, что воспринимаем органами чувств, могут отрицательно подействовать на человека. Материальное удовлетворение и чувственное восприятие недолговечно. Об этом нас предупреждает часть пословицы «*пять хитростей*». Есть тувинская пословица: «Шолук сагыш човадыр, сыяп сагыш суксадыр» / «Обиженная мысль усталость вызывает, прожорливая мысль жажду вызывает», которая нацеливает человека на духовно-нравственное начало.

Опираясь на вышеизложенное, можно сказать, что в основе пословицы «Алды аргалыг, беш мегелиг» лежит буддийская философия. Подтверждается утверждение Д.С. Куулару о том, что «тувинский фольклор несёт в себе взгляды и идеи различных социальных групп. Среди них проявляются шаманистические и ламаистические воззрения на общество, природу, человека, вселенную, жизнь и смерть». Древняя мудрость о том, что для обретения счастья огромную роль играет состояние ума, тренировка ума, имеет огромную воспитательную ценность. Суть тувинской пословицы «Алды аргалыг, беш мегелиг» / «У человека шесть мудростей и пять хитростей» предостерегает человека от ложных чувственных удовольствий, направляет на правильное, мудрое восприятие действительности.

Заканчивая статью, хотелось бы обратить внимание на перевод второй части пословицы: «пять хитростей». На наш взгляд, в выражении «беш меге» речь идет об искаженном восприятии действительности, о ложном представлении чувственных ощущений. В «Толковом словаре тувинского языка» обнаруживаем следующее толкование: Меге – 1. Ложь, обман; 3. Ложный; 4. Поддельный; 5. Ложный, ошибочный [Толковый словарь тувинского языка, 2011. С. 339]. Думается, синонимичный ряд «обман», «заблуждения», «миражи», «иллюзии» более тонко отображает смысловое чтение тувинской пословицы, а это отдельная тема для обсуждения.

Литература

- Аникин В. П., Круглов Ю. Г.** Русское народное поэтическое творчество. – Ленинград: Просвещение, 1987. – 476 с.
- Далай-Лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира. – Москва, 2016. – 222 с.
- Далай-Лама: Воспитание сердца. 2013. [Эл. ресурс] URL: <http://potala-elista.ru/>.
- История тувинской литературы. Т. I. Истоки. Литература Тувинской народной Республики (1921–1944) / [отв. ред. К. А. Бичелдей]; редкол: Л. С. Мижит (рук. проекта) [и др.]. – Новосибирск, 2013. – 266 с.
- Калу Ринпоче. Просветленный разум. – Москва, 2004. – 136 с.
- Куулар Д. С.** Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций. 2009. [Эл.ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content>.
- Лихачев Д. С.** Письма о добром. – Санкт-Петербург, 2007. – 253 с.
- Пословицы и поговорки тувинского народа / сост. Будуп Б. К. – Кызыл, 2016. – 112 с.
- Сундуй Г. Д.** Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. – Кызыл, 2009. – 100 с.
- Толковый словарь тувинского языка / сост. А. К. Делгер-оол, Б. Д. Дирчин, А. Т. Дугаржап и др. – Новосибирск, 2011. Т. II. – 796 с.
- Хомушку О. М.** Будда: Жизнь, вероучение. – Кызыл, 1993. – 95 с.

Р. А. Султангареева

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия)*

СКАЗИТЕЛЬ (СЭСЭН) И СКАЗИТЕЛЬСТВО ТЮРКОВ: ЗАЩИТА, МОДЕЛИ ПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ТВОРЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

В статье рассматриваются место, значимость, перспективы в мировом культурном сообществе тюркского сказительства и личности сказителя, а также истоки, особенности и преимущества этнического феномена. Освещаются причинно-следственные связи Сказитель-Общество, актуальность позиционирования их во времени и правовой защиты Сказителя; способы и принципы пользования достижениями тюркской словесно-импровизаторской культуры; специфика кода батырства – героизма как изначальной основы эпосов-Законов государств. Концепции аргументируются преимущественно на примере башкирского сказительства. Антропологический подход к вопросу позволяет выделить особую устойчивость в генотипе тюрков феномена неиссякаемой Любви к изустному напевному Слову и поэтико-словесным импровизациям. Эта концепция освещается как гарант возрождения востребованности Сказителя, развития исполнительского искусства в современности. Автор указывает на принципиальные творческие и личностные характеристики статуса Сказителя, его права, обязанности перед обществом; дается перечень творческих норм импровизаторства, сочинительства и культуры исполнения собственных и народных произведений. Предлагаются пути и методы решения вопросов позиционирования национальной сказительской школы, престижа Сказителя и его роли в модернизации общественного сознания.

Ключевые слова: эпос, сказительство, исполнение, сэсэн, традиции, нормы импровизации, статус сказителя.

R. A. Sultangareeva

*Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research of the RAS (Russia)*

THE TURKS' STORYTELLER (SASAN) AND STORYTELLING: PROTECTION, USAGE MODELS AND PRINCIPLES OF CREATIVE TRADITIONS

The article examines the place, significance, prospects in the world cultural community of Turkic storytelling and personality of the storyteller, as well as the origins, features and advantages of the ethnic phenomenon. The causal relationships of the Storyteller-Society, the relevance of their positioning in time and the Storyteller's legal protection are highlighted; methods and principles of using the achievement of the Turkic verbal and improvisational culture; the specificity of kodabatyrdom-heroism as the initial basis of the epics-laws of states. The concepts are argued mainly on the example of Bashkir storytelling. The anthropological approach to the issue makes it possible to highlight a special stability in the genotype of the Turkic, the phenomenon of inexhaustible love for the oral melodious Word of hypoetic and verbal improvisations. The author indicates the fundamental creative and personal characteristics of the status of the Storyteller, his rights, obligations to society; a list of creative norms of improvisation, composition and

culture of performance of one's own and folk works is given. Ways and methods of solving the issues of positioning the national storyteller school, the prestige of the Storyteller and his role in the modernization of public consciousness are proposed.

Keywords: epic, storytelling, performance, sasan, traditions, norms of improvisation, the status of a storyteller.

Тюркский фольклор – один из основных фундаментов мировой духовной культуры, до сих пор сохранивший символы працивилизаций, комплекс общих традиций, языковых, философских, жизнесмысловых представлений народов, относящихся к тюркской системе. За тысячелетия непрерывной традиции этот вид культуры трансформировался порой до неузнаваемости, но сохранил присущий только ему код, ни в какие времена и ни под какой коррекцией не выжигаемый из истории. Со времен энеолита – переходного периода от каменного к веку металла (II–III тыс. до н.э.), этот феномен культуры обозначил истоки, время возникновения могучей мифологической системы осознания мироздания, запечатлел нравственные приоритеты, общность жизненной идеологии, типологические сходства традиций прототюрков. В этих знаниях наиболее ясно отображены особенности праиндоевропейских изначальных традиций, впоследствии по-разному проявляющиеся в культуре башкир, казахов, кыргызов, туркмен, алтайцев, каракалпаков, ногайцев и других этносов.

Тюркская культура – это единство и взаимосвязь самых различных этнических, хозяйственных типов (кочевое, полукочевое, земледельческое, скотоводческое и др.), религиозных учений (ислам, буддизм, православие, шаманизм) и систем жизневедения (этикет, образование, лечебная магия, народное искусство и т.д.). В отличие от других систем, тюркская традиционная культура глубоко синкретична, посемантическая, и концепция её составляется из многих, самых различных мировоззренческих, языковых, философских, эмоционально-экспрессивных, смыслонесущих и других единиц. Постигание её замыслов связывается с охватом культурных комплексов, касающихся огромных пространств, этнических, временных, локальных компонентов. Потому изучение этой культуры требует учёта многих факторов и применения особых методик изучения.

Многогранность тюркской культуры очевидна в философском прочтении. «Уникальность тюркской философии заключается в органическом сочетании традиции и открытости к инновациям, номадического и оседлого опытов освоения мира сакрального, профанного и

хтонического, она характеризуется толерантностью, свободолобием, изначальностью слова и оптимизмом» [Алимжанова, 2011. С. 71].

В фольклоре, традициях мы выделяем три основные культурные комплексы: сказительство, обрядово-ритуальное и целительское творчество. В каждом из них различаются комплексы, касающиеся песенного, эпического, танцевального, мелосного, игрового, паремического отображений действительности.

Сказительство и устно-поэтическая словесность – многовековая могучая система образования народов и форма передачи знаний, моральных ценностей от поколения к поколению. Это и гарант поддержания духовно-нравственных традиций этноса, его жизненных идеалов. Благодаря интеллектуальной высоте и духовной образованности талантливых сочинителей, мудрецов, поэтов-импровизаторов тюркская система словесного искусства является поныне знаковой и самой устойчивой во времени. Она не теряет востребованность, а наоборот, словно живой родник, в новых формах находит способы активации на арене во имя гармонизации жизни общества, улаживания личностных и государственных отношений в XXI в., в веке кризисов, реформ и заблуждений.

Башкирские сээны, казахские акыны, кыргызские, алтайские кайчи, хакасские хайджи, азербайджанские ашуги, туркменские бахши, узбекские, ногайские дастанчи, жырчы и т.д. – это выдающиеся личности, благодаря напряженному интеллектуальному труду и последовательной творческой деятельности которых созданы произведения-символы этих народов – эпосы. По идеям судят о народе и его будущности. Эпос является в данном контексте самым знаковым образцом. Главными эпосообразующими концептами являются идеи Добра и Зла, Свободы и Рабства, Жизни и Смерти, Правды и Лжи, на фоне борьбы которых проявляются народные истины – ориентиры жизни тюрков. Описания полярных противостояний выводят главных героев-батыров. Они и являются символами и носителями идеалов народов. Башкирский Урал-батыр, уйгурский Абахай-Пахта, казахский Кобланды, кыргызский Манас, алтайский

Маадай-Кара, калмыцкий Джангар, общий Алпамыша – это идеальные образы защитников страны и поборников справедливости, свободы, они в духовной жизни народов по сей день ориентиры добродетели и истинного служения народу. Появление героя-батыра, борьба с драконами, людоедами, победа и освобождение народа от рабства и союз с необыкновенной женщиной как гарант будущности рода – эта схема заложена во всех эпических памятниках тюрков. Все это дает возможность гипотетически полагать, что некогда был предпослан главный код осознания действительности мира свыше. Эпические сказания тюрко-монголов, а также ведийские мифологические сказания начинаются со времен сотворения мира. Урал-батыр – демиург, и его основным подвигом является добывание солнечной девы (Хумай), крылатого белого коня и осушение вод мирового потока [Котов, 2000. С. 28–29; Он же, 2006. С. 230]. Сюжеты о сотворении мира как отражение первобытной философии, высеченные на наскальных рисунках и запечатлевшие первоуродный образно-символический вид информации, являют собой предфольклорные истоки, способы создания эпоса. Сюжеты эпосов «Урал-батыр», «Акбузат», как утверждает известный археолог В.Г. Котов, нашли изобразительное отображение в палеолитических пещерных рисунках [Котов, 2009. С. 338]. Наиболее архаичные традиции сложения мифов в эпосы древнее, нежели орхоно-енисейские эпитафии, и восходят, таким образом, к наскальным рисункам. Героическое было заложено в мировидении тюрков как спасительный от мирового Зла код, который облекался в художественные формы фольклора. Эпос «Урал-батыр» в этой связи является наиболее древним пратекстом из известных тюрко-монгольских эпических сказаний. На фоне исторических событий, перемен, великих переселений народов миф о первотворении Земли от тела человека переживает глубоко сложные трансформации, религиозные наслоения, художественные обработки на фоне праиндоевропейских традиций, а имеющиеся варианты застывают в формах, дошедших до наших времен.

Поэтико-словесное, изустно-импровизаторское, художественное и стилевое переложение мифологического сознания в монолитные полотна эпических повествований было осуществлено выдающимися личностями: сээнами (шешен, чечен, сэчен и т.д.), акынами,

жырчы и дастанчи. По принципу исполнения конкретных эпических произведений мастера называются манасчи, джангарчи, олонхосут, уралсы. Народ, не прошедший в своем развитии мифологическое сознание, не сотворивший свой эпос как закон жизни, как правовой кодекс чести на естественной этнической почве, представляет собой этнос более позднего формирования, не имеет, собственно, эпоса. В его творчестве перерабатываются вариации, варианты и языковые переложения известных в тюркском мире произведений.

Исконно тюркский сказитель соединяет в природе своей функции жреца, воина, провидца (аулия), поэта, мага, учителя, философа, певца, дипломата, баксы (шамана). Связь с шаманизмом, особая биоэнергетическая природа, роль благословений духов предков, жертвоприношения во имя становления сказителем – основные атрибуты для неординарного творца, они составляют концепции фундаментальных исследований [Бакчиев, 2015. С. 47–180]. Сказитель, по причине этой многогранности и экстраординарности, творит песни силы духа и представляет образ, до сих пор устойчивый в генной памяти тюрков. Высшее почитание сказителя скудеет, но память пульсирует в традициях. По отношению к сказителю ныне мы судим об исторической, социальной репутации общества. Культовое отношение к нему почти утеряно, но не утеряна глубокая генная любовь тюрка к слову, сказанному живым сээном, бахши, акыном, жырау! Этот феномен любви и есть ключевой момент для ответов по поискам о востребованности творчества сказителя в XXI в. В этой любви содержится вековечный жизненный принцип, который может быть исчерпан только по исчезновении человека как биогенотипа. Потому актуализация, поддержание и использование этой любви к слову – ключевая задача. Сказитель и сегодня должен быть непревзойденным мастером слова, дипломатом, магом, психологом, учителем, наставником, ритуалистом и ответственнее, чем поэт, гражданином. В этом условии продолжения традиций сказительства.

Чувственно-эмоционально, на генном уровне зная силу магии своего слова, сказитель мастерски умело использовал его в создании главных свидетельств о рождении и жизни народа. Трансформация магического в эстетическое, эмпирического в функциональное, обрядового в образное заняло тысячелетия,

за это время вбирая лучшие формы передачи информации: словесные, напевные, напевно-речитативные, жестовые, пантомимические, акциональные. Музыкальный символ этих произведений развивался на одном временном срезе с вербальным, проецируя глубоко древний генотип сказительского сознания прототюрков. Мелодии архаичного звучания башкирских эпосов, вобравшие выразительные пространственно-временные, природные, созерцательные, медитативные интонации, свидетельствуют об этом. Таковы четыре разного звучания мелодии эпоса «Урал-батыр», который в живом аутентичном бытовании, в единстве со словесными текстами, мелодиями, жестами, удалось нам недавно обнаружить в исполнении известной сээзии А. М. Усмановой (1930–2015). Это было феноменального значения открытие, аргументирующее создание, бытование и изустную преемственность главного текста башкир и башкирского эпоса, прочность сказительского сознания, а значит и традиций. Кроме текста, записанного М. Бурангуловым в 1910 г. от сээзов Г. Аргынбаева (разучил у сээза Ишмухамета Мырзакаева), Х. Альмухаметова, и некоторых фрагментарных образцов (записи А. Харисова, З. Сафаргалиной), такого объемного текста, как от А. Усмановой, обнаружено не было. Мелодии по известным причинам также не были записаны. Текст опубликован [Солтангэрэева, 2012. бб. 126–140]. Архаичные пласты сознания звучат в мелодиях эпоса «Заятуляк и Хыухылыгу», «Алпамыша», «Идель-йорт», «Кара юрга», «Долины Урала» и др., которые живы в практике исполнения сээзов и по сей день. Музыкальное сознание – это и есть самый яркий показатель сказительского сознания и сказительского творчества тюрков. Доминирующее речитативно-заклинательное, мелодическое исполнение, как определяет исследователь, свойственно было не только сказительскому, но и всему искусству башкирской словесной древности [Кунафин, 2002. С. 15]. Степная, горная, лесостепная, лесная ландшафты показательно отразились на специфичной природе, архитектонике, сюжетике, эмоциональном пафосе, особенностях передачи идей в эпических сказаниях. Эта идея есть идея народа, издревле сформировавшегося на месте обетования и многие века проживающего на нем, это идея создания мира и защиты земли, за которую проливал башкир моря крови и ставил безопасность страны выше своей.

Таковая кровно-родственная ответственность за землю обитания свойственна творчеству всех коренных народов.

Тюркский эпический фольклор (казахский, туркменский, узбекский, башкирский, кыргызский, каракалпакский, уйгурский, алтайский и др.), как монолитный институт, аккумуляровавший многовековое творчество и идеалы общественного сознания, с течением времени находит новые формы жизни и выражения. Названная романическим дастаном [Азибаева, 1990. С. 7] форма уже представляет следующий этап эпосотворчества. «Кузыйкурпеч и Маянхылыгу», «Тагир и Зухра», «Юсуф и Зулейха» и другие произведения сформировались как достояния общетюркского значения.

Во всех эпических произведениях заложены жизнотворные идеи, поддерживающие эволюцию человечества и человеческого духа (традиции, мораль, стереотипы поведения), и прорабатываются они сообразно языку, ментальности, особенностям мировидения, быта народов. Таковое словесное искусство представляет уникальное по значимости творчество, обеспечивающее поддержание в веках традиций, общественной морали и «не имеющий равных способ передачи моральных принципов и правил поведения» [Путилов, 2005. С. 90].

Тюркский сказитель предстаёт как оракул, творец и передатчик духовного опыта предков, и хранитель, и учитель, соединяющий прошлое, настоящее и будущее, выдающаяся личность. Актуальность импровизаторского творчества, возрождение преемственности исполнительского, сочинительского искусств йырау, сээзов, акынов, жырчы в современный век глобализации неизмеримо высоки. Это творчество соразмерно с чрезвычайно важной миссией, т.к. приходится на время и в век сотворения нового мира с поисками генотипа человека будущих веков, продолжающего идеи добродетели (якшылык), справедливости в новых формах, звуках, действиях, но основанных на духовном опыте великих предков.

В современный период институты сказительства и эпосотворчества активно возрождаются в традициях преимущественно коренных (древних) народов. Это есть свидетельство непререкаемой прочности и священности культа слова, генной памяти у тех культур, история которых первоначально поддерживалась изустным донесением нравственных

ценностей, жизненных знаний, инструментов жизневедения. В век нынешний возрождение сказительства (поэтические сочинения в рамках традиций, исполнение известных эпосов, старинных песнопений, преданий и легенд с мелодиями и др.) актуализирует роль и престиж родного языка и восстановление древних его корней, расширение знаний по традициям и обычаям, этикету и человечности в целом.

Башкирские сэсны, казахские акыны, кыргызские, алтайские кайчи, хакасские хайджи, азербайджанские ашуги, туркменские бахши, узбекские, ногайские дастанчи, жырчы и т.д. – это выдающиеся личности, на основе напряженного интеллектуального труда и творческой деятельности которых созданы произведения, символы этих народов – эпосы. Сочинение и исполнение в современный период импровизированных в стиле кубаиров многотиший, песнопений являют собой модели:

1) воспроизводства духовных и физиологических сил этноса;

2) творческой активности как свидетельства исторической, духовной состоятельности и высокой репутации;

3) защиты от языковой, этнической ассимиляции и механизмом оптимальной, неболезненной адаптации к миру современному;

4) сохранения национальной философии и культуры в целом;

5) неиссякаемости творчества народа, призванного исполнить свою миссию в истории;

6) солидаризации и единения различных народов. Известно, что по идеям судят о народе и его будущности. Эпос и сказительство – знаковые образцы-идеи, обобщающие не провинциальные, бытовые интересы, а глобальные, народообразующие и солидаризирующие возле идеологии добродетели, могучие инструменты жизневедения. Оценка современного сказительства с точки зрения сугубо филологических, литературоведческих позиций исключает масштабность замыслов и исконно государственную необходимость этой школы образования духа и человечности. В сказаниях обобщаются главные эпосообразующие и этносообразующие концепты – Космос и «я в нем» (Человека в нем), познания Добра и Зла, Свободы и Рабства, Справедливости и Неправды, Жизни и Смерти, Истины и Лжи. На фоне осознания борьбы и единства этих противоположностей проявляются народные ориентиры, гуманистические приоритеты, которые

особо актуальны в современности. Именно сказительство, исполнение эпосов как законов, поэтическая передача непререкаемых ценностей активируют энергетические и культурные силы народов-творцов.

Описания противостояний и извечные инстинктивные человеческие желания победы над злом (смерти, неправды, рабства и т.д.) стимулируют в творчестве настоящего сэсна-сказителя главенство Победителя в лице главных героев-батыров, а в современности – благородных лидеров. Все главные батыры тюркского и славянского эпоса родились на своих землях, аулах, в лоне своей природы, в своих странах и потому защищали свои земли, потому не стали рабами, а стали символами духовной свободы древних народов. Духовная свобода в современный период – одна из актуальнейших в воспроизводстве человеческого национального достоинства и чести (намыс). Аргументом является тот факт, что в жизни народов они и в XXI веке представляют непререкаемые примеры добродетели и истинного служения справедливости.

Идеи народа, издревле сформировавшегося на месте обетования и многие века проживающего и защищающего родную землю ценою жизни, создания мира и защиты земли, ставя безопасность страны выше своей, беззаветной, до самоотречения высокой и преданной любви к родной земле и эпическое воспроизводство этой любви – все это свойственно творчеству только древних коренных народов. Именно коренным народам свойственно сказительство и культовое почитание магии слова и тенденции донесения его священности, использования в каждом новом времени, пространстве и месте обитания. Эта любовь и долг служения дарованному свыше высшему назначению сказителя стимулирует сэснов передавать, создать и создавать в современности эпос как духовный паспорт народа. Этот феномен невозможно подменить, как нельзя подменить народ народом, эпос одного народа эпосом другого. Ибо словесные эпические творения навеяны идеей, традицией только данного народа-творца. Башкирский эпос в своей исполнительской, музыкальной, поэтико-смысловой ментальности и культуре передачи характеризуют существенные отличия и специфика, также свои приоритеты. Башкирского сэсна и сказительство маркируют самоотверженная, не имеющие аналогов неотрывная кровно-родственная связь и великая

любовь к Уралу, главенство этой темы во всех произведениях, передача ее в самых разных художественных решениях.

Активны ныне фестивальные, конкурсные практики по сказительству. Оценочными показателями в сложной ситуации по обозначению лучшего образца могут стать только качество универсалий и доверие к ним, утвержденные веками. Это главные национальные, этнические характеристики, свойственные в целом тюркскому сказительству:

- 1) мастерство владения содержательным и выверенным словом;
- 2) донесение основного идейного замысла эпоса;
- 3) красочное воспроизводство образов, умение абстрагироваться от бытового уровня;
- 4) выразительная пластика и гармония телодвижения с высказанным словом;
- 5) управление сердцами и чувствами зрителя;
- 6) обладание сильным и ярким голосом;
- 7) виртуозная талантливая импровизация при соблюдении художественных традиций, свойственных тому или иному этносу;
- 8) достижение коллективного акта катарсиса, когда слушатель переживает обновление, порой слезное облегчение;
- 9) верность принципам высокого благородства, мужества и личностной воли;
- 10) превалирование в творческом почерке заботы о народе родном и преданности его интересам;
- 11) безупречная репутация порядочного и духовно образованного человека;
- 12) планетарность сознания, не зависящая от примитивных нападок и осуждения, невосприимчивости непосвященных в это действие посредственных.

Сказитель не имеет возможности применить Слово ругани, клеветы, словоблудия по отношению к кому-либо, особенно импровизаторам, певцам. Ибо он в этом случае изменяет дарованию и назначению, данным Всевышним, теряет покровителей и становится обыкновенным носителем языка.

Непререкаемы критерии и требования к исполнению профессионалов – эпосоисполнителей, т.е. манасчи, кайчи, баксы, бахши, дастанчи, джангарчи, олонхосутам и уралсы, это высокая культура соблюдения точности текста, напевов, выправка достойного носителя

культуры народа. Яркий и узнаваемый этнический облик, психоэмоционально наполненное и эффектное представление национального текста, выдержка этнических качеств и соответствующее сказителю поведение во всех ситуациях жизни.

Сказитель предстаёт как оракул, творец, жрец, целитель, наставник, посредник между этим и потусторонним мирами и располагающий всеми атрибутами шамана и баксы [Далгат, Кидайш-Покровская, Пухов, 1965. С. 96–100], также и передатчик духовного опыта предков, и хранитель, и учитель, соединяющий прошлое, настоящее и будущее, выдающаяся экстраординарная личность. Он – избранник Всевышнего, потому ныне носитель национальной идеологии добродетели и духовной свободы, матрицы родного языка. Для поддержания этого живого родника необходимы всемерные поддержки научного, общественного мира и забота государственного масштаба.

На основе нашего опыта мы предлагаем следующие концепции продвижения сказительства в целом:

1. В век техногенности теряется длинная память индивидуума и замыслы языковой культуры, а значит, и личностные качества носителя языка – представителя национальности. Потому необходимо обучение эпосу и эпосам со школьной скамьи.

2. Обережение сказителя связано с уровнем культуры сообщества. Необходимо признать неприкосновенность и почитаемость личности сказителей и объявить их как «Национальное достояние» («Халык казанышы»). Необходимо разработать Закон о сказителях как о достояниях нации.

3. Уходит с обихода и пользования матрица башкирского языка (как и у других народов), теряются или применяются неверно основные исконные значения слова как многовекового достояния языковой культуры. Отсюда наблюдается тенденция профанации языка и упрощение его, ошибочная интерпретация, произношения текстов эпоса. Необходимо обучение эпоса и разучивание языка и семантики архаичных речевых образцов, мотивов эпоса с начальных классов.

4. Фольклорный текст – основной хранитель языка, философии и учитель нации. Расширение обязательной программы преподавания фольклора позволит в школах, вузах

решить проблему эффективного обучения родным языкам и укрепления за короткий срок престижа языка (в РБ – башкирского)

5. Проводить праздники изустного, неконкурсного, аутентично-импровизаторского массового чтения эпоса своего народа. В РБ проводятся праздники «Урал-батыр» байрамы». Целесообразно проводить праздники, например, эпоса «Слово о полку Игореве», «Кобланды», «Джангар», «Манас» и др.

6. Сказители, чтецы, певуны эпосов и сочинители в стиле эпоса – это золотой интеллектуальный фонд народов. В век духовного кризиса целесообразно не только обережение его, но и максимально действенное использование потенциалов школ сказителей-сэсэнов, кайчы, олонхосутов как основных механизмов воспроизводства сил этноса. Та или иная культура, нацеленная на перспективы укрепления своего духовно-нравственного кода, по сути связана со сказительским творчеством.

7. Расширить на местах, районах, регионах сложения эпоса конкурсно-фестивальную практику по *региональному* сказительству, т.к. местом создания и активного исполнения и прочности генной памяти преимущественно были близкие к природе, деревням и селам места.

8. В вузах, школах регулярно проводить чтения, флешмобы по эпосам, т.к. этот инструмент первоначально имел не столько художественное, сколько усиливающее волю, дух, энергетику человека ритуальное практическое значение. Эпос был законом жизневедения, располагающим поныне мощным потенциалом солидаризации масс, обновления и укрепления духовных и физиологических сил человека.

9. Ежегодно проводить фестивали эпосов народов России в республиках, позиционировать импровизации, сказительство, исполнительство известных эпических произведений как единственных глобальных моделей спасения духовного облика и нравственных сил народов в век глобализации.

10. В целях спасения эпосов от механической ассимиляции, присвоения чужой культурой предложить включить в список нематериальных достояний человечества эпосы всех древних коренных народов с обозначением их этнической идентичности и гарантией неприкосновенности. Все это приобретает особую актуальность в сегодняшний век глобализации. В развитии духовности народов обнаружится мощный потенциал, возможности спасения достояний во имя повышения исторической, духовно-нравственной состоятельности народов и укрепления высокой репутации в мировом масштабе.

Базовыми факторами влияния на сознание слушателя живого сказывания эпоса, с точки зрения науки, является ритм, голос и небывальные реакции сказителя, а также сюжет и характер сказываемого эпизода. Всё это представляет собой, видимо, особый вид кодирования энергетической информацией. Осознание масштабности сказителя и его живого сказывания эпоса в современном обществе заметно растет. И это говорит о том, что эпос и его сказители всегда выполняли роль консолидирующих факторов в обществе и являлись духовным стержнем в формировании идентичности своего народа.

Литература

Азибаева Б.У. Казахские народные романтические дастаны. – Алма-Ата: Гилым, 1990. – 140 с.

Алимжанова А.Ш. Ценности и идеалы ислама в пространстве духовного поиска тюрков // Жамбыл и эпическое наследие тюркских народов. Материалы международной науч.-практ. конф. 12 апреля 2011 г. – Алмата, 2011. С. 70–76.

Бакчиев Т.А. Кыргызские эпические сказители. – Бишкек, 2015. – 256 с.

Далгат У.Б., Кидайш-Покровская Н.В., Пухов И.В. В плену предвзятой схемы (О книге Е.М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники») // Советская этнография. – № 5. 1965. – С. 94–113.

Котов В.Г. Южно-Уральский пласт индоарийской мифологии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000.

Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. – Уфа, 2006.

Котов В.Г. Башкирский героический эпос «Урал-батыр» как исторический источник // История башкирского народа. – М.: Наука, 2009. – С. 335–339.

Кунафин Г.С. Башкирская литературная песенная поэзия XIX – нач. XX вв. Проблемы формирования и развития жанровой системы. – Уфа: БГУ, 1997. – 155 с.

Путилов Б.И. Фольклор и народная культура. СПб., 2005. – 457 с.

Солтангэрэева Р.Ә. Башкорт сэсэн мәктәбе. – Өфө, 2012. – 292 б.

Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Т. 1. – Уфа: Башэнциклопедия, 2018. – 519 с.

Н. О. Тадышева

*Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С. С. Суразакова (Россия)***ВОДНАЯ СТИХИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА АЛТАЙЦЕВ**

В статье рассматриваются устойчивые представления о реке, озере, целебном источнике в традиционной культуре алтайцев. Раскрываются сюжеты и мотивы в эпосе, в которых образ водного пространства несет особую функциональную нагрузку. Представления алтайцев о водной стихии являются сакральными и отражены в нормах поведения, обрядности, фольклоре.

Ключевые слова: алтайцы, традиционная картина мира, водная стихия, сакральность, обрядность.

N. O. Tadyшева

*S.S. Surazakov Scientific-Research
Institute of Altaistics (Russia)***WATER ELEMENT IN THE ALTAIANS' TRADITIONAL WORLDVIEW**

The article discusses stable ideas about a river, a lake, a healing spring in the traditional culture of the Altai people. In the epic there revealed stories and motives in which the image of the water space carries a special functional load. The ideas of the Altaians about the water element are sacred and are reflected in the norms of behavior, rituals, folklore.

Keywords: Altaians, traditional worldview, water element, sacredness, ritualism.

Мифопоэтическая символика архетипа воды связана с мировыми универсалиями – река жизни, вода как одна из фундаментальных стихий мироздания, вода как первоначало мира. В алтайских космогонических мифах вода как источник жизни в образе безбрежного океана занимает важное место, земля и вода выступают как первостихии. Но вода представлена первичной, она покрывала землю: «До сотворения земли всюду была вода, ни земли не было, ни неба не было, ни луны-солнца не было», в другом мифе – «Поверхности земли и самой земли не было, оказывается, только вода» или «Много веков тому назад земли не было, всё океаном-морем было» [Несказочная, 2011. С. 49, 67, 79].

Для определения значения водного пространства в традиционной картине мира алтайцев обратимся к устному творчеству – героическим сказаниям, *алкыш*-благопожеланиям. В эпосе отражены народные опыт, знания, ценности, образы и представления. В устном народном творчестве проявляются архаические воззрения, можно проследить устойчивость представлений. В героическом сказании алтайцев «Кан-Чеечий» иллюстрируется спасение главного героя с помощью родовой горы и озера, при нашествии злого, враждебного Баспас-Чоокыр Кара- Кара-Мёкё спасает своего сына Кан-Чеечий:

*Эки конгон уулчак баланы...**Кара көлгөбапарыпсалды.**«Кара-Көлэнезиболуназыразын,**Череткелү Кара-Тайга**Адазыболуназыразын!»**Двухдневного мальчика...**К черному озеру отнес.**Известковая черная гора**«Черное озеро подобно матери вскормит
пусть**Подобно отцу вскормит пусть!»**[Кан-Чеечий, 2018. С. 203].*

Ребенок прячется в родной земле, родители его оставляют под защитой родовых духов, покровителей семьи. Исследователь В. П. Ойношев считает: «В эпосе гора имеет явное мужское начало, а река – женское. Согласно традиционной формуле эпического сказания, отцом богатыря является гора, а матерью река (озеро, море)» [Ойношев, 2006. С. 118].

Так *Очы-Бала* и ее сестра *Очыра-Манжы* называли черную гору отцом, берег реки – матерью. У богатыря *Жылангаиш-Уул* отцом является гора *Ак-Сүмер*, матерью – река *Ак-Сүт* [Ойношев, 2006. С. 119].

В *алкыш*-благопожеланиях, которые сегодня произносятся во время обрядов, сохраняется данное представление:

*Ада бол асраган ыйыктарус,
Эне бол эмискен мөңкүлөрүс!
Шарлап аккан суу – аршан болгон.
Сарбай чыккан агажыс – ала арка болгон.
Алтай жерим Кайракан!*

Подобно отцу, выкормившие священные горы наши,

Подобно матери, вскормившие вековые ледники наши!

С журчанием текущая река целебной является.

С разветвлениями взошедшее дерево наше пёстрым лесом является.

Алтай, земля моя, *Кайракан!*
[Обрядность, 2019. С. 144].

Свидетельством о важном месте в мировоззрении алтайцев водных источников является то, что с ними связывают свое происхождение представители некоторых алтайских родов. Этногенетические легенды алтайцев соотносятся с ними: так, однажды во время града девушка съела льдинку, внутри которого были зернышки, и забеременела, от нее пошел род мундус [Несказочная, 2011. С. 255]. Про род тодош мифы рассказывают, что «тодоши, пришли с Эрчиша» [Несказочная, 2011. С. 257], «В долине верховьев Эрчиша. На берегу этой большой реки человек по имени Падлай из рода тодош жил, оказывается» [Несказочная, 2011. С. 257].

И видимо, отражение древнего мифологического мотива о происхождении коня богатырши от духа воды мы видим в сюжете эпоса:

*Очы-Jeерен онын ады
Суу желбистен пу жайалган,
Очы-Бала паатырым
Jer желбистен пу жайалган.*

Ее конь Очы-Дьерен
Духом воды был ниспослан,
Богатырка моя, Очы-Бала,
Духом земли была ниспослана
[Алтайские, 1997. С. 92–93].

В сказании взаимосвязь богатыря и его коня тесная: конь – его друг, помощник, брат. Сказитель особо выделяет эту родственность – родовая земля подарила *тын*-жизненный дух богатырше, а родовая вода сотворила ее коня.

Водной стихии придается жизнотворческая сила, вода обеспечивает жизнедеятельность людей и всё связано с водой-кормилицей.

Тесная связь родной земли батыра и его жизни иллюстрируется в сказании «Сары-Салам». Особое место придается сакральному источнику.

*«Аржан болгон кара суум,
Таи ортозынан шорлоп аксын,
Мен жанганча соолбозын.
Jerимде бүйткен чечектер
Мен жанганча кугарбазын,
Алтайыма бүйткен жиш чечектер
Мен жанганча түйшпезин.
Алтайымды чүмдеп бүркеген
Алтан жүзүн агаштын
Алтын бүри түйшпезин» – деди.*

«Река моя с родниковой целебной водой-*аржаном*,

Из-под камней с журчаньем пусть вытекает,

Пока я не вернусь домой, пусть не высохнет.

Цветы, выросшие на земле моей,
Пока я не вернусь домой, пусть не поблекнут,
Молодые цветы, выросшие на *алтае* моём,
Пока я не вернусь домой, пусть не отцветут.
Алтай мой покрыв, украсивших
Шестидесяти видов деревьев
Золотая листва пусть не опадёт», – сказал
[Сары-Салам, 2018. С. 322–323].

Алкыш-благопожелание говорит о значении родниковой воды, реки для родной земли батыра. Если родовая вода не высохнет, то и его айыл, земля, народ, скот будут жить в достатке. Целебный источник предстает как символ, образ родной земли, айыла.

Река, озеро в традиционном восприятии является естественной границей своей и чужой территории. И в данном случае купание, умывание как очищение – обряд перехода, отделение. В традиционной картине мире прослеживается тернарная модель мира – деление по вертикали на три части – верх-середина-низ, небо-земля, подземный или Верхний, Средний и Нижний миры. Перед выездом в дальний путь, чтобы сосватать сыну дочь Алтын-хана, живущего в Верхнем мире, Алтай-Буучый совершает обряд очищения:

*Алтай сын(ы)на чыга берт.
Алтай-Буучый
Алтын көлгө јунунала,*

*Ўстиги ороонго шугун,
Шургун чыга берт.*

На хребет Алтай поднялся.
Алтай-Буучый
В золотом озере умылся,
В верхний мир устремившись,
Стал прямо лететь
[Алтай-Буучый, 2013. С. 278–279].

Переход из одного мира в другой, из одного состояния в другое воспринимается как дорога-путь. Можно сказать, что, отправляясь в дорогу, баатыр уходил в иной-чужой Верхний мир, где его подстерегали различные опасности, встреча с неизведанным.

В сказании «Мадай-Кара» после посещения мира предков баатыра *Көгүдей-Мергена* его конь окунул в источнике:

1 *Айдын-күннинг ол алдында*
2 *Аржан-кутук ол талайга,*
3 *Күннинг-айдын ол алдында*
4 *Тогус түңей сүт ле көлгө*
5 *Көгүдей-Мерген баатыр уулды*
6 *Көдүрүп экел бу түжүрди.*

5 Молодого богатыря Когюдей-Мергена
2 В целебный источник,
1 Под луной и солнцем находящийся,
4 [В воду] девяти молочных озер,
3 Под солнцем и луной находящихся,
6 Подняв, опустил
[Мадай-Кара 191; 379].

Все вывихи, переломы, больные места баатыра излечились после купания в целебном источнике. Но основная мысль здесь то, что после присутствия в ином-чужом Нижнем мире, который несет опасность, проведен магический ритуал очищения в целебном источнике.

Обряд очищения происходит и после битвы – *Очы-Бала* перед входом в айыл искупалась. Она после чужого пространства провела обряд, чтобы не принести с собой ничего опасного:

*Калын кебин чупчала,
Очы ла Бала ил салды,
Кајут удын талайына
Паатыр кызым јунунды.*

Плотную одежду сняв,
Очи-Бала ее повесила,
В реке Кадьугу
Искупалась богатырка, дочь моя
[Алтайские, 1997. С. 166–167].

В традиционном представлении дорога – сфера небытия, там поведение людей нерегулируемо и непредсказуемо, и никакая социальность невозможна. Пересечение путей, слияние и истоки рек, заметные высотки, мостики расположены в неизвестном, неосвоенном пространстве.

Рассмотрим место и роль водной стихии в духовной культуре алтайцев сегодня. «*Суу ла оттон јаан неме јок*» – «Выше [по значению] воды и огня ничего нет», – говорят информанты. Огонь все сожжет, вода все унесет. Сакральное восприятие воды повлияло на нормы поведения по отношению к водным источникам. Так, нельзя перешагивать верховье, устье реки. На устье реки нельзя ставить жилище – такая семья не будет счастливой. Нельзя загрязнять реку, мусор бросать, плевать в нее. Если переправа плохая стала, река поднялось, нельзя ругаться, сердиться на это. Стоя на переправе через реку, нельзя совершать поклонение: считается, что дух-хозяин скажет: «*Бажын менде болзын, буттарын јаратта болзын*» – «Голова твоя у меня будет пусть, ноги твои на берегу будут пусть» [Муйтуева, Чочкина, 1996. С. 42].

По традиционному мировоззрению, от многих недугов можно излечиться, посещая целебные источники-*аржан суу*. Существует ряд правил и определенных требований в период посещения *аржан суу*. Посещать нужно с весны, «во время зеленой листвы», когда первый гром прозвучит, земля проснется, кукушку слышно будет и до осени, «во время желтой листвы» [Муйтуева, Чочкина, 1996. С. 43]. Не рекомендуется отправляться на *аржан* поспешно, его посещают с определенной целью – получить помощь. Обязательно учитывается, чтобы люди были не посещавшие, не участвовавшие в течение года в похоронно-поминальных обрядах. С собой нужно взять алтайские традиционные продукты: *талкан* (продукт из жареных и обрушенных зерен ячменя), *курут* (кислый сыр), *сарју* (топленое масло), *быштак* (молочный продукт, пресный сыр), *боорсок* (жареные пончики из пресного теста), *чай*. Соль, мясо, спиртное нельзя брать на источник. Заранее готовят *кыйра*-жертвенные ритуальные ленты, *арчын*-можжевелик. Сопровождает не просто человек, который знает дорогу, но и умеющий проводить обряд поклонения духу-хозяину местности. На месте *аржана* нельзя ругаться, пить, рыбачить, охотиться и после посещения необходимо

придерживаться ограничительных мер поведения.

По отношению к горам и рекам сильны антропоморфные представления: так, к отдельным горам, горным массивам и по отношению к рекам в обозначениях их элементов используется антропоморфный код. Например, у реки есть *бажы*-голова, *озы*-устье, *колы*-протока, рукав.

После захода солнца нельзя ходить за водой, купаться: считается, что можно разбудить и разгневать духа-хозяина водного источника. Если есть сильная необходимость, то можно, назвав имя самой пожилой женщины в местности, сказать: «Такая-то рождает, для нее воду беру». Говорят, дух-хозяин, даже если осерчает, не сможет найти такую беременную женщину.

Водные источники, как и все, что окружает человека, имеют духов-хозяев. Они могут быть благосклонны к людям и могут представлять угрозу для них при несоблюдения по отношению к ним особых правил.

По поверью алтайцев, Хозяйкой рек, целебных источников является молодая женщина, девушка. Например, до сих пор бытует поверье, что хозяйка Телецкого озера – девушка [Ойношев, 2006. С. 21].

В мифах алтайцев дух-хозяйка реки предстает в виде женщины: «Рано утром, солнце только всходило, когда она мне повстречалась. Сидит на камне чёрная женщина с длинными волосами, голову моет водой, трясая головой, моет. Чтобы её рассмотреть, мол, что за женщина, я подполз на коленях, но она исчезла. Испугавшись, я тоже убежал, бегом до дома добрался. Рассказал, что там такое видел. Отец с матерью говорят, что это была дух-хозяйка реки» [Несказочная, 2011. С. 198]. Или «Дух-хозяйка реки, как увидит человека, с моста прыгнув, в воду падает. В глубину воды падает. Волосы её по поверхности воды распускаются. Она же сама, руки раскинув, на воду ложится. Затем немного отплывает. После этого исчезает. Дух-хозяйка реки над водой постоянно появляется. Человеку показывается. И взрослым людям, и маленьким детям. Если учует плохое, тоже появляется. Человек, [увидев её,] может даже умереть. Чаще всего этого не случается. Человек не умирает» [Несказочная, 2011. С. 198].

В традиционных представлениях река связана с потусторонним миром. Так, дорогу в иной мир указывает и река. Модель мира

диктует природное и культурное поведение и является средством самоориентации человека в пространстве и времени. Это связано с движением вниз, падением, когда во сне видишь человека, идущим вниз по течению реки в компании с мертвыми – это предвестник тяжелой болезни или смерти этого человека. Люди считают, что видели его *сүне*. В данном случае бинар «верх» – «низ» также является универсальной категорией во сне, предвещающей смерть. Материал показывает, что река – граница между мирами и дорога в иной мир. В верованиях и мифологии алтайцев вход в нижний мир устойчиво ассоциируется с рекой *Тойбодым*. Чтобы попасть в мир предков, умершим необходимо пройти через переправу с толщиной в волос. Батыры героического сказания переплываются через эту реку для того, чтобы спасти родных и победиться со злыми силами.

Археологические материалы свидетельствуют об особом месте у древних тюрков земли и воды. Так, в орхонских надписях встречается понятие *ыдык Йерсуб* ‘священная земля-вода’, которую они почитали как главное божество Среднего мира. Без эпитета *ыдык* или *ыйык* (священный) название употребляется для названия конкретной территории или местности. Название *Йерсу* с эпитетом *ыдык* привлекло внимание исследователей при первом прочтении орхонских надписей (конец XIX в.) и было понято как имя божества, переводимое Земля – Вода, как совокупность духов земли и воды. У алтайцев *Йерсу* – земное божество, живущее на высоких снежных хребтах Алтая. Раньше ему приносили в жертву коня рыжей масти. Некоторые алтайские шаманы получали свой первый бубен от *Йерсу*. Наряду с культом самостоятельного божества *Йер-Суу* у алтайцев также было распространено почитание духов-хозяев отдельных гор и лесов, скал и рек [Религиозные, 2014. С. 363–364].

Интерес вызывает объяснение информантов, что *Суу ээзи-Хозяйке* реки, озера нельзя говорить «*Баш болзын!*» (букв. «Головой будь»; здесь поклонение), т.к. можешь утонуть, вода покроет твою голову, как пояснили пожилые люди, тем самым ты разрешаешь *Суу ээзи-Хозяйке* реки, озера забрать твою душу. Видимо, в связи с выходом на первый план *Алтайдын ээзи* происходит ослабление шаманских духов Среднего мира *Йер-Суу* (букв. земля-вода) [Тадышева, 2015. С. 18].

В *алкыш*-благопожеланиях прослеживается сакральное значение воды, пространственные характеристики. С одной стороны, река символизирует линейное время, с другой – циклическое, подчеркивая незыблемость, вечность жизни:

...Эзен береер, Алтайым!

Кара суулу аржаным

Катап ичип алдыбыс,

Кара чачту бойыбыс

Кайа болуп јандыбыс,

Туйук суулу аржаным

Тунуп ичип алдыбыс.

Кайракоон!..

...Алтайыма ижен келдим,

Ажуларды ажып келдим,

Агын сууны кечип келдим,

Аржан сууны амзап келдим.

Ак санаалу једип келдим.

Алтайымды көстөп,

Алкыш-быйанды сурап келдим.

Кайракоон!

...Здоровья дайте, Алтай мой!

Родниковой водой целебного источника

Вновь мы напились,

С чёрными волосами мы

Обратно домой возвратились.

Из-под земли бьющего из целебного источника

Взахлёб мы напились

Кайракоон!...

...С надеждой на свой Алтай пришёл я,

Через перевалы перевалив, пришёл я,

Через текущие реки переправившись, пришёл я,

Целебной воды испив, пришёл я,

С светлыми помыслами пришёл я.

К Алтаю своему устремив взор,

Благословения-блага испрашивать пришёл я.

Кайракоон! [Обрядность, 2019. С. 147–148].

Охотники говорят такое благопожелание:

Ада болгон ак мөңкүлер,

Эне болгон агын суулар,

Алкыш-быйанар перигер!

Алтайымга андап келдим,

Аңгы-кужардан үлежигер.

Кайа-туулардын ээлери

*Ачынбагар, ан-кужардан
көргүзип перигер.*

Отцом ставшие белые ледники,

Матерью ставшие текущие реки,

Благословение-благодать дайте!

На Алтай свой охотиться пришёл я,

Зверьми-птицами своими поделитесь.

Скалистых-гор хозяева,

Не сердитесь, зверей-птиц [своих] покажите

[Обрядность, 2019. С. 308].

Благопожелание, произносимое при рождении, имянаречении ребенка:

Айланган туулары

шибеедий болсын!

Аккан суузы

аржан суудый эмдий болсын!

Арка-сыны ару јүрзин,

Ал сагыжы жарык јүрсин!

Вокруг [стоящие] горы

Крепостью [ему] пусть будут!

Текущая вода,

Как *аржан-суу*, целебной [ему] будет!

Стан-хребет его пусть чистыми будут,

Все мысли его пусть светлыми будут!

[Обрядность, 2019. С. 439].

В традиционной картине мира алтайцев водные источники пронизывают Верхний, Средний и Нижний миры. Образ воды в духовном и практическом освоении окружающего мира характеризуется как полифункциональный и полисемантический объект. В богатом алтайском фольклорном наследии водное пространство сакрально – незыблемая связь с родной землей, живительная и очистительная сила, магическое значение, использование в обрядах перехода, отражение которого в устном народном творчестве говорит о глубоких архаических воззрениях. Сегодня во всех обрядах алтайцев (культовом, календарном, трудовом, семейном) при произнесении *алкыш* идет обращение к сакральной водной стихии, а ограничительные и запретные нормы по отношению к воде и в современное время (ночью не брать, не загрязнять, обращаться определенным образом) – это показатель особой значимости объекта.

Литература

Алтай-Буучый // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2013. – С. 254–298.

Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 668 с. (Памятники фольклора и народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

Кан-Чесчий // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Том XVI / Вступительная статья, подготовка текстов, примечания к текстам А. А. Конунов; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – С. 202–239.

Муйтуева В. А., Чочкина М. П. Алтай жаң (Билинин бичиги). – Горно-Алтайск: Изд-во «Горно-Алт. тип.», 1996. – 208 с. (на алт. яз.).

Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. – Новосибирск: Наука, 2011. – 576 с. (Памятники фольклора и народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

Тадышева Н. О. Образ Алтая в традиционных представлениях алтайцев // Взаимодействие природы и общества в кочевой цивилизации народов

Центральной Азии. Сб. научн. тр. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 17–22.

Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Коллективная монография / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; Редколлегия: Екеев Н. В. (отв. ред.), Кузьмина Е. Н. (науч. ред.), Конунов А. А., Тадышева Н. О. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. – 704 с.

Ойношев В. П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – 164 с.

Религиозные деноминации в Республике Алтай / Редколл.: к.и.н. Н. В. Екеев, к.и.н. Тадышева Н. О. (отв. ред.), к.полит.н. Г. Б. Эшматова; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. – 480 с.

Сары-Салам // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Том IV серии «Памятники эпического наследия Алтая» / Подготовка, переводы текстов, примечания к алтайским текстам, комментарии к русским переводам, составление словаря выполнены М. А. Демчиновой. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 322–377.

Е. С. Торокова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

СРАВНЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЭПОСЕ

(на материале эпических текстов, записанных В. В. Радловым)

В статье рассматриваются сравнения в хакасских эпических текстах, изданных В. В. Радловым во второй части «Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи» в 1868 году.

Ключевые слова: хакасский эпос, сравнения, В. В. Радлов.

E. S. Torokova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

COMPARISONS IN KHAKASS EPOS

(based on epic texts written by V. V. Radlov)

The article deals with comparisons in the Khakass epic texts published by V.V. Radlov in the second part of the «Samples of folk literature of the Turkic tribes of southern Siberia and Dzungarian steppe» in 1868.

Keywords: Khakass epic, comparisons, V. V. Radlov.

Сравнения в хакасском эпосе являются одним из распространенных поэтических тропов. Они упоминаются в работах хакасских исследователей поэтики героических сказаний, но до сих пор остаются малоизученными. Между тем сравнения в героическом эпосе хакасов активно используются в работах,

касающихся сравнительного анализа текстов эпических сказаний разных народов. Основным источником материалом в этих исследованиях является эпос «Ай-Хуучин», записанный от сказителя-хайджи П. В. Курбижекова и переведенный на русский язык хакасским фольклористом В. Е. Майногашевой [ХГЭ АА, 1997].

Так, сравнения в эпосе «Ай-Хуучин» проанализированы в сопоставлении со сравнениями в русских былинах [Войтенко, 2010; 2015], использованы при изучении сравнений в якутском олонхо и алтайском кай чёрчэк [Львова, 2019; Павлова, 2019].

Есть отдельные работы хакасских лингвистов, касающиеся сравнений в хакасском языке. Так, в монографии, посвященной языку хакасского героического эпоса, приведены примеры образов сравнений, посредством которых сказители описывали внешний вид и действия богатыря, бег коня [Субракова, 2007. С. 21–23]. Способы выражения сравнений в хакасском языке исследованы в работах Э.В. Султрековой. В своей монографии она проанализировала сравнительные конструкции со словами *чили* ‘словно, подобно, как’, *төдй* ‘похожий’, *осхас* ‘подобно’, ‘как’, ‘словно, как будто, точно’, *хыринда* ‘по сравнению’, ‘в отличие от...’, *син* ‘мера, размер, величина’, *полып* ‘будучи’, *иң* ‘самый, наи-’ и сравнительные конструкции с направительно-сравнительным падежом, с исходным падежом и с аффиксами *-даг/-дег*, *-ли/-ти/-ни* [Султрекова, 2017]. Эти сравнительные конструкции широко используются в хакасском эпосе, некоторые из них уже изучены фольклористами на примерах из эпоса «Ай-Хуучин».

Самые первые и точные записи хакасского фольклора на оригинальном языке были сделаны В.В. Радловым в 1863 г. и опубликованы им в 1868 г. на диалектах хакасского языка и в немецком переводе. К сожалению, В.В. Радлов не указал места записи хакасских сказаний, поэтому нам известно лишь то, на каком диалекте говорили его информанты. Всего было опубликовано 19 эпических текстов, из них тексты 1–10 и 14 были записаны на сагайском поднаречии, тексты 11–12 – на койбальском поднаречии, тексты 15–17 – на качинском поднаречии, тексты 19 и 21 – на кызыльском поднаречии, а текст 18 – на камасинском поднаречии. Отсюда можно сделать вывод о том, что В.В. Радлову удалось записать героические эпосы у каждой субэтнической группы хакасов. Все записи делались под диктовку, что было не совсем удобно и привычно для исполнителей эпоса, которым приходилось иногда повторно рассказывать исполненные отрывки, что в итоге могло повлиять и на качество исполнения. Помимо этого В.В. Радлов попутно изучал язык своих информантов и переводил свои записи на

немецкий язык. Несмотря на такие трудности, ему удалось максимально точно зафиксировать фольклорные тексты, и они могут быть надежными источниками в изучении языка хакасского фольклора.

В опубликованных В.В. Радловым эпических текстах встречаются сравнительные конструкции со словами *чили*, *осхас*, *полып*, *син*, *иң*, *төдй* и с аффиксом *-даг/-дег*, с направительно-сравнительным падежом. При их анализе мы будем исходить из структуры сравнения, которая в хакасском языке состоит не только из трех, как в русском языке, но и из четырех компонентов. Как поясняет Э.В. Султрекова, трехкомпонентные сравнения состоят из предмета, показателя и эталона сравнения (предмет сравнивается с известным всем другим предметом по его признакам), в четырехкомпонентных сравнениях представлен модуль сравнения, который может быть выражен прилагательным, существительным или глаголом [Султрекова, 2017. С. 27–28].

Наибольшее число сравнений в записанных В.В. Радловым эпических текстах связано с богатырями и их конями. Так, в них много внимания уделяется внешнему облику героя, его облик сравнивается с горой или тасхылом: *тасхыл* (эталон) *осхас алып* (объект) *килтйр* ‘как тасхыл, богатырь приехал’ [Образцы. С. 57, стрк. 94]. Даже тело погибшего богатыря возвышается на месте сражения как гора: *Игре Хараның сөдгi* (объект) *таг* (эталон) *чили чатча* (модуль) ‘мёртвое тело Игре-Хара, как гора, лежать осталось’ [Образцы. С. 28, стрк. 384–385]. Следует отметить, что в традиционных эпических формулах, описывающих гибель богатырей, также упоминается о большом количестве пролитой крови, которая сравнивается с рекой – *талай*, *суг*, *чул*, например: *алып сөдгi* (объект) *тасхылча* (эталон) *чатчадыр* (модуль), *кiзи ханы* (объект), *талай* (эталон) *чили*, *ахчадыр* (модуль) ‘кости алыпов наравне с тасхылом лежат, человеческая кровь, как большая река, течёт’ [Образцы. С. 62, стрк. 393–394], *тасхылча* (эталон) *алып сөдгi* (объект) *өлип чадыр* (модуль), *талайча* (эталон) *кiзи ханы* (объект) *агыпчадыр* (модуль) ‘с тасхыл тела убитых алыпов лежат, с большую реку человеческая кровь течёт’ [Образцы. С. 63, стрк. 411–412], *өлген алып сөдгi* (объект) *хызыл суг* (эталон) *полып ахчадыр* (модуль), *өлген алып сөдгi* (объект) *хара таг* (эталон) *полып турчадыр* (модуль) ‘погибших алыпов кровь

красной рекой протекает, погибших алыпов тела чёрной горой лежат» [Образцы. С. 136, стрк. 632–634], *өлзөбіс, сөдгібіс* (объект) *пір тагча* (эталон) *ползын* (модуль), *ахса, ханыбыс* (объект) *пір чулча* (эталон) *ползын* (модуль) ‘если погибать, наши кости одной горой пусть будут, если прольётся, наша кровь одной рекой пусть станет» [Образцы. С. 461, стрк. 739–740]. Таким образом, создатели эпоса в своем воображении представляли богатыря наравне с высокой горой, а его кровь уподоблялась большой реке, что вполне соответствовало их мифологической картине мира, в которой горы ассоциировались с древними богатырями, превратившимся в них. Такое мифологизированное мышление создателей хакасского эпоса было присуще многим народам, в эпосах которых тоже встречаются подобные сравнения богатырей с горами. Для эпоса типична такая гиперболизация образа богатыря. Даже в описании сильной эмоции гнева богатыря герой образно сравнивается с горой и рекой: *таг* (эталон) *чили, озін* (модуль) *одыра парды, талай* (эталон) *чили, тазып* (модуль) *одыра парды* ‘словно гора, начал подниматься, словно море, начал раздаваться» [Образцы. С. 424, стрк. 911–912]. Интересно, что в записанных В.В. Радловым текстах только конь богатыря сравнивается с горой, тогда как у всех остальных встречающихся в эпосе существ и предметов образы сравнения, т.е. показатель, эталон сравнения, являются предметами и существами более мелких размеров: *алтында, таг* (эталон) *чили, ниме* (объект) *харал турча* (модуль) ‘внизу, как гора, что-то, чернея, стоит» [Образцы. С. 166, стрк. 576–577], *таг улиндаг* (эталон) *хула аттыг* (объект) *алып Хулатайбын* (модуль) ‘на саврасом коне величиной с гору ездящий, богатырь Хулатай я» [Образцы. С. 453, стрк. 343–344]. Видимо, в воображении людей богатырский конь должен был соответствовать своему хозяину и быть таким же огромным, поэтому в традиционных формулах, описывающих место сражения, погибшие богатыри и кони образовывали большие горы: *ат сөдгі* (предмет), *азыр таг* (эталон) *полып, өскен* (модуль), *ир сөдгі* (предмет), *игір таг* (эталон) *полып, өскен* (модуль) ‘кости коней, раздвоенной горой став, выросли, кости мужчин, кривой горой став, выросли» [Образцы. С. 393, стрк. 136–137]. Думается, что в эпосе это было наибольшей гиперболизацией величины коня, как и богатыря, поскольку в эпосе есть примеры сравнительного преуменьшения размеров

коня с целью подчеркнуть необычную силу и смекалку его всадника, когда он является главным героем и имеет рост ниже богатырского, как, например, Таптаан-Мирген в эпосе «Алтын-Арыг» [Алтын-Арыг, 1988]. Такое же преуменьшение встречается в формуле, описывающей долгий и трудный путь, пройденный богатырем и его конем: *Алтына мўнген ады* (предмет) *пора хозан* (эталон) *чили халган* (модуль), *кизек тасхылча* (эталон) *Солбан Мирген* (объект) *сыганахча* (эталон) *халган* (модуль) ‘Его серый конь под ним, как серый заяц, стал, величиной в часть тасхыла Солбан-Мирген размером с локоть стал» [Образцы. С. 272, стрк. 510–514].

В хакасском эпосе встречается мотив рождения богатыря от камня, когда герой сам рождается, или его создают творцы-чайааны. Такие богатыри, когда им приходится погибнуть, сами собой заново обращаются в песок и камни, например: *Хайан Солан* (объект) *турган сыымнаң, сай* (эталон) *чили, сыгдыри түсті* (модуль), *хум* (эталон) *чили, илгеле түсті* (модуль) ‘Хайан-Солан, где он стоял, там же как галька зазвенел, как песок рассыпался» [Образцы. С. 330, стрк. 3558–3559], *сай* (эталон) *полып, сөдгі* (предмет) *оодылды* (модуль), *хум* (эталон) *полып, сөдгі* (предмет) *оодылды* (модуль) ‘в гальку превратившись, кости разбились, в песок превратившись, кости разбились» [Образцы. С. 90, стрк. 1207–1208].

Кроме того, в эпосе тело богатыря может сравниваться с деревом. Видимо, это связано с качествами деревьев, которые могли быть высокими и крепкими или, наоборот, усохшими и хрупкими, поэтому в зависимости от сюжетной ситуации при сравнениях брали во внимание то или иное качество дерева. Так, тело долгое время голодавшего и теперь находящегося на грани смерти младенца-богатыря сравнивается с твердым деревом: *агас* (эталон) *чили хатып парган ала маңыс оолахты* (предмет) ‘как дерево затвердевшего, белолицего мальчика» [Образцы. С. 274, стрк. 634–635]. Богатырь, охваченный огнем от выпитого им ядовитого напитка, горит, как сухостойное дерево: *хуулган агас* (эталон) *чили, койчедір* (модуль), *чалгын агас* (эталон) *чили, чарлапчадыр* (модуль) ‘как сухостойное дерево, горит он, как смолистое дерево, трещит он» [Образцы. С. 48, стрк. 560–561]. В формулах сравнений части тела богатыря с деревом может упоминаться порода сравниваемого дерева, например: рёбра бога-

тыря были толщиной с березу, его позвоночник – с осину. Однако в текстах, записанных В.В. Радловым, такие сравнения, используемые в формулах описания схватки богатырей, отсутствуют. В них встретилось только одно сравнение, в котором Ирлик-Хан изображен бородатым стариком: *хара талча* (эталон) *сагаллыг апсах* (объект) ‘с бородой, как чёрный тальник, старик’ [Образцы. С. 100, стрк. 55]. В эпосе дерево также упоминается в формулах, характеризующих умственные способности богатыря, например, персонаж, упрекая героя за отсутствие смекалки и сообразительности, сравнивает его рост с высоким деревом, а ум – с кобылкой: *тирекче* (эталон) *пос* (предмет) *пирген* (модуль) *сагаа*, *тикпече* (эталон) *сагыс* (предмет) *пирбеен* (модуль) ‘с тополь рост тебе дали, но даже кусочка ума не дали’ [Образцы. С. 294, стрк. 1664–1665].

В текстах «Образцов» в описании частей тела героев сравнения использованы единично, здесь объектами сравнения стали глаза и глазницы героев: *ікі ала харагы* (предмет) *таң солбанның пүлезі* (эталон) *осхас*, *шир солбанның чарыгы* (эталон) *осхас* ‘два его глаза, словно сумрак утренней звезды, сверкают, словно свет вечерней звезды, горят’ [Образцы. С. 330, стрк. 3586–3588], *харааның ыриши* (предмет) *хазанча* (эталон) *польш парган* (модуль) ‘с глазницами размером с котёл’ [Образцы. С. 283, стрк. 1113].

Стоит отметить и то, что в эпических текстах сравнения использованы только для описания красоты женских персонажей, сравниваемых с небесными светилами: *Хыс Хан* (объект) *позы тимненчедір*, *ай* (эталон) *чили*, *чарып киледір* (модуль) ‘Хыс-Хан сама собирается, как луна, сверкая, едет’ [Образцы. С. 461, стрк. 766], *Тарбатты Тананың чарыгы* (предмет) *күн* (эталон) *чили чарыпчадыр* (модуль) ‘свет от Тарбатты-Таны, как солнце, светит’ [Образцы. С. 141, стрк. 902–903].

Сравнения встречаются в типических формулах, описывающих эмоциональные переживания героев. Так, посредством цветового описания преобразившегося от гнева лица героя передается наглядность испытываемых им чувств: *хардаң* (эталон) *ах сырайы* (предмет) *хара* (эталон) *чили харалчадыр* (модуль), *ханнаң* (эталон) *хызыл сырайы* (предмет) *хара* (эталон) *чили харалчадыр* (модуль) ‘снега белее лицо его, как чернота, темнеет, крови краснее лицо его, как чернота, темнеет’ [Образцы. С. 88, стрк. 1088–1091], *хардаң* (эталон) *аппагас сырайы*

(предмет) *харала тартыптыр* (модуль), *хазан күйезі* (эталон) *осхас полды* (модуль) ‘снега белее лицо почернело, как сажа из котла, стало, краснее крови, лицо побледнело’ [Образцы. С. 373, стрк. 556–560]. В эпосе «Ай-Мирген и Алтын-Хус» слёзы коня и девушки-невесты погибшего младенца-богатыря сравниваются с проливным дождем: *харахтарының чазы* (предмет) *наңмыр* (эталон) *чили чаапчадыр* (модуль) ‘их слёзы из глаз, как дождь, льются’ [Образцы. С. 269, стрк. 373–374], *ала харааның чазы* (предмет), *наңмыр* (эталон) *польш*, *ахтыр* (модуль) ‘слезы из серых глаз жеребёнка, как сильный дождь, потекли’ [Образцы. С. 271, стрк. 495–496], *постыг пала*, *ала харааның чазы* (предмет), *көнектіг суғ* (эталон) *чили*, *ылган одыр* ‘девушка плачет, слёзы из своих глаз, как воду из ведра, проливая’ [Образцы. С. 273, стрк. 602–604].

В эпических формулах грозный или гневный голос богатыря сравнивается с громкими звуками природы: *тигір сатыраанча* (эталон), *тигір күзүреенче* (эталон), *алып* (объект) *чоохтанчадыр*, *көксепчедір* (модуль) ‘как небесный гром, как небесная сила, богатырь заговорил, заругался’ [Образцы. С. 70, стрк. 143–144], *Ай Мирген*, *айлан килип*, *күзүрт* (эталон) *чили*, *күзүреп тур* (модуль), *парыс* (эталон) *чили*, *сатырап тур* (модуль) ‘Ай-Мирген, вернувшись, как гром, гремит, как тигр, рычит’ [Образцы. С. 195, стрк. 241–242]. Степень громкости звучания голоса богатыря и топота копыт его коня также передаются посредством гиперболизации с помощью сравнения: *Хырых аттың тыгыртынча* (эталон), *ат* (объект), *тигіреп* (модуль), *ойлап түсті*, *хырых кізінің хыйгылаанча* (эталон), *ир чахсы* (объект) *хыйгылапчадыр* (модуль) ‘словно топот сорока коней раздался, с таким грохотом побежал конь, словно клич сорока богатырей раздался, с таким криком достойный муж закричал’ [Образцы, 2018. С. 437, стрк. 1579–1582].

В текстах В.В. Радлова богатыри во время сражения сравниваются с молодняком домашних животных: *хазыра-пүге тартыс парилар*, *хазыра-торбах* (эталон) *чили*, *оорласчадырлар* (модуль), *ээ-пүге тартыс парилар*, *имнік хулун* (эталон) *чили*, *хысхырыс парилар* (модуль), *польштин*, *иртісчедірлер*, *пуға* (эталон) *чили*, *сыгырысчадырлар* (модуль) ‘растягивая-скручивая, тянут друг друга, как быки-трёхлетки, ревут, сгибаемая-сминаемая, тянут друг друга, как дикие жеребята, кричат, никак не одолеют друг

друга, как быки, со свистом дышат' [Образцы. С. 351, стрк. 806–812]. Сцены сражения, борьбы героев часто изображаются гиперболично: *тутхан чирдең тудымца* (эталон) *ит* (предмет) *ал тастап чөрдi, хапхан чирдең харысча* (эталон) *ит* (предмет) *ал тастап чөрдi* 'с держащего места в одну горсть мясо он отрывает, со схваченного им места в один сажень мясо он отрывает' [Образцы. С. 165, стрк. 542–545].

В эпических сказаниях скорость бега богатырского коня всегда сравнивается с быстротой и стремительностью полета птиц. Однако в записях В.В. Радлова подобных сравнений нет, здесь встречаются сравнения бега коня с дуновением ветра и течением реки: *чил* (эталон) *чили чилленчедiр* (модуль), *хуюн* (эталон) *чили хубасчадыр* (модуль) 'как ветер, дует, как вихрь, кружит' [Образцы. С. 216, стрк. 281–282], *чил* (эталон) *полып, чилигiн* (модуль), *хуюн* (эталон) *чили, хуйбурын* (модуль) 'несётся, словно ветер, мчится, словно вихрь' [Образцы. С. 429, стрк. 1179–1180], *тас хара ат* (объект) *киледiр, суғ* (эталон) *чили, агып киледiр* (модуль) 'златошёрстный вороной идёт, словно текущая вода, идёт' [Образцы. С. 421, стрк. 748–749], *чил* (эталон) *полып, чилигiн килчедiр* (модуль), *суғ* (эталон) *полып, агып килчедiр* (модуль) 'словно ветер, мчится, словно быстрая река, бежит, несётся' [Образцы. С. 432, стрк. 1335–1336]. В эпосе герои узнают о приближающемся всаднике-богатыре, услышав топота копыт коня. В тексте «Ай-Толызы» топот копыт богатырского коня сравнивается с ударами молотка: *туйгах нырслагы* (предмет) *истiлче, чоон пасхачах* (эталон) *чили тазылап одыр* (модуль) 'стук копыт слышится, как большой молот, стучит' [Образцы. С. 131, стрк. 356–357]. Здесь эта подробность требуется для сюжетного повествования: каждый раз, услышав этот громкий стук копыт, герой успевает спрятаться от приближающегося богатыря.

В текстах встречаются сравнения в прямой речи персонажей, в которых они сравнивают себя или кого-нибудь с кем-нибудь, например: *мин синдег* (эталон) *атты* (объект) *чир көрбеебин* (модуль) 'я коня, как ты, никогда не видывал' [Образцы. С. 421, стрк. 731], *минче* (эталон) *кiзi* (объект) *өлбиндiр бе?* (модуль) 'человек, вроде меня, разве не умирал?' [Образцы. С. 144, стрк. 1080], *синi* (объект) *палам* (эталон) *чили көрчегiн* (модуль) 'тебя, как своего ребёнка, принимаю' [Образцы. С. 17,

стрк. 451], *сагаа* (эталон) *осхас мөги* (предмет) *поларбын* (модуль) 'как ты, вечным я буду' [Образцы. С. 402, стрк. 603], *синдег* (эталон) *кiзее* (объект) *пирбеенде* 'если за такого человека, как ты, не отдавать' [Образцы. С. 173, стрк. 976].

В текстах объектами сравнения, кроме богатыря и коня, стали типичные для эпической картины предметы и явления, связанные с описанием природы: көл 'озеро', хайа 'скала', тас 'камень', хус 'птица', объекты, ставшие артефактами: ух 'стрела', чыда 'копье', чiбек 'нить', пiчiк 'письмо', изер 'седло' и т.д. В эпических текстах объектов сравнения количественно меньше образов сравнения, т.е. эталона и показателя сравнения, поскольку один объект сравнения (предмет) может иметь два и больше образов сравнения. Так, нами были выделены следующие группы образов сравнения: а) биоморфизмы: агас 'дерево', тирек 'тополь', хара тал 'тальник', от 'трава', хус 'птица', көк 'кукушка', аң 'зверь', хусхун 'ворон', хозан 'заяц', парыс 'тигр', күске 'мышь', ах тохтан 'ласка', сеек 'муха', ат 'конь', хулун 'жеребенок', iнек 'корова', пуға 'бык', хазыра 'тёлка-трёхлетка', торбах 'бычок-двухлетка', хой 'овца'; б) соматизмы, квазисоматизмы: хан 'кровь', чүрек 'сердце', иргек 'большой палец', сөк 'кость', сығанах 'локоть'; в) натурфакты: күн 'солнце', ай 'луна', таң солбаны 'Венера', иир солбаны 'Венера', тигiр 'небо', күгүрт 'гром', пулут 'облако', наңмыр 'дождь', хар 'снег', тағ 'гора', тасхыл 'тасхыл', сай 'галька', хум 'песок', талай 'большая река', суғ 'река', чул 'река', тубан 'туман', өрт 'огонь', чил 'ветер', хуюн 'вихрь', чыс 'тайга'; г) артефакты: кичiм 'чепрак', күрчек 'лопата', хоргамчыл 'свинец', пасха 'молоток', пасхыс 'лестница', типке 'кобылка', сомнах 'ложка', чух 'смола', чiп 'нитка', хазан 'котел', иб 'жилище', хазаа 'хлев', теербен 'мельница'; д) абстрактные понятия: сағыс 'ум, мысль', чоох 'речь', род 'род', төл 'потомок', харындас 'брат', оол 'парень', күн ортазы 'полдень'.

В эпосе «Ай-Хуучин» Е. Войтенко выделила 27 лексем, являющихся эталонами сравнения [Войтенко, 2010. С. 229]. Из них 17 слов совпали с образами сравнений в текстах «Образцов»: аба 'медведь', күн 'солнце', наңмыр 'дождь', от 'трава', парыс 'тигр', сеек 'муха', сөк 'кость', суғ 'река', тағ 'гора', талай 'река, море', хан 'кровь', хар 'снег', хус 'птица', чил 'ветер', чiп

‘нитка’, инек ‘корова’. Это свидетельствует об устойчивости этих эталонов сравнения в хакасском эпосе.

Таким образом, в эпических текстах, записанных В.В. Радловым, встречаются сравнения, состоящие из разных сравнительных конструкций, некоторые из которых образуют двухчленный параллелизм. Сравнения в хакасском эпосе имеют сходство и совпадения со

сравнениями эпосов других тюркских народов, что говорит об общей эпической картине мира их создателей. Думается, что дальнейшее изучение сравнений в хакасском эпосе с учетом всех текстов, записанных от хакасских сказителей-хайджи, выявит наличие в них общих типических сравнений, характерных для тюркского эпоса, а также сравнения, присущие только хакасскому эпосу.

Литература

Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. Запись и подготовка текста В.Е. Майногашевой. – М.: Наука, 1988. – 592 с.

Войтенко Е.П. Сравнения в хакасском и русских эпических текстах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 2: Филология. – С. 63–69.

Войтенко Е.П. Сравнения в хакасском и русских эпических текстах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 9: Филология. – С. 228–234.

Львова С.Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Согодох» и кай чэрчэк «Маадай-Кара») // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2019. – № 3 (15). – С. 126–139.

Образцы – Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и

Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Ч. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюзрик) / Сост. Е.С. Торокова. – Абакан: ООО «ИПП «Журналист», 2018. – 496 с. На хакас. и рус. языках.

Павлова О.К. Поэтические средства в текстах олонхо северо-восточной традиции якутов: ступенчатые сравнения // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 600–602.

Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан: Хакасское кн. изд-во. 2007. – 164 с.

Султрекова (Кыржинакова) Э.В. Сравнительные конструкции хакасского языка. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2017. – 324 с.

ХТЭ АХ – Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Запись и подготовка текста В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука, 1997.

В.В. Ушницкий

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия)

ЭПОС «МАНАС»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

В статье проанализировано значение эпоса «Манас» в изучении этнической истории кыргызского народа. Автор статьи пришел к выводу, что в эпосе отражается вся бурная тысячелетняя история кыргызского народа. В историографии преобладает мнение, что возникновение эпоса восходит к кыргызо-уйгурской войне IX в. Автор статьи считает эпос «Манас» энциклопедией истории кыргызского народа.

Ключевые слова: эпос, кыргызоведение, Центральная Азия, тюркские народы, Манас, уйгуро-кыргызские войны, историография, военное дело, Джунгарское ханство, этногенез кыргызов.

V. V. Ushnitski

Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, SB RAS (Russia)

EPOS «MANAS»: HISTORICAL CHRONICLES OF THE ETHNIC HISTORY OF THE KYRGYZ PEOPLE

The article analyzes the significance of the Manas epic in the study of the ethnic history of the Kyrgyz people. The author of the article came to the conclusion that the whole turbulent thousand-year history of the Kyrgyz people is reflected in the epos. In historiography, the prevailing opinion is that the emergence of the epic dates back to the Kyrgyz-Uyghur war in the 9th century. The author of the article considers the epic Manas an encyclopedia of the history of the Kyrgyz people.

Keywords: epos, Kyrgyz studies, Central Asia, Turkic peoples, Manas, Uyghur-Kyrgyz wars, historiography, military affairs, Dzungarian Khanate, ethnogenesis of the Kyrgyz.

Существует множество вариантов кыргызского эпоса «Манас». Одним из первых известных науке письменных отрывков эпоса «Манас» является полулегендарное-полуисторическое повествование о Манасе в рукописи муллы Сайф ад-Дином Ахсикенти «Маджму ат-Таварих» (XV–XVI вв.). Первые тексты эпоса были опубликованы известными тюркологами В.В. Радловым и Ч.Ч. Валихановым. Впоследствии были записаны и опубликованы несколько вариантов эпоса, самыми известными из которых являются варианты С. Каралаева и С. Орозбакова.

В варианте эпоса «Манас» сказителя Саякбая Каралаева в первой части, связанной с рождением и детством героя, начинается рассказ с изложения родословной Манаса, после чего описываются следующие события: совещание киргизских старейшин (аксакалов) о том, как избавиться от гнета китайцев (нападение на кыргызов китайского хана Алооке); выступление восьми братьев во главе с отцом Манаса Джакыпом против китайцев; вторичное нападение Алооке и расселение киргизов по разным странам.

Науке сегодня известны в основном три гипотезы об эпохе возникновения эпоса: по мнению М.О. Ауэзова и А.Н. Бернштама, узловое событие «Манаса» связано с периодом истории кыргызов, когда они поддерживали взаимоотношения с уйгурами.

Так, основная версия связывает события, изложенные в эпосе, с кыргызо-уйгурской войной VIII в., в ходе которой уйгуры были разгромлены, и кыргызы с территории Енисея переселились в Тянь-Шань.

Б.М. Юнусалиев на основе анализа содержания эпоса, опираясь на отдельные исторические факты, а также на этнографические, лингвистические и географические сведения, приходит к выводу, что основа эпоса связана с событиями IX–XI вв., когда кыргызы воевали против киданей – кара китаев.

В.М. Жирмунский считает, что хотя в содержании эпоса имеется немало материалов, отражающих древние представления народа, исторический пласт эпоса отражает события XV–XVIII вв. Также есть мнение, связывающее кыргызов с ойратским союзом племен, что в составе ранних ойратов существовало племя

кэргуд (кыргыз?). Ойраты в XV в. во времена хана Эсена брали Бейджин (Пекин). Эти события могли отразиться как поход кыргызов «Манаса» на Бэйджин и его взятие.

Исследуя «Манас», В.М. Жирмунский выявил древний слой сюжетов и образов, характерных для алтайско-енисейских богатырских сказок, мотивы домусульманского шаманизма, отмечая, что походы Манаса представляют наибольшее сходство с соответствующими эпизодами сказания об Огузхане, легендарном предке тюрков-огузов и их первом эпическом властителе. Ученый определил связи «Манаса» с казахскими и ногайскими эпическими сказаниями. Так, говоря об исторических именах, встречающихся в «Манасе», В. Жирмунский отмечает, что и «сам Манас, согласно киргизскому эпосу, происходит, как у Радлова, из племени сары-ногай (желтые ногайцы), или, как у Валиханова, называется «владельцем ногайцев», или наконец, как у Орозбакова, является внуком хана Ногоя, родоначальника всей ханской семьи Манаса» [Жирмунский, 1962. С. 305]. Данное влияние связано, по В. Жирмунскому, с тем, что ногайская орда играла важную политическую роль в борьбе между Москвой, Казанью, Астраханью и Крымом и в судьбах всех тюркских кочевых племен Средней Азии и юго-западной Сибири.

Говоря о времени сложения эпоса «Манас», исследователи склонны считать, что его поэтический текст отразил в художественной форме 7 периодов истории кыргызов, начиная со времен упоминания термина «кыргыз» и кончая началом XX в. При этом основное ядро эпоса сложилось в период, связанный с агрессией кара китаев в X в. Сам Манас – образ собирательный.

Безусловно, исключительное для кыргызоведения значение имеет наличие в «Маджму ат-Таварих» самого раннего (конец XV века!) прозаического пересказа «Манаса», а также самого древнего списка кыргызских родов и племен, в большинстве своем полностью совпадающего с родо-племенной системой современных кыргызов. Согласно версии эпоса, изложенной в этом сочинении, Манас был внуком некоего Каркара-хана и вождем эля (народа), называемого кыргызами. При этом эль Манаса также называется «каркаринскими кыпчаками».

Обозначим тот факт, что наименования кыргызов и кыпчак в данном случае выступают как синонимы.

Опираясь на эти факты, кыргызские историки предполагают, что рождение кыргызского эпоса «Манас» происходило в среде этих метисированных енисейско-кыргызских и кыпчакских племен в обозначенной области, в XI в. носившей имя Каракархан. Эти выводы лишней раз подтверждают и данные по современным населенникам этих земель. Среди казахов Каркаралинских и Чингистауских гор сохранилась записанная еще Ч.Ч. Валихановым легенда о Эр-Манасе, сыне богатыря Эр-Кёкче. В.В. Радлов жил около месяца в юртах каракиргизов у племен сары-багыш и солто и занимался собиранием и записью лингвистических материалов. В предисловии к пятой части «Образцов народной литературы северных тюркских племен» В.В. Радлов пишет: «Тексты были собраны мною в 1862 и 1869 гг. у каракиргизов или так называемых дикокаменных киргизов, единственного тюркского народа, сохранившего до настоящего времени название «кыргыз»» [Манас, 1968. С. 2]. Тексты эпоса «Манас» В.В. Радлов записал у представителей трех племен: «Тексты собраны мною в следующих пунктах: 1) в 1862 г. на р. Текесе у племени Бугу, 2) в 1869 г. к западу от Иссык-Куля у племени Сарбагыш и к югу и востоку от города Токмака у племени Солту» [Молдобаев, 1995. С. 15].

В этой связи весьма заманчиво сравнить эпос «Манас» с ногайской эпической поэмой «Сорок богатырей». Уже само ее название сопоставляется с легендарной дружиной Манаса «кырк чоро» («сорок богатырей»). Ногайский этнограф А.А. Ярлыкапов, исследовавший поэму, пришел к интересным выводам. Сюжет поэмы достаточно отчетливо показывает на ее кыпчакско-половецкие корни и, по мнению А.А. Ярлыкапова, в ней встречается единственное, известное историкам, совместное упоминание этнонимов кыпчак и куман «куьман уьлке, кыпшагым» («страна куманов, мои кыпчаки») [Ярлыкапов, 1993].

Известно, что куманы кочевали в домонгольское время в южнорусских степях западнее Днепра, встречаются и имена их ханов – Боняк-хан и Тугор-хан. Эти данные позволяют обратить внимание на интересный момент. В кыргызском эпосе упоминаются так называемые кёзкоманы, родичи Манаса по отцов-

ской линии – брат его отца Джакыпа Усён и его потомки. Связь кёзкоманов с куманами-половцами первым отметил историк А.Н. Бернштам [Манас, 2004], и, если принять во внимание версию, изложенную еще в «Маджму ат-Таварих», где родичами каркаринского кыпчак Манаса выступают кыпчаки джети-кашка, то становится понятным появление в эпосе термина куман, являющегося синонимом термина кыпчак.

Другая версия, записанная Белеком Солтоноевым у тех же таласских кыргызов, говорит о том, что примерно в 680–1460-е годы из рода Джети-кашка племени кыпчак был один батыр по имени Манас [Абдуманапов]. Показательно, что кыпчаки джети-кашка упоминаются и в «Маджму ат-Таварих».

Исследователь И. Молдобаев предполагает, что «истоки такой генетической общности берут начало от одних и тех же племен, обитавших в Прииртышье, северо-западной Монголии, затем на просторах Дона, Дешт-и-Кыпчака и Средней Азии». В какой-то мере это предположение подтверждается наличием у кыргызов предания о братьях Ногое и Шигае, которые переселились в Чуйскую долину современного Кыргызстана из районов Южной Сибири и Алтая [Молдобаев, 1995].

Возможно, за общностью сюжетов и персонажей стоит отражение истории кыргызов в составе Ногайской Орды и других ханств. Кыпчаки, команы, они же и половцы, которые за всю историю своего существования имели обширные этно-культурные связи как с кыргызами еще с алтайского периода, так и с народами, проживавшими на территории России, в том числе входили в состав Золотой Орды. Возможно, благодаря их устным эпическим сказаниям, появились аналогии в сюжетной структуре кыргызского эпоса «Манас» и эпоса «Идегей», сюжет которого является общим для многих тюркоязычных народов России и Средней Азии. Таким образом, можно предположить, что кыргызский эпос «Манас» в художественной форме отразил эпоху существования Золотой Орды и события, связанные с ее распадом [Молдобаев, 1995].

В «Маджму ат-таварих» приводится легенда о происхождении киргизов от 40 гузов (гиз), оставшихся в живых при истреблении султаном Санджаром, правителем Узгенда, обитавших в узгендских горах гузов. Эти 40 гузов бежали в Ходжендские горы и там обосновались, от

них будто бы и произошли кыргызы – киргизы [Сайф ад-Дин Ахсикенди, 1973. С. 34–36]. Гузы – это огузы, некогда жившие в Тянь-Шане до своего переселения в Среднюю Азию и дальше в страны Ближнего Востока. Видимо, они также вошли в состав кыргызских племен.

Состав племен одного крыла кыргызского народа, изложенный в «Маджму ат-таварих», полностью совпадает с родоплеменным составом племен Могулистана – государства, возникшего на территории Восточного Туркестана с охватом Тянь-Шаня.

Таким образом, приведенные факты позволяют предположить, что «кыргызский эпос «Манас» возник на территории примерно между Большим Алтаем и озером Балхаш в среде кочевых племен, связанных между собой родственными отношениями. В качестве самоназвания в этой кочевой орде использовался термин «кыргыз». Ядро и основу ее составляли восточно-кыпчакские племена» [Галимова].

В.М. Жирмунский относит сложение и развитие эпоса «Манас» к довольно широкому диапазону времени – VI–XIX вв., расчлняя это время на три периода: 1. VII–X вв. доисторический – сказочно-мифологический период; 2. IX–XVII вв. исторический – эпоха военной экспансии кыргызского кочевого государства (борьба с Китаем и калмыками); 3. XVII–XIX вв. поздний период – исламизация эпоса [Жирмунский, 1962].

В составе эпической биографии Манаса В. Жирмунский выделяет следующие основные группы эпизодов: 1) собственно биографические мотивы (рождение и детство, добыча невесты, смерть); 2) распри с родичами и вассалами; 3) картины мирной жизни (народные праздники и пиры); 4) походы Манаса. Основное содержание эпоса составляют подвиги богатыря Манаса, который борется с врагами киргизов. Герой сражается с вражескими богатырями, с девушкой-воительницей Сайкал, с одноглазыми чудовищами (дө), с различными волшебниками (аярами). В эпосе также представлены свадебные обряды, связанные с женитьбой Манаса на Каныкей, действуют и животные. В «Манасе» нетрудно обнаружить архаические сюжетные схемы, характерные для различных национальных эпосов (борьба с чудовищами, один из древнейших эпических персонажей великан Джолой и т.д.). При этом Каныкей (героическое сватовство к деве-воительнице) представлена, скорее, не как амазонка, а как

непокорная девушка, за которую требуется уплатить огромный калым [Пузейкина, 2012].

Волшебные подвиги творит не главный герой, а богатырь Алмамбет, с которым побратался Манас (в такой замене воплотились представления о волшебном помощнике). По мнению В.М. Жирмунского, в образе Манаса сливаются образы эпического государя и самого могучего богатыря, что необычайно редко встречается в архаической эпике [Жирмунский, 1962. С. 285]. При этом Манас не утрачивает и черты культурного героя, он освобождает землю от чудовищ, собирает киргизский народ. Имеются гиперболизированные описания внешности героев, пиршественных угощений, добытой на охоте дичи. Все перечисленное свидетельствует о переходе от архаического к исторически-романному типу эпоса.

В эпосе «Манас» в качестве противников кыргызов выступают манжу, кытайцы, калмаки. Перечисляются племена шибээ (сибо), солон. Это тунгусские племена, служившие Цинской империи маньчжуров. Солоны – это эвенки-скотоводы, были расселены на границе и несли караульную службу вместе с сибо – потомками древних шивеев. Были также представители племен тыргоот и кара-кытай. Тыргоот – это торгоуты, ойратское племя, соответствующее современным калмыкам. Они выступали в качестве союзников Цинской империи и в этом качестве были расселены на бывших джунгарских землях после вынужденного бегства из пределов Российской империи в XVIII в. Только кара-кытай – это, видимо, кара-кидани, жившие на территории современного Кыргызстана в XII в. Таким образом, Манас вроде повествует о недавних, исторических событиях XVIII в.

Повествуется о живущем в горах Кыянгер, Карсан, в ущелье Суук-Капчыгай древнем роде шибээ. Великан из этого рода Каман-алп сражался с Манасом на пиках, на бердышах, затем они рубились мечами, бились дубинками, но Манас убил Камана ножом [Манас. 2004. С. 37].

Вместе с кыргызами упоминаются кангаи, этноним кангай сходствует с названием племени канглы, имеющегося и в составе кыргызов. Также повествуется об огромной армии казахов и кыпчаков с берегов Арала, об их доспехах и шлемах, о полном вооружении всадников. Среди казахского войска есть найманы, конграты, алчины, каракожа аргынского

племени. С криком «Манас!» буруты поскрекали вперед. Борьба за независимость и свободу кыргызского народа – основной лейтмотив повествования эпоса «Манас».

Кытайцы кыргызов называли чантуйцами. Четыре кангайских батыра шестьсот тысяч воинов вели, чтобы уничтожить весь кыргызский народ. Владел Ташкентом Панус-хан, под его игом жил кыргызский народ. Панус-хан вел четыреста тысяч воинов из мангул, калмаков и тыргоот. Среди Чайырчыкских гор жили племена алаша. В примечании указано, что Алаша – племенное объединение, куда входили кыргызы, казахи и др. тюркские племена [Манас, 2004. С. 70]. Алаша или клич «Алаш» считается общенародным именем казахского народа. Высказывалась версия, что этот клич происходит от клички казахского хана Хаккназара. Тюркское слово «ала» («пегий, пестрый») в раннее средневековье применялось в качестве этнонима. Алаты или алакчины были большим этносом, предположительно, жили в территории Западной или Восточной Сибири.

У кочевников Центральной Азии было развитое военное искусство: «В войске кытаев был и такой отряд, задачей которого было взять в плен из войска противника нужных им людей без какого-либо ущерба для их здоровья. Конкретно о их подготовке эпос не говорит. Но из контекста ясно, что воинов этого отряда также обучали на высоком уровне. Единственным приспособлением, которым они пользовались, были железные сетки. Во всем остальном они были подготовлены так, что могли без оружия и без вреда для здоровья противника пленить наиболее одаренных военачальников и воинов-кыргызов» [Молдобаев, 1995. С. 282].

В эпосе «Семетей» неплохо отражены некоторые сведения о боевых единоборствах, практикуемых средневековыми кыргызами: «В сюжетах эпоса, повествующих о столкновении войска кытаев (иногда каракытаев, калмаков, кара-калмаков) с дружиной Семетая, называются различные подразделения войск противника, дается информация об их боевой мощи. Интересны, например, сведения об отряде «канжар кол» (букв. кинжальные руки). О системе подготовки воинов такого подразделения войск эпос сообщает следующую информацию. Правитель города Бээжин, некий Бакбурчун, дает указание собрать мальчиков в возрасте четырех лет и воспитывать их, не показывая постороннему глазу, в чудесном саду.

Начиная с восьми лет, их начинали обучать рукопашному бою без помощи какого-либо оружия. Называется даже своеобразный спортивный снаряд, на котором они тренировались: мешки с песком. Постепенно увеличивая нагрузку, их тренировали двадцать один год. В конце юноши сдавали своеобразные экзамены. Воинов испытывали на стене, построенной специально для этих целей главным правителем страны Чынмачын Эсенканом. Каждый прошедший полный курс подготовки такой школы должен был пробить рукой эту стену, сложенную из кирпича и камня. Успешно прошедших испытание зачисляли в специальный отряд «канжар кол» [Молдобаев, 1995, С. 280].

Кыргызское войско состоит из племенного ополчения. Так, войско состоит из рабов, нищих, бедняков, богатых чиновников, кудесников, волшебников, батыров и силачей, бесстрашных юнцов и молчаливых мудрецов. В эпосе отсутствует образ Енисея как прародины кыргызов, откуда шло переселение этноса. Ала-Тоо, священный Иссык-Куль, горы Алая, Тянь-Шаня – вот родина кыргызов по «Манасу», которую защищают герои эпоса от многочисленных врагов. В первых главах эпоса поется об Алтае, где начинается история предков Манаса. Именно Алтай выступает в качестве прародины кыргызов.

В 2016 г. в Бишкеке вышла наша монография, посвященная исследованию этнической истории кыргызских племен. В нем мы доказывали возникновение современного кыргызского народа в период Кыргызского великодержавия в IX–X вв. в Центральной Азии и этническую преемственность между средневековыми и современными кыргызами [Ушницкий, 2016].

В составе кыргызов есть племена тумат, баргы и булагачин. Из сочинения Рашид-ад-Дина известно, что эти «лесные народы» жили в пределах государства кыргызов или рядом с ними. Следовательно, еще тогда могли быть включены в состав формирующегося кыргызского народа, который имел свой Каганат. В состав кыргызов также вошли монгуши, которые есть в составе тувинцев, и алачины, одноименные с средневековыми алатами-алакчинами.

Племенами Кыргызского великодержавия назвал Е.И. Кычанов найманов и керейтов Западной и Центральной Монголии, Иртыша XI–XII вв. Они также есть в составе современных кыргызов. Есть и кытай, потомки кара-киданей, построивших свое Каракидань-

ское государство на территории современного Кыргызстана в XII в. В то же время предки современных кыргызов вышли из состава кимако-кыпчакских племен Иртыша и Алтая. Об этом свидетельствуют и сведения эпоса «Манас». Об активном участии кыпчаков в этногенезе современных кыргызов свидетельствует наличие племен кыпчак и канглы.

В составе кыргызов есть племена монгольского происхождения. Это катаганы, дулаты, баарыны, дюрмены, конгураты, мангыты. Как они могли попасть в состав кыргызов? Видимо, они являются потомками племен Могулистана, государства XIV–XV вв. на территории Кыргызстана.

В «Манасе» отражены свыше ста этнонимов, часть которых говорит в пользу тюрко-монгольской, центральноазиатской этнической общности. В эпосе и в этнонимии кыргызов многие из них названы кыргызскими. Однако они являются общими как для монголов, так и некоторых других тюркских народов. Родоплеменная структура кыргызов включила следующие общие племена монгольского происхождения: нойгут (возможно, монг. онгут), баргы (монг. баргу или баргут), баарын (монг. баарин), меркит, керейит, найман, катаган (монг. хатакин), конурат (монг. хонкират), кытай (кидани, хара хитай). Из них в «Манасе» отра-

жены сведения о таких племенах, как нойгут, найман, кара-кытай или кытай, конурат. В «Манасе» И. Б. Молдобаевым зафиксировано еще около десяти названий родов и племен, на наш взгляд, монгольского происхождения: алач, дербен, калмак, кацгай, мангул, манжу, ойрот, субун, тыргоот [Молдобаев, 1995. С. 106].

Эпос «Манас» – это энциклопедия жизни кыргызского народа. Здесь отражается быт, мировоззрение, культура, жилище, одежда, военное дело, обычаи и традиции, этническая история, социальная история, войны с соседними этносами, потестарная организация кыргызского народа. Эпос «Манас», состоящий из трех частей – «Манас», «Семетей», «Сейтек», безусловно, состоит из разных исторических слоев: войны с китайцами, уйгурами, джунгарами, маньчжурами.

Подробное изучение пластов этого великого эпического произведения может положить начало к пониманию кочевого менталитета, института батырства. Кыргызы – кочевой этнос, успешно противостоявший своим могущественным соседям: Бухарскому ханству, Джунгарскому ханству, Цинской империи маньчжуров, уйгурским государствам и казахским султанам. Защита родного очага, простой быт скотовода, любящего свой народ и свою землю – об этом поют сказители.

Литература

Абдуманатов Р. А. О кыпчакских корнях кыргызского эпоса «Манас» [Электронный ресурс]. URL: <http://znakka4estva.ru/dokumenty/kultura-i-ikusstvo/o-kypchakskih-kornyah-kyrgyzskogo-eposa-quot-manas-quot/> (дата обращения: 1.11.2018).

Галимова А. Р. Сюжетные аналогии татарского эпоса «Идегей» и кыргызского эпоса «Манас» [Электронный ресурс]. URL: <http://eposmanas.ru/ar-galimova-syuzhetnye-analogii-tatarskogo-eposa-idegey-i-kyrgyzskogo-epos-manas/> (дата обращения: 1.11.2018).

Жирмунский В. М. Народный героический эпос: сравнит.-ист. очерки. – М.-Л.: Гослитиздат, 1962. – 435 с.

Манас. Героический эпос киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1968. – 231 с.

Манас. Богатырский эпос кыргызов. – Якутск: Бичик, 2014. – 632 с.

Молдобаев И. Б. «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 312 с.

Пузейкина Л. Н. Наследие В. М. Жирмунского в области тюркологии // «Magister Dixit». Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 4. – С. 254–274.

Сайф ад-Дин Ахсикенди. Маджму ат-Таварих – Собрание историй // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – 283 с.

Ушницкий В. В. Этногенез кыргызских племен в аспекте изучения происхождения тюрко-монгольских народов Центральной Азии. – Бишкек, 2016. – 184 с.

Ярлыкапов А. А. Куманы и кыпчаки (в эпической поэме «Сорок ногайских богатырей») // Древний мир и средние века: тезисы докладов Международной конференции (Ростов-на Дону, 18–21 сентября 1993 г.). – Ростов-на Дону: изд-во Кафедры истории древнего мира и средних веков РГУ, 1993. – С. 39–41.

Г. Р. Хусаинова

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия)*

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА В ЭПОСЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (на материале башкирского и хакасского фольклора)

В статье делается попытка показать типические места в башкирском эпосе «Урал-батыр» и хакасском эпосе «Албынжи», выявленных при сравнительном изучении текстов сказаний двух родственных народов. Анализ материала еще раз доказал закономерность общих эпических традиций тюркских народов, о чем свидетельствуют следующие типические места: изображение судьбы трех поколений, проявление «близнечного мифа», превращение женщины в птицу после смерти главного героя эпоса и др.

Ключевые слова: эпос, сравнительный, типические места, тюркский, башкирский, хакасский.

G. R. Khusainova

*Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research of the RAS (Russia)*

TYPICAL PLACES IN THE TURKIC PEOPLES' EPOS (based on Bashkir and Khakas folklore)

The article attempts to show typical places in the Bashkir epic «Ural-Batyr» and the Khakass epic «Albynzhi», revealed during a comparative study of the texts of the legends of two related peoples. The analysis of the material once again proved the regularity of the general epic traditions of the Turkic peoples, as evidenced by the following typical places: the depiction of the fate of three generations, the manifestation of the «twin myth», the transformation of a woman into a bird after the death of the protagonist of the epic, etc.

Keywords: epos, comparative, typical places, Turkic, Bashkir, Khakass.

Сравнительное изучение произведений фольклора любого жанра, в том числе эпического, народов, как близких, родственных, так и более далеких, с целью выявления типологии и определения национального своеобразия, всегда считалась актуальной темой.

В трудах исследователей сравнительный аспект в той или иной мере всегда присутствует. Тем не менее для более четкого представления и для привлечения внимания фольклористов к сравнительно-сопоставительному изучению произведений фольклора разных народов, на наш взгляд, необходимы и специальные исследования, например, в виде небольших статей.

Цель данного исследования: попытаться выявить схожие места в эпосе двух родственных народов – башкирского и хакасского – для представления общего характера об изучаемом явлении. Для сравнительного изучения с башкирским народным эпосом «Урал-батыр» выбран текст хакасского народного эпоса «Албынжи», одного из многочисленных памятников эпического жанра устной народной поэзии хакасов, в переводе на русский язык И. Кычакова. Так, в кубаире-эпосе «Урал-батыр», который вобрал в себя древнейшую

мифологию, показана борьба героя за счастье людей с насильниками, со злыми силами природы, воплощенными в образах драконов (аждаха), дивов, змей и т.д., и в хакасском сказании говорится о битве Албынжи и его друзей с ужасным страшилищем Юзут-Арыг. Эти два произведения, на первый взгляд, по содержанию очень далеки и не сопоставимы, но при внимательном изучении можно выявить некоторые параллели, сходства как в содержании, так отдельных деталей. Прежде всего оно проявилось в том, что в них традиционно изображается судьба трех поколений (старик Янбирде и старуха Янбика, их дети – Урал и Шульген, внуки – Яик, Идель, Нугуш, Сакмар в башкирском и Албыган, его сын Хулатай, внук Албынжи в хакасском сказании), сыновья и внуки продолжают начатые героем дела, защищают интересы народа. Привлекает внимание и то, что близкие между собой главные герои эпоса оказываются антагонистами. В башкирском эпосе это два родных брата. Старший – Шульган, который ради своего благополучия предает и народ, и брата, а младший – Урал батыр – заботится и делает все на благо народа, даже ценой собственной жизни. И в хакасском эпосе у

Албыгана цель – «сторожить от набегов край родимый» и «народ свой навек увенчать», таким он и сына хотел увидеть, но тот, Хулатай, настроен по-другому: ему «хочется побывать на воле, под светлым небом поездить в поле» и «испробовать богатырской доли», чего не одобряет его отец. Вопреки воле отца, Хулатай уходит в поход на целых 12 лет и, вернувшись в родные края проклятым, превращается в камень, потому что «беднякам обездоленным не помогал, радость людскую войной нарушал». По эстетике фольклора, тот, кто не с народом, либо погибает, как Хулатай из хакасского эпоса, либо остается в мире врага, как Шульган из башкирского эпоса.

На древность времени, в которое происходят события в эпосе, указывают следующие строки в башкирском эпосе:

«В древнюю пору, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Куда никто не ступал ногой
(И на целом свете никто
Не знал, не ведал о суше той).
С четырех сторон обступала
Это место морская вода».
[БНТ, 1987. С. 35]
«Горы, что из дивов воздвиг,
Эта каменистая твердь,
Могут обителью стать для людей,
Приютить и птиц, и зверей,
На любой из воздвигнутых гор
Они для жизни найдут простор.
Будет потомство людей умножаться...»
[БНТ, 1987. С. 123]

И в хакасском эпосе:

«Зарождаться земля начинала тогда,
Медь начинала твердеть тогда,
Русла в горах пробивали ручьи,
Звезды небес загорались в ночи,
Деревья корнями за землю брались,
Верхушки свои устремляя ввысь!»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 461]

Как видно из примеров, и в башкирском, и в хакасском эпосе повествование начинается с описания «первотворения» земли. Каждый народ представлял это по-своему.

Далее: у героев вместо коня – звери:

«На охоту коней не седлали:
Лука и стрел еще не знали,
Приручали и держали,
Льва-арслана, чтоб их возил»

[БНТ, 1987. С. 36];

«На льва своего вскочил, и стремглав
Во дворец, где жил царь Катил,
Лев его поскакал что есть сил.
Так проехал Урал немало...»
[БНТ, 1987. С. 51]

Это в башкирском эпосе, а в хакасском:

«Встанет Ах-Пуур – белый волк пред тобой.
Волк богатырь с гривой густой.
Он вместо коня будет тебе.
Он верным помощником будет тебе».
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 499].
Созвучны по смыслу и цель батыров:
«...За свободу народа грудью вставай,
Всегда обездоленным помогай,
Радость людскую не нарушай,
Счастье народа оберегай».
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 464].

В башкирском эпосе же главного героя движет более высокая цель – «освободить мир от смерти»:

«Если смерть не найду я,
Ту, что черной бедой зовут,
Если голову ей не размозжу,
Мир от смерти не освобожу,
Мне Уралом не зваться вовек!»
[БНТ, 1987. С. 51].

По эстетике эпоса, предназначение батыра – защита родины и борьба за счастье народа. Не выполнившего свое предназначение героя эпоса ждет проклятие как в хакасском эпосе:

«...Хулатая народ невзлюбил».
И, проклиная его, решил:
«Тот, кто с каменным сердцем рожден,
Пусть в камень навек превратится он!»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 468],

так в башкирском:

«Знай, наконец, что, вот так сражаясь
С вечною злобой против людей,
Их безжалостно уничтожая,
Ты будешь проклят до скончания дней».
[БНТ, 1987. С. 120]

Как видно из произведений, народное проклятие – вещь жестокая, это значит – нет проклятому места среди людей: либо смерть, как в случае с Хулатаем, либо жизнь на чужбине, как у Шульгена.

А батыры эпоса погибают в борьбе за землю, за народ. Так, Урал-батыр, чтобы «дивов злых до конца истребить», начал из озера дивов воду

пить, а «див за дивом в него входил» и «грызли они его сердце и душу»:

«Не в силах на ногах устоять,
Не в силах больше воевать.
Урал на месте том же упал.
Народ повалил тут за валом вал.
«Он счастьем народа был до конца!»—
Осиротевший народ рыдал».
[БНТ, 1987. С. 127]

Так же, защищая свой народ, умирает и герой хакасского эпоса:

«С коня он спрыгнул, мечом сверкая,
На пришлых врагов озверевшую стаю...
В жестоком бою Албыган умирает!»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 467, 468].

Еще одним схожим местом являются предсмертные прощальные слова героев, обращенные к своему народу. В хакасском эпосе это:

«А в это время на гордом тасхыле
Враги Албыгана мечом рубили.
Страдания и боли превозмогая,
С народом прощался отец Хулатая:
«Для отдыха созданный милый край,
Любимый всем сердцем, навек прощай!»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 468].

Урал-батыр также прощается со своим народом:

«...На земле, очищенной мною,
Людам добудьте счастье земное».
[БНТ, 1987. С. 128]
«Всем вам вместе напомним о том:
Пусть станет добро лишь вашим именем,
Пусть имя будет вам – человек,
Злу не давайте дорогу вовек,
Пусть мир и добро пребудут вовек!»
[БНТ, 1987. С. 129].

Как видно из примеров, в хакасском эпосе прощальные слова героя адресованы любимому родному краю, а в башкирском – это глубоко философское обращение-совет своему народу.

Еще одним типическим местом в эпосах двух народов является превращение женщины в птицу после смерти главного героя эпоса. В башкирском эпосе это жена Урал-батыра:

«Я птичью шубу уже не сниму,
Облик, в который можно влюбиться,
Больше никогда не приму»
[БНТ, 1987. С. 129]

решившая таким образом сохранить верность мужу. В хакасском эпосе после смерти Албыгана:

«Как смерть, побледнела Алтын-кеек,
С плеч сорвала темный платок,
Вскинула руки, как крылья она,
Золотою кукушкой стала она,
И полетела в небо она,
Туда, где бледнела вдали луна»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 468–469].

Старшая дочь эпического героя, не видя смысла жизни после смерти отца, предпочла покинуть родную страну, превратившись в вещь кукушку. Привлекает внимание также образ лебедя. В башкирском эпосе:

«Средь добычи – птиц и зверей –
Была лебедушка...
Чтобы на мясо ее искромсать,
Стал старик оттачивать нож...
Стала просить она и умолять:
«Летела я, чтобы мир посмотреть...
Отпустите же вы меня,
Путь к Живому роднику
Указать я вам смогу».
[БНТ, 1987. С. 46–47].

Она оказалась будущей женой Урал-батыра. А в хакасском эпосе:

«...Со стоном на землю упал Хулатай...
Белого лебедя над собой увидел...
...В белую юрту он забежал,
Богатырский лук и стрелу взял,
В лебедя целясь, спустил тетиву –
...Подстреленный лебедь камнем упал».
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 475].

Так, Хулатай, не зная того, убил свою невесту, которая летела к нему с надеждой «чтоб спас от врагов родимый край» [Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 484].

Есть далекое сходство в описании страны антагониста, которая наводит страх:

«...вдоль дороги всей
Только слезы и плач людей.
Жестокости и скорби полна
Та горемычная сторона»
[БНТ, 1987. С. 48] –

в башкирском эпосе, а в хакасском эпосе:

«Край незнакомый пред ним лежал.
Пустынные белые степи там.

Громадное тело чернеет там.
Стоит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах».
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 486–487].

В произведениях обеих народов имеет место эпизод, где батыры показывают свою смекалку и ловкость на майдане за руку дочери правителя. В башкирском эпосе такой майдан сози-вает сама девушка, Хумай, дочь царя птиц и Солнца:

«Созову я большой майдан,
Твою удаль увижу там,
Акбузат сам выбора ждет,
Только равного изберет.
Конь в подарок мне матерью дан,
Кликну – явится на майдан.
Коль батыр ты – сразу поймет».
[БНТ, 1987. С. 98]

Но условие ставит ее конь Акбузат:

«Если батыр, вступающий в спор,
Не забросит превыше гор
Тяжесть в семьдесят батманов,
Затем тремя пальцами не поймает,
Пусть батыром себя не зовет, –
Меч алмазный он не возьмет.
Коль силачом он не будет таким,
Другом достойным не будет моим».
[БНТ, 1987. С. 101].

В хакасском эпосе:

«Слепец нащупал камень рукой
И вдруг под хохот, крики и вой

Поднял его ловко, быстро, легко
И кинул с горы далеко-далеко».
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 505].

Как видно из примеров, в тюркском эпосе испытание киданием тяжелого камня также является типическим местом, как и стрельба из лука или борьба.

«Пусть же найдется такой стрелок,
Кто с неба сшибет белый платок!»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 505].

Примеров испытания женихов в меткости стрельбы из лука можно найти в башкирских волшебных сказках [БНТ, 1988. С. 190, 199, 207; 1989. С. 25, 27; 53 и т.д.].

Любовь к родному краю и надежда на счастливую жизнь народа в будущем тоже нашла отражение в текстах эпоса как в башкирском:

«Пусть эту землю любит народ,
Пусть садом прекрасным она расцветет»...
[БНТ, 1987. С. 125],

так и в хакасском:

«От счастья ликует родимый край.
Победы творец Албынжи-богатырь
Охраняет народа счастливый мир.»
[Гер. эпос народов СССР, 1975. С. 531].

Таким образом, на материале башкирского и хакасского фольклора выявлен ряд типических мест, свидетельствующих об общих эпических традициях тюркских народов и об их культурных связях.

Литература

Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос / Сост. М. М. Сагитов, коммент. Н. Т. Зарипов, М. М. Сагитов, А. М. Сулейманов. Отв. ред. тома Н. Т. Зарипов. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. – 544 с.

Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки / Сост. Н. Т. Зарипов. Вступ. ст., коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. – 448 с.

Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных. / Сост. Н. Т. Зари-

пов. Вступ. ст., коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. – 512 с.

Героический эпос народов СССР. Т. 1. / Вступ. ст., сост. и примеч. А. А. Петросян. – М.: Изд-во «Худож. лит-ра», 1975. – 560 с.

Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – 184 с.

Ю. И. Чаптыкова

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МОТИВА ПРЕВРАЩЕНИЯ В ХАКАССКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

В статье рассматриваются мифологические истоки мотива превращения в хакасском героическом эпосе. Превращение персонажей в неодушевленные предметы, прежде всего, связано с важным элементом духовной культуры наших предков – камнем, который, по воззрениям народа, служил источником и местом нахождения жизненной силы. Трансформации героинь героического эпоса в птиц связаны с верой в тотемных божеств – этот образ был включен практически во все сферы духовной жизни хакасов. В хакасском эпосе развитие получает мотив превращения богатырей в волка. Как существо, имеющее непосредственное отношение к сакральным силам природы и человека, он органично вошел в ритуальную практику.

Ключевые слова: героический эпос, миф, мотив превращения, оборотничество, превращение человека.

Yu. I. Chaptykova

*Khakass research Institute of language,
literature and history (Russia)*

MYTHOLOGICAL BASIS OF TRANSFORMATION MOTIFS IN KHAKASS HEROIC EPOS

The article studies mythological origins of the transformation motif in Khakass heroic epos. Transformation a character into inanimate objects, first of all, is associated with an important element of our ancestors' spiritual culture – a stone, which, according to the people's views, served as a source and location of life force. Transformations heroines of the heroic epic into birds are associated with the belief in totem deities. The bird image was included in almost all spheres of the Khakass' spiritual life. In Khakass epos, the motif of turning a hero into a wolf gets its development. Being a creature directly related to the sacred forces of nature and man, it organically entered the ritual practice.

Keywords: heroic epic, myth, transformation motif, being werewolf, human transformation.

Мифологические мотивы становятся основой развития устного народного творчества. Мифы проникают в фольклорные жанры в виде архаических представлений о мире, архетипов народного сознания, являясь важнейшим источником формирования и героического эпоса. В своих работах, обращенных к связи мифа и эпоса, Е. М. Мелетинский отмечает, что в ранней эпике героиня выступает в мифологической оболочке, в свою очередь, исторические предания являются лишь второстепенным источником для фольклорного жанра. Лишь в более поздние периоды развития эпоса наблюдается тенденция к его демифологизации [Мелетинский, 1988. С. 665]. Б. Н. Путилов в своей известной работе «Фольклор и народная культура» отмечает, что превращения входят в эпос, сказку и другие произведения устного народного творчества в качестве мотивов, т. е. принадлежат «... к узловым категориям художественной организации произведения (текста, сюжета, любой другой завершенной реальности) фольклора...» [Путилов, 1994. С. 172].

Целью данной статьи является анализ того, как мотив превращения, возникший в мифе, трансформируется в эпическом тексте.

Превращение в фольклоре составляет сюжетообразующий мотив, в котором изображается способность человека изменять свой облик, внешний вид. В хакасском героическом эпосе встречается мотив превращения человека в другого человека, птицу, зверя, камень, песок и т. д. Превращения в неодушевленные предметы можно рассматривать как реликт архаичных представлений древнего человека, а оборотничество в живые существа как проявление тотемизма, характерный для мифологического сознания. Также распространено превращение человека в другого человека, это включает в себе не только «принятие облика» других людей, но и выполнение социальных функций и ролей того, в кого оборачиваются. Положительные герои эпоса обычно превращаются в обитателей среднего мира, а отрицательные герои – в существа подземного мира.

Как отмечает И. Л. Кызласов, гора (камень) выступала не только источником и местом нахождения всей жизненной силы рода, ресурсов его воспроизводства. Ученый пишет, что «воплощаясь в конкретных людях, жизнотворная сила рода выходила из священной горы в окружающий мир небольшими частями. По истечении срока пребывания в нем отдельные представители рода, являясь элементами единого целого, неизбежно возвращались в скалу, с тем, чтобы вновь слиться с этим «родовым единством» и послужить материалом для создания новых людей. Такой круговорот мыслился неизбежной и непрерывной основой вечного существования рода». [Кызласов, 1982. С. 88]. Данная идея находит подтверждение и в эпосе.

В героическом сказании «Албынжи» [2018] один из главных героев, Хулатай, увидев на небе пестрого гуся, решил выстрелить в него, когда дошел до места, где упала птица, то увидел там красивую девушку. Богатырь, решив, что девушка могла быть его невестой, превращает ее в красный камень с девичьим обликом. Оставляет ее в таком виде, пока не найдет средство для оживления.

Другой алып Хан Мирген, найдя красный камень в облике девушки, влюбляется, везет камень к своей тете – Алып Хан Хыс, которая обладает способностью превращать камень в живого человека, оживлять богатырей. Но для Хан Миргена она не хочет оживлять девушку. Способностью к превращениям, волшебными средствами, магическими знаниями обладает старшая сестра или тетя героя, она выступает советницей, наставницей хана-богатыря.

Таким образом, превращение в камень является для человека переходным состоянием, герои эпоса превращают убитых временно в камень, пока не найдется человек, умеющий исцелять и способный к превращению.

В героическом сказании «Хан Кичегей» [1958] одним из условий героического сватовства является поднятие белого камня, богатырь, не справившийся с этим условием, должен превратиться в белого камня. Хан Кичегею удалось справиться с трудной задачей, он достойно прошел данное испытание.

В эпосе мы также видим наказание героя за проступок: так, живущая на вершине земли Чарых Пуруххан превращает Алтын Чюса в камня за то, что он влюбился в красавицу и

долго на нее смотрел. Чарых Пуруххан от одной мысли, одного взгляда влюбленного богатыря родила близнецов, чего не должна была делать святая, живущая на небесах девушка. Она превратила Алтын Чюса с его конем в камень, а детей отдала «земным» ханам на воспитание.

В сказании «Албынжи» главного героя Хулатай за его деяния наказал народ, от проклятия народа он превратился со своим конем в камень.

*Көп нименің тынын үстір,
Көп алыптың ханын чайтыр.
Өкіс хулунны ат өскірбеендір,
Өкіс олганны ир өскірбеендір.
Халых чонга амыр пирбеендір,
Ил-чонга чадыг пирбиндір.
Абаазына чон хынминдыр,
Хулатайны чон харгаптыр.
Чонның харгазы агаа чидіптір.
Илнің тілі аны таныптыр.
Ададаң сыххан Хулатай абаазы
Ады поэнаң тас пол партыр
[Албынжи, 2018. С. 14].*

Многим дыхание оборвал,
Многим богатырям кровь пролил.
Из жеребенка коня не вырастил,
Из сироты мужчины не взрастил.
Народу спокойствия не давал,
Народу мирной жизни не дал.
Брата народ невлюбил,
Хулатай народ проклял.
Проклятие народа до него дошло,
Народная молва его догнала.
Рожденный от одного отца брат Хулатай
Вместе с конем в камень превратился.

Следует отметить, что в данном фрагменте героя эпоса, богатыря Хулатай, наказали. Коллективный разум превратил его вместе с конем в камень. Здесь мотив превращения является художественно обусловленным. Он вносит новый важный смысл в содержание эпоса. Художественно обусловленный мотив превращения является скорее иносказанием, развернутой метафорой. В сказании «Албынжи» ярко показано, как содеянное зло непременно будет наказано.

Мотив превращения в данном случае композиционно обусловлен. Во время отсутствия Хулатай ограбили и угнали скот и народ отца Алып-Хана. Необходимость отсутствия

защитника чурта в сказании обыграно мотивом превращения Хулатая в камень [Чаптыкова, 2020. С. 14].

В хакасском героическом эпосе мотив превращения в камень осуществляется богатырями, обладающими волшебными знаниями для изменения временного состояния человека в каменное обличье, когда превращающий хочет сохранить тело погибшего. Преобразованием камня в девушку, богатыря занимают девы-хранительницы, имеющие способности к оборачиванию. Превращение в камень происходит в знак наказания за ослушание, за невыполнение трудных задач, за жестокость по отношению к народу.

В хакасском героическом эпосе часто встречаются примеры превращения невесты богатыря в перстень или другой небольшой предмет. Так, например, когда богатырь выигрывает состязание, и невеста соглашается выйти за него замуж, в чурте невесты проходит девичья свадьба, после которой главный герой превращает невесту в золотой перстень и отправляется домой. И здесь рассказчиком вводится мотив превращения невесты в золотой перстень – по сути, ее временное отсутствие во время поездки главного героя домой. Такой мотив превращения является композиционно обусловленным.

В мировоззрении хакасов образ птицы был одним из самых архаичных и широко распространенных. Реликты культа птиц обнаруживаются во всевозможных народных поверьях, обычаях, топонимике, орнаментике и т.д. В космогонических мифах хакасов представлены две водоплавающие птицы – демиурги (утки). Они отождествляются с главными божествами хакасского пантеона – Худа и Ирлик ханом (Эрлик-ханом) [Катанов, 1907. С. 522]. Образ птицы был включен практически во все сферы духовной жизни хакасов. Некоторые из них воспринимались в качестве тотемных божеств и являлись важнейшим объектом религиозных поклонений. В традиционном сознании образ птицы символизировал собой вестника, спасителя человечества, а также культурного героя – подателя огня и других благ. По мифологическим представлениям, благодаря птице удалось сохранить на небе главные светила. С образом пернатых связывается комплекс представлений о душе человека. Например, верили, что ласточка доставила человеку его душу. Следует заметить, что в религиозно-мифологическом

мышлении и сама душа нередко представлялась в орнитоморфном образе. Помимо того, в архаических воззрениях птица выступает одним из ключевых посредников между мирами. В шаманизме эти представители животного мира часто выступают в качестве незаменимых духов-помощников шамана [Катанов, 1907. С. 525].

Экспозиция героического эпоса «Хара Хусхун» [1977] необычна, время действия тут описано конкретно: когда черноголовые люди ходили в одеждах из шкур, время, когда народ еще не питался зерновыми культурами. Место локации почти святое: на хребте проросшей через три слоя земли железной стеле, где девственная чистота, в которой нет места болезням, спокойное безветренное место, где текущая вода не замерзает, тело умершего не портится.

О предназначенной Богом невесте Хара Хусхун узнает от своей сестры Алтын Арыг и отправляется в путь. Сестра также сказала о наличии у невесты шкуры филина, о необходимости уничтожить шкуру, дабы она не улетела. Для добычи суженой Хара Хусхун использует свои особенные уловки, способность к оборотничеству. Стереотип поведения богатыря в этой ситуации можно обозначить как «охотник». Добыча невесты буквально повторяет процесс охоты на зверя: герой тайно караулит свою «жертву», нападает, присваивает себе. Зооантропоморфность невесты (девушка-птица) подчёркивает это сходство.

В героическом сказании «Катай-Хан», записанном М. А. Кастреном в кратком изложении, у Катай-Хана есть две дочери и трехлетний сын. «У младшей дочери есть одежда с лебедиными крыльями, и она время от времени летает в ней к семи Кудаям, которые живут наверху в высоком небе. У семи Кудаяв семь дочерей, и они тоже любят летать туда-сюда в одежде с лебедиными крыльями» [Этнография..., 2016. С. 125].

Полевые записи Н.Ф. Катанова, известного хакасского ученого, свидетельствуют о том, что в одной из племен хакасов (бельтыр) есть обычай не убивать, не стрелять в лебедей (хуу) [Катанов, С. 60]. В этом запрете отразились древние тотемические представления о том, что лебедь является прародителем и покровителем этого племени. В этой связи в хакасском героическом эпосе большое распространение получает мотив полетов по воздуху: он может совершаться при помощи крылатых коней или

превращением девушек в птиц, чаще всего в лебедей или кукушек. Сам мотив оборотничества восходит к древним верованиям в предка-тотема.

В алыптыг нымахе «Албынжи» старшая сестра Хулатая Алтын Кюк после гибели родителей и разорения их владения, превратившись в кукушку, улетает. Она спасает младшую сестру, дает ей имя, советы, как оживить брата Хулатая и его коня. Младшая сестра Чарых Кюк вынуждена улететь на хребет Чарых сын и жить там. Чаще всего в птиц превращаются сестры главного героя или же невесты, жены. Албынжи, его жену, друга оживляет тетя главного героя – Чарых Кюк, которая в образе кукушки прилетев на вершину Тастыг сын, приняв истинный облик, белой и зеленой волшебными травами лечит богатырей. Чарых Кюк, живущая на вершине Чарых сын, играет в повествовании роль наставницы богатырского рода, она обладает способностью врачевания, целительницы.

В анимистических представлениях хакасов кукушка могла олицетворять душу человека. Так, душа героини Ай-хуучин изображалась в виде двуглавой кукушки. Изображение души человека (в образе птицы) в верованиях хакасов является весьма распространенным. В сказании «Алтын Чюс» сын главного героя, убегая от преследователей, превратился в золотую кукушку с лошадиную голову. Как отмечает В. Бурнаков, «в мифо-ритуальной системе хакасов образ кукушки занимает важное место. Он имел полисемантический характер. Кукушка мыслилась одновременно в качестве подавательницы жизни и вестника смерти. Столь же очевидна ее значительная роль в магии и шаманизме. Верили, что она имеет непосредственное отношение к жизненным силам и душе человека». [Бурнаков, 2008.С. 309].

Следует отметить, в эпических текстах часто встречаются могучие богатырши, которых коню не поднять. Передвижение этих героинь возможно при помощи волшебного превращения. Они, превратившись в различных птиц, преодолевают огромные расстояния. Например, Харащхай-Арыг из героического сказания «Трижды женившийся Хан-Мирген» [7], записанного от прославленного П.В. Курбижекова, могучая богатырка превращается в белую птицу с целью догнать Хан-Миргена, передвигавшегося на коне:

*Харащхай Арыг хостап полбаан.
Ойли киледіре тыр сілігінібіскен,
Хардаң ах ах хусха хубулыбысхан,
Халыхтап парып,
Хан тигір наарына көдірілібіскен* [7].

Харащхай-Арыг не могла догнать.
Разбежавшись, встряхнулась,
В белее снега белую птицу обернулась.
Помчавшись,
Взметнула в глубину неба.

В мировоззрении хакасов волк нередко идентифицируется в качестве одного из прародителей и покровителей и выступает в роли тотемного божества, его образ сакрализуется. Вера в мифическое родство с волком и убежденность в его непревзойденной сверхъестественной силе способствовали появлению целой системы эфемизмов, волк воспринимался и в качестве проводника в потусторонний мир. В хакасском фольклоре развитие получает мотив оборотничества человека в волка.

В известном героическом сказании «Алтын Арыг» представлен образ одного из главных персонажей этого произведения – «Пис Тумзух Піло Харын Хуу Иней» (букв. «Шило-Нос-Брусок-Живот-Белая (Белесая) старуха»). Это пожилая женщина, которая зачастую предстает в облике Белой волчицы. При этом в традиционном сознании она неизменно выступает в роли защитницы и покровительницы рода. В своей статье «Образ Хуу-иней в хакасском героическом эпосе» В.Е. Майногашева, анализируя образ героини, приходит к обоснованному выводу о том, что является реминисценцией представлений о тотемном божестве – «прародительнице женщины-волчицы, связанной своим рождением и смертью с родовой территорией» [Майногашева, 1965. С. 212]. Как справедливо указывает эпосовед, «Хуу-иней в данном сюжете довольно отчетливо представлена существом двойной природы – зверем-женщиной. Образ белой волчицы, вероятно, является исконной природой Хуу-иней» [Майногашева, 1965. С. 212]. Имеется тесная, нерасторжимая связь одного из основных персонажей хакасского фольклора, символизирующего хозяйку родовой горы и покровительницу богатырского рода, с образом волчицы [Кызласов, 1982. С. 91].

В героическом сказании «Албынжи» главный герой, лишившись своего средства передвижения – белого волка, для поиска угнанного народа и скота отправляется в путь, превратившись в белого волка. В данном случае мотив превращения является композиционно обусловленным, когда возникает необходимость преодоления огромных расстояний.

Часто в хакасском героическом эпосе образ белого, огненно-рыжего волка принимают представители нижнего мира. Связано это с тем, что в силу своих зоологических особенностей,

главным образом, хищнической природы, волк наделяется негативной коннотацией. У хакасов символизм волка имел ярко выраженный двойственный характер, отношение к нему было амбивалентным.

Таким образом, в героических сказаниях мифологическое содержание мотива превращения иное, чем в мифе, оно подчинено задачам эпоса. В эпическом тексте мотив трансформации реализуется для композиционных и художественных функций.

Литература

Албынчы. Алыштыг нымах. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2018. – 126 с.

Алтын Арыг. Алыштыг нымахтар. – Абакан: Хакасиядагы книга издательствозы, 1958. – 424 с.

Бурнаков В.А. Образ кукушки в мифо-поэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Том XIV. – Новосибирск: 2008. – С. 305–310.

Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Образ волка в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – XX) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2015. – Том 14. – С. 121–130.

Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография №2. – М.: Наука, 1982. – С. 83–92.

Майногашева В.Е. Образ Хуу-иней в хакасском героическом эпосе // Исследования по языку и фольклору. В. 1. – Новосибирск: Наука, 1965. – с. 211.

Мелетинский Е.М. Эпос и мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 664–666.

Образцы народной литературы тюркских племен / Изд. В. Радловым, собр., пер. Н.Ф. Катановым. – СПб., 1907. – Ч. 9. – 668 с.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 236 с.

Трижды женившийся Хан Мирген (зап. Т.Г. Тачеевой от П.В. Курбижекова). Д. 622, 119 л.

Хара Хусхун. Алыштыг нымах. – Абакан: Красноярское книжное издательство, 1977. – 203 с.

Чаптыкова Ю.И. Мотив превращения в хакасском героическом эпосе // Международный научно-исследовательский журнал. – № 5 (95). Часть 3. Май, 2020. – С. 13–17.

Этнография и хакасский фольклор глазами немецкоязычных исследователей XIX века: сборник научных работ и фольклорных текстов. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2016. – 192 с.

Л.В. Челтыгмашева

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ПЕРВЫЙ ХАКАССКИЙ РОМАН «В ДАЛЕКОМ ААЛЕ» И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Объект исследования – первый хакасский роман Н.Г. Доможакова «В далеком аале» и его перевод на русский язык. В статье обосновывается мысль о том, что в созданном как социально-исторический роман произведении Н. Доможакова особое внимание уделено изображению быта, жизненного уклада хакасов в первой трети XX в., сведены воедино народная и авторская картины мира, отражающие основанные на народном мироощущении, миропонимании, мировосприятии и мировоззрении представления о мире, жизни и человеке. В переводе же романа на русский язык глубокое социально-нравственное осмысление получила актуальная в национальных литературах 1960–1980-х гг. историко-революционная тематика. Был использован метод смыслового и художественного перевода, направленного на воспроизведение авторской концепции изображения кардинально изменивших жизнь хакасов событий революции 1917 года и гражданской войны. Потребностями и особенностями эпохи соцреализма объясняются идеологизированные характеры и стремление показать в центре конфликта социально-классовые отношения. При переводе были сокращены фольклорно-этнографические реалии, художественная задача которых в оригинале сводилась не только к демон-

стрированию фольклорных, этнографических подробностей, но, прежде всего, к выражению национальной ментальности, этноэстетических, мировоззренческих основ духовной культуры хакасского народа. Достигнув сюжетной динамичности и композиционной стройности, переведённый на русский язык роман «В далёком аале» несколько лишился поэтичности в описании картин народной жизни.

Ключевые слова: роман, перевод, тема, герой, сюжет, фольклорно-этнографический элемент.

L. V. Cheltygmasheva
*Khakass Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

THE FIRST KHAKASS NOVEL «IN THE DISTANT AAL» AND ITS RUSSIAN TRANSLATION

The study object is the first Khakass novel of N.G. Domozhakov «In the distant aal» and its translation into Russian. The article substantiates the idea that in N. Domozhakov's work, created as a socio-historical novel, special attention is paid to the depicting of household, the Khakass' way of life in the first third of the 20th century, the national and author's world views are brought together, reflecting the ideas of the world, life and man based on the view of life, world outlook and world perception. As for the translation of the novel, a deep social and moral understanding was given to the historical and revolutionary theme that was relevant in the national literatures of the 1960s and 1980s. The method of semantic and artistic translation was used, aimed at reproducing the author's concept of description of the events of the Revolution of 1917 and the Civil War that radically changed the Khakass' life. The needs and features of the socialist realism epoch explain the ideologically charged behavior and the desire to show social-class relations in the center of the conflict. Folklore and ethnographic realities were reduced, the artistic task of which in the original was not only to demonstrate colorful folklore and ethnographic details, but, above all, to express the national mentality, ethno-aesthetic, world view foundations of the spiritual culture of the Khakass people. Having reached a plot dynamism and compositional harmony, the translation of the novel at the same time lost some poetry in the description of pictures of the people's life.

Key words: novel, translation, theme, hero, plot, folklore and ethnographic element.

«ЫРАХХЫ ААЛДА» ПАСТАҒЫ ХАКАС РОМАНЫ ПАЗА АНЫҢ ОРЫС ТІЛІНЕ ТІЛБЕСТИИ

Хакас литературасының тархынында 1960 чыл угаа танылгы: ол чыл «Ыраххы аалда» пастағы хакас романы чарыхха сыххан. Улуғ прозаның пастағчызы, саблығ кибелісчі, филология наукаларының кандидады, тілбестігчі, үгретчі Н.Г. Доможаковтың хакас чонның культуразын, литературазын, науказын тилідерінде хозымы угаа улуғ. Аның тіл сурығлары хоостыра пазылған тоғыстары, «Хакас тіліндегі хызыллар диалекті» диссертациязы тіл науказын алғытханнар, школаларға тимнеен учебниктері олғаннарға наа пілістер хосханнар, көп санның студенттері прай даа хакас школаларында тоғынғаннар. Ол 1944 чылда асхан институт (ХакНИИЯЛИ) хакас чонның тархынына, кибірлеріне, тіліне, пазылбин пүткен чайаачызына, литературазына чарыдылған істезіглерні тохтатпін аннаң андар апарча. Николай Георгиевич төстеен Хакасиядағы Писательлер пірігізі амғы туста даа наа чайаачы устарны таапча, хоос произведениелерні чарыхха сығарча.

Н.Г. Доможаковтың илбек чайаачызын пүкүлесінең көрзе, хайди даа аның «Ыраххы аалда» романын алынча таныхтирға кирек. Мында «Ыраххы аалда» пастағы хакас романы полчатханына ла нима, че, өөнінде, хакас литературазын пөзік синге көдір салғанына хайығ айландырарға кирек. Орыс тіліне Г.Ф. Сысолятин тілбестеен «В далёком аале» роман, алынча кинденең Хызылчар книга издательствозында сығып, 1970 чыллардаң сығара он азыра хатап чарых көрген, ол санда Совет Союзының иң не килкім өөн издательстволарында («Роман-газета», «Современник», «Советская Россия»). Орыс тілінең пасха Н.Г. Доможаковтың романы тыва, латыш, хырғыс, түрк тілдеріне айландырылған. Иди пасха-пасха тілдернең чарыхха сығып, «Ыраххы аалда» роман тилекейче тараан. Роман уламох сабланған, хачан аның хоостыра 1977 чылда Свердловтағы кино суурчаң студия «Последний год Беркута» («Киикчіннің түгенчі чылы») хоос фильм сығарған.

Хакас тілінең пазылған романны, аның орыс тіліне тілбестелгенін паза аның хоостыра суурылған фильмні тиңестіріп, таныхтирға кирек: олар прайзы ыраххы тоң хакас аалда наа Совет үлгүзі хайди турғызылчатханын көзітчелер. Романның полтазына орыс Польшцевтернің паза хакас Хоортай ағаның сөбірелерінің класс ыырчыларынаң тоғыр күресчеткені салыл парған.

Хакас романында наа ла совет үлгүзі турғызылған тус көзіділче. Анзынаңар піди пазылча: «Пу чирде Совет үлгүзі сентябрьда 1919 чылда ікінчизін турып, пастағы ла чылы парча. Совет үлгүзі пу аалға читкелек тее тирге чарир». Аалда саңай ла Хапың сөөгінің чоны чуртапча. Олар родтаң сыххан, чалғыс ла пічкчі кізіні, Пычонны, сельсовет кнезіне таап салғаннар, ағаа киртінчелер, «анынаң махтанызадырлар, көдірілізедірлер». Пычон, хызыллар үлгүзі чох-чоостар, чалчылар үлгүзі полчатханын чахсы піліп, аалда комбедтер турғызарына харығ полча. Ол – ікі чуртас апарчатхан уғаа көйтк ыырчы: пір саринаң, ол аал Сөведінің кнезі, че олох туста чоннаң тоғыр парча. Аал чуртағчылары, тізен, ағаа киртінчелер. Пычонның саринда Хапың пайның сөбірезі, Сеерге хасхы, ахтар офицері Харбинка, Аларчон хам.

Пасха сөөк – хайчы, ачығ тілліг тахпахчы Хоортай апсах паза аның сөбірезі. Хоортай аға, таныс нимес аалда пол парған орыс Федор Польшцевтің сөбірезің позында чуртадып, оларны хасхы тіп тик чирдең пыролапчатханын оңарып, оларнаң нанчыласча. Пу сөбіре ыраххы хакас аалдағы чонны Минсуғдағы большевиктернең палгалыстырча. Роман тоозылча аал чыылианаң, хайда коммунист П. И. Огарков чонны наа чуртас үчүн күрезіге көдірче, Совет үлгүзіненер, Ленин партиязынаңар, пайлар паза пазын полбастаңар чоох тутча. Аал чуртағчылары сельсовет президиумына, Хапың пайнаң пасха, Хоортайнаң Эпсені тапханнар. «Халын кибектіг туюх нымырха осхас аал пастағызын на сызыхталған осхас пілдірген», – тоозылча хакас тілінең пазылған роман. Пу сөстер, пайлар чох иділбеен дее ползалар, хас-хачаннаң салыл парған аал чуртазы сайбалып пасталыбысханнаңар киречілепчелер.

Орыс тіліне тілбестеліп, романға көп алызыллар кирілгеннер: Пычон, Хапың, Сеерге араға ісчеткеннеріненер, мал хадар-

чызы Канойның чуртазынаңар, Федор Польшцевтең істегчі Тохчын сурағ итчеткенненер, аар палығлатхан Сағдайны Минсуғзар имнег туразар апарғаннаңар, Оловьевтің бандазы аалда хайынғаннаңар кизектер чох иділгеннер, Аларчон хамның хамнаанын көзідері иледе хызырылған, Федорның Зойка хызычааның өліміненер, Хаза-Тайгада чазынчатхан хасхыларданар, аңчы Кормастаңар кизектер кирілгеннер. Тілбестілген романда коммунисттернің хакас аалында Совет үлгүзін турғызарында өткін араласчатханын көзідеріне өөн хайығ айландырылған. Наа чуртастың саринда полчатхан Польшцевтер, Хоортайның сөбірезі, Губенков, Огарков, Эпсе, аалдағы чох-чоостар паза олардаң тоғыр күресчеткен Пычон, Харбинканаң Сеерге, Аларчон хам, Хапың пайның сөбірезі аразындағы харбазығ романның өөн талазии полча. Прайзынаң пурун Пычонның чабал киректерін сизініп, Хоортай апсах олардаң тоғыр поэзы күрезіг апар сыхча паза, Совет хонығы ниме ағылчатханын оңарылып, наа чуртас пүдірерінде өткін араласча, комбедтің устағчызы польп, чапчаң тоғынча. Роман Хоортай аға Минсуғда ирткен хакас чонның чылианаң аэропланнаң айланғанынаң тоозылча. Хоортай ағаның омазында наа хонхы чуртасха кірчеткен туста чох-чоостарның сағыс-көгізі алысханы көзіділче.

«Киикчіннің түгенчі чылы» хоос фильм «Ыраххы аалдағы» романның орыс тіліне тілбестелгені хоостыра суурылған.

Кибірлер, хакас чонның иргі чуртазы прай орта көзідерге кирек полған. Аннаңар консультант история наукаларының кандидады Кузьма Михайлович Патачаков полған.

Фильмні режиссер Вадим Григорьевич Лысенко суурған. Федор Польшцевті РСФСР-ның Заслуженнай артизі Олег Корчиков, Почкаевті Казах Республиказының чон артизі Нуржуман Ихтымбаев, Аларчон хамны Бурятияның чон артизі Цыден Бадмаев ойнааннар. Хакас драма театрының артисттері араласханнар: Тойоңны Юрий Топоев толдырған, Апахты – Юрий Майнагашев, Сабисті – Николай Тачеев, аның пабазын – Алексей Араптаев. Ідөк Самсон Артонов, Иван Салайдинов, Михаил Топоев, Евгения Котнякова, Вера Чебодаева, Алиса Кызласова, Герман Саражаков суурылғаннар.

Николай Георгиевич поэзының романы хоостыра «Хара хустың түгенчі чылы» киноны көрерге маңнанмаан. Хайди аның туңмазы, филология наукаларының кадидады А. Г. Кызласова пасхан, Николай Георгиевич хайда-хайдар хомзынған, кассалыг боевик суурчалар тип [Кызласова, 2000. С. 19]. Сыннаң даа, «Хара хустың түгенчі чылы» фильм «истерн» кино чили чайал партыр. Истерн – ол совет тузында суурылған приключенческий фильм. Өөнінде андаг киноларда Ортын Азия, Кавказ көзиділче, оларда хайди даа «оңныг» паза «оңныг нимес» матырлар, аттыг сүрісчөткені, атыстар, өлімнер поларға киректер. «Хара хустың түгенчі чылы» фильмде прай ол нимелер парлар: Эпсе хасхыларнаң атысча, Полынцев аалдагыларнаң хада Хаза-Тайгадагы хасхыларны ибiрiп чаалапчалар, ыырчылар Зойка орыс хызычактың паза Хоортай аганың тынын үсчелер.

Иди, хакас тілінең пазылған романны социально-исторической роман, аның орыс тіліне тілбестілгенін историко-революционной роман тип таныхтирға чарир, кинозын – «советской истерн». Николай Георгиевич, тізең, чонның тархынын, чуртазын, кибірлерін көзидер сағыс тутхан. Сыннаң даа, Н. Доможаковтың «Ыраххы аалда» романы – ол хакас чонның кибірліг чуртазын чарыда көзітчеткен, хакас кізінің хылиин, сағызын тирең істесчеткен, хакас тілінің пайиинан, сілиинен толдыразынаң тузаланчатхан улуғ хоос литература тоғызы. Тиктең нимес аны хакас чонның чуртазынаңар энциклопедиязы тип адапчалар. Андаг сағыс төріпче, романны хакас тілінең хыгырза.

Роман Хакасияның культуразына, уламох литературазына паалачаа чох улуғ хозым хосхан. Н. Доможаков, пастагы хакас романист полып, ол пасха романнарға чол асхан.

Литература

Кызласова А.Г. Слово о брате // Человек-факел (к 85-летию со дня рождения Н.Г. Доможакова). –

Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПКи-ПРО «Роса», 2000. – С. 15–19.

А. С. Чочиева

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ХАКАССКОЙ ПОЭЗИИ

В данной статье рассмотрен символ родной земли в хакасской поэзии. Символ родной земли в произведениях хакасских поэтов передан в различных понятиях. Основная функция представлена как место, где родился человек. Раскрывая символ родной земли, поэты выразили свое мировоззрение, свою национальную картину мира.

Главным художественным достижением хакасской поэзии является герой, способный гармонично соединить реальное и идеальное, социальное и вечное, и тем самым противостоять социальному и бытийному хаосу.

Ключевые слова: хакасская литература, хакасская поэзия, символ, родная земля, вечное, цикличное.

A. S. Chochieva

*Khakass Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

SYMBOLIC IMAGES IN KHAKASS POETRY

This article examines the symbol of the native land in Khakass poetry. The symbol of the native land in Khakass poets' works is conveyed in various concepts. The main function is represented as the place where a person was born. Revealing the symbol of the native land, the poets expressed their world outlook, their national world view.

The main artistic achievement of Khakass poetry is a hero who can harmoniously combine the real and ideal, social and eternal, and thus resist social and existential chaos.

Keyword: Khakass literature, Khakass poetry, symbol, native land, eternal, cyclical.

Хакасская поэзия глубоко индивидуальна, тяготеет к жанровому многообразию, к философскому познанию мира. Художники слова стремятся показать свой народ, его самобытную культуру и традиции. В произведениях отразились события остродраматического характера, запечатлен неповторимый, самобытный облик народа и народный характер, который характеризуется и посредством символа. Изначально символ рассматривался в области философии, искусства и психологии. В дальнейшем он широко распространяется и в художественном слове. Изучив, сопоставив и систематизировав исследования в разных областях, исследователь А.З. Ахметова понятию дает следующее определение: символ – это «один из тропов, и его художественно-эстетической задачей является пробуждение у читателя воображение эмоции, готовность воспринять идеальные понятия путем не логического их объяснения, а указания на существование у изображаемого сокровенного смысла, который неотделим от его образной структуры; символ отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания [Ахметова, 2009. С. 12]. В нашей статье рассмотрим один из распространенных и ярких образов, который вырос до уровня символа – это понятие родины, родной земли. В поэзии хакасских поэтов этот образ представлен разными приемами, у каждого просматривается творческая индивидуальность, но всех поэтов объединяет тема любви к родной земле, к Хакасии, понятие которой передается в различных определениях.

Для анализа символического образа, как родная земля, представим стихотворения хакасских поэтов М. Кильчичакова «Земля моя – Хакасия» [Кильчичаков, 1979. С. 3–4], «Курганы» [Кильчичаков, 1979. С. 14–15], М. Баинова «Здесь природа...» [Баинов, 2000. С. 74] и В. Майнашева «Шум моих родных лесов» [Майнашев, 1995. С. 27], «Жарки» [Майнашев, 1979. С. 48]. Как правило, в названиях стихотворений прослеживается тема малой родины, восхищение ею и гордость за нее. Символ родной земли в творчестве хакасских поэтов передается в различных типах, в нашей работе попытаемся показать многообразие понятий данного образа.

Родная земля в стихотворных произведениях М. Кильчичакова раскрывается посредством исторического времени. Тема присоединения Хакасии к России неоднократно была

представлена в произведениях хакасского поэта. Это рассказ об исторических событиях, и здесь важен не столько уровень фактов, сколько их эмоциональное осмысление поэтом. Восхищение героизмом защитников – не только главная идея, но и главное чувство стихотворных произведений поэта. В.А. Карамашева отмечает, что «тема родного края – одна из важнейших составных поэтического наследия М.Е. Кильчичакова. Естественная привязанность к своей земле приобретает в его стихах глубокий исторический смысл» [Карамашева, 1995. С. 81].

Исследователи отмечают, что М. Кильчичаков самобытно отражал пафос строительства новой, обновленной жизни. Как правило, первая часть стихотворения раскрывает тяжелую судьбу хакасского народа, которая в большей степени проходила в многочисленных войнах. В прошлом родную землю поэт передает лексемами «кости алыпов», «звон мечей», «земля изрыта копытами», «вороны кровью людей напивались».

А вторая часть описывает жизнь после присоединения к России. По мнению поэта, в современной Хакасии «река Абакан поет», «земли засеяны», «ветер в полях играет».

Сравнение прошлого и настоящего времени – основной прием, используемый поэтами периода становления хакасской литературы. Время «имеет дело с историей, описывает определенную, конкретную эпоху – прошлое или современность» [Новиков и др., 2001. С. 53]. Прошлое и настоящее в поэтических произведениях сконцентрированы в образе кургана, который передается и в повторе – рефрен:

Под солнцем сияя,
В дождь промокая,
Курганы стоят –
О былом говорят
[Кильчичаков, 1979. С. 14].

Данный повтор, как припев, фиксирует внимание читателя, усиливает образ и подчеркивает основную мысль, тему стихотворения.

Основной образ – это курганы, молчаливые свидетели прошлого и настоящего времени, объединяющий несколько веков. В художественном мире образ родной земли представляет собой гармоничное целое, соединение с которым осуществляется своеобразным духовным контактом природы и человека. Понятие родной земли поэт передает через лексемы

«степь», «снежные горы», «жарки, словно вышитые из блесток», «Енисей как синий пояс», «весенняя тайга», «солнечный день». Все эти лексемы передают любовь, восхищение и неповторимость Хакасии. Именно этими лексемами поэт описывает родину, землю, где он родился и вырос и восхвалял ее в своих художественных произведениях.

Хакасское, как и в общем восточное, мировоззрение связывает образ родной земли с такими понятиями, как родная земля – это место, где родился человек. Об этом свидетельствует стихотворение «Земля моя – Хакасия»:

Я – кровный сын твой, здесь – мое начало,
И степь – под сводом солнечного дня –
Та колыбель, которую качала
Ты, словно мать, баюкая меня
[Кильчичаков, 1979. С. 3].

Степь поэт сравнивает с матерью, дорогим и близким ему человеком, которая заботилась о нем и помогала в становлении и развитии как личности. В этом отрывке стихотворения «Земля моя – Хакасия» представлено художественно-выразительное средство как сравнение, используемое поэтом очень ярко и эмоционально. Степь сравнивается с колыбелью, река Енисей соотносится с синим поясом, рыжий ковыль сравним с ржавчиной копья и др. Один из основных тропов художественной речи – метафора – довольно часто представлен в стихотворении «Курганы»: «пела струя Абакана», «посевы волнуются ныне», «ветер играет пшеницей» и др.

Прием олицетворения изображает курган как одушевленный предмет: *Курганы стоят – / О былом говорят* [Кильчичаков, 1979. С. 14]. Для поэта курган одушевлен, который разговаривает с ним. В стихотворении М. Кильчичакова отражено национальное восприятие кургана – это родной одушевленный предмет, подчеркивающий его историческую значимость.

Итак, образ родной земли М. Кильчичаков представляет в сравнении прошлого и настоящего времен. Связующим образом стихотворений «Земля моя – Хакасия» и «Курганы» является курган – каменное изваяние. Поэт изображает прошлое хакасского народа в воспевании и почитании героических личностей.

Если у М. Кильчичакова природа – важнейший прием психологизма, т.е. природный образ явлен только в связи с поступками и

мыслями, с настроением героя, то в стихотворении «Здесь природа...» у М. Баинова образ тайги вполне самостоятелен и может быть почти не связанным с основными событиями. Пейзажная лирика и тема родной земли синтезировались в данном поэтическом произведении. Поэт передает спокойную, безсуетную, размеренную жизнь тайги.

Образ тайги в стихотворении М. Баинова представляет циклическое время, которое традиционно воспринимается как «время солнечного, лунного, годового, суточного, биологического циклов». В этих местах редко бывает человек, поэт описывает это место следующим образом:

И по кругу здесь движется
Время!...
Здесь природа
сама себе снится
[Баинов, 2000. С. 74].

Стихотворение «Здесь природа...» является одним из красивых, богатых на художественно-выразительные средства произведений. «Словесные образы в художественном тексте отображают ту или иную картину мира, преобразуя ее в соответствии с интенциями автора и обновляя восприятие читателя» [Николина, 2007. С. 78].

Для более полной, яркой и образной передачи своих мыслей, чувств и оценок поэт может использовать различные средства языковой выразительности. Ярким тропом, используемым поэтом, в этом произведении является олицетворение:

Здесь
Играет с пушистой белкой тайга,
И под ноги себе
Рассыпает
Бруснику
[Баинов, 2000. С. 74].

Примеры применяются для раскрытия состояния природы, возвышают чувства и мысли героя, создавая духовный ориентир. Поэтический троп позволил сделать стихотворение более значительным и более полно передает чувства и мысли поэта. М. Баинов – прекрасный знаток хакасской культуры, традиций, хорошо владел родным языком, и его профессионализм тонко чувствуется в поэтических произведениях. А.Л. Кошелева отмечает, что в «хакасскую поэзию пришел со своим

неповторимым словом и необычным мироощущением» поэт [Кошелева и др., 2011. С. 102].

Читая стихотворные строки, мы чувствуем себя частицей природы. Отчетливо выделяется философское начало:

Здесь природа
Не знает тебя,
человек
[Баинов, 2000. С. 74].

Итак, философская лирика М. Баинова представлена как душевное спокойствие, равновесие, которое приобрел поэт. События из прошлой жизни обдуманы, приняты им, и воспоминания о них ему дороги.

Философия же В. Майнашева, наоборот, – это беспокойное, неудовлетворенное состояние души поэта, сожаление о прошлом, но с надеждой на позитивное будущее. Этот мотив можно проследить во многих поэтических произведениях поэта, который мы проанализируем в дальнейшем.

В творчестве В. Майнашева широко представлен образ родной земли, вышедший на символический уровень. Все творчество поэта восхваляет родную землю, но в рамках данной статьи мы выделим только небольшое количество стихотворений. Исследователь В. Карамашева отмечает, что в стихах поэта мы видим его родину: «Глубина поэтического мировосприятия В.Г. Майнашева не столько в изображении внешнего мира, сколько переживает его в себе. Поэтому его лирика автобиографична, характеризуется исповедальной откровенностью. Это история души. Рассказывая ее, фиксируя увиденное и пережитое в скелете рифм и строчек и вдохновленный этой волшебной работой, В.Г. Майнашев стремится поведать о восторге и грусти испытанного им озарения читателю. Так внешняя реальность приобретает в его стихах реальность поэтическую» [Карамашева, 1995. С. 6–7].

Стихотворения «Шум моих родных лесов» и «Жарки» объединены художественным временем и по жанровому составу. Это воспоминания о молодости, жизненных реалиях, выполненных или нереализованных планах. Для поэта это время остановленное, которое не имеет прошлого и настоящего, являющееся основным признаком вечности.

В небольшом по объему стихотворении «Шум родных моих лесов» образ родной земли передается в образе леса – географического

пейзажа. Это стихотворение наполнено надеждами на светлое будущее поэта, и отчетливо прочитываются мотивы родной земли, которые манят и зовут в родные места.

А леса шумят, как прежде!
И в душе моей опять
Позабывшие надежды
Начинают расцветать.
Я уеду в шумный город,
Но и посвисты ветров
Донесут мне дальний говор –
Шум родных моих лесов
[Майнашев, 1995. С. 27].

В стихотворении образ леса, характеризующий внутреннее состояние лирического героя, будит в нем надежды на лучшую жизнь. Во многих поэтических произведениях В. Майнашева родная земля символизирует душевное спокойствие, старт в новые начинания, дающий силы и много возможностей в развитии творчества.

Образ леса играет важную роль при описании родной земли и в стихотворении «Жарки». Передается пейзажная лирика, которая богата и разнообразна: «зеленый лес», «спокойный весенний майский день». И, конечно, национальный пейзаж. «Национальная специфика художественного творчества представляет собою сложную многоаспектную проблему, она может быть определена на самых различных уровнях, основополагающим же в формировании национальной картины мира является сложившаяся в рамках локальной культуры система миропонимания, концепция мира, человека и природы» [Фролова, 2008. С. 161]. Национальный пейзаж передается в строках, посвященных описанию жарков:

Знаю я, что есть цветы другие.
Восхищает нас их красота,
Но они, как девушки чужие,
Мне не грели душу никогда
[Майнашев, 1995. С. 48].

Стихотворение повествует о невозвратности времени, раздумья о прошлом возвращают поэта к молодости, к первой любви, бередя душу.

Лирический герой бродит по майскому, усыпанному цветами лесу. Деталью леса являются цветы – жарки. Активно используются сравнения, обращения, метафора и другие поэтические тропы. Поэт использует

прием олицетворения: «*май вернется*», «*заноет сердце*», «*поет весна*», «*уйдет вы, погаснув*». Стихотворение изобилует метафорами: «*бездымное пламя жарков*», «*миллионы солнышек горят*», «*окунуть лицом в огонь живой*», «*дети солнца*» – это все описание жарков.

Обращения передают красоту, восхищение и любованье цветами, природой, родной землей: «*О жарки, жарки, вы дети солнца*»; «*О жарки, жарки, горите страстно*».

При помощи этих средств поэты могут выделить те или иные признаки или стороны изображаемых предметов или явлений, которые являются важными при данных определенных обстоятельствах.

Беззаботность, радость и внутренний комфорт сменяются на грустные воспоминания лирического героя через сравнения, которые изобилуют в стихотворении:

Наберу опять цветов охапку,
Окунуть лицом в огонь живой,
И заноеет сердце болью сладкой,
Словно той далекою весной

[Майнашев, 1995. С. 48].

Или еще пример:

И кукушкин голос отдаленный,
Словно сердце вешнее лесов

[Майнашев, 1995. С. 48].

Дальнейшие строки говорят о невозвратности человеческих действий, поступков, и жизнь сравнивается с цветами. Цветы, которыми любит поэт, навевают на грустные мысли, воспоминания. Поэт отмечает, что эта красота

небесконечна, и цветам приходит время увядать. Стихотворение заканчивается строками:

О жарки, жарки, горите страстно,
Пусть в лесах цветет, поет весна!
А когда уйдете вы, погаснув,
Потемнеет наша сторона

[Майнашев, 1995. С. 48].

В творчестве Майнашева пейзажная лирика передает внутреннее состояние души поэта. Как правило, оно обеспокоено и тесно связано с вопросами жизни и смерти, радости и грусти, поступков и мечтаний.

Таким образом, природный мир у хакасских поэтов одушевлен. Родная земля в произведениях М. Кильчичакова показана через историческое время, переданное в ретроспекции, а образ кургана усиливает историзм. Цикличность времени, используемая М. Баиновым в стихотворении «Здесь природа...», создается в образе тайги. Пейзажная лирика в образе леса, описанная В. Майнашевым, характеризует вечность времени. Образ родной земли в поэтическом творчестве хакасских поэтов пронизан национальной символикой и связывает воедино культурные, исторические и общечеловеческие ценности. Родина для героя – это священное место, центр пространства, место особой сакральной ценности. Хакасская поэзия, как одно из ярких и своеобразных проявлений литературного процесса эпохи, неразрывно связана с эволюцией национального мироощущения и национального художественного самосознания.

Литература

Ахметова А.З. Идеино-эстетическая функция символических образов и художественных деталей в башкирской литературе средних веков: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – С. 25.

Баинов М.Р. Дорога – вечная тревога. Стихи и поэмы. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2000. – 128 с.

Кошелева А.Л., Кызласов Л.Р., Майногашева В.Е., Майнагашева Н.С., Прищепа В.П., Челтыгмашева Л.В., Чертыкова А.А., Чистобаева Н.С. История хакасской литературы. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 278 с.

Карамашева В.А. В.Г. Майнашев // Крашенные ковьи: Стихи и поэмы. Переводы с хакасского автора, Н. Ахпашевой, А. Третьякова, А. Щербакова. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. – С. 6–7.

Карамашева В.А. Творчество хакасских писателей в школе. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. – 216 с.

Кильчичаков М.Е. Старая листовница: Стихи, сказки, поэма. Перевод с хакасского С.А. Соколова. – М.: Советская Россия, 1979. – 128 с.

Майнашев В. Крашенные ковьи: Стихи и поэмы. Переводы с хакасского автора, Н. Ахпашевой, А. Третьякова, А. Щербакова. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. – 112 с.

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИЦ «Академия», 2007. – 272 с.

Фролова И.В. Концепция природного мира в рассказах Б. Ябжанова // Баяртуевские чтения – 1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности: материалы междунар. науч. чтений (г. Улан-Удэ, 2–3 октября 2008г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 161–164.

Энциклопедический словарь. Литературоведение от «А» до «Я» / Сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. – М.: Современная педагогика, 2001. – С. 53.

К. В. Яданова
(Россия)

ЭТИМОЛОГИЯ ЛЕКСЕМЫ ЧАЙЫК В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается этимология лексемы чайык в алтайском языке. Автор приходит к выводу, что, вероятно, в ранних этапах развития тюркской лексики произошла контаминация значений древней основы ja- (jaγ-/jad-) «идти, падать (об осадках), лить (о дожде)» с ja- (jaj-/jad-) со значением «простор, ширь», и в результате образовался глагол jaj-/jaγ-/jad- – «разливаться (о воде, реке) вширь на большое пространство».

Ключевые слова: потоп – чайык, лексема, этимология, алтайский язык, тюркские языки, древнетюркский язык.

K.V. Yadanova
(Russia)

ETYMOLOGY OF LEXEME «CHAYIK» IN THE ALTAIAN LANGUAGE

The article discusses the etymology of the lexeme chayik in the Altai language. The author comes to the conclusion that, probably, in the early stages of the development of the Turkic vocabulary there was a contamination of the values of the ancient base of ja- (jaγ-/jad-): «to go, to fall (about precipitation), to pour (about rain)» with ja- (jaj-/jad-) with the meaning: «expanse» and as a result is formed the verb: jaj-/jaγ-/jad- «to spread (on water, river) in breadth in a large space».

Keywords: the deluge – chayik, the lexeme, the etymology, Altai language, Turkic languages, Old Turkic language.

С 2004 по 2007 г., в 2010, 2012, 2017 гг. нами производились записи фольклорной традиции теленгитов Кош-Агачского района Республики Алтай. Наряду с вариантами и версиями предания о потопе – чайык (44 текста), нам удалось зафиксировать особенности теленгитского диалекта алтайского языка, собрать лингвистические материалы о топонимах Кош-Агачского аймака РА. Предание о потопе – чайык бытует в сёлах Кош-Агачского района с основным сюжетным ядром: раньше во время потопа люди спаслись, поднявшись на священные горы – ыйык (Ыйык-Көкөрү (Ыйык-Кёкёрю) / Ирбистү (Ирбисту) / Тепсен-Баш (Тепсен-Баш) и др.). На вершинах этих гор остались от того времени обломки плота / лодки и осколки казана / казан.

На наш вопрос: «Слышали ли Вы предание о потопе – чайык?», многие рассказчики утверждали, что раньше в Чуйской и Курайской долинах произошел сильный потоп: «Говорят, раньше потоп – чайык был. Небо и земля – всё [было] полностью синим, [всё] слилось, наверху [было] синее [небо], внизу – синяя вода. Тогда стали строить плот...». (*Чайык деп неме чыгарын чыккан тийт осоо. Кошту жаан, тенгери ле жер – көк, жангыс тудуш, үстү көк, алты көк суу болгон. Байа саал этклеген ол тушта...*) [Ундулганова J., с. Чаган-Узун. Здесь и далее запись, расшифровка, перевод текстов

с теленгитского диалекта алтайского языка на русский язык произведены К. В. Ядановой. Фольклорные материалы хранятся в личном архиве автора].

«Раньше на этой земле повсюду было наводнение же. Ну, посмотри, давно, когда создавались эти же ложбины, горы-тайги, эти потрескавшиеся долины рек (низины), откуда возникли, как ты думаешь? Вода..., ведь случился здесь потоп – чайык. Откуда появилась эта вода? [Река] всё прорыла (*жиген* – алт. букв. «изъела»), везде было наводнение. Ведь в Кош-Агачской степи раньше было наводнение, говорят, в долине [реки] Чуй (Чуя). Во время образования [гор] ведь здесь повсюду была вода». (*Осоо чайык болгон неме не бу жердин үстү бастыра. Көрсөн дө, осоо бүүдерде, бу ла кобы, бу ла тайга-таш, бу жарылкалан өсөк кайдан келген деп турун? Суу..., чайык болгон неме не мында. Бу суу кайдан келген? [Суу] үсе жиген, бастыра чайык болгон. Кош-Агаштын чөли кайда, осоо не [чайык] болгон деп жат не бу Чуйдын ичи. Бүүдер чакта мында бастра суу болгон неме не бу*) [Енчинов Т. В., с. Курай].

Геологи выяснили, что последнее оледенение в долинах Чуи и Катуня случилось 90–100 тысяч лет назад. Чуйская и Курайская котловины были покрыты ледниками, в результате суперпаводков или землетрясений происходили гигантские наводнения: ледяная

плотина разрушалась, и вся накопившаяся вода сбрасывалась вниз в долину [Зольников и др., 2016. С. 1184–1197]. В настоящее время с высоты птичьего полета можно увидеть рельеф гигантских знаков ряби течения древнего озера в окрестностях с. Курай Кош-Агачского района РА [Рудой, 2000. С. 35–45]. Исследователи установили факт существования древних (плейстоценовых) ледниково-подпрудных озер в Чуйской и Курайской межгорных котловинах по озерным террасам-барам, по волноприбойным нишам, по каналам сброса озерных вод, по древнеозёрным береговым линиям. Ученые-геологи полагают, что последний прорыв ледяной плотины Чуйско-Курайской озерной системы произошел около 13 тыс. лет назад [Гросвальд, 1999. С. 34]. Возможно, к этому времени приходится и последнее сильное наводнение, случившееся на территории нынешнего Кош-Агачского района. Отголоски события о сильном наводнении, которое случилось в дальнем прошлом в Курайской и Чуйской степях, сохранились в фольклорных текстах преданий и живы в памяти народа до сих пор.

Исполнители, рассказывая о потопе – *чайык*, часто используют в своей речи устойчивое словосочетание *чайык чыккан* – алт. букв. «вышел потоп – *чайык*», «прорвалась вода», т.е. «затопило», «было наводнение / потоп», «произошло наводнение», «случился потоп». «На этой земле раньше случился сильный потоп – *чайык*, народа [совсем] не осталось. На вершине Ыйык-Көкөрү (Ыйык-Кёкёрю) выжило несколько человек. На [священной горе] Ыйык-Көкөрү, говорят, осталась лодка с вёслами. Несколько людей спаслись, поднявшись туда [на гору], от них пошёл народ» («*Бу жерге ооо кошту жаан чайык чыккан, албаты-жон артпаан. Бир канча албаты арткан Көкөрүдин ыйыктын башына. Ол Көкөрүдин ыйыкта кеме кайыгыла жат дийт. Анда ла чыккан бир канча киши, аргаданала, анан улам ла албаты таркаган*») [Малчинова Ч. А., с. Ортолык].

Интересно рассмотреть этимологию слова *чайык*. В алтайском языке *чайык / жайык* – «наводнение, потоп», *жайкын* – «наледь, разлив реки» [ОРС, 2005. С. 42]; в хакасско-русском словаре *чайыг / чайын* – «разлив, половодье», *чайых* – «разлив (реки)», *улуг чайых* – а) «большой разлив (реки)»; б) *религ.* «всемирный потоп» [ХРС, 2006. С. 929]; в тувинском языке *чайык* – «ливень», *чайык алыр* – «затоплять», *суг халап* – «потоп», *суг-чар* – 1. наводнение,

половодье; 2. жидкий, слишком жидкий [Рыбальченко, 1968, С. 389].

По-видимому, первичной основной лексем *чайык* (алт.), *жайкын* (алт.), *чайыг / чайын*, *чайых* (хак.), *чайык* (тув.) выступает древнетюркская основа **ja-** (**jaγ-** / **jad-**) в значении «идти, падать (об осадках), лить (о дожде)». Следовательно, однокоренными словами в древнетюркском языке являлись **jaγ-** 1) идти, падать (о дожде, снеге); **jaγmur** – дождь; **jayil-** страд. от **jaγ-**: **jaγmur jayildi** – шел дождь; **jad-** разливать (о жидкости); **jadıñ**: **jadıñ suv** – разлив, лужа; **jadci** – волшебник, заклинатель; **jad-** растекаться (о жидкости) [ДТС, 1969. С. 222–223]. Очевидно, лексемы *чайык* (алт.), *жайкын* (алт.), *чайыг / чайын*, *чайых* (хак.) – производные от глагольной основы **jay-** / **чай-** – «разлиться, разливаться» [ХРС, 2006. С. 929; ОРС, 2005. С. 42].

Древнетюркская основа **jad-** / **jaγ-** / **jaj-** в значении «разливаться (о жидкости)» [ДТС, 1969. С. 227] близка с формой **jaj-** / **jad-** / **jad-** / **йа:й-** со значением «простирает, простираться; расширять, расширяться; распространять, распространяться» [ДТС, 1969. С. 222–223; СААНТЯ, 2005. С. 76–77]. Вероятно, первичной основой **jaj-** / **jad-** («расширять; распространять») является **ja-** (**jaj-**) – «простор, ширь». Древняя основа **ja-** (**jaj-**) с этим значением сохранилась в хакасском языке в слове *чайы* – «простор (в доме)» [ХРС, 2006. С. 929], в алтайском языке в лексеме *жайым* – «свобода, воля; свободный, вольный» [ОРС, 2005. С. 43]; «просторный, широкий» и т.д.

По-видимому, на ранних этапах развития тюркской лексики произошла контаминация значений древней основы **ja-** (**jaγ-** / **jad-**) «идти, падать (об осадках), лить (о дожде)» с **ja-** (**jaj-** / **jad-**) со значением «простор, ширь», и в результате образовался глагол **jaj-** / **jaγ-** / **jad-** – «разливаться (о воде, реке) вширь на большое пространство».

Таким образом, можно привести следующую словообразовательную схему: **ja-** (**jaγ-**) «идти, падать (об осадках), лить (о дожде)» + **ja-** (**jaj-** / **jad-**) «простор, ширь» = **jaj-** / **jaγ-** / **jad-** – «разливаться (о воде, реке) на обширное пространство» → *чайык* (алт.) – «наводнение, потоп», *чайыг / чайын* – «разлив, половодье», *чайых* (хак.) – «разлив (реки)», *жайкын* (алт.) – «наледь, разлив реки».

В ойротско-русском словаре, составленном Н.А. Баскаковым и Т.М. Тоцаковой, кроме

жайкын – «1. разлив реки; 2. наплыв воды на лёд при зимних разливах; наледь; 3. вода» и **жайык** – «1. наводнение, поток; 2. великий потоп» [ОРС, 2005. С. 42-43], находим **ташкын** – «наводнение», **ташкында-** – «выходить из берегов, переливаться через край» [Там же. С. 144]. Употребление слова **ташкын** в современном алтайском языке мы не встречали. В «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка», составленного В.И. Вербицким, **ташкын** – «разлив воды (весной)», **ташкын сулу** – «наводнение, разлив реки», **таш** (к.), (в-б.) – «прибыть, прибавиться; распространяться, расширяться». **Су ташты** – «река разлилась» [СААНТЯ, 2005. С. 341–342]. Судя по обозначениям В.И. Вербицкого, слово **ташкын** использовалось в речи кумандинцев. Лексема **ташкын** в различных фонетических вариантах присутствует в других тюркских языках: в хакасском языке **тасхын** – «разлив,

половодье; наводнение» [ХРС, 2006. С. 602], в казахском языке **тасқын** – «наводнение», **тасу** – «выходить из берегов; выливаться через край» [Махмудов, Мусабаев, 2011. С. 369–370], в башкирском языке **ташкын** – 1. «поток»; 2. «потоп» [РБС, 2005. С. 139], в киргизском **ташкын** – «наводнение» [РКС, 2000. С. 378], в азербайджанском **дашгын** – 1) «разлив, наводнение, паводок, половодье», **дашмаг** – 1) «выходить из берегов, разливаться, переливаться через край» [АРС, 1941. С. 99], в турецком **taşkın** – 1. «разлившийся»; 2. «разлив, половодье»; **su taşkını** – «наводнение», **taş/mak (taşar)** 1) разлиться, выйти из берегов [Рыбальченко, 2004. С. 286]. Очевидно, **ташкын / ташкын / тасхын / тасқын / taşkın** в тюркских языках восходит к одной общей древнетюркской основе **taš-** со значением «переливаться через край; выходить из берегов, разливаться» [ДТС, 1969. С. 540].

Литература

АРС – Азербайджанско-русский словарь / Под ред. Г. Гусейнова. – Баку, 1941. – 381 с.

Гросвальд М. Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики. – М., 1999. – 120 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Зольников И.Д., Деев Е.В., Котлер С.А., Русанов Г.Г., Назаров Д.В. Новые результаты *osl*-датирования четвертичных отложений долины верхней Катунь (Горный Алтай) и прилегающей территории // Геология и геофизика. – 2016. – Т. 57. – № 6. – С. 1184–1197.

Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. – Алматы: «Өнер», 2011. – 568 с.

ОРС – Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тошакова. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – 316 с.

Рудой А. Ледниковые катастрофы в новейшей истории Земли // Природа. – 2000. – № 9. – С. 35–45.

Рыбальченко Т.Е. Турецко-русский и русско-турецкий словарь. – М., 2004. – 697 с.

РБС – Русско-башкирский словарь / Под ред. З.Г. Ураксина, Т.П. П-Я. – Уфа, 2005. – 680 с.

РКС – Русско-кыргызский словарь / Под ред. К.К. Юдахина. – Б.: «Шам», 2000. – 992 с.

СААНТЯ – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. В.И. Вербицкий. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – 496 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968. – 646 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / Под ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Перечень рассказчиков по нашим записям

Енчинов Т.В., с. Курай, 1937 г.р., запись сентября месяца 2017 г.

Малчинова Ч.А., 1934 г.р., запись 19 сентября 2005 г.

Ундулганова Л., 1926 г.р., с. Чаган-Узун, запись 8 сентября 2007 г.

**НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ
САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы VII Международной научной конференции,
посвященной Году хакасского языка и юбилейным датам
со дня рождения основоположников хакасского языкознания:
100-летию Д. Ф. Патачаковой и 90-летию М. И. Боргоякова
(23–24 сентября 2020 г.)

**PEOPLES AND CULTURES
OF THE SAVAN-ALTAI AND BORDERING TERRITORIES**

Proceedings of the 7th International Scientific Conference
dedicated to the Year of the Khakass language
and anniversaries from the birth of the founders of Khakass linguistics,
the 100th anniversary of D. F. Patachakova
and the 90th anniversary of M. I. Borgoyakov
(September, 23–24, 2020)

Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *Л. Г. Топоевой*
Дизайн обложки: *Г. В. Куштеев*

Подписано в печать 10.11.2020. Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 33,01.
Тираж 60 экз. Заказ № 336.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.